

Александр Владимирович Мазин

Спящий дракон

Дракон Конга – 1

История эта начинается с того, что в портовый город Фаранг приплывают четверо друзей из Северной империи. Трое мужчин, воинов-полководцев, прибывших инкогнито и без своих полков, и одна женщина, которая, собственно, и не женщина вовсе...

В этой четверке один из мужчин является искупительной жертвой, хотя и не знает об этом, другой наделен даром неуязвимости, а третий – принадлежит к Малому народу вагаров и ростом меньше трех локтей. Но из троих он – самый опасный.

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчут пыльный путь,
А завтра топчут нас!

Глотни, солдат, вкус у вина
Всегда, солдат, хорош.
А кровь тем больше солона,

Чем больше ее льешь.

Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!

У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
Чтоб руки — при тебе!

Придут другие времена,
А ты, солдат,— живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!

Вино, солдат,— жена и брат:
Глотни — и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Конгская песня

ПРОЛОГ

Стылая вода с шипением сбегала вдоль черных бортов дракена. Холодное северное солнце, почти касавшееся алмазных пиков Ледяных гор, било в глаза кормчему Мёльни, отчего глаза его совсем спрятались в морщинах выдубленного морской солью лица. Мёльни был вагар из народа вагаров Севера. Выпрямившись во весь рост, он макушкой не достал бы и до середины груди обычного человека. Но храбрость вагаров не уступала высотой Ледяным горам.

По правому борту дракена сияли белизной Ледяные горы, слева ветер морщил седую шкуру Имирова моря. Дракен «Ловец» возвращался в Гард.

В этот сезон удача глядела мимо желтого паруса «Ловца». Два крохотных бивня, из которых даже сносных кинжалов не выточишь, да еще один, чуть побольше, застрявший в днище,— из-за него Мёльни приходилось все время закладывать кормило вправо. Три месяца в море — и почти ничего. А все потому, что старший Олафсон надумал жениться и остался на берегу. А брат его... всем бы хорош, но нет у парня магического дара чують хармшарка за дюжину полетов стрелы.

— Коль,— позвал Мёльни своего помощника,— забрось приманку.

Помощник кормчего, на три четверти — вагар, на четверть — рус, а потому на голову выше Мёльни, сидел на скамье у правого борта и алмазной пастой счищал наплывы с маленького, не длиннее ладони, хармшаркова бивня. Чтобы выточить из бивня кинжал, потребуется полгода упорного труда. Только алмазу уступает твердостью бивень северной акулы. Зато никакое металлическое оружие, даже знаменитый узорный клинок, даже работы

самих вагаров, не сравнится с белым узким лезвием из бивня хармшарка.

Коль бережно завернул поделку в кожу (из почтения, а не из предосторожности: бивень не боится ни солнца, ни соленой воды) и поднялся.

Выбрав из утреннего улова рыбу покрупнее, он вспорол ее ударом ножа, вложил в сетку и, раскрутив, метнул за корму через голову кормчего.

Брызги рыбьей крови упали на щеку Мёльни.

– Чтоб тебя крабы сожрали, Коль! – выругался кормчий.

Помощник добродушно захохотал. Кормчий, не выдержав, тоже усмехнулся. Эти двое подходили друг другу, как левая и правая рука. И вся команда «Ловца», одиннадцать вагаров, собранных Мёльни едва ли не со всего побережья Имирова моря, – словно один большой кулак. Иначе в их промысле не бывает.

– Олафсон, на мачту! – скомандовал Коль.

Иной раз хармшарк, чуя кровь, всплывает к поверхности. Тогда острый плавник видно издалека.

– Ульф, багор!

Названный вагар подхватил палку с медным наконечником и поспешил на корму. Команда «Ловца» оживилась. Три месяца – почти впустую, но Морская богиня – женщина. А значит, капризна. И вполне способна одарить именно в двойном переходе от дома.

О том, что «подарок» Богини для любого из них может обернуться смертью, вагары не думали.

Коль стравил трос с приманкой, закрепил его и, выпрямившись, стянул меховую куртку.

– Жара, – сказал он.

От плеч и ниже кожа помощника кормчего была белая как молоко. На спине – огромный шрам: неровное пятно шириной в две ладони. Хармшарк погладил.

Время шло. Бледное солнце Севера неподвижно висело над горами. Попутный ветер выгибал парус. Младший Олафсон раскачивался на мачте. Сторож Ульф время от времени бил багром – отгонял от наживки мелких хищников. Мёльни держал кормило. Помощник Коль дремал, подставив солнцу тощий живот.

Мёльни положил руль правее: прямо по курсу поднялась из воды рыхлая спина льдины. Достаточно далеко, чтобы успеть уклониться, но кормчему вдруг стало беспокойно. Так бывает под землей, когда тело горы грозит шевельнуться и обрушить потолок тоннеля. Большеголовый Ульф зажал под мышкой багор и посмотрел на небо. Любого вагар чувствует близкую опасность. Иные не выживут в горных пещерах. Слепая беспечность хуже, чем ночная слепота. Но сейчас не каменный потолок над ними, а пустой небесный свод. Ни облаков, ни живой твари. Крыланы-рыболовы держатся поближе к берегу, а драконы предпочитают моря более теплые, чем Имирово.

Коль проснулся и поглядел назад, как раз когда зубан пристроился тяпнуть наживку.

– Ульф! – рявкнул он. – Чего сопли жуешь?

Вагар поспешно перехватил багор и ткнул зубана в полосатый бок. Рыба метнулась в сторону, но осталась поблизости.

– Вот нахальная тварь, – пробормотал Ульф. – Коль, влепи в него болт.

– Угу, – усмехнулся помощник кормчего. – А жрать зубана ты будешь?

Ульф промолчал.

Коль щелкнул пальцами и выдохнул магический шарик. Забавлялся. Единственное колдовство, на какое он способен. Днем от шарика проку – ноль. Его и не видно почти. Зато видно, что Колю скучно. Он бы снова взялся за бивень, но вдруг – хармшарк?

И тут, словно услышав его мысли...

– Идет! – истошно завопил младший Олафсон, и команда «Ловца» встрепенулась. Трое бросились приспускать парус, четверо – готовить кожаные лодки-кайки. Коль с двумя помощниками мигом собрал малую катапульту и установил на корме.

Один только Мёльни не сдвинулся с места.

– Идет! Ого-го! – орал сверху Олафсон. – Огромный!

– Слазь! – гаркнул Коль, закладывая руль вправо.

Команда разобралась по местам. Все напряженно глядели назад.

– Вижу, – вдруг сказал Коль. – Верно, малый, нам повезло. Здоровенный акулан!

Голос его звучал напряженно. Даже небольшой хармшарк – страшный противник, а уж этот...

Теперь плавник видели все. Черный узкий серп и белые расходящиеся усы пены. Хармшарк учуял кровь и теперь шел втрое быстрее, чем турецкая галера. И, стало быть, вшестеро быстрее, чем дракен при попутном ветре.

Коль громко сглотнул слюну. Он боялся. Мёльни знал, что его помощник боится, но знал он и то, что Коль сильнее своего страха. Три четверти вагара против человеческой четвертушки.

Хармшарк нагонял, стремительный, как морской демон. Длинное черное тело, бивень длиной с половину весла. У самой кормы дракена он изогнулся, огромная пасть смахнула наживку – как не было. Плавник лег вправо, а сам господин Имирова моря прошел мимо дракена. Волна звонко шлепнула в борт.

– Бонг! – спущенная катапульта метнула тяжелую стрелу с широким, как ладонь, наконечником.

Все услышали, как снаряд ударил в толстую шкуру хармшарка.

– Там! – удовлетворенно произнес Коль. – В самую...

Громовой удар заглушил его слова. В полусотне локтей от дракена хармшарк в ярости выметнулся из воды. Брюхо у него было белое, в продольных складках.

– Манки – на воду! – скомандовал Мёльни.

Вагары подхватили легкие лодочки – в каждой уже сидел, сжимая двойное весло, вагар-гребец – и швырнули их через борта дракена. Манки, мгновенно восстановив равновесие, прыгнули навстречу развернувшемуся хармшарку. Раненый хищник крушит все, что попадает на пути. Дракену от него не увернуться, маленькой кайке – легче.

Хармшарк неистовствовал. Бивень его, вырываясь из воды, рассекал воздух, словно гигантский меч, изогнутый хвостовой плавник рвал воду. Господин Имирова моря был втрое длинней каждой из каек. И вдесятеро быстрее. Но манки вертелись совсем близко и, когда хармшарк бросался на одного – другие тут же оказывались рядом, едва не касаясь бортами черной, усеянной крохотными шипами шкуры северной акулы.

Серповидный хвост хармшарка задел одну из каек, и лодочку подбросило на несколько локтей вверх.

Коль выругался. Манок упал боком. Два других тут же возникли на пути акулы. Отвлекли.

– Поднялся, – помощник кормчего облегченно вздохнул.

Потопить кайку трудно. Кожанный, затянутый вокруг пояса гребца фартук не пропускает воду. Но если манок теряет сознание, то кайка опрокидывается.

Коль разворачивал катапульти вслед за рыскающим хармшарком, выжидая. Дракен, направляемый умелой рукой Мёльни, обходил акулу по большой дуге.

– Банг!

Улучив момент, Коль выпустил вторую стрелу. С добрых сорока локтей он ухитрился попасть в голову мечущегося хармшарка.

Семеро вагаров одобрительно прищелкнули языками.

Но до конца смертельной охоты еще далеко. Двумя стрелами такую громадину не убьешь.

От новой боли хармшарк выметнулся из воды – и, падая, задел одну из лодок. Кайку перевернуло и бросило прямо под удар бивня.

Ключья разорванной кожи, изогнувшееся человеческое тело – совсем маленькое рядом с господином Имирова моря, – огромный хвост вспахивает воду, черный плавник ложится вправо – и манка больше нет.

– Прими его, Морская богиня, – шепчет Мёльни.

– Банг! – Третья стрела входит в спину хармшарка у самого плавника. Коль свирепо щерится. Его ярость – ярость человека, а не вагара. Но стреляет он – как вагар. С раскачивающегося на волнах дракена за сотню локтей человек и в мертвого хармшарка не попадет.

Крохотные лодочки пляшут вокруг северной акулы. Гибель манка – обычное дело.

Коль раздувает ноздри. Четвертая стрела наготове. На отполированном наконечнике из белого бивня (мертвый хармшарк – против живого) блестят капли воды. Коль знает, куда пошлет четвертую стрелу. И знает, как трудно будет попасть. Но он попадет. Если Коль промахнется, хищник возьмет жизнь еще одного манка. Затем, намного быстрее – двух оставшихся. И настанет очередь дракена.

Вдруг хармшарк исчез. Серая вода, клочья пены и три приплясывающие кайки. Команда «Ловца» замерла в напряжении. Хармшарк нырнул. Но северная акула никогда не отказывается от мести.

Вагары сдерживают дыхание: в любой миг дракен может содрогнуться от страшного удара, пропитанные смолой толстые доски днища лопнут с оглушительным треском, палубный настил вспухнет, как нарыв, прорвется, и из дыры выпрыгнет белый сверкающий бивень. А потом, брошенный набок чудовищной силой господина Имирова моря, дракен «Ловец» канет в ледяные объятья великого Имира...

Маленькая кайка взмыла вверх, вспоротая, насаженная на исполинский живой меч, а следом из вскипевшей воды вырвалось длинное черное блестящее тело.

Выбросилось целиком, выше мачты дракена, зависло на мгновение – и с грохотом рухнуло вниз.

Первая волна отшвырнула дракен на две дюжины локтей (только мастерство Мёльни не позволило судну опрокинуться), вторая, намного слабей, лишь встряхнула и укатилась дальше. Вагары, мокрые с ног до головы, вцепились в борта, переводя дух.

Два уцелевших манка вертелись вокруг гиганта. Их учили слетать вниз по яростным горным рекам, учили оставаться в живых, падая вместе с ревущей водой между каменных клыков, почти так же опасных, как белый бивень северной акулы. Двое были в порядке, третий – жив. Бивень не задел его, и теперь он вплавь спешил к дракену. Две сотни ударов спокойного сердца – и любого, вагара или человека, скрутит и утянет вниз ледяная вода.

Мёльни переложил руль, разворачивая дракен навстречу плывущему. Приближаться к хармшарку опасно, но двое оставшихся манков – не защита.

«С близкого расстояния Коль ударит вернее», – подумал кормчий.

И эхом отозвавшись на его мысль, Коль крикнул:

– Тоди, гарпун!

Кормчий быстро взглянул на своего помощника, и тот, поймав взгляд, ухмыльнулся.

Дракен поравнялся с пловцом, и руки перевесившихся через борт вагаров выдернули товарища из воды.

Коль выстрелил в тот миг, когда пронзенная кайка взлетела вверх. Огромное тело акулы стремительно вздымалось над водой, но стрела летела быстрее. И попала именно туда, куда послал ее стрелок. Только вагар способен на такое.

Дракен шел прямо на бьющегося хармшарка, но хищник больше не нападал. Черное тело выгнулось, и Мёльни на миг увидел стрелу, пробившую насквозь тонкий, не шире туловища вагара, стебель хвоста. И засмеялся.

Дракен подошел вплотную к умирающему хармшарку. Тот из последних сил попытался нанести удар. Но уже не смог. Коль выстрелил в упор. Стрела (на этот раз со стальным

зазубренным наконечником) на три ладони вошла в черную спину. Господин Имирова моря начал медленно погружаться. Мертвый хармшарк тонет, уходит вниз, чтобы служить своему богу. Если вагар не позаботится о своей добыче.

Два моряка прыгнули за борт, в ледяную воду, быстро подвели петлю под брюхо акулы и еще быстрее взобрались обратно на дракен.

– Коль, – громко произнес Мёльни. – Я утраиваю твою долю!

Команда «Ловца» поддержала его дружным рыком.

– Младший, – сказал кормчий Олафсону. – Доставай бочонок. Мы заработали!

Мертвый хармшарк, принайтованный к борту, покачивался на волнах. Каждый из моряков стал богаче на шесть полных горстей золота. Если не больше. О Снайги Эйриксоне, отошедшем в Нижний мир, не вспоминали. О нем вспомнят на берегу, когда будут делить добычу. Семье Снайги отойдет двойная доля, и Мёльни лично вручит золото вдове. Таков обычай.

До Гарда «Ловец» добирался полных четверо суток. Из-за хармшарковой туши дракен терял половину хода. Не будь «Ловец» так близко от дома, Мёльни пристал бы к берегу и разделал добычу, взяв лишь драгоценный бивень и шкуру, которая тоже стоит немалых денег. Но какое искушение показать гиганта-хармшарка целиком! Да еще со стрелой в хвостовом стебле! О таком в пору песнь слагать.

Скалы раздвинулись, открыв узкое горло фиорда. Мёльни отобрал кормило у Ульфа, сел править сам. Не то чтоб Ульф был способен посадить дракен на скалу (фарватер любой из моряков знал отлично), но именно кормчему подобает ввести судно в порт.

Гардский фиорд – длинный. Пока шли – встретили четыре корабля. Военный из северной эскадры, двух купцов и вагарский дракен, такой же охотник, как «Ловец». Команда Мёльни сияла: на встречных судах у ближнего борта собиралась толпа: глазели на хармшарка. То ли еще будет, когда «Ловец» войдет в порт...

И тут знакомое тревожное предчувствие вновь охватило Мёльни. Он невольно взглянул вверх. Там, однако, было небо, а не каменный потолок. А скалы фиорда стояли незыблемо. Рядом беспокойно задвигался Ульф. Любой вагар чует гнев Потрясателя Тверди, бога Земель и Вод. Чует задолго до толчка и успевает покинуть опасное место. Но сейчас было что-то другое. И откуда грозила опасность, Мёльни определить не мог. Поэтому он просто продолжал вести дракен в глубь фиорда.

Вряд ли Мёльни успел бы что-то сделать, даже если бы знал заранее, что грозит «Ловцу». Стены фиорда отвесны, ни человеку, ни вагару не взобраться на них за несколько мгновений. А большего у них и не было.

Гигантская волна накатилась с моря, яростно ударила по скалистому берегу, захлестнула его, накрыв целиком отвесный клиф в четверть мили высотой, – и отхлынула. Только в одном месте вода нашла брешь – и устремилась по ней со скоростью пикирующего дракона.

Мёльни услышал чудовищный грохот, оглянулся и через мгновение увидел вздувшийся вровень со скалами водяной таран, летящий на него.

«Все-таки Потрясатель», – успел подумать кормчий.

И ошибся. Но это уже не имело значения.

Книга первая Фаранг

I

«...Однажды некий муж и сын его, недавно достигший совершеннолетия, беседовали у ступеней своего дома.

– Скажи, отец, – промолвил юноша, – зачем здесь этот колокол?
 – Он – мой друг, – отвечал мужчина. – Трижды прошли мы с ним пенное море Зур. Ему ведомо все.
 – О! – удивился юноша. – Позволь, спрошу я: эй, скажи, бронзовобокий, кто дал нам жизнь?
 – Конг! – отвечал колокол. – Конг!
 – Да? Ладно. А кто даст мне то, чего я жажду?
 – Конг! – отвечал колокол.
 – Любовь! Он имеет в виду любовь! – вмешался старший. – Назови ему имя!
 – Конг! – отвечал колокол.
 – Вздор! – воскликнул юноша. – Разве это имя женщины? Отец, ты знаешь: ничего нет сильнее любви!
 – За-кон! – отвечал колокол.
 – Ты врешь! – вскричал юноша. – Я – воин! Я выбрал! Вот, я начинаю путь! Правый путь! Кто остановит меня?
 – Конг! – отвечал колокол.
 Засмеялся юноша:
 – Спасибо, отец, я понял! Последний вопрос! Завтра наш корабль уходит в море Зур. Где он бросит якорь?
 – Конг! – отвечал колокол.
 – Прости, отец: я смеюсь! Вот славная шутка! Что ни спроси, ответ всегда один – слово без смысла. Конг! Конг!.. Но отчего ты не смеешься, отец?
 – Шутка! – сказал старший. – Добрая шутка! Трижды прошли мы с ним море Зур. Но с тобой – лишь однажды, сын. Конг – твоя родина».

Притча о корабельном колоколе

Начальник Гавани Шинон, прозванный Отважным еще с тех времен, когда стоял на мостике боевого корабля, в это утро проснулся рано. Он всегда просыпался рано, потому что ценил эти утренние часы, когда зной еще не растекся по улицам и площадям славного города Фаранга. Лето тысяча одиннадцатого года по летосчислению Империи, которым по привычке пользовались в Конге даже после отделения его от северного доминиона. Обычное жаркое лето Благословенного Конга.

Начальник Гавани поднялся с просторного ложа, откинул шелковую кисею и вышел на террасу.

Красаец-город раскинулся по обоим берегам широкой, одетой в утреннюю дымку реки. Центр еще спал, но на окраинах, там, где в синеве и зелени листьев теснились домики простолюдин, зоркий глаз бывшего капитана уловил движение. Что ж, простолюдин и должен вставать с восходом.

Мягко ступая по тростниковым матам, Шинон вернулся в опочивальню и ударил в гонг. Затем вышел в соседнюю комнату, к бассейну.

Погрузившись в теплую душистую воду, Начальник Гавани вытянулся, положил подбородок на опору лежака и задумался. Шинону приснился плохой сон. Над этим следовало поразмыслить.

Нагая девочка-массажистка, разбуженная, может быть, минуту назад, вошла в бассейн, заплетая на ходу отливающие зеленой медью волосы. Крепив их узлом на затылке, девочка бесшумно опустилась в воду. Тонкие пальчики принялись разминать шею Начальника Гавани.

Шорох тростникового занавеса заставил Шинона поднять голову.

– Прошу меня извинить, доблестный, – произнес вошедший, молодой сотник Береговой Стражи. – Гонец из Минга. Полная эскадра Северной Империи прошла сторожевые форты и входит в залив. Форты огня не открывали.

Начальник Гавани охнул. Рывком поднявшись из воды, вспрыгнул на бортик бассейна.

Оскользнувшись на мокрых плитках, едва не упал – сотник успел поддержать его за локоть.

– Великий Бык! – рявкнул Шинон. – Большая эскадра? Сколько кораблей?

– Двадцать шесть больших боевых.

Девочка-массажистка, открыв рот, глазела на красавца-офицера.

– Двадцать шесть больших... полная эскадра... – пробормотал Начальник Гавани, соображая.

Понятно, почему форты сторожевых крепостей не стали открывать огня. Боевые корабли северян – это не пиратские парусники. И, как на зло, бо́льшая часть Фарангской эскадры ушла на юг.

Начальник Гавани с хрустом потянулся, сделал знак массажистке, чтобы подала накидку.

Что это? Дружеский визит? Или военный рейд? Ох, не зря ему привиделся дурной сон!

Начальник Гавани вышел на восточную террасу, кивком велел офицеру следовать за собой.

Точно. Двадцать шесть больших кораблей. Двадцать пять уже встали на якоря вне досягаемости крепостных башен.

Но один, великолепный трехмачтовик, сверкая белыми парусами, двигался к берегу. Вот он вошел в пределы досягаемости баллист левого бастиона. Шинон увидел, как засуетились крохотные фигурки, подтаскивая к орудиям снаряды с зажигательным зельем.

Четыре оставшихся в Гавани боевых корабля Фарангской эскадры подняли паруса и готовились отойти от причалов. Вчетвером они управились бы с приближающимся северянином. Но остальные двадцать пять...

Шинон прикинул: двадцать шесть больших кораблей. Это шесть-семь тысяч моряков-воинов, не считая судовых команд.

На пирсах уже стопилась пара сотен зевак. Еще бы, не каждый день большая эскадра Империи входит в залив!

Флагман приблизился настолько, что стало видно: порты катапульт на выпуклых бортах имперца задраены. Шинон облегченно вздохнул. И все же окончательно он успокоился, лишь когда корабль северян выбросил гостевой сигнал.

Не то чтобы Шинон Отважный боялся драки... Однако война с Северной Империей – вовсе не та драка, о которой он мечтал.

За спиной Начальника Гавани возбужденно переговаривались слуги. Шинон обернулся, нахмурился... Бассейная тут же опустела. Остались только домоправитель и молодой сотник.

– Скорохода ко мне, кисть, бумагу! – скомандовал Шинон, и домоправитель тоже исчез.

– Иди вниз, передай: кораблям – ждать, фортам – готовность! – приказал Начальник Гавани сотнику.

Появился домоправитель с кистью и бумагой. И заспанный скороход.

Начальник Гавани набросал послание, прижал печать личного перстня к мягкой смоле на краю листа.

– Во дворец, – приказал он.

Вернулся сотник.

– Выполнено, – доложил он. – Вы разрешите им высадку, доблестный?

Начальник Гавани посмотрел на него в упор, и молодой воин смущенно отвел глаза: солдат не задает вопросов.

Но Шинон, похоже, не сердился.

– Пока нет, – ответил он, усмехнувшись. – Пусть погреются на рейде. Дадим время писакам из канцелярии поменять штаны!

Молодой офицер засмеялся. Его отец, так же как и отец Шинона, был моряком. Когда-нибудь и у сотника в мочке уха заблестит золотая серьга братства Морской богини.

Скороход неторопливо трусил по широкой улице. Вчера он здорово перебрал и теперь

предпочел бы вздремнуть где-нибудь в тени, а не тащиться вверх по пыльной дороге. Но Шинон за такое шкуру спустит. К счастью, до дворца Наместника не так уж далеко.

Спустя четверть часа посланец добрался до высоких железных ворот, над которыми горел золотом Спящий Дракон Конга.

Стража беспрепятственно пропустила скорохода внутрь: знак профессии на лбу и печать Начальника Гавани заменяли пропуск. Скороход вошел в правое крыло дворца, где размещалась канцелярия. В служебной приемной недовольный чиновник с медным значком на рукаве принял у него свиток.

– Жди тут, – приказал чиновник, прежде чем удалиться.

Скороход только ухмыльнулся. Он знал здешние порядки. Едва сутулая спина в серой рубашке скрылась за занавесом, скороход преспокойно покинул приемную и отправился в харчевню для мелких служащих. На территории дворца можно вкусно и бесплатно позавтракать. Если сумеешь миновать стражу. По пути скороход выкупался в общем бассейне.

Когда через полчаса он вернулся в приемную, ответа еще не было. Скороход задремал.

Тычок в плечо разбудил его. Потный озабоченный чиновник, не тот, с медью на рукаве, а рангом повыше, вручил скороходу ответ. И даже потрудился, проводив до ворот, лично дать посланнику пинка, чтоб бежал бегом, а не тащился вразвалочку, как обычно.

Начальник Гавани пил кофе в своем кабинете на втором этаже фарангской таможни. Отсюда он мог видеть весь порт: склады, пирсы, сотни больших и малых судов, пеструю толпу у причалов, храм Владычицы морей и, конечно, корабли северян. Вот три «купца» без малейшей опаски миновали грозных имперцев. «Купцы» северянам доверяли. Не раз, должно быть, видели, как бросаются наутек пиратские галеры и шекки¹, когда сверкнет на горизонте снежный имперский парус.

Шинон успокоился. Кто хочет развязать войну, тот не станет покорно ждать на рейде.

Запыхавшийся скороход с поклоном вручил Начальнику Гавани опечатанный свиток. Шинон, не читая, бросил его на стол.

– Вели сигналить: «Разрешаю!» – приказал он офицеру.

Спустя четверть часа шестивесельная шлюпка отвалила от имперского корабля и, ловко сманеврировав между судами, причалила к пирсу. Матросы быстро и аккуратно выгрузили багаж. Последний тюк лег на доски причала раньше, чем сошел последний из пассажиров. Не теряя ни мгновения, шлюпка отошла и, так же ловко петляя между торговыми судами, вернулась обратно. Флагман имперцев принял ее на палубу, развернулся и присоединился к эскадре. Все двадцать шесть кораблей перестроились в походный порядок и вскоре исчезли в просторах пенного моря Зур.

* * *

Четверо пассажиров шлюпки, сопровождаемые носильщиками, двигались сквозь толпу к зданию таможни.

Первым шел огромный бледнокожий детина в сером трико и короткой зеленой куртке. Меч у него за спиной был в два раза шире и на четыре ладони длиннее обычного. И вполне подходил к росту в пять локтей² и могучей, как у тура, груди. Плоское, бесстрастное, с расплюснутым носом, лицо великана казалось маской каменного демона.

Шедший за бледнокожим был, напротив, изысканно красив. Герб на белоснежном камзоле свидетельствовал о принадлежности к высшей имперской аристократии.

¹ Шекка – небольшое быстроходное парусно-гребное судно.

² Локоть – 43—45 см.

Широкополая шляпа с берилловой пряжкой-брошью. Пышные брыжи, узкие, тисненой кожи туфли с золотыми застежками контрастировали с голыми телами конгаев-носильщиков. Аристократ шествовал, не обращая внимания на толпу, раздвигаемую плечами гиганта.

Третьей была женщина. Шелковое платье, серо-голубое, с закрывающими кисти рукавами, доходило ей до щиколоток. К огорчению зевак, лицо женщины скрывала вуаль.

Четвертый, маленький бородатый человечек, нес на спине мешок, из которого выглядывала любопытная мордочка пса-следопыта. Коротышка был одет в узкие штаны, короткий плащ и серую шапочку. Вооружение его составляли меч и арбалет. Последними рысили шестеро носильщиков.

Маленькая процессия вошла в здание таможни.

Не замедлив шага, северяне пересекли обширное помещение, полное ожидающих, и направились прямо к кабинету начальника сборов.

Тощий чиновник, сидевший подле двери за столом, привстал:

– Э-э-э...

Гигант походя опустил ладонь на его макушку и вдавил чиновника в стул.

Затем распахнул дверь и пропустил аристократа вперед. Все четверо вошли в «святая святых» Фарангского порта.

Носильщики, оставив багаж, тихо выскользнули из комнаты.

За обширным столом расположился жизнерадостный толстяк с серебряным шевроном на рукаве. В углу висела гора из разноцветных тюков и рулонов ткани. Багровый коротконогий купец из Гурама с ужасом глядел на двух таможенников, копошившихся в его имуществе. Время от времени один из конгаев выдергивал из развороченного тюка отрез подороже и демонстрировал толстяку. Благосклонный кивок – отрез откладывается в сторону. Нет – возвращается обратно в кучу.

Аристократа империи таможенник опознал мгновенно.

С изумительным для его комплекции проворством толстяк выскочил из-за стола и подставил благородному северянину собственное кресло. Гость с важностью опустился в него. Чуть раньше коротышка пододвинул стул женщине. Больше в кабинете сесть было не на что, и сам начальник таможни остался на ногах. Плосколицый детина расположился за спиной аристократа, коротышка – рядом с женщиной.

– Светлорожденный Эрд, сын Дина, наследник Асенаров, высочайший, владыка Мориты, Аснора и Элэка! – провозгласил великан.

– О! – почтительно произнес чиновник.

Прислужники у кучи тканей прекратили разбой и устали на северян.

– Нил! – процедил светлорожденный.

Великан извлек из кармана серебряную монету. Таможенник подхватил ее на лету. Чувствовалось: это движение он освоил в совершенстве.

– Мой господин желает получить открытую подорожную Конга, – прорычал великан. – Мы путешествуем.

Чиновник замялся. На щекастом лице его выразилась целая гамма чувств.

– Да не сочтет светлейший дерзостью... – забормотал он.

Золотой кругляш лег на гладкую поверхность стола.

Глаза толстяка алчно сверкнули.

– Вон! – бросил он прислужникам, и те покинули кабинет, прихватив с собой купца.

Чиновник извлек из ящика цветной бланк, быстро заполнил его почти неразборчивыми каракулями, прилепнул личной печатью-перстнем и вопросительно взглянул на светлорожденного.

Еще одна золотая монета легла на стол, и документ переключался в куртку Нила.

– Угодно ли высочайшему... – начал чиновник.

Но тут одна из резных панелей за его спиной бесшумно отодвинулась, и в комнату в сопровождении шести солдат вошел Начальник Фарангской Гавани.

Таможенник оглянулся, и лицо его перекошилось.

Начальник Гавани грозно посмотрел на аристократа.

Эрд взгляда его не удостоил.

– Что ты дал ему, жаба? – спросил Шинон чиновника.

Толстяк затрясся.

– Пропуск, только пропуск! – пролепетал он.

– Возьми назад!

Светлорожденный Эрд улыбнулся. На Начальника Гавани он по-прежнему не смотрел.

Шинон положил руку на эфес.

– Имею приказ, – прорычал он на языке империи. – Доставить вас во дворец Наместника Владыки Конга!

Солдаты шагнули вперед.

– Нил, – вяло произнес светлорожденный.

Рык, вырвавшийся из груди гиганта, оглушил конгаев. Одним рывком великан вырвал из столешницы толстенный кусок, расколол его ударом о собственную башку и швырнул обломки в отпрянувших солдат.

Коротышка у него за спиной сбросил со спины арбалет, с необычайным проворством наложил стрелу.

Эрд остался сидеть.

– Правильно ли я тебя понял? – осведомился он.

На конгаэне он, как и большинство имперских аристократов, говорил без малейшего акцента.

Начальник Гавани молча смотрел на аристократа. Пришедшие с ним солдаты также не рвались в бой: арбалетный болт с трех шагов прошибает навылет.

Стало слышно, как возится под развалинами стола толстяк-таможенник.

Какое-то время Эрд и Шинон глядели друг другу в зрачки, наконец Начальник Гавани слегка склонил голову.

Коротышка тут же опустил арбалет, и стражники с облегчением зашевелились.

– Прошу простить мою резкость, благородный господин, – произнес Начальник Гавани.

Эрд кивнул, принимая извинения.

– Могу я взглянуть на бумагу, которую дала тебе эта ничтожная тварь?

Эрд снова кивнул, и Нил протянул Шинону документ.

– Все в порядке, – сказал, прочитав, Начальник Гавани. – Не могу понять, почему этот слизняк так трясся.

– Что это? – заинтересованно спросил светлорожденный.

– Обычный пропуск в город.

Таможенник под столом всхлипнул.

Нил захохотал и выволок толстяка наружу.

– Подорожная? – спросил он и отвесил чиновнику оплеуху, едва не оторвавшую тому голову.

– Господин не возражает? – спросил Эрд у Начальника Гавани.

– Я еще не вошел.

Стражники захихикали.

Нил вывернул карманы толстяка, отобрал две золотые и одну серебряную монеты, а остальные деньги бросил в угол, на тюки с тканями. Туда же гигант швырнул и таможенника.

– Он что-нибудь обещал? – поинтересовался Шинон.

– Открытую подорожную.

– Он даст ее вам, – улыбнулся Начальник Гавани. – Обязательно даст. Когда станет Великим Анганом.

Чиновник жалобно стонал. Щека его распухла на глазах. Нил бросил на пол мелкую серебряную монету.

– Этого довольно? – спросил Эрд.

– Вполне,– кивнул Шинон.– Я пришло человека, он проводит вас в приличную гостиницу.

– Благодарю,– отозвался Эрд.– Мы еще встретимся.

– Это будет честью для меня,– бывший капитан выпрямился.– Я, Начальник Фарангской Гавани, Носитель Бронзового Дракона Шинон, приветствую тебя на земле Конга!

* * *

– Я пришел, господин!

– Тебе есть, что сказать?

– Да, госп один. Лишенные имен отправлены. Старший – на Юг, младший – как условлено.

– Надежен ли кормчий?

– Как я, господин!

– Плоть Безымянного! Красноглазый будет доволен!

– А ты, господин?

– И я. И ты, Хуран. Это – твое.

– Да живешь ты вечно, господин!

– Спасибо, Хуран. Ступай.

* * *

– Прекрасная страна! – произнес светлорожденный Эрд, положив в рот перламутровую виноградину.– Простолудин улыбается здесь чаще, чем на севере.

Четверо путешественников расположились на широкой террасе третьего этажа, в тени горшечных деревьев с сине-зеленой глянцевой листвой.

– Север тоже красив,– мягко сказала женщина.

Сейчас вуаль ее была откинута, и переливчатые, как жемчуг, глаза ласково смотрели на Эрда.

– О! – аристократ улыбнулся.– Позволь, благородная Этайа, мне, знающему запах битвы, судить о цене мира!

– Этайа права, светлейший,– вмешался маленький бородач.– Не ты ли едва не обнажил меч сегодня утром?

– Твоя правда, туринг,– согласился Эрд и взял еще одну виноградную гроздь.

– Не дразни меня, светлорожденный! – предупредил бородач.– Мое имя – Биорк, Биорк Эйриксон!

– Разве не турингом звал тебя мой батюшка? – спросил Эрд весело.– Разве это ложь, скажи, Нил?

Великан, сидевший, скрестив ноги, на циновке, повернул голову, посмотрел на аристократа из-под белесых бровей:

– Если ты хочешь задеть отца,– сказал он,– потренируйся сначала на мне.

– Не могу,– Эрд развлекался.– Телохраниителей и шутов обижать не полагается!

Нил отвернулся. Конгайская безрукавка на его торсе казалась кукольной.

– Не сердись,– проговорил Эрд примирительно.– Вот я, во власти твоего меча!

– Я не сержусь, светлорожденный,– ответил великан.– Но мне не нравится здесь. В империи мало знают о юге. Кое-кто считает, что Конг – все еще наша отколовшаяся провинция. Клянусь сердцем Быкоглавого, здесь неблагополучно. Я чую опасность. И отец мой чует. Не забывай: он – вагар.

– Я более склонен полагаться на чутье Ахмеса,– Эрд кивнул на свернувшегося клубком песика-следопыта.

Тут светлорожденный покривил душой: врожденным чутьем вагара мог пренебречь

только глупец.

– Сегодня мне представится возможность узнать побольше,– сказал Эрд.– У Наместника этого города.

– Я пойду с тобой,– заявил Нил.

– Нет,– возразил светлорожденный.– Ты не аристократ, а я не хочу, чтобы этот конгай подумал: я боюсь.

– Это чужая земля,– напомнил великан.– А я отвечаю за твою жизнь. Ты не должен идти один!

– А не будешь ли ты возражать, светлорожденный Эрд, если с тобой пойду я? – неожиданно предложила женщина.

– Почту за честь, светлорожденная Этайа,– не задумываясь, ответил Эрд.

– Ты удовлетворен, Нил Биоркит? – спросила женщина.

– Да.

Теплый воздух, густой, сладкий, обволакивал, как вода. Кроны горшечных деревьев смыкались над головами, укрывая людей от палящих лучей солнца. Иногда порыв ветра приносил дыхание реки, и тогда запах тины примешивался к приторному аромату цветов. Летающие ящерицы металлическими стрелками мелькали в листве. В белесом от зноя небе плыл, держа курс на запад, бронзовый дракон.

«Откуда здесь, на севере Конга, дракон с восточных гор?» – подумал Нил.

Рычание, донесшееся снизу, отвлекло его от этой мысли. Гостиница «Добрый приют» знавала лучшие времена, но до сих пор держала верховых пардов³ для заморских гостей.

Рычание разодравшихся пардов не ускользнуло от слуха Эрда.

– Нил,– заявил он,– я желаю совершить верховую прогулку!

– Слишком жарко,– лениво отозвался великан.

– Вздор! Я три недели не был в седле!

– Хорошо,– согласился белокожий гигант.

– Биорк?

– Нет. Я не любитель верховых прогулок.

– Ты, светлорожденная?

– Пожалуй, да.

– Этайа! – произнес укоризненно маленький бородач.

– Биорк! Довольно тебе беспокойства и без меня!

Женщина встала и пристегнула вуаль.

Северяне покинули террасу. Трое спустились вниз, а четвертый отправился поболтать с хозяином гостиницы.

Оседланные парды перебирали сухими ногами, порывая на удерживающих их слуг. Это были беговые животные, с короткими туловищами и маленькими круглыми головами. Эрд взял левой рукой за луку высокого седла. Пард мотнул головой и глухо зарычал. Светлорожденный швырнул ему в пасть кусочек вяленого мяса и ловко прыгнул в седло. Огромная кошка присела на задние ноги. Толстый полосатый хвост с такой силой стегнул слугу по ногам, что тот едва не упал. Эрд треснул парда кулаком по загривку и пристегнул к

³ Пард (парда) – верховое животное из породы кошачьих, размером с лошадь, но иначе сложенное. Существует множество различных пород пардов: северные, южные, боевые, беговые, горные. Породы различаются окрасом, сложением, длиной шерсти и, разумеется, рыночной стоимостью. Беговой пард скачет со скоростью почти сто километров в час. Но недолго. Более быстрый, чем лошадь, пард менее вынослив. Пард всеяден, но от мяса никогда не откажется. Как и большинство используемых людьми Мира животных, пард выведен не без помощи магии. Для верховой езды на падрах используется специальное седло с высокими луками, опорными пружинами и ремнем, крепящимся к поясу всадника. Как всякая кошка, пард способен к резким мощным прыжкам, во время которых усидеть на его спине непросто.

поясу седельный ремень.

Нил принял у слуги второго парда, подвел его к женщине и помог ей сесть в седло. Этот зверь не огрызнулся, а напротив, прошелся жестким языком по руке гиганта.

Вскочив на третьего, самого массивного, Нил бросил одному из слуг монету.

– На всех! – крикнул великан и, сжав коленями горячие мохнатые бока, послал зверя вперед, вслед за уже проехавшим ворота Эрдом.

Длинными прыжками парды мчались по широкой улице.

Всадники пересекли аристократическую часть Фаранга, миновали предместье и прилегающие к городу фруктовые сады и выехали на тракт.

Справа, сколько хватало глаз, тянулись возделанные поля, разделяемые полосками краснолиственных деревьев, в основном – могучих конгских платанов, и узкими каналами, заполненными мутной, почти неподвижной водой. Кое-где на полях виднелись коричневые спины работников. Но сейчас их было немного. Жарко.

Эрд, скакавший впереди, резко осадил парда. Путь ему преградила высокая, в два человеческих роста, деревянная решетка.

Рядом, сбросив на траву остроконечные шлемы, играли в кости три солдата.

Увидев всадников, один из солдат нехотя поднялся, не застегивая, нахлобучил на голову шлем и протянул руку:

– Подорожная!

Тяжело дышащий пард светлорожденного ляскнул зубами, но солдат был начеку и успел отдернуть руку раньше, чем клыки отхватили ему пальцы.

Нил соскочил наземь и протянул конгаю пропуск, полученный в порту.

Солдат глянул вскользь.

– Только в пределах Фаранга, – сказал он и рыгнул. – Поворачивай назад, чужеземец.

Лицо Эрда, не привыкшего к подобному обращению, потемнело от гнева. Он сжал коленями бока парда, и тот прыгнул вперед. Солдаты кинулись врассыпную, но не для того, чтобы спастись бегством. Подхватив лежащие на траве снаряженные арбалеты, они обратили их на всадников.

– Светлейший! – крикнул Нил по-хольдски, встав между Эрдом и стражниками. – Ради истинной цели!

Эрд подавил гнев. Но арбалеты стражников все еще были направлены на него.

– Ты оскорбил солдат Великого Ангана! – сурово сказал старший. – Ты ответишь!

– Серебряного «дракона» будет довольно? – примирительно предложил Нил.

– Каждому!

– Ты жаден, – с презрением уронил Эрд. – Не получишь ничего!

Он повернул парда и рысью поехал в сторону Фаранга. Нил и Этайа последовали за светлорожденным. Солдаты стрелять не посмели. Один бросил вслед грубое ругательство, но Эрд, разумеется, не обратил на это внимания. Собака лает...

Когда они вернулись в гостиницу, было уже три часа пополудни. Скоро начнет спадать жара.

Эрд ушел к себе и до вечера упражнялся с мечом, а Нил отправился поболтать с управляющим. Но ничего существенного, кроме разве что рыночных цен, он не узнал.

II

«В одном из селений на северном берегу Межземного моря жил старый охотник на акул. Женица его умерла. Сыновья плавали на белопарусных кораблях Империи. Никто не навещал старика. Даже смерть. Впрочем, каждое мгновение жизни прекрасно. Денег у старика было довольно, чтоб быть сытым. Маленькая лодочка с крепким парусом исправно скользила по синим волнам Межземного моря. И был он по-своему счастлив. Но однажды подул упрямый

южный ветер и пригнал к берегу двухмачтовую шекку. Три дюжины воинов с желтыми обветренными лицами сошли с нее на землю. Кривые мечи держали пришельцы в жестких ладонях. Взяли они воду, пищу, женщин, вино – все, что пожелали, взяли они, и никто не смел им противиться. Сказать по правде, не были желтолицые чрезмерно жестокими – убили только троих.

Прошло три недели.

Каждый вечер мужчины селения сходились на тайное сборище, но договориться между собой не могли. Одни предлагали рискнуть и послать за помощью в ближайший город, другие – ждать: должны же пришельцы когда-нибудь уйти. Никто не предлагал самим изгнать их. Год за годом, три сотни лет лучшие, отважнейшие уходили из селения. Кто-то обрел власть и славу, кто-то – холодные сны Нижнего мира. Назад не пришел никто. Мужество уходило из селения.

– Мужество покинуло нас! – так сказал старик охотник. – Пришли другие оплодотворять наших женщин!

– Что предлагаешь ты, старик? – спросили одни.

– Ты сам скоро умрешь, конечно, ты не боишься! – сказали другие.

– Боюсь, как не бояться! Разве я воин, чтоб искать смерть? – отвечал старик. – Но помните, было сказано:

Если придет к тебе враг – собери сыновей своих и извергни его!

Если нет с тобой сыновей – возьми острый меч свой и извергни его!

Если нет у тебя меча – собери всю силу свою и извергни его!

Если и силы нет у тебя – собери тогда мужество свое – извергни его!

Если и этого у тебя нет, не враг к тебе пришел – наставник!

Покорись!

Встал старик и пошел к желтолицым, шутил с ними, пил их вино. И полюбили они его. Миновало еще пять недель, подул хороший северный ветер. Собрали пришельцы свою добычу, лучшее, что было в селении: женщин, деньги, вино. И старика. Погрузили на корабль и уплыли. Селение же осталось. И стояло еще две сотни лет. И две сотни лет уходили из него отважнейшие. А потом вновь подул влажный южный ветер...»

Из «Вечерних историй Данся»

Часть дворца Наместника, предназначенная для торжественных приемов, существенно отличалась от крыла, где располагалась канцелярия и обитал весь штат чиновников, заправлявших жизнью Фаранга. Обширный ухоженный парк, маленькие беседки под тенистыми деревьями, чистые водоемы, фонтаны, питаемые от городского акведука, мраморные статуи и удобные скамьи, на которых можно вздремнуть или выпить вина, поданного почтительным слугой.

На взгляд светлорожденного Эрда, и парк, и дворец свидетельствовали о вульгарном вкусе хозяина. Архитектурные изыски не могли скрыть отсутствия гармонии.

Светлорожденные Эрд и Этайа не менее получаса прогуливались по мраморным дорожкам между фигурно стриженными кустами. До тех пор, пока не начало темнеть. Тогда слуги зажгли светильники, двери над широкой лестницей распахнулись, и гости, около полусотни представителей высших сословий Фаранга, были допущены внутрь.

Наместник, подвижный старик в традиционной форме чиновника (единственное украшение – золотая цепь, на которой висел медальон с серебряным Спящим драконом на крышке), ответил на приветствия гостей общим поклоном и сразу же направился к

северянам.

Наместник был совершенно лыс (редкость для конгая), обладал сильным проникновенным голосом и рыбьими белесыми глазами. Посетовав, что аристократия Северной Империи в последнее время редко посещает Конг, Наместник осведомился о цели визита.

– Мы путешествуем, – коротко ответил Эрд.

– Вот как? Разве Империя все еще интересуется Благословенным Конгом?

На языке Империи конгай изъяснялся ничуть не хуже, чем на родном.

– Даже если и так, – сказал светлорожденный с достоинством, – Наследник Асенаров не может быть шпионом. Это оскорбление чести!

– О нет! – запротестовал Наместник. – Разве я посмел бы намекнуть на что-то подобное высшему аристократу Империи? Но Великий Анган...

Тут он многозначительно замолчал.

Эрду первый человек Фаранга показался ничтожеством. Вот Начальник Гавани выглядел настоящим воином! А этот – просто слизняк. Но ведь и на родине светлорожденного, как ни прискорбно, к власти приходит все больше и больше торгашей и болтунов. Пусть слизняк даст им открытую подорожную – и Эрду больше не придется иметь с ним дела.

– Светлейший познакомит меня со своей спутницей?

– Что? – переспросил задумавшийся Эрд.

– Светлейший представит меня своей даме?

– Да, безусловно.

Пока они беседовали, Этайа отошла в сторону, и вокруг нее сразу же образовался кружок из молодых конгаев. Трое офицеров Береговой Стражи, пара чиновников, молодой сотник из Фарангского гарнизона, старший жрец Быкоглавого...

Вуаль и закрытое платье Этайи так же контрастировали с почти обнаженными телами конгаек, как белый костюм Эрда – с шортами и рубашками конгских чиновников.

Эрд и Наместник приблизились, и группа, окружавшая северянку, тут же рассеялась.

– Благородная Этайа, – представил свою спутницу Эрд.

– Алан, Наместник Великого Ангана в Фаранге! – отрекомендовался конгай.

Ростом он был на ладонь ниже Этайи.

– Могу я предложить светлейшей глоток вина из розового фарангского винограда? – осведомился Наместник. – Или благородная Этайа предпочитает другой сорт?

– Я бы выпила немного лимонного сока, – ответила женщина.

– Все, что у меня есть, – к твоим услугам! – проворковал Наместник.

Свет масляной люстры-шара отражался от его коричневой лысины. Ноздри подрагивали, словно он принюхивался.

Эрд посмотрел в окно на подсвеченный сад и увидел двух стражников, шагающих по мраморной дорожке.

Слуга принес два узких серебряных бокала с вином и хрустальную чашу с золотистым соком – для Этайи.

– Да не сочтет меня неучтивым благородная гостья, – произнес Наместник, заметив, что Эрд отвернулся, – но долг повелевает мне взглянуть на твое лицо.

Женщина молча расстегнула брошь, удерживающую вуаль. Наместник впился взглядом в лицо светлорожденной... и даже всхлипнул от восхищения.

Изящным движением затянутой в шелк руки Этайа вернула вуаль на место.

– Почтенный Наместник понимает, что я совершила это жест лишь в знак расположения к обычаям Конга? – спросила она.

– О да, безусловно! И прошу тебя, не открывай более своего лица. У нас в Конге любовь властвует надо всем! – Голос Наместника стал приторно-сладким. – Я потрясен и очарован!

– Благородная Этайа вольна в своих действиях! – жестко произнес Эрд.

Наместник кивнул, соглашаясь. Но взгляд его, обращенный на гостью, был полон вождения.

– Слышал я, что светлейший желал бы получить открытую подорожную Конга? – проговорил Наместник, с усилием переводя взгляд на Эрда.

– Да, это так, – ответил светлорожденный.

– Мы могли бы побеседовать об этом и о многом другом, – Наместник сглотнул слюну, – если светлейший придет ко мне попозже, когда мои слуги, – кивок в сторону гостей, – оставят меня. В этот сезон ночь не располагает ко сну, не так ли?

Эрд нахмурился. Ему не нравилось, как лысый конгай глядит на его спутницу. Но поскольку приглашение касалось только самого светлорожденного...

– Я приду, – лаконично сказал Эрд.

– Тогда, светлейший, я жду тебя во второй час полуночной стражи. Но... Ты не обратил внимания, что ни у кого здесь нет оружия?

– Мой меч – знак моего рода и положения, – холодно произнес Эрд. – Так же, как и это!

Он коснулся герба на своей груди: серебряной чаши на фиолетовом фоне.

– Ничья рука, кроме потомка рода Асенаров, не должна прикасаться к моему мечу. Если ты опасаясь...

– Я ничего не опасуюсь, – перебил Наместник. – Мой собственный маг, Срезающий Плоды, оберегает меня от злых умыслов и предательства. Но, – Наместник поднял желтый палец, – у нас в Конге кровь у людей вскипает от южного солнца, и потому дерзость порой опережает повиновение. Ты не конгай, поэтому твой меч останется при тебе. Но наше солнце одинаково горячо для всех. Помни об этом, светлорожденный Эрд! Жду тебя во второй час пополуночи.

* * *

Эрд пришел, и пришел один. Нил с пардами остался по ту сторону ворот. Впрочем, с Эрдом его меч. Меч Наследника Асенаров, чей клинок выточен мастерами-вагарами из бивня хармшарка. Меч, с которым не сравнится ни один клинок из металла.

Начальник ночной стражи, жилистый угрюмый конгай со значком сотника на рукаве, проводил Эрда к левому крылу дворца и передал двум слугам. Первая половина ночи уже миновала. Светильники в парке погасли. Лишь звезды да серебряная луна озаряли кроны деревьев и искусно подстриженные кусты.

Неслышно ступая босыми ногами, один – впереди, второй – сзади, безмолвные слуги провели Эрда анфиладами темных залов в небольшую комнату с желтыми панелями. Там ждал светлорожденного Наместник Алан.

Старик склонился над превосходно выполненным рельефом Черного материка и сделал вид, что не сразу заметил вошедшего Эрда. Зато два огромных боевых пса повернули к светлорожденному черные брыластые морды и предупреждающе оскалились.

Сквозь окно в комнату текли густые запахи цветов и тихие шорохи ночи.

Наместник поднял голову.

– Если бы не мой долг перед Великим Анганом, – сказал он, – я бы отправился с тобой, светлейший. Путешествовать – это прекрасно. Покажи, куда бы ты желал направиться?

Эрд наклонился над рельефом.

– Вверх по вашей реке Фуа⁴, – сказал он, – затем вот сюда, на запад и через перевал – к границе Урнгура. А там... – светлорожденный помедлил, показывать было нечего: никому в цивилизованных странах не известно, что лежит за Закатными горами. – Попробую достичь Шугра, столицы этой неведомой страны.

⁴ Фуа – вторая по величине река Конга, берущая начало в Закатных горах (Западная граница Конга) и впадающая в Фарангский залив.

– Урнгур? – изумился Наместник. – Смело! Не будь ты столь благороден, я сказал бы – глупо!

Наклонив голову к плечу, конгай испытующе поглядел на северянина:

– Зачем тебе нужен Урнгур, светлейший Эрд?

– Моего желания довольно! – надменно ответил аристократ. – Никто из подданных моего императора не преступал границ Урнгура. Это вызов моей чести. И я это сделаю!

– Сказано неплохо, – пробормотал Наместник, словно бы разговаривая сам с собой. – Но убедит ли Великого Ангана? И убедит ли врагов светлейшего?

– У меня нет врагов в Конге! – возразил Эрд.

– Вот тут ты ошибаешься, благородный господин! – с удовольствием произнес Наместник. – Конечно, у Конга с Северной Империей мир. Но только глупец станет утверждать, что мы – друзья. У тебя множество врагов, светлорожденный. И первый из них – отважный Шинон, Начальник Гавани.

– Шинон? – удивился Эрд.

– Ты оскорбил его. Заставил признать свое превосходство. Если он не велел изрубить тебя на куски, то лишь потому, что яё приказал пригласить тебя ко мне. Пригласить! Без принуждения! Шинон – сильный враг. Особенно для того, у кого нет покровителей в благословенном Конге. Учти, эскадра твоего дяди далеко! (Эрд приподнял бровь.) А солдаты Шинона повинуются ему беспрекословно. Начальник Гавани – неважный политик, но отличный командир. Кстати, и о твоей, хм... прогулке мне тоже доложено. Учти, светлейший: в Конге ты не могущественный аристократ, а всего лишь чужеземец.

– Угроза?

– Отнюдь. Ты же мой гость. Но милость Великого Ангана стоит дорого. А милость Великого Ангана... – Наместник многозначительно поглядел на северянина. – Милость Великого Ангана в Фаранге – это я.

– Дорого? – Эрд усмехнулся. – Назови цену.

– Назову, – Наместник захихикал. – Непременно назову! Пойдем, светлейший!

Длинный тощий слуга шагал впереди, держа над собой лампу. За слугой шел Наместник. Эрд решил, что Алан далеко не так стар, как кажется на первый взгляд. Морщинистое личико, голый череп, блеклые глаза... Но и – мускулы крепкого мужчины.

Два огромных, холки – по плечо Эрду, боевых пса цокали когтями слева и справа от светлорожденного. Второй слуга замыкал процессию.

Миновав не меньше дюжины залов, они оказались у запертых дверей. Псы ошетинились и зарычали. За дверью кто-то был.

– Молчать! – цыкнул на собак Наместник и достал ключи.

За дверьми оказалась большая комната. Отвратительная вонь ударила в ноздри. Эрд пригляделся и различил в полумраке некое живое существо. Когда люди подошли ближе, существо поднялось.

Мышцы Эрда мгновенно напряглись.

Магхар!

– Рога Тура! – прошептал северянин, потянувшись к мечу.

Огромный уродливый магхар⁵ в пять локтей высотой. Покрытая сизой чешуей кожа, вытянутая голова с кожистым гребнем. Один глаз – карий, другой – белесый. Нос – две дыры, из-под раздвоенной верхней губы – четыре длинных резца. На мощной груди – багровый нарост, толстое брюхо, покрытое темными пятнами, острый, как у животного, пенис, беспальные ступни с кривыми когтями.

– Прочь! – бросил Наместник.

Магхар отскочил в сторону.

⁵ Магхар – существо, разумное или не разумное, порожденное магией, не обязательно злой. Магхаром также называют человека, чьи необычные способности вызваны не его собственной магией, а чужим, внешним колдовством. В большинстве государств Мира магхары подлежат уничтожению.

Когда они проходили мимо, Эрд вблизи посмотрел на отвратительную морду чудовища. Магхар следил за Наместником. Красный язык свешивался на подбородок.

Еще несколько залов. И – высокая дверь с причудливыми серебряными узорами. Наместник и Эрд вошли внутрь. Собаки и слуги остались снаружи.

Здесь было светло. В резные, янтарного цвета панели были встроены плафоны из алебаstra. В каждом горел погруженный в масло фитиль. В центре комнаты располагался шестиугольный бассейн, а в нем – спящая девушка.

Совершенно нагая, золотистокожая, сначала она показалась Эрду не старше двенадцати лет. Но потом он вспомнил, что на теле конгаек волосы не растут.

– Подойди ближе, светлейший, – предложил Наместник. – Оцени, насколько она прекрасна.

Светлорожденный подошел ближе. Светлые длинные волосы девушки плавали на поверхности воды, как диковинные водоросли. Она действительно была очень красива. Эрд не сразу обратил внимание на ее руки. Узкие длинные ладони и... четыре пальца! Четыре точеных пальчика с перламутровыми ногтями на каждой руке! Фьэль! Пораженный Эрд посмотрел на Наместника, и тот кивнул:

– Да, светлейший, фьэль! И она будет твоей, если пожелаешь. Твоей на целые сутки – с восхода до восхода. И еще открытая подорожная Конга.

– А взамен?

– И взамен – немало. Твоя спутница, светлейший! Не спеши, – воскликнул он, заметив, как гневно сузились глаза Эрда. – Здесь не оскорбления чести, светлейший! Она не жена твоя и не возлюбленная, верно? Да, я прошу ее. На одни сутки. А взамен даю фьэль. Настоящую фьэль, которая спит и видит волшебные сны, даже когда глаза ее открыты. И она будет покорна тебе. Власть моего мага, Срезающего Плоды, – на ней. Фьэль, светлейший! Кто из твоих высокочтимых предков мог сказать, что обладал фьэль? Взамен же – только женщина. Прекрасная, как горный цветок, но всего лишь женщина! Мой личный маг (хотя кто знает, может это я – его личный Наместник?) сделает так, что она ничего не будет помнить, только то, что внушит ей маг. Она вернется к тебе без малейшего ущерба, духовного или телесного. Вернется такой же, как ушла, – чистой и прекрасной. Это будет честный обмен, светлейший! – Выпуклые глаза конгая заблестели от возбуждения. – Уступи моей прихоти, и ты получишь то, что желаешь. Подорожную и маленькую волшебницу-фьэль. И еще приобретешь друга.

Эрд повернулся в бассейн. Дивное создание плавало в своем золотистом ложе. Кончики острых грудей выглядывали из воды. Нежное, с перламутровым отливом лицо спящей принцессы из древней сказки.

Эрд покачал головой.

– Ты щедр, – сказал он. – Но мы, светлорожденные, не торгуем женщинами!

– Напрасно, светлейший! – Наместник не скрывал своего недовольства. – Я хочу эту женщину, и я не привык отказывать себе в подобных желаниях!

– Многим приходится привыкать и к более неприятным вещам, – произнес светлорожденный и зевнул, прикрыв рот ладонью. На конгая Эрд не смотрел, он смотрел на фьэль.

Лицо Наместника потемнело от гнева.

– Ладно, светлейший! Ты сам выбираешь свою судьбу! Ты пришел в мой дворец по моему желанию. Я рад. А теперь попробуй выйти из него – по собственному желанию!

Эрд перевел взгляд с фьэль на ее хозяина и улыбнулся. Они вдвоем в этом зале. И ничто не мешает светлорожденному отсечь лысую голову Наместника Алана. Но это слишком скучно.

– Если ты рассчитываешь на своего магхара – пошли со мной твоих псов, – сказал светлорожденный. – Им понравятся его внутренности!

– Ну что ты, – произнес Наместник. – Это было бы несправедливо!

Он подошел к двери, противоположной той, через которую они вошли, и распахнул ее:

– Прощай, светлейший!

Эрд молча покинул зал.

Наместник Алан удивился бы, узнав, что не испугал своего гостя, а сделал ему подарок. То, что другому показалось бы ужасным, для светлорожденного было наслаждением! Лишь в минуту подлинной опасности он жил по-настоящему. Эрд любил искусство, женщин, свой род и землю отцов. Но еще больше он любил, когда Смерть шла по его следам.

Стремительно и бесшумно двигался Эрд по темным покоем дворца. Узкие ноздри втягивали воздух, губы изогнулись в свирепой счастливой улыбке. Мрак не смущал его. Как всякий воин, Эрд немало времени провел, тренируясь с завязанными глазами: тело лучше глаза знает, куда направить меч.

Упругая петля упала на шею Эрда. Упала – но не затянулась. Круговым взмахом меча воин отсек аркан. Отсек и замер, прислушиваясь.

Но ни одного звука не доносилось из темноты. Эрд шагнул вперед... и что-то маленькое и быстрое бросилось ему под ноги. Взмах белого клинка, визг! Дальше!

Плита под ногой едва заметно подалась, щелчок... Эрд успел припасть к полу, и стрела арбалета-ловушки пропела впустую. Дальше.

Шаги позади. Эрд не остановился и не обернулся. Шаги – ближе. Двое. Они еще не напали, а воин уже определил по звуку: сети и короткие копья. Опасное оружие. Особенно когда его использует тот, кто видит в темноте, против того – кто не видит. А ведь крадущиеся за светлорожденным наверняка получили зелье, сделавшее их зрячими в ночном мраке.

Даже Эрд мог бы потерять жизнь. Если бы не Белый меч, совершенное, никогда не тупящееся лезвие. Уловив момент, воин присел. Брошенное копьё пролетело над ним. Эрд выпрямился. Взмах – и отсеченный наконечник второго копья ударился о стену. Мелькание белого клинка – прием «серебряный конус», – и ошметки сети полетели в разные стороны. Выпад – укол – стон. Топот бегущих ног. Дальше.

Негромкое рычание. Гниlostный запах. Леопард? Кугурр? ⁶ Слева-впереди. Прыгнет?

Эрд набрал в грудь воздуха – и свирепый рев Серого Убийцы, громадного ящера северных лесов, прокатился по дворцовым залам. Затем – пульсирующая в ушах тишина. Прыгнет? Пятясь, чтобы не поворачиваться спиной, Эрд отступил в следующий зал. И увидел окно. Большое окно, затянутое шелковой кисеей. Окно, ведущее в парк. И еще – Серого Убийцу, словно вызванного его криком. Двадцать локтей могучей плоти. Под самый потолок. Огромная круглая голова с разинутой пастью... Не задумываясь, Эрд выбросил руку с мечом, целя вверх, в светлое горло. Удар – и прыжок назад, чтобы уйти от цепких лап.

Меч пронзил пустоту. Иллюзия! Ну конечно! Присутствие крысopодобного магхара так поразило Эрда, что он был готов встретить кого угодно. Хоть воплощенного демона!

Светлорожденный прыгнул сквозь наваждение, разорвал кисею и полетел из окна вниз. Упав на траву, Эрд припал к земле, огляделся. Никого. Перебегая от дерева к дереву, он добрался до ворот.

Здесь Эрд выпрямился, вложил меч в ножны и неторопливым шагом вышел на освещенное пространство.

Три солдата и начальник стражи. С ними он справится.

Однако сотник вежливо коснулся рукой шлема и сделал знак солдату: выпустить.

Эрд ощутил разочарование.

Из дымчатых сумерек (до рассвета осталось немного) вышел Нил, ведя в поводу двух оседланных пардов.

Не сказав друг другу ни слова, они вернулись в гостиницу. Подъемник, движителем которому служила пара волов, поднял их на третий этаж.

⁶ Кугурр – хищная кошка, напоминающая бенгальского тигра, но значительно крупнее, матерые самцы весят до четырехсот килограммов.

Первым делом Эрд сбросил с себя одежду и окунулся в подогретую воду бассейна. Нил принес ему кусок холодной говядины. Лежа в теплой воде, светлорожденный жевал жесткое мясо и думал о фьёль.

Когда вода остыла, Эрд вытерся и лег в постель. Нил к этому времени уже давно спал в своей каморке у двери. Пушистый песик-следопыт свернулся у него в ногах.

III

Когда Неизъяснимый создавал Мир, он разделил Твердь на три части: Белую, Красную и Черную. Об остальном позаботился Царь демонов.

Пословица

Утреннее солнце не разбудило Эрда – разбудил его Нил.

– Светлорожденный, наш вчерашний знакомец Начальник Гавани Шинон приглашает тебя и меня на завтрак!

– Шинон? – мгновенно проснувшись, Эрд скатился с ложа, встал на руки и сделал несколько шажков. Нил с удовольствием смотрел на него. Оттолкнувшись ладонями, Эрд одним гибким движением встал на ноги.

– Прислал бегуна? – спросил он.

– Да, светлейший.

– Хорошо, – светлорожденный натянул малиновые трико и стал зашнуровывать рубашку. – Нил! Мне снился сон... Я видел бога. Или демона. Без атрибутов их сам Тур Быкоглавый не разберет. Нет, скорее это был бог. Выглядел, как дитя. Немного похож на ту девочкуфьёль...

– Какую девочку, светлейший?

– Ты не знаешь. Расскажу. Потом. Ребенок. Мальчик. Огромный, как бог, и холодный, как зима Имирова моря. Взял меня, как ты взял бы мышонка, и держал перед своим лицом. Долго. Потом разжал руку, я полетел вниз... Ты разбудил меня. Что скажешь, Нил? Вы, вагары, разбираетесь в снах.

– Я вагар лишь наполовину, светлейший, – покачал головой великан. – Думаю, тебе следует рассказать свой сон Этайе.

– Этайе? Зачем?

– Слышал я, она зналась с магами Руны. Может, даже взошла на лестницу мудрости.

– Женщина? Не может быть!

– Так говорят, светлейший.

– Что ж... Может, и правда. Игра ее чудесна. Не удивлюсь, если здесь не обошлось без чар. Бегун внизу?

– Как и парды, светлейший.

– Как почивали наши друзья?

– Полагаю, хорошо. Управляющий сказал: каждый завтракал у себя. Госпожа велела не беспокоить, а Биорк ушел. Передал – вернется к полудню.

– Ты распорядился по поводу обеда?

– Да, светлейший. Мы не разочаруемся. Фарангские повара знают свое дело.

Смутлокожий посланец бежал впереди, стараясь держаться подальше от клыков пардов. Лопатки его ритмично двигались. Редкие прохожие, в большинстве – мужчины в набедренных повязках и с нарисованным на лбу знаком ремесла, уступали им дорогу. Иногда всадникам приходилось наклоняться, чтобы не задеть головами ветви деревьев.

Дом Начальника Гавани был прекрасен. Возведенный из желтого песчаника, сверкающий позолотой лепных украшений под плавными линиями нежно-голубой крыши, он наполовину утопал в синей листве. Эрд нашел, что дом этот, безусловно, совершеннее, чем огромный Дворец Наместника. Ничего сверх необходимого для гармонии.

Хозяин встретил гостей у входа. Два боевых пса мраморной масти, неперенные спутники конгского вельможи в его доме, вежливо обнюхали северян. После обмена приветствиями хозяин и гости поднялись на просторную террасу второго этажа.

Стол был накрыт в тени цветущих крон. Трое мужчин и одна женщина уже сидели за столом. Двое были военными. Увидев Эрда и Нила, они поднялись. Третий мужчина и красивая женщина в конгской распашонке и короткой шелковой юбке остались сидеть.

– Ганг, начальник войска, Бронзовый Дракон! Приветствие! – отрывисто произнес старший военный с квадратным лицом, толстыми губами и багровым шрамом на подбородке.

На рукаве у него блеснул золотом «строенный меч» – знак начальника тысячи.

– Сотник Коноён из моряков-воинов, – представил Шинон второго, – молодого, быстрого в движениях, с лицом мужественным, но не жестоким.

Третий мужчина Эрду не понравился. Мелкие черты очень смуглого лица носили отпечаток давней привычки повелевать, но были лишены благородства. Узкие губы маленького рта дернулись, изобразив улыбку. Глаза, два серых ледяных озера, не выразили ничего.

– Даг! – негромко произнес он, дотронувшись до шейного медальона – бронзового Спящего Дракона на голубой эмали. – Моя жена, – небрежный кивок в сторону женщины.

«Ого! – подумал Эрд. – Считая хозяина, целых три Бронзовых Дракона – за одним столом!»

Взгляд конгайки перепрыгивал с Нила на светлорожденного и обратно, пока не остановился окончательно на Ниле. Цепкий. Изучающий. Волнующий.

Как принято в Фаранге, первая часть завтрака прошла в молчании. Лишь когда гости утолили голод и был принесен десерт, по знаку хозяина появились музыканты. Тоже традиция. Если бы это был обед, Шинон позвал бы актеров или кукольников. К ужину «подавались» певцы или, в очень богатых домах, – певцы-волшебники, скадды.

Первым нарушил молчание чиновник:

– Я слышал, светлорожденный Эрд провел ночь во дворце опоры Великого Ангана?

Светлорожденный кивнул.

– У лучшего из нас забавные причуды. Тебе понравилось, светлейший?

– Мне они не показались забавными, почтенный Даг. Я скучал.

– Вот и мы любим Великого Ангана – каждый на свой вкус, – заметил Даг.

– Любовь имеет много оттенков, – вставил старший военный. – Мы, например, уважаем воинов империи.

– Даже когда видим их мечи, – добавил Шинон и усмехнулся.

– Доблестный Шинон готов поручиться за тебя, светлорожденный, – сказал чиновник. – Пусть нас оставят.

Хозяин жестом удалил музыкантов.

– Я мог бы помочь тебе, – продолжал Даг. – В этом городе правит достойнейший из нас, но за верность Фаранга и его неприступность отвечаем мы. – Шинон и Ганг согласно кивнули. – Я поразмыслил, что можно сделать для тебя. Если сочту нужным. Одно скажу уже сейчас: ты не исчезнешь.

По лицам присутствующих Эрд понял: конгай сказал нечто важное.

– Не смею оскорбить светлейшего расспросами о его достойной родине, – сказал Ганг. – Но если светлейший не возражает, все, что к юго-востоку от империи, – крайне интересно для нас.

«Часть платы за подорожную», – сообразил Эрд.

– Знания мои невелики, – ответил он. – Но если достойных интересуют взаимоотношения Гурама и Эдзама⁷, то могу поделиться тем, что знаю. Я посетил их

⁷ Гурам и Эдзам – два независимых государства на севере Красной Земли – материка, расположенного по другую сторону моря Зур.

столицы по велению императора три луны тому назад.

И Эрд рассказал все, что счел нужным.

Даг и Ганг казались удовлетворенными.

Завтрак завершился в приятной беседе. Эрд поведал несколько забавных историй из жизни Императорского Двора, а Шинон с большим юмором рассказал, как он, в бытность флагман-капитаном Фарангской эскадры, подстерег у Южных берегов три пиратские шекки, захватил их и сжег, а пленных привязал в канату, спущенному за борт, и все конгайские моряки до заката наслаждались зрелищем.

– Клянусь сосцами Морской богини, до этого я еще никогда не видел сытых акул! – завершил Начальник Гавани.

– Не знаю, суждено ли мне вернуться в империю, но если вернусь, ты, доблестный Шинон, – желанный гость в моем дворце, – искренне произнес Эрд.

– Благодарю, светлейший! Да будет с нами милость богов!

* * *

– Думаю, ты напрасно сказал «нет», светлорожденный, – заметила Этайа, когда Эрд рассказал им о событиях ночи и своем сне.

– Он не мог поступить иначе, – сказал вагар, – хотя и не знал, что сделка была нечестной.

– О чем вы? – спросил Эрд.

– Госпожа полагает, что ты должен был согласиться на предложение Наместника (Эрд удивленно посмотрел на женщину). Хоть он и пытался обмануть тебя: то была не фьель, а обыкновенная девочка, над которой потрудился маг. Ты ошибся. Но поступил как должно. Теперь судьба твоя – в руках Неизъяснимого.

– А ваша?

– О нашей твой сон не говорит. Отказавшись от покровительства Наместника, ты отдал себя (и нас, разумеется) на милость того, чье имя – Даг.

– Милость – неподходящее слово, – сказала Этайа. – Но выбор не так уж важен – и тот и другой служат Пути Тьмы.

– Ты говоришь о маге?

– Нет, о людях. Знак мага скрыт от меня. Но он не слишком силен...

– Да?

– ...иначе ты не ушел бы так легко, – сказал вагар. – Создавать иллюзии могут даже вагары.

– Мне приятно это слышать. Особенно то, что ты, владея магией, скрыл это от меня!

– Не обижайся, светлорожденный Эрд! Моя магия сродни твоей: я воин.

– Мне ли этого не знать!

– Отец! – вмешался Нил. – Пирог с телячьим паштетом лучше всего есть, пока он горячий. Если мудрость ваша обратилась к прошлому, ее можно совместить с обедом.

Трех перемен блюд оказалось довольно для всех, кроме Нила. Великан при необходимости мог поститься несколько недель, но, когда была возможность, ел самое меньшее за четверых.

Отдав должное кушаньям и напиткам, светлорожденный откинулся на спинку стула и пропел первые строки баллады о Вэрде Смелом:

– Кипят цветные облака Страны Туманов.

Рычит река, течет река к Таайдуану...

Рычит и скачет, словно пард, и камни месит.

А Вэрд идет, а Вэрд поет – он сыт и весел...

– Это ты о своей особе, светлейший? – невинно спросил Нил.

– О своем животе. Или ты забыл здешние традиции: музыка полезна для брюха, – ответил Эрд на морском жаргоне.

Трапезная – высокие окна, яркие краски, блестящий шелк и резное дерево – могла бы вместить две сотни пирующих. Но в этом двухъярусном зале Эрд и его спутники были одни, если не считать слуг и только что вошедшего мальчика-разносчика.

– Время поедает эту страну, – задумчиво пробормотал светлорожденный.

– Да, – согласился Нил. – Пованивает мертвечиной.

– Зато каковы эти деревянные колонны! Даже моим мечом не разрубишь с одного удара.

– Дерево иногда тверже человека, – заметил Биорк. – А иногда человек тверже дерева.

– Но кухня у них отменная, – попыток Нил.

Этайа коснулась плеча вагара и легким кивком указала на мальчика-разносчика. Расстелив на полу кусок ткани, он, напевая, расставлял на нем деревянные резные фигурки.

– Останься сегодня со мной
В стране, где не знают о лишних,
Где полночь сиренево дышит
В раскрытое настежь окно.

Останься сегодня со мной,
Где тени бегучие рыжи.
Как много мерцает над крышей
Сквозящих в небесное дно...

Биорк и Этайа обменялись многозначительными взглядами.

– Светлейший, – тихо сказал вагар, обращаясь к Эрду. – Обрати свой слух к маленькому резчику.

Светлорожденный прислушался, и глаза его засияли.

– В страну опьяняющих снов
Кораблик – лимонная долька —
Умчит нас по небу, ты только
Останься сегодня со мной...

Мальчик продолжал петь, не замечая, что привлек внимание северян.

– Не скажу, что очарован голосом, – задумчиво произнес Эрд, – но песня хороша. Он мастер, клянусь переменчивым сердцем Морской богини.

– Ты почти прав, светлейший, – улыбнулась Этайа. – Нет, он не мастер. Но станет им, если воля сильных не оборвет его путь.

– Мое слово – тень твоего, благородная Этайа, – Эрд привстав, поклонился. – Ты – владычица звуков! Нил! Позови отрока!

Нил поднялся, подошел к мальчику, что-то ему сказал. Оборвав пение, тот робко посмотрел на светлорожденного. Нил слегка подтолкнул его вперед.

Тщедушный, длиннорукий, крупноголовый юнец вдруг вызвал у Эрда ощущение опасности. Может, потому что сам мальчик его боялся? Впервые Эрд подумал, что неосознанный страх, испытываемый многими при виде его, Эрда Асенара, возможно, происходит не из уважения к воину-аристократу. И Эрд еще раз удивился тому, что изуродованное лицо Нила совершенно не пугает слабых: детей, женщин, животных...

Между тем мальчик приблизился к столу и поклонился.

– Моим друзьям понравилась твоя песня,– произнес светлорожденный, стараясь, чтобы голос его звучал мягче, чем обычно.– Я хочу наградить тебя! Нил!

Гигант осторожно взял руку мальчика, перевернул ее ладонью вверх, вложил серебряную монету, двойной тенг, и сжал пальцы. Мальчик посмотрел на него снизу вверх. Борьба чувств отразилась на его подвижном лице.

– Нет! – сказал он наконец.– Благодарю тебя, мой господин: я не достоин. Прости. Это не моя песня,– и положил на стол нечаянное богатство.

Эрд усмехнулся.

– Честность и правда,– сказал он,– опасные друзья.

Мальчик задрожал. Рука Нила ласково коснулась его головы. А Эрд, удивив сам себя, снял с пальца одно из золотых колец, положил на монету и придвинул к мальчику.– Высока мера искусства. Но мера чести – выше. Клянусь Рогами Быка! Будь ты моим подданным, я возвысил бы тебя, но,– добавил он с сожалением,– кто же автор?

– Не спрашивай, господин! – прошептал мальчик, и на глазах его выступили слезы.

– Позволь мне, светлейший, поговорить с ним,– вмешался Нил, заметив в глазах Эрда зарождающийся гнев.

Светлорожденный кивнул.

Великан увел мальчика в одну из соседних стенных ниш.

– Ты голоден, брат? – спросил Нил, когда они сели за стол.

– Нет.

– Врешь! Когда я был таким же тощим юнцом, как ты (мальчик недоверчиво окинул его взглядом), я всегда был голоден. Эй, друг! – крикнул он слуге.– Еще две порции.

Когда мальчик утолил голод, великан сказал:

– Друзья зовут меня Нил!

– А меня – Соан.

– Мой господин, светлорожденный Эрд Асенар Элэцкий, Аснорский и Моритский, очень любит музыку. Признаться, иногда мне кажется, что он немного сумасшедший. Ну, ты знаешь, все эти благородные – немного свихнувшиеся.

Мальчик кивнул.

– Но ты его не бойся. У нас в империи благородные не жрут людей, как у вас. Он тебя не обидит. А поможешь – отблагодарит. Очень богатый, понимаешь?

– Да, господин.

– Нил!

– Да, Нил!

– Тот, кто сочинил песню,– твой друг?

Мальчик кивнул. Он хотел что-то добавить, но прикусил губу и с опаской огляделся.

– Мой господин желает видеть его. И уж если он чего желает, будь уверен – получит. А он прямо помешан на песенках. Твой друг хорошо поет?

– Как фьёлн! – воскликнул Соан и тут же съежился от испуга.

– Мощь Быкоглавого, перестань трястись! – сердито произнес Нил.

Приблизив свое широкое белокожее лицо почти вплотную к лицу Соана, северянин процедил с угрозой:

– Скажи только, кого ты боишься, и я так его вздую!

Великан сжал кулак размером с голову собеседника.

– Не кричи,– сказал Соан.– Ты же чужой здесь. На этот раз твой господин ничего не получит. Он опоздал.– Губы мальчика предательски задрожали, но он справился.– Санти исчез. Три ночи назад.

– Значит, его зовут Санти? Уже лучше. Что значит – исчез?

– Тише! Иначе и ты исчезнешь. И твой господин. И я.

– Вот в этом, малыш, я очень сомневаюсь! – усмехнулся Нил.– А сейчас мы с тобой пойдем ко мне наверх и доберемся до сердцевины этого ореха.– И, не обращая внимания на слабое сопротивление Соана, увлек мальчика наверх.

Через полчаса он знал все.

* * *

- Так его звали Санти?
- Сантан, сын зодчего Тилода. Я учился у его отца. Видел ли ты дом Начальника Гавани Шинона, такой, с бирюзовой крышей, недалеко от порта?
- Его построил Тилод?
- И не только его. Как мог мастер Тилод исчезнуть? Он был так осторожен в словах. А Санти? Ему лишь семнадцать лет! Если бы ты знал его! Весь Фаранг поет его песни! Хочешь, я приведу его девушку, ту, что видела его последней?
- Нет. Объясни-ка мне лучше, что значит – «исчез»?
- Не знаю. Об этом не принято говорить, Нил. Пройдет месяц – и дом продадут. Считается – исчез, значит, пропал без вести. Мой отец говорил: кого-то из таких видели на болотах Юга. Ты уверен, что нас никто не подслушивает?
- Уверен. Если то, что я слышал о вашем Юге, – правда, им лучше было бы умереть.
- Что ты говоришь, Нил! Лучше быть живым на Юге, чем Великим Анганом – в Нижнем мире!
- Складно говоришь! Сам придумал? А кто твой отец?
- Моряк. Ходит помощником кормчего на торговом паруснике.
- Что ж ты подался в строители?
- Я слабый. Больной. Зато умею резать по дереву. Видел мои фигурки? Лучше всего у меня получаются собаки... и девушки!
- Да, славные.
- Соан вздохнул:
- Знаешь, я отдал бы свое умение за твои плечи. Не смейся!
- Я и не смеюсь, брат. Дай-ка мне руку!
- Это зачем?
- Не трусь. Ты сказал мне то, что не сказал бы никому, верно?
- Ты чужеземец, Нил. А потом я знаю, что ты меня не выдашь. Не выдашь?
- Само собой! – великан похлопал его по спине. – Открою тебе тайну: во мне есть кровь вагаров. Слыхал о них?
- А то! Такие маленькие человечки с крысу размером и такие же подлые, – он осекся, испуганно посмотрел на Нила.
- Не болтай, если не знаешь! – строго сказал северянин.
- Прости меня, господин!
- Нил меня зовут! Давай руку. О! Из тебя выйдет толк!
- А что войдет? – попытался пошутить Соан.
- Остроумие. Смотри – вот линия здоровья. Она идет вверх. Болезнь выйдет из тебя, уже вышла. Сколько тебе лет?
- Шестнадцать, просто я медленно расту.
- Будешь расти быстро. Грудь по утрам болит?
- Бывает. Лекарь сказал: меня не вылечить.
- Знаешь, есть такой зверь – дикилидокс?
- У которого рот на хвосте?
- Почти. Черепушка у него маленькая, думает слабо. Мозги – в заднице. Как у твоего лекаря.
- Хи-хи!
- Не думай – не будешь болеть.
- А что, все вагары гадают по руке?
- Нет. Моя мать была прорицательницей в Орэлее, есть такой городишко у нас в Империи. А что, этих, исчезнувших, их кто-нибудь ищет? Друзья, родные?

– Что ты! Кто ищет – сам исчезает. Это всем известно! Хотя, знаешь, Тилода как раз искали! Начальник Гавани, Отважный Шинон. Он-то никого не боится. Но и он не нашел. А уж у Шинона свой человек за каждой дырявой стеной.

– А где жил Тилод? Была у него жена?

– Нет, они с Санти жили вдвоем. Вдвоем и исчезли. Дом его – приметный. И недалеко отсюда. Могу показать! – Соан оживился. От огромного северянина исходила такая уверенность... Как тепло от нагретой солнцем скалы.

– Не надо. Вот бумага – рисуй.

– ...Готово. Только ты уж, Нил, помалкивай...

– Не трусь, брат! Дать тебе еще денег?

– Хватит. Я теперь богач!

– Тогда я подарю тебе вот это.

– Что это?

– Оружие вагара. Иглы с ядом червя хум. Нажмешь сюда – выскочит игла. Их здесь – двадцать три. Число магов. Летит, учти, недалеко – шесть-семь шагов. Но если проткнет кожу...

– Убьет?

– Нет, усыпит. На полчаса. Нравится?

– А то!

– Всё, брат. Спасибо тебе. Храни тебя Неизъяснимый! Пойдем вниз!

IV

*Легче отыскать след, оставленный тенью пролетевшей птицы,
чем след вагара.*

Пословица

Биорк взбежал по ступеням. Какое-то время его темная фигурка отчетливо выделялась на фоне белой стены, затем исчезла за приоткрытой дверью. Тростниковый занавес – цветные соломины на шелковых нитях – прошелестел, раздвинутый руками вагара. Биорк застыл, прислушиваясь. Впрочем, вагар знал, что приставленный неизвестно кем соглядатай потерял его еще до наступления темноты.

В доме было пусто. И, конечно, темно. Но не для рожденного в утробе северных гор вагара. Тише, чем дикий кот, двигался Биорк по пустому дому. Тонкий слой пыли уже успел лечь на предметы. Никаких следов борьбы или поспешных сборов. Комната за комнатой, шаг за шагом, беззвучно и тщательно вагар обследовал все. Но тщетно. Ни малейшего намека на то, куда подевались хозяева. Лишь внизу, в спальне, в изголовье меньшей из кроватей, он нашел обрывок бумаги. Поднявшись на первый этаж, где мрак был не так густ, Биорк разобрал ровные строчки каллиграфического конгайского письма:

«Дверь плотней прикрой, дружок,
За собой.
Не споткнись о порожек,
Не споткнись.
Все ли твой вместил мешок?
Ведь не на дни,
Не на дни, а навеки ты ушел.
Бог с тобой!»

– Власть Неизъяснимого! – прошептал вагар.

Этайа не ошиблась. Она не могла ошибиться. На мгновение бывший туринг ощутил пугающую раздвоенность. Он знал, что Этайа присоединилась к ним не ради определенной

цели. Ее не волнует исток бешенства земных недр. То, что ее волнует,— глубже. И — непостижимо. Для людей. А вагары, они ведь почти люди...

Биорк бережно сложил обрывок и спрятал в сумку.

Прежде чем выйти, он остановился и впитал в себя наружные запахи и звуки. Что-то настораживающее было там. Но того, что неизменно выдает вагару готовящуюся на него засаду,— запаха страха — не было. И он шагнул наружу...

Мощнейший удар обрушился на голову Биорка. Сознание потухло, и вагар, скатившись по ступеням, ничком упал на камни. В себя он пришел от жестокого удара по спине. Биорк попытался встать на четвереньки, но новый удар — сапогом под ребра — свалил его набок.

— Вот живучий мальчишка! — сказал грубый голос на конгаэне, и вагар понял, почему они не боялись.

Сильная рука ухватила Биорка за шиворот и поставила вертикально. Он не сопротивлялся, выжидал. Тень скрывала его лицо от глаз напавших, зато сам вагар видел отлично: трое солдат — справа, слева, и еще сзади — тот, что держал. А прямо напротив — начальник, чиновник, судя по одежде.

— Ты, крысенок! Говори, что вынюхивал? — зашипел чиновник.

— Нужно обождать, достойный! — сказал тот, что держал.— Сопляк еще не очухался.

— Не учи меня, сын жабы! — огрызнулся чиновник и пнул Биорка ногой в пах. Точнее — попытался пнуть...

Лучше бы он этого не делал.

Пользуясь тем, что солдат все еще держал его на весу, вагар уперся спиной в его кирасу и выбросил вперед ноги. Страшный удар раздробил височные кости чиновника. Вскинувшись переворотом через голову, вагар оказался на плечах державшего его воина. Сдернув с солдата шлем, Биорк оглушил его ударом в затылок и встал на ноги прежде, чем тот упал. Солдат справа ткнул мечом, но вагар отвел удар боевым браслетом. Второй удар, слева, подсекающий колени... вагар подпрыгнул. Локоть его врезался в крепкий подбородок. Оттолкнувшись от головы мечника, он вскарабкался на террасу второго этажа, промчался на другую сторону дома, соскочил, мягко ударившись ногами о землю, и канул в темноте.

* * *

Эрд проснулся от шума на террасе. Верней, от едва слышного шелеста, производимого рукой, осторожно отодвигающей листья. Эрд нащупал меч, лежащий справа от ложа. Но едва он начал приподниматься, как широкая ладонь накрыла ему лицо. Запястье правой руки будто попало в тиски.

— Ч-ш-ш! — Широкое лицо Нила белело над ним в полутьме.

Совершенно бесшумно гигант прокрался к выходу на террасу. Между серебристыми листьями горшечных растений двигалась маленькая фигурка. Биорк. Эрд отложил меч и потянулся к светильнику, но вагар отрицательно покачал головой и показал на каморку Нила.

Песик-следопыт проснулся, приподнял острую мордочку, но, узнав хозяев, спрятал нос под пушистым хвостом. Тусклый свет масляной лампы отбрасывал длинные тени. Нил протянул отцу чашку с холодным кофе и горсть сушеных плодов. Кожаный пояс с коротким мечом — суортом, снятый Биорком, великан спрятал в шкаф.

Вагар ел и рассказывал.

— Я должен уйти,— сказал он в завершение.

Нил и Эрд не стали спорить. Мастеру скрадывания нетрудно сбить со следа охотников. Но столь же легко догадаться, кто убил чиновника. А уж тогда любой фарангский пес-следопыт живо опознает убийцу.

— Тебе надо изменить внешность! — сказал Нил.

Биорк потрогал бороду.

— Шестьдесят лет никто не видел моего подбородка,— пробормотал он.

– Подходящий случай показать мне свое настоящее лицо, отец! – ухмыльнулся Нил, доставая бритву. – Как бы оно нас не разочаровало.

– С тех пор, как тебя поцеловала корабельная мачта, ты, сынок, можешь потягаться красотой с кем угодно, даже с гигантской жабой из здешних болот, – парировал вагар.

– Тур любит мужественные лица! – примирительно произнес Эрд.

– Хочешь, светлейший, я расплющу твой благородный нос? – ухмыльнулся великан. – Пусть Быкоголовый полюбит и тебя!

Он отложил ножницы и взялся за кинжал, чтобы довести до конца работу брадобрея.

– Потрясатель Тверди может обидеться! – отказался Эрд. – Клянусь Рогами Тура, вагар, у тебя – Подбородок! Скажи, где ты намерен укрыться?

– Там, где меня не найдут, – лаконично ответил вагар.

– Я имел в виду: ты останешься в Фаранге?

– Да. Ты закончил, сын?

– Почти. Немного гиима⁸. Удачно, что эти конгские парни так любят мазать физиономии. Все, отец. Теперь ты – очаровательный фарангский мальчуган. Никто не признает в тебе вагара... Если, конечно, будет стоять к тебе спиной.

Биорк взглянул в карманное зеркальце:

– Пойдет!

Он расшнуровал ремни боевого браслета, отделил от каркаса внутреннее лезвие и вынул шипы.

– Когда ты уходишь? – спросил светлорожденный.

– Сейчас.

– И оставляешь оружие?

– Я возьму нож и «язык змеи».

– Тебе хватит денег?

– Они мне вообще не нужны.

– Что же ты будешь есть? – изумился Эрд. – Только Неизъяснимый знает, сколько мы здесь проторчим!

– Украсть безопаснее, чем купить! – пояснил за отца Нил.

– Да хранят вас боги! – произнес вагар.

Маленький, худощавый, в коричневой набедренной повязке и конгской безрукавке-распашонке, вагар и впрямь походил на мальчишку.

– Храни себя! – отозвался Нил.

И вагар ушел – так же бесшумно, как и появился. Нил задернул паутинную кисею и отправился спать. Эрд последовал примеру Нила, но этой ночью сон его был беспокоен. Да и утро не принесло облегчения светлорожденному. Гнев ворочался у него в горле, как сгусток огненного зелья. Власть над судьбой ускользала от него, и не на кого было выплеснуть сжигавшее его пламя.

Они завтракали вдвоем, в отгороженной занавесом нише. Ласковое тепло, исходившее от Этайи, и изысканная пища немного облегчили муки светлорожденного. Если б Эрд мог, он попросил бы женщину сыграть для него. Но наследнику Асенаров не подобало просить. А сама Этайа не предлагала. Тростниковый занавес отделял их от зала, и лицо женщины было открыто. Если ночные события и взволновали ее, то это никак не отразилось на облике светлорожденной.

– Ты все еще хочешь отыскать юношу? – спросила она Эрда. – Несмотря на неудачу Биорка?

– Да, – светлорожденный поковырял вилкой плавающие в соусе кусочки мяса и отхлебнул светлого вина. Эрд не заметил, как обменялись взглядами его спутники.

⁸ Гиим – темный пигмент.

– Пошли бегуна к Шинону, светлейший,– посоветовал Нил.– Только сначала успокой свое сердце.

– Хочешь, я сыграю тебе? – предложила Этайа.– Чуть позже.

– Хочу.– Голос светлорожденного сразу потеплел.

За занавесом слышались шаги, и женщина поспешно закрыла лицо.

– Господин? – Сильный низкий голос принадлежал явно не гостиничному служаке.

Занавес разошелся, и в нишу шагнул молодой офицер – тот, с кем они вчера завтракали у Начальника Гавани.

– Приветствие! – произнес он, коснувшись шлема.

– Привет тебе, Конон! – добродушно отозвался Нил.

Эрд и светлорожденная промолчали.

– Здоровы ли твой скот, дети, жена? – осведомился великан.

Он шутил.

Если ритуальная формула пастухов Хуриды и была известна Конону, конгай этого не показал.

– Благодарю, достойный. Я не женат.– И – Эрду: – Носитель Бронзового Дракона Шинон прислал меня к тебе, светлейший. Не соблаговолишь ли посетить его?

Нил ухмыльнулся.

– В час послеполуденной трапезы? – недовольно спросил Эрд.

Он не любил, когда другие опережали его планы.

– Так скоро, как тебе будет угодно.

– Благодарю. Принимаю. Можешь идти.

Лицо офицера окаменело. Это было неуважение.

«Хорошо еще хоть монету не бросил!» – подумал Нил.

– Не хочет ли достойный Конон позавтракать с нами? – вежливо спросила Этайа.

Черты мечника смягчились.

– Благодарю, светлейшая, нет.

– Вина? – пророкотал Нил.

– Благодарю. Я дал обет не пить кровь винограда до праздника Плодов.– Он поклонился и вышел.

Нил догнал его в дверях, положил руку на закованное в броню плечо.

– Не бери в голову, командир! – сказал он дружелюбно.

Удивленный подобным обращением не менее, чем словами, офицер зыркнул снизу вверх на безбровое лицо гиганта.

– Мой господин опечален,– сказал Нил.– Этой ночью пропал наш друг, маленький воин Биорен!

Взгляд конгая стал острее его кинжала.

– Пропал?

– Его не было утром в апартаментах. И никакого сообщения. Мы обеспокоены. Очень обеспокоены, командир!

– Мой начальник также обеспокоен! – произнес конгай.

– Чем же?

– Богам известно. Благодарю тебя, достойный! – офицер резко поклонился. Гостиничный слуга подвел к нему парда, Конон вскочил в седло и пустил своего зверя рысью в сторону Гавани.

* * *

Комнаты Этайи внешне ничем, кроме размеров, не отличались от апартаментов Эрда. Но каждый раз, когда он входил сюда, то неизменно ощущал нечто, присущее только ей, Этайе. Шелковые ленты на деревянных панелях, запах цветов, ставший уже и не запахом, а тем особенным ароматом, которым отличны составленные настоящим мастером духи.

Воздух, пятна света на ткани, все отдельные цвета, запахи, звуки вдруг приобретали гармонию, гармонию ее самой, Этайи. И всякий, в ком живо было ощущение прекрасного, мгновенно и безошибочно понимал: вот Единственное! Эрд знал: даже после того как светлорожденная покинет эту гостиницу, стены комнат будут помнить, будут хранить ее след.

Тонкие пальцы Этайи с жемчужными лепестками ногтей, нежные, почти светящиеся, поплыли над серебряными струнами. Тихие, осторожные, бережней первых ласк влюбленных, звуки плавали в теплом мире, смешивались, отдельные еще, но уже знающие о своем единстве.

Собственная сила гнала их, толкала, подхватывала...

Когда Эрд вновь ощутил себя, последние радужные шарики флажолетов таяли на поверхности тишины. Смутное недовольство, изнурявшее его, ушло и не оставило после себя опустошения – только бледную память, холодноватую и зыбкую, как лунный свет.

Когда желание перестает быть прихотью, оно становится Целью. Этайа, положив на колени чернолаковую ситру⁹, смотрела на светлорожденного искрящимися глазами, и Эрд понимал ее молчание лучше, чем собственные мысли.

* * *

Пламя полуденного солнца разбивалось о глянцевые листья деревьев. Два парда, низко опустив головы, отчего шерсть на их загривках вздыбилась пыльной щеткой, неторопливо бежали по шероховатым шестиугольным плитам. Всадники мерно покачивались в высоких седлах под монотонный скрип седельных пружин. Зной опустошил улицы Фаранга. Рубашка Эрда намочила от пота. Он с завистью поглядывал на Нила, на котором не было ничего, кроме набедренной повязки и сапог для верховой езды. Ни одной капли пота не выступило на коже гиганта, все такой же бледной, несмотря на свирепость прямых солнечных лучей. Причудлива воля богов: удивительней магхара спутник светлорожденного Эрда. И страшнее магхара – если стоять против него с обнаженным мечом.

Всадники въехали в ворота, и прохлада парка укрыла их.

Три молодых длинноногих пса выскочили на аллею и, вихляя костлявыми задами, запрыгали впереди. Парды недовольно зарычали.

На этот раз Шинон не встретил гостей лично, а прислал домоправителя, долговязого тонколицего конгая с морщинами на лбу и разводами смытого потом грима на осунувшемся лице.

«Должно быть, в это утро ты побегал немало!» – подумал светлорожденный.

Учтиво поклонившись, конгай проводил их на террасу второго этажа. Обменявшись приветствиями с хозяином, гости расположились в высоких креслах, обитых черным холодным шелком. Две молоденькие девушки-прислужницы подали гостям фрукты: виноград, маленькие сладкие бананы, красно-зеленые манго, гладкие, почти фиолетовые, конгские персики.

– Рад вновь встретиться с тобой, светлорожденный Эрд! – жизнерадостно произнес хозяин.

– Как и я, достойный Шинон!

– Слышал, ты потерял слугу?

– Друга.

– Пусть так! – согласился Начальник Гавани.

Он взял круглую чашу с двуцветным лаковым рисунком, налил в нее сваренного с корицей холодного кофе, добавил подслащенного лимонного сока, сделал глоток.

– Я могу помочь тебе.

⁹ Ситра – струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару, но лишенный ладов.

– Был бы признателен, – спокойно ответил светлорожденный.

– Он – в храме Быкоглавого! – без всякой интонации произнес Шинон. И откинулся на спинку кресла, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Да? – вежливо удивился светлорожденный. – И что же он делает там?

– Полагаю, подметает полы. Или задает корм быкам.

– Не думаю, что это так, – столь же вежливо возразил Эрд. – Это работа мелкого служки, а не воина.

– Напротив, это очень разумно с его стороны! – сказал Шинон, продолжая наслаждаться ситуацией. – Прошлой ночью у дома одного из достойных граждан Фаранга был убит человек.

– Рад, что такое событие – редкость в Конге! – отреагировал северянин.

– Не просто человек, – продолжал конгай, не обратив внимания на реплику, – а доверенный чиновник очень влиятельного в городе лица. И мне известно, кто убил его.

– Кто же? – поинтересовался Эрд.

Начальник Гавани покосился на Нила, с безмятежным видом развалившегося в кресле, и решил, что если Эрд доверяет этой горе мускулов, то и у конгая нет оснований сомневаться в огромном воине.

– Прости, светлейший, мою прямооту – тебе это известно не хуже, чем мне, – сказал он.

– Достойный Шинон так полагает?

Начальник Гавани поднялся. Вежливая улыбка на загорелом лице, серые веселые глаза сощурены:

– Светлейший, мои люди следили за этим домом!

– Сожалею, что погиб твой человек, – серьезно проговорил Эрд.

– Я не держу дураков! – Шинон наклонился над сидящим светлорожденным. – Им приказано было следить, а не хватать! И они следили. И узнали твоего друга. И были достаточно умны, чтобы не бегать за ним по Фарангу, как полоумные крысы. Нет! Они отправились прямо к «Доброму приюту» и нашли то, что требовалось. Ты хочешь что-то сказать, светлейший?

– Нет. Я внимательно слушаю тебя, достойный Шинон!

Начальник Гавани придвинул свое кресло вплотную к светлорожденному.

– Так, благородный Эрд! – произнес он мягко, почти интимно. – Тебе наверняка уже сказали, что зодчий Тилод – мой друг. И сказали, что я ищу его. А ты?

– Я ищу его сына, – прямо сказал северянин.

– Это одно и то же. Ты можешь отправить в Нижний Мир столько чиновников, сколько тебе заблагорассудится. Для меня они не дороже собачьего дерьма. Я хочу, чтобы ты нашел Тилода!

– Разве пришельцу из Империи это сделать легче, чем Носителю Бронзового Дракона? – спокойно спросил Эрд.

– Я ищу его, светлейший. И у меня лучшие сыщики в Фаранге – кое-кому совсем не по нраву платить пошрины. Но меч мой – в ножнах закона. Я не желаю из Носителя Дракона превратиться в корчевщика на южных болотах. Я знаю, кто в Фаранге занимается чистотой помыслов. И ты знаешь...

– Я? – искренне удивился Эрд.

– Разве Даг сам не сказал тебе об этом? – в свою очередь удивился Шинон.

– А-а! – внезапно Эрду стала понятна реплика неприятного господина Дага. «Ты не исчезнешь».

– Даг здесь ни при чем! – уточнил Начальник Гавани. – Он сам вынюхивает. Это его прихвостня прикончил вчера ночью твой друг. – Шинон улыбнулся. – Отличный удар! Я рад: Хунхон был редким ублюдком. Даг, безусловно, огорчен, но не я!

Шинон поднялся, прошелся по комнате и добавил более спокойным тоном:

– Найди мне их, светлейший. Все, что могу сделать для тебя, – сделаю.

Появился домоправитель.

– Носитель Бронзового Дракона Даг, мой господин! – сказал он.
– Сын слизняка и крысы! – выругался Шинон. – Он наверняка знает, что ты здесь, светлейший!

– Сказать: тебя нет, господин? – осведомился домоправитель.

– Кто с Дагом? Воины?

– Только телохранитель.

– Пасть Равахша! ¹⁰ – Шинон задумался. – Ладно, веди!

– Я сказал, светлейший, – ты слышал! – прошептал он.

Эрд кивнул.

Нил, все это время молча сидевший в своем кресле, вдруг ударил себя по ляжке и захохотал. Как раз тогда, когда на террасу вышел Даг в сопровождении громадного бритоголового конгая с расплюснутыми ушами.

Сановник устался на веселящегося Нила, потом – на светлорожденного. Дождавшись, когда Нил перестанет смеяться, Даг велел телохранителю подать кресло и уселся.

– Приветствую тебя, Шинон! – сказал он сердито.

– Приветствую тебя, Даг!

– Хочу поговорить с тобой, Шинон!

– Что ж, говори! – радушно отозвался Начальник Гавани. – Слушаю.

Чиновник бросил косой взгляд в сторону аристократа.

– Не тревожься, светлейший! – сказал Шинон. – Вряд ли светлорожденного Эрда интересуют наши сплетни. К тому же я не окончил своей беседы с ним – прости, ты пришел неожиданно. Если благородный Эрд позволит просить его подождать, пока ты изложишь свое, безусловно неотложное, дело... – он повернулся к светлорожденному.

– Разумеется, отважный Шинон, я подожду!

Почуввав в голосе Начальника Гавани ту твердость, против которой идти не стоило, «блюстителю помыслов» смирился. И настроение его от этого не улучшилось.

– Может, и хорошо, что ты здесь, Эрд Асенар! – проворчал он. – У меня есть к тебе вопросы. Неприятные вопросы.

Светлорожденный вежливо улыбнулся.

– Ты слышал, Шинон, – ночью убили моего доверенного? – Даг выругался. – Ты не знаешь, кто в этом замешан?

– Нет, светлейший Даг!

– Мои люди... вернее, солдаты, переданные мне Гангом, упустили убийцу.

– Удивительно! – пособолезновал Шинон. – Такие опытные воины!

– Они наказаны. И преступник тоже будет наказан. Торон, – Даг ткнул пальцем за спину, в сторону бычьешеего телохранителя, – кое-что подсказал мне!

– Что же? – с интересом спросил Начальник Гавани.

– Говори! – велел сановник.

Детина кашлянул.

– Мангхэл-серк! – сказал он сипло. – Я дрался с парнем из северян. На больших состязаниях три года назад. Он хвастал, что знает тайное искусство вагаров. Он ударил ногой Хета Гурамиди и убил его. Точно так, как убили этого недоноска Хунхона. Мангхэл-серк! Этот парень из империи напился и орал на весь кабак. Хо! – Пасть Торона растянула улыбка. – На следующий день я с ним боролся. И свернул ему шею! Вот так схапал его за патлы, – мощные руки Торона сжались в кулаки, – и свернул ему шею! Насрать мне на всех вагаров! – Он вызывающе оглядел развалившегося в кресле Нила. – И на всех беложопых из империи тоже насрать!

– Заткнись, – деловито сказал Даг. – Скажи мне, благородный Эрд, кого ты привез в

¹⁰ Равахш – бог южных джунглей Черного материка. В Конге – одно из самых нелюбимых божеств.

Конг? Ты привез вагара? Твой приятель – вагар ?

– Он стоял за моей спиной в битве,– спокойно ответил светлорожденный.– И видишь: я жив. Я не спрашиваю своих побратимов, кем они рождены.

– Ты лжешь мне, имперец!

Нил неспешно поднялся на ноги.

– Так ты назвал светлейшего лжецом? – проговорил он с ленцой.

– Говори, северянин! – рявкнул Даг, не обращая внимания на Нила.– Где он? Где твой вагар?

Гигант сложил на груди могучие руки.

– Ты сказал: светлейший лжет? – повторил он громче.– Это очень невежливо.

Бритоголовый Торон вышел из-за кресла.

– Заткни пасть, плоскомордый! – рявкнул он.

– Всыпь ему, Торон! – велел Даг.– Он такой же недоносок, как и его хозяин!

Прежде чем он успел закрыть рот, Нил прыгнул вперед, смахнул в сторону бритоголового, как деревянную куклу, и сгреб «блустителя помыслов» за отвороты куртки. Вздернув вверх, гигант потрянул его так, что челюсти сановника громко лязгнули. Подскакивший Торон ударил Нила кулаком в висок, но великан обратил на него не больше внимания, чем на летучую ящерицу.

– Я вырву тебе язык, паскудник! – проникновенно говорил он Дагу, тряся его при этом, как пес крысу. Торон зарычал и ударил Нила сведенными руками по затылку. Тут наконец гигант соизволил обратить на него внимание. Продолжая одной рукой держать обмякшего чиновника, он повернулся и коротким ударом в челюсть отбросил конгайского силача.

Торон отлетел назад, врезался спиной в деревянную оградку террасы. Резные перила с треском переломились, и бывший борец Торон рухнул вниз, на вымощенную розовыми плитами дорожку.

– Прошу меня извинить за причиненный ущерб! – церемонно произнес Эрд, обращаясь к Шинону.

– Пустяки! – отозвался Начальник Гавани.– Ради такого зрелища я готов пожертвовать любым предметом в этом доме! Но попроси воина положить почтенного Дага обратно: я не хотел бы, чтобы пол был загажен,– это очень дорогая ткань, настоящий тайский шелк.

– Оставь его, Нил. Он сожалеет,– сказал светлорожденный.

Гигант неохотно отпустил чиновника.

– Запомни! – прорычал он в красное, с выпученными глазами лицо.– Если ты еще раз оскорбишь светлейшего Эрда, я вот этой рукой откручу твой мерзкий член!

Даг с натугой дышал, вцепившись рукой в левую сторону груди. Вряд ли он сейчас что-либо слышал.

– Пожалуй, я позову лекаря,– сказал Шинон.

Светлорожденный встал, подступил к краю террасы и взглянул вниз.

– И трупноса,– сказал он.– Похоже, день так же неудачен для людей уважаемого Дага, как и ночь.

Ни Эрд, ни Шинон не заметили, как переменялось при этих словах лицо Нила. Смерть Торона совсем не входила в его планы.

– Похоже,– согласился Начальник Гавани.– Однако на сей раз ты можешь не беспокоиться: храбрый Даг ничего никому не расскажет. Позор у нас в Конге стоит крыльев Дракона. Но,– Начальник Гавани усмехнулся,– подорожной он тебе тоже не даст.

Большелапый пес-однолеток подбежал к лежащему лицом вниз Торону и обнюхал его. Потом лизнул алую лужицу, натекшую из-под головы борца.

Шинон перевел взгляд на хрипящего человека.

– Лекаря! – приказал он возникшему домоправителю.– И поживей! Я не хочу, чтоб он умер в моем доме!

Даг смотрел на Шинона налившимися кровью глазами. Он силился что-то сказать, но ничего, кроме невнятного клекота, не вырывалось из отдавленного горла. Шинон достал из

кармана его куртки плоскую шкатулку и вытряхнул на ладонь коричневый шарик. Даг не сводил с него выпученных глаз. Эрд заметил, что правый зрачок сановника косит.

Оттянув Дагу нижнюю челюсть, Шинон бросил ему в рот коричневую пилюлю.

– Хорошо, что я не женат! – сказал он.

V

«Эй-арк разгреб светящийся песок и выдернул сочное тело гриба. – Видишь? – указал Ман-Таут ученику. – Жизнь поддерживает жизнь даже там, где стоит печать Смерти.

– Ты полагаешь это жизнью, владыка? – ученик смотрел на жрущего магхара.

– Не будь тебя, он занял бы твое место. Не будь также и меня, мое место – его!

Эй-арк запихнул в лягушачий рот последний комочек гриба и облизнул мохнатые пальцы.

– Он отвратителен! – сказал ученик. – Позволь, я убью его.

– Убей, – согласился Ман-Таут. – Зачем копить желания?

Ученик приблизился к магхару и плеснул волшебным огнем на скошенный затылок. Белое пламя вспыхнуло, магхар подскочил, дико завизжал, заплясал по песку, распространяя запах горелой шерсти. Ученик брезгливо отвернулся.

Но Ман-Таут продолжал смотреть. И вот охваченная огнем чернеющая оболочка надорвалась, как ящерицье яйцо, а из пульсирующего багровым пламенем разрыва поднялась в флюоресцирующий воздух огненная тень развоплощенного Демона. Миг-другой очертания ее метались, как чудовищный факел в бурю. Затем Демон обрел подобающую форму. Горящие глаза его описали круг: огненная плоть упала на ученика и всосала его, как пасть дикилидокса всасывает ил. Ман-Таут предусмотрительно заслонился щитом заклинаний, но в этом не было необходимости: Демон узнал его.

– Владыка, – шепнул Ман-Таут. – Так ли содеяно?

Щель на лице Демона разошлась, и желтый дым на миг заслонил хищное светило Проклятой земли, выпрыгнувшее из-за кромки гор.

– Сделано, раб! – прогремело в мозгу Ман-Таута.

Демон развернул угловатые, цвета тлеющих углей крылья и полетел в сторону пульсирующих злым огнем развалин. Ман-Таут последовал за ним».

Сантай Темный. Праздные маги.

Глава «Цепь послушания»

Биорк солгал бы Эрду, если б сказал, что не знает, куда пойдет. И он не был бы вагаром-воином, если бы еще вчера не отыскал место, где найти его будет так же трудно, как упущенную рыбу – в океане. А нашедши – еще труднее схватить. Храм Быкоглавого! Многолюдный, общедоступный Дом Могучего, где никто не удивится чужеземцу или мальчишке-бродяге, храм, постоянно испытывающий нужду в руках для черной работы, ибо бог Силы, как всем известно, не любит рабов. Храм Быкоглавого примет любого, кто пожелает скромно служить ему. И на территории его фарангские стражники – всего лишь почитатели бога, уважаемого как земледельцами, так и носителями мечей.

Когда Биорк подошел к храму, огненный шар солнца еще не выглянул из-за горизонта. Но толпы людей уже стекались к святилищу. Центральная башня храма в восемьдесят локтей высотой издали казалась огромной головой Быка с высунутым красным языком. Обширное подворье опоясывала железная ограда. Прутья ее, загнутые наружу и заостренные, поднимались на добрых два человеческих роста. Черные бычьи головы с огромными

рубинами вместо глаз взирали на входящих с привратных столбов. От распахнутых ворот к храму вела просторная аллея длиной в восемь раз по восемьдесят шагов. Утренние паломники, ручейками стекавшие к воротам, пройдя меж бычьих голов, двигались под сенью деревьев Священной Аллеи к восьмиступенчатой лестнице, поднимающейся к воротам святилища.

Смешавшись с толпой, Биорк поднялся по желтым, стертým до кривизны ступеням. Входя, он незаметно подмигнул красной бычьей голове над воротами. Той, что издали казалась высунутым языком.

Войдя, Биорк свернул налево и поднялся на третий ярус хоров, опоясывающих внутреннюю часть центральной башни. Перила из темного полированного дерева оберегали неосторожных от падения с высоты двадцати локтей.

Биорк повернул голову и увидел прямо перед собой свирепо-тупую бычью морду. Черные тяжелые рога загибались вперед. Расстояние между их выкрашенными в алый цвет остриями достигало почти шести локтей. А сама громадная статуя – голова зверя на покатых плечах мощного человеческого тела – была никак не меньше двадцати пяти локтей высотой. Она занимала центр святилища. Алтарь располагался у ее ног и выглядел совсем маленьким сверху.

– Могучий! О! Многосильный! О!
Средоточие мужества! О!
Многоплодный! О!
Взываем! Взываем! Взываем!

– заревели густые басы величальных жрецов. Наклонясь мускулистым телом, вытянув руки, бог Силы угрюмо и грозно внимал. Клубы цветного дыма поднимались от его ног к непропорционально большим гениталиям и, расплываясь, облекали черный торс подобием светлой ауры. Рогатая голова глядела вниз яростными рубиновыми глазами, возвышаясь над текучим облаком курений.

– Прими, прими, Всепобедный, угодную жертву! – возгласил Верховный Жрец, задирая голову.

Сверху и он сам, и алтарный стол с дарами казались игрушечными.

– Прими, прими, прими! – отозвались басы. – Мощный, мощный...

Дым загустел, накрыв рыжим облаком и жреца, и алтарь. Хрипло загудели рога. Им вторили визгливые флейты со второго яруса. Дым рассеялся. Даров не было.

– Принял!!! – возопил жрец.

– О-о! У-ум-м! – вступили басы.

– Мм-о-о! У-ум-му-у! – заревела толпа, подражая бычьему реву.

– Мо! – свирепо зарычал вагар, чтоб не выделяться. Голос его был тонковат для подобных упражнений, но то была не его вина.

Как и все вагары, Биорк считал религию красивой забавой. Сомневаться в существовании Высшего нелепо для одаренных внемчувственным восприятием, но напяливать бычью голову на человеческое тело!.. Любой магхар выглядел естественней, чем этот урод с копытами вместо ступней и свисающей до колен мошонкой.

Толпа потекла из храма. Сейчас они омоются в двух священных водоемах и разойдутся по своим и чужим пажитям. Хвала Богу Оплодотворяющему!

Вагар спустился вниз.

– Хвала Быкоглавному! – обратился он к первому попавшемуся жрецу.

– Хвала, – рассеянно отозвался жрец. – Что тебе, парень?

– Хочу служить богу, – проговорил Биорк, скромно потупившись.

Жрец, тучный рослый мужчина в голубой хламиде, скользнул по нему взглядом:

– Похвальное желание! Видишь того длинного юнца, слева от малого жертвенника? Ступай к нему, он определит тебя.

– Хвала Быкоглавому! – поблагодарил Биорк.
– Истинно так! – кивнул жрец и, гордо неся круглый живот, направился к выходу.
– Как, гришь, ты зовут? – спросил старший служка, костлявый юноша на голову выше Биорка.

– Тумес.
– Так ты чужак! – воскликнул старший служка. – То-то, гляжу, у ты такая странная физия! – Голос его ломался, и потому в шаткий баритон врвались звуки визгливого дисканта.

– Да, – согласился Биорк-Тумес. – Я из Гурама. Ходил юнгой на торговом судне.
– Ну и как там, в Гураме? – спросил старший служка и, не потрудившись выслушать ответ, продолжил: – Ты, пацан, не дурак, что пришел к Быкоглавому. Он своих жалует. Работы, козшно, хватает, но всяко лучше, чем день-ночь по реям лазать да тухлую воду глотать. Нет, ты точно угадал. С пустым брюхом не останешься! – Он похлопал себя по тощему животу. – А станешь «синим», служителем, о! Винище – рекой, девки, всё! Смотри на меня, пацан: два года – и я – «синий»! Уразумел, кто я? То-то!

Биорк-Тумес кивнул.
– Имя мне – Скон. Но ты зови меня... – он хлопнул вагара по плечу, – Старшоёй! О! А ты – здоровяк! – закричал он. – О! Молодец! Могучий любит сильных! – Его некрасивое лицо растянуло улыбка. – Ставлю тебя кормить быков. Не обоссешься?

– Нет.
– Правильно. Храмовые быки – что волы. Зелье им дают. Чтоб не баловали – богу зряшней крови не надо. А уж если мощь показать – есть у нас один. Во зверюга! Яйца – во! Уж его не замай – злой, сущий демон! Только верховный с ним и вошкается. Потому как – маг. А без магии он бы и Верховного убодил! Истинный Равахш!

Они вышли из святилища через дверь за спиной статуи бога и оказались на служебном дворе. Скон привел вагара к маленькому домику в самом углу двора рядом с чугунной оградой.

– Тут будешь жить, – сказал старший служка и подтолкнул Биорка внутрь.
Вагар оказался в большой комнате без окон, но с несколькими проемами в крыше. Тонкие стенки были сделаны из неплотно подогнанных досок, в щели между которыми просачивался свет. Мебели почти не было. Узкие лежанки вдоль стен, тумбы для одежды, длинный стол с изрезанной ножами крышкой. Пятеро подростков – старшему на вид семнадцать, младшему – около четырнадцати лет – устали на вошедших.

– Твое место! – Скон ткнул пальцем в сторону одной из лежанок.
– О! – сказал старший подросток. – Новичок!
– Ха! Новичок! – Они обступили вагара, бесцеремонно разглядывая его.
– Ну, вы, парни, не очень! – сказал Скон, выходя. – Полегоньку.
– Не! – засмеялся юнец со щербатым ртом. – Мы – не очень!
– Как заведено! – подхватил другой, толкая вагара в спину.
– Погоняем маленько!
– Тряхнем по разику!
– Не, мы не очень! – самый высокий схватил Биорка-Тумеса за руку и потащил за собой. – Не бойся, чай, не до смерти!

Вагар стряхнул потную руку и легонько толкнул юнца в грудь. Легонько – для воина. Ошарашенный юнец отлетел к противоположной стене и сел на пол, жадно глотая воздух. Вагар шагнул к одной из опорных стоек и приемом «косая клешня» вырвал из нее изрядный кусок дерева. Уронил щепу на пол. Затем подошел к лежанке, скинул обувь, лег и закрыл глаза. Никто из подростков не посмел проронить и звука. Тихо, один за другим, они выскользнули из комнаты и снаружи раздались их высокие резкие голоса. Потом звуки смешались, и Биорк уснул.

- Дай мне свои губы, Черенок! Свершилось!
- Ты торжествуешь, сирхар? Он – сделал?
- Да, Черенок, он сделал это, Черенок, он преступил запрет, и теперь он – мой!
- Теперь ты убьешь его, сирхар?
- Да, теперь я убью его.

* * *

Звук гонга.

- Входи,– сказала Этайа, прикрыв лицо вуалью.

Дверь отворилась. Молоденькая девушка нерешительно шагнула на покрывающую маты шелковую ткань. Ткань была расписана под лесной луг. Желтые и белые цветы в голубой траве. Художник изобразил даже пару серебряных ящерок-медовниц¹¹, пьющих нектар. Девушка потерла друг о друга маленькие босые ступни, очищая их от уличной пыли. Серебряные браслеты на щиколотках тихо зазвенели. Чуткий твердый пальчик с перламутровым ногтем потрогал шелковый цветок...

– Госпожа! – Голос у девушки был глубокий, полный обертонов.– Можно мне говорить с тобой?

- Войди и сядь,– предложила Этайа.

– Благодарю!

Двигаясь плавно, чуть покачивая бедрами, девушка пересекла гостиную и осторожно присела на край стула, плотно соединив круглые загорелые колени, но расставив узкие ступни на шаг одну от другой. У нее было типичное конгайское личико, нежное, приятное, с мелкими правильными чертами. Умело подведенные большие карие глаза казались влажными. Тяжелый узел волос оттягивал затылок. Ожерелье из крупных красных гранатов спускалось с длинной сильной шеи до линии ключиц. Голубая безрукавка была расстегнута на груди.

По ножным браслетам и нарисованному на лбу знаку нетрудно было догадаться, что гостя – танцовщица.

- Хочешь пить? – спросила светлорожденная, кивнув на кувшин с соком.

– Если госпожа позволит – чашку вина! – Лицо девушки было спокойным, но пальцы рук, лежащих на коленях, безостановочно двигались.

Этайа потянула шнурок под светильником. Появился служка. При виде девушки на лице его выразилось слабое удивление.

- Светлейшая?

– Чашку светлого вина! – велела Этайа и, обращаясь к госте: – Слушаю тебя, девушка!

Конгайка облизнула карминно-красные губы. Запах юного тела, смешанный с ароматом благовоний, коснулся ноздрей светлорожденной, и Этайа подумала, что танцовщица наверняка не испытывает недостатка в мужском внимании.

– Мальчик,– сказала девушка,– его зовут Соан, говорил с большим воином. Большой воин сказал ему: он будет искать Санти... Сантана...

– А не сказал ли он также, что большой воин велел ему держать язык за зубами? – спросила Этайа.

– Он не виноват, госпожа! – Девушка еще раз облизнула губы розовым язычком.– Ему трудно скрыть от меня то, что для меня важно. Он еще молод.

¹¹ Медовницы – самые маленькие ящерицы Мира. Обитают на всех континентах и бывают самых причудливых цветов. Пленка их крыльев настолько тонка, что почти полностью прозрачна и преломляет свет так, что крылышки переливаются всеми цветами радуги. Медовницы живут колониями в труднодоступных местах или специально выращиваются людьми для получения белого сладкого медоподобного вещества, которым медовницы вскармливают только что вылупившихся детенышей.

– А ты – нет?

Девушка улыбнулась, но эта улыбка не украсила ее. Было в этой улыбке что-то непристойное.

– Я – не он, – сказала гостья. – Прошел слух, что ночью у дома Тилода, отца Санти, что-то произошло. Скажите мне, – мольба слышалась в ее голосе, – вы ищете Санти? Да, госпожа? Позвольте мне помочь вам! Я... – Девушка осеклась, потому что в комнату вошел слуга, принесший вино. Выхватив у него чашку, она залпом осушила ее и вытерла рот тыльной стороной ладони. На руке остался влажный след.

Слуга взял чашку и вопросительно посмотрел на Этайю. Женщина отпустила его взмахом руки.

– Я не верю тебе, девушка, – сказала она.

На глазах у ее гостьи выступили слезы.

– Но почему?

– А даже если бы и верила – не думаю, что это дело – твое.

Слезы на глазах девушки мгновенно высохли.

– Это мое дело! – заявила она гневно. – Мое, а не твое! – Молодая конгайка вскочила на ноги. Глаза разгорелись. Круглые груди подпрыгивали в такт быстрым взмахам руки. – Он любит меня!

– Сядь! – повелительно произнесла Этайя.

И сила, которая была в голосе светлорожденной, заставила ярость молодой конгайки угаснуть. Обмякнув, она безвольно опустилась на стул.

– Оставь свою магию для мужчин, – сказала Этайя. – Мне оскорбителен твой крик. Ты поняла?

Девушка кивнула. Потухший взгляд ее блуждал по стенам комнаты. Этайя взяла кувшин с соком и плеснула гостье в лицо. От неожиданности девушка вскрикнула, вскочила. Густой сок, холодный, желто-зеленый, тек по ее груди и животу, по складкам красной повязки, туго охватившей бедра, по стройным ногам. Он лужицей скапливался у ее ноги, на голубом паутинном шелке, не пропускающем влагу.

– Полегчало? – спросила Этайя.

– Да, госпожа.

– Я скажу тебе. Да, мы ищем Санти. Я знаю, что он, может быть, еще жив. Если так, мы найдем его. (Лицо девушки посветлело.) Но не для тебя. (Ровные белые зубки впились в губу.) Согласна ли ты и теперь помогать нам?

Девушка кивнула, не поднимая глаз.

– Молодец! – похвалила Этайя. И отстегнула вуаль.

Щелчок застежки заставил гостью поднять взгляд.

– Боги! – прошептала она. – Как ты прекрасна!

Этайя ласково улыбнулась:

– У меня есть то, чего нет у тебя, но ведь и у тебя есть то, чего у меня нет, девочка.

– Это слишком сложно для меня, – тихо сказала конгайка.

– Ты – танцовщица... И не только танцовщица, верно?

– Да, госпожа.

Девушка смутилась.

– И у тебя есть друзья... Важные друзья.

– Да, госпожа.

– Они многое рассказывают тебе...

– Да, госпожа.

– Я хочу услышать о Наместнике!

Девушка смотрела на точеный подбородок Этайи.

– Наместник... не в числе моих друзей.

– Знаю. Но у него есть доверенные. Я думаю, он причастен... Понимаешь?

– Да, госпожа.

– Ты узнаешь?
– Попробую, госпожа.
– Я дам тебе денег?
– Не нужно. Денег у меня хватает.
– Не для себя. Для тех, кому есть что сказать.
– Нет, госпожа. Платить опасней.
Этайа с новым интересом посмотрела на девушку:
– А ты права. Не зови меня госпожой. Когда мы вдвоем, мое имя – Тай. А твое?
– Мара.
– Храни себя, Мара! Нет, стой! – Женщина протянула ей полотенце. – Вытрись. И будь осторожна, девочка!
– Храни себя, Тай!

VI

«Маги и люди равно совершают ошибки и, исправляя их, совершают новые ошибки, еще более опасные, а исправляя последние, совершают подчас ошибки почти гибельные. Но не следует думать, что это падение. Наоборот, сие есть – путь вверх, ибо с каждой исправленной ошибкой сила наша растет».

Сантай Темный. Праздные маги. Комментарий к главе «Живое ремесло»

Лекарь воткнул золотую иглу в колено спящего Дага. Две такие же иглы уже подрагивали в правой кисти сановника. Лекарь был сухой крепкий старик невысокого роста с непроницаемым очень смуглым лицом. Вращая иглу между большим и указательным пальцами, он ввел ее на необходимую глубину и оглянулся, услышав шаги.

Нил вошел в гостиную, неся на руках Торона. Походка его потеряла кошачью мягкость, но все же могучее тело борца не слишком обременяло гиганта. Воин опустил свою ношу на тростниковый мат. Лекарь мельком взглянул на превратившееся в кровавую кашу лицо Торона.

– Нет, это не мое, – сказал он и вновь повернулся к чиновнику.

Подошедший Шинон коснулся плеча лекаря.

– Ты должен сделать все, что возможно, – сказал Начальник Гавани. – Я не хочу, чтоб болтали о том, что я не проявил милосердия в собственном доме!

Лекарь пожал плечами (ты – господин) и присел около тела борца. Достав маленькое зеркальце, он поднес его к окровавленной щели в сплошной ране, в которую превратилось лицо Торона. Серебряная поверхность осталась незамутненной. Взяв руку, более толстую, чем бедро самого лекаря, старый конгай пощупал пульс.

– Мертв, – сказал он уверенно.

И вновь занялся сановником.

Нил, расставив ноги, стоял над телом Торона. Лицо его ничего не выражало, но светлорожденный, хорошо знавший его, по неуловимым признакам понял: великан думает, и думает напряженно. Вот он опустил на колени рядом с борцом, провел рукой по круглой, как днище лодки, покрытой шрамами груди... И вдруг резко ударил по груди основанием ладони. Звук был такой, как если бы он ударил в дно пустой деревянной бочки.

Лекарь с любопытством посмотрел на северянина. Нил положил ладонь на левую сторону груди борца, замер, словно прислушиваясь... И нанес еще три быстрых удара, не таких сильных, как первый, но достаточных, чтобы уgomонить среднего мужчину. Еще какое-то время Нил держал обе руки на груди борца, потом переместился поближе к голове и погрузил пальцы в месиво, которое прежде было лицом Торона.

Лекарь оставил своего пациента и, присев на корточки рядом с воином, с крайним интересом наблюдал за его действиями.

Нил закончил свои манипуляции и вытер окровавленные пальцы о набедренную повязку борца. Положив руки на ребра Торона, он с силой нажал.

Пузырящаяся пена выплеснулась из рта борца. Еще толчок – еще один алый фонтанчик. После пятого раза в бронхах лежащего раздался хрип и судорога прошла по телу Торона. Трижды повторив ту же операцию, Нил отодвинулся от тела.

– Твоя очередь, – сказал он лекарю.

Тот с уважением посмотрел на воина.

– Слышал я, что врачеватели Тайдуана делают подобное, – сказал он. – Но сам не видел никогда. Не сочтешь ли за труд показать мне...

– Прости, целитель. Это скрытое знание. И не врачевателей Тайдуана, а воинов Севера. Клятва связывает меня.

– Понимаю, – согласился лекарь. – А что можешь ты поведать, не нарушив обета?

– То, что ты плохо ценишь настоящих бойцов, целитель. Этого парня мало треснуть головой о камни. Он живуч, как леопард, иначе давно бы уж развлекал своей глупостью Нижний мир. Да, он никогда не будет дышать носом. Но он и так им не дышал. Челюсть сломана в двух местах, но этот череп прочней скорлупы гигантского ореха. Корми его кашей, не давай болтать – и через три месяца он опять будет безобразничать с портовыми девками.

– Мудрость твоя покорила меня, – улыбнулся лекарь. – Прими мое уважение.

– И мое, Нил, сын Биорена, – сказал Начальник Гавани. – Не будь ты так вспыльчив, я уступил бы тебе свой чин.

Великан покачал головой.

– Я верен своему долгу, – сказал он.

– Скажу тебе, Шинон, – вмешался светлорожденный, – что, прежде чем стать моим хранителем, Нил был Хранителем Проклятой Границы на севере империи. Раздери меня магхар, если я понимаю, зачем он сделал то, что сделал!

Начальник Гавани удивленно взглянул на воина.

– Достойный, – сказал он, поклонившись, – я думал, ты простой боец.

– Думай так и сейчас, ошибки не будет! – сказал гигант. – Прошу тебя, отважный Шинон, забыть то, что ты слышал. Ты и лекарь узнали то, что надо бы оставить в тайне! – Он укоризненно посмотрел на Эрда. – Надеюсь, ты не откажешь мне. А лекаря и просить не нужно: тайна – его профессия.

Врачеватель кивнул.

– Настало время нам вернуться в гостиницу, – сказал Эрд. – Благодарим тебя, отважный Шинон!

– Предлагаю вам переселиться в мой дом, – сказал Начальник Гавани. – Он не менее удобен, чем «Добрый приют», и более... безопасен.

– Благодарю тебя. Мы останемся в гостинице.

– Как угодно светлорожденному. Хранят вас боги.

– Хранят и тебя! – ответили Эрд и Нил.

* * *

Жара, обычная в Фаранге в этот сезон, начала спадать. Мощенные камнем улицы и улочки заполнились людьми. Смуглые мужчины и женщины в разноцветных косынках и набедренных повязках спешили воспользоваться временем между окончанием полдней жары и короткими южными сумерками.

Глядевший на конгаев со спины парда светлорожденный ни разу не заметил недоброго взгляда. Напротив, люди улыбались друг другу. И ему, чужаку, тоже улыбались. Даже нервные беговые парды, не упускавшие возможности ляскнуть зубами на прохожего или на самого наездника, кротко протискивались сквозь толпу там, где улица становилась тесной. Казалось, благодушие овладевало Фарангом, когда лучи дневного светила переставали

сжигать голые спины.

Как обычно, когда светлорожденный ехал вместе с Нилом, взгляды, сперва обращенные к непривычно одетому красавцу-аристократу, потом будто притягивались могучей фигурой Нила. Эрд не испытывал ревности, наоборот, ему нравилось, что столь незаурядный человек – его слуга. Конечно, он, Эрд Асенар, выше любого из своих спутников, но разве не окружение подчеркивает блеск правителя?

Мысли Эрда обратились к Этайе.

Сам император даровал ей титул светлорожденной. Чудесна игра ее. Чудесна и сама Этайа. Но это все, что Эрд знает о ней. Говорят, она приехала в Глориан, столицу империи, из Тайдуана. Но светлорожденная столь же не похожа на желтокожих женщин-таек, как и на желтоволосых красавиц Хольда.

Эрд не отказал ей, когда светлорожденная пожелала стать его спутницей. Может быть, надеялся узнать ее ближе. Загадочная Этайа...

– Господин! Господин!

Босоногий бегун в оранжевой головной повязке догонял их, расталкивая прохожих.

Эрд придержал парда, подождал, пока бегун проберется к нему.

– Начальник Шинон просит тебя вернуться! – задыхаясь прокричал бегун. Струйки пота текли по худому лицу.

– Что он еще сказал? – осведомился Эрд.

– Сказал, что зовет тебя по интересующему тебя делу, господин. Больше ничего.

– Ты хочешь вернуться? – спросил Нил.

Светлорожденный задумался.

– Меня беспокоит светлорожденная, – сказал он. – Чем дальше, тем больше я опасаясь этой страны.

– Думаю, Этайа сама позаботится о себе, – сказал Нил. – Кто станет обижать женщину?

– Как знать. Так что езжай в гостиницу. А я вернусь к Шинону. Один.

Эрд хотел бы пообщаться с конгаем с глазу на глаз. Нил будет ему мешать.

– Мне это не нравится! – заявил гигант.

– Не бойся за меня, – недовольно произнес Эрд. – Шинон силен в Фаранге. И расположен ко мне. Ты сам видел: он не вступился за Дага. Шинон – воин. Я ему доверяю. Он обеспечит мою безопасность не хуже, чем это сделаешь ты.

– Светлейший, – осторожно сказал Нил, заметив, что Эрд начинает сердиться. – Я не стал бы слепо верить никому в этой стране. – Он погладил пятнистую шею парда.

– Ты считаешь меня юношей, впервые увидевшим кровь? – спросил Эрд, с трудом сдерживая себя. – Ты думаешь, мой меч недостаточно остр для шей моих врагов?

– Воля твоя, светлейший. Поступай как знаешь.

И, не сказав больше ни слова, Нил поехал в сторону гостиницы.

Эрд, оскорбленный его поведением, обещал себе впредь поменьше обращаться за советами к слугам.

* * *

Биорк проснулся, когда дневная жара начала спадать. Пройдет час или около того – и вечерние паломники потянутся в храм, чтобы принести бескровные дары Великому Быку.

Комната, в которой спал вагар, была пуста. Биорк вышел на воздух. По храмовому двору бродили лохматые овцы, пачкая пометом мостовую. Два старых вола вращали деревянный маховик над колодцем, и струйка воды непрерывно текла по узкому акведуку в священные водоемы слева и справа от Аллеи Паломников. Был на подворье и собственный водоем под двускатной тростниковой крышей. Омовение – вещь крайне необходимая в здешнем климате. «Слава» о Тумесе уже разнеслась по служебному двору, но вагар надеялся, что его известность не выходит за пределы касты храмовых служек. Он

ополоснулся в бассейне (двое голых мальчиков-служек, увидев Биорка, поспешно полезли из воды) и отправился искать Скона.

Старшего служку он застал за благородным занятием – поркой. Заметив Тумеса, будущий «синий» оставил в покое разрисованные розгами ягодицы наказуемого (тот тут же улизнул) и обернулся к вагару.

– Не знал, что ты такой крутой! – сказал он. – Думаю, тебе больше пристало бы служить отважному Шинону, чем Быку.

– Я думаю, сила угодна Тору.

Скон уставился на недетское лицо вагара.

– Сила угодна всем, – сказал он не спеша. – Но многие принимают за силу жестокость. Здесь, в нашем храме, жестокость не должна быть чрезмерной! – выговорил он явно услышанную фразу. – Смотри у меня! Быкоглавый не любит зряшной крови: если покалечишь кого – отдам страже Наместника.

– Меня не обидят – я не обижу! – сказал Биорк-Тумес.

– Тебя не обидят. Видели, каков ты. Дураков нет.

Опыт вагара диктовал обратное, но он промолчал.

– Все! – оборвал разговор Скон. – Быкам надо жрать. И тебе надо жрать. Набей брюхо и принимайся за работу. Живо, живо!

* * *

– У меня есть к тебе предложение, благородный Эрд, – сказал Начальник Гавани, когда светлорожденный вновь оказался в его доме. – Но прежде не соблаговолишь ли ты со мной отобедать?

– Почту за честь, – вежливо ответил светлорожденный.

На этот раз обед подали не на террасе, а внутри дома, в высоком, на два яруса, пиршественном зале. Потолка не было – вероятно, крыша была раздвижной. Сквозь шелковую сетку синело безоблачное небо. Высокие стены были расписаны фресками. Деревянные раскрашенные фигуры стояли рядом с большими окнами-арками. Посреди зала находился небольшой помост, крытый алым бархатом. Полукругом, рядом с помостом, располагался пиршественный стол, за которым могло поместиться человек сорок.

Впрочем, Шинон и Эрд обедали вдвоем.

Прислуживали им те же девушки, что и утром.

После третьей перемены в зал вошли четверо актеров в живописных одеждах и столько же музыкантов. Актеры поднялись на помост и без всякого энтузиазма принялись разыгрывать жанровые сценки. Две ситры, тростниковая флейта и барабан сопровождали их движения.

– Тебе не нравятся актеры? – спросил Шинон, поймав брезгливый взгляд Эрда, брошенный на подиум.

– Они двигаются, как больные волы, – сказал светлорожденный. – И пыла в них столько же.

– Да, они не слишком стараются, – сказал Шинон. – Обычно их зовут, чтобы соблюсти приличия. К чему стараться, если плата все равно останется прежней.

– Пожалуй, я мог бы подарить им пару серебряных монет, – произнес Эрд, глядя на трех мужчин и одну женщину. Закончив одну импровизацию, они еще не начали другой и просто толклись на помосте, пока музыканты наигрывали одни и те же пять тактов. – Я видел ваших кукольников, – продолжил светлорожденный. – Это очень недурно. Жаль, что в Конге нет настоящего театра.

– Театр есть при дворе Великого Ангана, – отозвался Шинон. – Но я пока не удостоился. Да и не уверен, что мне понравилось бы то, что нравится соххогоям¹². Скажу тебе

¹² Соххогой – правящая раса Конга. И внешностью, и привычками они настолько же отличаются от конгаев,

откровенно, светлейший: искусство Конга умирает. Наши скадды стары, певцы поют одни и те же баллады. Это огорчительно для понимающего человека.

– Однако, я слышал, не так давно в твоём Фаранге жил юноша, что мог бы потягаться с певцами Тайдуана, – заметил Эрд.

– Вряд ли, светлейший. Уж я бы знал.

– Думаю, ты знал, – предположил Эрд. Он не мог понять, действительно ли Шинон в неведении о пропавшем юноше или хочет скрыть это от него. – Его зовут Санти.

– Санти? – Начальник Гавани задумался. – Нет! – покачал он головой.

– Достойный Шинон, ты удивил меня, – сказал светлорожденный. – Санти! Мы уже вспоминали о нем сегодня. Он – сын Тилода, и он – тот, кого я ищу.

– Ой-май! – воскликнул Шинон. – Зеленоглазый Сантан! Ты удивил меня, светлорожденный! Тилод никогда не говорил, что сын его – поэт. И что, ты полагаешь, у него было будущее?

Эрд кивнул.

– Трижды прискорбно! – проговорил конгай.

Лицо его омрачилось, но потом он вспомнил, что должен развлекать гостя, и повернулся к актерам:

– Эй, бездельники! – произнес Шинон, не скрывая раздражения. – Вы слышали о Санти?

Те переглянулись. Было заметно, что они испуганы.

– Не трусить! – рявкнул Начальник Гавани. – Все знают, что Тилод был моим другом («Был», – отметил Эрд.) А Тилод – его отец. Мой благородный гость говорит, что Санти – превосходный поэт. А значит, так оно и есть, потому что мой гость – светлорожденный Империи. Стыдно мне, что я узнаю об этом от того, кто лишь два дня назад ступил на землю Конга. Ну, знаете песни Санти?

Актеры молчали.

– Так, – тихо сказал Шинон. – Или вы развяжете сумы своего красноречия, или вас будут сечь плетью, пока кожа ваша не раскиснет, как земля в сезон дождей!

Актеры переглянулись.

– Хорошо! – вдруг сказал один из них, худой черноволосый мужчина с горбатым носом и длинными беспокойными руками. – И пусть возможная кара падет только на меня! Я спою тебе песню, отважный Шинон. Санти подарил мне ее... Полмесяца назад. Слушай! Слушай и ты, светлейший, и знай: пусть у нас нет таких театров, как в Империи, но сердца наши не оскудели, как бы ни убеждал тебя этот моряк!

Шинон захохотал.

– Мне нравится твой язык, длинноволосый! Не бойся! Никто не накажет тебя за то, что ты выполнил мой приказ. Но учти: если песня будет плоха, ты уйдешь немой!

– Если она будет хороша, – вмешался Эрд, – награда будет достойной.

Актер внимательно посмотрел на аристократа.

– Жизнь – за жизнь! – неожиданно сказал он.

Ни Эрд, ни Начальник Гавани его не поняли.

– Начинай же! – приказал Шинон.

Актер стал на середину помоста, а его товарищи отступили в стороны. Сбросив с плеч алый плащ, он вывернул его наизнанку и вновь накиннул на костлявые плечи. Теперь плащ был черным, как ночное небо. Запахнувшись в него так, что осталось на виду только узкое

насколько кугурр отличается от домашнего парда. Некогда конгаи поклонялись соххогоям, как божествам, и приносили им обильные кровавые жертвы. Впоследствии, когда Конг и его северный сосед Хурида были захвачены Империей, «божественность» соххогоев была подвергнута сомнению. Но земли соххогоев по-прежнему принадлежали им, и, когда войска Империи покинули Конг, соххогои вернули себе и власть. Впрочем, только ту власть, которой хотели обладать соххогои. Преклонение перед соххогоями ушло из сердец конгаев, остался только панический страх.

лицо, конгай медленно произнес:

– Мы были рядом: вот я, вот Ночь.
Вот сонное море Зур.
И луны мчались во тьме точь-в-точь,
Как парусник в пору бурь...

Глухо заурчал барабан. Ему отозвались струнные. Словно зашумел длинный морской накат.

– И я позвал ее: слышишь, Ночь,
Давай я тебе спою (и сам он уже не говорил – пел),
Спою тебе, как другим невмочь,
Как только я не боюсь!
Я так спою для тебя, о Тень,
Что смолкнет пенный накат.
Я так спою, чтобы к нам слетел
Дракон на песчаный плат!

И я запел. И все было так.
И Ночь – на моей груди.
И жар ее – на моих устах...
– Плати! – я сказал. – Плати!
Я отдал все. До живой воды,
Что влил в меня черный Юг!
И вот я сух пред тобой. И ты
Отдай мне силу свою!

Черный плащ упал. Певец сделал несколько шагов – до самого края помоста. И так стоял, раскачиваясь, запрокинув вверх голову, казалось, – вот-вот сорвется. Крылья волос падали на его худые плечи и тоже раскачивались в такт его движениям.

И Ночь, которой я пел тогда,
Ответила мне: «Что ж,
Коль хочешь силу мою, – отдам!
Но ты от нее
Умрешь».

Он еще какое-то время стоял не шевелясь. Как воин, получивший смертный удар и осознающий это. Потом как-то съежился, опал, неловким движением подхватил с помоста плащ, волоча его за собой, пошатываясь, сошел со сцены и, не обернувшись, покинул зал.

– Не гневайся на него, отважный Шинон, – сказал пожилой актер. – Он стал тем, кого играл.

Шинон согласно склонил голову:

– Я понимаю. Передай ему мое восхищение. Да простит он меня за злые слова. Как имя его?

– Харм, светлейший.

– Он тронул мое сердце. Отныне оно открыто для него. Не смею оскорбить мастера деньгами. – Шинон хлопнул в ладоши – появился домоправитель. – Морон! Принеси мой браслет из черного металла!

Домоправитель вышел, но тотчас появился, так быстро, будто браслет уже заранее лежал в его кармане:

– Вот, мой господин.

Шинон показал браслет заинтересовавшемуся Эрду.

– Я взял его на пиратской шекке. Бывший хозяин уверял, что он волшебный. Хотел, должно быть, купить себе жизнь, болван! – Шинон усмехнулся. – Волшебный или нет, но красив!

Широкий, в три пальца, браслет, из абсолютно черного блестящего металла, в который были впаяны крохотные алмазы, сверкающие, точно звезды в ночном небе, был действительно хорош.

– Возьми его для мастера Харма! – Шинон протянул браслет пожилому актеру и остановил Эрда, который тоже хотел отблагодарить артиста.

– В моем доме расплачиваюсь я! – произнес он. – Благодарю тебя, светлорожденный! Ты подарил мне звезду, что лежала перед глазами слепца. – Он проводил взглядом выходящих актеров. – Теперь, если ты все еще не оставил своего замысла, я хочу предложить тебе способ получения подорожной Конга.

– Я был бы признателен! – сказал светлорожденный.

– Полагаю, тебе ясно, что ни уважаемый Наместник Алан, живи он столько лет, сколько желают ему благодарные жители Фаранга, ни достойный Даг (даже если он оправится от сегодняшних переживаний) вряд ли помогут тебе.

– Я мог бы обойтись вовсе без подорожной, – сказал Эрд. – Металл, белый или желтый, иногда оказывается надежней бумаги.

– Допустим. А слышал ли ты о соххогиях, светлейший?

– Немного.

– Это почти хороший ответ для Конга.

– Почти?

– Хороший ответ был бы: нет. Только высшим офицерам и сановникам дозволено, в силу необходимости, рассуждать о них. Так же, впрочем, как и о том, что кто-то может «исчезнуть», если его мысли или речи, по мнению Дага, неуютны Великому Ангану. Только – высшим. Мне, например, – нельзя.

– И ты говоришь?

– Светлейший! – улыбнулся Шинон. – Ты не побежишь на меня доносить. А слуги меня не предадут: знают, что, оберегай их тогда хоть сам Наместник, все равно их кожу натянут на седла моих пардов. И, наконец, третья причина – я люблю делать то, что опасно. Быть может, только я один во всем Конге знаю, почему ты идешь в Урнгур. Я понимаю тебя, как брата, светлейший, да не сочти это оскорбительным для себя!

– Так что же соххогой, достойный Шинон?

– Соххогой? Чиновника ты купишь, солдата убьешь. С соххогоем не пройдет ни то, ни другое.

– Я встречал неподкупных, – заметил Эрд. – Бессмертных не встречал.

Начальник Гавани позволил себе засмеяться:

– Да, они не бессмертны. И каждый замок не более неприступен, чем мои форты. Причина в том, что для слуг Владелец выше Великого Ангана. А слуг они покупают лучших в Конге. Ты намерен плыть вверх по реке?

Эрд насторожился: никому, кроме Наместника, он не говорил об этом.

– Отчего ты так решил? – спросил он.

– Самый простой путь.

– Да, я собирался, но переменил решение.

– И что же?

– Куплю пардов, по паре на всадника. Поедем верхом. Это быстрее.

– Пожалуй, ты прав. Только скажи, к чему запасные парды? Мы, конечно, не Империя, но подстав на дорогах довольно. Ты мог бы и карету нанять.

– Зачем? Светлорожденная держится в седле не хуже начальника конной сотни, мы – воины. Ты говорил о соххогиях.

– Поплывешь ли ты по Фуа или поедешь по дороге – их владений тебе не избежать. Если на подорожной будет оттиснута моя личная печать – городская стража тебя выпустит. Но для соххогая такая подорожная не значимей банановой шкурки. А если тебя схватят и увезут во Владение – лучше бы тебе умереть от жажды посреди пресного озера.

– Не понял тебя, светлейший!

– Ой-май! У достойнейшего Наместника есть палач. Зовут его Ихм (он не конгай, а настоящий омбамту). У достойного Дага тоже есть палач. И у меня есть мастер тайных бесед, я тоже привез его из-за моря, и он стоит того. Но все трое потрошителей – сущие дети в сравнении с десятилетним соххогоем.

– Да, я об этом слышал, – задумчиво произнес Эрд. – И сколько в этом правды?

– Пусть твои знания о них и впредь питаются только слухами!

– Но если пропуска для них не имеют силы, – сказал светлорожденный, – то стоит ли вообще беспокоиться о подорожной?

– О нет! – возразил Шинон. – Я сказал «наши пропуска». Открытая подорожная Конга – дело другое. На ней – печать Великого Ангана.

– И что же?

– Для соххогая любой из нас – хоб, ничтожный. Но не Великий Анган, ибо Великий Анган – тоже соххогой. Хотя, если ты спросишь, правит ли он страной, я тебе отвечу: это тайна. Для тебя, впрочем, важно лишь то, что, имея печать Великого Ангана, ты – «собственность» Великого Ангана и табу для любого соххогая.

– Ты полагаешь, высший светлорожденный Империи ниже конгского людоеда? – процедил Эрд.

– Нет, я так не полагаю, – отозвался Шинон с добродушной усмешкой. – Но какая разница для тебя, что полагаю я, если ты будешь сидеть в замковой тюрьме? Не забывай, ты идешь один, а не во главе своей армии. Впрочем, приди ты с армией, и я бы говорил с тобой мечом. Чту твою честь, светлейший, но без подорожной путь твой будет непрост.

– Понимаю. Ты хочешь мне что-то предложить?

– Иначе не затевал бы этот разговор. Знай, должность, которую я занимаю, можно получить только из рук Великого Ангана. Лично.

– Хочешь сказать, что у тебя есть заслуги перед вашим правителем?

– Не перед ним самим, но перед лицом, очень значительным, одним из трех Исполняющих Волю. И я готов дать тебе эскорт из двух десятков всадников и гонца с письмом. Значок гонца защитит вас от внимания соххогоев. А если ты сумеешь убедить моего покровителя, что ты не враг Конга, он сделает тебе подорожную.

– А я сумею его убедить?

– Убедил же ты меня. А Исполняющий Волю не всегда был одним из трех правителей. Когда-то он был капитаном флагманского корабля, где я служил младшим кормчим. И он доверяет мне. Выехав из Фаранга на рассвете, гонец может еще до заката прибыть в резиденцию Великого Ангана, если не станет жалеть себя и пардов. Завтра утром ты отправишься, а через два дня, в случае успеха, вернешься с подорожной для себя и своих спутников. Особый гонец Великого Ангана и эскорт неприкосновенны. Кстати, этой же дорогой ты отправишься потом к границам Урнгура. Жду твоего решения, светлорожденный!

– Я еду.

– Не сомневался. Окажешь ли ты мне честь переночевать в моем доме? Ужин, скадда и умелую девушку, чтоб скрасить тебе ночь, я обещаю. Или ты предпочтешь юношу?

– Благодарю, достойный Шинон. Я предпочту девушку.

– Превосходно! Слуги покажут тебе покои. Там есть кисти и бумага: вероятно, ты захочешь предупредить спутников? Бегуна даст домоправитель, его имя – Морон, если ты пожелаешь звать его по имени. А сейчас я должен покинуть тебя, светлейший, прости! Меня ждут в Гавани.

* * *

– Он потерял чутье, Этайа! – воскликнул Нил, прочитав письмо.

– Ему грозит опасность?

– Уверен. Не следовало оставлять его одного: он стал слишком доверчив.

Нил нахмурился.

– Не веришь Шинону? – спросила светлорожденная. – Не потому ли, что в его доме ты едва не нарушил обет?

Великан покачал головой.

– Я верю девушке, что была подругой этого юноши-поэта, – сказал воин. – Она обманет, но не предаст. Вообще это было очень неглупо: привлечь ее к поискам. Эти... хм... подруги мужчин – отличные шпионы. Надеюсь, она не угодит в неприятности?

– Если она попадет в беду, вы с Биорком ее выручите, – спокойно сказала Этайа. – Так почему ты не веришь Шинону?

– Я не верю ни одной твари в этой стране, что носит значок Спящего Дракона. Голова этой ящерицы пропитана ядом!

– Может быть, – согласилась светлорожденная. И добавила медленно, взвешивая каждое слово: – Я вижу опасность для Эрда. Явную опасность. Но ты ведь помнишь, почему он с нами?

– Да, – мрачно произнес воин. – Оракул назвал это жертвой. Но я не думал, что так скоро...

Этайа молча смотрела ему в глаза... И Нил сдался.

– Будь по-твоему, Тай! – буркнул он. – Но мне это не нравится.

– Мне тоже, – светлорожденная не сводила с него переливчатых глаз, – ты ведь не забыл, кто я, Нил Биоркит?

Маска каменного идола, изувеченное лицо великана, сморщилось, словно пошло трещинами.

– Тебе самому надо быть осторожнее, Нил! – Этайа положила маленькую руку на веслоподобную кисть гиганта.

С нежностью, которую трудно ожидать от человека подобной наружности, Нил коснулся ее щеки.

– Знаю! – сказал он. – Хвала Быкоглавому, мне удалось исправить последствия своей ошибки. Прости, Тай, но я бы поел.

– Я распоряжусь, чтобы принесли ужин. Ты не переселишься в апартаменты отца?

– Нет, я останусь здесь. Биорк дал о себе знать? Его убежище раскрыто!

– Может быть, он сам раскрыл его? Его планы... Ты знаешь, твой отец непредсказуем. Это – часть его силы. Иди, смой с себя фарангскую пыль. Ты не слишком изнурил себя упражнениями?

– Ты шутишь, да? – засмеялся гигант, сбрасывая с себя набедренную повязку. – Я изнурил трех пардов – им нелегко было под моей тушей!

Он хлопнул себя кулаком по животу, четко разделенному на выпуклые прямоугольники мышц. Затем медленно втянул воздух, согнул ноги и сильным толчком бросил свое тело сквозь тростниковый полог. Выплеснувшаяся из бассейна вода хлынула в гостиную и лужицей заплескалась на паутинном шелке.

Крохотная медовница, впорхнувшая в комнату с террасы, опустилась в шаге от лужицы и, шурша цепкими лапками, подбежала к воде.

Этайа присела рядом и погладила отливающую золотом спинку. Ящерица сердито дернула маленькой заостренной головкой: не мешай! Этайа тихонько засмеялась.

* * *

– Он попался, мой господин! Наживка пришлась по вкусу!

– Ты так уверен в успехе?
– Совершенно, мой господин! Я возьму его двойной петлей.
– Мне приятна твоя твердость. Не сомневайся, я оценю твой пыл.
– Милость Носителя Дракона выше любой награды!
– Сказано хорошо. Но и награда будет, обещаю. А пока, Хуран, изложи мне детали твоей ловушки...

* * *

– Скажу вам, парни, я ее видел! – сказал Биорк-Тумес, закатив глаза.
Он сидел на лежаке, опершись спиной в дощатую стену, а кучка мальчишек сгрудилась перед ним на полу. В жадных, расширенных зрачках отражался свет масляной лампы. Уши ловили каждое слово вагара.

– Мы шли с грузом шерсти в Атур. С нами были еще три судна и большой военный трехмачтовик империи – на случай пиратов. На четвертый день пути мы попали в штиль. Паруса висели, как желтые тряпки. Металл раскалился так, что впору было жарить на нем мясо. А палубу все время обливали водой, чтоб не вспыхнула.

Один из мальчиков хмыкнул. Вагар строго взглянул на него:

– Ты не веришь мне?

Остальные тут же стали пихать скептика локтями:

– Дальше, дальше, Тумес!

– Мы поливали палубу из кожаных ведер каждые полчаса. Это работа, я вам скажу! Солнце палит так, что волосы на голове начинают дымиться. Воздух – хоть ножом режь. Над водой стоит марево, будто ты сам – в воде!

Вдруг море, ровное, как лысина, закипело, вздулось бугром, огромным, как холм, лопнуло – и будто лес вырос: она! Щупальца – в шесть локтей толщиной, не менее, а два длинных – храм обхватить могли бы – и еще б осталось. Сама, как гора, а в горе – два глаза. Огромные! Ка-ак выбросит щупальце – да на наш кораблик!

Рассказчик сделал паузу и посмотрел на слушателей: у всех ли открыты рты? У всех.

– Но капитан у нас, как она к нам потянулась, он горшок с огненным зельем хватить – и прям на коготь, что у щупальца на конце. Огонь вспыхнул – зверюга щупальце и отдернула. А вторым – цап за грот имперца. И на борт его! Матросы так в воду и посыпались. А тварь корабль к себе подтянула, а людей малыми щупальцами подбирает. Это я говорю – малые, а так они – локтей сорок. А мы стоим, смотрим – ветра нет, штиль. Один торгаш спустил шлюпку, так тварь ее сцапала. А в шлюпке шестеро гребцов было да младший кормчий. Хвала Морской богине, ветерок подул, тут мы по-тихому, по-тихому – и ушли. Капитан потом Богине весь барыш отдал. Так-то, парни. Море – это вам не яйца чесать!

– Слышь, Тумес, а правду говорят: тайдуанские маги могут человека в быка превратить? – спросил один из мальчиков.

– Не видал, – сказал вагар. – С магами не знался. А вот быков видел – не вашим чета.

– Это где ж? – спросил старший из подростков.

– Бур-чаданн! – сказал Биорк. – Народ там, честно скажу, дикий. Лица – будто сплюснутые, кожа желтая, как мокрый песок. А поклоняются богу-быку, как вы.

– Быкоглавый – не бог-бык! – возразил один из ребят. Остальные поддержали его.

– Ну, будь по-вашему, – согласился Биорк. – И то: поглядишь на этих бур-чаданну – бог у них точно другой. Да не о нем речь. Земля там не сады да поля, как у вас – степь! Трава голубая, в человеческий рост, а то и в два, верхушки белые, пушистые, как хвост у пса-следопыта. Ветер подует – заволнуется, будто не трава, а вода морская, и барашки пенные поверху бегут.

– А что быки? – спросил кто-то.

– Не торопи. Представь: поднимаешься на холм и видишь: в голубой траве – темный поток. Быки, телята, коровы – огромное стадо. Тоже, как волны, колышутся. А за ними, в

кругловерхих низких фургонах,— бур-чаданну. А уж быки! В холке — локтей шесть!

— Бреешь! То есть не может быть! — воскликнул старший и сам же испугался собственного возгласа.

— Клянусь рогами Могучего! — серьезно сказал вагар.— Шести локтей.

— Да-а! — восхитился кто-то.— Нам бы такого!

— А что эти бур-чаданну, как они живут? — спросил щуплый подросток с торчащими ушами и добрым взглядом.

— Бур-чаданну? Живут. Быков пасут.

— А скажи,— осторожно поинтересовался лохматый толстогубый подросток.— Где ты так драться выучился?

— Отец научил,— сказал Тумес-Биорк после паузы.

— А отец твой кто? Воин?

— Умер,— буркнул Тумес-Биорк. И лег лицом вниз на жесткую постель.

Старший подросток отвесил лохматому затрещину.

— Крысиный огузок! — прошипел он.

Однако делать было нечего. Мальчики перебрались на другой конец комнаты и шушукались там еще с полчаса. Потом расползлись по своим ломам, и старший задул лампу.

Теплые сумерки стерли краски с фарангских предместий. Зато четче, рельефнее обозначились границы вещей, очеркнутые тенями. Звуки, чье место в нашем сознании обычно сужено зрительными образами, тотчас утратили свою суматошность, наполнились смыслом: тут рокот прибоя, переставший быть просто шумом, и шелест листьев, обретший тысячу голосов, тут потрескивание камней, остывающих, просыпающихся, и тонкий свист ящерицы. Шепоты и шепоты. Скоро вязкая южная тьма освободит и остальное: водопад запахов ударит в ноздри, осязаемым станет ветер, и влажный пар, исходящий от поверхности вод, станет теплым и соленым, какой он и есть на самом деле.

Мужчина смотрел на обнаженную девушку. На темный, нет — черный, потерявший выпуклость — силуэт, тень на светлой стене воздушного пространства, поднявшейся над восходящей плоскостью Фарангского залива. Сильная рука мужчины черпала мелкий песок, приятный сохранившейся в нем теплотой, и, медленно разжимаясь, отдавала его назад, туда, где он переставал быть песком в руке, а становился частью сущности, называемой «берег».

Девушка двигалась. Из-под босых ног вспархивали маленькие песчаные вихри. Она танцевала. Музыкой ей были мерное дыхание волн и собственное пение и еще шорох, с которым ноги ее разбрасывали песок:

— В темной воде синеватая нить.
Мир разделяется — «мы» и «они».
Желтые пятна и соль на пустом берегу.
Тысячи звезд осыпаются в нас.
Мы улыбаемся. В тысячный раз
Наши тела утопают в песке,
Как деревья в снегу.

Веточки пальцев в сугробах песка.
Капли зрачков — дважды два огонька.
Сполохи голоса в раковине наших рук.
Тяжкие головы темных домов.
Желтая пена клубящихся снов.
Тянет к себе голубой, чуть задымленный круг.

Боги не спят, они смотрят на нас.
«Мы» — это больше, чем здесь и сейчас.

Коконы света на чуткой груди Пустоты —
Наши глаза. В колыбели песка
Мы засыпаем — висок у виска:
Звезды. И звездная пыль на плече Темноты.

Песня кончилась, и девушка, оборвав движение, подошла к мужчине. Она опустилась рядом с ним на песок. От мокрых ее волос пахло водорослями и женственностью. Мужчина положил руку на прохладное бедро. Девушка вздрогнула, но не отодвинулась. Рот ее приоткрылся. Ровные зубки блеснули отсветом взошедшей луны.

— Мой господин,— проговорила она голосом, в котором перекатывались морские волны,— ты знаешь...

— Молчи! — Мужчина провел рукой по ее ноге, и мозоли, натертые на ладони рукоятью меча, царапнули нежную кожу.— Я знаю, что ты хочешь сказать. И знаю, зачем ты пела эту песню. Не спрашивай, не разрушай чар. Довольно мне дня, чтоб носить одежду охотника.

Девушка отвернулась и надула губки. Теперь взгляд ее был обращен в сторону красных огней, обозначивших Фарангскую гавань. Мужчина нахмурился, но лишь на мгновение. Рука его легла на затылок девушки и повернула ее голову.

— Не нужно играть со мной, маленькая! — сказал он мягко. Но девушка, многое знавшая о нем, ощутила холодок, стекший по позвоночнику.— Я никогда не обижал тебя,— продолжал мужчина.— И не обижу сейчас. Но плата, которую ты получишь, будет такой, какой ее определю я, а не той, которую захочешь ты! — Теперь обе его руки держали голову девушки так крепко, что Нини не смогла бы пошевеливать ею, даже если б захотела.— Скажи мне, моя фьель, я когда-нибудь обижал тебя?

— Нет! — шепнула девушка.

— Я когда-нибудь обещал тебе что-то?

Нини попыталась вспомнить, но не смогла:

— Нет, господин.

— Может быть, я оставлял тебя огорченной? Была ли моя признательность за то, что ты даешь моим чувствам и моему телу, скудной?

— Нет! — сказала девушка и улыбнулась.

Этот мужчина, несмотря на свои сорок шесть лет и сотни сражений, был лучшим из тех, кто звал ее, чтобы украсить свой отдых. И самым щедрым.

— Не пытайся опутать меня, маленькая плясунья! Столько женщин делили со мной и жесткую палубу корабля, и воздушные ложа дворцов, что на моем уде выросла скорлупа крепче ореховой (девушка хихикнула). Да и чутье мое лишь немногим уступает чутью белого гурамского следопыта. Иначе я не был бы тем, кто я есть!

Мужчина потер ладонью грубый рубец на подбородке, а потом улыбнулся и тряхнул головой, будто сбрасывая что-то.

— Пойдем! — сказал он.— Я пригласил сегодня мимов из Дворца Наместника. Хотел городского скадда, но Отважный,— мужчина хмыкнул,— Шинон меня опередил. Не огорчайся, мимы хороши!

Мужчина поднялся и стряхнул с себя песок. Девушка тоже встала и, неся в руке набедренную повязку, пошла вслед за ним туда, где дожидались, угрюмые и внимательные, воины охраны. Сдвоенные мечи десятников тускло поблескивали на рукавах их курток. Девушка шла прямо на них, и воины расступились, проводив алчными взглядами ее подрагивающие ягодицы, с которых осыпался налипший песок.

Мужчина помог девушке сесть в экипаж, запряженный пятеркой упряжных псов¹³. Воины-охранники вскочили в седла пардов, мужчина свистнул и погнал упряжку вверх по

¹³ Упряжные псы — порода собак, специально выведенная для нетяжелых повозок, которые должны двигаться быстро. Упряжные псы — мощные, очень добродушные животные размером с осла.

дороге в сторону Фаранга.

VII

«Что же до женщин Конга, то они в большинстве очень привлекательны. Тела их стройны, формы округлы, но без излишней полноты. Волосы конгайки имеют темные, мягкие и волнистые и только на голове, потому что на теле их волосы не растут даже и в глубокой старости. От этого, должно быть, и еще от здоровой пищи, кожа конгаек нежная и гладкая, с приятным запахом. Цветом же различна: темно-янтарная, кофе со сливками, красное дерево. В любви конгайки страстны и преданны избранному мужчине. Посему до недавнего времени на рабских рынках конгайки ценились вровень с красавицами из Тайдуана. И ныне ценились бы, но – хвала деду здравствующего императора, – нет более в империи ни рабских рынков, ни рабов! Когда я пишу: женщины Конга, то полагаю под этим одних лишь исконных конгаев. О богопротивных соххогоях скажу лишь, что женщины их так же отвратительны, как и их обычаи...»

Сигвар Гурский. Описание земель.Глава «Благословенный Конг»

– Войди! – произнес Нил, услышав звук гонга.

Дверь распахнулась, и аромат благовоний коснулся ноздрей воина. Он узнал вошедшую: жена Дага, та, что была на вчерашнем завтраке у Шинона.

«Как ее зовут?» – подумал Нил. Но вспомнил, что Даг сказал только: моя жена.

– Приветствую тебя, воин! – с улыбкой проговорила женщина.

Вишневая юбка с золотым узором и косым краем, обнажающим левое бедро. Черная шелковая блузка прикрывает левое плечо, а на правое наброшена кружевная накидка из паутинной ткани. Длинный нижний край юбки опускается ниже правого колена, а верхний исчезает под свободным краем блузки, идущим наискось вниз от пояса с правой стороны до середины левого бедра женщины. Волосы уложены в замысловатую прическу, походившую на крепостную башню. Овальные золотые головки булавок еще более подчеркивают это сходство. Маленькие уши и стройная шея. Высокий гладкий лоб. Тяжелые золотые серьги почти касаются плеч. Зеленые глаза, обрамленные длинными черными ресницами, кажутся еще огромней из-за умело положенного грима. Красная помада на пухлых губках блестит, как полированный металл.

Гостья улыбнулась Нилу.

– Приветствую тебя, прекрасная госпожа! – вежливо сказал воин. – Господина моего нет. Не знаю, смогу ли я, его скромный слуга...

– Сможешь! – перебила женщина. Голос ее – низкий, бархатистый, как мурлыканье кошки. Крупной и опасной кошки.

Женщина сбросила с плеча накидку и опустилась в кресло справа от Нила.

– Меня не интересует твой господин! – сказала она надменно. – Я знаю, что он сейчас цедит розовое вино в доме Шинона и слушает его байки. И оба делают вид, что любят друг друга, как братья. А наш Начальник Гавани, он, конечно, смел, но... – женщина поглядела на Нила, – при этом хитер, как леопард, и вкрадчив, как...

– ...ты! – перебил Нил, осклабясь и бесцеремонно разглядывая конгайку. И, поймав этот жадный тяжелый взгляд, женщина раздвинула алые губы и облизнула их быстрым язычком. Ее лицо, точеное, без малейшего изъяна, плавно сужалось к подбородку. Миндалевидные зеленые глаза ответили Нилу столь же откровенным взглядом.

– Красавица, – проворчал Нил, кладя руку на подлокотник ее кресла, – назови свое имя, чтобы мне не пришлось звать тебя госпожой!

– Я – такая же госпожа, как ты – слуга, воин! – Женщина коснулась руки воина. Камни

драгоценных колец, унизывающих длинные тонкие пальцы, переливались в свете алебастрового светильника.

Нил резко придвинул ее кресло так, что оно оказалось напротив его собственного.

– А не боишься ты, женщина, что муж твой узнает? – спросил воин насмешливо.

– Эта жаба? – воскликнула женщина. – Да он валяется, как дохлый слизень, после того как ты его отделал! Его и эту злобную тварь – Торона. – Глаза ее сузились. – Пусть узнает! – Женщина широко расставила колени и взялась руками за подлокотники: – Пусть посмеет вякнуть! Это со своими чинушами он – бык! Я-то знаю, каков он! Гнилой стручок! Собачья отрыжка! – Она вскочила с кресла и схватила Нила за уши. – Ты долго будешь болтать, воин?

Нил положил ладони на бедра конгайки, сжал их и поднял женщину в воздух. Та инстинктивно вцепилась ему в предплечья.

– Мне... больно! – выдохнула она.

– Потерпишь! – властно сказал воин, поднимаясь. Теперь подошвы кожаных плетеных сандалий женщины оказались в двух локтях от пола.

Бицепсы Нила вздулись огромными буграми, но на лице не было ни малейшего следа напряжения – та же неподвижная маска и насмешливый взгляд из-под массивных надбровий.

– Так как же звать тебя?

– Тэлла... Отпусти!

– Хой! – крикнул Нил, подбрасывая ее в воздух и ловя на подставленную ладонь. – Я рад, Тэлла, что ты пришла! – Он покачал ее, сидящую на толстой руке, как на ветке дерева. – Я рад, но будешь ли ты рада – не знаю!

И он захохотал.

– Долго ты будешь так держать меня? – Конгайка одной рукой цеплялась за предплечье Нила, другой развязывала шнуровку блузки.

– Год! – воскликнул воин, подбрасывая ее (она вскрикнула испуганно и восторженно) и снова ловя. – У тебя такая крепкая попка!

– Не только попка! – Тэлла наконец освободилась от блузки и приподняла руками груди. Рискованная операция, если учесть, что она все еще балансировала на ладони Нила.

– Хой! – выкрикнул гигант и швырнул ее сквозь тростниковый занавес в соседнюю комнату.

Тэлла завизжала, охнула, упав на мягкое широкое ложе, служившее постелью Эрда. Нил прыгнул вслед за ней, повалил на живот, задирая юбку, с треском разрывая ткань набедренной повязки.

– Нет! Нет! Не надо! Не спеши! – вопила женщина.

Но гигант не обращал на ее крики ровно никакого внимания. Гора мускулистой плоти вдавила конгайку в ложе. Не в силах ни вскрикнуть, ни вздохнуть, она только полузадушенно всхлипывала. Когда он поднялся с нее, женщина со стоном перекатилась на спину и минуту лежала так, раскинув руки и ноги и жадно ловя ртом воздух, пропитанный запахом ее собственного пота и влаги.

– Ты – сам Тур! – прошептала она, когда ей в конце концов удалось отдышаться.

Нил нависал над женщиной: огромное изваяние, белеющее в полумраке. Маска-лицо приблизилось к ней, и широкий рот накрыл перемазанные красной сладкой помадой губы. Жесткие ладони опустились на мягкие горячие груди, стиснули их. У Тэллы перехватило дыхание. Она извивалась и дрыгала ногами. Но гигант выпил весь воздух из ее легких и целую минуту не позволял вдохнуть. А когда она, почти в беспамятстве, потеряв ощущение времени, тела, всего – только дышать, дышать! – поняла, что рот ее свободен, то даже не сразу ощутила, что Нил вновь овладел ею, и ее ноги уже обвили его, а сознание тонуло в теплой волне, идущей от низа живота.

И снова она глотает ночной воздух, обессиленная, но не опустошенная, наоборот, чувствующая в себе силу. Будто семя, которое она приняла, жжет ее изнутри.

А Нил уже держит ее в объятиях, несет куда-то – и они вместе погружаются в теплую, смывающую пот воду. И Тэлла распласталась на груди воина, а лицо Нила улыбается ей

из-под воды.

«Как долго он лежит там и не задыхается!» – думает она.

А вот Тэлла плавает над ним, а его губы касаются гладкого живота – ниже, ниже... Нил снова улыбается под водой – у женщин Конга на теле совсем нет волос, это ново для него. Так же, как для Тэллы – его заросшая светлой шерстью грудь, жесткая поросль над чугунными мышцами брюшного пресса. И ее губы скользят по животу Нила, а он держит женщину за бедра, не пуская. Но она тянется, тянется... И вот то, к чему она стремится, само поднимается к ней.

Шумные волны с плеском ударяются о стенки бассейна, когда Нил, огромный, могучий зверь, выбрасывается из воды, падает на нее, Тэллу, ускользящую... Разве от него ускользнешь?

Вот они, сухие, с чистой хрустящей кожей, лежат на мягкой прохладной ткани, а рассвет уже пробивается сквозь паутинную кисею оконных арок.

Рука Тэллы гладит выпуклую грудь воина.

– Еще, моя смуглая львица? – спрашивает Нил.

– Довольно, мой Тур! – говорит она. – Я устала.

– Врешь! – смеется воин, ловит ее руку и прижимает к своим чреслам.

Прав он. Нисколько она не устала, а втрое сильнее, чем была до этой ночи. И знает Тэлла: это его сила. И знает, что родит сына, который никогда не увидит отца.

Разве такого удержишь рядом? Счастье – он сейчас здесь. Горе – ей так скоро надо уходить. Но у них еще два часа...

– У нас еще море времени! – говорит она. – Целых два часа!

А он снова смеется.

– Два часа? Два часа – всего один шаг! – И снова берет ее в себя. Нет, это она берет его. И два часа, верно, только один шаг. Кто бы мог поверить?

А жадное южное солнце уже пьет ночную влагу. И Тэлла встает... И падает, потому что ноги ее – как та вода, что сейчас паёром поднимается с глянцевых листьев. А Нил смеется, и относит ее в бассейн, и опускает в прохладную воду. А потом вынимает, раскладывает на мохнатых полотенцах, мнет, щиплет, гладит – и силы возвращаются.

Нил, уже одетый, помогает ей надеть праздничную одежду, подносит круглое зеркало. И Тэлла радостно улыбается, видя, что ночь, против обыкновения, не выпила краски ее лица. Что довольно лишь тронуть тушью ресницы – и ничто не сделает ее красивей. А справа она видит Нила и понимает – только слепой мог считать его уродом.

– Ты прекрасен, мой Тур! – шепчет Тэлла, притягивает голову воина к себе, целует глаза, губы, нос, щеку... – Ты прекрасен! Ты знаешь это?

– Знаю! – говорит Нил.

И Тэлла оказывается высоко над его головой, под самым потолком. «Я счастлива!» – думает она. А стены комнаты вращаются, бегут вокруг. Только запрокинутое лицо Нила неподвижно. И Тэлла смотрит на него сверху. Сверху! Нил опускает ее в кресло, обувает сандалии, ласково прикасаясь к маленьким ступням.

Они спускаются вниз, к ее носилкам. А ленивые носильщики дрыхнут в тени чинары. И на их спящих физиономиях – довольные улыбки: прошлым вечером им принесли ужин, какого они не ели ни разу за всю свою короткую жизнь, и вдоволь темного вина. Вот они встают, разбуженные Нилом. Почему раньше они казались ей такими сильными? Просто карлики рядом с ее возлюбленным! Носильщики трут опухшие веки.

– Хранят тебя боги, мой Тур! – говорит Тэлла.

И, не стесняясь, тянется к его губам. И ей, конечно, не дотянуться, но Нил поднимает ее, прижимает к твердой, как мрамор, груди:

– Хранят тебя боги, моя богиня!

Тэлла покачивается на мягких подушках, а мысли ее блуждают, как накурившиеся веселого дыма хуридские матросы. Никак не согнать ей с лица блаженную улыбку. Тэлла

берет острую шпильку, смачивает ее духами и глубоко вгоняет в бедро. Больно, но улыбка упорно сидит на ее лице. Даже становится шире.

«Неужели ты думаешь, что справишься со мной?»

И тогда Тэлла вспоминает того, кто вчера послал ее к Нилу, жестокого, ненасытного в зле, мужа своего, Дага. И улыбка сходит с ее лица, прячется внутрь. И она может спокойно войти в его спальню, пропитавшуюся запахом болезни.

Даг впирается в нее взглядом, обшаривает всю, до кожи, до того, что под кожей, щупает ее своими ледяными глазками, еще более липкими, чем потные руки.

– Ну? – хрипло говорит он.

Тэлла улыбается. Не так, как минуту назад, а так, как должна улыбаться самка леопарда, прокусывая горло жертвы и всасывая свежую кровь.

– Он чист, – говорит женщина. – Он ненормальный, но он чист. И точно собирается в этот страшный Урнгур (верю, милый, что и Урнгур не страшен для тебя). Сумасшедший, но не шпион. Я... – внезапно придумав, – ...обещала ему пропуск. Сказала, что добыю этого от тебя.

Даг недовольно морщится (Кривись, кривись, мерзкая пиявка!).

– Должна же я была заставить его поверить! – говорит Тэлла. И, с гордостью: – И я добилась своего!

И муж, с кислой миной, но соглашается: да, ты умеешь добиваться своего. И внезапно спрашивает:

– Ну, ты хоть получила удовольствие?

Ледяные глазки-иголки шарят по лицу Тэллы. Тэлла растягивает губы:

– Он слишком велик для меня, – погладив впалую щеку мужа. – Слишком тяжел и груб. Но ты должен дать ему пропуск, будь он сам Равахш. Я обещала, и этот мужлан не должен считать меня лгуньей... Или что-нибудь заподозрить... (Вот довод специально для тебя, гнилой сучок!) Радуйся, что он вчера не убил тебя, поблагодари его хозяина: это магхар, настоящий зверь! Тебе придется вознаградить меня.

– Вознагражу, – соглашается Даг.

Скупость ему не свойственна.

– И ты права, пропуск ему придется дать – сама отнесешь.

Тэлла делает гигантское усилие, чтобы не выказать радости, но безразличного выражения ей не сохранить, и она делает недовольную гримаску.

– Пошли слугу! – говорит она. – Это животное будет опять трахать меня. Я не смогу ему сопротивляться: ты знаешь, какие у него лапы?

Даг морщится: он-то знает.

– Нам придется немного потерпеть! – говорит он.

«Нам! – мысленно возмущается Тэлла. – Если бы дело касалось твоей дряблой задницы, ты не подошел бы и на арбалетный выстрел!»

– Я подарю тебе ожерелье из больших изумрудов! – обещает Даг слащавым голосом. – Оно пойдет тебе, твоим очаровательным глазкам!

Тэлла молчит. Если она согласится только на ожерелье, хитрый Даг может подумать, что она запросила слишком мало.

– И карету из орехового дерева с восьмеркой упряжных псов! – дерзко требует она.

– И карету, – соглашается Даг.

Вот теперь довольно. Тэлла улыбается:

– Хорошо, милый, я сделаю. Но почему бы тебе не отправить меня к его хозяину? Неужели ты думаешь, что я справилась бы с ним хуже, чем этот наглый Шинон?

Даг усмехается.

– Аристократ слишком красив! – говорит он. – Боюсь, ты потеряла бы голову, прежде чем доискалась истины. К тому же Шинон уже подsunул ему какую-то девку. Да и гостиница – более подходящее место для нас, чем дом Шинона. Хотел бы я знать, где строитель этого дома? И кто его сцапал?

– Разве ты не догадываешься? – лукаво спрашивает Тэлла. – Ты, такой проницательный...

– Догадываюсь, – сухо говорит Даг. – Но твой язычок слишком близко от твоих ушек! Тэлла смеется:

– Ты шутишь дорогой! Тебе лучше?

VIII

«Их гонят туда, и они идут туда; их гонят сюда, и они идут сюда. Они не знают, куда идут...»

Надпись на древнем камне

Эрд сжал коленями бока парда, и тот пошел плавной рысью вслед за пардом начальника сотни. Два десятника скакали слева и справа от светлорожденного. Сдвоенные золотые мечи на рукавах их курток, наброшенных поверх тонких кольчуг, сверкали в лучах солнца. Позади, по трое, ехали солдаты эскорта, тридцать воинов.

Отряд выехал из Фаранга, миновал заставу, где Эрду не так давно отказали в проезде, и парды прибавили шаг. Плодородная равнина лежала по обе стороны неторопливо текущей реки, многоводной Фуа. На высоком берегу росли деревья. Иногда дорога отступала от реки на четверть мили, и тогда возделанные земли оказывались по обе стороны от путников. Иногда в отдалении можно было заметить двух-трехэтажные виллы. А потом справа возникла высоченная каменная стена, протянувшаяся не меньше чем на милю.

– Что это? – спросил Эрд десятника.

Но тот сделал вид, что не услышал. Неожиданно стена прервалась распахнутыми воротами, за которыми Эрд увидел широкую белую дорогу, а дальше – огромный дворец, куда больший, чем тот, что принадлежал фарангскому Наместнику. Светлорожденный придержал парда, чтобы рассмотреть подробнее, но десятник хлопнул его животное по крупу, пард прыгнул, и сбоку опять потянулась сплошная каменная стена едва не в пятнадцать локтей высотой.

«Владение соххогоя», – сообразил Эрд.

Сзади послышался топот. Отряд всадников настигал их. Воины на отличных боевых пардах обогнали фарангцев, преградили путь. Сотник взмахнул желтым флажком с гербом Конга: особый гонец Великого Ангана. И всадники тотчас освободили дорогу и умчались обратно. Стена, обозначающая владения соххогоя, кончилась, и снова потянулись плантации, оливковые рощи, виноградники. Сады низкорослых лимонных деревьев, тщательно возделанные поля. Оросительные каналы уходили в глубь долины.

Когда солнце прошло треть своего дневного пути, начальник сотни дал знак: спешиться! Платановая рощица укрыла воинов от полуденного жара.

Пардов расседлали, достали еду и вино. Сотник предложил Эрду разделить их трапезу, и светлорожденный охотно согласился – он успел проголодаться. Когда с завтраком было покончено, солдаты, сняв доспехи и сапоги, расположились в тени. Одни предались игре в кости, другие просто уснули. Сотник поставил часового наблюдать за дорогой. Эрду эта мера показалась излишней: что может угрожать тридцати воинам в их собственной стране?

Начальник подошел к светлорожденному.

– Господин, – сказал он. – Ты можешь отдохнуть. Два часа мы будем здесь. Только прошу тебя, не удаляйся от деревьев.

Эрд кивнул. Он лег на теплую землю. Пестрая от солнечных бликов листва колебалась под дуновениями легкого ветерка. В узких просветах Эрд видел высокое белесое небо. Веки его слипались. Ветер, дувший со стороны реки, приятно освежал кожу. Эрд задремал...

* * *

Прошло не более часа с тех пор, как взошло солнце. Мара шла по пустынной тенистой аллее и тихонько напевала. День прекрасен. И ночь была хороша. Мара покосилась на новый браслет из черного серебра, инкрустированный крохотными рубинами. Но не он был причиной ее отличного настроения: она узнала, что Санти жив и увезен на корабле вверх по Фуа (значит, не на юг!). Может быть, слава его дошла до дворца Великого Ангана? Северная женщина, прекрасная, как боги на старинных фресках, похвалит Мару! Вдруг девушка почувствовала нечто странное. Сначала она не поняла, а потом догадалась и так удивилась, что даже замедлила шаг. Аллея была пустынна. А ведь в это время здесь, в богатой части города, обычно довольно много людей. Мара даже слегка испугалась. Но оглянувшись назад и успокоилась: в сотне шагов позади она увидела нескольких человек. Аллея повернула направо, до дома девушки оставалось не больше пяти минут ходьбы. Навстречу ей двигались закрытые носилки, сопровождаемые двумя бегунами.

«Интересно, кто в них?» – подумала девушка, уступая дорогу.

Коричневая штора открылась, но Мара ничего не успела увидеть: к лицу ее прижали платок, и она вдохнула пыль толченого дурманного гриба.

* * *

– Господин! – услышал Эрд голос сотника. – Пора ехать.

Светлорожденный легко поднялся на ноги. Солдаты уже седлали пардов, застегивали ремни амуниции.

«Их стальные кирасы, должно быть, сильно раскаляются на солнце», – подумал Эрд.

Прошло не более трех минут, и отряд, поднимая мелкую серую пыль, снова скакал на запад. Вокруг – те же плантации, сады, поля. Казалось, они уже ехали здесь утром. В просветах между деревьями блестела желто-зеленая вода Фуа. Дневное светило посылало вниз потоки жара. Рубашка Эрда липла к телу, и он порадовался, что не надел кольчугу. Даже грязноватая вода Фуа показалась ему привлекательной. Он почти ощутил, как толкают его прохладные струи, несущие крохотные комочки желтого ила. Эрд глотнул из фляги теплой подсоленной воды.

«Не надо было вчера пить столько вина», – подумал он.

Дорога спустилась в некое подобие оврага. По обе стороны поднимались заросшие жесткой бурой травой склоны. Снизу траву обильно покрывала дорожная пыль.

Слух Эрда уловил топот скачущих пардов. Впереди. Тело его слегка напряглось – дань инстинктивной для воина осторожности. Он понимал, что с таким эскортом вряд ли ему угрожает опасность.

Начальник сотни обернулся и посмотрел на светлорожденного. Губы конгая шевельнулись. Эрду показалось: сотник сказал что-то. Но сквозь шум тридцати четырех бегущих пардов он не расслышал ни слова.

Из-за поворота показался отряд из двух дюжин всадников. Короткие пики и отсутствие опознавательных знаков показывали, что это не солдаты Великого Ангана.

«Воины какого-нибудь соххогоя?» – предположил Эрд.

Оба отряда быстро сближались. Двести, сто шагов... Командир чужого отряда, в стальной кольчуге, с тяжелым мечом у пояса, коснулся пальцем сверкающего шлема. Начальник сотни ответил тем же. И осадил парда. Одновременно с этим один из десятников хлестнул плетью животное Эрда. Зверь обиженно мяукнул и одним прыжком вынес Эрда на пятнадцать шагов вперед. Всадники встречного отряда начали перестраиваться.

Почуввав недоброе, Эрд оглянулся на свой эскорт... И ему все стало ясно. Отъехав назад и поставив пардов бок о бок, сопровождавшие светлорожденного солдаты заперли ему выход из ущелья. Начальник сотни и оба десятника глядели на светлорожденного. И лица их были достаточно выразительны.

Эрд посмотрел на отвесные склоны ущелья, заросшие пучками бурой травы и ползучим кустарником. «Пожалуй, хороший пард смог бы подняться! – подумал он. – Но даже плохой

арбалетчик...»

Встречный отряд перестроился. Начальник его опустил забрало и вытянул из ножен меч. Всадники опустили копья, и парды рванулись вперед. В передней шеренге – пятеро всадников, плечо в плечо. И отдельно – начальник отряда, опередивший их на один длинный прыжок. Пард его испустил рык, от которого кровь светлорожденного вскипела.

Командир нападавших, размахивая мечом, первым налетел на Эрда. Непривычный к бою беговой пард светлорожденного шарахнулся в сторону, и вражеский меч, прочертив широкую дугу, прошел в локте от головы северянина. Одновременно белый же клинок Эрда вошел в разорванный криком рот конгая.

Светлорожденный выдернул меч, и враг его выпал из седла и повис на ремне, касаясь мертвыми руками пыльной дороги.

Не больше мгновения заняла схватка. Два прыжка скачущего парда. Два прыжка, на которые опередил начальник свой отряд. Первая шеренга, пять опущенных копий, острия которых были уже в десяти локтях от светлорожденного, вторая шеренга – в восьми локтях от первой, третья...

Взбешенный пард начальника отряда прыгнул назад, вскинулся на задние ноги и сшибся с первой пятеркой. Три пики одновременно пронзили его, и пард повалился под ноги мчащихся животных. Только один зверь сумел перепрыгнуть через образовавшуюся свалку. Этот единственный всадник оказался лицом к лицу со светлорожденным, когда вторая шеренга врезалась в первую. И ущелье наполнилось воплями людей, ревом и визгом грызущихся пардов.

Эрд отсек наконец пики своего противника и, без сомнения, прикончил бы его следующим ударом, но сквозь рычание и крики впереди сумел уловить шум наверху. Он посмотрел туда, где над крутыми склонами ущелья синело небо... и мгновенно нырнул под брюхо своего пляшущего парда.

С обеих сторон, перевалив через гребни, верхом на приседающих, визжащих, ревущих пардах катились на него размахивающие мечами всадники. Миг – и они уже на дороге. Все мастерство Эрда оказалось бы бесполезно перед столь сокрушительным ударом. Но налетевшие сверху не сумели справиться со своими пардами, взбешенными ревом сородичей из первого отряда, рвущими друг друга. Боевой пард очень легко впадает в неистовство в бою. Один из зверей рванул клыками парда Эрда. Тот завизжал, лязгнув челюстями, завертелся на месте, но его обидчик был уже в пяти локтях, и клыки укушенного впились в ближайшее – плечо одного из всадников.

Вряд ли кто из нападавших сверху понял, куда пропал Эрд. А если и понял – было не до Эрда.

Волна, хлынувшая с левого склона, опередила правую. Поэтому пард светлорожденного оказался оттесненным влево. Зверю удалось устоять на ногах. Повиснув под пятнистым брюхом, Эрд видел множество лап, взметающих дорожную пыль. На расстоянии вытянутой руки от него свешивался вниз мертвый воин с начисто оторванной рукой, дальше бился, пытаясь встать, упавший пард, но лапы сородичей прижимали его к земле, оставляя на пыльной шкуре кровавые следы когтей, а зверь, лежа, рвал их клыками.

Место под брюхом было самым безопасным в этом побоище, но светлорожденный понимал: если он хочет спастись, сейчас самое время.

На расстоянии шести шагов от него начинался правый склон ущелья. Шесть шагов и целый лес когтистых лап.

Но Эрд рискнул.

Обрезав седельный ремень, он упал наземь, проскользнул под брюхом ближнего парда, схватил соседнего за хвост и запрыгнул на широкий круп. Зверь, извернувшись, попытался схватить человека. Но, сжатый со всех сторон, не смог дотянуться. Собственный его всадник был мертв: истек кровью из разорванного клыками бедра. Эрд встал на ноги и, оттолкнувшись от спины парда, прыгнул на крутой склон ущелья.

Стелющийся кустарник и жесткие пучки травы мгновенно изрезали его руки. Сапоги

для верховой езды скользили по гладкой траве. Но, помогая себе мечом, Эрд упорно карабкался вверх. И пока светлорожденный не одолел половину склона, никто не обращал на него внимания. Воин надеялся, что ему удастся уйти незамеченным. Однако он забыл о собственном эскорте.

Начальник сотни сразу сообразил, чем закончится дело. Сразу, как только пронзенный копьями пард упал под ноги скачущих животных. А сообразив, приказал своим солдатам держаться подальше от свалки. Он видел, как Эрд спрятался под брюхо парда. Но ожидал, что светлорожденный останется там, пока все не успокоится. В любом случае у него не было возможности вмешаться. И приказа вмешиваться тоже не было. Сотнику было велено довести Эрда до ущелья, отрезать ему путь назад – и все.

Следуя приказу, сотник должен был позволить светлорожденному уйти, когда увидел его взбирающимся наверх. Но им овладел гнев. И сотник не смог позволить хитрому северянину удрать, когда из-за того погибло столько конгаев.

Эрд уже почти достиг верха стены, когда сквозь вопли и рычание услышал пронзительный крик сотника. Эрд оглянулся. Его эскорт, понукая пардов, пытался взобраться наверх, однако животные, подпрыгнув на шесть-семь локтей, съезжали вниз. Никто из конгаев не догадался спешиться. Эрд достиг края оврага и приготовился к схватке, но, к его удивлению, наверху никого не было. И он бросился к зарослям кустарника.

«Если все начальники Конга столь же бестолковы,— подумал он,— непонятно, почему мы потеряли эту провинцию».

Проломившись через кусты, светлорожденный оказался в пальмовой роще, среди высаженных ровными рядами деревьев.

«Два умело укрытых арбалетчика... Ну, четыре, учитывая, что охотиться придется на меня...» – подумал Эрд.

Нет, это была весьма странная история! И почему его не прикончили, пока он спал? Куда как проще!

Позади раздался топот. Эрд оглянулся и едва не вскрикнул от радости – его догонял одинокий всадник. Начальник сотни.

Эрд остановился и повернулся к преследователю: ничто так не привлекательно для всадника, как затылок убегающего врага. То, что светлорожденный не попытался укрыться между деревьями, настолько удивило сотника, что он придержал животное и потерял единственное преимущество – скорость. Попытайся он грудью парда сбить Эрда, тот вынужден был бы отскочить в сторону и мог угодить под удар меча. А теперь...

Светлорожденный шагнул вперед и издал крик, которому его выучил Биорк: тонкий ужасающий вой, от которого любой пард теряет самообладание.

Животное сотника было отлично вышколено. Пард не встал на дыбы, не бросился прочь, а лишь зарычал и попятился, понукаемый всадником, но не в силах совладать с собственным ужасом. Эрд бросился к нему. Сотник взмахнул мечом, и белый клинок встретился с дымчатым конгским лезвием. Одновременно с этим тонкий кинжал Эрда, проткнув бедро сотника, разрезал артерию. В пылу схватки конгай даже не заметил раны. Он рубанул Эрда еще раз, промахнулся, завертелся вокруг на рычащем парде, пытавшемся было схватить Эрда, но оставившего эти попытки после удара по носу. Эрд уворачивался от меча сотника и выжидал. Он видел, что пятнистая шерсть на боку и светлый мех на брюхе парда уже пропитались кровью наездника. Эрд не слишком торопился, однако и особенно медлить не стоило: несколько спешившихся солдат выбрались из оврага и бежали к нему. Эрду нужен был пард. И он получил его!

Сотник покачнулся в седле, его рука повисла, меч выпал из нее. Светлорожденный схватил конгай за поясной ремень, одновременно двинув кулаком по морде зверя, снова попытавшегося укусить. Сотник вывалился из седла. Прежде чем испуганный пард успел отпрянуть, Эрд взлетел на его спину. Взмах – поясной ремень лопнул, и сотник тяжело упал на траву. Эрд сжал колени, и пард быстрее стрелы помчался вперед. Раненый командир – вот все, что досталось подбежавшим солдатам. Десятник злобно выругался: пард сотника был

одним из лучших в Фаранге. Попробуй-ка догони его!

* * *

- Это ты, Хуран?
- Я, господин.
- Что девушка?
- В грезах, господин. Твои люди перестарались, и она вдохнула слишком много.
- Брюхо Равахша! Когда, ты говоришь, Имх сможет заняться ею?
- Я этого не говорил, господин, но думаю, за час-другой до захода она перестанет путать сон с реальностью. Но еще долго не будет чувствовать боли.
- Я недоволен, Хуран!
- Твой слуга сожалеет об этом. Но позволь напомнить: не мне ты доверил эту службу.
- Мой воин – опытный человек. И он нужен мне: не сей между нами вражды!
- Я – твой слуга, господин! Но позволь мне напомнить также, что есть еще один воин, которому может не понравиться, если с девушкой обойдутся неаккуратно.
- Я еще не потерял памяти, Хуран. Надеюсь, ты позаботишься о том, чтобы возможные ошибки наших храбрых и, без сомнения, верных Великому Ангану друзей не огорчили слуха никого из Исполняющих Волю?
- Господин может быть уверенным. Значит ли это, что я могу передавать свои пожелания другу господина как пожелания самого господина?
- Хм... Пока нет. Но если ты будешь предан мне, Хуран, ты не будешь обойден.
- Господин более добр ко мне, чем я сам.
- Да, это так. Полагаюсь на тебя, Хуран. Ступай.

* * *

Этайа коснулась струн, и инструмент отозвался ласковым переливом.
«Почему ты никогда не поешь, светлейшая?» – вспомнила она вопрос, задаваемый многими.
«Разве моя игра несовершенна? – спрашивала она тогда. – Разве ее недостаточно для гармонии? Пение не сделает ее лучше».
«Пение сделает ее другой, не менее прекрасной», – говорили наиболее искушенные в убеждении.
«Да, другой, – соглашалась Этайа. – А мне дорого то, что есть».
Это было неправдой. Вернее, той правдой, что скрывает истину. Но что еще она могла сказать? Будь Эрд сейчас рядом с ней, он знал бы, почему она не поет. Но Эрд был далеко. И Нил, который знал о ней больше, чем светлорожденный, тоже был далеко. И Биорк. Если не считать слуг, один лишь старик купец из Атура жил сейчас в гостинице. Хотя нет, и купца не было тоже...
Но – они уже идут. Этайа еще раз тронула струны. Шаги слышались в коридоре: даже мягкие маты не в состоянии заглушить топот солдатских сандалий. Вот они сопят у двери. Сейчас один из них ударит в гонг. Или просто распахнет непрочную дверь. Этайа взяла следующий аккорд и запела...

* * *

Покрытый пылью и пеной, падающей из пасти, обгаренный кровью пард вылетел на отрезок дороги, ведущий к заставе. Стражники прервали игру, вскочили, увидели желтый флажок гонца, все еще привязанный к голове парда, и поспешно бросились отодвигать решетку. Когда один из них признал Эрда, было уже поздно. Пард вихрем промчался мимо. Воины растерянно смотрели, как садится облако пыли, поднятое всадником.

Старший опомнился первым. Выкрикивая проклятия, он устремился к высокому дереву. По деревянной лестнице конгай вскарабкался на верхушку, где было установлено сигнальное зеркало. Серия тревожных вспышек полетела в сторону Фаранга.

Всадник на хрипящем парде мчался по улицам Фаранга едва ли не быстрее, чем посланные зеркалом отблески солнечного света. Сопровождаемый криками шарахающихся фарангцев, нещадно понукая зверя, всадник проскакал в сторону Гавани.

IX

«Фарангскую гавань не без оснований считают северными воротами Конга. Но открытые для торговых судов, ворота эти надежно замкнуты от недоброжелателей – заперты расположенными у входа в залив фортами. А если пиратам моря Зур или иным завоевателям удастся все же проникнуть в залив, их ждет малоприятная встреча с северной эскадрой Конга. Именно Фарангская гавань оказалась тем камнем, о который споткнулись воины нашего императора Ферроса, когда, после окончания Времени Смута, сей достойный правитель пожелал восстановить в Конге справедливую власть».

Сигвар Гурский. Описание земель. Глава «Благословенный Конг»

Фарангская гавань. Черда причалов, скопище судов и суденышек, заполнивших одетое в камень устье Фуа и оба берега залива. Грязная, шумная и веселая Фарангская гавань. Все краски Мира и все его пороки. Самое свободное место во всем благословенном Конге.

Нил уже почти два часа шатался по заплыванным наркотической жвачкой пирсам и еще более грязным задворкам фарангского порта. Он успел поболтать с сотней человек: матросов, носильщиков, шлюх, портовых пьяниц. Распил кувшин темного вина с портовыми стражниками (самые осведомленные люди в порту: брать мзду – большое искусство) и узнал имена всех капитанов и кормчих, что покинули Гавань в начале недели. Узнал он также и имя капитана большого торгового корабля, что должен был отплыть вверх по реке будущей ночью. Перебрасываясь шутками, добродушно переругиваясь с теми, кто оказывался у него на дороге, Нил наконец отыскал нужное судно.

Торговец стоял под погрузкой. Уровень воды в Фуа уже упал, и край палубы судна был почти вровень с настилом пирса. Два десятка носильщиков, сгибаясь под тяжестью кулей, сновали туда-сюда. Узкие сходни качались и жалобно скрипели под босыми жилистыми ногами. Капитан, приземистый, багроволицый, с внушительным носом и могучим брюхом, сутился тут же. Сортировал груз, орал, раздавал тумачи. Здоровенная фляжка на его поясе за последние полчаса изрядно полегчала. Толстые короткие ноги, до колен заляпанные грязью, легко носили могучий торс с места на место.

«Светоч Фуа», новое двухмачтовое судно, пригодное не только для каботажа, но и для дальнего морского плавания, пришвартовалось к одному из самых чистых причалов. И носильщики, набивающие сейчас его трюм, были одними из самых крепких в порту. Это кое о чем говорит понимающему человеку. Такому, как Нил. Великан остановился поблизости, наблюдая, как двое грузчиков волокут, сопя и переругиваясь, огромный тюк. Кормчий подбадривал их восклицаниями. Груз был тяжел. Едва грузчики вступили на сходни, один из них потерял равновесие... Кормчий с воплем вцепился в тюк... Все трое вместе с ношей наверняка оказались бы в грязной воде, если бы Нил не подскочил к ним и мощным рывком не забросил тюк на палубу судна.

Кормчий отер заливший глаза пот, уставился на грудь Нила, что была как раз на уровне его глаз.

– Хо! – воскликнул конгай в восхищении. – Однако ты – силач, кусай меня в задницу!
Нил хмыкнул. Кормчий отошел на шаг и воззрился на сплюснутый нос гиганта.

– Борец! – вскричал он. – Люблю борцов! Эй вы, ленивые слизни, бычий член вам в желудки! Шевелись! Шевелись! На, парень! Выпей, парень! Ты сейчас спас мне три двойных тенга, парень! Нет, не три – пять, кусай меня в задницу! На, пей, парень! Это не какая там блевотина из Хуриды! Хлебни, хлебни! – и втиснул флягу в руку Нила.

Великан по обыкновению ухмыльнулся, в два глотка опорожнил фляжку и вернул хозяину. Тот присосался к горлышку... И крайнее изумление отразилось на лице.

– Пуста, кусай меня в задницу! – сказал он почти тихо. – Нет! Пуста! – заорал он. – Эй, борец! Ты все вылакал, кусай меня в задницу! Ты вылакал полфляги крепкого вина старого Гана Хихарры, кусай меня в задницу! На! – Он ткнул Нилу короткую широкую ладонь. – Старый Хихарра твой друг отныне! Клянусь титьками Морской богини, ты пьешь лучше старого кормчего! Эх, выпить бы нам как следует! Да прямо сейчас. – В хриплом басы кормчего появились нежные нотки. – Нет, не могу. Эти блудливые пожиратели дурманной травы разворуют груз!

Хихарра задумался.

– Нет! – Он дернул себя за золотую серьгу. – Слово моряка, мы выпьем с тобой, борец! Вон идет мой сынок! Мой Флон! Выпьем крепкого винца за здоровье Великого Ангана. И за наше с тобой, борец! – Он ткнул кулаком в живот Нила.

– Эй, старик, – насмешливо сказал Нил. – А кто тебе сказал, что я пойду пить с тобой?

– Ты отказываешься? – возмутился кормчий.

– Конечно! Я уже выпил твоего винца. И довольно! Нет, я не пойду с тобой, старик. Это ты пойдешь со мной. И выпьешь моего винца!

Толстые губы кормчего растянулись в улыбке.

– Шутник? – сказал он. – Шутник, кусай меня в задницу! Согласен! Но если ты еще раз назовешь меня стариком, попробуешь вот этого! – Кормчий показал кулак. – Будь ты хоть сам Тур, борец, кусай меня в задницу!

– Согласен, Хихарра! – сказал Нил и побренчал монетами в кармане.

– Эй, заморыши! Шевелись! Шевелись! Уснете, яйца отвалятся! – закричал кормчий носильщикам, которые, заметив, что он отвлекся, заметно убавили прыть.

Невысокий плотный конгай в синей куртке, с внушительным кинжалом на поясе подошел к ним. Он был похож на кормчего, но, разумеется, у него еще не было ни бочкообразного брюха, ни столь заметных следов возлияний на физиономии.

– Приветствие! Флон! – представился конгай, протягивая короткую, ластоподобную, как у отца, руку.

– Нил! Приветствие!

Флону было лет, пожалуй, около тридцати пяти. В отличие от отца он выглядел спокойным, немногословным. Но Нил заметил, как оживились и шибче засновали носильщики при его появлении.

Конгай внимательно оглядел Нила с ног до головы. И остался доволен осмотром.

– Я взял бы тебя младшим кормчим! – произнес Флон. В его устах это было высшей похвалой. – Иди, отец, отдохни! – ласково сказал он. – Я найду тебя в «Дохлой рыбине», верно?

– А где же еще? – удивился Хихарра. – Ты пригласил меня, борец?

– А то! – Нил еще раз звякнул монетами.

«Дохлая рыбина» оказалась широким приземистым домом с крепкой мебелью и огромным чучелом черной акулы над очагом. Пахло пряным мясом, вином, моряцким потом, к которому примешивался легкий запах дурманной травки. Несмотря на ранний час, посетителей в таверне хватало. Здесь собрались представители дюжины народов Мира, у многих в мочке уха блестела серьга Братства Морской богини. Судя по осанке, одежде, оружию, большинство – не простые матросы, а старшие и младшие кормчие с торговых и военных кораблей, нашедших приют в Фарангской гавани.

Раскланиваясь едва ли не с каждым из сидящих за столиками, Хихарра проследовал в

угол зала, к черному резному изображению Морской богини на стенной панели. Там стоял стол, с которого слуга уже смахивал пыль и крошки.

Кормчий уселся на прочный шестиногий табурет и ткнул пальцем в винное пятно на несвежей скатерти. Слуга тотчас убрал скатерть, а второй служка уже бежал за новой. Хихарру знали в «Дохлой рыбине».

– Крепкого морского! – велел Нил.

Глиняный кувшин с вином и пара маленьких деревянных плошек тут же появились на столе. Гигант плеснул в чашки вина, и новые приятели опорожнили их с подобающим уханьем.

– Недурно! – произнес кормчий, причмокнув толстыми губами.

Слуга поставил перед ними горшочки с дымящимся рагу.

– Откуда ты взялся, борец? – спросил кормчий, отправляя в рот порцию перемешанного с овощами мяса.

Нил решил, что обычай молчания во время еды свойствен только верхушке здешнего общества.

– Да ты можешь не отвечать, коли не хочешь, – невнятно произнес кормчий.

Он хлебнул вина и захрустел черствой лепешкой.

– Да нет, – сказал Нил. – Что мне от тебя таить? Только ты не поверишь.

– Я?! – Хихарра поперхнулся рагу. – Да я столько видал в нашем сраном Мире, что поверю даже в лысину Равахша, кусай меня в задницу! Валяй, говори!

– Урнгур! – сказал Нил. – То, что со мной было, – пустячок в сравнении с тем, что со мной будет: я иду в Урнгур!

Кормчий перестал есть и очень серьезно посмотрел на Нила.

– Ты – здоровенный бугай, – сказал он. – Пожалуй, здоровше тебя я в жизни никого не видал. Но в Урнгуре с тобой точно – будет! И потом будет. Но без тебя.

– А почему ты знаешь? Ты был там, что ли?

– В Урнгуре не был. На границе был. Знаешь, на границе с Угуром и Хуридой (зачем только Неизъяснимому понадобилось создавать это дерьмо?) есть паршивый городишко. Чагун называется. Я ходил туда с товаром. Видел этих... – Нил весь обратился в слух, – ...урнгурцев. С виду-то они люди как люди. Тощие, не очень чтобы сильные. Шкура темная, потемней моей. Веет от них нехорошим. – Кормчего передернуло. – Гордые, скрытные. В Чагуне болтали, кто в их страну войдет, сразу отправляется к их богу, Хаору. И путешествие это... кха-кха... неприятно. Что еще скажу: был у нас случай. Купец из Хуриды, тоже тварь паскудная, недомерил торговцу ткани. Может, обманул, может, просто ошибся, дело людское. Так урнгурец этот схватил тесак и разрезал бедняге брюхо до самого позвоночника. Так-то! – Кормчий покачал головой. – Нет, борец, в Урнгур я тебе не советую. Хочешь сдохнуть – иди на юг, и все тут!

– Однако ж ты ходил в Чагун, – сказал гигант. – И живой.

– То – Чагун! – сказал моряк. – Да, ходил! Больше не пойду, кусай меня в задницу! Хоть и навар получил неплохой – не пойду. Скверная там торговля, борец.

– Ну, мне и здесь жизни не будет, – беспечно сказал Нил.

– А что так, борец?

– Поломал я тут одного... Тороном зовут... Может, слышал?

– Ой-хой! – воскликнул кормчий. – Конечно, Хихарра знает Торона! Весь Фаранг знает Торона! Поломал? – Кормчий нежно и восхищенно таращился на Нила. – Ха! Чую я, что здоров ты, борец, но ты и меня удивил! Удивил! Но тут ты прав, борец, – жизни тебе в Фаранге не будет, кусай меня в задницу! Он же хранитель тела самого душителя Дага, перец ему в мошонку! Уж Даг тебя не оставит, борец!

– Уж точно, – вздохнул Нил. – Я и этого самого Дага немножко... помял.

– Герой! – понизив голос, сказал кормчий. – Жаль, шкуру твою натянут на столб. Сильно помял?

– Вроде того. Он же хлипкий. Разок встряхнул – глазки и закатились.

– Да, борец! – сказал кормчий. – Пожалуй, в Урнгуре тебе самое место. Сматываться тебе отсюда надо так быстро, чтоб тебя еще вчера здесь не было. Как же тебя еще не сцапали, борец? Ты ж прогуливаешься, почитай, на самом виду?

Нил скромно потупился.

– О! – радостно вскричал Хихарра. – Пойдешь со мной. Ночью. Ночью мой «Светоч» отходит. Точно, в самый раз. Со мной пойдешь, борец! Все! Теперь только спрятать тебя до ночи.

– Я не один, – сказал Нил.

– Да? – огорчился моряк.

– Со мной мой господин, мой отец и женщина.

– Ой-хой! – с чувством произнес кормчий, и рука его потянулась к кувшину. – Тебя одного я еще мог бы вывезти без пропуска. Но четверых... Тем более женщину. А кто твой господин?

– Моряк. Его дядя – командующий Южной эскадрой Империи.

– Кто?!

– Эрд Асенар, светлорожденный.

– Ага... – сказал кормчий растерянно. – Понял... – Хотя было очевидно, что он совершенно ничего не понимает. – Я-то думал: с чего это ты схлестнулся с самим Дагом? Но ты, парень, все же молодец, что задавил эту тварь, Торона. Подлый был человек!

– Он жив, – сказал Нил.

– Зря. Уж этот бы тебя не пожалел. Сколько народу перебил. И на арене, и так, походя. Чего ему было бояться – за ним Душитель! Нет, ты его зря не добил... А эти, сдается мне, – за тобой, кусай меня в задницу!

В таверну вошли человек шесть солдат во главе с десятником. Десятник поманил к себе хозяина:

– Эй, мясо! Иди сюда! Мы тут кой-кого ищем.

Хозяин, пожилой, толстый, со щекастой угодливой физиономией, поспешил к воину, но один из гостей схватил его за руку:

– Не торопись, Момон! – И – десятнику: – Ты что здесь распоряжаешься, железнобрюхий, пес тебя дерит?

Десятник уставился на говорившего, здоровенного моряка со здоровенным мечом и здоровенным шрамом через все лицо. Десятник заколебался. «Дохлая рыбина» – не из тех мест, где городская стража чувствовала себя уютно. Трое сотрапезников меченого глядели на него в упор. Плечи у каждого были настолько шире десятниковых, что тому сразу расхотелось с ними ссориться. Пожалуй, он так и ушел бы вместе со своими вояками, но тут в таверну ввалились еще два десятка солдат, и стражник осмелел.

– Соленый огузок! – бросил он презрительно. – Не мешай слугам Великого Ангана!

– Всё! – сказал моряк, поднимаясь. – Или ты унесешь отсюда свои вонючие потроха, или я счас их поветрю.

Десятник вновь заколебался: в таверне не менее тридцати моряков, полностью разделяющих взгляды обладателя шрама, вооруженных, в грош не ставящих городскую стражу...

Но тут один из солдат заметил Нила: трудно было его не заметить!

– Там, там! – заорал солдат, тыча пальцем.

Нил хотел встать, но Хихарра удержал его:

– Сиди, борец. Без тебя обойдется. Дай и другим побыть героями!

И Нил остался сидеть.

Десятник тоже увидел Нила, и радость сделала его лицо еще менее симпатичным.

– Слово Великого Ангана! – заорал он и выхватил меч.

Одновременно десятки прямых клинков и волнистых лезвий конгайских криссов покинули ножны.

Человек со шрамом встал на пути десятника.

– Убирайся! Это наша таверна!
– А мне насрать! – разъярившийся десятник занес меч.
– Я сказал тебе, что проветрю твои кишки! – хладнокровно произнес человек со шрамом.

Парировал собственным мечом клинок десятника и точным ударом крисса ниже кирасы рассек стражнику мышцы живота.

Десятник выронил меч и схватился за живот. Кровь струилась между пальцев и капала на пол. Лицо его приобрело серый оттенок.

Солдаты сгрудились вокруг начальника, выставив вперед мечи. Атаковать они не решались – на каждого приходилось по меньшей мере по одному бойцу, а то поспеет подмога с кораблей – от стражников и рваных подметок не останется. Десятника подхватили, чтоб он не упал.

Арбалетная стрела оцарапала ухо солдату, стоявшему впереди. Это решило дело: стражники ретировались.

Взгляды обратились к Нилу.

– Он немного повздорил с Душителем! – сообщил Хихарра.
– Да, – ухмыльнулся гигант. – Я немного... придушил его. И он обиделся.
– Не врешь, белолицый? – спросил один из моряков. – Душитель никогда не ходит без мордоворота Торона!

– Торона он тоже немного... Как ты сказал? – Хихарра обернулся к Нилу: – Помял?

– Хочу выпить с тобой! – сказал моряк со шрамом, протискиваясь сквозь обступившую Нила толпу. – Выпить с тобой – честь. Мой трехмачтовик уходит в море Зур. С рассветом. Платы я с тебя, ясное дело, не возьму.

– А почему ты, Рубец? – возмутился худой длинный моряк с кривым носом и блестящими навывкате глазами. – Мой «Удачник» тоже уходит завтра утром.

– А потому я, – отозвался меченый, – что я уже поил своего весельчака, – он похлопал по рукояти меча, – когда ты еще вицеживал свою тридцатую кружку.

– Тихо! – рывкнул Хихарра так, что зазвенели кувшины над головой трактирщика. – Я его привел сюда – со мной он и уйдет, кусай меня в задницу!

– Если б я мог, – громогласно заявил Нил, – я пошел бы с каждым, друзья! Нигде я не видел столько достойных мореплавателей, храни вас Морская богиня! Хозяин! – Он повернулся к трактирщику, голова северянина на поллоктя возвышалась над макушкой самого рослого из моряков. – Хозяин, чашу! Хочу, чтоб вы все стали моими кровниками!

Чаша появилась на столе. Нил опрокинул в нее кувшин с вином, медленно провел кинжалом по предплечью. Кровь из ранки капнула в чашу. Хихарра чиркнул криссом по руке – и его кровь смешалась с кровью Нила. Кормчий со шрамом стал третьим. Через десять минут вино пополам с кровью тридцати семи моряков разошлось по их желудкам. Нил разбил чашу о стену, и дружный рев вырвался из трех дюжин глоток.

– Ты не только силен, борец, но и неглуп! – шепнул Хихарра. – Только что ты был здоровенным аппетитным куском человечины для крысолобов Дага, а сейчас за тобой – два десятка кораблей. Еще малость – и я поверю, что ты не только побываешь в Урнгуре, но и сумеешь рассказать о нем старому Хихарре!

* * *

Когда Шинону доложили, что светлорожденный в городе, он пил кофе и читал балладу о Прекрасной из Тайдуана в переводе на конгаэн.

– Вызвать стражу из порта? – спросил домоправитель.

– К чему? – удивился Шинон. – Он – один. И я – один. Все в порядке.

– Но... – домоправитель замялся, – он очень опасен.

– Я тоже очень опасен. Не докучай! – И углубился в чтение.

Но едва домоправитель вышел, Шинон тотчас отбросил свиток. Подойдя к оконной

арке, воин внимательно оглядел собственный парк с высоты третьего этажа. Потом проверил исправность арбалета-ловушки, нацеленного на дверной проем. Сняв мундир, Шинон натянул толстую фуфайку из белой шерсти, подкольчужную куртку из шести слоев паутиной ткани, а поверх – легкую, но очень прочную кольчугу из особого сплава. Затем опять надел мундир. Огромный коричневоглазый боевой пес поднял голову и посмотрел на хозяина.

– Нет, Равахш! – сказал Шинон. – Я слишком люблю тебя. Пойдем.

Он увел пса в дальнюю комнату, снабженную дверью с запором, и оставил там. Вернувшись, Шинон застегнул на руке боевой браслет и положил на стол три метательных ножа, сбалансированных, с тяжелыми широкими лезвиями. Вынув из ножен меч, Шинон осмотрел его и остался доволен. Конечно, это не бивень хармшарка, но дымчатое лезвие из лучшего конгского сплава вполне могло устоять против белого клинка. Пусть Эрда – один из лучших мечей Империи, зато Шинон – из лучших мечей Конга. А измученный схваткой на дороге и бешеной скачкой светлорожденный будет не в лучшей форме. Если Шинон один на один победит упрямого аристократа, обставившего сотню воинов... Конгай улыбнулся: подсказав совершенно нелепый план засады этому бумагомараке Хурану, Шинон поступил мудро. Ганг никогда не купился бы на подобную глупость. А раз северянин, как и полагал Начальник Гавани, сумел вывернуться, значит, не скучно будет скрестить с ним клинки. Возможно, смерть Эрда от руки конгского военачальника осложнит отношения с Империей больше, чем смерть его от руки разбойника... Это проблемы Наместника. Кто осудит Шинона за то, что он сумел себя защитить?

Но где-то в глубине души конгай чувствовал сожаление. Да, он убьет Эрда. Но, сложись дело иначе, Шинон охотно оставил бы светлорожденного в живых. Славный парень, немного чванливый, но доверчивый и отважный, как он сам. Пожалуй, проживи он еще десяток лет, – и из него получился бы добрый мореход, не хуже самого Шинона. Даром что аристократ! Шинон вспомнил о соххогоях, и губы его искривились: вот кого он пощупал бы мечом! И заодно узнал бы, действительно ли красноглазые такие бесподобные бойцы, как о них говорят.

Крики, лязг металла, рычание пардов донеслись снизу. Эрда прибыл.

* * *

Сотнику Конону совсем не нравился полученный приказ. Но Шинон объяснил ему: лучше они сами возьмут северянку, чем это сделает Наместник. Лучше, хуже, а воину-моряку позор арестовывать женщину. Но приказ есть приказ. Разумеется, он не собирался врываться без предупреждения. Но едва он протянул руку к дверному билу...

...Этайа запела, и рука сотника так и не коснулась бронзы.

Сколько сам он и его солдаты простояли около резной двери, никто из них не смог бы сказать. Вечность! Все они успели прожить жизнь. Счастливейшую из жизней! И умереть. Так, как умирают лучшие. И воскреснуть. И стать несчастными, чтобы обрести покой. И еще тысячу жизней сменили они, как меняет листву дерево. И росли, как растет дерево. И выросли. И поднялись туда, куда только сильные крылья дракона могут поднять человека.

Кончилось волшебство. Опустил Конон руку, так и не коснувшись била. И стал легким Конон, как будто единственно из света состоял он. И те, кто был с ним, стали такими же. Нет, ни один из них не забыл, для чего пришел к розовой двери с алой ящерицей наверху. Но какое это имело значение? Какое значение имеет детская обида для того, кто стал взрослым?

Добрые улыбки согревали мужественные лица, когда шли они по устланному шелком коридору. Казалось им, что ноги их едва касаются розовой ткани. И спустились они вниз, в просторный холл, а потом – по белым ступеням – на белую дорожку, что вела к высоким воротам. И дальше... чтобы много лет никто из фарангцев не увидел ни сотника Конона, ни десятника Агга, ни тех трех солдат, что пришли в этот день в «Добрый приют».

Х

«О сильном и слабом, благородном и ничтожном доподлинно можно сказать только одно: он умрет»,— говорит гурамская пословица. Но не нужно обладать особой мудростью, чтобы сообразить: умрут-то они по-разному.»

Фахри Праведный. Светоч Эдзамы

– Тумес!

Биорк оглянулся: к воротам загона быстрым шагом, почти бегом, направлялся Скон. Вагар похлопал быка по широкой слюнявой морде, поставил на землю ведро и двинулся навстречу старшему служке.

– Пойдем! – сказал Скон, крепко взял Биорка за руку и, ничего не объясняя, повел за собой.

Они пересекли служебный двор и оказались перед маленькой дверью в стене храма. Скон отпер ее ключом и втолкнул вагара внутрь. Биорк догадался, что они – в келье старшего служки.

– Двое железнобрюхих были у Верховного! – сказал он без предисловий. – Ищут тебя!

– Ну и...?

– Я сказал: нет такого! Но мне, ясное дело, не поверили! А ты, значит, вагар?

– Вагар, – признался Биорк.

– Во! – Лицо Скона растянулось в улыбке. – Я уж и сам почти допер! Короче, надо тебе сматываться. Тумес или как там тебя!

– Биорк! – сказал Биорк.

– Биорк! О, хуруг! ¹⁴ И не выговорить! Пусть останется – Тумес! Я б оставил тебя здесь, но раз кто-то настучал – тебя все равно достанут!

– А тебе не влетит от Верховного? – спросил Биорк. – За вранье?

– Хой! Верховному-то что за дело до Наместника? Он соххогоям яйца не лижет! Ему хозяин – Тур! Как и мне! – гордо сказал Скон.

– Быкоглавого я уважаю! – кивнул Биорк. – Он моего сына покровитель!

– Сына? – вытаращил глаза служка. – А! Хуруг! Ты ж вагар! Жаль, что надо тебе валить! Парни тебя прям полюбили! Да и я... – Скон смущенно хмыкнул. – А может, вправду...

– Нет! – твердо сказал Биорк. – Я уйду! Пора уж!

– Ну гляди! – На некрасивом лице служки были и огорчение, и облегчение одновременно. – Знаешь, ежели как-нибудь... Ну, помочь тебе надо будет или что – ты приходи, не стесняйся! И сына своего веди! Он тоже вагар? Мелкий?

– Да повыше меня будет! – улыбнулся Биорк. – Этак локтя на полтора повыше!

– Хой! – изумился старший служка. – Шутишь?

– Он – вождь, – сказал Биорк. – Воин.

– Ну? Слушай, Тумес! – Глаза Скона загорелись. – Возьми меня с собой! А что? Я парень ловкий! Порядки знаю! Возьми! А то вот ты, к примеру, везде был, а я всю жизнь в Фаранге, как амбарная крыса! Возьми, а?

Биорк покачал головой.

– Извини, друг! Не могу! – И, увидев, как огорчил парня: – Но – слово! Если вернусь в Фаранг, тебя найду непременно! А там уж – как бог твой положит! Может, и поплывем с тобой по пенному морю!

– Да ладно! – махнул рукой старший служка. Хотя слова Биорка явно ему

¹⁴ Хуруг – ящер примерно в три-четыре метра длиной, телосложением напоминает варана, но свиреп и неразборчив в пище, как акула. И зубами оснащен такими же. Глуп настолько же, насколько свиреп.

понравились.— Сам знаю, каков из меня спутник воину.— И, серьезным тоном: — Ща посидишь у меня. А уж как солнышко вниз покатится, тогда и уйдешь.

И, вскочив со скамьи, на которую уселся было:

— Жди меня тут, Тумес! Ща я пожрать принесу и,— он подмигнул,— винца кувшинчик сворую. Посидим напоследок. Жди, Тумес! Я тя снаружи запру, чтоб никто не сунулся. Да я быстро.

Он сорвался с места и убежал.

Вагар опустил на скамью. Улыбка оставалась на его лице еще целую минуту.

Биорк покинул храм Тура во время полуденного отдыха. Он как раз добрался до гостиницы, когда посланные за Этайей воины выходили за высокие ворота.

По просветленным их лицам догадался Биорк, что произошло. Это и обрадовало, и огорчило вагара. Обрадовало, потому что, ждала солдат завидная судьба. А огорчило потому, что если Этайа использовала последнее средство, значит, ни светлорожденного, ни Нила рядом не оказалось.

«Однако я жив! — подумал вагар.— И где доказательства, что мои друзья мертвы?»

Не желая обращать на себя внимание слуг (Биорк полагал, и справедливо, что они шпионят для своих правителей), вагар вскарабкался на дерево и, раскачавшись, прыгнул на террасу третьего этажа.

— Вовремя, Биорк Эйриксон! — сказала Этайа, когда вагар появился перед ней.— У меня есть достойное тебя дело.

— Слушаю, госпожа! — Вагар потер испачканные цветочной пылью руки.— Но прежде скажи, что с Нилом.

— Отправился готовить наше отплытие, не тревожься. А вот нашему вождю угрожает опасность. И ни ты, ни я не успеем ему помочь. Он расплачивается за вчерашнее.— И светлорожденная рассказала вагару о недавних событиях.

— Ты уверена, что я ничем не могу ему помочь? — спросил Биорк, когда она закончила.

— Оракул, сын Эйрика, вспомни пророчество и смирись. Твое мастерство понадобится другому человеку.

— Кому?

— Ее зовут Мара...

Когда Этайа закончила рассказ, лицо вагара все еще выражало сомнение.

— Фарангская потаскушка? Стоит ли тратить на нее время?

— Твой сын не стал бы так говорить! — укоризненно сказала светлорожденная.— Я просила ее помочь, и я не могу не помочь ей. Она попала в беду, когда несла ко мне весть о том, кого я ищу. Этого достаточно?

— Да,— кивнул вагар.— Ты знаешь, что ей удалось выяснить?

Этайа покачала головой.

— Я вытащу ее,— сказал Биорк.— Дай мне след...

* * *

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Биорк прошел мимо ворот храма Быкоглавого, покинутого два часа назад. У храмовых ворот топтались угрюмые солдаты в стальных кирасах, с арбалетами на изготовку. Аллея Паломников и храмовый парк были полны стражников. Биорк заметил Верховного Жреца, разъяренных «синих», даже размахивающего руками Скона...

Солдаты перекрыли ворота, никого не впуская и не выпуская. Паломники, уже начавшие собираться к вечернему приношению, бесцельно топтались у входа.

Биорк задержался, чтобы посмотреть, как будут развиваться события. Толпа росла. Настроение конгаев становилось все более агрессивным. С десятков «синих» по ту сторону

решетки подзуживали толпу. Но жители Фаранга были слишком добродушны, чтобы броситься на солдат. А сами солдаты вели себя сдержанно: Тур Быкоглавый – покровитель не только земледельцев, но и воинов тоже.

Биорк поспешил дальше. Мимо него проскакал большой отряд всадников, не менее сотни, и, к его удивлению, не в сторону храма Тура, а по направлению к южной стороне порта. Когда вагар достиг площади Умиротворения, на которую выходили армейские казармы, мимо него промчался еще один отряд. Биорку даже пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы парды не сшибли его с ног. Третий отряд поскакал к мосту через Фуа. У ворот казарм на мощном, почти черном парде восседал воин, который заправлял всей этой суматохой. Значок начальника тысячи, строенные мечи под «спящим» конгским драконом, блестел на его рукаве. Лицо тысячника было сосредоточенным, но он не выглядел огорченным. Скорее, наоборот.

«Любит подражаться!» – подумал Биорк, разглядывая начальника тысячи.

Четвертый отряд всадников умчался в сторону Гавани.

– Похоже, мой сын приложил к этому руку, – пробормотал вагар и двинулся дальше.

У входа в дворцовый парк, как обычно, стояла стража. Но сегодня у солдат был не столь ленивый и самодовольный вид, как обычно. Оживление, царившее у казарм, не обошло стороной и Дворец. За те пару минут, что Биорк следил за воротами, не менее десятка бегунов покинули Дворец, и столько же вошли внутрь. Биорк отступил к деревьям, окружавшим снаружи стену дворцового парка. Для вагара не составило труда преодолеть ее. Через минуту он уже бежал по ухоженной парковой аллее.

Описание, данное Этайей, было достаточно точным, чтобы Биорк сразу нашел маленькую стальную дверь – вход в подземелье. Дверь была заперта, но вряд ли нашелся бы в Конге замок, способный остановить вагара. Несколько движений бронзового крючка – и дверь, отчаянно заскрипев, отворилась.

Два стражника, разлегшись на полу, играли в кости. Мечи были небрежно брошены в пяти шагах от хозяев. Стражники отвлеклись от игры и уставились на вошедшего.

Маленький воин был явно не тем, кого они ожидали увидеть.

– О! – сказал один из стражников.

Второй ничего не успел сказать: кулак вагара на четверть локтя погрузился ему под ребра. Зато первый успел за это время вскочить и даже вытащить из-за пояса крисс.

– Молодец! – похвалил его вагар, ударяя сначала ногой в голень, а когда стражник с воплем присел – головой в подбородок. Впрочем, лежавшие теперь без чувств стражники выполнили свой долг: шум у двери привлек внимание двух десятков солдат, находившихся в караулке. Когда они, бряцая оружием и свирепо сопя, ввалились в комнату, вагару пришлось отступить.

Часть воинов тут же отрезала Биорка от открытой двери, остальные обступили его полукругом, угрожая остриями мечей. Они были осторожны, помня предупреждение, полученное ими утром. Кроме того, тела товарищей говорили сами за себя. И все же они никогда раньше не видели вагаров.

А когда двадцать здоровенных вооруженных вояк стоят против одного безоружного человечка, чей рост не больше, чем у их сыновей, они чувствуют себя глуповато. Тонкие руки вагара не казались страшными. Правда, на поясе его висел нож...

– Брось нож! – гаркнул начальник стражников, рыжий конгай с покатыми плечами борца. Кольчужная рубашка из плоских чешуй закрывала его почти до колен. На голове красовался круглый шлем, сдвинутый на затылок. Десятник даже не потрудился застегнуть подбородочный ремень.

Вагар снял с пояса нож и бросил его на каменный пол.

– Дурачок! – сказал начальник и ударил его плашмя мечом по голове.

Биорк упал на колено. «Язык змеи», выхваченный из набедренной повязки, прыгнул к лицу начальника стражи и пробил череп на полпальца выше переносицы.

Никто из солдат ничего не понял. Только что они видели широченную спину своего

командира, а теперь он валяется на полу, а на лбу его вспучивается кровавый пузырь.

«Язык змеи» покачивался в правой руке вагара. Пальцы левой руки перебирали тонкую цепь. Те, кто никогда не сталкивался с этим оружием, с трудом могут представить, что это такое. Маленькая заостренная гирька из упругой стали на прочной тонкой металлической цепочке в восемь локтей длиной в руках тренированного бойца опасней, чем меч. Соперничая в точности и скорости с арбалетной стрелой, она способна поразить цель и вернуться в руку мастера быстрее, чем противник успеет мигнуть. Сила же удара такова, что «язык» пробивает не слишком толстую кирасу. Конечно, хуридскую, а не конгскую. Особенно же опасен «язык змеи», когда нападающих много и атакуют они с разных сторон. То есть именно в той ситуации, в которой оказался Биорк.

Чем-чем, а трусостью конгаи никогда не отличались. Едва они оправились от удивления, вызванного видом поверженного начальника, как двадцать обнаженных клинков взлетели над головой вагара. Если бы стражники не были охвачены гневом, если бы они питали большее почтение к маленькому воину, вагару пришлось бы несладко. В соседней комнате было довольно арбалетов, чтобы наспиговать стрелами полдюжины вагаров. Но воин с мечом, особенно если он умеет им пользоваться, не побежит за арбалетом, чтобы подстрелить одного-единственного противника с маленькой железкой, к тому же ростом до плеча. Когда же двадцать солдат без всякого плана бросаются на одного-единственного бывшего туринга...

Первым пострадал солдат с самой быстрой реакцией. Когда он, опередив остальных, напал на вагара, меч соседа распорол ему бедро. Вместо того, чтобы, как ожидали конгаи, отступить к стене и этим прикрыть спину, вагар прыгнул вперед. «Язык змеи» вылетел трижды, и три стражника рухнули под ноги товарищей. Еще один меч воткнулся не туда – гневный вопль пострадавшего смешался с хрипом другого солдата, которому гирька раздробила грудину над самым краем кирасы. Биорк нырнул прямо в образовавшуюся свалку и без ущерба вынырнул с другой стороны. Прежде, чем кто-либо из стражников сообразил, что дичь ускользнула, маленький воин захлопнул стальную дверь и задвинул широкий засов. Еще раньше кто-то из стражников из осторожности захлопнул наружную дверь, замок ее защелкнулся, и отпереть его теперь можно было только снаружи... Лязг рукоятей, которыми стражники забарабанили в дверь, был оглушительным, но бесполезным. Два десятка воинов оказались в ловушке.

Руководствуясь врожденным чутьем вагара, Биорк углубился в подземелье и двинулся к намеченной цели. Любой лабиринт может быть пройден, если у идущего есть интуиция. А у любого вагара, родившегося во тьме каменных пещер-лабиринтов, чувство направления безукоризненно.

Десять минут спустя Биорк увидел широкое низкое помещение, больше всего напоминающее пещеру, – с закопченным потолком и без единого светильника. Лишь свет горящего в открытом очаге пламени озарял грубую кирпичную кладку стен.

Трое находились в этом жутком помещении. Одной из троих была девушка. Руки ее были прикованы к загнанным между кирпичами стальным костылям. Волосы распущены. Никакой одежды. Блаженная улыбка на лице девушки подсказала вагару, что она одурманена и не сознает реальности. Но двое мужчин, составивших ей компанию, были более чем реальны.

Один из них, угрюмый чиновник с отеком бледным лицом, сидел за грязным столом и сосредоточенно грыз кончик кисточки. Второй, более похожий на магхара, чем на человека, раскладывал на плоском камне у очага металлические предметы, вид которых мог бы привести в трепет самого стойкого воина.

Тот, что стоял у очага, повернулся, и вагар смог рассмотреть его подробнее. Толстогубый, с коротким, свернутым в сторону носом и темно-коричневой нездоровой кожей. Туловище его походило на раздувшийся мешок, поставленный на тонкие ноги. В довершение всего волосы уроды были выкрашены в ярко-красный цвет.

– Умх! – сказал чиновник за столом. – Как думаешь, сколько нам еще ждать?

– Ждать? – тонким голосом переспросил палач. – Зачем ждать?

– Ну, пока дурь из девки выйдет?

– Выйдет! – сказал палач, перебирая свои инструменты.

Вагар разглядел на его лице реденькую бородку.

«Он не конгай, – решил Биорк. – Омбамту? ¹⁵»

Палач взял тонкую длинную иглу на деревянной ручке и сунул острие в огонь. Когда, по его мнению, игла достаточно раскалилась, он подошел к девушке, смотревшей на него с бессмысленной улыбкой, схватил ее за руку и принялся медленно ввинчивать раскаленную иглу ей в локоть.

Девушка перестала улыбаться. Какое-то время лицо ее было неподвижно. Потом огромные глаза наполнились слезами.

– Не надо, – проговорила она. – Мне больно.

– Брось ты ее! – сказал чиновник. – Не видишь, она еще не очухалась.

Палач подошел к очагу и плюнул в огонь.

– Я не буду ждать! – сказал он. – Опять до утра провозимся!

Девушка с ужасом смотрела на свой локоть, из которого торчала игла. Вагар скрипнул зубами: он ничего не мог сделать – между ним и комнатой была стальная решетка. Толстые прутья, заделанные в камень.

Палач подошел к девушке и пошевелил иглу. Она вскрикнула.

– Слышишь? – спросил палач. – погоди немного – и она так завизжит, что ты оглохнешь.

– А она – ничего, – сказал чиновник и сглотнул слюну.

– Не люблю баб! – сказал палач и снова сплюнул. – Любуйся пока. Тем, что останется, даже магхар побрезгует.

– Ну ты говоришь! – сказал чиновник. – Вдруг она сразу все выболтает?

– Ну и что? – возразил палач. – Откуда мне знать, что она не врет? Нет! Моя работа мне известна. А твоя работа – кистью мазать. Кончим – пойдешь купишь бабу и трахнешь.

– После твоей работы только блевать хочется, – вздохнул чиновник. – Какие там бабы!

– Привыкай, привыкай! – покровительственно сказал палач. – В помощники возьму. Видал, как хозяин меня жалует?

– Лучше сдохнуть! – сказал чиновник.

* * *

На парковой лужайке, звеня мечами, вертелись четверо всадников. Трое были личными стражниками Шинона. Четвертый – Эрд. Прекрасный пард под светлорожденным был весь покрыт бурой засохшей кровью.

«Ранен? – предположил Шинон. – Нет, вряд ли. Слишком много крови, чтобы остаться в седле». Тут Шинон узнал парда своего сотника и огорчился: добрый был солдат. Преданный. Во имя Быкоглавого – он же приказал своим людям не вмешиваться!

Эрд вышиб из седла последнего из противников и погнал парда прямо к дому. Шинону показалось, что взгляд светлорожденного все же зацепил его сквозь завесу листвы. Он поспешил в комнату и услышал на лестнице грохот.

Заляпанная кровью и грязью широкая грудь парда отбросила тростниковый занавес. Пригнувшись, чтобы не задеть верх дверной арки, сжимая в руке окровавленный меч, в комнату ворвался Эрд.

С глухим чмоканьем стрела арбалета-ловушки вонзилась в горло парда. Шинон, выругавшись, метнул нож. Раненый пард, поднявшись на дыбы и попятившись, уперся в

¹⁵ Обмамту – уроженец Омбама, страны, расположенной на восточном побережье Красной Земли, восточного материка.

стену и тяжело рухнул на пол, загромоздив половину комнаты. Лапы и хвост зверя судорожно дергались.

Эрд успел соскочить – его поясной ремень не был пристегнут к седлу. Брошенный Шином нож не поразил северянина в грудь, но разрезал плечо, и рукав изорванного камзола сразу набух от крови.

Второй нож, брошенный противником, Эрд легко отбил взмахом меча.

Перепрыгнув через стол, Шинон рубанул мечом. Эрд уклонился и попытался достать шею конгая. Тот отвел меч браслетом. Противники обменивались редкими ударами, выжидая. Тактика эта была выгодна Шинону: светлорожденный устал и ранен. Долго ему не продержаться. Эрд тоже понимал это. Он вынужден был атаковать всерьез. И нанес удар «пирующий клинок» – подсекающее движение с резким рывком вверх. Шинон подпрыгнул, чтобы уберечь колени, и едва избежал лезвия – клинок светлорожденного прошел в полуладони от его паха. Зато Шинон успел поймать белый клинок собственным мечом, ринулся вперед и ударил Эрда в лицо шипами браслета. Эрд устал и уклонился недостаточно быстро: шип рассек лоб, и струйка крови протекла вниз, заливая глаза.

Ни один из противников не сказал ни слова: оба берегли дыхание.

Светлорожденный наискось ударил мечом. Простой удар. Но быстрый, как молния. Такого Шинон не ожидал и не успел парировать. И хотя меч Эрда прошел лишь вскользь по кольчуге, но конгай пошатнулся и ответный удар нанести не успел. Эрд получил преимущество и тут же воспользовался им, выполнил «падение дракона» – серию из трех поворотов, заканчивающихся прямым выпадом. Конгай отпрянул назад, но позади оказался стол, и белый меч пронзил ногу Шинона ниже колена, переломив кость. Конгай упал.

Но светлорожденный уже не смог воспользоваться преимуществом – силы оставили его. Чтобы устоять, Эрд тяжело оперся на меч. Сознание его туманилось, стены комнаты качались, он потерял слишком много крови, слишком много сил...

Шинон зацепился левой рукой за край стола, кое-как поднялся, встал на здоровую ногу. Конгай знал: если Эрду удастся справиться со слабостью, он убьет Шинона. В подобных поединках пощады не просят.

Эрд справился. Взгляд его вновь стал осмысленным, и он сделал осторожный шаг к Начальнику Гавани, что стоял у стола, опершись на него левой рукой. Кончик белого меча описывал завораживающие кривые. Но Шинон был слишком опытен, чтобы смотреть на меч. Взгляд его был сосредоточен на бледных губах светлорожденного... А рука прижимала к столу рукоять последнего метательного ножа.

Эрд шагнул вперед... И конгай, перенеся вес тела на здоровую ногу, метнул нож и радостно вскрикнул: узкий клинок на ладонь вошел в живот светлорожденного.

Миг спустя меч Эрда, разорвав кольчугу, пронзил грудь конгая.

– Жаль, что ты... шпион! – выдохнул Шинон. И умер.

Последним усилием Эрд попытался вырвать меч из падающего тела конгая. Но не сумел. Пол под его ногами вскинулся, как корабельная палуба в шторм, рукоять выскользнула из пальцев, и светлорожденный безжизненным кулом повалился рядом с мертвым Шином.

* * *

– Я могу положиться на тебя, Самит? – спросила Этайа стоящего перед ней пожилого мужчину, одетого в традиционный костюм имперского купца.

– Без сомнения, светлейшая! – Самит коснулся седой бороды и с достоинством поклонился женщине.

– Ее будут искать!

– Пусть. На моих кораблях, светлейшая, я могу вывезти все, что ты пожелаешь. Здешние чиновники слепнут при виде золота.

– Благодарю тебя, почтенный Самит! Приди ко мне через два часа.

- Та, за кого ты просишь, будет здесь?
- Надеюсь на это. Храни тебя Морская богиня!
- Да хранит она и тебя, светлейшая!

* * *

Вагар взялся руками за ржавые прутья и, упершись ногой, изо всех сил потянул. С тем же успехом он мог надеяться вырвать грот-мачту большого корабля.

Палач тем временем раскалял на огне металлический прут со сплюснутым концом. Он вынул его из очага, осмотрел, плюнул, остался недоволен и снова сунул прут в огонь.

– Рыбьи мозги! – выругал себя вагар.

Со всех ног он бросился назад, к выходу из подземелья.

– Может, спросить у нее что-нибудь? – предложил чиновник, которому было скучно сидеть без дела.

– Не время! – отозвался палач. – Сиди. Девка еще не готова.

Он вынул из пламени прут и тронул им деревянную скамью. От затлевшей древесины поднялся дымок.

– Годится, – пробормотал палач с удовлетворением и, сжимая прут, приблизился к девушке. Прищуренные глазки с красными белками прошлись по ее телу. Палач кивнул сам себе и схватил ее за грудь выпачканной в саже рукой.

Глаза девушки выкатились от ужаса. Она закричала и забилась на цепях. Палач приблизил к ее соску раскаленное железо...

– Имх! – раздался за его спиной повелительный голос.

Палач недовольно оглянулся, не выпуская грудь девушки. Он услышал резкий металлический щелчок, выронил прут и повалился на камни. Черенок арбалетного болта торчал у него из глазницы. Испуганный чиновник выскочил из-за стола и устоял на вагара, поднявшего второй арбалет.

– Ты! – сказал Биорк. – Ключи от цепей!

Чиновник быстро-быстро закивал головой. Он, как замороженный, глядел на черный наконечник стрелы.

– Освободи ее!

Чиновник поспешно бросился к пленнице, вытащил из кармана тяжелую связку ключей и отпер замки. Девушка повалилась на каменный пол.

– Как мне попасть к вам? – спросил вагар.

Чиновник задумался. Потом довольная улыбка появилась на его испуганном лице:

– Да, да, к нам! Ты пойдешь по коридору направо, господин, затем свернешь еще раз направо...

– Лжешь, – равнодушно сказал Биорк. – Впрочем, это не важно.

И нажал на спусковой крючок. Арбалетный болт, войдя в правый глаз, пробил глазницу, мозг и застрял в затылочной кости. Скорее всего чиновник, как чуть раньше – палач, даже не успел осознать, что умирает.

Вагар прикрыл глаза. Он размышлял. Нужно вывести девушку из дворца. Первое: отыскать новый путь. Второе: сделать все так, чтобы не привлечь внимания. Третье: уложиться в отведенное время.

Прошло четыре минуты. Биорк открыл глаза и начал действовать.

В оружейной стражников он отыскал топор, без особого труда разбив каменную кладку, вышиб пару прутьев решетки и протиснулся в пыточную. Мара лежала на спине, бессмысленно глядя в потолок. Вагар наклонился к ней, принялся к ее дыханию и определил наркотик, которым ее отравили. Затем быстрым движением выдернул из локтя девушки иглу. Мара вскрикнула, попыталась оттолкнуть своего спасителя.

– Встать! – рявкнул Биорк, используя власть Голоса, проникавшего даже в затуманенное сознание.

И Мара встала.

Через пять минут они покинули подземелье, поднявшись через люк на солдатскую кухню. Трем поварам Биорк очень доходчиво продемонстрировал, что такое Мангхел Сёрк, боевое искусство вагаров. Еще через пять минут Мара – в одежде служанки, а Биорк – в фартучке поваренка, со значком раба на лбу и большой корзиной, полной грязной посуды, покинули кухню. А еще через пять минут так же беспрепятственно покинули дворец. Привратная стража на служанку и поваренка даже не взглянула.

На полпути, неподалеку от площади Умиротворения, Маре стало совсем плохо, и Биорку пришлось сделать остановку.

Солдат на площади стало поменьше. И начальника тысячи уже не было. Зато у храма Тура кипела возбужденная толпа. Вдоль ворот цепью стояли копейщики, за ними – шеренгой мечники с клинками наголо, а за мечниками – всадники на пардах, с арбалетами в руках. Между толпой и солдатами был просвет в пять шагов шириной. Каменные плиты перед строем были забрызганы кровью.

«Самое время уходить из Фаранга, – подумал вагар. – Здешним правителям точно не до нас».

* * *

Два человека встретились в пустом пиршественном зале гостиницы «Добрый приют».

– Приветствие, почтенный Самит!

– Рад видеть тебя, Хихарра!

Оба купца соединили ладони.

– Как идут дела, брат?

– Привез груз из Гурама. Думал, распродам в Фаранге, да не вышло. Придется подняться до Кунга, иначе по хорошей цене не сбыть.

– Что нового в Гураме?

– Землетрясение, почтенный Самит! Уже шестое в нынешнем году. И убытки велики.

– Дела! И у нас трясло. Прогневался Повелитель Тверди. Однако ж ты говорил о своем товаре. Думаешь, в Кунге заплатят больше?

– Уверен. Кораблям гурамцев запрещено подниматься вверх по реке. Это они сбили здесь цены на свой товар.

Оба покивали понимающе.

– А как идет твоя торговля, почтенный Самит? – спросил конгай. – Велик ли барыш? Слышал я: уже четыре корабля привел ты в Фарангскую гавань.

Имперский купец провел ладонью по бороде:

– Хвала богине! В убытке не остаюсь. Но трудно стало торговать в благословенном Конге. Мало товара.

– Ой-мей! – удивился Хихарра. – Три урожая в год дают наши поля!

– Однако цены на пряности высоки, пошлины еще выше. Эдзамская мука сейчас намного дешевле, чем конгская.

– О! – лукаво улыбнулся Хихарра. – Не верю, что столь опытный купец, как Самит, не нашел, чем загрузить трюмы!

– Смейся, Хихарра! Ремесленники Конга еще не забыли свое мастерство. Ваши мечи – по-прежнему лучшие в Мире.

– Если не считать тех, что куют вагары на западе, – уточнил конгай.

– ...Но ты удивишься, – продолжал Самит, – если я скажу, какой еще товар я повезу на север!

– Трудно удивить Хихарру! Попробуй!

– Люди! Я повезу людей!

– Удивил! – сказал конгай. – Но зачем? Разве они не станут свободными, едва ступят на землю Империи?

– Они и сейчас свободны! – засмеялся Самит. – И хорошо платят за места на моих палубах!

– Скверные времена! – Хихарра помрачнел. – Если народ Конга уходит из своей страны!

– Прости мне мой смех, Хихарра! – извинился северянин. – Я не подумал, что могу огорчить тебя!

– Пустое! Но скажи, разве отважный Шинон не препятствует тебе? Уж он-то...

– О, у него столько шпионов, что они сами забыли, кому служат! – перебил Самит. – А начальник таможни, сам знаешь...

– Знаю, – кивнул Хихарра. – Что ж, удачи тебе, Самит! Но позволь задать тебе вопрос? Купец из Империи кивнул.

– Кто таков Эрд Асенар?

– А зачем тебе? – насторожился Самит.

– Он и слуги его этой ночью будут гостями на моем судне, – честно признался конгай.

Самит задумался. Потом спросил:

– А зачем светлейшему Эрду идти вверх по Фуа, он не сказал тебе?

– Кто знает? Его белолицый слуга говорит: им нужен Урнгур. И сам слуга таков, что я могу поверить: он-таки доберется до Урнгура, кусай меня в задницу! Так что Эрд? Он, верно, может идти в Урнгур, или это – предлог, чтобы скрыть настоящую цель? Не хотел бы я везти к истокам Фуа врага Конга!

– Ты спросил! – произнес Самит задумчиво. – И ты знаешь, что я – слуга императора. А светлорожденный Эрд? Он высший слуга императора! И ты согласишься моим словам, конгай?

– Ты – кормчий. И я – кормчий! – с усмешкой сказал Хихарра. – Ты не станешь мне врать. Если Эрд – враг Конга, шпион, ты просто сказал бы: не знаю. Я прав?

– О, ты хитер, Хихарра! Ты – Торговец! – восхитился Самит. – Да, ты прав. И будь спокоен. Светлейший Эрд Асенар может захотеть достичь даже луны.

– Он что, сумасшедший?

– Нет. Хотя – да. По-своему. Он пойдет, если решит, что это – честь для него. Слышал: в бою он ведет себя так, будто ищет смерти. Уверен, если он ее найдет – смерти не поздоровится! И у него меч из бивня хармшарка. Таким мечом, если он заговорен, можно сразить даже демона.

– Белый меч? – воскликнул Хихарра. – И он решился взять с собой такую ценную вещь? Разорви меня хуруг! Верно – сумасшедший, кусай меня в задницу!

– Не забывай! – захихикал Самит. – Меч Эрда – в руке Эрда!

* * *

Домоправитель вошел в комнату сразу же, как только услышал вой запертого пса. Он не посмел бы войти, если бы не был уверен, что хозяин не сможет возразить. Эрда он опасался значительно меньше. Однако был приятно удивлен, обнаружив его лежащим без чувств около тела конгая.

Перешагнув через оскаленную морду мертвого парда, домоправитель подошел к труп Шинона и взялся за рукоять белого меча. Только встав обеими ногами на труп, домоправитель сумел выдернуть клинок.

В комнату неслышно вошла служанка.

– Морон! – окликнула она домоправителя.

Тот вздрогнул и обернулся. Лицо его было искажено страхом.

– Ты зачем здесь, Дайна? – прошипел он.

– А ты зачем? – с вызовом ответила девушка.

Домоправитель пронзил ее взглядом, но ничего не сказал. Меч все еще был в его руках. Девушка подошла к распростертому на полу телу светлорожденного и склонилась над ним.

– Красивый! – прошептала она, разглядывая окровавленное лицо Эрда. Девушка наклонилась еще ниже. Домоправитель посмотрел на ее тонкую смуглую шею, и губы его искривила недобрая усмешка.

– Да он жив! – вдруг вскрикнула девушка.

И в этот момент конгай нанес удар. Белый меч прошел сквозь шею девушки так легко, будто это была соломинка. Круглая головка отскочила, покатилась по полу и остановилась возле оскаленной морды парда, удивленно глядя синими глазами. Обезглавленное тело упало на Эрда. Кровь толчками выплескивалась из перерубленных артерий.

– Великий Тур! – прошептал домоправитель, глядя на белое лезвие, воткнувшееся в мат в ладони от его ступни. – Я мог повредить ногу!

Потом его глаза обратились к лежащему без сознания светлорожденному.

– Значит, живой? – произнес конгай.

Он выдернул из пола меч и потрогал рукой лезвие у рукояти, там, где оно не было запятнано кровью.

– Значит, живой! – повторил он, занося меч...

* * *

Маленький вагар вошел в гостиницу, ведя за собой Мару.

– На третий! – крикнул он сонному слуге и втокнул девушку в подъемник.

– Где я? – настороженно спросила Мара.

Вагар заглянул в глаза девушки. Туман рассеивался.

– У друзей, – лаконично ответил он.

Подъемник остановился, и Биорк подтолкнул конгайку вперед.

– Этайа! – позвал он, останавливаясь у входа в апартаменты Эрда.

– Входите! – раздалось из-за дверей.

– Я займусь ею, – светлорожденная подхватила девушку и помогла ей сесть. – Биорк, спустись вниз, найди почтенного Самита, и через четверть часа поднимитесь ко мне.

Когда вагар и Самит вошли в комнату, Мара чувствовала себя значительно лучше. Этайа одела ее в собственное платье из тайдуанского шелка. Талию девушки обвивал кожаный пояс, черный, глянцевый, с тисненым тайдуанским же орнаментом. На серебряной пряжке был вычеканен герб, которым удостоил Этайю император: фигурка танцующей богини Радости. Герб, как нельзя более подходивший и самой Маре.

– Светлейшая! – произнес Самит с легким поклоном.

– Твой помощник? – спросила светлорожденного, разглядывая хитрую физиономию Хихарры.

– Не достоин чести, госпожа! – пророкотал толстый кормчий. – Я, скорее, твой помощник, если мой побратим Нил, говоря «та женщина», имел в виду тебя?

– Меня. Благодарю! – ответила Этайа. – Не будешь ли ты столь добр, чтобы подождать, пока я устрою девушку?

Хихарра взглянул на Мару, и челюсть его отвисла.

– Мара! – воскликнул он. – Что ты здесь делаешь, дочка?

Девушка ничего не ответила, лишь улыбнулась кормчему бледными губами.

– Это ее ты вручаешь моему попечению? – спросил Самит.

– Да!

–хлопотное дело, госпожа! – сказал купец. – Она красива.

– Что с тобой за беда, Мара? – вмешался Хихарра. – Могу я помочь?

– Если у тебя есть ключи от подвалов Наместника и сказка для его палача, – сказал Биорк.

– Жребий Неизъяснимого! – в ужасе воскликнул кормчий. – Ты можешь попасть в лапы Имха?

– Попала,– сказала девушка.– Он,– конгайка указала на вагара,– вытащил меня.
Хихарра обернулся к Биорку.
– Твой должник! – сказал он торжественно.
– Оставь! – отмахнулся вагар.– Ты же побратим моего сына.
– Ты?.. Сы-сына? – Хихарра выпучил глаза.– Ты? Боги! Кто же была его мать?
Великанша с Ледяных гор?

Неожиданно дверь в покои распахнулась, и внутрь уверенно вошла женщина. Однако, увидев совсем не то, что ожидала увидеть, она на секунду замерла, а затем попыталась улизнуть. Вагар поймал ее за руку и втащил обратно.
– Ты кто? – спросил маленький воин, стальными пальцами сжимая ее запястье.
– Быстро пусти меня, недомерок! – сердито крикнула женщина, тщетно пытаясь освободиться.– Да ты знаешь, кто я?
– Хочу знать,– отозвался вагар, еще крепче стискивая руку.
– Жена почтенного Дага! – тихо сказала Мара.
– Ты...– крикнула женщина.– Я...
– Зачем ты здесь? – спросила Этайа.– Ты ищешь Нила? Отпусти ее, Биорк: она не враг.
– Пусть докажет! – возразил вагар.
– Докажу, если отцепишься от меня! – огрызнулась Тэлла.
Вагар выпустил ее, и она принялась растирать запястье.
– Поспеш! – угрожающе произнес маленький воин.
– Кто этот человек? – спросила Тэлла, показав на Самита.
– Северянин,– ответила Этайа.– Не тревожься, никто из нас тебя не выдаст!
Тэлла вынула из кармана маленький свиток.
– Вот пропуск на выход из Фаранга. Он составлен на имя Нила Биорена. И я отдам его только Нилу Биорену!
– Отдашь тому, кому я прикажу! – сердито сказал Биорк.
– Тебе он ни к чему! – презрительно отозвалась конгайка.– В нем – описание владельца. Любому видно, что ты не его родственник! – К ее удивлению, все рассмеялись.
– Пусть так, женщина,– согласился вагар.– Комната Нила! – Он показал на тростниковую завесу слева от двери.– Иди и жди его!
Тэлла сердито фыркнула и удалилась за занавес.
– Нужны тебе деньги? – спросила Этайа купца.
– От светлорожденной Этайи мне довольно слова благодарности.– Купец погладил бороду.– Это я уже получил.
– Ты не передумала, девочка? – спросила Этайа.– У тебя ведь ничего нет, кроме жизни. И завтра я уже не смогу позаботиться о тебе!
– Она не будет испытывать нужды! – сказал Самит.– Не беспокойся, светлейшая!
– Благодарю тебя... госпожа! – поклонилась Мара.
Светлорожденная обняла ее:
– Храни тебя Незъяснимый!
– И тебя... Тай! – сказала Мара совсем тихо.
– Встретимся дома, светлейшая! – поклонился Самит.– Храни себя! И тебя тоже, воин Севера! – Он сжал руку вагара.
– А мне ты ничего не скажешь? – осведомился Хихарра.
– Береги своих гостей, ты, винный бочонок! Доброго ветра!
– Доброго ветра, старый пират!
– Самое время вернуться Нилу,– сказал Биорк, когда они остались втроем.– И хотел бы я знать, где наш гордый Эрд?

* * *

– Повремени немного! – сказал Нил домоправителю, перепрыгнув через убитого

парда.– И дай его сюда! – Гигант протянул руку за мечом.

Морон отпрянул, попытался ткнуть Нила острием. Нил поймал конгая за руку, отобрал меч и щелкнул домоправителя по макушке.

– Разве я похож на девушку? – спросил он вкрадчиво.

Домоправитель посерел и попятился от него.

– Я тебя не убью,– сказал Нил.– Но накажу.– Он пинком опрокинул конгая на пол и полоснул клинком.

Домоправитель дико закричал. В ответ в дальней комнате снова завыл пес.

– Лучше перевяжи! – бросил Нил корчащемуся конгаю.– А то и впрямь сдохнешь!

Наклонившись над Эрдом, гигант выдернул из его груди метательный нож. Темная струйка крови потекла из раны.

– Пустячок! – пробормотал Нил.

Он пропел несколько слов, и кровь остановилась. Гигант подобрал меч, протер и сунул в ножны. Затем вскинул светлорожденного на плечо и вышел из комнаты.

Никто из слуг не посмел его задержать, и, провожаемый испуганными взглядами, Нил покинул дом.

Пард конгского сотника лежал мертвым, потому Нил подозревал одного из оседланных зверей стражи. Почуввав запах свежей крови, пард нервно рыкнул, но Нил успокаивающе погладил его по голове и положил светлорожденного поперек седла.

– Пожалуй, нас двоих ты не унесешь! – сказал гигант парду и щелкнул языком.

Два других зверя тотчас подбежали, потерлись мохнатыми мордами о плечи великана. Нил сел на одного из них и бок о бок с животным, на котором лежал Эрд, выехал на темную улицу.

Теплый ночной воздух овеял его лицо. Редкие прохожие со светильниками в руках косились на огромного всадника. Один раз мимо промчался десяток стражников, но гигант вовремя отъехал в тень старого орехового дерева. Южная тьма была хорошим укрытием, но сейчас полная луна катилась по бархатному небу. Нил предпочел бы новолуние. Ему и пардам света было бы довольно, а любому из конгаев – ничего не разглядеть дальше вытянутой руки.

* * *

У входа в гостиницу горели оставшиеся еще с имперских времен открытые светильники в виде трезубцев Потрясателя Тверди. (Гостиница была очень старой.) Шесть коротких оранжевых языков трепетали под порывами соленого ветра. Черные хвостики копоты вились над ними.

– Славная ночь, воин! – сказал Хихарра, встречая Нила у входа в «Добрый приют».

– Клянусь Рогами, кормчий, славы нам сегодня довольно! – отозвался Нил.

С Эрдом на руках он вошел и стал подниматься по лестнице.

– А я тут сторожу! – крикнул ему вдогонку Хихарра.

Ночь была тихой и сладострастной. Но Фаранг, растревоженный днем, не мог принять ночного очарования. Со стороны храма Тура все еще доносились крики. Отсветы пламени, подобные вспышкам зарниц, играли над южной частью порта. Не спали и во Дворце Наместника. Но Дворец был слишком далеко от «Доброго приюта», стоявшего на окраине богатого квартала, в миле от высокого берега обмелевшей Фуа.

Заскрипел подъемник. На лестнице появился Нил, несущий гору – хватило бы на несколько носильщиков – дорожных тюков.

Эрд, бледный и слабый, но уже – на собственных ногах, вышел из подъемника, опираясь на плечо Этайи. За ними – увешанный оружием вагар и Тэлла.

Они покинули гостиницу. Почтительный слуга придержал занавес. Двое других подвели пардов. Даже управляющий лично вышел проводить. Он был доволен: золотая

монета приятно оттягивала карман.

– Тибун! – позвала Тэлла.

Из темноты мягко выкатилась карета, запряженная пятеркой породистых упряжных псов.

– Великодушный муж сделал мне подарок! – сказала Нилу женщина.

– Кстати, – заметил гигант, забрасывая тюки на крышу кареты. – Твои друзья могут сесть внутрь. Карету со знаком Дракона никто не остановит. А мы поедем верхом.

Нил кивнул, поднял ее и посадил в седло. Пард лизнул его в щеку.

Слуга похлопал тростью коренника, и упряжные псы, рыча и повизгивая, тронули с места. Легкая карета, покачиваясь, исчезла в темноте.

– Тебе будет грустно без меня? – спросила Тэлла.

Их животные бежали так близко, что нога женщины касалась ноги воина.

– Нет, – ответил Нил. – Но я тебя не забуду. И, может быть, вернусь.

– Может быть, – Тэлла улыбнулась нежно и жалобно. – Подари мне что-нибудь, мой Тур!

Нил вынул кинжал и отрезал прядь желтых волос, падающую на его лоб...

– Возьми, – сказал он, протягивая прядь женщине. – Это то, что ты хотела?

– Да, мой Тур! – Тэлла поцеловала подарок и спрятала в кожаный, с бисерным узором, кошель.

Некоторое время они ехали молча. Слышно было, как цокают по камню когти и ровно дышат бегущие парды.

Тэлла крепко сжимала ногами мохнатые бока и ощущала коленями, как перекачиваются мощные мускулы под толстой кожей.

– Я сочинила тебе песню! – сказала она Нилу. – Хочешь услышать?

– Ты спрашиваешь!

Тэлла положила руку на твердую луку седла. Ее пальцы начали отбивать ритм:

Я – угли, ты – ветер
И боль моей груди.
Ты – пламя, я – сети,
Приди ко мне, приди!
Войди, разбей меня!
Войди – и я умру!
И стану тенью я
Под сенью твоих рук!

Ты – влага, я – жажда,
Я суше, чем песок!
Ты гибнешь, я стражду:
Ты плоть мою рассек!
Иди, разбей меня!
Иди – и я умру!
И стану тенью я
В сплетеньи твоих рук!

– Тебе нравится?

– Да, моя богиня! Ты больше, чем я думал!

Тэлла тихо засмеялась, нашла в темноте его руку и прижала к губам.

– А ты – нет, мой воин! – сказала она.

Ладонь Нила легла на ее талию. Они ехали так близко друг к другу, как только позволяли парды.

– Я сразу поняла, кто ты! – прошептала Тэлла. – Но ты дал мне больше, чем я ждала!

– Ты – самая красивая из моих женщин! – шепнул воин, почти касаясь губами ее уха.
– А я знаю, что ты видишь меня даже в этой чернильной тьме! – Она хихикнула, как напроказившая девочка.

– Ну, это не штука! – усмехнулся Нил.

Парды, которым надоело бежать морда к морде, сердито шипели друг на друга.

– Пахнет водой, – сказала женщина. – Скоро мы расстанемся, мой Тур.

Катящаяся впереди карета остановилась. Нил соскочил на землю. Хихарра тяжело выбрался из кареты и вгляделся в темноту.

– Ни зги не видно, кусай меня в задницу! – проворчал он. – Возничий, это та самая лестница?

– Другой дороги нет! – заверил его слуга.

Над водой было светлее, чем в тени деревьев. Но испарения, поднимавшиеся над поверхностью воды, не пропускали слабого света звезд.

– Гляди туда, Хихарра! – сказал Нил, поворачивая кормчего в нужном направлении.

– А, вижу, – пробормотал Хихарра, разглядев наконец шагах в восьмидесяти темную тушу корабля.

Кормчий дважды свистнул. В ответ на корме судна вспыхнул и погас красный огонь. Старый слуга зажег светильник и поставил его под деревом. Вскоре они услышали, как шлепают по воде длинные весла. Потом днище лодки проскрипело по мокрому песку.

– Отец? – тихо позвал из темноты Флон.

– Хой! – отозвался Хихарра.

Мускулистые гребцы в набедренных повязках выпрыгнули на берег. Хихарра подал руку Этайе, и женщина ступила на землю. Лицо ее было открыто, но разглядеть его во тьме могли разве что Нил и вагар.

Эрд вышел из кареты следом за светлорожденной. Силы так быстро вернулись к нему, что удивленный кормчий тихо выругался.

– Эти благородные и вправду вылеплены из другой глины, – сказал он сыну. – Только что наш побратим приволок его на плече, будто мешок с шерстью. И кровищи на нем было больше, чем одежды. А погляди, вот он стоит с таким видом, будто не прочь опять затеять с кем-нибудь потасовку.

Последний матрос столкнул лодку с отмели и запрыгнул на нос. Гребцы ударили веслами, разворачивая лодку в сторону корабля.

Прислонясь спиной к гладкому стволу, Тэлла смежила веки. Слабый ветерок теплой ладонью касался ее лица и обнаженных плеч. Она услышала, как захлопали, поднимаясь, паруса. Потом противно заскрипел вал – подняли якорь. Корабль тихо-тихо сдвинулся, пошел, пошел...

Мигнул на прощание огонек, высокие мачты заслонили звезды, и тьма сомкнулась за высокой кормой.

Старик слуга с ласковой фамильярностью коснулся руки Тэллы:

– Пора, госпожа!

Тэлла его не слышала.

Конец первой книги

Книга вторая Владение

I

«Некогда на юге Красной Земли, в одном из племен Эдз ама, что кочевало вдоль побережья Солнечного моря, родился мальчик.

Отец его, вождь племени, умелый во владении кривой эдзакской саблей и боевым топором, в науках искушен не был, но племенем в тридцать пять семей правил как надо. И боги благоволили вождю: ни разу за все время его власти над людьми и скотом великая сушь не выжигала племенных пастбищ. Сын его и первенец ко времени, когда минуло ему полных двенадцать лет, стал искусен в стрельбе из лука, ловок и легок в движениях. Лицом он был приятен, телом худощав, с друзьями ласков, а врагов еще не приобрел.

Более всего любил отрок носиться на стремительном парде по холмистым пастбищам. И еще слушать истории Бина, чужака, беглого раба из Гурама. Рожденный далеко на севере, Бин прижился в племени за шесть лет до рождения мальчика.

Был умен сын вождя. И к языкам способен: выучился языку Северной Империи у старого Бина, чужака, и диалекту бур-чаданну выучился. У пленника, захваченного в стычке на южном берегу реки Норовистая, выучился языку бур-чаданну сын вождя. Пленник, впрочем, скоро сбежал к своим.

В утро, о котором пойдет речь, ничто не предвещало беды. Напротив, стойбищный колдун, взглянув на расположение легких перистых облаков, сообщил: удачным будет день для людей и стад. Должно быть, он имел в виду погоду.

Подкрепившись куском сыра и лепешкой из грубой муки, вскочил сын вождя на крепконового парда и умчался к северным холмам, туда, где граничили они с песчаными дюнами побережья.

Сын вождя и будущий вождь свободен от ухода за скотом. Поиск добрых пастбищ – вот достойное занятие для того, кому водить племя после ухода отца.

Не более пяти миль проскакал отрок, когда пард вынес его на холм близ одной из маленьких бухточек, что языками врезаются в линию побережья. Выехал сын вождя на вершину – и тотчас повернул парда назад. Увидел он, что на спокойной глубокой воде бухты стоит двухмачтовая шекка под бурными спущенными парусами. Вид сошедших на берег не оставлял сомнений в их профессии. Остры глаза мальчика-эдзака. Но глаза моряков, высадившихся на чужой земле для набега, не менее остры. Стрела свистнула над вершиной холма. Спущенные с поводков, застоявшиеся за время плавания боевые псы бросились в сторону отрока. А за ними – шестеро пиратов на рыкающих пардах.

Ветром взлетел сын вождя на холм. Приложил к губам раковину. Хриплый рев разнесся над побережьем. На десять миль слышен тревожный крик морской раковины при тихой погоде.

Посмотрел мальчик на свирепых псов, бухающих низким лаем: пускай! Никогда пиратским псам не догнать эдзакского парда!

И помчался на запад, туда, где синели вдали драконьи гребни Большого хребта. Завыли пираты, подгоняя псов. Короткими прыжками карабкался пард на склон холма. Обернулся сын вождя к преследователям.

„Хой-хой-хой!“ – закричал он, срывая кожаный шлем и размахивая им над черноволосой головой.

Не любят боги хвастунов. Оскользнулась нога парда на гладком камне, угодила в нору шипоглавой змеи. Метнулось серо-желтое тело... Закричал пард, когда впилась ядовитая стрела в его легкую ногу. Закричал, прыгнул высоко, тряхиная с себя гада... И повалился набок. Быстро действует яд шипоглавой змеи.

Слетел сын вождя со спины парда, упал на землю спиной, покатился вниз по травянистому склону – навстречу преследователям. Быстрее помчались псы. Только и успел отрок, что

вскочить на ноги, выхватить короткую саблю: лук его остался притороченным к седлу. Подскакали псы, окружили кольцом клыкастых слюнявых морд... Не набросились. Им – держать, не пускать добычу до прихода хозяев. Махнул сын вождя сабелькой – отпрянул пес, но плотней обступили другие. Что может сделать маленький эздак со своей маленькой сабелькой против пяти натасканных на человека гигантских собак?

Подскакали всадники, закружились пятнистым смерчем. Упало широкое лезвие меча на мальчишескую макушку. Плащия упало: кто убивает раба?

Очнулся мальчик вечером. Деревянная палуба была под ним. Соленый запах моря освежал ноздри. Бурые паруса, наполненные ветром, заслоняли небо. С трудом поднялся на ноги сын вождя. И увидел далекий-далекий берег. И черный форштевень, прыгающий на короткой волне.

– Эй ты, крысенок, иди сюда, – раздалось за спиной.

Гневно обернулся сын вождя – и грубая кожа бича рассекла ему щеку.

– Не скаль зубы на хозяина, сопляк, если хочешь сохранить кожу! – широкогрудый бородач в красной головной повязке лениво взмахнул бичом. Ни слова не говоря, бросился сын вождя на обидчика. Удар кулака швырнул мальчика на палубу.

– Вот дикий псеныш! – донесся сквозь гул в голове удивленный голос пирата. И вновь бич ожег кожу.

Так сын племенного вождя, великий маг Фахри Неистовый, прозванный впоследствии Праведным, вступил на путь славы».

Сантай Темный. История великих. Глава «Красная Земля»

Небольшая парда с оранжевой, в коричневых неровных пятнах шерстью, потыкалась мордой в плечо. Санти протянул ей слипшийся комок вяленых фруктов. Шершавый язык деликатно подхватил угощение, и комок исчез в широкой пасти. Парду звали Ушкой. Коричневый, с кремовым брюшком детеныш подбежал и пихнул Санти головой в поясницу: тоже хочу! Санти бросил ему еще один ком, и малыш ловко поймал его на лету. Молочно-белые клычки звонко лякнули.

Санти принялся седлать парду. Язык Ушки трудился над его головой. Когда юноша застегнул последнюю пряжку, волосы его были такими, будто он недавно попал под дождь. Санти ухватился двумя руками за края седла и, подтянувшись, влез на спину Ушки.

– Купаться! – крикнул он.

И довольная парда легким галопом, чтобы поспел детеныш, понеслась в сторону озера.

Никогда еще у Санти не было верхового животного. Конечно, он умел держаться в седле – мальчиков его сословия с пяти лет учат этому. Став старше, он иногда ездил на отцовском парде. Но то был пард отца – не его.

Ушка увидела озеро и длинными прыжками понеслась вниз по склону. Отставший детеныш жалобно завизжал. Разбрасывая во все стороны сверкающие брызги, они врезались в прохладную воду. Парда принялась лакать, а Санти с удовольствием разглядывал поросшие лесом холмы. Владения соххогои Нассини заканчивались в шести милях к северу. Там возвышалась сплошная каменная стена. Санти был предупрежден, что верх ее покрыт ядовитой смолой, разъедающей одежду и оставляющей на коже глубокие язвы. Но даже если бы юноша об этом не знал, взобраться на стену высотой в пятнадцать локтей все равно не смог бы. Тем более что все деревья рядом с оградой были спилены, а снаружи постоянно двигались вооруженные караулы. К чему такие предосторожности, Санти было неизвестно, но это не слишком беспокоило юношу. По крайней мере, меньше, чем факт, что с того момента, как Санти похитили, ни единой строчки не возникло в его голове.

Я хотел бы стать облаком, легким, пушистым, как сон,

Ослепительно белым, парящим в прозрачной дали.
Чтоб кружить и кружить над кудрявым покровом лесов,
Гладью рек и озер, далеко, далеко от земли...

— звонко пропел Санти, чтобы убедиться, что не забыл сочиненного прежде. Нет, не забыл. Он взглянул на круглые верхушки замковых башен. Все остальное не разглядеть отсюда, из впадины.

«Вот то место, что виделось мне в снах!» — подумал он.

Свои первые шесть лет Санти прожил в доме старшей сестры отца. Он отлично помнил эту просторную хижину с тонкими стенками и тростниковой крышей. Помнил и огромного, как ему тогда казалось, а на самом деле низенького, крепкого, похожего на дождевой гриб рыбака, мужа тетки. Рыбак не столь уж часто бывает дома, так что тетка в одиночку управлялась и с маленьким хозяйством, и с пронырами-сыновьями — братьями-близнецами, на четыре года старше Санти. И с ним самим, сначала — болезненным младенцем, потом таким же тощим шустрым безобразником, как и его двоюродные братья.

Вскормленный молоком овцы, Санти до трех лет называл тетку мамой. А узнав, что не она мать ему, не стал от этого любить ее меньше. Однако он помнил, как удивился, когда один из братьев сказал ему, что высокий темнолицый мужчина с плечами шире дверного проема, тот, что изредка навещал тетку, — его отец.

Тилод, отец Санти, не был уроженцем Фаранга. Он появился на свет в одном из крохотных селений Междуречья. Детство его было ничем не примечательно. А когда Тилоду минуло четырнадцать лет, родители его заболели хисором и умерли в одну неделю. Две трети поселян унесла болезнь, но не тронула отрока Тилода. И он поехал в Фаранг, где жила его замужняя сестра.

В четырнадцать лет Тилод ростом не уступил бы и взрослому. И силой тоже. Потому работу отыскал быстро. А спустя четыре года уже заправлял артелью каменщиков. Тут-то и положил на него глаз Пос, зодчий: сделал своим помощником. Еще четыре года — Пос умер, и Тилод занял его место.

Зодчий Тилод! Неплохо для парня двадцати трех лет от роду!

И стал юноша важным не по возрасту, еще более неторопливым, еще более немногословным. Быть бы ему мастером из средних, что даже в жарком Конге отрачивают могучее брюхо, прежде чем обзаводятся парой сыновей. Быть бы... Да боги решили иначе!

«Строенный меч», сотник Бентан, прибыл в Фаранг в конце месяца Увядания. Прибыл с двумястами воинами по личному повелению Великого Ангана. Выбрав лучший из шести фарангских больших боевых кораблей, он разместил на нем свой отряд и с полудюжиной солдат отправился глотнуть вина в самую чистую из ближайших харчевен.

Случилось так, что и Тилод, фарангский зодчий, заглянул туда же — выпить чашку охлажденного вина.

— Какой силач! — Бентан толкнул плечом своего помощника.

Тот без интереса поглядел на толстощекого парня.

— Мясо! — уронил равнодушно.

Но глаза сотника уже загорелись.

— Эй ты! — закричал он зычным голосом военачальника. — Ты, ты!

Из немногочисленных гостей таверны Тилод последним оглянулся на окрик.

— Поди сюда! — сотник призывно замахал рукой.

— Тебе надо — ты и подходи! — отозвался юноша.

К изумлению солдат, Бентан даже не рассердился.

— Нет, ты гляди, какая у него шея! — заорал он прямо в ухо отодвинувшемуся десятнику.

– Один хороший удар.– Десятник был старым воякой и цену шеям знал.

Сотник хлопнул ладонью по столу, оглядел своих солдат.

– Парень нам нужен! – безапелляционно заявил он.– Такой богатырь!

Солдаты полностью разделяли мнение десятника, но знали: если сотнику в башку запала мысль – вышибить ее невозможно даже дубиной.

Сотник встал. Встал и сам (!) подошел к молодому зодчему. Обняв его (Тилод брезгливо отодвинулся – от сотника воняло, как от старого парда), Бентан, хитро улыбаясь, сказал:

– Два золотых «дракона» в неделю! – И подмигнул: ни один из его солдат не получал больше одного.

– Отойди! – сказал Тилод.

Деньги его не заинтересовали. Как зодчий он имел больше.

– Ты увидишь мир, парень! – зашел с другой стороны сотник. Теперь он был убежден – фарангек нужен ему позарез!

Мир Тилода интересовал еще меньше. Ему вполне хватало Фаранга.

Он стряхнул с себя руку сотника и встал, намереваясь уйти. Бентан опять не рассердился. Он был в восторге от парня! Но, само собой, не собирался его отпускать.

– Карамон! – бросил он одному из солдат.– Ну-ка, останови его!

Карамон, коренастый, темнокожий, был ростом едва по плечо Тилоду, и юноша с удивлением уставился на заступившего ему дорогу.

– Притормози, паренек! – лениво произнес солдат.– Командир тебя не отпускал!

Юноша почувствовал раздражение.

– Что мне твой командир! – сердито сказал он и попытался оттолкнуть солдата.

Тот ловко схватил его за руку и заломил за спину. Карамон был когда-то борцом, а зодчий – всего лишь деревенским парнем. Но иногда сила тоже имеет значение. Тилод распрямил завернутую за спину руку с такой легкостью, будто его держала девушка. Он стряхнул с себя Карамона, как бык стряхивает дикого пса, и зашагал к двери.

Все бывшие в таверне притихли, ожидая развязки.

– Ну-ка, парни! Возьмите его! – закричал Бентан.

Он прямо-таки лучился от радости.

Пятеро солдат поднялись с мест. Но еще прежде отброшенный Тилодом Карамон вскочил с пола и ударом под колено свалил Тилода. Вот тут зодчий по-настоящему рассвирепел. Он был увальнем, но, рассердившись, двигался достаточно быстро. Прежде чем солдаты обступили его, он снова был на ногах и разбросал их, как щенков. Бентан хохотал. Он был доволен. Он ни на минуту не усомнился, что его подчиненные сладят с Тилодом, но ему очень понравилось, как тот обошелся с ними, полагавшими, что скрутят его играючи.

– Ну, ты! – зарычал фарангек, шагнув к Бентану.

И, получив удар рукоятью кинжала повыше уха, мешком повалился на грязные доски пола.

– Свяжите его, ребята, и тащите на корабль! – распорядился он.– Да поласковой, хуруги! Из этого мяса я сделаю бойца!

Наместнику доложили о случившемся лишь вечером, когда паруса корабля уже скрылись вдали. Наместник подумал – и махнул рукой. Зодчим Тилод был так себе, одним из многих. Жаловаться? На военачальника с полномочиями личного порученца Великого Ангана? Нет, он, Наместник, не вчера родился!

И Тилод был забыт. Неудивительно. Удивительно, что спустя два года зодчий вернулся!

Однако от парня, которого когда-то увез Бентан, в возвратившемся Тилоде остался разве что рост. Теперь это был мужчина, на пути которого становиться не хотелось. И предшественник Дага, пожелавший узнать, где провел время бывший зодчий, поглядев Тилоду в глаза, оставил это желание. Предшественник был стар, его вскоре заменили. А

бывший зодчий доказал, что он вовсе не бывший. Больше того, Тилод стал мастером, не знающим равных в Фаранге. И в тени этого превращения осталось незамеченным то, что он привез с собой крошку сына.

Тилод строил дома, виллы, военные укрепления. Всем была видна его работа, но сам зодчий оставался тайной. Впрочем, тайной, убранной в славу... Мало кто возвращается с Юга! Мало кто, возвратившись, становится лучше, чем прежде. Но никто не остается таким, каким был.

Тилод взял сына к себе, когда тому исполнилось шесть лет. Скромнен был дом зодчего. Для человека его ранга. Но мальчику дом показался дворцом. Три этажа: один – под землей, два – над ней. Резьба, шелк, мозаика, драгоценная посуда. Ванна из цельного камня, прозрачного, зеленоватого, как вода. На крыше – сад. Не боялся хозяин, что крыша упадет на голову во время землетрясения, – сам строил. Прочен дом, устойчив, как корабль. И красив, как корабль.

А слуг было совсем мало: кухарка, садовник, служанка да учителя Санти. За собаками и пардом Тилод ухаживал сам.

Сложными были отношения отца и сына. Санти его побаивался, хотя поводов не было. Напротив, отец делал для мальчика все, что бы тот ни попросил. Поначалу Санти опасался, что отец возьмет в дом жену, но Тилод этого не сделал. Матерью своей мальчик почитал сестру отца, а что до настоящей матери, – когда он спросил о ней, Тилод сказал только: надеюсь, ей не пришлось бы тебя стыдиться!

В этом был весь зодчий: гордость и скрытность.

Лишь с одним человеком водил дружбу Тилод: с капитаном Шином, тем, кто позднее стал Начальником Фарангской гавани.

Фаранг. Легкий и строгий, жаркий и веселый, с сине-зелеными садами и белыми домами из мягкого камня над голубой чашей залива... Город, который стоит любить! И Санти любил. Он знал каждый закуток Фаранга, каждую крохотную бухточку его побережья. Семнадцать лет его жизни, первые семнадцать лет, когда память впитывает то, что будет потом вечным и светлым чувством Дома, – это Фаранг! Санти знал его сверху донизу, до бастioned, охраняющих вход в гавань. Сколько раз он пробирался туда ведомыми лишь мальчишкам лазейками, чтобы пощупать древние толстые камни, поболтать с солдатами, вырезать свое имя на деревянной раме баллисты. Воины не возражали. Многие из них сами десятков-другой лет тому назад карабкались по обветренным скалам, чтобы оказаться на рыжем от пыли гребне крепостной стены. От фортов до сторожевых застав за цветущими предместьями каждый дом, каждая решетка, каждый бортик каждого общественного бассейна – все было перетрогано, пересмотрено, накрепко осело в памяти... Дом! А еще был Порт, Гавань... Весь Мир, сосредоточенный между крыльями залива. Разноликий и многоязычный. И неизменно дружественный к тому, кто приходит с приязнью и любопытством. Если мир жесток – это справедливая жестокость. Если добр – добр по-честному. Но, главное, он бесконечно, безумно интересен, этот мир. И огромное искушение – смотреть, как уходят корабли в море Зур. Смотреть... И оставаться дома. Сколько тощих мелкозубых фарангских мальчишек не устояли! Сколько из них ушли в пенное море Зур... Многолюден Конг. Многолюден и щедр. Улыбка на лице его. Но терпкий вкус у этой улыбки... Зато двери Конга открыты, корабли крепки, а жители надежны, как древко копья. Так думал Санти. И не ошибался. В семнадцать лет человек редко помышляет о том, что у каждого копья есть наконечник. И сделано оно человеческой рукой для того, чтобы, пропев победную песнь, разорвать острием человеческое же сердце. Но кто осудит древко за его упругую легкость? Кто осудит меч за чеканный узор на рукояти? Таков Фаранг. Таков Санти. Таков благословенный Конг.

Санги рос, жил, учился, как любой из фарангских мальчиков, чьи отцы могут избавить сыновей от каждодневного труда. Быть может, был он немного более застенчивым, немного более самоуглубленным, но с теми же желаниями и мечтами: водить боевой корабль по пенному морю, скакать на парде...

А потом вдруг, неожиданно для самого мальчика, возникла в нем музыка. И начал он узнавать музыку вокруг: в плеске волн, в голосах людей, в мерной, чудесной речи уличных сказителей. Сверстники его уже всю тискали девушек, а сын Тилода уединялся, чтобы читать древние свитки. Отец, заметив увлечение, потакал: покупал книги, как прежде – игрушки. Хотя стоило это в не знающем печатного дела Конге недешево. И трепет, который испытывал Санги, вынимая пожелтевшую рукопись из цилиндрического футляра-тубуса, был не меньшим, чем у его ровесника, раздевающего девушку. А потом вдруг подвернулся Билб, добродушный хитрый толстяк, любитель вина и пошловатых анекдотов. И виртуозный мастер игры на ситре. Санги догадывался: Тилод нарочно свел их, чтобы очарованные друг другом, похожие не больше, чем пушистый гурамский следопыт и боевой пес, но происходящие из одного корня старый Билб и юный Санги вцепились друг в друга, как лапки медовницы вцепляются в чашку цветка.

Когда же выучился Санги настолько, что игру его начали находить приятной, стали приходить к нему слова. Некоторое время спустя спел он для своих друзей, в которых у сына Тилода не было недостатка. Другам понравилось. А потом Санги пел новые песни – и те нравились еще больше. Когда юноше исполнилось восемнадцать лет, его сочинения уже растеклись по всему Фарангу. И стали сами приходить за ними певцы, актеры, однажды пришел даже скадд. И полюбили песни Санги. И его самого полюбили. А как не полюбить – добрый, не обидчивый, красив, кстати. И перестал юноша быть Сантаном, сыном Тилода, а стал Санги, Певцом. Хотя и без значка на лбу. Со значком они – певцы. А он – Певец.

Тилод, Зодчий (хоть и со значком), отнесся к славе сына осторожно. Считай: никак. Да и слава эта – слава предместий, не того города, что строил Тилод. Слава хижин. Впрочем, и у такой славы острый запах. Она привлекает ловцов.

Привлекла.

II

«И вот: когда она ушла,
Я вновь смешал раствор.
Улыбки, волосы, тела...
Их не было. Я стер.
Сам Бог водил моим резцом.
С начала до конца.
И вот: взглянул в ее лицо...
И не нашел лица».

Баянлу из Тайдуана

Прямы улицы Фаранга. Главные из них сходятся к Гавани, подобно колесным спицам. Но в богатой части его, где каждый строит так, как ему заблагорассудится, улицы короткие, широки и изломаны. Тенистые кроны деревьев укрывают их от палящих лучей солнца и от скудного света ночных небес. Лишь там, где столбы ворот обозначают входы в маленькие усадьбы, горят фонари.

Богатого всегда сопровождает слуга – и чтобы не потерялся во тьме, и для уважения. У богатого и облеченного властью – много слуг. Слуги несут лампы или факелы. У Тилода не было слуг. Его пард всегда сам находил дорогу. Парду тьма – не помеха.. А Санги знал Фаранг так, что мог бы идти и с завязанными глазами.

Так он и шел, во тьме, по широкой тихой улице. Шел и улыбался. Прислушивался к себе: к мыслям своим, к телу, еще помнящему, еще хранящему запах другого тела. К будущему, что непременно наступит и, хвала богам, будет достойным его, Санти. Но, дважды хвала богам, еще не скоро наступит. И потому пока можно петь, любить, удивляться тому, как приходят в его голову слова и мир съезживается до размеров светящегося рачка.

Так и шел он, а внутри у него уже собиралось нечто. Стоящее рядом, дышащее, но не вошедшее, невидимое. Другой мир, полный, ждущий его еще более жадно, чем он сам ждет новой встречи с Марой. Но мир, который не схватишь, не прижмешь к себе, будто девушку. Мир, который можно увидеть лишь очень осторожным, боковым, случайным взглядом. А...

...А проснулся Санти на жестких стланиях корабельного трюма. Вонючая вода плескалась под ним. Ни рук, ни ног он не ощущал – они были связаны, и уже давно. Зато голова раскалывалась от боли. И рот горел: пить! пить!

Санти не был героем. Он испугался. Он пришел бы в ужас, если бы не мальчишеская уверенность в том, что именно с ним ничего плохого случиться не может. Боги! Скольких обманула эта уверенность!

Как долго он так лежал? Кто знает? Очень хотелось пить. Мutilo от вонючего воздуха. Санти ничего не слышал, кроме ворчания воды под днищем и, иногда, топота над головой.

Время от времени судно начинало раскачиваться, и тогда Санти мотало на твердых досках, а запах гнили становился сильнее.

Когда открылся люк, юноша был почти в бреду. Его выволокли наружу, как куль с мукой, и бросили на палубу. Путы сняли, но Санти долго еще не чувствовал ни рук, ни ног. А когда почувствовал – это было очень больно. Один из тех людей, что выволокли его наружу, выплеснул на Санти ведро забортной воды. Юноша успел поймать ртом толику и проглотил. Но жажда только усилилась. Зато свежий ночной воздух был живителен. Санти лежал на спине. Слева сиял Алмазный Жезл, справа – созвездия Арки и Паука. Звезды были тусклыми – их затмевало огромное синее око луны.

Судно сбавило ход. Оно сильно качнулось, борт его приблизился к причалу, корпус встряхнуло от смягченного кранцами удара. Санти услышал крики и ругань кормчего.

Пожилый полуголый конгай наклонился над Санти, приблизил к нему морщинистое лицо.

– Ну как ты, паренек? – спросил он ласково.

– Дышу! – улыбнулся Санти. Голос его сел от сырости трюма.

– На-ка! – сказал конгай и вставил в рот Санти горлышко фляги. Кисло-сладкая струя некрепкого теплого вина потекла в горло юноши.

– Где этот? – рявкнул неподалеку густой бас.

– На баке! – ответил другой голос.

Матрос поспешно убрал флягу.

– Хранят тебя боги, паренек! – И ушел.

Палуба заскрипела рядом с головой Санти. Сильные руки оторвали его от пола и поставили на ноги. Санти едва не упал.

– Равахш! – выругался мужчина, хватая его за руку.

Он был высоченный, мощный, в кольчуге и шлеме. Но шлем был не такой, как у солдат Великого Ангана, а круглый, с толстым коротким плюмажем. Второй воин появился рядом. Такой же высокий и сильный.

– Я донесу ягненка, Сихон! – сказал он, крепко обхватив туловище Санти.

– Подколи его мечом, Беззубый! – посоветовал третий воин позади юноши. – И он поскачет, как молодой пес!

– Зачем? – захохотал Беззубый. – Я люблю красивеньких мальчиков! А ты, ягненок, любишь меня? – Он заглянул в лицо Санти.

– А любишь ли ты свою парду? – спросил юноша. – Или у тебя пард? Если так, скажи: кто из вас кого любит чаще?

– А, болтливый ягненок! – злобно сказал солдат и стиснул Санти так, что у того потемнело в глазах. – Я пощиплю твои ребрышки, клянусь челюстью Равахша!

– Клянись лучше его задницей! – посоветовал третий солдат.

– Если ты испортишь щенка, я попорчу тебя! – резко сказал Сихон. – Хлам! Найди кормчего и дай ему в рыло – почему сопляка приходится тащить?

Солдат затопал в сторону кормы.

Под ногами Беззубого закачался трап. Беззубый сдавил юношу еще сильнее.

– Давай, прикончи меня, – прошептал Санти. – Вот честь для тебя!

– Для тебя это было бы подарком! – пробормотал воин, с трудом удерживая равновесие на узких сходнях.

С палубы донесся смачный звук оплеухи, потом жалобное всхлипывание и причитания.

Третий солдат догнал их и хлопнул по спине того, кто нес Санти.

– У тебя новый родич, Беззубый! – крикнул он. – Такой же беззубый, как и ты! – и радостно захохотал.

– Заткни пасть, Хлам! – рывкнул Сихон. – Беззубый! Щенка – в пятую нору. Щенок, жрать хочешь?

Санти не ответил.

– Ну так будешь голодным! Беззубый, бросишь ему циновку, а то околеет ненароком.

Они подошли к воротам, врезанным в серую стену. Ворота были открыты. Беззубый перехватил Санти, как мешок с мукой. Теперь юноша висел у него под мышкой. Поза настолько же неудобная, насколько унижительная.

– Эй! – прохрипел Санти. – Я пойду сам!

Беззубый несильно шлепнул его по затылку. Он нес его довольно долго, но не похоже, чтобы устал.

Наконец воин остановился и уронил Санти на землю. Потом пнул башмаком железную дверь, отозвавшуюся жалобным звоном.

Санти, цепляясь за неровности стены, встал на ноги и огляделся. Луна уже зашла, но света было достаточно, чтобы юноша понял, где он. Вот теперь Санти действительно стало нехорошо.

Истошно заскрипела дверь, из темного коридора вышел угрюмый стражник в зеленой набедренной повязке с факелом в руках. Он вручил факел Беззубому. Факел и большой черный ключ. И сразу ушел обратно в зев коридора. Они с Беззубым не обменялись ни единым словом.

– Вперед, ягненок! – Беззубый впихнул юношу в сырой коридор.

Они прошли шагов пятьдесят. Беззубый одной рукой держал факел, другой поддерживал, вернее, волочил за собой пленника. Миновав несколько низких дверей с бурыми ржавыми пятнами, он остановился у той, на которой было грубо намалевана пятерка. Беззубый вставил в скважину ключ и с натугой повернул. Маленькая дверь, не больше трех локтей в высоту, открылась.

– Полезай, – велел солдат. И Санти понял, почему это место называется «нора». Минуту спустя внутрь была заброшена циновка.

– Не скучай, ягненок! – гаркнул Беззубый, дверь с лязгом затворилась, и вокруг юноши сомкнулась абсолютная тьма.

III

«В чужом краю даже тень сосновой ветки может принести смерть».

Пословица

Опершись на поручни, Эрд смотрел, как кипит, выплескиваясь из-под широкой кормы «Светоча Фуа», желтоватая вода. Громада желтых парусов, натянутых горячим дыханием

ветра, волокля судно вверх по течению. Многоводная, медлительная с виду Фуа безостановочно скатывала корабль вниз, но он настырно карабкался вверх, вверх, буравя упрямым килем теплую воду.

Далеко внизу остался взбудораженный Фаранг. Еще дальше – белые гребни моря Зур. И уже совершенно в невообразимой дали, за голубыми пространствами Межземного моря – лучшая (как полагал Эрд) из земель Мира, опаленный с запада и окрыленный с востока, великий и многообразный Белый материк.

Эрд смотрел на мутную воду, на высокие уступчатые берега, на слоистые широкие кроны деревьев и готов был заплакать от того, насколько чужды эти илистые воды светлым струям вспоившего его озера Лейр.

– Ненавижу тебя, Конг, земля предателей! – прошептал он, стискивая поручни побелевшими пальцами. – Ты хуже грязной Хуриды! Хуже Омбама! Ты – смерть доблести, Конг! – Эрд зажмурился и увидел искаженное лицо Шинона, ощутил, как раздвигает ребра метательный нож. – Я обещаю: когда-нибудь сюда придут сотни боевых кораблей, тысячи воинов Севера! Они выжгут твою лживую прелесть и уподобят тебя истинной земле!

Глаза Эрда, яростные и несчастные, шурились от беспощадного солнечного света. И ничего не видели, кроме желто-зеленой воды и восходящего марева над нею.

– Нил! – сказал Хихарра, почесывая толстую ляжку. – Говорят, ты был большим человеком, вождем там, у себя, на Севере, э?

Кормчий возлежал в гамаке под тенью надувшегося паруса, а мальчишка-юнга, голый, лохматый и грязный, делал вид, что обмахивает его опахалом.

– Говорят, у храмового быка два члена, – лениво отозвался лежащий в соседнем гамаке Нил.

– Это как? – поинтересовался юнга, совсем перестав двигать опахалом.

Кормчий приподнялся, дал ему затрещину и, совершенно обессиленный, упал в гамак.

– Жарко! – простонал он. – Жир душит меня! – И уже другим тоном: – Так как, воин, это правда?

– Хочешь поговорить о войне, – произнес Нил, не разлепляя век, – расспроси моего отца. И вели подать лимонного сока, нет, лучше – доброго тайского винца.

– Ох-хо! Где я возьму тебе тайское, воин? Я бедный, почти разорившийся кормчий...

– Болтай! – сказал Нил. – Если пошарить в твоих трюмах, пожалуй, можно найти и дюжины три бочонков. Я возьмусь за это.

– Обижаешь меня, кровник! – хрюкнул Хихарра. – Хочешь сказать: я жаден? Нет! Я щедр! Может быть, где-нибудь в моих больших пустых трюмах и завалялся ма-аленький бочонок тайского, но даже я сам почти ничего о нем не знаю. Клянусь ягодицами Морской богини! Я не жаден, нет! Ты получишь свое вино! Эй, бездельник! – Он попытался, не вставая, пнуть мальчишку с опахалом, но юнга увернулся с уверенностью, обретенной богатым опытом. – Поди за кухарем, вели принести мне крепкого морского, а воину Нилу – кружку светлого тайского!

– От крепкого тебя развезет, господин! – сказал юнга и на всякий случай отошел подальше.

– Мать твоя – крыса! – рявкнул Хихарра.

Нил захохотал.

– Эй, не смейся! – сказал ему юнга. – От твоего смеха осыплется краска с мачты, и ты станешь таким же черным, как я. Кто тогда поверит, что ты – это ты, а не твоя набальзамированная тетка?

Нил захохотал еще пуще, а Хихарра нашарил под гамаком сандалию и запустил в юнга. Не попал, конечно.

Мальчишка отправился за кухарем, а Нил, приподнявшись на локте, окинул взглядом северный берег Фуа.

– Это не та? – спросил он, имея в виду высокую серую стену, видневшуюся между

купами деревьев.

– Нет,– ответил кормчий, не повернув головы.– Если ветер продержится, завтра до полудня мы придем. А уж дальше правь сам. Рад бы помочь – не по зубам.

– Ты нас приведи,– сказал Нил.– А мы достанем.

– Давай, давай! – буркнул Хихарра.– Соххогои – тебе в самый раз. Владение – еще почище Урнгуга. Про Урнгуг мы не знаем ни хрена. А про Владение знаем: ни хрена хорошего, кусай меня в задницу десять раз!

– Если бы ты не был так ядовит, из тебя вышел бы добрый кусок жаркого к столу соххогоев! – засмеялся Нил.

– Вот, вот! – Хихарра хлопнул себя по плечу.– И жира добавлять не потребуется. Только я слишком стар для них. Они любят молоденьких!

– Все любят молоденьких! – сказал Нил и повалился на спину.– А я люблю всех!

– Все любят молоденьких, никто не любит старого Хихарру,– пожаловался кормчий.– Один ты сказал, что любишь, но я думаю – ты врешь!

– Точно! – согласился Нил.– Всех, кроме тебя! Потому что твой кухарь ленивей, чем хуридская шлюха. Где мое тайское?

– «Светоч» доставит нас сюда,– вагар провел пальцем по карте.– Владение – здесь, чуть ниже излучины. Это удобно для нас. Выше судну все равно не подняться – слишком мелко. Отсюда же, если все кончится благополучно, мы сможем верхом достичь предгорий, обойти Урнгуг с юга и идти на северо-восток.

– Не стоит углубляться в горы,– заметила Этайа.

– Идти напрямик, по земле Урнгуга, конечно, быстрее,– согласился вагар.– Но такой путь представляется мне сомнительным. И здесь трудно будет форсировать Черную.

– Нам не стоит углубляться в горы! – повторила Этайа.

Биорк свернул карту и сунул ее в футляр.

– Если ты скажешь идти через Урнгуг, мы пойдем через Урнгуг,– отвечал он.

– Будущее скрыто от меня,– медленно проговорила светлорожденная.– Не могу я знать даже того, кто из нас достигнет цели. Может быть, собственный мой путь кончается здесь, в Конге.

– Не хочешь ли ты сказать, что оставишь нас, светлейшая? – обеспокоился вагар.– Неужели ты пришла сюда только ради мальчишки?

– Мальчишки? – повторила Этайа.– Он – величайшее сокровище, Биорк. И его место в будущем определено.

– В том, которое туманно? – не удержался вагар.

Этайа засмеялась. Смех ее был, как музыка.

– Когда оно туманно,– сказала она,– это не значит, что его нет. Если юноша не займет в нем своего места, оно останется пустым. Тогда – худо.

– Мы вытащим его! – заявил вагар уверенно.

– Пожалуй. Силы наблюдают за нами.

– Оставь! – отмахнулся Биорк.– Не будь ты той, кто ты есть, я решил бы, что ты пытаешься меня запугать. Слишком похожи твои речи на болтовню моей покойной жены, да утешится ее душа в Нижнем мире. Она была пророчицей, как ты помнишь. И она была красивая. Красивым женщинам многое прощают, хотя, видят боги, ее предсказания сбывались куда реже, чем мои!

– Мои предсказания сбываются всегда,– уронила Этайа.– Прости, меня утомил разговор. В нем нет света.

– Может, выйдешь на палубу? – предложил вагар.– Здесь душно.

– Нет,– отказалась светлорожденная.– Слишком много глаз, а я устала. Не будешь ли ты так любезен позвать сюда Эрда? Я чувствую: ему нелегко сейчас.

– Ему всегда нелегко! – проворчал вагар.– Он как бык. Выставил рога – и вперед. Пока не получит дубиной по лбу. А получит – удивляется.

– Биорк! – укорила Этайа. – Я не узнаю тебя!

– Позову, позову, – сказал вагар. – Но вы с Нилом слишком нянчитесь с этим мальчишкой! Его достойный отец был куда тверже. Впрочем, ваше дело, – и Биорк вышел из крохотной каюты.

Этайа легла на узкую подвесную койку и закрыла глаза. Пушистый следопыт выбрался из-под кровати, лизнул ее руку. Этайа погладила его по голове.

Ветер спал. Корабль еле двигался. Казалось, все силы парусов уходят на то, чтобы удержать его на месте.

– Отец! – сказал Хихарре Флон. – Не нанять ли упряжку? Того гляди – назад поплывем.

– Пустое, – откликнулся разморенный Хихарра. Щеки его и прежде были красными, а от спиртного запылали, как закатное солнце. – Не будет ветра – бросим якорь. Слышь, Нил? – обратился он к дремлющему великану.

– И-и-и! – отозвался тот.

– Да, знавал я одного мага, кусай меня в... Ты чего, сынок?

– Надо, говорю, упряжку нанять!

– От настырный! Вели прибавить парусов!

– Все поставлены, отец.

– Ну, так. А кто у руля?

– Пипус.

– Добро. Ну так сядь и не маячь. Слышь, Нил, знавал я одного мага, кусай меня в задницу. Вез его с севера. На Красную мы шли. Так весь рейс ветер был – что хорошее вино. Ровный, крепкий. В самую меру. Всю дорогу. Ну, он, когда сходил на берег, обещал: назад пойдем – такой же будет. Представь – не соврал. – И добавил, подумав: – А плату я б с него и так не взял. Что ж я, сам себе враг? У мага деньги требовать!

– Угу, – сквозь сон пробормотал Нил.

– Он те так заплатит! Обратит, скажем, в жабу! Или еще в какую дрянь – вот и вся плата! Так я к чему: вот бы нам такого мага, а? Что скажешь, Флон, сынок?

– Упряжку надо брать, отец. Не будет ветра.

Нил проснулся, поглядел на краешек белесого неба.

– Будет ветер! – пообещал он. – Погоди чуток, парень, хороший ветер будет. – И вновь закрыл глаза, погружаясь в сон.

Флон сплюнул за борт (на море – дурная примета, здесь – добрая. Речную воду презирать – моряку заслуга) и пошел дать команду – бросить якорь.

А Нил оказался прав. Меньше чем через полчаса задул ровный крепкий ветер, и корабль быстро пошел вперед, делая не меньше пяти миль в час. Все оживились. Даже Хихарра соизволил подняться и самолично проверить, чем занимается команда.

Только Нил как спал, так и остался спать. Флон, чье уважение к северянину возросло почти до вершин Закатных гор, строжайше велел: не беспокоить гиганта. И Нил благополучно проспал до самого вечера. Да и вечером проснулся, должно быть, только от голода.

Быстро темнело. Хихарра велел зажечь огни: чтоб с кем-нибудь не столкнуться в темноте.

Этайа, сопровождаемая Эрдом, вышла на палубу. Светлорожденный жадно втягивал ноздрями густой теплый воздух.

– У тебя такой вид, светлейший, будто тебе не терпится прорубить чью-нибудь голову! – заметил Биорк.

– Огорчусь, если это будет твоя! – задиристо заявил светлорожденный.

– Желаете размяться, светлейший Эрд? – Биорк шагнул назад и положил ладонь на рукоять меча.

– Хотите устроить представление для матросов? – холодно бросила Этайа.

– Хо-хо-хо! – Огромный Нил внезапно возник между отцом и Эрдом. – А вот и я!

Отлежал себе бока в гамаке! Подраться – это по мне! Валяйте, господа мои, я – к вашим услугам!

Вагар и светлорожденный, сконфуженные, одновременно убрали руки с мечей.

– Не ошибусь, доблестные, если скажу: вам надо развеяться! – ухмыльнулся Нил. – К примеру – немного перекусить!

– Ой-мей! – вскричал из темноты Хихарра. – Поддерживаю! Кухарь все приготовил, не так уж он ленив!

– Пойдем, светлейший! – позвал Нил. И Эрд послушно двинулся за ним.

– Напрасно ты сердишься на Эрда, воин, – сказала Этайа. – Он таков, каков есть. И мы приняли его таким, а твой брат Уве поручился за него. Разве это плохо для вождя людей, если он готов поменять долгую и спокойную жизнь на короткую и славную?

– Будто этого достаточно! – проворчал вагар. – Он так и рвется в жертвы, этот аристократ. Не как вождь – как молодой пес, что сдуру прыгает на жожака-тура.

– Светлейший не знает, что он – жертва! – напомнила Этайа.

– А знал бы – что толку? – буркнул вагар. – Такая жертва – демонов кормить! Если бы мы поступили, как сказал я, – обошлось бы куда спокойней.

– Ты первым пролил кровь! – заметила светлорожденная.

– А по чьему желанию я сунулся прямо в глотку? Да, я убил. Но кто бы узнал, что это сделал я, если б мне не пришлось возвращаться в гостиницу?

– Мог не возвращаться.

– Мог. Но тогда бы наш светлейший утром искал меня по всему Фарангу, размахивая своим мечом.

– Ты недооцениваешь, Биорк. Недооцениваешь нас. И ты сердишься.

– Да, – вагар потер лоб маленькой рукой. – Я сержусь. И делаю ошибки. И принимаю решения будто по чужой воле...

– Ты в этом уверен? – озабоченно спросила Этайа.

– Нет... Не знаю! Я пошел в этот поход для того, чтобы уберечь их от ошибок, а что вышло? Я чувствую себя тем самым конгским мальчишкой, которого изображаю. Скажи, зачем нам всем идти в это гнездо зла? Если я пойду один, через три дня твой певец будет с тобой. Если он жив, разумеется. А отправимся туда вчетвером – будет еще похуже, чем в Фаранге. Потому что гнездо меньше, а змеи злее...

– Нет.

– Ну тогда идем хоть без нашего светлорожденного Эрда. Пусть плывет до излучины!

– Нет, Биорк. Он пойдет с нами. Это необходимо, не проси меня объяснить, почему так. Он не столь сдержан, как ты, хотя, похоже, сдержанность и тебе стала изменять. Но он – один из нас. И ты забыл еще одно, что важно.

– Что же, светлейшая?

– На него указал оракул.

IV

«Каждое существо стремится к наслаждению, а достигнув его – к еще большему наслаждению. Многие из нас знают, сколь незаметна грань между естеством и пороком. За ней же существо превращается в худые меха. Сколько ни лей вина – все вытечет. Пустота, жажда и вместилище бедствий. Хуже, впрочем, когда соединяются Порок, Власть и магия Тьмы...»

Фахри Праведный. Существо и истинное

Санги проснулся, взмокший от пота, на мокрых простынях и целую минуту стряхивал с себя ночной кошмар. Во имя Неизъяснимого! Пять ночей он здесь – и пять ночей сны его изнурительны, как бег оседланного демоном. Санги ничего не помнил, но каждая клеточка его тела была выгоревшей, опустошенной. И опять тот же кислый запах витает в воздухе.

Может, это запах его пота?

Санти спустил ноги с ложа, и они по щиколотку утонули в густом белом мехе. Как всегда по утрам, свет солнца уже ворвался в башенку, ослепительный, веселый. Он будет здесь до полудня, а потом более высокие ярусы Дворца примут башенку в свою тень, а ветер принесет с востока влажное дыхание озера. Нет, башенка хороша! Именно о такой он мечтал когда-то (давным-давно!) в доме отца. Высоко над землей, чтобы вокруг – только воздух.

Снизу башенка казалась маленькой, но на самом деле ширина ее достигала почти десяти локтей. Комната, правильный восьмиугольник, в котором часть отгорожена тростниковым занавесом. Там – ванна и туалет. Стены – из бледного жилковатого камня, пять узких высоких окон, куполообразный потолок из полированного серебра, в углах – высокие вазы розового кварца. Служанка каждый день меняла в них цветы, но всегда приносила одни и те же: светло-голубые, почти не пахнущие, похожие на взлохмаченные шары.

Вход в башенку – через люк в полу. Меховой ковер над крышкой надрезан полукругом и выкрашен в светло-розовый цвет. Под ним, вдоль стены – винтовая деревянная лесенка. По оси колодца – гладкий шест. Хочешь – спускайся по спирально уходящим вниз ступеням, хочешь – встань на укрепленную на шесте доску, возмись за перекладину – и скользи вниз. Сойдешь – и эластичный трос утянет устройство наверх: подняться в башенку можно только пешком.

Если б не жуткие сны, жизнь в замке была бы восхитительна. Никаких ужасов из тех, что рассказывали о красноглазых соххогоях. Красивые девушки, вежливые слуги, быстрые парды. Правда, была еще та, первая, ночь...

Санти отодвинул занавес и вошел в ванную, в крыше которой был круглый фонарь, затянутый кисеей. Встав на прохладный отполированный камень, он нажал на рычаг. Твердые струи нагретой солнцем воды ударили в спину, смывая с кожи испарину.

Санти топтался в ванне, похрюкивая от удовольствия, подставляя под колючие струи каждый кусочек своей кожи.

Горячая вода сменилась теплой, а потом – прохладной. Санти отключил душ и растерся пушистым, пропитанным благовониями полотенцем. Стало легче. Мышцы вновь обрели упругость. Санти швырнул полотенце на пол и, встав на руки, сделал несколько шагов. Но пальцы запутались в мехе, и он повалился на спину. Лучи солнца грели живот. Санти потянулся, выгнулся и прыжком вскочил на ноги. Худощавый, ловкий, гибкий, как девушка, он был слабее большинства своих сверстников. Среди гражданских верхов Фаранга недостаток физической силы не считался изъяном. Власть и деньги вполне заменяли умение переносить тяжести или поднимать на плечи боевого пса. Но из-за замкнутой жизни отца друзьями Санти были дети простонародья. А у этих – другие правила. Добро бы юноша умел владеть оружием или знал приемы борьбы. Тогда ловкость и быстрота восполнили бы слабость мышц. Но отец запретил Санти учиться воинскому искусству, и юноша не рискнул пойти против его воли.

«Отцу хорошо! – думал Санти. – Он-то силен, как пард! Да и мечом владеет».

Раз, случайно, Санти увидел отца, фехтующего с самим Шином. И они были достойны друг друга! Почему тогда сын должен позорить себя слабостью? Но попробуй настоять на своем, когда Тилод сказал – «нет»!

Если бы мать Санти жила с ними... Санти почему-то всегда знал, что она жива. Пока он был совсем маленьким, он думал, что сестра отца – его мать. А когда узнал правду, все ждал, ждал: вот она приедет, его мама... Потом вырос и перестал ждать. Будь она с ними, отец не был бы таким нелюдимым. Хотя юноша не мог пожаловаться, что Тилод многое запрещал ему. Куда меньше, чем отцы его сверстников – своим сыновьям. Но Тилод никогда не объяснял, почему он что-либо запрещает, а это было обидно.

Санти несколько раз высоко подпрыгнул, потом ухватился за выступ над окном и подтянулся.

Скрипнул, открываясь, люк, и юноша мягко спрыгнул на ковер. В башенку поднялась

девушка-служанка, маленькая, отлично сложенная, с шоколадным личиком и черными удлинненными глазами. Она поставила в вазу новые цветы, высыпала в чашу на столе фрукты и принялась чистить ковер, изредка поглядывая на Санти.

Юноша обернул вокруг бедер белую шелковую повязку и взял из чаши виноградную гроздь. Пожалуй, после завтрака он поедет к озеру. Старик кормчий предложил научить его управляться с парусом. Будет совсем недурно, если к моменту возвращения в Фаранг он сможет управлять южкой¹⁶. Если, конечно, он вернется туда. Да нет, конечно, вернется. Отец купит ему юкку. И он возьмет Мару и увезет ее в одну из бухт на северном побережье, о которых рассказывали друзья. Вдвоем там совсем неплохо! Юноша посмотрел на служанку: славная девочка. И кожа такая гладкая. А как стреляет глазками! Явно не прочь поиграть.

Санти уже готов был протянуть к ней руки, но вдруг понял, что не испытывает никакого желания. Абсолютно никакого. Будто рядом не женщина, а деревянная статуэтка.

«Нет, – решил он. – Эти ночные кошмары еще хуже, чем я думал».

Санти улыбнулся служанке, распахнул люк, скользнул по шесту вниз и отправился завтракать. Лишь одну дорогу знал он во Дворце: от трапезной до своей башенки. Юношу подмывало побродить по всем этим хаотическим коридорам и галереям, но он опасался заблудиться и забрести в какое-нибудь запретное место. Все-таки это Дворец соххогоев! Хорошо бы познакомиться с кем-то, кому известны здешние лабиринты. Но приятелей во Владении у Санти не появилось, хотя он жил здесь уже три дня. Казалось, здешние обитатели сторонятся его, будто слово Властительницы не только охраняет его, но и отделяет от других. Санти вспомнил то первое утро, когда его, измученного почти бессонной ночью в подземелье, едва не падающего от голода, выволокли из камеры два стражника-гурамиди. Выволокли и посадили на каменные плиты у входа в подземелье...

Санти щурился от яркого света, перед глазами плавали разноцветные круги. Не сразу он заметил высоченного светловолосого воина, что разглядывал его, немного наклонив голову и теребя ус. На воине не было доспехов, никакого оружия, кроме прямого меча в ножнах, с рукоятью, украшенной узором из крохотных драгоценных камней. Широкий обруч с золотой насечкой охватывал его голову. Рядом с ним рослые стражники-гурамиди в стальных кирасах выглядели не слишком большими. Примерно так выглядел бы Санти, поставь его рядом с одним из гурамиди.

Поднятый подбородок, немигающий взгляд и жесткая линия рта ясно давали понять: светловолосый – начальник. Вряд ли Санти в этот момент представлял из себя приятное зрелище, но воин уставился на него так, будто хотел запомнить навсегда. Юноша переместился ближе к стене и оперся спиной на холодную каменную кладку. Он находился в маленьком внутреннем дворе. Посередине дворика – бассейн. Посреди бассейна – фонтан в виде золотой рыбы с раскрытым ртом.

При виде сверкающих струй Санти ужасно захотелось пить, и он облизнул пересохшие губы. Он чувствовал лицом крохотные брызги, приносимые воздухом. Юноша поглядел на стражников: они возвышались над ним, неподвижные, как колонны, поддерживающие надвратную арку. Еще трое: пожилой мужчина в сером переднике и две девушки в цветастых юбках – терпеливо ждали, пока высокий воин налюбуется плачевным обликом Санти. Наконец здоровяк кивнул и удалился.

Только после этого слуга и девушка взяли за Санти. Они стащили с него вонючую одежду, почти на руках отнесли в бассейн и опустили в прохладную воду. Санти пил ее, пока не почувствовал: сейчас польется обратно. Тогда он закрыл глаза и отдался рукам девушек.

Санти вымыли до идеальной чистоты, умастили благовониями, высушили полотенцами и расчесали волосы. Юноша блаженствовал. Если бы не голод, он чувствовал бы себя превосходно.

– Я хочу есть! – обратился он к слуге в переднике.

¹⁶ Юкка – маленький одномачтовый парусник.

Тот поглядел на солдат. Лица воинов остались непроницаемыми. Тогда слуга мигнул одной из девушек. Она убежала и вернулась с двумя длинными кривыми бананами. Ничего вкуснее Санти сроду не едал. Слуга что-то сказал девушке на незнакомом Санти языке. Девушка отмахнулась и покраснела. Вторая служанка фыркнула и взбила рукой длинные черные волосы.

– Что ты сказал? – спросил юноша.

Но слуга сделал вид, что не услышал..

– Время! – произнес один из воинов.

– Закончили! – ответил слуга, на этот раз – на конгайском, и подал Санти кожаные сандалии с задником и петлей для большого пальца. Таких в Фаранге не носили. Девушка-служанка застегнула ремешки и отошла. Санти ожидал, что ему дадут какую-нибудь одежду, но солдат взял его за плечо и повел внутрь.

Они миновали несколько длинных галерей, потом второй стражник распахнул высокую дверь, и Санти оказался в зале, в котором без труда поместился бы весь дом Тилода целиком.

Первым, кого увидел юноша, был светловолосый, успевший облачиться в кирасу, кольчужный килт и золоченый шлем с пышным плюмажем. Рядом с закованным в доспехи воином голый Санти выглядел еще более жалким. Кроме них двоих в зале находилось не менее десятка стражников, дюжина слуг и важный пузатый господин в красно-белом балахоне. Господин этот сделал знак, и где-то за пределами зала пять раз ударили в барабан.

Двустворчатые двери распахнулись, и восемь рабов внесли носилки, на которых стоял сверкающий золотом и камнями трон под высоким балдахином. Соххогая. Больше Санти ничего не успел разглядеть – тяжелая рука в кожаной перчатке легла ему на затылок и пригнула голову юноши к груди.

– Исполнено, повелительница, – раздался слева от Санти голос светловолосого.

Красивый голос: мощный, густой, как звук боевой трубы.

– Посмотри на меня! – произнесла соххогая.

После баса воина ее голос можно было сравнить разве что с детской свистулькой.

Санти схватили за волосы, и голова его вздернулась так резко, что заняла шею.

На высоком троне, поставив обутые в золотые сандалии ноги на черную атласную подушку, восседала маленькая бледнокожая женщина. Сетка из золотых нитей охватывала ее голову. Белые редкие волосы падали из-под нее на скрепленную пряжками пурпурную накидку. Накидка тяжелыми волнами ниспадала вниз, от тонкой шеи до самого подножия трона. Лиф с просторными, закрывающими кисти рукавами был щедро расшит серебром и жемчугом. Маленькое зеркальце из полированного золота сверкало чуть ниже края лифа. Ноги Властительницы были укрыты чем-то вроде синего с красными узорами пледа, из-под которого выглядывали кончики сандалий.

Сказать, что женщина была непривлекательна, значило бы ей польстить. Мелкие, остренькие черты лица, бледная до голубизны кожа, брезгливо опущенные бескровные губы. Но самыми неприятными были глаза: тускло-голубые, мутные, с какими-то рыжими точками, застывшие, как у мертвой ящерицы.

– Подойди, – произнесла соххогая, почти не разжав губ.

Санти медлил. Откровенно говоря, ему было просто страшно.

Сильный толчок швырнул его через семь локтей – к трону.

– Я сказала тебе, хоб? – уронила женщина.

В зале стало абсолютно тихо. Будто все разом перестали дышать. Санти почувствовал вокруг страх. Страх, намного превышающий его собственный, потому что все остальные знали, чего они боятся.

Санти поднял голову, посмотрел на соххогаю и с облегчением убедился: слова относятся не к нему, а к толкнувшему Санти воину. Владычица оперлась руками на подлокотники трона и медленно поднялась. Санти, все еще распростертый на полу, приоткрыл рот от удивления.

Юбка хозяйки Владения состояла из нескольких слоев шелкового прозрачного газа с

вплетенными в него золотыми нитями. Она доходила до щиколоток. Нижняя часть тела соххогой – от черной кромки лифа, окутанная почти неразличимым прозрачным шелком, казалась приставленной к верхней, как будто принадлежащей другому телу.

В Фаранге нет запретов на отсутствие или наличие одежды. Санти совершенно не стеснялся собственной наготы. Но в одеянии соххогой было что-то, заставившее юношу опустить взгляд. Однако он снова поднял глаза, когда услышал шаги. Соххогая спускалась по ступеням. Золотые нити пришли в движение. Казалось, воздух вокруг ее бедер пронизан искрами. Это было по-своему красиво. Но вызвало у Санти неприятное ощущение, словно бы при нем совершалось кощунство. Впрочем, словами чувство свое он не смог бы выразить.

Цок! Цок! Цок! – выбивали по мозаичному полу костяные каблучки. В наполненной страхом тишине звук их был оглушительно громким.

Владычица подошла к лежащему юноше и остановилась. Санти больше не смотрел на нее – он смотрел в пол. Ему было жутко. Соххогая наклонилась. Край парчовой накидки лег на голову юноши. Холодные пальцы сжали его предплечье. С силой, неожиданной у такой хрупкой женщины, соххогая потянула вверх, и рука Санти инстинктивно напряглась.

– Встань!

Владычица произнесла это слово мягко. Настолько мягко, насколько позволял ее резкий голос. И Санти понял, что она всего лишь хочет помочь ему подняться.

Будто ветер прошелестел по залу. Это из уст десятков людей одновременно вырвался воздух. Отныне никто из них не смел не то что ударить – грубо прикоснуться к юноше. Но Санти этого еще не знал. Он поспешно поднялся. Благодаря высоким каблукам глаза соххогой и юноши оказались почти на одном уровне. Санти заглянул в них, и эти глаза уже не показались ему такими отталкивающими.

– Ортран! – громко сказала соххогая.

Высокий воин быстро приблизился.

– Позаботься! – бросила ему соххогая и повернулась к Санти спиной.

Рабы поспешно подхватили носилки, подбежали к ней. Владычица поднялась по ступеням, задевая их краем пурпурного плаща, и заняла место на троне. Важный слуга подскочил к ней, потянулся, набросил на колени плед, поставил под ноги атласную подушку.

Соххогая подняла трость и ударила по плечу одного из рабов. Сильно ударила – на плече остался красный след. Трон подняли. Снова пять раз ухнул барабан, и Властительница покинула зал.

Так Санти из пленника превратился в принца.

Его поселили в сказочной башенке, предоставили полную свободу, более полную, чем та, которой пользовались остальные обитатели Владения. Никто от него ничего не требовал, никто ему не приказывал. Впрочем, Санти сам старался вести себя осторожно: любая свобода имеет границы, которые лучше не преступать.

У юноши не было сомнений, по чьей воле он оказался здесь. Но ему оставалось только ломать голову над тем, для чего он понадобился Властительнице. Все, чем он отличался от других фарангских юношей, – его песни. Но и певец Санти здесь также никому не требовался. Может быть, спой он разок для обитателей Владения – им пришлось бы это по вкусу. Однако у юноши не было желания петь для них: слишком подчеркнутой казалась ему почтительность слуг и вежливость воинов.

Легкие белые облачка неподвижно висели в небе. Дневное пламя солнца разбрызгивалось по крышам Дворца.

«Как там отец? – подумал, переступая через порог, Санти. – Хорошо бы известить его».

И все же Санти не хотелось бы так сразу покинуть замок. Иногда здесь страшно, но Владение – чудесное место. А Дворец... Эх, хорошо бы найти кого-нибудь, кто побродил бы с ним по Дворцу! Может, сама соххогая? Но Владычица ни разу не говорила с ним со времени их первой встречи. Нет, чем дальше Санти здесь жил, тем меньше понимал, почему тут оказался. А впрочем, ему здесь нравилось. И это было – Приключение!

Вспахивая темно-голубую воду, трехмачтовое судно под снежно-белыми парусами вырвалось из пролива в просторы Межземного моря. Вслед за ним вышли три других корабля Самита.

Дул ровный свежий ветер. Парусники карабкались наверх, подминали белопенные гребни. Борта их скрипели, палубы кренились от носовой качки. Приближался шторм, но суда шли на всех парусах. Они спешили отойти подальше от скалистых берегов, от изобилующих подводными скалами мелей.

Мара стояла у самого носа, держась за ванты. Когда корабль соскальзывал с волны, белая пена захлестывала его почти до колен носовой фигуры, изображающей Морскую богиню. При этом ноги девушки едва не отрывались от палубы, а соленые брызги ливнем обрушивались на нее. Одежда ее была мокрехонька и прилипла к телу. Мара дрожала. Но не от холода — от наслаждения: вот так стоять перед раскачивающимся морем, глотать его воздух — и не бояться!

Кто-то взял ее за руку.

Мара оглянулась: рядом стоял Самит. На нем был блестящий кожаный плащ с откинутым капюшоном.

— Иди вниз, девушка! — крикнул он ей в самое ухо. — Будет шторм!

Мара помотала головой.

— Я еще постою! — крикнула она в ответ.

— Одну минуту!

Матросы уже карабкались по реям — убрали паруса.

— Смотри туда! — закричал Самит, показывая на небо справа от корабля.

Мара подняла голову и увидела двух драконов. Медленно взмахивая крыльями цвета светлой бронзы, они летели на юг, навстречу надвигающейся буре.

— Куда они? — крикнула Мара. — Разве они не боятся шторма?

— Боятся! Но, думаю, на них всадники, которые знают, куда летят!

Черная дымная туша бури навалилась на солнце и проглотила его. Тень ее упала на палубу, и сразу стало холодно. Особенно Маре в ее промокшей тонкой одежде.

— Вниз! Вниз, девушка! — громко закричал Самит, увлекая конгайку к палубному люку.

Крышка захлопнулась и отрезала грохот волн, низкий гул ветра. Остался только скрип корпуса и мерные удары в днище и борта. Полутемным узким коридорчиком, освещаемым раскачивающейся лампой, пробралась Мара к своей каюте, крохотной, шесть на пять локтей каморке, зажгла масляную лампу.

Она сбросила с себя мокрую одежду и вытерлась. Подвесная койка поскрипывала, раскачивалась на тяжах. Мара взяла хрустальный флакончик с густым золотисто-коричневым маслом. Привычными, плавными и сильными движениями ладони она принялась втирать теплое масло в кожу груди, живота, бедер. Сладкий аромат вечерних цветов Конга наполнил крохотную каюту. Постепенно тело Мары становилось блестящим, розовело.

Мара взяла другой флакон, поменьше, зажала между колен зеркальце и занялась своим лицом. Шторм снаружи свирепел. Судно болтало, и Маре пришлось одной рукой взяться за тяж койки. Когда очередная волна обрушивалась на корабль, корпус его издавал жалобный, протяжный стон. Мара, первый раз оказавшаяся в открытом море, тем не менее отлично переносила качку. Ей даже нравилось, что койка ее раскачивается, будто качели, а стены каюты меняются местами с полом и потолком. Она немного опасалась, что может погаснуть светильник, но он лишь раскачивался на короткой поскрипывающей цепи. Волны били в борта, и звук этот напоминал удары по деревянной бочке огромной дубиной.

«Если волны разобьют корабль? — думала Мара. — Нет, не может быть. Кораблей так много, и они так редко тонут от штормов. А северные суда — самые лучшие... Нет, боги не

допустят, чтоб я утонула! Они сделали меня красивой, чтоб я жила!»

Мара с удовольствием представила, как сходит с корабля в Глориане и взгляды мужчин, всех мужчин вокруг, встречают ее...

– Глориана! – прошептала она. – Руна, Орэля...

Названия северных городов были музыкой.

«А этот Самит тоже влюбился в меня, – подумала Мара. – Хоть он и старик. Хорошо. Он богат, этот купец. Интересно, знает ли он о том маленьком отличии, что делает кое-кого из женщин Конга неприступными? Наверное, знает. Северяне – красивые! – Тут перед ней возникло лицо Нила. – Ну, многие из них красивы!» – поправила она себя.

Мара легла на спину. Низкий светло-розовый потолок раскачивался над ней. К сетке вентиляционного отверстия прилип белый пух. В каюте было жарко. Капельки пота крохотными росинками блестели на гладкой коже. Мара не стала одеваться. Если кто-нибудь войдет, пусть... посмотрит. Мара представила, как в каюту заглядывает Самит... Нет! Лучше кто-нибудь из матросов: «Госпожа не желает пообедать?» – «Нет, госпожа не желает!» И повернуться так, чтоб спина изогнулась, как у кошки, когда та поднимает хвост. А груди чтоб касались сосками ложа и казались сочными и тяжелыми, как золотистые плоды...

Койка мерно раскачивалась под ней, и убаюканная Мара погрузилась в сон, тем более теплый и томный от того, что снаружи уже всю разыгралась буря.

* * *

Желтый корпус юбки стремительно разрезал голубую воду.

– Держи вот здесь! – приказал кормчий.

Санти изо всех сил вцепился в фал, натянувшийся, как струна, едва старик сдвинул румпель. Юбка почти легла бортом на воду.

– Тяни же, тяни! – закричал Хорон. – Тяни, прободи тебя Тур!

Санти всем весом навалился на фал, и юбка немного выпрямилась.

– Молодец! – похвалил кормчий. – Еще немного – станешь заправским матросом!

Санти покраснел от удовольствия. Казалось бы, что ему похвала какого-то «озерного капитана»? Однако ж приятно!

– Хорон, – спросил юноша, – говорят, ты плавал на настоящем морском корабле?

– Плавал! – возмутился старик. – Я был кормчим военного корабля! – Он выплюнул за борт комок хурма¹⁷.

– И ты оставил море? – удивился Санти.

– Оставил! Нет! Оно меня оставило! Гляди! – Хорон задрал безрукавку и показал длинный красный бугор шрама, пересекающий живот наискось от левого подреберья до выпирающей тазовой кости справа.

– Ух-хо! – воскликнул Санти с уважением. – Чем это тебя?

– Топор омбамту! – Хорон опустил безрукавку. – Как рубанул – все кишки наружу.

– Как ты жив остался? – удивился юноша.

– Кто знает? Самому невдомек. В себя пришел – вижу, что живот зашит. И боли нет. Через три дня, правда, прихватило – не дай тебе испытать!

– И кто твой лекарь?

– Лекарь? – кормчий хихикнул. – Не поверишь! Кормчий мой младший. Его работа. Вот слушай!

Шли мы тогда вдоль побережья. Обычный рейд. Видим – на горизонте судно. Омбамтский трехмачтовик. Далеко. Ветер не наш. Думали – уйдет. Однако ж глядим – они к нам курсом фордевинд, на всех парусах. Должно быть, ум у них отшибло – напасть на сторожевик. Эти придурки, как травы своей напыхаются, уж ничего не соображают. Но

¹⁷ Хурм – жвачка, слабый наркотик.

дерутся – как демоны. Да. Так подошли они, крючья закинули и полезли. Нам же проще: пока они нас на abordаж брали, половины недосчитались. Арбалет, знаешь, с тридцати шагов лупит ого-го! Да. Полезли. Ну, мы их встретили что надо! Мы-то – в доспехах, а пираты – кто в чем. Рубились они, впрочем, знатно. На себе попробовал. Пока я одному полбашки сносил, другой меня топором и достал. Во здоровый жлоб! Кольчугу прорубил, брюхо мне распорол – только и увидел, как кишки наружу вываливаются. А тут еще по голове кто-то меня долбанул, прободи его Тур! И все же час мой еще не настал. Очнулся – брюхо зашито, как старые штаны. Кормчий мой младший постарался. И внутрь мне смолы чудодейственной засыпал. Не пожалел, пес черномордый, дай ему богиня удачи! Смола та – из Урнгура. Дороже золота! Эй, ты там, потрави шкот – ветер ослаб! Да. Ни горячки, ничего. Иному ножом ткнут – и нету. А я, вишь, еще плюхаюсь.

– А во Владение как попал? – спросил Санти.

– То – своя история, – старик порылся в сумке, достал комок хурма, тщательно разжевал и продолжил: – Взяла блажь сынка красноглазой, Муггана, Равахш его пожри, корабль свой завести. И чтоб кормчий у него настоящий был. Послали Ортрана. Знаешь его?

Санти кивнул.

– Приехал он в Фаранг. Начал искать. Да какой же кормчий по собственной воле море на эту яму променяет?

Поболтался наш хольдец по тавернам – никто не желает. А тут подсказал ему один из добрых людей, что всё знают: есть, мол, человек. Кормчий не кормчий, а тебе подойдет.

Я в ту пору совсем духом пал. Живой-то живой, да кто меня с таким брюхом в море отправит? А тут подходит ко мне здоровяк. Поначалу я думал: хочет по доброте кружку калеке налить. Он и впрямь – налил. Поговорили о том о сем. Да. Я-то сразу догадался, что он северянин. По оружию. У нас Звезда Смерти не в ходу.

– Звезда Смерти? – переспросил Санти.

– Не видел, что ли? – удивился старик. – Шест такой, железом обитый, да шар стальной, шипастый, на цепи. Видел ты! Слуга его за Ортраном носит. Да. Поговорили. А тут он мне и предложил.

– А ты что ж, не испугался? – спросил Санти.

Он хорошо знал, что говорят о соххогиях в Фаранге.

– Чего уж мне было бояться! – отозвался старик. – Мне тогда все без разницы было. Да и деньги посулил немалые – командующему эскадрой впору. И какой-никакой – кораблик! – Хорон похлопал жилистой рукой по тонкому борту. – Красноглазому быстро надоело, да меня не гонят. Десятый год тут обретаюсь. Вроде сам по себе. Сам для себя.

– Не страшно? – спросил еще раз Санти.

– Нет. Сейчас, парень, – нет. Вот при прежнем-то Владетеле – бывало. Я его не застал, но говорили такое, что и не повторишь. Народу извел – страсть. А как помер – соххогия все переиначила. Теперь почти как у людей. Если и замучают кого – за провинность. Этим уж сынок занимается – не госпожа. Сынок бы с папашей поладили. Но госпожа ему воли – хрен! Да я и ей не верю. Красноглазая есть красноглазая. Что у нее на уме? Себя вот возьми. Ты кто есть? Схваченный. Хуже раба. А она тебя держит – никто тронуть не смеет. Зачем?

– Как – хуже раба? – удивился Санти.

– Ну, раб – он свой. Деньги за него плачены. А схваченный вроде преступника. Хотя кто их разберет, красноглазых? Один у них порядок: ты – хоб! Но платят хорошо. И нанятых не обижают. Кто б у них иначе служил? Убирай парус, парень! Ты вот во Дворце живешь, может, поболее моего знаешь.

– А скажи, как отсюда в Фаранг весть подать? – осторожно поинтересовался Санти.

– Эко ты! Никак! Разве что Ортран или Сихон, Начальники Страж, помогут. Но от них не жди. Они хозяйке пятки лизать готовы. Иной раз стыдно смотреть. Что золото с людьми сотворяет! Эй, эй! Кранцы-то, кранцы вывешивай!

Юкка подошла к причалу, и Санти ловко набросил огон швартова на деревянный кнехт.

– Спасибо, мастер! – поблагодарил он, вылезши на пирс.

– Приходи, сынок! – отозвался Хорон.– Хоть кому я нужен в этом мире!

* * *

– Воины готовы, сирхар! Королева ждет!
– Много ли воинов, Клет?
– Три большие хогры, сирхар. Пешие.
– Это ничего. Что донес беззаконник?
– Идут, сирхар. Все.
– Другие мне не помеха. Его одного боюсь.
– О сирхар! Ты – боишься?
– Мой страх – от бога, Клет.
– А не обойдут, сирхар?
– Нет. Пошевелю Лихо. Не сплеховали бы тонконогие!
– Три большие хогры, сирхар! Почти войско!
– На этого войско – в самый раз. Подай мой Хлыст, Клет. Плащ подай. Королеве скажи: иду! Пусть не ропщет. Три хогры! Одарю блаженством. Достойна. Жертва готова?
– Как повелел.
– Пусть ведут. Хаор Хаором, но и других умиловить надо. Что за шум?
– Воины радуются, сирхар!

* * *

Почти две сотни воинов, каждый рядом со своим пардом, выстроились на площади. Все солдаты Владения, кроме тех, кто занят в караулах. Солнце садилось. Полчаса назад прошел дождь, и воздух пах цветами и мокрой травой.

«Две сотни – немного,– думала Нассини, пока рабы неторопливой рысцой несли ее паланкин вдоль замершего строя.– Но каковы! Каждый двадцати стоит!»

Соххогая вглядывалась в лица и с удовольствием наблюдала, как смущенные воины опускают взгляд.

«Каждого, каждого! – думала она.– Чтоб были верными. Чтоб были преданными! Золото – лишь золото. Золота мало. Помнить должны. Каждую минуту вспоминать. С благоговением. Любить должны. Жажда. Бояться и надеяться...»

Толпившиеся за воинами слуги вытягивали шеи, но мало что могли разглядеть за спинами солдат и широкими крупами пардов.

Мугган, ехавший чуть позади матери, насупясь, глядел в ее обтянутый золотой сеткой затылок.

«Все – ее! – думал он.– Хоть бы один – мой! Хоть бы один паршивец! Сука! Вертишь мною, будто я тупоумный хоб! Сука! Сука! Сука! Когда-нибудь я вспорю твое чрево! Бездонное подлое чрево! И затолкаю туда всю твою коллекцию!» Он представил, как будет выть соххогая, как будет кататься по заблеванному ковру, а он будет стоять и... А потом... Мугган не представлял, что будет, когда он сам станет Властителем,– все застилала пелена. Он вытер вспотевший лоб... И вдруг ему представилось: вот он – есть, а ее – нет. И в груди стало холодно.

«Сука! Сука! Сука! – кипел от бессильной ярости Мугган.– Даже выпустить кишки тебе не могу! А эти твои!..»

Он с такой злобой уставился на ближнего воина, что того передернуло.

«Мясо! Мясо! Любуйся! Все твои! Зато я любого могу взять на клинок! Любого! Все знают! И ты знаешь, сука! Я – соххогой!» – и, утешенный этой мыслью, погладил парда между ушами. Зверь обрадовался нежданной ласке и довольно заворчал.

Носилки миновали последнего, и из глоток воинов разом вырвался рев. Владычица благосклонно кивнула. Воины, слуги, рабы – все разом вздохнули. Добра соххогая – никого

не накажут. Третий день никого не наказывают. С тех пор как появился новый схваченный, юноша с зелеными глазами. Тиха соххогая – недаром злобится красноглазый. Тиха. Задумала что-то. Ну, подай боги милость – не меня коснется. Так думал каждый. День миновал. У ночи – свои заботы. Много еды, много веселья. Кто ценит каждый день жизни – тот веселится вволю. Завтра, быть может, некому будет.

Мугган поднял парда на дыбы и погнал напрямик: через клумбы, через цветущие, искусно подстриженные кусты. Порыв ветра овеял Санти, когда всадник промчался в трех локтях от него. Ушка сердито рявкнула.

Юноша ощутил, что на него смотрят, и поймал взгляд Нассини. Ласковый-ласковый. И вдруг, без всякой причины, пробрал его озноб. И он покрылся холодной испариной. А соххогая все смотрела на него, смотрела... Санти уж совсем было решился подойти к ней, но тут Владычица уколола палочкой спину носильщика, и паланкин двинулся.

Санти потер ладонью шею. Вечер был теплый, а ему – зябко.

– Гляди, вон стоит хозяйкин милостивец! – сказала подруге девушка-прислужница. – Что это с ним? Бледный, будто кровь выпустили?

– Не знаю, Алори! Слушай, а он, по-моему, на Рэти глаз положил, не заметила?

– Благодари богов, что не на тебя!

– Ну! Мальчик красивый!

– То-то твой бычок ему отсчитает!

– Уже! Побойтся госпожи!

– Сказала! Ежели его сама привечает, быть тебе подружкой красноглазого!

– Хи-хи! Ничего он без моего хотения не сделает! Я обученная!

– Ножик возьмет – сделает!

– Что ты такое страшное говоришь!

– А что? Первый день ты тут, что ли? Про отца его, хозяйкиного мужа, еще и не то говорили. Кабы нас с тобой при нем купили, ты б поскромнее была!

– То тебя купили! Меня жрецы отдали. На семь лет.

– Вот и сиди тихо! А то возьмет тебя красноглазый и... – подруга тихонько пошептала ей на ушко.

– О! Алори, не надо! Итак ночи от страха не сплю!

– От страха ли? – засмеялась Алори. – Поспешим! К ужину опоздаем – до темноты ничего не получим! – И обе побежали к Веселой Роще, где стояли домики дворни.

Подступивший вечер высветил искры созвездий, потускневшие, когда луна выкатилась из-за края неба и поплыла по самоцветному Пути Мертвых. Свет луны не проникал через плотные кроны Веселой Рощи, не смешивался с оранжевым пламенем костров, не отступал перед ним, как перед сиянием множества масляных ламп внутри и снаружи дворца. Непроницаемы слоистые кроны даже для солнечных лучей. Зато под ними там и сям пляшут длинные веселые языки, уходит к черным листьям копотный дым. Веселая Роща! Крики и смех смешиваются здесь с насмешливым бульканьем розового вина.

Санти ходил от одного костра к другому, от компании к компании, везде приветствуемый и нигде не замечаемый.

Отблески красного пламени прыгали на обнаженных телах. Сочилось над огнем, на черных жаровнях, пряное мясо. Запах вина, земли и женщин смешивался с дымом костров.

Одиноким и печальным бродил Санти по Веселой Роще. Смотрел вверх, на освещенный снизу полог листвы, трогал живые колонны стволов. И показалось ему, что он спит и вот-вот проснется в своей комнате, услышит ровное дыхание отца, посвистывание ящерниц, дальний, дальний шум моря...

«Неужели этого никогда не будет? – подумал юноша, и тоска сдавила его горло. – Ни чудесного нашего дома, ни ощущения свободы. Не будет предвкушения вечера среди друзей, не будет Мары, ее волшебной пахнущей кожи, ее рук, ее быстрого-быстрого шепота? Ничего не будет?»

– Пожалейте меня, боги! – взмолился Санти. – Не оставьте одного!

И, словно отозвавшись на эту просьбу, чья-то рука опустилась на плечо юноши. Санти оглянулся с надеждой... и отпрянул. То была рука воина, приведшего его в замковую тюрьму.

«Беззубый!» – вспомнил он, увидев щербатый рот солдата.

Воин был пьян, но держал Санти крепко.

– Не бо-ойся, ягненочек! – пробормотал он, глупо ухмыляясь. – Пойдем, поболтаем немножко! – И он потащил Санти в тень деревьев. Юноша рванулся и ударил солдата кулаком в лыбящееся лицо.

Воин еще шире растянул рот – удар Санти его позабавил.

– Пойдем, пойдем, – невнятно бормотал он. – Ты славный, ягненочек! Ты понравился Беззубому. Понравился...

Санти размахнулся, но воин поймал его руку, потянул к себе...

– Игрунчик! – прошепелявил он нежно. – Шалунишка...

Темная фигура возникла у него за спиной. Быстрый удар – и плечо Санти освободилось.

– Не тревожься! – сказал тот, кто ударил. Санти не видел лица говорившего – только силуэт: ближайший костер был за его спиной.

– Тебе не нужно даже подавать голос. Подожди немного – и все уладится.

Два человека подхватили обмякшее тело Беззубого.

– Что с ним будет? – спросил Санти. – Он невежлив, но я не хотел бы, чтоб из-за меня кто-то пострадал.

Воин ничего не ответил. Он лишь приложил руку к груди и исчез в темноте.

Оглушительный взрыв хохота донесся откуда-то слева. Веселая Роща привыкла к тому, что ее обитатели иногда исчезали.

«Итак, за мной наблюдают», – понял Санти.

И, как ни странно, мысль эта не была неприятна ему. Больше того, он перестал чувствовать себя одиноким.

Юноша подошел к ближнему костру. Сидящие вокруг подвинулись, освобождая место. В руку ему вложили кружку, наполненную теплым вином, на колени – завернутый в лепешку остро пахнущий кусок жареного мяса. И больше не обращали на юношу внимания. Но Санти было довольно того, что есть. Он глядел на пляшущее пламя, и слова шевелились у него внутри, как новорожденные щенки.

Заканчивался его четвертый день во Владении соххогои Нассини. Длинный-длинный день...

V

«Было это в давние времена. Даже маги немного знают о них. А рассказывают так.

Пятеро гнали одного. Гнали, как степные псы преследуют жертву свою: неустанно, неотступно. И не исконной добычей пятерых был один: единокровником им – по рождению, сотрапезником – по обычаю. Чем навлек он погоню? Сие неведомо. Но день за днем, месяц за месяцем топтали пятеро одинокий след. Семь рек миновали они, семижды семь холмов. Семижды семью семь раз вошло над ними солнце. Дожди ли, воды ли быстротекущие смывали след – вновь отыскивали его неистовые.

Изнемог беглец. Пал на землю. И пала в одночасье ночь на бурые чащи Юга. Воззвал гонимый: Тур! Тур Быкоглавый! Без меры мощь твоя! Отврати от меня человеческий гнев! Укрой от казни беспощадных!

Как сказано, в давние времена было это. Не отрешились еще боги в Небесных Чертогах от воплей смертных. Услышал Тур, бог

Сильный. И даровал: обратил вопиющего в дерево многолиственное.

Что же до гонителей пятерых, или они за ним поступью скорой, упорной. В час ночной, в час отдохновения не искали они покоя. Но пришли туда, где обрывался след. И сказали тогда друг другу: ляжем тут; говорит след, что изнемогла жертва; взойдет солнце – настигнем!

Разожгли костер, свершили позднюю трапезу, легли и уснули.

Гонимый же, властью бога справедливого измененный, стоял над ними и размышлял. Вспоминал тяготы свои, страх свой, отчаяние... И обуял его гнев. Мирен облик древесный, но сила ненависти – велика. Простер он ветви свои, обвил спящих и умертвил – выпил сок жизни.

Возрадовался. Воззвал: Тур Быкорогий! Верни мне прежнее! Свободен я!

Услышал его Тур, взглянул и огорчился.

– Выпил ты сок жизней их, – сказал, – и ненависть их, зло их отошли к тебе. Если бы принял ты смерть от рук их, участь такая была бы для тебя лучше нынешней. Нет тебя более прежнего! Будешь ты теперь днем стоять недвижно, дереву подобный, ночью же, терзаемый жаждой, будешь, как тварь животная, искать поживы. И если найдешь – оплетишь ветвями, погубишь, как погубил ты гонителей своих – в угоду их ненависти!

Сказал – и сделалось. И поныне – так. И если застанет тебя ночь в гибельных южных краях – бойся древа, чьи листья – цвета крови яремной, а ветви подобны рукам человеческим, кожи лишенным. Помни – одно лишь спасет тебя: меч острый и Тура Справедливого властное имя! Забудешь сие – умрешь».

Конгская сказка

Дворец возвышался над Санти, отбрасывая на площадь огромную тень, иссеченную пятнами света. Главные ворота его были обращены на запад, в сторону Закатных гор, а два неровных крыла изогнулись на полмили к Полудню и к Полуночи.

Дворец был творением тысячи безумных зодчих. Арки, башни, галереи, балконы. Переходы и наружные лестницы, соединяющие этажи невероятными переплетениями. Колоннады под самой крышей и башенки, будто фаллические символы, вознесшиеся на каменных столбах в десятки локтей высотой. Лепка, мозаика, полотнища флагов, барельефы и острые шпили. Пятна ярчайших цветов были разбросаны по громадному строению. Сон сумасшедшего. Фонтаны и водопады, перетекающие с этажа на этаж... Он походил на храм, этот Дворец. Но каков же бог, которому возведен подобный храм? Бог Хаоса, безумный, отталкивающий и прекрасный одновременно, бог, который вне понимания, но не выше чувства. Дворец соххогоев, воплощение полной свободы, настолько полной, что и от самой свободы он освобожден. Воздушный и тяжеловесный. Яркий и угнетающий, он правил Владением больше, чем любой из его хозяев.

И даже нынешняя Владычица не сумела с ним совладать. От старого кормчего Санти знал, что Нассини переделала все, оставленное ей мужем. Окрестности Дворца разделили правильные линии аллей, парадная площадь была освобождена от бесформенных обелисков, уничтожен был Сад Любви и Сад пыток – излюбленные детища ее мужа, Спардуха. Нассини посадила свои сады. Но неизменными остались десятки квадратных миль заросших лесом холмов и этот Дворец, который один возвышался над серой стеной, опоясывающей Владение. Из окон башенки Санти можно было увидеть парк, Веселую Рощу, поселок, за ним – поля и луга, на которых паслись стада коров и овец, фруктовые сады и виноградники. Земля Владения кормила и поила полторы тысячи его обитателей. Но возделанная часть была совсем маленькой в сравнении со всей огромной территорией Владения. Четыре часа требовалось всадникам, чтобы, измотав пардов, объехать снаружи серую стену и вновь возвратиться к центральным воротам, единственной брешу в этой стене.

Санти услышал за спиной тихий плеск и причмокивание. Он обернулся, и глаза его расширились от изумления. На низеньком столике у восточной стены стоял совершенно необычный зверь. Ростом он был немного крупнее обычной кошки, но выглядел в точности как настоящий пард, только совсем маленький. Взрослый пард, а не какой-нибудь детеныш! Полосатая голова зверя была опущена в чашку с недопитым кофе. И – боги! – он преспокойно лакал его, подергивая коротким, будто обрубленным хвостом.

Санти сделал шаг, и зверь, подняв морду, уставился на него. Ну нет, это точно не детеныш! Морда самая разбойничья! Поперек шла длинная узкая плешь, половины уха не доставало – настоящая морда старого боевого парда. Только вся голова – не больше ладони!

– Ну? – спросил зверь. – Что уставился?

Рот Санти открылся. Не потому, что он хотел что-то сказать.

– Дрянной кофе! – заметил зверь. – Надеюсь, в следующий раз будет лучше.

– Ты... кто? – наконец выдавил из себя Санти.

Зверь сел, вытянул заднюю лапу и несколько раз провел по ней черным языком. Потом перемахнул на окно, задрал обрубок хвоста и пшикнул наружу желтой струйкой.

– Ну и влип ты, паренек! – промурлыкал он. – Ладно, до скорого!

И пропал.

Обалдевший Санти потер глаза. Зачем-то подошел к столу и заглянул в чашку. Кофе определенно стало меньше. Ну и что?

«Пригрелось!» – подумал юноша и отправился завтракать.

Тренировочное поле было посыпано белым мелким песком, который рабы каждый час обрызгивали водой. Часть поля лежала в тени старого вяза, простершего мощные ветви на десятки шагов. Но воины упражнялись в основном на открытой части – солдату нужна выносливость. Впрочем, выносливость выносливостью, а большинство солдат все же предпочитали для тренировок утренние часы, когда солнце еще не печет в полную силу.

Санти нравилось приходить сюда после завтрака. Ему нравилось наблюдать за точными и быстрыми движениями, за игрой мускулов, напряженных, перекачивающихся при каждом взмахе меча. Нравилось глядеть, как взлетают и падают ловкие тела всех оттенков кожи, когда воины тренируют мышцы и глаз на вертикальных и горизонтальных брусьях. Снарядов же для упражнений здесь было великое множество. И они постоянно пополнялись. Каждый новый воин, а в страже Владения служили лишь лучшие из лучших, прибавлял что-нибудь свое.

И все же самым ярким зрелищем были поединки. Воины сражались палками, шестами, реже – специальным затупленным оружием. И уж совсем редко – настоящим боевым. И ни разу Санти не видел, чтобы кто-то получил увечье. Бойцы слишком хорошо знали свое дело.

Настоящий воин владеет любым оружием: будь то волнистый крисс конгая – «бегущее пламя», топор омбамту, копье или арбалет. Но у каждого есть излюбленное. Чаще всего это были прямые обоюдоострые конгские мечи из дорогой дымчатой стали. Но ценились и кривые легкие, с паутинным узором гурамские сабли. А некоторым по душе были и тяжелые широкие мечи Хольда.

Каждый воин был по-своему хорош, но Санти сразу заметил того, кто не знал себе равных. Санти видел его прежде и знал, что воин – десятник Внешней Стражи. Помнится, юноша удивился: десятник был на голову ниже своих подчиненных. Но, увидев его в поединке, Санти перестал удивляться. Два гурамских кривых клинка в его длинных руках порхали, как крылья ящерицы-медовницы.

Сейчас десятник сражался одновременно с тремя воинами. Он был босиком, в коротких черных штанах. На смуглой груди – бляха-амулет. Иссиня-черные волосы собраны в пучок на затылке. Руки, перевитые жгутами мускулов, были на пядь длиннее, чем руки его рослых противников. Подвижный, как капля ртути, неутомимый, как дикий степной пес, десятник метался между тремя противниками. На каждом из них были легкая кольчуга и боевой

браслет на левой руке. На головах – легкие шлемы без забрал. Вооружены они были прямыми конгскими мечами. Не боевыми, затупленными. Но и таким мечом можно было запросто изувечить человека без доспехов. Эти трое были опытными бойцами, но гурамиди играл с ними, словно змея с лягушкой. Он водил их, кружил, путал так, что его соперники постоянно оказывались друг у друга за спиной. Они сталкивались, мешали один другому, а десятник прыгал, нырял, уворачивался и все время дразнил противников, комментировал каждое неловкое движение, каждый промах... Для опытного воина обидно, когда его поучают, будто юнца. Еще обиднее, если поучения справедливы. Десятник хотел рассердить их – и у него получалось. Воины свирепели. Их движения становились менее точными. Вот один из них едва увернулся от колющего удара товарища – и осыпал его ругательствами. Десятник издевательски захохотал. На его гладком, блестящем от пота теле не было ни единой царапины. Зато сам он при случае не упускал возможности оставить красную черточку на незащищенной щеке или ноге. Конгские мечи с шумом рассекали воздух. Пожалуй, теперь удары наносились всерьез. Лица солдат покраснели, грудные клетки вздымались под кольчугами. Сабли в руках десятника тихонько пели, то сливаясь в два сплошных веера, то замирали, вспыхнув отраженным пламенем солнца. Поединок затягивался, и с десятков солдат уже глазели на сражающихся, подзуживали, бились об заклад... Дело становилось нешуточным. Три воина, забыв об осторожности, рубили, как мясники. Десятник вертелся волчком на кривоватых ногах. Вот его сабля скользнула под подбородок широкогрудого мечника и разрежала кожаный ремешок. Шлем упал с головы и покатился по песку. Зрители завопили и затопали ногами. Тем временем второй воин едва не отсек руку самому десятнику, но тот успел уклониться и даже чиркнуть острием по предплечью нападавшего.

– Я напишу на тебе твое имя, красавчик! – завопил десятник радостно. – Как тебя зовут, а? Крысолуб тебя зовут? Длинно! Слишком длинно – у тебя не хватит крови. Давай напишем просто: крыса! А?

Обиженный бросился на десятника, но с тем же успехом он мог атаковать воздух.

На площадке появился Начальник Внешней Стражи Сихон. Зрители опасливо покосились на командира: вдруг ему не понравится, что они бездельничают. Но Сихон и сам увлекся зрелищем схватки. Постепенно лицо его приняло озабоченное выражение. Он опасался за десятника. Случайный или неслучайный удар по незащищенному телу – и воин получит травму. Сихон видел, что трое атакующих именно этого и хотят. А ловкий коротышка сам подставляет себя под удары, чтобы в последний момент уклониться. Этим он еще больше распалял противников.

Сихон не хотел останавливать схватку, но боялся, что кончится она нехорошо.

– Довольно! – крикнул он зычным голосом.

Сражающиеся не отреагировали. Трое не услышали, а четвертый подмигнул ему, продолжая играть мечами.

– Равахш! – взревел Сихон. – Шуорд! Довольно!

Десятник тут же воткнул мечи в песок и выскользнул из-под носа очередного противника. Он отбежал на несколько шагов и остановился. Его соперники бросились на него: они решили, что это очередной трюк Шуорда.

– Разорви вас демоны! – зарычал Сихон. – Довольно, я сказал!

Солдаты наконец пришли в себя.

– Пять плетей каждому – за скверный слух! – приказал Сихон понурившимся воинам. – И по две – за нерасторопность!

Зрители заржали. Сихон мгновенно обернулся к ним:

– Вы, ленивые бараны!..

Солдаты тут же разбежались по снарядам.

Десятник подхватил мечи и уже снова вращал их в воздухе.

– Не устал, Шуорд? – спросил его Сихон.

– Нет, командир! – весело отозвался десятник.

– Позвеним?

– Не стоит, командир.– Шуорд многозначительно посмотрел на бредущих в сторону Дворца трех воинов.

Сихон тоже посмотрел на них и погладил рукоять меча.

– Пожалуй, ты прав! – сказал он.– А вечером, без лишних глаз?

– Всегда рад, командир! Люблю сражаться! Все равно с кем: хоть с этим сосунком.– Он кивнул в сторону Санти.

Юноша покраснел. Мечи в руках Шуорда без усталости выписывали замысловатые кривые.

– Но с сильными – люблю больше. Например, с тобой, командир.

– Ты льстишь, Шуорд! – сказал Сихон.– Я слишком много командую. Слишком мало служу стали.

– Старое дерево крепче! – засмеялся десятник.

Санти пригляделся к нему и понял, что ошибся, решив, что Шуорд молод. Сухоощавое телосложение обмануло юношу.

Сихон пошел дальше, на другой конец поля, а длиннорукий десятник продолжал размахивать мечами. Он вертелся, прыгал, кувыркался через голову, падал, вставал. И все это время клинки в его руках сверкали, как спинка медовницы на солнце.

Санти решился. Он перемахнул через перильца, окружавшие поле, и окликнул десятника:

– Шуорд!

Воин мгновенно остановился. Мечи замерли в воздухе: левый – в прямой руке, острием вперед, правый – за спиной. Шуорд походил на статуэтку.

– Что, малышок?

– Ты сказал: готов сражаться даже со мной. Давай! – твердо выговорил юноша, хотя желудок его провалился на самое донышко туловища.

– Хой! – Шуорд хлопнул себя саблей по плоскому животу.– Отлично, малышок! Лови!

И бросил клинок острием вперед. Санти еле успел увернуться. Меч воткнулся оголовьем в песок в трех шагах от юноши.

– Боишься железа, малышок? – крикнул Шуорд.

Санти молча поднял саблю из песка. У нее была удобная костяная рукоять и расширяющийся к острию клинок из сероватой, с паутинным узором, стали. Санти взмахнул оружием... И едва не выронил его. Казавшаяся с виду такой легкой, сабля была весьма увесистой. Санти еще несколько раз взмахнул ею, уже осторожнее. Он старался подражать движениям воинов, но у него получалось не слишком ловко.

– В стойку, в стойку, малышок! – Шуорд танцующей походкой двигался к нему. Санти сделал шаг навстречу и рубанул воздух.

Шуорд едва коснулся клинка клинком – и сабля вырвалась из руки Санти. Юноша отпрянул, поднял оружие. И снова воин вышиб у него саблю. Раз за разом Шуорд повторял одно и то же движение, и каждый раз Санти оказывался обезоружен.

– Кланяйся, малышок! Кланяйся! – смеялся Шуорд.

Вокруг опять собрались солдаты. Все что угодно, только бы не оплывать потом под жгучим солнцем.

Каждое падение сабли сопровождалось унижительными комментариями. Санти терпел. Ладонь его горела, пот тек ручьем, но он чувствовал, что вот-вот распознает прием, которым пользовался десятник. И распознал! В следующей атаке чуть повернул лезвие, и клинок Шуорда не зацепил его клинка. А Санти уколол десятника в грудь. То есть хотел уколоть, потому что Шуорд снова выбил саблю из его руки. Но зато на этот раз ничего не сказал. Санти вспомнил, как он описывал клинком восходящий полукруг, и попытался повторить движение. Шуорд отбил удар еле заметным взмахом. На этот раз сабля осталась в руке Санти. Зато на животе его появилась кровоточащая царапина.

– Знак доблести! – рассмеялся Шуорд.– Теперь каждый твой удар будет отмечаться так.

Санти рассердился. Больше того, он перестал бояться стали, перестал бояться десятника.

«В конце концов, он слишком хороший воин, чтобы меня убить!» – подумал юноша. И прыгнул вперед...

Очнулся юноша лежащим на мокром песке, лицом к белесому небу. Он был весь мокрый: кто-то облил его водой. Громоподобный хохот зрителей сотрясал воздух. Голова гудела. Санти потрогал рукой макушку и обнаружил там быстро растущую шишку. Собрав все силы, юноша встал, но, чтобы не упасть снова, ему пришлось опереться на саблю. Новый взрыв хохота потряс воздух.

Шуорд исподлобья поглядел на окруживших их солдат. Глаза десятника наливались кровью. Он и Санти были окружены гыгыкающими, хлопающими себя и соседей здоровенными парнями, которым сам Равахш за приятеля. Низкорослый десятник переводил взгляд с одной гогочущей ряшки на другую, и Санти увидел, как набухают жилы на его коричневой шее.

– Ублюдки! – вдруг заревел Шуорд. Да так, что Санти вздрогнул: не ожидал, что у десятника такой мощный голос. – Паскудные выблядки хуридских шлюх! Ну, что стонете, как беременные жабы? (Тут он был неправ: солдаты перестали ржать и даже подались немного назад.) Ну, кто из вас молодец? Ну, выйди! Если я не вышибу тебе меч первым ударом, можешь отрезать мне яйцо! А вышибу – отрежу оба! Ну, выйди, кто не трусит? Ну, что ж вы не гогочете, помет облысевшей овцы!

Он упирался взглядом то в одного, то в другого, но воины прятали глаза, смущенно переминались с ноги на ногу. Да, они были бойцы. Да, они не знали страха. Но, великий Тур, они знали Шуорда! Тихо-тихо разбрелись они, кто куда, и Санти с десятником остались вдвоем. В глазах у юноши уже не двоилось. Шишка на голове болела, но не больше, чем кисть правой руки. Он был готов продолжать, но Шуорду надоело возиться с ним. Он взмахнул оружием – и сабля Санти взлетела в воздух. Шуорд поймал ее левой рукой, прямо за клинок, перехватил.

– Все, малыш! – сказал он. – Иди поиграй.

– Можно мне еще как-нибудь... – нерешительно попросил Санти.

– Поглядим.

– А можно я немного посмотрю?..

Воин пожал плечами:

– Смотри. Ты человек... вольный! – и ухмыльнулся.

Санти перелез через оградку и уселся в тени. Послунив палец, он стер кровь с живота.

Шуорд, подвижный, как капелька ртути на гладком столе, снова вращал мечами. Какими легкими казались они в его руках!

VI

«Одни рождаются магами, другие ими становятся. Но никому магический дар не дается просто так. И ни один маг не властен отказаться от своего дара. Посмей он – и трижды проклянет судьбу, прежде чем умереть. Маг вправе выбрать лишь одно: отдаться ли алчущим Силы или примкнуть к братству Света. Или же выбрать одиночество. Но иным не дано и этого выбора».

Фахри Праведный Эдзамский.

Происхождение магови божественная сила волшебства

Парда закончила пить и одним прыжком вымахнула на заросший жесткой травой берег. Обрадованный детеныш заплясал вокруг. Санти направил парду вдоль озера. Они обогнули его с левой стороны, двинулись напрямик, через голубой луг, усыпанный желтыми цветами.

На траве, скрестив ноги, сидели две девушки. В пяти шагах от них, в деревянном станке брюшками вверх были привязаны четыре темно-зеленых паука, каждый – размером с

кулак. Четыре почти невидимые нити протянулись от них к бамбуковым палочкам в руках девушек. Между пауками и девушками стояло глиняное корыто с жидкостью. Все четыре нити протягивались сквозь погруженные в жидкость кольца.

Девушки непринужденно болтали, а пальцы их неумоимо наматывали паутинный шелк. При появлении Санти они мгновенно умолкли, переглянулись и захихикали.

Юноша подъехал поближе. Детеныш подбежал к корыту, ткнулся было носом и тут же отскочил, фыркая. Девушки захихикали погромче.

– Привет, – сказал Санти со спины парды.

– Привет, привет, – отозвалась та, что побойчее. – Ты проезжай, красавчик, нам с тобой говорить нельзя.

– Почему? – осведомился Санти.

– Не положено!

Вторая захихикала.

Санти тоже засмеялся и, наклонившись в седле, легонько ущипнул первую за ухо.

– Нет так нет, сладкая!

И сдвинул коленями бока парды.

Ушка прыгнула с места сразу шагов на десять, перемахнув через корыто и пауков, и понеслась, петляя между деревьями. Смех девушек растаял позади. Детеныш скакал следом, высоко и неуклюже вскидывая лапы.

За рощей лежал луг. Парда перешла на рысь, иногда наклоняя голову, чтобы подхватить пучок травы. Круглые уши ее все время двигались. Детеныш приотстал: он обкусывал с куста темно-синие ягоды.

Санти спустился с вершины холма и въехал в старый лес. Под лапами парды похрустывала опавшая листва. Лишенные ветвей стволы колоннами уходили на десятки локтей вверх – ни одного листочка, если не считать карабкающихся к свету лиан. Зато наверху – сплошной потолок. Санти мог поклясться: когда идет дождь, ни одна капля не достигает земли.

Парда наклонила морду, чтобы скушать белый толстый гриб. Детеныш тотчас подскочил к ней и выхватил кусок прямо из пасти. Он был очень обаятелен, пушистый, темно-коричневый, с белыми лапками и мордочкой.

Парда принюхалась и ускорила шаг. Несколько минут спустя Санти услышал журчание ручья. Ушка припустила галопом – и вот они оказались на краю глубокого оврага. Санти посмотрел вниз: прозрачный ручей бежал посередине широкого плоского русла. По берегам ручья правильными кругами росли крупные розовые грибы. Парда тихонько рыкнула и, притормаживая задними ногами, съехала по крутому склону. Детеныш устремился за ней, поскользнулся, кубарем скатился вниз, завизжал и плюхнулся в холодную воду. Ушка ухватила его за загривок, выволокла из ручья. Детеныш мяукнул и отряхнулся, разбросав вокруг снопы брызг. Парда жадно глотала грибы. Детеныш тоже попробовал, но он был не голоден и потому, сжевав парочку, принялся носиться кругами около матери, визжа и тряся круглой головой.

Санти спрыгнул на землю и сел на круглый, заросший синим мхом валун. На дне оврага было прохладно и спокойно. Детеныш потыкался мокрым носом в руку, но, поняв, что у юноши нет настроения играть, умчался вниз по ручью.

Посвистывали ящерицы, журчал ручей, чавкала грибами парда. Пахло в овраге землей, водой и грибницей. А воздух был прохладен и неподвижен. Наверху тихо разговаривал лес. Санти, жителю города, казалось странным, что можно проехать целую милю и никого не встретить. Санти вздохнул. Он не привык к одиночеству.

Издали донесся азартный визг детеныша. Парда перестала есть, подняла голову. Санти встал, подошел к ней, почесал под нижней челюстью. Ушка довольно заурчала.

Детеныш мчался к ним. Маленький пушистый шар, неуклюжий и стремительный одновременно. Подскочив, он заметался от Санти к матери, прихватывая их острыми клычками.

– Ну! – прикрикнул Санти, отпихивая малыша. – Нашел, да? Что-то нашел? Хочешь показать?

Он поднялся на валун и с него – на спину парды. Детеныш умчался вперед. Мать потрусилась за ним. Живот ее заметно раздулся.

Ехать пришлось недалеко. В двухстах шагах ниже по ручью Санти увидел оползень. Совсем свежий. Над ним образовался земляной карниз, из которого торчали узловатые корни. Ниже, в рыхлой черной земле, зияла дыра.

Детеныш тут же протиснулся в нее и пропал. Санти спрыгнул с парды и заглянул внутрь – темно. Изнутри доносилась шумная возня детеныша, повизгивание. Ушка оттолкнула юношу плечом, несколькими ударами передних лап расширила отверстие. Детеныш выскочил наружу, ткнулся выпачканной в земле головой в живот Санти. Нет, не в земле – в ржавчине. Санти еще раз заглянул в пещеру. Когда глаза его привыкли к темноте, он разглядел уходящий в глубь склона тоннель. Санти влез внутрь и оказался под круглым сводом высотой почти в семь локтей. Пол был гладкий, твердый, с небольшим уклоном в сторону оврага. У входа присыпано землей, но дальше ровно и чисто, как вымыто. Лишь в одном месте поперек тоннеля лежала куча трухи. Санти зачерпнул горсть и повернулся к свету. Ржавчина.

«Вот где ты перепачкался, малыш!» – подумал он.

Санти достал нож и поскреб стенку тоннеля. Материал не поддавался, зато затупился кончик ножа. Ровная, скользкая на ощупь поверхность. Сыну зодчего этот материал был незнаком.

«Надо вернуться сюда со светом!» – подумал Санти, глядя в темную пасть тоннеля.

Юноша вылез наружу. Парда лизнула его присыпанную землей голову и шумно вздохнула.

Санти взобрался в седло и погнал ее вверх по склону. Парда сделала несколько шагов и остановилась. С полным брюхом, да еще с Санти на спине... Нет уж!

– Лентяйка! – сказал юноша и спрыгнул наземь. – Давай! – Он пихнул Ушку в широкий зад.

Парда в отместку стукнула его толстым твердым хвостом. Санти ухватил за шиворот детеныша и стал карабкаться вверх, цепляясь за выпирающие корни.

Когда все трое оказались наверху, Санти вскочил в седло и сдал колени бока парды. Его охватил азарт: съездить в замок, взять светильник, вернуться!..

Но Ушка не склонна была спешить. Все, на что мог рассчитывать Санти, – неторопливая рысь. Не нравится? Можешь идти сам.

Юноша смирился: кто может переупрямить парду, которая только что хорошо поела?

Сгорая от нетерпения, Санти подпрыгивал в высоком седле. И в самом деле впору соскочить и пуститься бегом.

Им понадобилось не меньше сорока минут, чтобы добраться только до озера.

Юкка стояла у берега, и старик-кормчий помахал Санти рукой. Но юноша слишком спешил, чтобы останавливаться, потому лишь махнул в ответ и попытался заставить парду двигаться быстрее. Бесполезно.

Встречавшиеся слуги кланялись ему, а воины прикасались пальцами к шлемам. Санти догадывался, что приветствуют не его, сына Тилода, а покровительство соххогои. Санти понимал, что солдаты абсолютно преданы Владычице. Их плата высока. Очень высока! Но за малейшую провинность тоже взымали высокую плату. Честная сделка. Те, кто десять лет отслужил соххогое, становился владельцем большого поместья и немалого количества золота. Подходящие условия!

Санти выехал на аллею, ведущую к площади перед Дворцом, и все мысли о пещере тотчас вылетели у него из головы.

Построившись четырехугольником, к Дворцу подъезжал отряд Внешней Стражи во главе с самим Сихоном. Внутри четырехугольника шагали четверо.

Первым, гордо откинув голову в широкополой шляпе с драгоценной пряжкой из

берилла, ступал высокий светловолосый воин с длинным мечом на поясе. Шляпа его, камзол, панталоны, туфли с серебряными пряжками – все было ослепительно белого цвета. Прикрытая пышными кружевами рука лежала на рукояти меча. Ножны меча также были белыми. Лишь герб на груди – серебряная чаша под серебряными звездами на фиолетовом фоне – нарушал однообразие цвета. Черты лица воина, узкого, надменного лица, были безукоризненны. Длинные светлые усы спускались ниже линии выбритого подбородка.

Внешность воина настолько поразила Санти, что он лишь мельком взглянул на остальных: здорового беловолосого детину в короткой безрукавке, женщину, с ног до головы закутанную в голубовато-серый шелк, и мальчишку.

Санти подъехал к дворцовой лестнице и глядел, как приближаются солдаты. Четверка гостей держалась настолько уверенно, что воины Сихона не казались конвоем – скорее, эскортом.

Сверху послышался шум, звяканье металла. Санти оглянулся: оттуда, где парадная лестница завершалась вычурной, украшенной золочеными горельефами аркой, выступили воины Внутренней Стражи. За ними, чуть покачиваясь, двигался паланкин с высоким тронem, покоящийся на плечах рабов. Соххогоя, неподвижная, величественная, в парчовом платье, переливающимся огнями самоцветов, в высокой драгоценной тиаре, восседала на троне, положив на колени отяжелевшие от перстней пальцы. Рядом с ней шел слуга, державший большой зонт от солнца на длинной тростниковой ручке. Рабы-носильщики ступили на лестницу. Идущие сзади присели, а передние подняли руки, чтобы паланкин оставался в горизонтальном положении.

Воин в белом замедлил шаг. Поступь его стала не просто уверенной – величественной. Он смотрел на соххогоя. Соххогоя смотрела на него.

В арке дворцовых ворот возник Мугган. Он недовольно посмотрел на приближающийся отряд, потом, перепрыгивая через две ступеньки, сбежал вниз, обогнав паланкин. Вдруг Мугган остановился как вкопанный, и злобная гримаса исказила его лицо. Соххогой выбросил вперед руку.

– У них оружие, хоб! – закричал он на Сихона. – Отнять!

Начальник Внешней Стражи немного помедлил, потом дал знак двум солдатам: спешиться и забрать оружие. Но едва солдаты соскочили с пардов, те, кого они собирались разоружить, уже стояли треугольником (женщина посередине), и арбалет в руках мальчика направлял стрелу точно в лоб соххогоя.

Но Мугган не видел стрелы. Глаза его были устремлены на меч в руках воина. Странное лезвие с неметаллическим блеском, длинное и узкое. Санти не сразу догадался, в чем дело. Потом понял: меч из бивня хармшарка! О таких ему рассказывал отец и показывал кусочки бивня. Сверхтвердое вещество, поддающееся только алмазу. Такие мечи вытачивают годами. Зато лезвия их никогда не тупятся.

Мугган не видел стрелы, зато ее заметил Сихон. Он рывком послал парда влево и заслонил сына Владычицы.

– Не трогать! – раздался со ступеней пронзительный голос соххогой. – Оставь их, Сихон!

Мугган сердито обернулся, но Нассини даже не посмотрела на него. Носильщики достигли конца лестницы. Они перенесли паланкин в тень. Владычица оторвала руку от колена и сделала приглашающий жест.

Воин в белом, спрятав меч, приблизился.

– Кто это? – спросил Санти одного из солдат Внешней Стражи.

– Почему я знаю! – бросил через плечо солдат. – Высадились на берег. Прямо перед воротами. Этот, с усами, объявил: я – светлейший Империи. Желаю, мол, говорить с Хозяйкой. Ну, к Хозяйке мы бы его всяко привели! Но Сихон сказал: ша! И оружие, вишь, им оставил! – Солдат повернул к юноше широкоскулое бронзовое лицо, сунул палец под шлем, почесал голову:

– Бонг-Толстяк ему говорит: «Не дури, командир!» А Сихон послал его к Равахшу. И

прав оказался, язви его в печень!

– Что тут удивительного? – сказал Санти. – Тот – аристократ, и Владычица – тоже. Ровня!

– Ровня? – воин хохотнул, прикрыв рот кулаком. – Ну ты ляпнул, парень! Ровня! Красноглазым! Да им плевать, кто ты! Хоб – и все тут! Ровня! А... – Тут он поймал взгляд Сихона и прикусил язык.

Обладатель драгоценного меча рывком поклонился.

– Светлорожденный Эрд Асенар, сын Дина, владыка Мориты, Аснора и Элэка! – раздельно и четко проговорил он.

– Властительница Нассини! – произнесла соххогоя.

Сын ее плюнул на белоснежные ступени и скрылся во Дворце.

– Ты видела его, Этайа? – спросил вагар.

– Да, Биорк! – произнесла светлорожденная.

Она стояла рядом с маленьким воином, и издали они могли показаться матерью и сыном. Хотя «сыну» перевалило за восемьдесят лет, а сколько лет «матери», ведомо только богам да ей самой.

После того как Биорку пришлось сбрить бороду, он каждое утро соскабливал со щек рыжую поросль, и они уже покрылись загаром настолько, что их можно было не гримировать. В совершенстве копируя мимику и пластику мальчика тринадцати-четырнадцати лет, Биорк стал неузнаваем. Никто из ветеранов Последнего Нашествия в жизни не угадал бы в неловком худеньком отроке своего военного вождя.

Нил, щурясь от яркого света, разглядывал дворец. Непокрытая голова его была вровень с рукоятями мечей окружавших их всадников.

Эрд, прямой, надменный, вперил немигающий взгляд в затворенные ажурные двери над белой широкой лестницей. Верхняя часть лица его была затенена полями шляпы, бледные губы плотно сжаты. Утратив за последние дни ту выхоленность, что была присуща ему прежде, лицо светлорожденного стало еще более красивым, аскетически красивым.

– Совсем еще ребенок, – сказал Биорк.

– Ты поговоришь с ним? – спросила Этайа.

– Если нас примут.

– Примут. Будь помягче с Эрдом, прошу тебя! – добавила она тихо. – Он так уязвим!

Из бокового притвора вышел Сихон. Давя сапогами мокрый песок, он прошел между расступившимися всадниками.

Остановившись в трех локтях от Нила, он протянул руку:

– Твой меч!

– А я? – спросил Биорк тонким голосом.

Сихон глянул на него:

– Подождешь, – и Нилу: – Меч! Давай меч, толстошей! Живо!

Нил посмотрел на Начальника Внешней Стражи так, как пард глядит на глупого пса. Сын вагара был выше на полголовы и в полтора раза тяжелее начальника Внешней Стражи.

– Возьми, – сказал Нил, отстегнул ножны и передал меч Сихону. – Если мне понадобится тебя вздуть, я сделаю это палкой.

– Поговори еще – отведаешь плетей, – буркнул Сихон и сунул оружие одному из всадников. – Ты, сосунок, давай сюда арбалет. Меч можешь оставить – колоть орехи.

Вагар неохотно отдал арбалет.

– Ого! – удивился Сихон, поглядев на него. – Отличная работа!

– Поаккуратней! – заметил Нил. – Он стоит два золотых!

– Верю, – согласился Начальник Стражи. – Вряд ли ты увидишь его еще раз.

– Сопрешь – пожалеешь! – пообещал Нил. Причем таким тоном, что удивил даже Эрда.

Солдаты зашевелились. Сихон удивленно приподнял бровь.

– У тебя зудит спина? – спросил он.

– А ты трусоват, парень! – весело сказал Нил. – И спесив! Интересно, зачем ты взял у меня меч?

– С мечом или без – я нашинковал бы тебя за полминуты, окорок! – презрительно отозвался Сихон. – Заткни свою пасть – или я рассержусь! И тогда...

– Пукнешь? – подсказал Нил. – Прости, светлейшая! – он слегка поклонился Этاية.

– Я сдеру шкуру с твоей задницы и велю сделать ремешки для своих сандалий! – оскалился Начальник Стражи.

– У тебя такой острый язык? – удивился Нил.

Сихон побагровел.

– Хлыст! – велел он, протягивая назад руку.

Ближайший всадник подал ему хлыст, которым направляют парда.

Нил, скрестив руки на груди, насмешливо глядел на воина. Тот медленно отвел руку...

– А ты вспотел, – сочувственно произнес Нил. – Интересно, твоя мать тоже сильно потела, когда...?

Хлыст со свистом рассек воздух... и оказался в руке Нила.

– Так и знал, что ты никудышный боец! – с удовлетворением констатировал великан. Сунув хлыст под воротник куртки, он почесал спину. – Тебе нужна другая профессия. Как насчет погонщика? – И резко взмахнул хлыстом.

Сихон вскрикнул и схватился за шею.

– Нет, – с сожалением произнес Нил. – Ты неуклюж даже для погонщика. Мой пард успеет трижды пописать, пока ты повернешь голову.

Сихон оскалился. Глаза его сузились, а ноздри широко раздувались. Пальцы сжали длинную рукоять меча.

Нил насмешливо улыбался. Он почесал живот, потом принял карикатурную стойку, держа хлыст, как держит меч неопытный рекрут. Он был очень забавен.

«Шут!» – подумал Сихон, мельком взглянув на солдат. Всадники, расширив круг, с нетерпением глазели на них.

«Еще немного – и они начнут биться об заклад!» – недовольно подумал Сихон, снова поглядев на Нила.

Великан наклонил голову, поскреб ногой землю, как делает это бык, когда он сердится. Солдаты заржали.

Сихон убрал руку с меча: «Хорош я буду, набросившись на него с мечом! – подумал он. – А он достаточно ловок, чтобы увернуться! Разруби его теперь хоть на сто частей – а хлыстом по шее я уже получил!»

Сихон не был бы Сихоном, если бы не выкрутился. Он поплевал на ладонь, смочил слюной горящий рубец.

– Болит! – заметил он весело. – Ты ловок, паренек! Хлестнул так быстро, что я даже удивился!

– А как я удивился, когда услышал твой бас, Начальник! – сказал Нил. – Никак не думал, что ты так огорчишься из-за какого-то хлопка! На! – он протянул Сихону хлыст. – Можешь дать мне по заправке, если тебе приятно!

– Пошел к Равахшу! – сказал Сихон, забирая хлыст и передавая хозяину. – Еще испорчу ценную вещь о твою блинную рожу!

Лица солдат разочарованно вытянулись. Они надеялись на развлечение!

– Здесь жарко, – заметил Начальник Внешней Стражи. – Перейдем в тень.

Круг распался. «Гости» и солдаты перебрались под деревья. При этом Этая и Биорк оказались в стороне от основной группы. На них никто не обращал внимания: женщина и мальчишка!

Эрд тоже держался особняком. Зато вокруг Нила собрались все стражники. Великан, размахивая руками и гримасничая, без усталости работал языком. Шуточки так и сыпались из его широкого рта. Лица солдат покраснели от непрерывного хохота. Нельзя сказать, что у воинов были плохо подвешены языки, но Нил был куда проворней. И вот она, его жизнь, как

на ладони! Был рыночным борцом в Глориане. Надоело мять чужие бока, захотелось поболтаться по свету. Да так, чтоб брюхо было набито. Вот он и пошел в телохранители к благородному (тут великан понизил голос и оглянулся). Конг ему по душе. Особенно бабы. Он пространно и с чувством принялся дегустировать воспоминания. Солдаты вставляли реплики, говорящие о том, что они хорошо знакомы с предметом. Ясно, что Нил врет. Но как врет! Заслушаешься!

– Эй! – сказал один из солдат. – А осталась в Фаранге хоть одна телка, которую ты не затражал до смерти? А то я как раз собираюсь туда. Осталось кое-что для меня?

– А как же! – отозвался Нил и хлопнул его по спине. – Одна осталась. Специально для тебя! Только она без головы. Зато все остальное на месте! Два дня назад туда упала кровать Наместника. Целый десяток искал – не нашли. Еле сами выбрались!

Большая часть воинов сохгогои была неконгайской крови. Когда тебя так «любят» в твоей стране, лучше иметь наемников откуда-нибудь подальше. А желающие всегда есть – были бы деньги.

Нил поинтересовался, сколько зашибает здесь стражник. Вероятно, неплохо?

Ему сказали сколько. Сихон сказал. Нил свистнул.

– Это ты – командир? – спросил он.

– Нет, это он, – показал Сихон на первого попавшегося воина.

– Хо-хо! – почти шепотом сказал Нил. – Хочу!

Он схватил за руку Начальника Внешней Стражи, да так, что тот поморщился и попытался отнять руку. Не тут-то было!

– Начальник! О! Замолви за меня словечко! А, начальник! Не пожалеешь, клянусь брюхом Тура!

– А что умеешь? – в свою очередь спросил Сихон, выдрав наконец руку из Ниловых лап.

– Сила есть! – гордо сказал Нил.

– Это-то я вижу! – улыбнулся Сихон. – Умеешь что?

– Мечом работаю! Дай – покажу!

– Успеешь. Стреляешь как?

– Так себе! – огорченно признался великан. Но лицо его враз посветлело. – Ножи метая! – вскричал он. – Давай, давай – сделаю!

Прежде чем Сихон успел вмешаться, кто-то из солдат уже протягивал великану тяжелый метательный нож.

Нил плюнул на ладонь, примерился – и вогнал нож за тридцать шагов в ствол чинары. Почти на четверть локтя вогнал. Воины зацокали языками: отменный бросок.

– А поборю любого! – гордо сказал Нил. – Кто желает?

Никто не желал. Воины были не малыши, но Нил производил впечатление.

Не найдя соперника, Нил на спор согнул и разогнул серебряный тенг. Потом поднял на плечах здорового парда. Пард был страшно недоволен и едва не тяпнул его за руку. Шутки ради Нил предложил желающим стукнуть его по животу. Никто не отказался. Потом все сыграли в «орешек» – кто больше раз подбросит орех лезвием меча. Нил проиграл почти всем, и от этого отношения его со стражниками стали еще теплее.

Прибежал посланник из замка и сообщил, что Владычица велит вести задержанных в тронный зал.

Солдаты были огорчены. Они, честно признаться, забыли о том, откуда взялся Нил. А уж об остальных троих – и подавно.

Сихон тихо спросил Нила, что скажет хозяин, если великан решит его покинуть.

– Чихать! – сказал Нил. – Разве мы в Империи? Разве светлорожденный тут главнее тебя? Пусть возражает – кто его спросит?

– Решает Владычица, – заметил Сихон. – Но... и от меня кое-что зависит.

– Это я сразу понял, командир! – воскликнул Нил. – Ты не думай, что я бросаю светлорожденного потому, что вы нас сцапали. Но прикинь, командир, – вы ж имеете в пять

раз больше!

– Точно так, парень,– согласился Сихон, у которого две ночи назад «освободилось» место стражника.– Я поговорю.

И скомандовал своим, чтобы построились как положено и вели четверку во Дворец.

Привалившись к теплому боку парды, Санти наблюдал за вновь прибывшими. Парда дремала, свесив голову и закрыв коричневые глаза. Детеныш болтался где-то поблизости.

Из всех четверых больше всего Санти понравился Эрд. Как красив, как держится! Не то что его плосколицый слуга. Санти не видел эпизода с хлыстом, потому что в тот момент воины заслонили от него участников. Зато он очень хорошо разглядел, как великан развлекает стражников.

«Будь я таким здоровым,– подумал Санти,– никогда бы не унижался перед теми, кто сильнее».

Ненадолго его взгляд задержался на Этайе. Что-то смутное шевельнулось у юноши внутри, но фигура закутанной в шелк женщины была не слишком занимательной. Еще меньше заинтересовал его Биорк.

А вот гордый воин, не показавший страха, не отдавший оружия... Пока плосколицый лебезил и выдрючивался, светлорожденный спокойно стоял, опершись спиной на древесный ствол, и глядел вперед, прямо перед собой, надменный и неуязвимый.

«Вот – вождь!» – восхищенно подумал Санти.

Тронный зал Дворца соххогои Нассини подавлял величием. Высота его свода была почти двадцать локтей. Никаких фресок-сюжетов, ничего от привычной стенной росписи. Линии, пятна, многоугольники. Чудовищная игра цветных теней. Лабиринт для глаза. Искусство, которое ум не в состоянии понять, а чувство не в силах принять. Черные, залитые блестящим лаком, зеркально гладкие створки высоких дверей затворились за вошедшими.

Огромный, как горная пещера, зал был пуст. Ни мебели, ни статуй, ни растений в вазах. Могучие, сужающиеся наверху четырехугольные колонны. А посреди зала – огромная, как он сам, четырехугольная пирамида с маленькой срезанной вершиной. Там, наверху, крохотный в сравнении с чудовищным постаментом, сиял в узком столбе света трон.

И соххогая Нассини была там, вознесенная под самый потолок, на высоту нескольких десятков локтей. И трон ее, пылающий золотом, подобен был храму на вершине горы.

Еще один поток света, косо направленный системой зеркал, обливал вишневого цвета самосветящийся ковер, которым были устланы ступени.

С такого расстояния сидящая фигура Властительницы казалась крохотной. Будто звезда, сияла на ее голове драгоценная тиара.

Туфли Эрда гулко ударяли в зеркально полированный камень, пока он шел между белых и розовых расширяющихся книзу колонн, увитых цепкими змеями лиан, вырезанных из зеленого, как леса Хольда, переливчатого камня. Звук уходил ввысь, дробился и умножался титаническим сводом. С поднебесной высоты постамента Эрд Асенар был всего лишь крохотной белой фигуркой, медленно ползущей по гладкой поверхности мозаичного пола. Спутники же его казались куколками, обведенными металлической стеночкой стражи.

Густо набеленное лицо соххогои, с вычерненными веками, с алой полоской рта, хранило каменную неподвижность Власти. Но внутренне она смеялась. Сотни лет эти «светлорожденные» дети Осквернителя противились естественной власти ее предков. Противились, пока не были выброшены прочь. А теперь один из них, один из порожденных Врагом, сам пришел к ней, сам отдал себя в руки дочери Истинного Создателя. Вот он, представший: податливый, как тело речного моллюска, лишнее скорлупы. Пришел, чтобы она подцепила его двузубой вилкой, окунула в красный соус из только что сцеженной крови и раздавила языком, прижав к горящему нёбу.

Она не сделает так! Волна гордости будто подняла ее над троном. Она, соххогая Нассини, не поступит так, как поступил бы отошедший супруг ее, Спардух. Она,

искуснейшая из детей Истинного Создателя, сотворит воистину прекрасное!

Эрд пересек зал и вступил на черный пятиугольник в десяти локтях от первой ступени подножья.

– Остановись, северянин! – грянул над ним голос Нассини.

Эрд замер, глядя вверх и пытаясь сообразить, какой магией достигнута такая мощь звука.

– Приветствие тебе, соххогоя! – рявкнул он в полный голос. А сила голоса светлорожденного была такова, что перекрывала звук боевой флейты.

Когда утихло эхо под высокими сводами, рядом с Эрдом возник Мугган.

– Не ори, хоб! – бросил он презрительно. – Тебя услышат, даже если ты не будешь драть глотку!

Расставив тощие ноги, соххогой с вызовом глядел на светлорожденного.

Эрд посмотрел на Муггана и ничего не сказал. Лишь погладил рукоять меча. Лицо Муггана исказила злоба. Он открыл рот, но раздавшийся сверху голос матери заглушил его:

– Приветствие и тебе, северянин! Ты пришел в мой замок без должного приношения. Что привело тебя в мою власть?

– Власть, власть, власть... – отразили своды.

– Не трусь, хоб, говори! – засмеялся Мугган. – Язык у тебя пока есть!

Эрд сошел с пятиугольника. Медленно, медленно, почти осязая спиной острия следящих за ним стрел, он начал подниматься по вырезанным в постаменте ступеням.

Владычица хранила молчание, и стражники не решались остановить светлорожденного. Эрд благополучно достиг вершины – площадки, на которой стоял трон соххогой. Он остановился, и глаза его встретились с глазами Нассини.

– Ты гордец, северянин! – прошептала она.

– Как и ты! – ответил Эрд.

– Я могу убить тебя, северянин! – заметила соххогоя.

Трон ее стоял на возвышении в центре площадки, и ее голова была на три локтя выше головы Эрда.

– Я тоже могу убить тебя, соххогоя! – ответил он. – Но в этом нет чести.

– Ты предлагаешь что-то, чтобы убить скуку? – неожиданно для себя соххогоя применила «формулу равных».

– Может быть.

– Ты не выказываешь страха, северянин.

– Лишь то, что делаю я сам, может испугать меня.

– И часто ты делаешь это, северянин? – заинтересовалась Нассини.

– Не называй меня «северянин». Мой титул – светлейший.

Нассини кивнула.

– Тебе не мешают волосы вокруг рта? – спросила она.

Эрд невольно потрогал усы:

– Нет.

– Ты мне по вкусу! – напрямик заявила Нассини. – Но мой сын Мугган, он захочет тебя убить. Я не могу ему помешать.

– Не верю, – сказал Эрд. – Ты – госпожа.

– Для слуг. Если он захочет убить тебя собственноручно, я... не в силах ему помешать. Он... своеволен. И он – великий боец. Как все мы.

– Я тоже не вчера взял меч, – заметил Эрд. – Ты хочешь, чтобы я убил его?

– Опасаюсь, что ты умрешь прежде, чем твое общество мне наскучит. Что значит для тебя твое оружие?

– Знак рода! – сказал светлорожденный. – У меня нет наследника. Если я умру, меч достанется убийце, – Эрд пожал широкими плечами. – Но меня нелегко убить. Предостереги своего сына.

– Сделай это сам!

Эрд подошел к ничем не огражденному краю помоста.

– Если я сейчас прыгну вниз? – спросил он.

– Это не доставит мне радости! – отрезала Нассини.

– Хочу больше узнать о тебе! – с достоинством произнес Эрд.

Было в этой некрасивой женщине нечто, затронувшее сердце воина. Нечто, пронизанное остротой новизны. Вызов.

– Ты не похожа на тех, о ком я слышал.

– Истинный привел тебя ко мне! – Нассини не сводила с Эрда крапчатых глаз. – Мы порадуем друг друга!

– Думаю, что так.

Нассини тоже уловила вызов. Вызов тому, что она полагала Искусством. И она уже предвкушала игру, которую подарит ей этот северянин.

– Вас примут достойно, – сказала Властительница. – Но не забудь о моем сыне!

– Не забуду.

– Иди!

Эрд помедлил, потом подошел к ней ближе, поднялся к трону, взял вялую руку в белой перчатке и поднес к губам.

Соххогия не препятствовала ему, но и не выказывала одобрения. Эрд ненадолго задержал в руке ее кисть, разглядывая перстни.

– Хорошая работа, – наконец сказал он, опустил ее руку на подлокотник и спустился вниз так же неторопливо, как и поднялся.

Муггана в зале уже не было. И не было стражи вокруг троих спутников светлорожденного. Каждое слово Эрда и Нассини было слышно тем, кто находился в зале, а слуги привыкли угадывать желания своей госпожи.

Лишь один воин стоял около трех спутников Эрда. Огромный, ростом почти не уступающий Нилу, в отороченной бахромой кольчуге и высоком шлеме с пышным зеленым султаном. Забрало шлема было опущено. Из прорезей внимательно глядели синие глаза. Подбородок воина более всего напоминал носок сапога.

– Мое имя Ортран, светлейший! – произнес он по-хольдски, обращаясь к Эрду.

Эрд качнул головой в знак приветствия.

– Кто ты? – спросил он.

– Слуга Владычицы.

– Ты – из Империи?

– Здесь это не имеет значения, светлейший, – сухо проговорил воин. – Тебе дарована милость, светлейший. Я укажу вам ваши жилища. И укажу, что надлежит делать, а чего делать не следует.

– Я привык сам это решать! – отрезал Эрд.

– Твоя свобода не будет ущемлена, светлейший, – терпеливо сказал воин. – Тебе даровали милость. Не злоупотребляй.

– Подними забрало, парень, когда говоришь с моим господином! – вдруг вмешался Нил.

Ортран с удивлением посмотрел на гиганта. Потом глухо рассмеялся и открыл лицо.

– Ты прав, воин! – сказал он Нилу. – Это невежливо.

– Каков твой ранг? – спросил Эрд.

Ему было неприятно, что рожденный в Империи служит соххогиям.

– Начальник Внутренней Стражи, – ответил Ортран. – Я подчиняюсь Владычице. Больше – никому.

– А каков все же был твой титул в Империи? – снова спросил Эрд.

– Скажу, чтобы ты не подумал: я скрываю! – ответил воин. – Дома меня титуловали «благородный Ортран, сын Гауда».

Эрд кивнул. Сам он не назвался, как следовало бы по правилам этикета. Впрочем, Ортран наверняка уже слышал его имя. Повернувшись, Эрд направился к дверям,

предоставив остальным следовать за собой. Ортран шел последним. Да, он знал, как зовут аристократа. И более того, знал, как близко от трона стоит род Асенаров. Взгляд Ортрана привлекли ножны меча Эрда. Они были слишком узкими для боевого клинка из стали.

«Неужели? – подумал хольдец. – Неужели это Белый меч?»

VII

«Светлорожденный Дин Асенар стоял у походного шатра и с высоты двухсот локтей озирал поросшую сухой рыжей травой долину, с трех сторон сдавленную каменными осыпями.

Четыре сотни гвардейцев – золоченые шлемы с султанами, овальные щиты, тяжелые боевые секиры на плечах, расширенных крыльями кирас, – окружали шатер Дина, поднятый над землей легким деревянным помостом.

На сотню локтей ниже каре гвардейцев располагалась собственно армия Империи: всадники на мощных пардах, чьи груди защищены кольчугами так же, как тела их наездников. Эти пойдут последними, или, не допусти этого Тур, если разорвется цепь рослых светлокотных мечников Хольда.

По краям боковых осыпей, сузивших долину вдесятеро против ее длины, то тут, то там серели плащи вагаров-арбалетчиков. Над вагарами, на высоте, почти равной той, на которой стоял шатер Дина, – легкие горные баллисты. Светлорожденный не возлагал на них особой надежды, но десяток-другой начиненных огненным зельем снарядов они выпустят.

Справа от Дина на высокой, совершенно отвесной черной скале с раздвоенной вершиной серым неподвижным изваянием застыл Повелитель Камней, рунский маг. Трое учеников его, скрестив ноги, сидели подле учителя. Издали казалось, что они прилипли к скале, но на самом деле опорой им служили небольшие выступы над пустотой в сотню локтей.

Слева от светлорожденного, на каменном холме, напоминающем стенную башню, белел шатер военного вождя вагаров. Как и сам Дин, туринг стоял снаружи и глядел вниз на пустынное каменистое пространство узкой долины.

Вагар-сигнальщик рядом с ним был на полголовы ниже своего вождя. Для жителя пещер туринг был очень высок. Поговаривали даже, что он женат на обычной женищине, так как счел своих соплеменниц слишком крохотными. Впрочем, даже великан среди вагаров едва доходил макушкой до груди хольдского латника. Не в росте была сила туринга. Дин Асенар был предводителем объединенной армии. Туринг – ее мозгом, лучшим из стратегов Севера, чье слово было непререкаемо во времена прежнего императора. Нынешний, менее склонный к битвам, ценил вагара не столь высоко. Но зато его почитал сам Дин, знавший, что ум туринга даст им победу верней, чем его собственный. В этом нет ущемления чести. Наоборот, признающий чужой талант – возвышается. Он, Дин, может в любую минуту взять командование на себя. Но в этом наверняка не будет нужды.

Зато маг, Повелитель Камней, здесь не для битвы. Он – наблюдатель. И вмешается, лишь ощутив руку Алчущих Силы.

Вагар-сигнальщик замигал зеркалами в двух направлениях: к Дину и к вождю хольдцев.

Светлорожденный перевел взгляд на дальний конец долины: на осыпи пока пусто. Враг еще не достиг гребня. Дин, тем не менее, велел поднять зеленый вымпел: одобрено. Впрочем, хольдский вождь

не стал дожидаться подтверждения – его лучники, ловко удерживая равновесие на сыпучих камнях, уже бежали к боевым точкам. Вождь латников Хольда, родственник Дина Асенара по материнской линии Русов, поднял сжатый кулак. Дин не мог разглядеть его лица, но мог поклясться, что тот смеется. Его троюродный брат любил битву. Вот он перешел во второй ряд, и шеренга закованных в черную сталь великанов со свисающими с длинных шестов игольчатыми смертоносными шарами сомкнулась за его спиной.

Время туринг определил точно: столб белого дыма уже поднялся на юге, там, где дожидалась укрытая за скалистыми стенами фиорда эскадра. Ее разведчики заметили врага и подали сигнал: идут. Гвардейцы задвигались, заговорили, показывая друг другу на дым. Им, скорее всего, не придется принимать участия в битве. Дин очень надеялся, что не придется. Хотя, если бы не долг вождя, он и сам с удовольствием поработал бы мечом.

Повелитель Камней поднял правую руку: идут.

На западной осыпи, куда были прикованы взгляды всех, все еще было пусто. Но вот на гребне ее что-то зашевелилось, застучали, скатываясь вниз, камни. Враг перевалил через гребень.

Сначала первые отдельные маленькие фигурки запрыгали по ней вниз. А потом и вся шевелящаяся, гудящая, как морской прибой, масса магхаров серой лавой поползла вниз. Передовые уже достигли середины долины, а последние все еще перетекали через гребень. Только тогда, когда первые, проворные, хищные, оказались в четверти мили от прятавшихся за камнями стрелков, поток начал редеть.

Вагар-сигнальщик подал знак, и скрытые до времени воины отрезали отставших, перекрыв западный гребень. И сразу же загрохотали баллисты. Начиненные огненным зельем снаряды упали в самую гущу магхаров и взорвались, взметнув столбы пламени. Долина огласилась пронзительными воплями. Битва началась».

Готар Глорианский. История рода Асенаров

Нассини с наслаждением погрузилась в розовую от благовонных масел воду. Морщинки на ее высоком бледном лбу разгладились. Удобное плавучее ложе ритмично покачивалось на волне, которую гнали три толстые конгайки, раз за разом приседающие и поднимающиеся у дальнего бортика купальни. Лепестки цветов плавали у губ соххогои. Нассини тихонько запела колыбельную, ту, что запомнила, услышав еще в детстве от кормилицы.

Куполообразный потолок купальни венчал фонарь, собранный из прозрачных плоских кристаллов, обрамленных в серебро. Кристаллы эти легко пропускали свет – воздух купальни был пронизан золотистыми лучами. Но при этом прозрачные камни обладали особым свойством: если смотреть через такой кристалл, ясные очертания вещей дробятся, множатся, явное делается таинственным тем больше, чем дальше от кристалла находится предмет. Потому сейчас Нассини были совершенно отчетливо видны лица тех, кому было дозволено на сей раз наблюдать за ее омовением. Лица, изнуренные неутоленным сладострастием.

«Что они видят?» – подумала Нассини и поскребла острыми ногтями заросший толстым волосом низ живота. От запаха благовоний кружилась голова. Нассини почему-то вспомнила свою первую близость с покойным мужем, Спардухом. Вульгарным громогласным вислобрюхим Спардухом. И в тот, первый, раз он был вульгарен: каждый раз, когда доверенный слуга по дыханию господина угадывал приближение оргазма, то подавал знак мечнику, и густой фонтан горячей крови обдавал новобрачных.

Вульгарен был Спардух, но не слаб: пять юных девственниц ушли в Великое Ничто. Тела их стали украшением свадебного пира, а головы, высушенные надлежащим образом,

чтоб уменьшиться в размерах до величины мужского кулака, были подарены Спардухом жене. Ожерелье из них до сих пор валяется где-то в покоях Нассини: крохотные головки с длиннющими хвостами темных и светлых волос.

Пятеро девственниц – нелегкое испытание для невинности. Если бы она у Нассини была. Соххогая вытянула ногу и пошевелила пальцами: как красива ее бледная холодная кожа! Особенно если знаешь, что под ней – алая горячая плоть.

Вульгарен был Спардух. И однообразен. Вспарывать животы рабыням и удовлетворять в дымящихся ранах скотскую похоть. Или оскотить раба и, заляпавшись с ног до головы кровью и испражнениями, под омерзительный вой жрать его гениталии. Естественно. И отвратительно. Не такова Нассини. Благосклонный к ней Истинный Создатель дал ей талант и власть над желаниями. И вот теперь Благосклонный вновь выразил себя: вместо одного необычайного прислал ей пятерых. Подобное – к подобному. Может, это еще не все? Сердце соххогой сжалось: кого еще приведет к ней Истинный? О! Он знает, что в ее руках даже хоб перестает быть хобом. И Он уже подарил ей жизнь соххогая. Истинного. Но, может статься, и высший из Истинных будет дарован ей? Нассини подумала о покоях, что есть в замке каждого из Владык, покоях, что предназначены для Величайшего... и тихонько застонала от предвкушения...

Появление Муггана прервало сладкое течение мыслей соххогой. Стремительным шагом сын пересек купальню и остановился у бортика прямо над Нассини.

– Я не звала тебя! – недовольно проговорила она. – Удались!

Мугган ничего не ответил. Расставив длинные ноги в гурамских шароварах из алого шелка («Самое дурное перенимает быстрее всего», – подумала соххогая), Мугган глядел на нее. Нассини вытянулась в прохладной воде, развела и свела ноги. Вода приятно шевелила волосы.

– Ты обеспокоен? – спросила она, закрывая глаза.

Молчание. А потом она услышала шорох ткани. Соххогая открыла глаза: Мугган срывал с себя шаровары. Он торопился, будто кто-то мог ему помешать.

Нассини вздохнула и вновь закрыла глаза, а Мугган неуклюже плюхнулся в бассейн.

– Дурак! – сказала ему Нассини. – Ты не получишь ничего.

– Все, все получу! – зарычал сын, хватая ее за груди. Тощие ноги его вспенивали ароматную воду. Нассини снова вздохнула: ей было скучно. Она расслабила тело. Давно, очень давно ее научили делать боль приятной. Свою и чужую. Так воспитывали детей Истинного. Но есть боль – и боль. Скучно!

Тело Муггана дергалось на ней. Крючья пальцев впились в нежные ягодицы. Розовая вода бурлила между животами. Как он не понимает, что Нассини всегда будет сильнее?

– Ты не устал? – спросила она заботливо.

Мугган только засопел в ответ. Несомненно, услышал.

«Скоро ему надоест», – решила соххогая.

– Ты не мог бы подождать час-другой? – вновь спросила она спустя некоторое время. – Я недавно поела, а ты беспокоишь мой желудок своей... возней.

Движения Муггана замедлились.

«Интересно, что видят эти?» – подумала Нассини, глядя на лица за фонарем.

Но сын обладал способностью обескровить даже малое удовольствие.

«Скучно. Когда же он уберется?»

– Ты похож на годовалого пса, что пихает всюду, куда может дотянуться, – проговорила она. – Они со временем умнеют...

Мугган зашипел... И оставил ее в покое.

Нассини посмотрела, как он, ругаясь, выбирается из бассейна, стаскивает мокрую рубаху. Сочувственно посмотрела. Все же она была привязана к нему. И этим отличалась от других потомков Истинного.

Толстые конгайки продолжали приседать и вставать. Ложе Нассини приятно покачивалось.

Нассини вспомнила о наглom хобе из Империи. Чем-то он напоминал ей сына. «Тоже, наверное, пытается схватить все, чего хочет. Или – что его дразнит. Забавно, что было время, когда мы, дети Истинного, были вынуждены прятать что-то от этих червячков. Впрямь забавно!...»

Нассини задремала, и служанка, заметившая это, велела рабу прибавить в бассейн горячей воды.

Мугган, бледный от ярости, с налившимися кровью глазами, не разбирая дороги, мчался по дворцовым галереям. Встречные поспешно убирались с его пути. Пробежав добрую половину Дворца, Мугган отшвырнул в сторону недостаточно расторопного стражника, с налета распахнул дверь... и стукнулся подбородком о чью-то широкую грудь. Мугган настолько привык к тому, что все стражники убиваются с его пути, что не рассердился, а удивился. Даже гнев его несколько угас. Он поднял глаза: Начальник Внутренней Стражи Ортран возвышался над ним.

– Ты спятил? – глядя на воина снизу вверх, воскликнул Мугган.

– Прости меня, господин! – сказал Ортран, и не думая посторониться. – Хочу сообщить тебе нечто важное!

Соххогой уставился на Ортрана, как бык на красную тряпку. Но постепенно взгляд его смягчился. Интересная мысль пришла ему в голову.

«Если я переманю вернейшего из слуг суки?» – подумал он.

– Говори, хоб! – сказал он с наибольшим дружелюбием, на которое был способен.

– Ты видел меч, господин?

– Еще бы! – Мугган сразу понял, о чем речь.

– Я знаю того, кто его носит!

– Это все, что ты желаешь мне сказать? – процедил соххогой.

– Пока все, господин. Если тебе угодно...

– Кто он такой, я сам знаю! – перебил его Мугган. – Он – хоб! Прочь!

И, оттолкнув воина в сторону, быстро пошел по коридору. Мугган был разочарован.

Ортран тоже был разочарован.

«Зря я обратился к этому красноглазому придурку, – подумал он. – У моего парда и то больше мозгов!»

* * *

Злая судьба забросила светлорожденного Ортрана на Черную Твердь.

Свою службу императору Ортран начал совсем неплохо, юношей отлично показал себя на северных рубежах, блестяще сдал экзамены в Глорианскую военную школу и окончил ее в положенный срок. После этого благородный Ортран, как и подобало ему по происхождению, должен был занять соответствующую рангу должность.

Но, когда до назначения оставалось лишь два дня, он по совершенно пустяковой причине ухитрился повздорить с сыном Начальника Гвардии, Джосана, светлейшего. Причина могла показаться пустяковой, но оба нашли в ней ущемление чести. Клинки были обнажены, и Ортран убил сына Начальника Гвардии.

Дуэли в Империи не запрещены. И эта смерть даже не испортила бы молодому офицеру карьеры: у Джосана при Дворе хватало недругов, чтобы Начальник Гвардии поостерегся мстить за смерть одного из своих сыновей. Но была одна маленькая деталь, которая сразу поставила Ортрана в положение преступника. У него не было свидетелей. Собственно, ни он, ни его противник не собирались убивать друг друга. Больше того, каждый считал себя достаточно умелым фехтовальщиком, чтобы проучить обидчика и не пострадать самому. Оба оказались слишком умелыми. Никто из тех, кто знал Ортрана, не усомнился бы в том, что это была дуэль. Но по закону он был убийцей и должен был умереть.

Первый отплывающий корабль оказался конгским торговцем. На его палубе Ортран был в безопасности: территория Конга. Если только сам капитан не захочет его выдать.

Капитан не захотел. У него были виды на молодого воина.

Подготовленный в Глориане офицер не останется без работы. На землях Мира довольно правителей, опасających своих подданных. Но кое-кто из правителей платил значительно больше остальных. Умник капитан тотчас смекнул, что за Ортрана можно получить очень приличные комиссионные. Когда корабль пришел в Фаранг, капитан через своего приятеля-чиновника отыскал вербовщика соххогоев, и Ортрану была предложена должность с оплатой, намного превосходившей его претензии.

«И это еще не предел,— намекнул вербовщик.— Для подготовленного в Глорианской военной школе офицера Владение — лучшее из мест. Там ценят настоящих командиров».

Капитан получил свои комиссионные, а Ортран стал воином Владыки Спардуха. Но вечером того же дня, когда Ортран прибыл во Владение, Владыка Спардух загадочным образом скончался. Впрочем, тех часов, что он пробыл во Владении, вполне хватило Ортрану, чтобы понять — здесь ему не место.

Он знал, что расторгнуть договор будет нелегко. И знал, что может поплатиться жизнью за это желание. Но он предстал перед Нассини и сообщил вдове, что отказывается от службы.

Нассини не рассердилась.

— Понимаю тебя, воин! — сказала женщина мягко.— Мой муж был кровожадным и вульгарным человеком. Я его не выбирала (это была правда — она выбирала Владение). Но он был моим мужем, хозяином — и я смирялась. Теперь, слава Истинному, он принял Вечность, и я, соххогая Нассини, стала Владычицей.

Нассини сообщила, что надеется переменить здешние порядки. Если кто-нибудь сумеет защитить ее от посягательств младшего брата Спардуха. Если Ортран выручит ее, то с этой минуты он — Начальник Внутренней Стражи, и жалование его увеличивается в пять раз.

— Я помогу,— подумав, сказал Ортран.

Когда он объявил волю соххогой воинам, возразил лишь прежний Начальник Внутренней Стражи. Но его никто не поддержал, а когда тот схватился за меч, Сихон, Начальник Внешней Стражи, дал знак арбалетчику — и с оппозицией было покончено. А потом Сихон, хитроумный Сихон, отвел северянина в сторону.

— Я — твой друг,— сказал он,— если ты не будешь лезть в мои дела!

— Если они не окажутся моими! — ответил Ортран осторожно.

— Мы договоримся! — сказал Начальник Внешней Стражи, и два воина соединили мечи.

Когда через четыре дня весть о смерти Спардуха достигла ушей младшего брата, тот немедленно примчался вступать в наследные права. К немалому удивлению соххогой, вместо подобострастных поклонов его встретили железные щиты стражей.

Выехавший вперед воин в двух словах объяснил ему его положение и посоветовал убираться прочь.

Шокированный подобным обращением со стороны хоба, соххогой взялся за меч. В искусстве владения оружием соххогой не знали равных, и поединок один на один, вероятно, кончился бы смертью Ортрана, но северянин не собирался испытывать Судьбу. Его пард прынул в сторону, и соххогой увидел ряд нацеленных на него арбалетов.

Родич Нассини посмотрел на шеренги воинов перед воротами Владения, потом на кучку своих телохранителей и с проклятиями убрался восво-яси.

Младший сын и младший наследник, он имел в сорок раз меньший доход, чем его покойный брат. Довольно, чтобы жить, но недостаточно, чтобы воевать с хозяйкой большого Владения.

Обойденный наследник обратился к Великому Ангану. Великий Анган его не поддержал; к слову сказать, жалоба его до Великого Ангана и не дошла. Он пожаловался родичам: те сочли ситуацию интересной, вполне достойной деяний детей Истинного. Может быть, они просто не хотели начинать склоку между Властителями? Ситуация в Конге и без того была щекотливой.

Так соххогая Нассини, жена Спардуха из Ветви Гордых, стала независимой

Владычицей.

И когда сын ее, Мугган, достиг совершеннолетия, он так и остался ее сыном. Не более. Что же касается Ортрана, то несколько ночей спустя после визита отвергнутого наследника с ним произошло некое событие, привязавшее его к Нассини крепче, чем золото. А следующей ночью то же произошло и с хитроумным Сихоном. На сей раз Начальник Внешней Стражи перехитрил сам себя.

Светлорожденный Ортран не мог знать Эрда. Тот был еще слишком молод, когда Ортран вынужден был покинуть Империю. Но зато Ортран знал Дина Асенара. И знал, что наследник Дина унаследует и родовой меч Асенаров. А кто же в армии императора не знал о Белом Мече Асенаров?

И если для Нассини имперские титулы не значили ровно ничего, то для Ортрана появление светлейшего Империи, да еще Асенара, да еще с Белым Мечом – было почище, чем землетрясение! Шок, подобный тому, что испытал бы охотник на ящериц, обнаружив в своей ловчей петле дракона.

А затем пришла весть из Фаранга, и Ортран решил, что понял происходящее.

Империя снова точит зубы на Конг. Но императору нужен повод, чтобы уговорить Совет Сословий. Времена Вэрда Смелого, когда государь единолично решал дела войны и мира, канули безвозвратно. А убийство настоящего Асенара – отличный повод. Даже для торгашей в Совете. Будет ли армия Конга по-настоящему защищать красноглазых? Если нет – тогда Владения начнут падать, как спелые фрукты. Блестящие гвардии слишком малы, а замки не приспособлены к войне. То, что годится, чтобы удерживать от побега рабов, через час развалится под ударами армейских таранов. Как грамотный военачальник Ортран прекрасно это понимал. И понимал, что Империя сильнее Конга.

На независимость Конга Ортрану плевать. Но – Нассини... Вдруг ее убьют?

От этой мысли у Ортрана заledenело сердце. С той давней ночи одна лишь Нассини составляла смысл его жизни. Он должен ее спасти!

Неплохо знавший свою Владычицу Ортран понимал, что не стоит делиться с ней своими мыслями. А с кем сто́ит? Мугган – дурак. Сихон – хитер, как черный леопард, и мог бы помочь. Но скорее он подставит самого Ортрана, чтобы Властительница лишний раз одарила его блаженством. Значит, помощи ждать неоткуда. А положение светлейшего таково, что Нассини вот-вот подцепит его на крючок, а там, глядишь, – сделает из него еще один экспонат в своей коллекции. От этой мысли у Ортрана в животе стало холодно: никто из них не гарантирован от того, что Нассини может счесть его бесполезным или неинтересным.

«Нет, пока я ей нужен!» – успокоил себя Ортран.

А тут еще этот тонконогий ублюдок Мугган явно зарится на Белый Меч. Дурак! Весь род Асенаров придет сюда только за этим Мечом! А род Асенаров – это Северная и Южная эскадры, четверть армии... Все под их началом. Да что Асенары! За таким призом придет вся армия! Белый Меч! Нет, не глупая голова послала сюда Эрда. И понятно, почему он так ведет себя, этот аристократ. Он пришел сюда, чтобы его убили. Добровольная жертва. Дело чести. Удивительно, как эта простая истина не дошла до сознания чинуш. А может, как раз и дошла? Он же разворошил полгорода, прикончил Шинона Отважного (славный был человек, порядочный, жаль его!) и попросту удрал. А как удержишь человека, который сам нарывается на меч? В клетку посадишь? А ведь не просто удрал – явился во Владение самой сумасшедшей из красноглазых (по крайней мере, такой считают ее родичи) и ведет себя здесь, будто хозяин. Любой из соххогоев, будь он не совсем идиот, живо сообразил бы: что-то не так. Любой, кроме Нассини.

«Великий Тур, помоги мне! – взмолился Ортран. – Убери его отсюда!»

* * *

Со времени той, первой, встречи Санти лишь однажды видел Эрда. Весь в белом,

словно окруженный сиянием, светлорожденный величественно пересекал площадь. Одна рука его лежала на эфесе меча, другая лишь немного покачивалась, хотя двигался Эрд быстрым шагом. Рядом с ним, вернее, немного позади, спешила сама Владычица. Она оставила носилки – их несли следом. Владычица заглядывала сбоку в лицо Эрда, а чугунномордые телохранители, потя, топали позади. Они тоже смотрели на Эрда. Эрд же смотрел вперед. У лестницы он остановился, подал руку соххогое. Бок о бок они поднялись наверх и вошли во Дворец. Воины повернулись и побрели обратно: они были солдатами Внешней Стражи.

Санги готов был расплакаться оттого, что не смеет пойти за светлорожденным. Да, ему можно ходить куда вздумается. Но Санги не смел. Эрд казался ему прекрасным, как сам бог, прекрасным, как статуи в доме Шинона. Но Эрд был живым.

«Может, он – воплощение бога? – подумал Санги, и сердце его забилося сильнее. – Если так, понятно, почему все преклоняются перед ним. Даже Владычица».

Тут Санги принял решение: он должен пообщаться с парнишкой, который приехал вместе с светлорожденным. Может, мальчишка поможет Санги познакомиться со своим хозяином? Жаль, у юноши нет ситры: он бы спел для Эрда. И тут Санги испугался: а кто он, собственно, такой, уличный певец Санги? Что, если его песни никуда не годятся в сравнении с песнями северян? Толстый Билб, что учил его нотному письму, говорил: лишь в Империи настоящее Искусство. Может, и к лучшему, что нет ситры?

Санги прислушался к себе: «Нет, здесь я определенно стал другим. В Фаранге, стоило мне не петь всего лишь день, – и грудь моя переполнялась. Да я просто не мог не петь! А тут я совсем ничего не чувствую!»

Он вспомнил, что по утрам у него побаливает горло. Так бывало прежде, если он пел целую ночь напролет. «Должно быть, от ночных кошмаров», – подумал Санги. Почему-то он вспомнил десятника Шуорда. Тот лишь дважды поучил его, а потом сказал, чтоб юноша больше не приставал к нему: воина из Санги не выйдет – слишком много мыслей, железо такого не терпит.

К немалому удивлению Санги, мальчик, о котором он думал накануне, сам подошел к нему. Интересный мальчик! Внимательные глаза сына зодчего тотчас заметили сухую крепость мускулов, что бывает лишь у взрослых мужчин. Грим и гладкая кожа тоже не могли обмануть его. А уж выражение глаз – точно такое же, как у отца Санги: воин, скрывающий, что он – воин.

Поддавшись тщеславному импульсу, юноша и обратился к нему как к воину:

– Приветствие тебе, достойный!

Но «мальчик», если и удивился тому, что тайна его раскрыта, виду не подал, обрадовался. По-мальчишески обрадовался:

– И тебе приветствие, достойный!

А глазами – в сторону тощего слуги, что топтался рядом, упорно глядя в сторону.

– Будь мне другом! – сказал маленький воин, протягивая открытую ладонь. – Я лишь вчера приехал. Буду счастлив, если ты не прогонишь меня! – На конгаэне он говорил без акцента, но слишком правильно – дети так не говорят.

– Я сам здесь... гость, – сказал Санги, принимая его руку. – Сантан, сын Тилода.

– Биорен.

– Друзья зовут меня Санги.

– Друзья зовут меня Биорк.

Тут в мозгу юноши что-то перевернулось, и он вспомнил: Биорком звали героя одного из северных сказаний. И герой этот был...

Санги обнял нового друга, притянул к себе и шепнул ему на ухо:

– Какой ветер принес сына Малого народа в благословенный Конг?

– Злой! – прошептал Биорк, отталкивая его ладонью, как сделал бы это младший при излишней фамильярности старшего.

Санги отпустил его, и оба рассмеялись. Соглядатай искоса глядел на них.

- Завтракал? – спросил Санти.
- Нет. Еще нет. Но я хотел бы искупаться. Где тут бассейн?
- Там! – показал юноша. – Но я сам купаюсь в озере.
- Далеко?
- Добежим за десять минут. Ну, бежим!

И они помчались по аллее, причем вагар сразу же опередил Санти шагов на десять, и как тот ни старался, догнать Биорка он не мог. А ведь юноша считался неплохим бегуном. Соглядатай за ними не побежал: он слышал разговор и решил, что парни никуда не денутся.

Они сбежали по склону к озеру и почти одновременно прыгнули в прохладную воду. Санти, выросший у моря, плавал как рыба. Он ушел в глубину и вынырнул почти в ста локтях от берега. Вагар отстал от него локтей на десять. Они плескались в озере, пока зубы Санти не застучали от холода. Тогда юноша выбрался на берег и повалился на песок, уже согретый солнцем.

Юкка со спущенным парусом стояла посреди озера. Старик-кормчий удил рыбу, намотав на палец шелковую лесу. Когда Санти помахал ему, он отклонился назад и подергал тросик у руля. Вымпел на мачте прыгнул вверх-вниз. Биорк, пошатываясь, вышел на берег и зарылся в песок рядом с Санти.

- Ты знаешь его? – спросил маленький воин, мотнув головой в направлении юкки.
- Единственный, кого я здесь знаю, – ответил Санти. – Славный старик. Бывший кормчий военного флота. Учит меня парусу! – добавил он не без гордости. – Ты мог бы править южкой, Биорк?
- Никогда не пробовал, – ответил вагар. – Думаю, что смогу.
- Это не просто! – отметил Санти несколько свысока. – Так сразу этому не научишься.
- Может быть. Я плавал на боте. И на дракене, разумеется. Вооружение у них другое.
- Тогда ты наверняка справишься! – произнес Санти.

Ему стало немного стыдно за свой покровительственный тон. Но трудно все время помнить, что ты говоришь со взрослым воином, когда его голова не достает тебе до плеча. Чтобы скрыть смущение, юноша встал и начал обертывать набедренную повязку.

Одевшись, они направились к замку. Соглядатай они встретили на полдороги от Дворца и снова обогнали, потому что шли быстро. К удивлению Санти, Биорк ни словом не обмолвился о своих спутниках. Он вообще вел себя так, будто, кроме Санти, в мире никого не существует. После трапезы Санти предложил отправиться в лес.

- Покажу тебе нечто! – сказал он загадочно.
 - Давай завтра, а? – отказался Биорк. – Хочу пошататься по округе, поглядеть на замок. Не огорчил тебя, нет?
 - Нет! – покривил душой Санти. – Завтра так завтра!
 - Когда здесь обед?
 - Как проголодаешься. Слушай, приходи ко мне в башню! За час до захода. Придешь?
- Дорогу тебе покажет любой из стражей.

- Приду! – охотно согласился Биорк. – Дорогу я знаю, не беспокойся!
- «Интересно, когда ты успел ее узнать?» – подумал Санти. Но вслух не спросил.

Маленький воин ушел, а Санти отправился в загон для пардов.

Ушка встретила его радостным ворчанием. Детеныш прыгал вокруг и восторженно взвизгивал, предвкушая прогулку.

Санти оседлал Ушку с помощью слуги и выехал наружу. Только тут он вспомнил, что не захватил с собой светильника.

- «Что ж, – подумал юноша, – завтра так завтра».

* * *

Начальник Внутренней Стражи Ортран в сопровождении слуги обходил замок. Дворец был столь огромен, что большая часть покоев пустовала. Обжитым было левое крыло,

которое предпочитала соххогая, и часть первого этажа и подземелий западной пристройки, где обитал Мугган.

Для того чтобы обеспечить караулом все здание, понадобилось бы не меньше пяти сотен, потому Ортран держал стражу лишь у запретных покоев Владычицы, в церемониальных залах и там, где содержались пленники. Посты сменялись каждые семь часов. Кроме того, шесть стражников неотступно сопровождали соххогой. Днем. И двух человек он приставил к Муггану. От телохранителей соххогой отказывался наотрез.

– Я сам смогу себя защитить, хоб! – кричал он.

Но избавиться от этих двух стражников он не мог. Правда, им приходилось держаться на почтительном расстоянии, и назначение в сопровождающие Муггана считалось наказанием. Нестрогим.

Как всегда, Ортран шел очень быстро. Слуга, несший его «звезду смерти», с трудом поспевал за воином. Каждый день Начальник Внутренней Стражи обходил несколько десятков комнат. Двери он опечатывал собственным перстнем. Ни разу никто не нарушил печати. И ни разу он не заметил, чтоб пропала хотя бы одна из драгоценных вещей, которыми был полон Дворец. Лишь подземные толчки иногда нарушали порядок, установленный еще дедом Спардуха.

Однако при всей огромности и хаотичности охранять Дворец было не так уж сложно. Проникнуть внутрь можно лишь через несколько входов, контролируемых воинами Ортрана. А внутри замка мог ориентироваться лишь тот, кто хорошо знал его план. Замок был огромным лабиринтом. Стоя на открытом балконе, человек мог видеть десятью локтями ниже другой балкон или террасу. Но попасть туда не смог бы, блуждай он по замку хоть целый год. Дважды Ортрану приходилось вызволять заблудившихся слуг. Наказание было не слишком суровым, но достаточным, чтобы отбить охоту к праздному шатанию по Дворцу.

Ортран миновал подъемник, который обслуживал покои Нассини. Слуга, приставленный к барабану, задумчиво ковырял в ухе. Завидев Ортрана, он поспешно вскочил. Подъемников в замке было несколько, но пользовались лишь этим. Стражей наверху можно было не проверять: у апартаментов Нассини никто не решился бы играть в кости или спать. Как-то, год тому назад, один из новых стражей по глупости (что-то ему послышалось) заглянул в покои и был замечен Владычицей. Мугган собственноручно содрал с него кожу и набил чучело, два месяца простоявшее в казармах. Урок был нагляден и хорошо запомнился.

Воины Внутренней Стражи, а также слуги, что принадлежали к дворцовой команде, жили в одноэтажном флигеле за левым крылом замка. Ортрану были отведены покои внутри. А казармы Внешней Стражи, рабов и остальных слуг Владения располагались рядом с Веселой Рощей, той, где проходили ночные пиршества. Все остальное: роши, лесистые холмы за озером, молодой парк, разбитый на месте Сада Развлечений, – были запретны. Исключение составляла южная часть Владения, где располагались пастбища и небольшие сельскохозяйственные плантации.

Ортран вспомнил, как его воины уничтожали любимое детище Спардуха – Сады Развлечений. Растения-убийцы, растения-людоеды, одурманивающие, разрывающие на куски, пожирающие живьем, – их привозили со всего мира, но в основном с Юга, из Гибельного Леса. Растительные монстры сражались за жизнь, как сражаются животные. Но не устояли перед огнем.

Ортран вышел на обзорную площадку, что была обращена на юго-восток. Отсюда хорошо видна была Фуа до самой излучины, там, где река резко сужалась и уходила вверх. Если подниматься по ней выше, можно достичь резиденции Великого Ангана, но на больших судах выше не пройти. Слишком быстрое течение, слишком порожистое русло. Зато в рядом с рекой шла очень хорошая дорога. Говорят, ее проложили еще до Эпохи Перемен¹⁸.

¹⁸ Эпоха Перемен – период геофизических катастроф, закончившийся примерно за шесть тысячелетий до описываемого времени. В это время затонул четвертый материк, располагавшийся южнее Красного и Черного,

Ортрану это казалось сомнительным, но дорога была отличная.

По другую сторону Фуа располагалось Владение соххогия Гаккакха. Нассини его презирала. А вот сынок ее частенько заглядывал к соседу. Гаккакх принадлежал к младшим отпрыскам, но по характеру и склонностям был точь-в-точь ее покойный муж. Жил весело. По-соххогойски весело.

Мугган, который дома не смел преступать материнские запреты, у соседа отводил душу. Сихоновы парни не спускали глаз с обитателей другого берега. И Ортран, и Сихон знали: зазевайся – и братец Спардуха тотчас пролезет в замок. Гаккакх, а пожалуй, и Мугган с удовольствием ему помогут.

Мысли воина обратились к недавнему разговору с красноглазым. И к светлорожденному Эрду. Если Нассини займется гостем прежде, чем Ортран успеет выдворить Асенара из Владения, то потом изгнать светлорожденного можно будет только силой. Ортран представил, что его самого кто-то пытается увезти от Нассини... Он будет драться, как демон! И вернется обратно даже под угрозой неминуемой смерти. Потому что жизнь без Нассини – хуже, чем любая смерть.

Слева от Ортрана на невысоком постаменте стоял деревянный уродец – бессмысленная скульптура: лысая помятая голова с зубастым раскрытым ртом, венчающая тоненькое, изломанное тельце.

Эта идиотская улыбка вдруг привела воина в такую ярость, что он, не раздумывая, обрушил на уродца кулак в железной перчатке. Уродец обратился в кучку обломков, а слуга с недоумением взглянул на Ортрана. Его хозяин редко терял самообладание.

VIII

Не удивляйся, рыцарь мой,
Когда зову из чаш ночных.
Когда зову: иди за мной,
Иди туда, где нет живых
Путей – лишь сети топких троп.
И тускло светятся следы
Врагов и чудищ. И озноб
Не отпускает. Только ты
Сумеешь, храбрый рыцарь мой,
Пройти безгибельно сквозь дым
Паучьей страсти – к той, одной,
Которой ты необходим,
Мой рыцарь, бедный мой герой!
Туда, где затхлая вода,
Где брызжет пламя над горой,
Где воздух желтый, как слюда,
Врата Безмолвия пройди,
Огонь и лед, и встань, живой,
Над мертвым озером.
Пути
приходят и уходят вновь.
А страсть мутна и горяча.
Но помни: вот моя любовь —
Сильнее твоего меча!

а также южная часть Красной Земли. Эпоха Перемен разрушила империю Махд-Шагош, включавшую почти все земли Мира, кроме Белого материка, где в то время климат был куда холоднее, чем в описываемое время.

Хольдская баллада

Маленький ловкий вагар вприпрыжку бежал впереди. Его набедренная повязка была темно-коричневой и цветом почти не отличалась от кожи. На голове – полосатая косынка. Он выглядел в точности как мальчишка. Санти едва поспевал за ним, но сесть в седло не решался: вдруг вагар сочтет это невежливым?

Обиженная пренебрежением парда трусила следом. Детеныш то и дело забегал сбоку и тыкался мордой то в бок Санти, то в живот матери. Каменные плиты нагрелись так, что жар ощущался даже сквозь кожу сандалий. Санти по детской привычке старался наступать только на центр каждой плиты. Он вспомнил фарангские площади: там каждый каменный шестиугольник был обрамлен синей полоской пробивающейся травы. Здесь же полированные белые квардаты были так плотно пригнаны друг к другу, что между ними не было ни единого стебелька.

Две длинноногие девушки прошли мимо с пустыми корзинами в руках. Кончики грудей их были выкрашены в алый цвет, а на лицах почти не было грима: жарко!

– Хочу познакомить тебя с моим другом! – произнес Биорк, оборачиваясь.

– О! – глаза юноши вспыхнули. – С воином в белом?

– Нет! – сказал вагар и почему-то засмеялся. – В свое время. Отведи парду. Я подожду тебя здесь.

Прожив в замке целую неделю, Санти так и не научился ориентироваться в этом хаосе, хотя ни памятью, ни наблюдательностью боги его не обошли. Вагар же, проживший здесь куда меньше, к восхищению юноши, так уверенно выбирал нужные лестницы и коридоры, что казалось – невидимый проводник указывает ему путь. Они проходили зал за залом, поднимаясь выше и выше. Санти с удовольствием задержался бы в некоторых из них: убранство Дворца было великолепно. Но вагару было, похоже, наплевать на все эти витражи, фрески, скульптуры. Дважды они проходили по висячим мостикам, столь воздушным и ажурным, что у Санти замирало сердце. Несколько раз воины замковой стражи смыкали перед ними лезвия мечей. Что-то вроде салюта – стражи сразу же расступались, и вагар с юношей двигались дальше. Наконец по винтовой лестнице они поднялись в башенку, вроде той, в которой жил Санти.

В отличие от жилища Санти, эта башня находилась по другую сторону Дворца. Поэтому жалюзи на окнах были опущены, смиряя пламя дневного светила.

Поначалу Санти показалось, что внутри никого нет. Потом он заметил женщину, стоявшую спиной к ним у северного окна.

Серо-голубая легчайшая ткань скрывала ее от макушки до пят, ниспадая волнами с головы на плечи, а с плеч – на золотистый мех ковра. Женщина не двигалась, и шелк полностью скрывал очертания фигуры.

Но, едва взглянув на нее, Санти больше не мог отвести глаз. Что-то очень знакомое и вместе с тем совершенно неуловимое было в ней. Нет, он, естественно, сразу узнал ту, что пришла вчера в замок вместе с белым воином. Загадка была в самой ее сути. Нечто удивительное, что Санти чувствовал так же ясно, как слабый запах незнакомых духов.

– Этайа, – тихо произнес Биорк. – Мы здесь.

Женщина обернулась к ним. Качнулась и опала шелковая ткань вуали, скрывающей ее лицо. Она сделала шаг, и само движение это заставило сердце Санти забиться сильнее. Руки его задрожали, и он инстинктивно сжал кулаки. Он ничего не понимал, ничего не желал понимать: все его существо вдруг потянулось ей навстречу, как тянется цветок к утреннему солнцу.

– Здравствуй, Санти! – произнесла женщина.

И он едва не упал к ее ногам. Но не мог сдвинуться с места. Не мог произнести ни звука. Краем разума он понимал, что должен ответить на приветствие хотя бы из вежливости. Но ком, подступивший к горлу, мешал ему. Слезы застлали глаза. Он, Сантан,

чей голос пленил столько девушек, стоял как каменный, не в силах произнести даже слова. И при этом он не чувствовал неловкости. Нет, он ощутил себя настолько счастливым, что это вызывало боль...

Вот юноша судорожно вдохнул, качнулся вперед...

Женщина откинула вуаль, за спиной Санти вагар тихо охнул, но юноша не услышал. Глаза, подобные двум осколкам солнца, ожгли его сердце. Больше Санти не видел и не слышал ничего, он утратил прежнюю реальность: только это лицо, эта кожа цвета живого жемчуга, эти перламутровые волосы, эти черты, более прекрасные, чем способен представить человек. Санти казалось: сейчас он умрет. И юноша был счастлив умереть.

Этайа коснулась пальцами его плеча, и чувства потеряли непереносимую остроту.

– Свет тебе, фьэль! – прошептал он.

«Фьэль? Фьэль – значит, это магия?» – шевельнулось у него в мозгу. Нет! Он знал – то, что владеет им, пришло изнутри. Так же, как приходят стихи. Может, их посылают боги, но рождаются они в нем самом. Он уже чувствовал подобное прежде. Чувствовал, но во много раз слабее. Нет, не магия. Наоборот, магия фьэль утишила шторм, несший ему гибель. Юноша знал это совершенно точно, хотя и не мог бы объяснить, откуда у него это знание. Нечто скрытое у него в душе, нечто невероятно огромное шевельнулось внутри, и мир вокруг стал похож на уличный кукольный театр. Шевельнулось и спряталось. Сейчас Санти был совсем спокоен. Он смотрел на божественное лицо Этайа, на ее узкую руку, еще более изящную оттого, что на ней были лишь четыре пальца, на сияющие огромные глаза...

«Я знаю, знаю, – подумал он. – Лишь твоя магия удерживает меня, не дает потоку захлестнуть мою душу!»

– Нужно учиться, Санти! – произнесла она ласково. – Ты станешь пловцом, но пока ты – детеныш, брошенный в прибой. Сядь!

Юноша послушно опустился на пушистый ковер. Этайа – рядом с ним, плавно, как опускается пух. Голубой шелк растекался по золотистому меху.

– Ты привыкнешь, Санти. Ты уже привыкаешь, ведь это – твоя стезя, твой дар. Мы пришли сюда за тобой. И мы уйдем отсюда только с тобой. Но ты должен узнать себя, Санти! Узнать себя...

Прошлого больше не было. Жизнь до этого мига стала пылью под ногами путника. Не важно было, что говорит Этайа, важно – как. Настоящее – как эта сказочная башенка в чудовищном замке.

– Этайа! Этайа! – прошептал он, и звук имени был подобен чарам.

– Не думай, не думай... – шептала Этайа.

И Санти перестал думать, перестал осознавать себя... Он словно бы умер...

Крепкая, как челюсти боевого пса, рука сомкнулась на плече. Юноша оглянулся и непонимающе уставился на вагара: откуда он взялся, человек из прошлого?

– Четыре часа минуло, – заметил Биорк. – Прости, светлейшая, мы в чужой стране!

– Да, Биорк, – согласилась Этайа. – Ты прав. Я слишком долго была одна.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – проворчал вагар. – Но не поспешна ли ты? Он еще спит.

– Он просыпается.

– Не смею усомниться, госпожа! (Этайа не убедила его.) – И за нами наблюдают!

– Им не увидеть лишнего! – уверенно ответила фьэль. – Санти! – Ее голос стал еще нежней, еще ласковей. – Сейчас ты должен уйти. Но я останусь с тобой. И ты придешь, когда я позову тебя.

– Позовешь? – Санти все время улыбался: он стал глупым, как месячный щенок. Он был переполнен настолько, что в его душе не было места печали.

– Да. Ты придешь, когда услышишь мой зов.

Одновременно они встали. Этайа не поцеловала юношу – только прикоснулась пальцами к щеке:

– Иди, мой Санти!

IX

«Прозревай невидимое».

Мангхэл-Сёрк. Правило семьдесят седьмое

Носильщики плавно и быстро несли паланкин. Эрд шел рядом, держась за посеребренный бортик. Свет из круглых, высоко расположенных окон падал на светло-коричневый паркет галереи, прямой, как копье. Мягко ступали босые ноги носильщиков. Беззвучен был шаг воинов-телохранителей, обутых в замшевые туфли. Только верховые сапожки Эрда с подошвами из кожи хармшарка постукивали, соприкасаясь с покрытой лаком древесиной.

– Знаешь, куда мы идем? – спросила Нассини хриплым контральто.

Ее рука легла на затылок светлорожденного. Тонкие пальчики с острыми ногтями зарылись в светлые волосы.

– Мой сын хочет устроить небольшой спектакль. Для нас. Представление из тех, что он любит.

Тонкие губы Эрда насмешливо изогнулись:

– Судя по его виду – не обижайся, Великолепная, я помню, что он твой сын, – у него сомнительный вкус.

– Ты не прав, светлорожденный! – Пальчики соххогои безостановочно ворошили его волосы. – Нопо-своему Мугган изыскан. Тебе понравится, я уве-рена!

Они миновали входную арку с оскалившимися звериными мордами наверху и оказались в помещении, похожем на разрезанный пополам цирк. Рабы поставили паланкин, и соххогая, опершись на плечо Эрда, сошла с носилок.

Высокая металлическая решетка отделяла полукруглую площадку, посыпанную смешанными с песком опилками, от кресел, что пятью полукруглыми рядами поднимались к стенам.

Соххогая проследовала к креслу во втором ряду, села и предложила гостю занять место рядом. Телохранители встали позади.

Из двери, что была сбоку от ограждения, выбежал Мугган. Он хлопнул в ладоши, привлекая внимание. Приветственно махнул матери, презрительно взглянул на светлорожденного.

Эрд ответил ему иронической улыбкой. Мугган поглядел на него и зевнул, щелкнув зубами, как пес, ловящий ящерицу. Эрд надменно отвернулся.

Соххогой еще раз хлопнул в ладоши, и в стене, примыкающей к огороженной площадке, открылась дверь. Сильный толчок выбросил из нее человека в набедренной повязке. Человек упал лицом вниз, но тут же вскочил на ноги. Это был Беззубый. Воин был совершенно невредим, если не считать ссадины на подбородке. Он заметил Владычицу и, рухнув на колени, протянул к ней соединенные руки.

– Я виноват! – завопил он. – Позволь мне жить, госпожа! Я буду верен и предан, как никто! Я не хочу-у!.. – Он вдруг ткнулся лицом в песок и завыл.

– Нарушил повеление, – тихо сказала Нассини, кладя ладонь на затянутую в белое трико ногу Эрда. Тускловатые глаза ее блеснули.

– Молчать, хоб! – рявкнул Мугган, ударив кулаком по стене.

Провинившийся воин поднял голову. Желтые стружки запутались в его волосах. Он стоял на четвереньках, переводя затравленный взгляд с Нассини на соххогая. Глаза его постепенно наливались кровью.

Вдруг он вскочил на ноги и обрушил на них поток проклятий на языке Гурама, понятных, впрочем, одному лишь Эрду.

Тяжелый предмет упал на песок рядом с провинившимся воином. Это был меч.

Гурамиди¹⁹ посмотрел на него непонимающим взглядом. Потом нагнулся и поднял. Меч был конгской работы, не из лучших, но достаточно острый и, на первый взгляд, без подвоха.

Пальцы Беззубого привычно обхватили рукоять. Он как-то сразу пришел в себя. Почти спокойно глядел на соххогою.

– Если ты желаешь, чтоб я сам заколол себя, – не выйдет! Пусть кто-нибудь придет и убьет меня! Если сможет! – И вызывающе захохотал.

Словно отвечая на вызов, раскрылась еще одна дверь.

Услышав скрип, гурамиди резко обернулся и уставился на черную дыру. Стало так тихо, что можно было услышать, как пересвистываются под потолком медовницы.

Гурамиди сделал пару шагов по направлению к открывшейся двери и немного наклонился, заглядывая внутрь.

Неожиданно быстрое тело вымахнуло из темноты. Гурамиди отшатнулся и, споткнувшись, упал на спину.

Крупный, шесть с половиной локтей длиной²⁰, черный, как конгская ночь, леопард, щурясь от света, хрипло зарычал. Его длинный хвост с силой разбрасывал песок. Беззубый лежал в трех локтях от него, но зверь не торопился нападать. Он медленно поворачивал голову, растягивал губы, распахивал пасть, демонстрируя белые острые клыки и красную жаркую глотку. Низкий рев волнами прокатывался над сидящими.

Гурамиди поспешно вскочил, и леопард наконец соизволил обратить на него внимание. Медленным скольльзящим шагом он двинулся к человеку. Время от времени губы его приподнимались и из глотки вырывался глухой рев.

Воин отступал, пока спина его не уперлась в решетку. Тогда он с криком прыгнул вперед, размахивая мечом. Леопард отпрыгнул. На морде его появилось выражение, которое человек по другую сторону прутьев мог бы счесть забавным.

Гурамиди настороженно следил за хищником, выставив вперед меч.

Нервы его не выдержали, и он снова бросился на зверя. Леопард опять отскочил. Воодушевленный успехом, воин напал в третий раз – и алая кровь выступила на черной шкуре чуть ниже правого уха.

– А-а-а! – заревел гурамиди, поднимая меч.

Оглушительный рев зверя перекрыл его крик, прокатился под сводами зала и заставил даже Эрда содрогнуться.

Удар могучей лапы вышиб меч из руки воина. Встав на дыбы, зверь навис над ним. Второй удар сорвал половину скальпа гурамиди и переломил ему шею.

Тело воина еще содрогалось, когда зверь взмахом когтистой лапы вспорол ему живот и погрузил морду в горячие внутренности.

– Фуй! – брезгливо произнесла соххогая. – Никудышный солдат! Я слишком доверяю Сихону!

Мугган вскочил на ноги. Он осыпал ругательствами гурамиди, который уже не мог его услышать. Соххогой был взбешен. Паршивый хоб! Позволил взять себя, как глупую овцу!

Вне себя Мугган перепрыгнул через два ряда кресел и стал карабкаться на железное

¹⁹ Гурамиди – уроженец Гурама, одного из государств Красного материка.

²⁰ Леопарды Мира существенно различаются размерами. Мелкие не превышают длиной полутора метров, самые большие длиной и массой превосходят уссурийского тигра, но сложением больше напоминают американского ягуара. Уступая ростом домашним пардам, крупные леопарды почти так же массивны и без особого труда способны справиться даже с боевым пардом. Однако это не самые крупные кошачьи Мира. Харса, Белая Хозяйка, впятеро крупнее самого большого леопарда и похожа на чудовищных размеров снежного барса. К счастью, она обитает только на севере Хольда и в горах на северо-западе Белого материка, на территориях вагаров. Еще один хищник из породы кошачьих, кугурр, широко распространенный на юге Конга, превосходит размерами черного леопарда примерно вдвое, но значительно меньше харсы. Из больших хищников-млекопитающих лишь кошачьи и псовые способны как-то конкурировать с ящерами и прочим зверьем Мира.

ограждение. Достигнув вершины, он встал на изогнутые прутья и с высоты семи локтей спрыгнул на арену.

Леопард оторвался от трапезы и повернул к нему окровавленную морду.

Мугган топнул ногой:

– Ну, иди, иди сюда!

Хищник какое-то время разглядывал его узкими желтыми глазами, потом кашлянул и вернулся к прерванной еде. Он не считал Муггана достойным внимания. Неудивительно: его не кормили три дня.

Мугган плясал по арене, стучал мечом по железным прутьям. Он даже помочился на опилки в пяти шагах от леопарда. Зверь удостоил его лишь парой мимолетных взглядов. Помогая себе лапой, он отрывал и заглатывал куски мяса и довольно рычал.

Разъяренный Мугган схватил труп за ногу и потянул к себе. Леопард покосился на него, придавил тело Беззубого передними лапами к арене и продолжал жрать.

Мугган чуть не заплакал:

– Подлая тварь! Презренный! Ты будешь драться!

Леопард жрал.

Обезумевший соххогой схватился двумя руками за ногу Беззубого и укусил.

Леопард оторвался от трапезы. Желтые раскосые глаза хищника смотрели в красные хищные глаза человека.

– Не веришь, что я сожру его, хоб? – зарычал соххогой. – Вот! Вот!

Мугган вцепился зубами в ногу мертвеца и вырвал из нее кусок кожи с маленьким клочком красного мяса. Он принялся ожесточенно жевать.

Леопард внимательно следил за человеком. Длинным языком он облизнул слипшуюся от крови шерсть на морде.

Мугган, продолжая жевать, потянул труп за ногу. Из ранки на ноге мертвеца вяло сочилась кровь.

– Ар-р-рх! – сказал леопард и угрожающе поднял лапу.

Мугган дернул изо всех сил... и вырвал тело из-под хищника.

Леопард изумленно посмотрел на окровавленный песок: только что тут была еда. А, вот она! И протянул лапу – схватить. Но Мугган отбежал, волоча за собой выпотрошенный труп.

И леопард действительно рассердился.

Он взревел. Он опустил морду к самой поверхности арены. Он ударил себя хвостом сначала по правому боку, потом по левому.

– Давай, кошка, давай! – подбадривал его Мугган, вытаскивая меч.

Леопард скреб задними лапами песок. Усы его встопорщились, уши прилипли к голове.

И он прыгнул! Мощные задние лапы выбросили в воздух длинное черное тело. Растопыренные передние с крючьями выпущенных когтей вытянулись далеко вперед. Соххогой отскочил, ткнул мечом – и огромная кошка пала у его ног. Судорожно дернулись ее члены. Яростные глаза помутнели и остановились.

Мугган с изумлением глядел на меч, глубоко вошедший в широкую черную грудь. Он не понимал: он кольнул совсем легонько, только лишь чтобы удержать расстояние. Но собственная масса леопарда бросила зверя на острейшее конгское лезвие, клинок коснулся сердца, пронзил его, и жизнь покинула зверя.

Мугган выдернул меч и в бешенстве швырнул его наземь.

– О прах Осквернителя! – закричал он, упал ничком и завыл.

Очень похоже на то, как выл недавно гурамиди.

– Мой сын огорчен, – прошептала Нассини в самое ухо Эрда.

– Это заметно, – согласился Эрд.

Стражники вкладывали мечи в ножны. Леопард мертв.

Мугган оторвал лицо от арены, приподнялся на руках и поглядел на людей. Желтые глаза его остановились на Эрде.

– Хоб! – сказал он отчетливо. – Я тебя убью!

– Он сам хочет! – сказала Нассини и поцеловала светлорожденного в мочку уха.– Иди же!

– Он не в себе,– проговорил светлорожденный.– И это не вызов!

– Какого вызова ты ждешь? – удивилась Нассини.– Это я считаю тебя равным себе (Эрд поморщился, но соххогия этого не заметила). Я, но не он! Укажи ему его место, если ты – воин!

– Он – твой сын,– предупредил Эрд.– Я могу убить его?

Нассини помолчала немного, потом кивнула головой:

– Убей, если он не успокоится. Да, убей!

Эрд поднялся. Притронулся ласково к впалой щеке соххогой. Эта женщина восхищала его. Само существование такой женщины было невероятным. Но если у Смерти, той Смерти, чье дыхание так возбуждало светлорожденного, было лицо, то сейчас Эрд прикоснулся к его холодной коже.

– Ко мне, хоб! – закричал соххогой.– Или я выковыряю тебя, как слизня из навозной кучи!

Он прыгал и бесновался, брызгая слюной. Меч соххогой со свистом рассекал воздух.

Эрд подошел к решетке. Прутья ее не показались светлорожденному слишком толстыми.

Мугган делал рукой призывные движения: такими моряки зовут шлюх.

«Кто его научил?» – удивился Эрд.

– Прыгай, прыгай сюда, хоб! – вопил соххогой.– Я убью тебя медленно!

Эрд широко размахнулся. Конец его меча описал дугу и со звоном перерубил прут решетки. Это был хрупкий чугун, но все равно удар был хорош. Он ударил еще раз – и в заграждении образовалась щель, достаточная для него. Миг – и Эрд на арене.

Мугган жадно глядел на меч светлорожденного. Губы его беззвучно шевелились.

– Я,– с нажимом произнес Эрд,– убью тебя быстро!

– И не думай, хоб! – уверенно сказал Мугган, отводя взгляд от меча.– Мой клинок прочнее этой проволоки. Ты храбро справился с ней. И она не дала тебе сдачи, а, хоб?

– Много говоришь, красноглазый! – заметил Эрд.

– Ты не передумала, светлейшая? – обернулся он к Нассини.

В это время Мугган нанес удар. Так себе удар. Мугган не уважал противника и просто ткнул мечом в колено. Достаточно быстро, впрочем. Эрд убрал ногу, не потрудившись отбить клинок.

– Не слышу твоего ответа, госпожа! – крикнул Эрд, все еще не глядя на Муггана.

Соххогой взмахнул мечом. Раз, два... И нанес удар в прыжке с поворотом, сверху вниз. Очень красиво, но не слишком опасно даже для того, кто хочет уклониться от боя.

– Ответ, госпожа! – Его клинок парировал новый удар.

Мугган, поняв, с кем имеет дело, теперь сражался всерьез. И это действительно было серьезно. Сила ударов соххогой казалась невозможной для человека подобного сложения, а быстрота просто изумляла. И все же ему было далеко до светлорожденного, которого обучал вагар. К тому же соххогой был слишком возбужден.

– Ответ, госпожа! – крикнул Эрд.– Даже менее умелый противник опасен, если не боится встречного удара.– Ответ!

Мугган поменял тактику. Теперь он кружил около Эрда, выжидая удобного момента. Северянин нанес короткий рубящий удар в бедро, но Мугган отскочил в сторону и едва не отсек Эрду ухо.

– Ответ!

Нассини едва заметно кивнула беловолосой головкой.

Эрд сделал шаг назад, закинул меч за спину и перехватил его левой рукой. Мугган ударил его, целя в живот. Клинок оставил на одежде прореху в пядь длиной. Отличный клинок: разрезал белый паутинный шелк, будто только что выправленная бритва.

Эрд взмахнул левой рукой. Меч выпрыгнул из-за его спины, как серебристая молния.

Короткое горизонтальное движение лезвия – Мугган даже не успел его увидеть, – и Эрд быстро отскочил, чтобы кровь, брызнувшая из вспоротого горла, не испортила белоснежный камзол.

Мугган постоял несколько мгновений и рухнул лицом вниз, обливая кровью песок. Он умер быстро. Как и обещал северянин.

Эрд посмотрел на клинок: лезвие осталось чистым. Потом – на прореху в камзоле. С огорчением.

– Я велю его зашить! – проговорила Нассини, подойдя к решетке.

Она посмотрела на труп сына, и выражение, появившееся на лице соххогой, не было похоже на вызванное болью. Но и радости в нем Эрд не нашел. Скорее это было вожеление.

«Их обычаи еще более странные, чем то, о чем мне рассказывали», – подумал светлорожденный.

– Хомхуна сюда! – бросила соххогая, не отводя взгляда от тела.

– Здесь! Здесь! О! Владычица!

Тучный высокий человек уже бежал к ней, приподняв длинные полы гиматия, чтобы не спотыкаться. Был он по-конгайски безбородым, но лицом более походил на уроженца Эдзама или даже на бур-чаданну. А голос имел тонкий, неприятный. Но ростом был выше Эрда и в плечах пошире.

«Бабье лицо, – подумал Эрд. – И голос бабий. Кастрат, что ли?»

– Приготовишь, как обычно! – соххогая указала толстяку на труп Муггана.

– П-правильно ли я понял Владычицу? – озадаченно проговорил Хомхун.

Соххогая резко обернулась, и жирные щеки Хомхуна затряслись.

Он быстро протиснулся в сделанную Эрдом щель: слуги еще не успели снять решетку.

Хомхун легко поднял мертвое тело.

– Не знаю, можно ли назвать то, что ты сделал, услугой, – сказала Нассини Эрду. – Но ты сделал это по моей просьбе, и я отблагодарю тебя.

Эрд склонил голову. То был всего лишь знак вежливости.

– Следуй за мной, светлорожденный! – И Нассини в сопровождении телохранителей направилась к выходу. На этот раз она обошлась без носилок.

Эрд двинулся следом. Он обратил внимание на то, что у стражников отличные мечи конгской работы. Кольчуги на воинах тоже были конгские, легкие, без рукавов, а шлемы украшены меховым гребнем.

Соххогая взшла на просторную пятиугольную платформу, мужчины стали рядом, заспанный слуга поспешно схватился за рычаги барабана – и платформа поползла вверх. Пять нитей, не толще мизинца каждая, были привязаны к ее углам. Эрд сообразил, что эта паутина гигантского паука из степей Эдзама. Каждая такая нить способна была выдержать вес десяти пардов.

Подъем был долгим – лифт двигался медленно, а когда он закончился, Эрд увидел короткую галерею, ведущую к черной двери с красным пятиугольником на высоте глаз. Нассини и ее спутники сошли с платформы, и в этот момент пол под ними содрогнулся. Эрд поддержал соххогой, и вовремя: следующий толчок был сильнее. Несколько мозаичин отскочили от стены и ударились о мраморный пол.

– Не тревожься, – сказала соххогая. – Это всего лишь землетрясение.

Эрд бросил взгляд на телохранителей: они были абсолютно спокойны.

Еще несколько слабых толчков: будто мелкая дрожь сотрясала огромный замок.

– Нам стоит выйти наружу! – сухо сказал Эрд. – Если мы успеем.

– Ты боишься? – удивилась Нассини. – Иди!

– Только дурак будет ждать, пока вот это, – он топнул ногой, – провалится вниз! На какой мы высоте, солдат?

– Пятьдесят локтей! – сказал стражник. – Ты будешь лететь, как дракон, северный вождь!

Кулак светлорожденного разбил ему рот.

Стражник прижал руку к губам и вопросительно посмотрел на Владычицу.

– Иди, если ты испугался! – повторила Нассини.

Следующий толчок заставил ее схватиться за стену.

Эрд был слишком высокого мнения о себе, чтобы обращать внимание на обвинения в трусости, когда это делает женщина.

– Если ты сошла с ума – я выведу тебя силой! – сердито сказал Эрд.

Нассини рассмеялась.

– Дай меч! – велела она одному из телохранителей.

– Ты будешь со мной драться? – изумился Эрд. – Ты определенно сошла с ума!

Нассини взяла меч, размахнулась и вогнала его в пол.

– Хой! – воскликнул светлорожденный, забыв о землетрясении. – Что это за сталь?

Меч на пол-локтя вошел в мраморный пол.

Стражники загоготали.

– Наклонись и посмотри! – предложила соххогая.

Эрд выдернул меч. Лезвие было самое обыкновенное. Зато мраморный пол – не более чем тоненькое покрытие, разбившееся при ударе. Под ним – прочная древесина боука.

– Дворцу не один век, – сказала соххогая. – Благодарю за заботу... северный вождь!

Эрд пожал плечами:

– Скажи ты мне сразу – и твой раб не стал бы болтать. Я думал, это камень. Эй, солдат, ты не в обиде на меня? Если – да, меч это исправит!

– В моем Владении не сражаются без моего приказа, – заметила Нассини.

Она сделала знак стражнику, и тот распахнул дверь. В комнате за ней Эрд увидел двух воинов, тут же отдавших салют. Стражник толкнул дверь, которую они охраняли.

– Входи, светлорожденный! – предложила Нассини.

Эрд шагнул вперед и оказался в комнате, достаточно скромной, опять-таки, по масштабам Дворца. Нассини вошла следом и затворила за собой дверь.

– Мои покои, – произнесла она особенным тоном. – Здесь мы одни. Здесь ты можешь меня убить – никто не помешает! – Она заглянула в светлые глаза Эрда.

– Прости, соххогая, ты говоришь глупости! – сказал светлорожденный.

– Если ты не хочешь меня убивать, пойдем дальше! – сказала Нассини.

Следующая комната была совершенно не похожа на то, что видел Эрд прежде. Никакой мебели. Световые блики, бегущие по цветным кривым, пересекающим стены. Эрд взглянул вверх и увидел вращающийся диск с прорезями. Роспись и освещение вызвали у светлорожденного странное чувство: будто стены комнаты сейчас рассыплются. Мускулы воина напряглись, словно ощущая опасность, которую Эрд еще не признавал.

– Сними обувь! – велела Нассини.

Сама она уже шла босиком по ковру, который странно прогибался под ее ногами, а потом вновь становился ровным. Эрд ступил на ковер и понял, что под ним – вода. Нассини потянула за черный шнурок – и Эрд услышал странную тягучую музыку: низкие трубные звуки, смешанные с позвякиванием колокольчиков и ударами гонга. Время от времени к ним добавлялся звук барабана – глухой протяжный удар. По углам комнаты стояли бронзовые драконы-курительницы. Нассини зажгла их, и из распахнутых пастей потянулись дымные язычки: два белых, желтый, розовый и лиловый. Запах, наполнивший комнату, трудно было назвать приятным, но и неприятным он тоже не был. И не был похож на запах известных Эрду наркотиков. От звуков у Эрда застыли зубы, но едва дым достиг его ноздрей, это ощущение прошло.

Эрду стало легко. Он посмотрел на Владычицу, и Нассини показалась ему очень красивой. И очень желанной. Ему стало жарко. Эрд расстегнул камзол, потом снял его и положил на пол. Дернул завязки рубашки. Нассини неотрывно глядела на него. Светлорожденный аккуратно, чтобы не повредить кружева, снял с себя белоснежную рубаху. Нассини была в десяти шагах от него, но воину показалось, что он чувствует на своей груди ее горячее дыхание.

Соххогая шагнула вперед. Все ее замысловатое одеяние распалось на части, и она перешагнула через него, стройная, узкобедрая, как девочка. Она застыла, опустив глаза, уронив вдоль тела тонкие белые руки. Светлые пушистые волосы упали на ее грудь. Вся она была невинность. Прекрасная, как дева из мечты. Эрд не смел приблизиться к ней, но руки его, огромные, жадные, потянулись к Нассини, смяли ее хрупкие плечи, прижали к горячей груди. И ее грудь была еще горячей. Эрд не помнил, как избавился от трико, как повалил ее, все такую же неподвижную, вялую, как кукла или мертвец. Блаженство! Блаженство! Блаженство! Оргазм его длился так долго, так бесконечно долго! Он истекал, истекал, истекал! От него почти ничего не осталось – все перешло к ней, к Нассини. Он стал крохотным, как мышонок. Меньше пальца. А Нассини стала огромной-огромной. Сказочной прекрасной великаншей. И она взяла его на ладонь, крошку Эрда. И она гладила его огромным-огромным пальцем. И Эрд стонал от наслаждения. О! Она играла с ним долго-долго. А потом сам он вырос, а Нассини стала крохотной, как серебряная медовница. И вновь – огромной. И опять играла с Эрдом. И то, что она делала, никто не посмел бы описать. Да это и невозможно.

Х

«...Что же до маленьких людей, называемых еще вагарами, то достоинства их многочисленны, а таланты обильны. Особенно же известны у нас оружие их и украшения, что выкованы мастерами вагаров в глубинах их подземных убежищ. Тем же, кому сие неведомо, скажу: трон, скипетр и сама корона императорская, знаки власти величайшего над нами, сделаны сим народом.

Обиталище вагаров – северо-запад, Ледяные горы, Вагаровы горы от моря Имира до северного берега Межземного моря. Говорили мне, что в недрах тех выстроили вагары множество подземных городов, нашим не уступающих. А сами горы уподобились турецкому сыру от обилия тоннелей, коими источили их трудолюбивые и искусные маленькие люди. Слышал это и верю – правда. И еще: все мы знаем, каковы полночные люди Хольда в труде мирном и ратном. Хвала им! Но вагары – лучшие. И еще слышал от жителей Гарда холоднокаменного: превосходны они и на море. Ходят они даже в Имирово море. И добывают там драгоценные бивни хармиарков. И лишь они одни способны на сие.

Такова их доблесть. Я думаю так: будь малый народ воинственной – страшный был бы враг. Но, слава богам-хранителям, мирны они. К нам, людям большим, зла не питают. Весьма мудр был встарь император Сергион, что нарек их отныне и навеки друзьями и союзниками нашей великой империи, со всеми правами и привилегиями, соединившими скупых на речи хольдцев, непревзойденных во многом аркидов и искусных в делах и творениях тайцев.

Многое говорили мне также о Мангхэл-Сёрк, тайном боевом искусстве малого народа. Думаю, большее из сказанного – ложь. Невозможно такое ни для вагара, ни для человека, а лишь для мага великого или бога.

Но все же воинское умение их великого уважения многого достойно, ибо всем нам известно, сколь сильно желают знатные наши обрести учителя из вагаров для детей своих в деле воинском. Но лишь два рода удостоены этим: дом Асенаров и дом Роанов. И причина тут иная, не человеческая, неведомая внутри, а снаружи такая: оба рода эти имеют оружие старинное, вагарами же сотворенное и, по слухам, многой магией обладающее. То Мечи Белые, драгоценные, из бивня хармиаркова выточенные, что рубят

дерево, как тростник, а железо – как дерево.

И еще: с людьми вагары дружбу водить не любят. К добру это, ко злу ли – то я не ведаю.

Слышал я также, что в горах Хуриды есть...»

Сигвар Гурский. Описание земель

Начальник Внешней Стражи Сихон подошел к Владычице после вечернего смотра. Он снял с головы шлем, погладил потную голову и поклонился.

Соххогая двинула плечом: подойди! У нее было отличное настроение. Новый крем, присланный из Тайдуана, оказался действительно хорош. Кожа после него становилась чистой и нежной, как у ребенка. И вдобавок прикасаться к нему было очень приятно. Последнее свойство, разумеется, – магия. Иллюзия в иллюзии. Но доставляет наслаждение. Нассини милостиво приподняла ножку, и Сихон, опустившись на колени, поцеловал носок позолоченной сандалии. Дрожь, охватившая его, вынудила воина простоять перед ней так, не вставая, закрыв глаза. Но вскоре он смог не только подняться, но и начать говорить. Крепка была воля Сихона.

– Владычица! – сказал он. – Мне нужен мечник вместо Беззубого.

– Сейчас я не могу отпустить тебя в Фаранг, – отвечала соххогая. – Обойдись теми, что есть.

– Мне нет нужды искать, Владычица. Я уже нашел. Большой воин, что пришел с вождем из Империи. Он изъявил желание.

Нассини задумалась.

– Тебе он подходит? – спросила она.

– Немного увалень, госпожа. Но силен, как пард, и довольно ловок для своего веса. Кроме того, ест за троих и спит за двоих.

– Ты считаешь это достоинством?

– Для солдата хорошо, госпожа. Он совсем не жирный, значит, умеет шевелиться, когда надо. Когда солдат свободен, он должен есть, спать и возиться с бабами, чтоб не загустела кровь. Этот северянин именно таков. Он мне подходит. Еще как подходит!

Нассини внимательно посмотрела на Начальника Стражи:

– Ты так никого не расхваливал.

– Этот великан мне по душе! – честно сказал Сихон. – Прост, как пес, и, похоже, довольно жаден. Он настоящий солдат, госпожа, клянусь нюхом Тура!

– Я дам тебе ответ завтра, – сказала соххогая. – Он спит в отведенной ему башне?

– Не уверен, госпожа. Думаю, нет. Прошлой ночью я видел его в Веселой Роще с девушками! – Сихон беспокоился пошевелился. – Я полагал, госпожа, что внутри Владения он так же свободен, как и остальные? Мой человек не спускает с него глаз!

– Вели этому схваченному спать у себя! – приказала Нассини. – Что до остальных – пусть ходят, где хотят. Пока. Хотя... Этой ночью твой здоровяк пусть будет где пожелает. Но следующей – только в своей башне! – Она стукнула палочкой по спине раба.

Паланкин подняли и унесли, а Сихон поманил одного из болтавшихся поблизости слуг:

– Сбегай принеси мне вина, тонконогий!

Слуга вприпрыжку умчался на кухню и вернулся тоже бегом, неся на плече медный кувшин с пузатыми боками. Меньше трех минут понадобилось ему, чтоб выполнить поручение. Сихон взял кувшин, заглянул в горлышко.

– Приложился, мерзавец! – буркнул он и сделал добрый глоток.

Слуга испуганно посмотрел на Начальника Стражи, но Сихон не рассердился.

– На, глотни еще! – он протянул кувшин. – Ты расторопен! Как зовут?

– Дагон, господин.

– Запомню!

Он отобрал у паренька кувшин и двинулся к воротам.

Солнце уже коснулось горизонта. Ветер стих. Душный и теплый вечер навалился на землю. В траве под деревьями, в клумбах над раскрывающимися цветами свистели ящерицы.

В Веселой Роще разводили костры, выносили нарезанное мясо. Оттуда слышались смех девушек и звонкие удары топоров. Через час стемнеет, и начнется вечернее пиршество. Темная клочковатая пелена висела над вершинами Закатных гор. Не так далеко было от Владения до поросших лесом подножий. Отсюда деревья, покрывающие склоны, напоминали курчавую овечью шерсть. Выше, за дымкой, – перевал, а за ним – Урнгур. А еще дальше на запад, за следующим хребтом, чьи снежные вершины видны в хорошую погоду, – неведомый и страшный край. Проклятые земли, где обитает вековечное Зло. Так говорят. Слава богам, высоки Закатные горы, не перехлестнет через них алчное Лихо Западных земель. Довольно Конгу и своих бед!

В широкие ворота Владения въехал десяток стражников на пыльных пардах. Десятник приветствовал Сихона, прижав палец к стрелке шлема. Это был Шуорд. Сменный отряд нестройной группой выехал из Владения, а пришедшие, усталые, но веселые от предвкушения отдыха, переговариваясь зычными голосами, поехали к речушке, что вытекала из озера в полумиле от ворот. Пойманная у стены подземной трубой, речушка эта пенилась у решетки, ныряла вниз и стекала в Фуа.

Десятник Шуорд прыгнул наземь рядом с Сихоном. Пард его потянулся за сородичами и недовольно заворчал. Шуорд свирепо дернул за ремень упряжи и прикрикнул на животное.

– Скажи, командир, – произнес он, размазав по лицу грязь тыльной стороной ладони. – Эти северяне, которых мы взяли вчера, они не показались тебе странными?

– Я плохо знаю северян, – сказал Сихон. И, понимая, что Шуорд спросил неспроста: – Что-то заметил?

– Еще не уверен. Но держи руку на мече, командир!

– Два воина против всей стражи, – рассудительно заметил Сихон, – не слишком опасно. Даже если они лучшие бойцы, чем ты.

– Два воина? – переспросил Шуорд. – Ах да! Ну ладно. Я сказал тебе, командир. Извини! Мой Ветеран, – он хлопнул парда по шее, – хочет пить! – Прыгнул в седло и ускакал, оставив Сихона недоумевать в одиночестве.

– Нахальный коротышка! – Десятник, тот, что командовал привратной охраной, стоял за спиной Сихона. – Пора бы его проучить!

– Вот и проучи! – рявкнул Начальник Стражи, не любивший, когда подходят к нему со спины.

– Проучу, подскажи – как! – ответил обиженный десятник.

Этот высокий некрасивый конгай был больше по душе Сихону, чем фехтовальщик Шуорд. Просто попался под горячую руку.

– Вот вызову я его, даже если Владычица позволит, так он сделает из меня рагу! – продолжал между тем воин. – Ежели кто и сладит с ним, так это ты или мордоворот Ортран.

– Меня вычеркни! – отрезал Сихон. – Я слишком стар для этого демона. А Ортран... Сумеешь натравить его на коротышку – три дня отдыха. А если коротышка прикончит Большого – неделя в Фаранге и тройной приз из моих собственных денег.

– Он не дурак, Большой Ортран! – вздохнул десятник. – И Владычица не позволит драться.

– Ты почему знаешь? Попробуй!

Десятник безнадежно махнул рукой. Но вдруг лицо его оживилось.

– Слышь, Сихон! А если натравить на него этого, ну, новенького, того, что привели? Он чуть побольше Ортрана, а? – десятник хохотнул.

– Пустое! – сказал Начальник Стражи. – Я пробовал его на мечах. Так неплох, но против Шуорда – мясо!

– Жаль! – огорченно сказал десятник. Тут его окликнул один из солдат. – Разреш, я пойду?

– Я что, держу тебя? – проворчал Сихон. – Иди, работай!

Мимо проехал совершенно голый стражник на мокром парде. Вооружение и одежда его, связанные в узел, были приторочены к седлу.

«Пойти и мне окунуться?» – подумал Сихон.

Он почесал голову под шлемом и свистнул. Никто не отозвался. Сихон вложил пальцы в рот и засвистел так, что у самого заложило уши, а стайка ящерок-медовниц на ближайшей клумбе разом вспорхнула в воздух. На сей раз зов достиг цели. Его пард, проломившись через кусты, примчался к хозяину и, затормозив сразу всеми четырьмя лапами, застыл, высунув длинный красный язык. Сихон поскреб черное пятно на лбу парда и положил в открытую пасть кусочек копченого мяса. Зверь проглотил и весело толкнул хозяина большой головой. Сихон влез в седло и поехал к озеру. Ему, Начальнику Стражи, это было разрешено.

Красное солнце совсем скрылось из виду, лишь розоватый отсвет обозначал место, куда ушло дневное светило. Невдалеке заревел бык. Мощно, протяжно. Стадо возвращалось с выгона.

«Как в деревне! – подумал Сихон. – Покойник Спардух небось глядит из Нижнего Мира и язык грызет от злости! Простой был человек. Простой красноглазый людоед. То ли дело – Нассини!»

Как всегда, он лишь подумал о соххогое, а сердце уже запрыгало в груди и рот наполнился слюной.

– Хой! Хой! – крикнул он, чтоб избавиться от наваждения, и обрадованный пард припустил большими прыжками. Сихон выхватил меч и вертел его над головой, пока кисть не устала.

Старик-кормчий удивленно уставился на него с борта юбки.

«Самый свободный человек во Владении!» – подумал о нем Сихон и шагом спустился к воде.

* * *

– Это – он, сирхар?

– Да, Черенок, это он.

– Как велик! У нас нет подобного ему, сирхар!

– В Мире нет подобного ему. Но моя власть – выше!

– Тогда... Дай его мне, сирхар! Подари его мне! Клянусь сердцем Хаора, уж я не отпущу его!

– Я уже наскучил тебе, Черенок?

– Ты?... О нет! Я пошутила! Прости, сирхар! Прости мне! Лик его обольстителен! Не гневайся! Вспомни, я покинула своих мужчин ради тебя! О сирхар!.. Пусть он умрет!

– Вот так лучше, Черенок! Да, я возьму его. А Дитя поиграет с ним, прежде чем Хаор выпьет его душу. И ты... бойся послушаться меня, Черенок! Или мне придется отказаться от тебя... к скорби моей!

– О сирхар...

...

– Господин мой, ты не мог бы изгнать его тень? Она мешает мне любить тебя!

– Нет! Я должен видеть его! Должен помнить: он силен, хоть и утратил, слава Хаору, свой Дар! Надеюсь, что утратил! Но он силен! И он идет! Терпи, Черенок! То воля Хаора!

– Сирхар, отчего твое «волшебное око» потемнело?

– Там тоже ночь, Черенок...

* * *

Ночь была теплой и тихой. Согретые вином, отяжелевшие от еды воины перебрасывались ленивыми, медленными словами. Девушки, тоже сытые, мягкие, теплые, как ночной воздух, шутили на огонь блестящие глаза и потягивались по-кошачьи. Их время еще не пришло. Оно наступит, когда взойдет над темными кронами невидимая отсюда златоликая Луна. Подвижное пламя костра пожирало дрова и обглоданные кости.

Нил, благодущный, как напившийся крови леопард, сидел, опираясь широкой спиной на ствол старого дерева. Слева от него, поглаживая могучее белое плечо воина, сидела на корточках нарумяненная девушка. Справа подруга ее, грудастая и игривая, покусывала большое Нилово ухо. Третья девушка, положив светловолосую головку на волосатую ногу Нила, гладила его опытной ручкой по сытому животу. Солдаты, принявшие великана в свой круг, как родного, то и дело отпускали в адрес его грубоватые шуточки. Нил был приятен еще и тем, что не обижался по пустякам. А уж минувшей ночью он показал себя молодцом!

«Не попал бы к вам – совсем бы ошалел! – признался он новым приятелям. – Где ж это видано, такого блудуна, как я, – без баб? Не понимают солдата благородные! Говорю ему: возьмем девку в Фаранге! Пусть с нами плывет! Так нет же!»

Воины цокали сочувственно: «О! Нил – человек! Свой в доску!»

О женщинах солдату приятно поговорить. Но – без женщин. Оно так: с бабами – о службе, на службе – о бабах! Нынче же говорили о мечях. Вспомнили все: от гурамских сабель до хольдских тяжелых мечей. А уж какой меч лучше – это спор давнишний. Большинство стояло за прямые, конгские, но немало нашлось сторонников и у кривых клинков.

– По мне, – сказал Нил, поглаживая одну из девиц по бархатистой спинке, – что прямой, что кривой – чем больше, тем лучше! Помню, ехали мы как-то...

Но его перебили. Серьезный разговор, нечего байки травить.

– Шуорда надо позвать! – предложил кто-то. – Шуорд верно скажет!

– А ну его! – отмахнулись сторонники прямых лезвий. – Известное дело, сам гурамскими машет! А мужик дерьмовый, без уважения! Известно!

– А я позову! – сказал чернобородый воин родом из Гурама. – Вот пусть и скажет, чем наша сабля лучше конгского клинка. Язык-то у него – будь здоров!

– Что – да, то – да! – подтвердило несколько голосов.

Подбросили в костер, и пламя вспыхнуло, выбросив сноп искр. Хорошо горит смолистое дерево, ярко! Девушек послали за вином. Сразу трех послали, а то еще перехватит кто по дороге! Для верности надо было б и кому из мужчин пойти, но лень. Впрочем, вернулись все трое. Принесли бурдюк местного молодого вина и кувшин крепкого морского – у кого в брюхе озябло. Кто-то воткнул в дерево кинжал – повесить бурдюк. Зашипело вино, расплескиваясь по кружкам. Одна из девиц Нила наполнила огромный рог и принялась поить великана под хихиканье и болтовню. Вино текло по широкой груди Нила. Но вытекало немного. Основной поток с клекотом вливался в просторную глотку.

– А вот и Шуорд! – закричал кто-то.

Явился. Навеселе, ловкий, длиннорукий. Сабельные ножны – враслопыр. Дракон! Только маленький – с ящерицу. Сграбастал одну из девушек, смочил горло крепким и пожелал узнать, кто тот идиот, что сравнил конгскую железяку с его умницами. Ежели есть такой, пусть встанет, и он, Шуорд, выпустит ему жирок раньше, чем тот скажет: О!

Солдаты переглянулись. Нет, от пьяного Шуорда толку не будет! Зря звали. Только настроение поломают.

– Я, – сказал десятник, заглотив еще вина и так стиснув девчущку, что та жалобно пискнула. – Я любого вздрючу! Любого здоровенного беловолосого барана! Хоть с мечом, хоть с колючей шишкой на веревке! – Шуорд имел в виду Начальника Внешней Стражи. Но Нил, краем уха поймавший обрывок насчет здоровенных беловолосых баранов, заинтересовался.

– Что там вякает этот грабастый? – осведомился он негромко у девушки, что лежала на его коленях.

– Да не слушай его, миленький! – обеспокоенно принялась уговаривать девушка. – Так, болтает спьяну. Тебе-то что?

– А то пойдем? Ночь – в самую пору! – предложила ее подруга, поглаживая Нила по животу.

– Поспеем! – Великан спихнул ее и приподнялся, оторвав торс от древесного ствола.

Шуорд тем временем, при полном молчании слушателей, всюду распинался о трусливых северянах и собственной храбрости. В одной руке десятник держал кружку, в другой – девушку. Он ощущал себя подлинным героем: ну, кто посмеет бросить ему вызов?

Вдруг десятник с беспокойством ощутил, что ноги его потеряли опору, хотя не так уж он был и пьян. Он даже выпустил девушку, тут же отбежавшую в сторону. Но чашку, как истый солдат, держал в кулаке. Крепкое, впрочем, почти все вылилось.

– Что ж это ты болтал, козявчик, насчет беловолосых северян? – нежно спросил Нил. – Продолжай, я послушаю.

Трудно выглядеть грозным, когда тебя подняли за шиворот.

Но лицо Шуорда действительно стало грозным. Для тех, кто видел. Нил же наблюдал лишь стриженный затылок.

– Молчишь? – так же ласково спросил великан.

И, прежде чем рука десятника нашла эфес, он вдруг ощутил резкую боль ниже спины, а потом – что быстро летит по воздуху. Куст, в который он приземлился, смягчил падение, но оказался довольно колючим.

Пока Шуорд ворочался там, проклиная всех богов и северян разом и по частям, Нил невозмутимо вернулся на свое место и притянул к себе девушек.

– Погорячился я, – добродушно сказал он выпучившим глаза воинам. – Ну болтает спьяну человек, и пусть ему! Дай-ка мне, мурочка, винца! И сама, сама хлебни! И ты, киска, на, на!

Его спокойствие и воркующий басок заставили девушек забыть, кто именно сейчас задом вылезает из кустов, бормоча страшные угрозы.

Наконец Шуорд выбрался. Колючки торчали у него из одежды. Три воткнулись прямо в лицо, но мечник не замечал их. Жалобно всхлипнули сабли, покидая ножны.

– Шуорд, о! Шуорд! – несмело произнес кто-то из воинов.

Десятник бросил на говорившего такой взгляд, что тот прикусил язык, облившись потом.

Шагом твердым и неспешным подошел Шуорд к балагурящему Нилу. Так мясник подходит к быку.

Он остановился перед сидящим воином.

– Ты! – выплюнул он. – Паскудный жирный белобрысый протухший слизень!

Нил поднял голову.

– А, это ты, малыш! – сказал он рассеянно и вновь переключил внимание на девушек.

– Мать твою, – раздельно говорил Шуорд, – болтливая грязная шлюха! Отец твой – черный дрянной подземный паук с откушенным членом! Сестры твои...

Нил перестал тискать девушек. Он слушал Шуорда так, как слушают актера. Цокал языком, когда сравнение казалось ему особенно удачным. Когда же десятник уподобил его семя слизи, что выделяет страдающий поносом на шестнадцатый день болезни, Нил дважды хлопнул толстыми ладонями.

Тут наконец Шуорд понял, что выглядит комедиантом. И замолчал. Глазки его метнули молнии. Он готов был тотчас зарубить Нила: плевать ему на наказание! Но опасался, что из-за застилающей глаза ярости случайно заденет одну из девушек, лианами обвившихся вокруг великана. Они-то понимали, что ему угрожает, и хотели по-своему защитить. Это было трогательно. Но не для Шуорда.

Десятник бросил в ножны один из клинков, схватил за плечо ближайшую из трех и дернул к себе. Девушка завизжала.

Добродушное лицо Нила вмиг стало безумной маской. Его длинная рука сцапала лодыжку Шуорда, и десятник снова оказался в воздухе. Взмахнув им, как палицей, гигант во второй раз зашвырнул мечника в злополучный куст.

Но на сей раз северянин к девушкам не вернулся. Похлопав себя по бедру и обнаружив, что меча при нем нет, Нил на глазах у изумленных солдат выворотил из земли небольшое деревце, обломил тонкую верхушку, и в руках его оказалась дубина в десять локтей длиной,

с тяжелым, облепленным землей комлем, из которого, как клыки, торчали белые обломки корней. Уперши ее в землю, наклонив голову, он ждал, пока десятник выдерется из куста и, окровавленный, ослепший от ярости, бросится на него...

Тяжелый ствол в два с лишком роста длиной смел Шуорда вместе с его гневом и саблями, как палка мальчишки сшибает дрянной гриб. Десятник перелетел через поляну (третий его полет всего лишь за четверть часа) и покатился по траве. Сабли он не выпустил и почти не пострадал. Палица скорее толкнула его, чем ударила. И не усмирила. Он бросился снова, увернулся от комля, нырнул вперед... Он уже чувствовал своим клинком живот великана, когда второй конец дубины, которую Нил держал посередине и перевернул в руке, подсек ноги Шуорда. Мечник извернулся в воздухе, как дикая кошка, и упал на четвереньки. Сабля по-прежнему была в его правой руке. Но Нил толчком свалил его на спину и придавил толстым концом ствола к земле.

Мечник барахтался, как перевернутая черепаха. Он сек мечом основание ствола, но ему было не замахнуться как следует, и из-под клинка летели только ошметки коры.

Постепенно удары Шуорда стали слабеть, он не мог даже крикнуть: попробуй крикни, когда в живот тебе упирается целое дерево, на которое к тому навалился сверху мужик в три тебя весом!

Нил мог бы раздавить десятника так просто, как посох давит змею. Но зачем ему? Когда конечности Шуорда перестали трепыхаться, великан снял с него комель, аккуратно прислонил палицу к дереву, взял бурдюк и стал пить прямо из горлышка.

За сим его и застал Сихон, приведенный встревоженным соглядатаем.

Углядев распластанного на земле Шуорда, Начальник Внешней Стражи подошел к десятнику и тронул его ногой.

Шуорд застонал, глаза его открылись, и он что-то прошептал. Сихон еще раз тронул десятника ногой, и тот жалобно скривился: должно быть, Нил все же сломал ему пару ребер.

– Твоя работа? – сурово спросил Сихон великана, утирающего подбородок краем куртки.

– Моя, – признался Нил. – Не ругайся, командир. Мозгляк сам налетел на меня. Если б я его не вздул, он, пожалуй, испортил бы мою шкуру, хоть она у меня и крепкая!

Тут все воины разом закричали, и Сихону с трудом удалось их унять.

– С тобой все в порядке, парень! – успокоил он Нила, оценив ситуацию. – Я не сержусь! (Еще как не сержусь, парень! Ты лихо стряхнул с него спесь!)

– Ну, так я... пошел? – спросил Нил, поглядывая на девушек.

Сихон кивнул.

– Эй, ты и ты! Несите его к лекарю! Да поаккуратней! – добавил Начальник Стражи, заметив, как грубо схватили воины бедного Шуорда.

Но лекарь уже пришел сам. Большой, толстый, с писклявым голосом и жирными щеками. Мягкими умелыми ладонями он ощупал десятника и похлопал его по исцарапанной щеке, вытащив предварительно из нее иглы.

– Мог бы и сам прийти! – сказал ему лекарь. – Косточки целы. – И Сихону: – Пусть повалывается денек в тени, а потом – за работу! Знаю вас, медномудых (это – солдатам). Как в седло – так задница болит. А как девок щупать...

– Завидуешь, слизень? – прошипел, морщась от боли, Шуорд.

Лекарь взял его за подбородок.

– Утром, – сказал он своим тонким противным голоском, – ты, ублюдок, придешь ко мне. Припарки сделаю.

Нил посадил на шею одну из девушек, подхватил двух других под мышки и трусцой покинул поляну. Девушки радостно повизгивали. Воины с уважением поглядели вслед.

– Крутой парнишка! – сказал рослый рыжий солдат с поломанным носом.

– Ты тоже красивый! – прижалась к воину его подружка.

Она не преувеличивала, если за эталон брала Нила.

Воины разбредались по роще. Кто – с подружкой. Кто – с дружкой. Кто – просто

поспать на теплой, мягкой от опавших листьев земле.

Владение погружалось в сон. Но хозяйка его не спала. С масляной лампой в одной руке и небольшим ящичком – в другой тихо поднималась Нассини по спиральной лестнице.

Вот она достигла верхней площадки и бесшумно приподняла входной люк...

Снаружи желтая луна уже почти обожгла небо. Иглы созвездий горели в глубокой небесной черноте, как загадочные письма. Но с запада навстречу им уже двигалась тьма. Тучи, пожиратели звезд, наплывали на высокое небо Конга.

«Должно быть, пойдет дождь!» – подумал Сихон, плотнее заворачиваясь в плащ. Листья шуршали над ним вечную колыбельную песню.

* * *

Синеватый серебряный свет падал на неподвижное лицо Этайи, пульсировал, оживал в нем, как оживает луч в драгоценном камне, гладил смеженные перламутровые веки, шевелил пушистые волосы, смешивался с бледным сиянием, исходящим от дивного тела фьэль, плавал и волновался над ней, будто был он дымом, а не лунным светом.

Чудесны грезы фьэль. Не сон – танец напоминают они. Удивительный и прекрасный полет живого в мертвом лунном сиянии над спящим грузным, усталым телом Тверди.

Воздуху и свету принадлежат фьэль. Так говорят они сами: воздуху и свету. Но боль земли – их боль. Вот странность для существ, безразличных к любой боли, своей ли, человеческой ли, – если то не боль души.

Ласкает серебряный свет луны спящее тело Этайи. Нежит его в подобной не раскрывшемуся цветку, потерявшейся между кровлями Дворца башенке. А бесплотная и невесомая душа ее кружит над поющими вершинами Золотого леса.

Не смешивается голос фьэль с чистыми голосами. Одинока душа Этайи. Одинока стеной Отражающего Заклятья, что одно лишь дает ей силу странствовать вдали от родины. Но сама земля фьэльных открыта для Этайи. Она слышит медленные вздохи Заповедных гор. Ловит их мощное движение: можно его удержать ненадолго, как умеют маги. Удержать – не остановить. Как можно удержать Время, которое сами боги людей не властны повернуть к истоку.

Этайа слышит небо. Слышит она и тех, кого люди зовут богами. Слышит и Того, Кто выше богов. Так мы, люди, слышим дыхание ветра: не видя, не понимая слов его песни... Обычно не понимая...

А для фьэль горы едины. Молодыми и старыми видит она их. В тверди, в камне прошлое и будущее живут рядом, как в образах полированной яшмы. Вот огненная река меж утесов. И крылатые чудесные существа над ней. А разрежь правее – только источник маленький между розовых теснин. И крылатых еще нет – лишь загадочные точки. Возьми левее – иссохла река. А крылатых поглотил Паук, черный, страшный. Все это вместе, в одном камне, что умещается на ладони ребенка. И в каждой картине – век. И век веков – на одной ширине пальца. Каменная река. Так фьэльны видят Будущее. И Прошлое видят они так. Каменная река.

Но сами они – всегда в Настоящем. И потому так жестока печаль Этайи. Потому сродни лунному свету Моны песня ее над Золотым лесом.

Слышит ее Лес – не поможет. Такова воля самой Этайи. Такова воля народа Фьэльных. Недолго осталось.

Над моей постелью ветер
Насвистит напев негромкий,
Засвистит напев истомный,
Тонкотканый, колыбельный...
Над моей постелью, светел,

Звездный Кормчий правит. Ровно
Гнутся весла... «Беспредельна...» —
Шепчет голос. Звезды тонут.
Ветер-сон качает кровлю,
Кровлю неба над постелью.
Отплываем...

XI

«История эта волею богов началась с великого кощунства: украдена была пророчица Повелителя Судеб. Прямо со ступеней храма была украдена та, прикосновение к коей сулит великие бедствия. А сотворили злое дело три брата, три воина, что родились в строгих лесах северного Хольда. Дело нехитрое – трем мужчинам, каждый из которых повыше четырех локтей ростом, – украсть маленькую женщину. Трудно уберечь украденное. К чести братьев сказать: не для блудной потехи украли они священную женщину. Некто высший обременил их невеликий ум мыслью столь же пустой, сколь и чудовищной: как прославится селение их родное, ежели займет собственную пророчицу от самого всевластного Повелителя Судеб! Ого!

Сдобрили они идею кувшином вина, взяли мешок поплотней и, подгадав момент, свершили надуманное безобразие. А там мешок с добычей через седло и – айда, легконогие парды!

Прознали о содеянном жители Глорианы – а воров уж и след ветром замело. Мало ли северян, могучих да светлородных, шатаются по земле Империи?

А братья сели на корабль и отплыли в Гиб, что на северном берегу озера Лейр. А из Гиба, сушей – на северо-запад, в сторону Гарда. И канули.

Кто они, откуда – велено было прознать то блюстителям. И прознали бы. И наказали бы святотатцев, хотя бы и двадцать лет искать пришлось. Но свершалась тут не воля людей – Высших начертание. Что думают боги об отдельной судьбе каждого? Что думаем мы о медовнице, севшей на чашку цветка?

Ушли братья с добычей своей бесценной в северные горы. Ушли, чтоб встретился им там некто из народа вагаров. И свершилось задуманное Повелителем Судеб».

Сантай Темный. История славных. Глава девятая «Неуязвимый»

Санти валялся на берегу речки и сквозь высокую траву подглядывал за девушками, что стирали белье. Девушки знали, что он за ними наблюдает, а Санти знал, что они знают, а они знали, что Санти знает, что они знают... и так далее. Каждый получал свое, пусть и малое, удовольствие.

«Пожалуй, у той, высокой, фигурка не хуже, чем у Мары», – подумал Санти, переворачиваясь на живот и кладя подбородок на соединенные руки.

«Вот странное место! – пришла к нему уже не раз обдумываемая мысль. – Девушки – чудо! Земля – ласковая. Трава – как шелк. Речка – светлая, весеннее небо. А выдерись из соседней рощи нечто ужасное, хоть ящер из Гибельного Леса, – не удивлюсь».

Что-то твердое и острое коснулось обнаженного плеча. Санти взлетел, как ужаленный... Но это был всего лишь Биорк, потрогавший его кончиком прутика.

– Ты что вскочил? – удивился маленький воин. – Лежи! – И сам опустился рядом.

– Слышал о тебе в Фаранге, – произнес вагар, глядя на обтянутые яркими повязками

ягодицы девушек.— Ты, говорят, поэт?

— Немного,— ответил Санти.— Как тебе эти малышки?

— Да,— безразлично отозвался вагар.

Санти медленно перевалился на спину и посмотрел на сине-зеленые листья наверху.

Прежнее зашевелилось внутри. Этой ночью кошмары не мучили юношу. Ему снилась фьэль.

Скрестив ноги, опершись на древесный ствол, Биорк смотрел на юношу.

«Совсем дитя!» — думал он.

Девушки кончили стирать, выкупались и отжимали сейчас мокрые волосы.

— Она зовет меня! — вдруг проговорил Санти.

— Этайа?

— Да.

— Мне проводить тебя?

— Нет. Благодарю, теперь я сам найду дорогу!

Когда юноша ушел, Биорк поднялся и направился в противоположную сторону.

Под большим деревом, положив голову на подушку с яркой вышивкой, спал Нил. Великан любил свежий воздух. И комфорт тоже любил. Приставленный к Нилу шпион перемигнулся с соглядатаем вагара.

«Быть тебе без обеда!» — подумал Биорк, знавший, что проспять десять часов кряду его сыну ничего не стоит.

Кое-кто из встречаемых с удивлением поглядывал на вагара. Не все видели его прежде, а во Владении детей не было. Соххогия их не любила, а кулинарных пристрастий своего покойного мужа не разделяла.

Шпиону, приставленному к Биорку, казалось, что тот бесцельно шатается по Владению, не зная, чем заняться. Вагар же успел прикинуть пару возможных путей ухода, изучил окружающую Владение стену и решил, что преодолеть ее можно, но перетасщить пардов вряд ли удастся. Поэтому наилучший путь — через ворота. Если не считать времени, когда один дозор сменяет другой, там было только пять стражников. Не слишком много для них. Но потом по следу беглецов устремится не меньше сотни воинов. Будь это обычные солдаты, это бы не встревожило вагара. Но стражи соххогоев были отнюдь не обычными солдатами. Вагар видел их на тренировках: настоящие бойцы! И все же, будь он один — побег не был бы проблемой. Но он не один. Впрочем, нет тюрьмы, из которой нельзя сбежать. Тем более если тюрьма размером в сотни квадратных миль. Только Биорк позвоночником чувствовал: времени в обрез — два-три дня. Плохо. Потому что ни один из обдумываемых вагаром вариантов побега не был безукоризненным.

Биорк дошел до игровой площадки и перепрыгнул через низкое ограждение. Сегодня было не слишком жарко: облачка то и дело заслоняли Небесное Око. Биорк отошел в дальний угол и занялся гимнастикой. То, что он делал, не превышало возможностей плохонького акробата — большего здесь он позволить себе не мог.

Шпион, которому надоело смотреть на прыжки и приседания, отправился туда, где играли в мяч.

Мысли вагара сосредоточились на соххогое, но у него было слишком мало информации. Тренированный мозг Биорка питался только фактами. А тут необходимо было или виЕдение Этайи, или...

«Если бы Нил поменьше дрых!» — подумал он. И сразу понял, что несправедлив к сыну. У того — свои цели. И у фьэль — свои цели. И у Эрда. Но если он, Биорк, не найдет выхода, цели эти окажутся не достигнутыми. И его собственная — тоже. Как это часто бывало с ним, если ум его не мог найти что-то в настоящем, он обращался к прошлому, туда, где был завязан первый узел судьбы его сына.

* * *

Было самое начало осени. В эту пору в лесах к северо-западу от озера Лейр земля по утрам уже покрывается серебряным инеем.

Биорк возвращался домой. Он шел напрямик: в Голубом лесу нет нужды в тропах – подлеска нет, а стволы тысячеклетных гигантов – голубых кедров – достаточно далеко друг от друга.

У вагаров превосходный слух, потому он издали слышал топот скачущих пардов. И они явно настигали Биорка.

Люди редко вмешиваются в дела вагаров. Еще реже вагары вмешиваются в дела людей. Когда парды скачут по твоему следу, это еще не значит, что они скачут за тобой. Биорк не боялся, однако никогда не вступал в бой, не узнав все, что можно узнать. Спрятаться в Голубом лесу непросто, но вагар может найти укрытие даже на голом льду. Когда всадники приблизились, он распластался у подножия толстого ствола и спустя минуту увидел их: четыре усталых парда, несущие четырех человек. Два – по одному мужчине, третий – туго набитый выюк, четвертый – мужчину и женщину.

Биорк сразу понял, что он их не интересуется: глаза мужчины были обращены назад, а не вперед. По тому, как устали парды, можно было предположить, что путь они прошли немалый, и прошли быстро. Мужчины были воинами, светловолосыми, с толстыми руками и шеями, с широкими хольдскими мечами у бедра. И с очень похожими лицами, хотя старшему было не менее сорока лет, а младшему – не более двадцати пяти. Что же до женщины, то о ней трудно было что-то сказать: вся она была укутана в синий шерстяной плащ, явно мужской, теплый, с меховой оторочкой.

Вагары редко вмешиваются в дела людей. По настороженной повадке мужчин, по женщине, которую везли, как груз (в северных краях женщины держатся в седле не хуже мужчин), Биорк почуял недоброе. И встревожился настолько, что, когда всадники миновали его, пустился по их следу. Тогда он был еще достаточно молод, чтобы полагать: все происходящее в мире касается и его.

Человеку обычно не догнать парда, но если преследователь неустоим, а пард измотан, у человека есть шанс. Еще не стемнело, когда Биорк увидел впереди лагерь, а еще прежде почуял запах дыма. Неслышно подобрался Биорк к месту стоянки и затаился. Больше двух часов он слушал и смотрел: сумерки – не помеха его глазам, а звуки далеко летят в пустоте под кедровыми кронами. Огонь, защитник человека, дает ощущение безопасности – и молчаливые развязывают языки. Понемногу Биорк узнал все, что требовалось: женщина – пленница, а мужчины – три брата-воина, родившиеся недалеко от здешних мест. И они опасаются погони. Если так, им не следовало столько есть и пить: вино и тяжесть в желудке успокаивают.

Пока мужчины двигались и говорили, женщина молча сидела на сложенных тюках. Она съела поданную ей пищу и выпила немного разбавленного теплого вина. Вагар ощущал: она боится. Боится всех троих, но особенно молодого, время от времени бросавшего на нее алчные взгляды. Он хочет ее, понял вагар, но тоже боится – братьев. А братья боятся погони. Когда четверых, собравшихся вместе, мучает страх, добра не будет. Но он, Биорк, должен убедиться...

Тихо-тихо подполз он к женщине.

– Не оборачивайся! – шепнул он. И сразу добавил: – Я – друг!

– Кто ты? – так же тихо спросила женщина, и по тому, как дрожал ее голос, Биорк понял: нервы ее – на пределе.

– Друг! – сказал он как можно убедительней. – Тебя лишили свободы?

– Да, да! – горячо зашептала женщина. – Помоги мне, друг, и благословение Повелителя Судеб будет с тобой! Я – его служанка!

Ох как удивился вагар. Но виду не подал, пообещал:

– Помогу!

– Но будь осторожней! – прошептала она обеспокоенно. – Эти мужчины сильны. Довольно ли вас, чтоб справиться с ними?

– Вполне! – заверил вагар. – Обернись, теперь можно! – И встал на ноги.

Женщина повернула голову. Лицо ее, закутанное в шарф, обратилось к Биорку, и она тихо вскрикнула: вид его оказался для нее неожиданностью.

Братья у костра мгновенно оборвали разговор, и взгляды их устремились на пленницу.

– О! – удивленно выговорил младший. – Ты откуда взялся, малец?

Биорк сделал несколько шагов вперед, и свет костра озарил его бороду и кольчугу под плащом.

– Вагар! – изумленно произнес старший.

– Вагар! Вагар! – эхом отозвались его братья.

– Что надо тебе, воин? – осторожно спросил старший из братьев. Жители Холодного Края относятся к малому народу с большим уважением. – Подойди, раздели с нами пищу!

Биорк отрицательно покачал головой.

– Думаю я, – сказал он на языке Хольда, – женщина эта лишена свободы!

– А тебе что за дело? – агрессивно воскликнул младший.

– На земле Империи нет рабов! – твердо сказал вагар. – Она вольна идти куда захочет!

– А иди ты сам!.. – закричал младший, хватаясь за меч.

– Дурак! – зашипели на него с двух сторон братья. – Это же вагар! Вагар! Ты, идиот!

Биорк спокойно ждал, чем кончится перепалка. Северяне упрямы, но почитают старших. Младший заткнулся и лишь свирепо зыркал на маленького воина.

– Закон не всегда справедлив! – примирительно сказал старший брат. – Будь нашим гостем у очага! – произнес он условную формулу. – Даже если она вольна – куда она пойдет ночью?

– Будет так, – согласился Биорк. – Принимаю.

Два брата облегченно вздохнули: сумасшедший ссорится с вагаром, если можно этого избежать.

Биорк подошел к женщине.

– Я не оставляю тебя! – обещал он.

Ее синие глаза сверкнули из-под края капюшона.

– Не слишком доверяй им, маленький воин! – сказала она. – Они уже призвали на себя гнев богов!

Биорк кивнул и вернулся к костру. Старший подал ему чашу и миску с едой. Кстати. Биорк ничего не ел с самого утра. Пока он утолял голод, братья вежливо молчали.

Когда он насытился, старший из них честно поведал ему всю историю похищения. Неторопливо, без лишних эмоций, – как принято у жителей севера. Вагар выслушал его столь же невозмутимо. А потом сказал:

– Верю тебе, воин. Но не могу понять: зачем вы это сделали?

– Слава и доблесть! – выкрикнул младший.

– Справедливо ли: в Глориане сотни пророчиц, а в Холодном Краю – ни одной! – задумчиво сказал старший.

Средний промолчал. Здесь, в Голубом лесу, идея уже не казалась ему удачной.

– А зачем вам пророчица? – удивился вагар, для которого все глорианские боги – пустой звук, потому что одному лишь Неизъяснимому поклоняются вагары. – Мало вам собственных колдунов, которых вы кормите? Эти-то хоть вас лечат! – И младшему: – Велика доблесть: воину справиться с женщиной! Честь ее – честь воина! – добавил он, глядя на смутившегося юношу. – Скажу прямо: на мой взгляд, в вашем поступке разума – как раз на кувшин вина! Стыдитесь!

Теперь уже два старших брата смущенно опустили глаза: вспомнили, что кувшин – был. Но, схватив леопарда за хвост, – попробуй отпусти!

– Благодарю за тепло и ужин! – вежливо поблагодарил вагар. – Я иду спать. Надеюсь, хоть закон крова для вас священен!

– Да! Да! – рьяно заговорили все трое. – Не тревожься, гость!

Биорк кивнул и, отойдя к пленнице, завернулся в плащ, лег и задремал.

Братья же полночи провели в разговорах, а утром тихо оседлали пардов и, не попрощавшись, уехали.

Вагар так устал, преследуя их вчера, что проснулся лишь с лучом солнца. Женщина спала. Спал привязанный к дереву пард. И тюки с поклажей тоже были здесь. Не было лишь трех похитителей.

Биорк с хрустом потянулся. Женщина не проснулась. У нее оказалось бледное приятное лицо и очень светлые волосы.

Вагар сполоснул лицо в маленьком ручье, протекавшем поблизости, и занялся завтраком. Он слышал, как встала женщина, как она умывалась и причесывалась, но не обернулся. Наконец она сама подошла к костру. Биорк встал, повернулся – глаза у нее были света северного моря, а ростом она лишь немного превосходила маленького воина.

– Мое имя Биорк! – сказал вагар. – А твое?

– Виарта!

Так он впервые посмотрел в глаза матери Нила.

* * *

Сихон отыскал Нила там, где и ожидал: под большим деревом в сотне шагов от реки. Гигант лежал на спине, сложив на животе большие руки. Рот его был полуоткрыт, широкая белокожая физиономия и во сне сохраняла благодушное выражение. Из горла вырывался храп. На холмике груди, сложив крылышки, сидела голубая медовница. Когда тень Сихона упала на нее, ящерица перепорхнула на молодой побег и уселась между двумя листочками на его макушке. Побег наклонился, и ящерица затрепетала прозрачными крылышками.

Тут Сихон обнаружил, что глаза Нила открыты. Начальник Стражи, скрывая смущение, кашлянул:

– Велено тебе, северянин, спать ночью в отведенном тебе месте.

– Угу, – сказал Нил и закрыл глаза.

Сихон перенес тяжесть тела с левой ноги на правую.

– Ты понял меня? – спросил он настойчиво.

Нил приоткрыл один глаз.

– Я не глухой! – буркнул он и снова захрапел.

Сихон пожал плечами и оставил его в покое.

* * *

Теперь, когда смотрел Санти в сияющие глаза, бурные волны мятущихся чувств больше не захлестывали его. Но не разумом сдерживал он себя, а чем-то подобным мышце, родившейся внутри. Стоило напрячь ее – и будто челнок в воле кормчего становилась душа его над пенными гребнями чувств.

– Ты быстр в учении! – промолвила фьель.

– Ты – мой учитель! – ответил юноша. – Могу ли я медлить?

– Санти, Санти! – Голос Этайи был нежен, как первый луч солнца.

Кисть руки ее спадала с изголовья продолжением струящегося шелкового рукава. Радужный поток волос тек до самого пола, смешиваясь с золотистой шерстью ковра.

– Хочешь, покажу тебе Золотой лес? – спросила она. – Тот, что лежит за Заповедными горами? Хочешь?

– Как может быть это? – спросил юноша. – Мили и мили отсюда до ваших гор...

Улыбнулась Этайа. Так, как улыбаются фьель: одним лишь маленьким ртом. Кожа ее жила, как живут речные струи под лучами солнца. Холодными казались черты Этайи, но в холоде этом было больше тепла, чем в самой жаркой из песен Санти.

– Золотой лес! – прошептала она. – Он близко, близко... Ближе, чем этот дневной луч... Тысяча миль? Стань легче легкого, Санти... Легче легкого... Замри – и я понесу тебя...

Руки Этайи обняли юношу, нет, не прикоснулись, обняли так, как ветер обнимает встречающего утро. И дымка заволокла его взор. А потом вспыхнул яркий свет, и увидел он синее-синее море. И понял, что летят они над Срединными Водами, так высоко, словно нес их дракон. Но не было дракона под ними – лишь воздух, упругий и твердый, и живой, как спина парда. И летели они дальше, – долго, пока не показались под ними берега Тайдуана, а выше – чудесные Заповедные горы. К ним несла Санти Этайа. Несла, как несет ветер легчайший цветочный пух.

Видел он внизу заросли тростника по берегам большой реки, видел оранжевые, алые, фиолетовые, пурпурные цвета Тайдуана. Видел озера, обильные чистой водой и крохотные – с высоты – города. И, наконец, – дымчатые вершины Заповедных гор, ограду Непостижимой страны фьельнов. И – Золотой лес.

И запела Этайа. Не как смертному человеку пела она Санти – как фьельну. Вечной была ее песня. Вечной, как Жизнь. И вновь родился от нее юноша. И нарекла его фьель: Туон, Темный, ибо во тьме и сквозь тьму лежал его путь. А имя это было – тайным.

И вновь взлетели они над Заповедными горами, и летели над морем, о котором говорят: нет голубее вод, чем воды Межземного моря. Когда же легла под ними Черная Твердь, опустились туда, где была их судьба.

И узнал Санти боль фьель, и заплакал. И обняли его сияющие руки Этайи:

– Прогони боль – и она уйдет!

И так сильна была вера фьель, что успокоился Санти, уронил черноволосую голову на хрупкое плечо и уснул, как спит на глади морской покинутый ветром корабль.

Так утешила его та, которой не было утешения. И смешались сны их в этот полуденный час, как смешались радужные волосы Этайи с темными кудрями юноши. Сам Повелитель Судеб отступил от них, встал на страже: никому не позволено тревожить спящих. Только ветру, что сам сродни снам волшебным: никто не знает, откуда пришел он, куда уйдет. Но приход его – благо.

Так миновал день.

XII

«Первый шел по жестким травам.

Влево, прямо или вправо.

Шел легко, как ходят звери.

Шел...»

Конгская песня

– Скажи мне, Тай, куда вы идете? И зачем? – спросил Санти.

Он сидел на ковре недалеко от Этайи, полулежавшей на вытканых серебром подушках. Лицо фьель было открыто, и свет играл на перламутровой коже.

– Ты спрашивал Биорка, – ответила фьель.

– Да. Но он сказал только, что вы идете на запад, за Закатный хребет.

Когда Санти говорил об отвлеченных вещах, ему становилось легче. Казалось, что огонь, сжигающий его изнутри, притихает. Огонь этот вспыхнул совсем недавно, но даже новая власть Санти над чувствами оказалась бесполезна. Горела сама душа.

– У вас какая-то важная цель, да, Тай? Очень важная? Мне говорили, что фьельны никогда не покидают своей страны. Но ты... – Он посмотрел на Этайю, лицо ее утонуло в свете, подобном свету восходящего солнца, чудесном золотом пламени. – Никогда не покидают. Это так?

– Да.

– Но ты – покинула.

– Я – покинула.

– Значит, цель ваша – сильнее обычая. Закатные горы – опасные горы. Я не воин. Но не буду обузой. Сердце мое говорит: я не буду обузой. Даже – вам. Я прав, Тай?

– Сверху, Туон. Ты прав правдой, что лежит сверху. Есть и другая. Да, мы не покидаем нашей страны. Мир закрыт для нас. Но это не обычай. Мы не уходим потому, что не можем жить без своих братьев и сестер. Фьельн, далеко ушедший за круг Заповедных гор, сойдет с ума. Или перестанет быть фьельном.

– Значит, фьельны – пленники своей страны?

– Можно сказать и так. Но мы и без телесных путешествий можем видеть настоящий Мир. А многие из нас – даже прошлый и будущий.

– Но ты – здесь! – воскликнул Санти.

– Да. Меня растили для этого. Но и мне тяжело. Я не сошла с ума, осталась фьель. Но никогда уже не буду той, что прежде.

Санти молчал. Он знал ее два дня. И не мог представить, что они разлучатся.

«А ведь я человек, – подумал он. – Что же чувствует фьельн?»

– Мне очень плохо, – проговорила Этайа, почувствовав его мысли. – Но я выбрала сама.

– Я прав, – сказал Санти. – Ваша цель – очень важна.

Этайа встала, накинула вуаль и подошла к окну. Оттуда, стоя спиной к юноше, она сказала:

– Очень важно то, за чем идут воины. Но я пришла за другим.

Она повернулась. Золотистое пламя просвечивало сквозь шелковую вуаль.

– Я пришла за тобой...

«Нет! – должен был кричать Санти. – Зачем ты это сделала! Я не хочу быть ценой твоих страданий!»

Огромное горе должен был испытать он. И огромную радость. Но не ощутил ничего. Будто его завернули в ватный кокон.

«Тай! – догадался он. – Она следит, чтоб мои чувства не взорвали мой ум».

Юноша не вскочил. Не шевельнулся. Он был прав. Наполовину. Его удерживала собственная магия, та, что разбужена была песней фьель. Санти еще плохо знал себя.

– ...пришла за тобой, но мы пойдем с воинами, если ты пожелаешь. Хотя это не обязательно. Мы, фьельны, не вмешиваемся... стараемся не вмешиваться в дела Мира, если люди могут справиться сами.

– Времена меняются! – произнес кто-то чужой внутри Санти.

– О да! Потому пришел ты. Чтобы отвратить злое. Вагар Биорк и светлорожденный Эрд могут стать спутниками ради человеческой цели. Но ты – наш, Туон!

– Моя мать – фьель? – спросил юноша.

– Нет. Но фьельны пели, когда твой отец зачинал тебя. Пели для тебя.

– А моя мать?.. Кто она? Она жива?

– Жива. Ты узнаешь, когда придет время. Узнаешь, не задавая вопросов. Но если ты пойдешь в Закатные горы, твое время может и не прийти. Никогда. Ты – наш. Ты – волен. Прислушайся к своему сердцу – и сделай выбор.

Санти прислушался...

Этайа видела свет, исходивший от лица его. Душа ее, чистая, как свет звезд, душа фьель, не знавшая пут, не знающая розни желаний, плакала от невозможности несбыточного.

– Жаль, что я не фьельн! – произнес наконец юноша. – Жаль!

Он поднял блестящие, зеленые, как море Зур перед бурей, отчаянные глаза:

– Фьельны – не люди... Люди – не фьельны... – Прислушался к тому, что сказал. А потом коснулся чуткой рукой музыканта кисти женщины:

– Я люблю тебя, Тай!

* * *

Нассини возлежала на расшитых в три цвета пуховиках и глядела, как преломляется пламя дневного светила в драгоценных камнях плафона, оправленных в черное серебро. Камни были подобраны так, чтоб свет, идущий сквозь них, не смешивался, а оставался

отдельными лучами красных, голубых и зеленых тонов.

Четыре стены пятиугольной комнаты были отделаны деревом близких оттенков: от темно-багрового до алого. Пятая стена была скрыта угольно-черной портьерой.

По своему обыкновению Нассини была нага. Белые тусклые волосы длинными прядями осыпались на худые плечи. Правая рука круговыми движениями втирала в кожу живота ароматическое масло. В левой был крохотный, чуть больше ногтя, золотой кинжальчик. Острым его кончиком Нассини прокалывала кожу на животе. Но крови не было – притирание сразу задепало ранки.

На расстоянии вытянутой руки от соххогои подсыхал небольшой, размером с две ее ладони, портретик Муггана.

Вопреки канону детей Истинного, он был написан в реалистической манере. Написан превосходно: лицо мертвеца, запечатленное мастером, казалось Нассини сверхмертвым. Сколько бы она ни восхищалась изяществом абстрактного, но нарисованное таким, каким было в Мире Иллюзий, казалось куда сильнее.

Глядя на равноконечный серебряный крест с ликом великомученика Полты Хуридского, соххогоя познавала то же жгучее наслаждение, что и муж ее, Спардух, испытывал, вырвав из груди раба трепещущее сердце. Трижды запретным было поклоняться Иллюзии. И многожды сладостным. Маленький Спардух любопытства ради спиливал черепную кость скованному хобу. Маленькая Нассини рисовала жженой костью на мраморе профили своих родителей. Спардух был нормален. Он был истинным соххогоем, не хуже и не лучше других. Нассини была гением. О! Она знала это доподлинно! И, как настоящий гений, не спешила делиться с другими. Сотворивший Иллюзию сумел спрятать ее! Иллюзию – в истинном. Истинное – в иллюзии. А истина в том, что пока из всех детей Истины одна лишь Нассини знает, где настоящее, – истина остается истиной. И радуется!

В комнате, предшествующей покоям с красными панелями, глухо стукнул барабанчик. Лишь два человека имели право тревожить соххогою: Начальник Внутренней Стражи Ортран и Мастер Бессмертия Хумхон. Обоих узнавала она по тому, как ударяли они в тугую кожу барабанчика. На сей раз это был Хумхон. И пришел с приятным: об этом тоже поведал барабанчик.

Нассини не торопилась.

– Жди! – произнесла она в разговорную трубку у ложа. Вытянулась, отбросила в угол флакон с маслом. Путь Муггана завершен. Завершен по закону искусства, что ведомо лишь ей одной. Ее сын достоин того, чтобы стать бессмертным. Но кто займет его место? Нассини вспомнила о северном вожде. Не будь она соххогоей, мысль о том, что наследник одного из высочайших имперских родов находится в ее власти, наполнила бы женщину сладким трепетом. Но она – соххогоя. Хоб есть хоб, кем бы он себя ни мнил. Иное дело – кровь Муггана на его мече. Вот что придает ему прелесть. И сам он неплох. Красив естественным обликом, честен, бесстрашен – вот истинно ядовитые качества! И безумие в нем есть. Та толика, что делает пищу пряной. Он удостоится бессмертия, но не сможет стать тем, чем был Мугган.

Но есть и тот, кто может. Нассини мысленно спустилась в подземную часть Дворца, отыскала большую, богато убранную комнату. Там обитала ее надежда. Он ни в чем не знает отказа. Кроме свободы, которая ему не нужна. Раз в две недели Нассини приходит к нему. Днем. Тому, кто не видит солнечного света, все равно. Но сегодня она велит вывести его из благой тьмы. А завтра он осуществит ее волю, подобную воле Истинного. И снова она подумала об Эрде. И еще о его телохранителе.

«Его волосы так же чисты цветом, как и мои. Жаль, если он в самом деле таков, каким его представил Сихон».

Этой ночью она узнает, годен ли он для искусства – или же только для Сихона. О Ниле соххогоя думала без воодушевления. Как о необходимом, обыденном. И вспомнила о Хумхоне: ждет!

– Войди! – произнесла она в трубку.

Хумхон низко поклонился. В руках у него была шкатулка из черного металла в локоть длиной, с маленьким портретом Муггана, выложенным цветной мозаикой на крышке.

Мелкими шажками, униженно улыбаясь, Хумхон приблизился к столу, поставил шкатулку и открыл ее.

Внутри, в продолговатом углублении, выкрашенном в алый цвет, на белой атласной подушечке лежал мумифицированный фаллос.

Оттолкнув слугу, Нассини схватила его. Фаллос был твердый и прохладный, но цвет его, желто-коричневый, создавал ощущение тепла. Поверхность была гладкой, как будто покрытой лаком. Нассини провела острым ногтем. От ногтя остался след.

– Осторожней, госпожа! – обеспокоенно пробормотал Хумхон. – Прошло лишь восемь часов. Состав еще не окреп!

– Хочешь сказать, ты принес несовершенную вещь? – вкрадчиво спросила соххогая.

– О нет! Нет! – испугался хоб. – Вполне готовую! Но для настоящей крепости нужно два дня, а ты велела...

– Не бойся, хоб! – перебила она его. – Я довольна!

Она потрогала крохотную мошонку. Ничего не поделаешь, если сам орган Хумхону удавалось увеличить почти на треть, то мошонка ссыхалась до размера орешка.

Нассини не смогла отказать себе в удовольствии. Она положила фаллос в шкатулку, вышла и вернулась, неся с собой точно такую же, но без портрета на крышке. Хумхон затрясся. Соххогая искоса глядела на слугу, когда открывала вторую шкатулку. Там лежал еще один фаллос. Немного побольше и потемнее, чем тот, что принес сейчас Хумхон.

– Твое искусство растет! – произнесла она, делая вид, что сравнивает.

Хумхон всхлипнул.

«Он определенно становится похож на бабу», – подумала Нассини.

Двадцать лет назад Хумхон, десятник Внешней Стражи, посмел оттолкнуть госпожу. Может быть, он был пьян и хотел показать себя перед девушкой, с которой лежал, когда пришла Нассини. Может, это вообще была первая глупость, которую совершил этот сильный, жадный и далеко не глупый воин.

Когда его взяли, чтоб предать долгой смерти, он вдруг закричал, что искупит вину. О! Соххогая не пожалеет, если даст ему время.

Муж ее, Спардух, недовольно заворчал: хоб хочет убить себя и лишит его удовольствия. Нассини, может быть, в пику мужу, потребовала, чтоб провинившийся получил желаемую отсрочку.

Когда в длинном перечне запрошенного Хумхоном оказалась бритва, Нассини подумала, что хоб все же их провел. Но сказала, чтоб тот получил желаемое: если Спардух лишится развлечения, что за дело – ей?

Спустя два дня Хумхон, бледный, как она сама, преподнес ей шкатулку без портрета, что стояла сейчас на столе. Так было положено начало коллекции Бессмертных.

Спардуху «искупление» понравилось. Он жалел только, что все происходило без него.

Отец Хумхона был бальзамировщиком, а он сам – учеником лекаря, которого учитель выгнал за некоторые особенности характера. Знания хоба сулили хозяину новые удовольствия. Но прошло совсем немного времени – и на полку за шелковой шторой была поставлена шкатулка с портретом Спардуха.

Чувство, которое Нассини испытывала к скопцу, можно было бы назвать благодарностью соххогой – источником новых ощущений для нее. Лицо Хумхона, когда Нассини развлекалась с отторгнутой частью хоба, было восхитительно. Вот и сейчас он смотрит на нее и думает лишь об этом. В другой раз Нассини не отказала бы себе в удовольствии посмотреть, как он будет грызть толстые губы и пускать слюну, но сейчас ей не терпелось остаться одной.

– Иди, хоб! – отправила его она. – Но будь готов: завтра у тебя будет работа.

И Хумхон ушел, мягкий, огромный, с телом, подобным телу слизня. Но руки его, сильные большие руки воина, были умны и искусны.

«Кроме того, я могу не покупать настоящего лекаря», – подумала соххогая.

Она вернула шкатулку без портрета на место, в начало длинного ряда одинаковых черных пеналов. Каждый Бессмертный должен быть в такой же шкатулке, как и остальные. Это – правило искусства.

Нассини приготовила ложе, смочила руки остро пахнущим маслом и принялась растирать светло-коричневый фаллос, пока он не нагрелся до температуры тела. Тогда соххогая сунула его под мышку, зажгла бронзовую курительницу и уронила в нее несколько фиолетовых кристалликов магического зелья, из тех, что делают время бесконечным.

Когда дымок над курительницей окрасился, Нассини легла на подушки и, глядя на цветные столбы света, стала ждать, пока зелье начнет действовать.

* * *

Когда Биорк вернулся из вояжа по Владение и направился в трапезную, поесть, он застал там Эрда.

Светлорожденный вяло ковырял двузубой вилкой кушанье и не выказал никаких чувств при появлении Биорка. Лишь ответил на приветствие. Биорк сел за стол, велел служанке принести то же, что было у Эрда, и обеспокоенно посмотрел на молчаливого аристократа.

– Это Владение – крепкий орех! – заметил вагар, прихлебывая из фарфоровой чашки слабое вино. – Голыми руками не раздавить!

– Да? – Эрд безучастно посмотрел на него, взял нож и попытался разрезать мясо тупой его стороной.

Биорк совсем встревожился.

– Нам нужно убраться отсюда! – тихо сказал он.

Светлорожденный покачал головой.

– Я так не думаю, – сказал он, не глядя в глаза вагару.

Голос Эрда был таким же бесцветным, как выражение его лица.

– Светлейший! – мягко произнес Биорк. – Что с тобой? Ты выглядишь так, будто из тебя выпили жизнь!

– Я немного устал, – ответил Эрд. – Знаешь, я не хотел бы уехать отсюда... слишком поспешно.

Биорк тихо свистнул.

– Вот интересная мысль! – произнес он. – Боюсь, если мы уедем отсюда, то именно поспешно. Или наша смерть будет проворней нашей жизни.

– Извини, достойный! – Эрд отодвинул почти не тронутый обед и встал. – Я хочу отдохнуть.

Биорк посмотрел на широкую, затянутую в белое спину и почесал бритый подбородок. Эрд ему очень не понравился.

«Надо сказать Этайе!» – подумал он.

* * *

Начальник Внутренней Стражи Ортран размышлял. Он полулежал в глубоком, обтянутом зеленым шелком кресле. Ткань приятно холодила кожу спины. Ноги Ортрана в тонких черных панталонах покоились на низком круглом столе, изготовленном из основания древесного ствола с множеством ножек-корней. Дерево покрывал толстый слой лака, желтого – на столешнице и темно-коричневого – на боковых поверхностях и корнях-опорах. На столе находился кувшин из оправленного в бронзу агата, до половины наполненный розовым вином, и маленькая, агатовая же, чашечка с резной, похожей на округлый древесный побег ручкой. Слуга, стоящий на коленях справа от стола, подливал в чашечку вино, когда она пуста. Сейчас чашка была полна, и сквозь тонкие стенки просвечивала

розовая влага.

Другой слуга полировал шерстяной тряпочкой тяжелый шар «звезды смерти». Это была непростая работа.

Ортран время от времени поглядывал на этого слугу и улыбался. Оружие он любил больше, чем вино.

Он улыбался, но мысли его были нерадостны. Сколько он ни ломал себе голову, ничего, достойного действия, не приходило ему на ум. Шумно выдохнув воздух, Ортран снял со стола ноги, поставил их на пушистый ковер. Потом взял чашечку – она целиком уместилась в широкой ладони – и выцедил вино. Слуга потянулся к кувшину, но хозяин остановил его:

– Принеси кости!

В шкатулке, имеющей форму головы воина в шлеме, хранился мешочек с гадалыми костями – овальными пластинами с вырезанным на каждой изречением.

Ортран произнес краткую молитву Повелителю Судеб и наугад подхватил три кости. Когда они легли на стол одна под другой, Ортран прочитал:

«Дракон из меди овладевает вершиной».

«Время обращаться к мудрым».

«Бойся вора в доме!»

Ортран так и этак передвигал их по поверхности стола, но смысл гадания оставался темным.

«Должно быть, у вестника Повелителя нынче игривое настроение», – подумал воин. Он велел подать себе третий свиток из «Жизнеописания Славного императора Сергиона» и погрузился в чтение. Слуги незаметно удалились. Один остался снаружи, чтоб никто не потревожил господина зря. Начальник Внутренней Стражи терпеть не мог, когда его беспокоили во время отдыха.

Однако на сей раз ему пришлось отложить свиток. Явился один из телохранителей Нассини. Записка гласила:

«За три часа до захода доставь мне узника, чье имя – Желтый Цветок. Дай ему наркотик, но немного. Завтра он будет работать».

В подписи необходимости не было. Ортран посмотрел на водяные часы: у него было сорок минут.

– Старшего из подземельных – ко мне! – распорядился он.

С помощью слуги Ортран облачился в доспехи. Впрочем, не полностью: на этот раз он ограничился кольчугой, мечом и боевым браслетом.

Прибежал десятник, командовавший тюремной стражей.

– Цветок получил порцию? – спросил его Ортран.

– Да, командир! Обычную, как ты распорядился. Что-то не так, командир? – скороговоркой выдохнул десятник.

– Все так, молодец! Дай мне трех солдат. Владычица требует Цветка к себе.

В сопровождении воинов и двух слуг Ортран спустился в подземелье и вошел в помещение, где содержался узник.

Комната эта заметно отличалась от норы, в которую запихнули Санти семь дней назад. Обставлена она была, как покои вельможи, недоставало лишь окон.

Ортран вошел внутрь в сопровождении трех воинов. Хотя узник и был одурманен, но Ортран не забывал об осторожности. Он знал, на что способен Желтый Цветок.

Привилегированный узник валялся на неубранном ложе, закатив глаза, так что видны были одни белки. Он слушал девушку, игравшую на ситре и певшую ему:

– Глаза твои, как озеро, чисты.

Волос твоих влечет благоуханье.

Невинное, беспечное создание,

Я – пленник твоей дерзкой красоты!

Песня была мужской, но слушателя это не смущало.

Сухощавый, гибкий, с темно-желтыми волосами, схваченными на затылке брошью в виде паука. Высокий чистый лоб открыт, кошачьей грации тело натянуто в желтое трико.

Узник улыбнулся Ортрану, показав ряд ровных мелких зубов. Жилистой длинной рукой он потрепал девушку по щеке. Лицо его, сужающееся книзу, приятное, типично конгайское, если не считать желтой пигментации кожи, было из тех, что называют неопределенными. Ни возраст, ни темперамент, ни ум по нему узнать было нельзя. И уж тем более нельзя было определить, кто такой он, Желтый Цветок.

– Владычица призывает тебя! – сказал Ортран. – Идем!

Одним непрерывным текучим движением узник поднялся со своего ложа и оказался рядом с Ортраном. Цветок взял воина за рукав и потянул, показывая, что готов идти. Узник был немой, хотя слышал превосходно и язык его был на месте. Один из солдат разомкнул замок длинной платиновой цепи, что приковывала узника к кольцу в стене. Вынув из кармана короткую цепочку, стальную, солдат приковал запястье Желтого Цветка к собственному.

Ортран пропустил их вперед, и они направились к выходу из подземелья. Темнело.

* * *

Наступившая ночь отличалась особенной чернотой. Ни одной из лун не было на небе. Больше того, пришедшие с востока облака затянули свод.

Так же темно было и в галереях Дворца. Но никакая темнота не могла помешать Нассини. С завязанными глазами могла она пройти в любой из уголков замка. Множество ночей одна странствовала соххогой под высокими сводами по длинным тихим коридорам – бесшумный блуждающий призрак в ночи. И лишь тусклый свет масляной лампы показывал, что она человеческое существо. Малая толика света необходима ей, чтобы идти по этим анфиладам безмолвствующих залов.

Тихо-тихо ступали ее босые ноги по мраморным, спиралью уходящим вверх ступеням. Медная курительница с алебастровой лампой сверху, которую Нассини держала в тонкой руке, казалась человеческой головой, увенчанной огненной тиарой.

Люк неслышно опустился за ней. Запах курений сразу наполнил ограниченное пространство башенки. Тем более что воздух внутри был неподвижен: ветра не было в эту ночь.

Нил лежал на спине, закинув назад тяжелую голову, отчего белая кожа на горле его натянулась. Тихий храп вырывался из полуоткрытого рта. Нижняя часть его тела была укрыта одеялом из тонкой шерсти с шелковой подкладкой. Толстые, увитые выпуклыми жилами руки ровно лежали вдоль туловища, глаза, утонувшие между широкими скулами и тяжелыми надбровными дугами, прятались в провалах глазниц. Нассини поставила курительницу рядом с изголовьем. Сквозь прорези в медном сосуде видно было, как мерцает внутри жар. Дым, поднимаясь вверх, облачком собирался над лицом Нила, шевелился от дыхания спящего. Нассини ждала. Но она знала, что долго ждать ей не придется. Когда ей показалось, что дыхание лежащего воина участилось, она провела рукой по его обширной груди. Нил не шевельнулся.

Нассини подергала светлую шерсть, покрывающую пласты мышц. Гигант спал. Нассини удивилась. Она подождала еще немного, а потом сильно ущипнула его за щеку. Нил не проснулся. Легкие его гнали воздух по-прежнему ровно и мощно. Как кузнечные меха.

Нассини облизнула губы. Она не понимала.

Соххогой прижала ладонь ко рту гиганта и пресекла ему дыхание. Лишь тогда глаза Нила медленно открылись. Он не сделал ни единого движения, просто смотрел.

Нассини улыбнулась ему и убрала руку.

Великан тоже улыбнулся ей. А потом, к несказанному удивлению соххогой, сгреб ее

своими ручищами и прижал к себе. Нассини слабо пискнула. Нил запрокинул ее голову, заглядывал в глаза, и при этом месил ее, как пекарь – тесто. Нассини не могла сопротивляться, даже если бы и захотела. Он подмывал ее под себя. Гиганту даже не понадобилось раздевать соххогою – она уже приготовила себя к действию... Но не к этому! Отрешившись от ощущений тела, соххогоя пыталась сообразить, что же произошло. Почему приготовленный тщательно состав не произвел впечатления на этого северного мужика-хоба? Может быть, она ошиблась? Да, ошиблась! Что же еще могло произойти? Кристаллы потеряли силу?

Нил развлекался с ней, как с дворцовой служанкой. Но, похоже, был разочарован ее холодностью. Такого с ним не бывало давно. Но Нассини его мысли беспокоили не больше, чем старая листва. Она терпела, пока Нил удовлетворял свою страсть, ждала, пока убоготворенный великан засыпал, а когда он наконец захрапел, поднялась бесшумно и прошла к тому месту, где сложена была ее одежда. Под ней лежал длинный стилет с остро отточенным лезвием.

Нассини подошла к ложу, взяла стилет двумя руками, наметила место между ребрами – напротив сердца – и с размаху вонзила оружие в грудь Нила.

То есть – хотела вонзить. Что-то с силой ударило ее по рукам. Было такое ощущение, что стилет наткнулся на твердую, упругую поверхность и отскочил. Соххогоя вскрикнула. Не веря себе, она уставилась на открытую грудь великана. О Истинный! Ни кровинки! Нассини потрогала кончик лезвия – острый! Оглянулась – пусто! Да и кто посмеет подшутить над ней?

Соххогоя стала на колени у изголовья. Несколько раз примерилась... И сильным точным ударом, отработанным на многих, опустила стилет, направив его в опущенное веко Нила.

Однако лезвие не сокрушило костей, не вошло в мозг, не повредило глаза, даже не коснулось века спящего. Та же сила вновь ударила Нассини по рукам.

Нассини овладела собой.

«Я одурманена! – подумала она. – Курение подействовало на меня, а не на него!»

Придя к такому выводу, соххогоя отложила стилет, оделась и беззвучно, так же как и вошла, покинула башенку Нила.

Великан спокойно проспал до самого рассвета. Проснувшись же, вполне мог счесть все происшедшее ночью сном.

XIII

«А было так.

На земле Атуи, что ныне в границах Красного и Черного зовут Проклятой, явился Тата-Харири, пророк. Шесть лун, от Севера до Юга, шел он по земле Атуи, пока не достиг холма, именуемого Бис-Шеба, Кувиин Жажды. И взойшел Тата-Харири на вершину холма. И пророчествовал. Там же сказал: „Сильные Атуи! Грядет!“

Время же того: за шестую часть века до Эпохи Перемен.

И взят был Тата-Харири воином Шеном и привезен в Прохладный Дворец. С Шеном же было полумножество всадников, поскольку крепок был в ту пору цит Тата-Харири в Атуи.

И спросил Великий и Сильный, Опоясанный Огненным Бичом, Владычествующий над Миром, Повелевающий всем бескрайним Махд-Шагош:

– Почто пророчествуешь во зло мне?

Отвечал Тата-Харири:

– Слава моя – за мной! – к небесам обратив лик: – А сила моя – земля есть!

С тем и умолк.

Рассудил Великий и Сильный, Державший Место Свое в

Прохладом Дворце посреди Доброго моря: о земле Атуи говорит пророк.

И послал он три множества воинов на окрыленных колесницах, и обратились они к земле Атуи, и вскричала Атуи великим криком. И губили беспощадно воители Махд-Шагош. Которых же оставляли живыми, тем продевали вервие сквозь нижнюю челюсть и так влекли к берегу Доброго моря. А крови было столько, что земля превратилась в грязь.

Призвал тогда Великий и Сильный, Опоясанный Огненным Бичом, пророка Тата-Харири:

– Ты! – сказал. – Нет твоей силы!

И поведал о содеянном.

И поразил Тата-Харири Огненным Бичом.

Пал наземь пророк Тата-Харири, возопил гласом неистовым:

– Грядет! – И умер.

И не стало Махд-Шагош.

Такова сила истинной веры».

Фахри Праведный. Откровения

Редкость для Конга в этот сезон: утро нового дня не принесло с собой радующих сердце золотистых лучей. Небо заплыло ватной серой мутью. Лишь изредка проглядывал сквозь нее более бледный, чем Мона, задымленный кружок дневного светила. Липким туманом завалило низменности, и над поверхностью Фуа шевелился он, доползая почти до самых ворот Владения. Грязно-белые клочья плавали над площадью у дворцовых врат, а синяя вода озера стала серой там, где она была видна сквозь туман.

Веселая Роща опустела. Тонкая пленка сырости осела на лицах стражей утреннего караула.

Впрочем, дневная жизнь Владения началась в обычное время. Погнали на пастбище животных, вспыхнул огонь в печах и жаровнях; запах жареного мяса, пряностей, подогретого вина, достигая ноздрей, заставлял двигаться живее сгущенную сном и туманом кровь.

А потом вдруг серое одеяло, растянутое над миром, лопнуло и вниз ударил желтый горячий луч. И сразу истаяли ватные клочья, вспыхнули краски, развернулись и посветлели округлые листья масличных пальм. Четыре девушки, идущие с южных холмов с тяжелыми корзинами, полными виноградных гроздьев, увидев солнце, поставили корзины на землю и захлопали в ладоши.

Проснулся Нил в желтой своей башенке.

Остановил парду Санти.

Задрал голову Биорк, плещущийся в холодной воде речушки, как раз там, где она ныряла под стену Владения.

Очнулась Нассини. Ударил в гонг, чтоб служанки отнесли ее в бассейн, где уже пузырилась теплая вода с целебными отварами.

Сел на постели Эрд, сжал голову влажными руками, поплелся под горячий душ.

Проснулся Ортран. Поглядел на рыжеволосую головку, лежащую на его плече, попытался вспомнить имя девушки – не смог. Освободил плечо, встал, потянулся, прогнув спину, с наслаждением напрягая мускулы...

Вымотанный ночным дежурством Сихон с удовольствием завернулся в одеяло и закрыл глаза.

Этайа подняла жалюзи,пустила свет внутрь башенки. Улыбнулась.

После завтрака соххогоя вызвала Эрда к себе.

Разительная перемена произошла с гордым светлорожденным. Голова его была опущена, взгляд блуждал, пальцы беспокойно шевелились. Темные круги легли под глазами. На Нассини он не смотрел.

Соххогая с удовольствием разглядывала его светлую макушку. Еще один хоб, готовый лизать ее туфли. Все они одинаково беспомощны перед ее искусством. Но этот вполне достоин бессмертия. Во время завтрака Нассини обдумала, как именно будет подготовлен северянин. И осталась довольна собственным замыслом.

– Окажи мне услугу, вождь! – произнесла она.

Эрд вскинул согретый надеждой взгляд:

– С радостью, светлейшая!

– Говорят, ты – мастер меча?

– Ты видела, светлейшая.

– Есть у меня нерадивый... слуга. Когда-то ему была обещана смерть от клинка. В поединке. Почти год провел он у меня в подземелье, потому что не было равных ему воинов. Хотя мои солдаты хороши, но... Теперь пришел ты. Окажи мне услугу: помоги сдержать обещание. Я отблагодарю.

Эрд выпрямился. Расправил плечи, задрал подбородок, стал почти прежним Эрдом:

– Я послужу твоей чести, Владычица!

– Благодарю, вождь! – Соххогая сошла с возвышения, положила маленькие ладони в шелковых перчатках на плечи воина. Эрд опустился на колено, прижал лицо к серебряной ткани, покрывающей ее грудь.

– Не ждала другого! – прошептала Нассини. – Иди. И будь готов.

Светлорожденный тотчас отпустил ее, встал и вышел. Соххогая проводила его равнодушным взглядом и велела вызвать Начальника Внутренней Стражи.

* * *

– Опять ты? – удивился Санти.

Маленький пард с откушенным ухом стоял посреди комнаты и глядел на него желтыми хитрыми глазами, вывесив розовый язык.

Санти отбросил в сторону мокрое полотенце и, подойдя к невиданному зверю, опустился на корточки.

– Больше не будешь исчезать? – спросил он.

Пард выгнул спину, вытянул переднюю лапу, выпустил острые когти и мяукнул.

– Не дури! – сказал ему Санти. – В прошлый раз ты неплохо разговаривал!

Пард дернул коротким хвостом и резко захлопнул пасть.

– Налей-ка мне кофе! – произнес он, не открывая рта, неприятным, тонким голосом. Это был собственный голос Санти, но юноша, никогда не слышавший его со стороны, конечно, себя не узнал.

– А ты не церемонься! – с иронией отозвался юноша. – Пей прямо из кувшина!

– Ты что, дурак? – Пард прищурил один глаз, и морда его стала ужасно комичной. – У меня ж голова не пролезет!

– Правда? – Санти протянул к нему руку.

Миниатюрный пард отпрянул.

– А ну без фамильярностей! – прикрикнул он. – Тебе, парень, до меня еще расти и расти!

– Хочешь поглядеть на себя в зеркало? – предложил Санти.

И вдруг крошка пард начал стремительно увеличиваться. Спустя мгновение голова его уже была на локоть выше головы вскочившего Санти.

– Довольно? Или еще? – пророкотал он сверху.

– Хватит, хватит! – проговорил юноша, на всякий случай делая пару шагов назад.

– То-то! – И пард стремительно уменьшился до прежних размеров.

«Ну и бандитская у него рожа!» – подумал Санти.

Впрочем, он несколько не боялся. И воспринимал «гостя» совсем не так, как несколько дней назад. Как будто они давние знакомые.

Налив в хрустальную чашу холодный кофе, он поставил ее на ковер. Невероятное существо одним прыжком оказалось рядом. Лакал зверь жадно, шумно, фыркая так, что капельки кофе разлетались в стороны, пачкая мех.

– Еще? – спросил юноша, заметив, что чаша опустела.

– Хорош! – и, облизываясь: – Как твои дела с фьэль, парнишка?

– Не твое дело! – сказал Санти, несколько не удивившись.

– Совет! – Пард перестал облизываться и поднял переднюю лапу. – Обо мне – никому! Сболтнешь – больше меня не увидишь!

– Больно ты нужен! – проворчал Санти.

– Думаешь, если у тебя есть фьэль, так ты уже герой? – ехидно поинтересовался «гость». – Так фьэльны приходят и уходят! А я, знаешь ли, не фьэльн! – Он вдруг поднялся на задние лапы и, повиливая задом, прошелся по комнате. Но быстро опустил и, как человек, потер передней лапой бок.

– До сих пор болит! – пожаловался он. – А уж три дня минуло! Возраст!

– Переел? – с мнимой заботой осведомился Санти.

– Если б! Сапогом поддали! Ублюдок пузатый! Это в моем-то возрасте!

– Врешь! – уверенно сказал Санти.

– Ну вру, – согласился удивительный зверь. – Ладно, все! – вдруг встрепенулся он. – За тобой идут! – И вспрыгнул на подоконник. – Так не проболтайся, парень! – напомнил он на прощанье и растворился в воздухе.

– Ладно! – крикнул ему вслед Санти и засмеялся.

* * *

Внутри возка Ортран разомкнул браслет вокруг запястья Желтого Цветка. Тот не обратил на это внимания, любуясь блеском оружия, которое нацепил на свободную левую руку.

Ортрану стало не по себе.

«Хорошо хоть – ехать недалеко!» – подумал он.

Возок катился по ровным плитам. Его сопровождали три десятка верховых. Вряд ли даже все воины Владения смогли бы помешать Желтому Цветку удрать, но Ортрану почему-то было спокойней оттого, что рядом было тридцать всадников.

«А ведь я сам учил его бою!» – подумал Начальник Стражи.

– Когда я поеду в Фаранг, привезу тебе новые свитки! – сказал он. – Тайские летописи. Ты ведь уже читаешь на тайском?

Желтолицый кивнул и улыбнулся, отчего лицо его сразу стало открытым и доверчивым, как у ребенка, и Ортран вспомнил, каким был Цветок три года назад. Но стальные крючья на левой руке Цветка напомнили ему о настоящем.

«Ох, Нассини! Что ты делаешь?» – подумал он.

– Цветок! – тихо сказал он, наклонясь к желтолицему. – Не убивай его!

Маленький рот растянулся в улыбке. Цветок качнул головой, то ли соглашаясь, то ли отказываясь.

Возок остановился. Толкнув дверцу, желтолицый выпрыгнул наружу. Ортран выбрался следом и смотрел, как Цветок, пританцовывая, направился к проходу, ведущему внутрь огражденного белой стеной цирка.

* * *

Биорк, Санти и Этая добирались до места поединка пешком. Эрד приехал на парде и, войдя внутрь, безучастный, прислонился к каменному столбу. Он не знал, кто его противник, да это его и не волновало. Кто бы он ни был, Эрд его убьет. Если этого хочет Нассини. Светлорожденный вспомнил о том, как они были вместе, и стиснул зубы. Какой серой и

бессмысленной казалась теперь вся его жизнь. Без Нассини.

Турнирная арена находилась в полумиле от замка. Это была почти круглая просторная площадка, окруженная тремя ярусами каменных сидений, с двумя широкими проходами, один напротив другого. Сейчас в одном из проходов толпились слуги, второй был открыт. Мраморные скамьи одной половины цирка были заполнены воинами и старшими из числа дворцовых слуг. Вторая половина была свободна, если не считать четырех мест в первом ряду, занятых Нилом, Санти, Биорком и Этайей. Выше, в особой ложе, на одном из двух тронов восседала соххогая. Второй трон был свободен.

Ортран подошел к Эрду и предложил ему следовать за собой к месту, где светлорожденный мог бы подготовиться к поединку.

Эрд с помощью слуги надел и завязал подкольчужную куртку из пяти слоев паутинной ткани, а сверху – легкую, очень прочную кольчугу с родовым гербом на груди. Кольчуга была с рукавами и опускалась на три ладони ниже пояса, защищая пах. На голову Эрд надел круглый шлем со стрелкой и высоким золоченым гребнем. Крылья шлема широко расходились в стороны и назад, прикрывая шею. Как обычно, светлорожденный не надел ни кирасы, ни кильта, ни налокотников. Только поножи и боевой браслет вместо щита. Кроме своего меча, он взял еще кинжал с закрытой гардой.

Время шло. Жаркие лучи солнца жгли всех, кроме Нассини, над которой слуга держал зонт. Пламя дневного светила отражалось на полированном металле.

Этайа встала, сделала знак, и все четверо направились к светлорожденному.

– Приветствие тебе, светлейший! – радостно сказал Нил, который уже два дня не встречался с светлорожденным.

– Рад видеть тебя! – Эрд коснулся рукой в перчатке из толстой кожи плеча гиганта.

– Кто твой противник? – спросил Биорк.

Эрд покачал головой:

– Не знаю. Надеюсь, что достойный. Так сказала светлейшая. – Взгляд его обратился на соххогию, а потом снова вернулся к друзьям.

– Ты справишься с любым! – подбодрил его Биорк.

– Не сомневаюсь, – ответил светлорожденный без особого воодушевления. – Но хороший бой будет только с хорошим бойцом.

Ортран, державшийся в пяти шагах от Эрда, хотел что-то сказать, но заметил, что Нассини смотрит в их сторону, и промолчал.

Замковые стражники на первом ряду громко переговаривались. Они прикидывали боевые качества Эрда и гадали, кто будет его соперником. Отдельно, особняком от других, сидел Шуорд. Он затаил обиду. Не на Нила. Чужаку совсем не обязательно знать, кто он, и с ним Шуорд разберется потом, когда громилу примут в замковую стражу. Если десятник будет трезв, Нилу несдобровать. Нет, обижен он был на своих сотоварищей, которые не только не вступились за него, а явно стали на сторону чужака. Шуорд не забудет. Пусть только подвернется повод – он с ними сочтется! Пьян не пьян, а запомнил он всех, кто был тогда на поляне. Если б не запрет, он уже сегодня рассчитался бы с ними: порознь или разом – ему все равно. Чувствовал он себя нормально. Кастратовы припарки помогли. Ничего! Шуорд подождет!

– Здоров ли ты, светлейший? – вдруг спросила Этайа.

Эрд впился в нее взглядом, словно пытаясь проникнуть под вуаль и увидеть лицо.

– Почему ты спрашиваешь, благородная Этайа?

– Ты изменился!

– Может быть. Но я здоров.

Этайа кивнула и подтолкнула вперед Санти:

– Взгляни, светлейший, вот тот самый юноша!

– А! Поэт из Фаранга! Приветствую тебя! Рад! – сказал Эрд.

Он уже почти забыл, с какой целью они оказались во Владении. Но обрадовался смене темы разговора.

Тут Нассини сделала знак Ортрану, и тот подошел к друзьям:

– Прошу простить, светлейший! Время!

Эрд кивнул. Остальные отошли от него.

– Когда Владычица поднимет шарф,– сказал Начальник Стражи,– ты можешь начинать! – и добавил, хотя и понимал, что любое предупреждение бессмысленно: – Будь начеку!

Последние слова он произнес на хольдском.

Эрд удивленно посмотрел на него и ответил тоже на хольдском:

– Я всегда начеку. Благодарю.

И тут он увидел своего противника. И зрители увидели его. Негромкий гул прокатился над трибунами.

Воин был небольшого роста, худощавый, в короткой кольчуге и шишаке без стрелки и забрала. Эрд был удивлен. Не ростом или телосложением – Биорк, например, был куда меньше. И не странным оружием, стальной когтистой лапой, которую воин надел на правую руку. Изумило Эрда то, что в левой руке противник его держал рапиру. Выйти с ней против меча было самоубийством. Или знаком полного пренебрежения к мастерству соперника.

Воин двигался к центру арены легкой походкой танцора. У него был узкий подбородок и широко расставленные глаза, которые ничего не выражали. Обычное лицо, если не считать желтизны. Но Эрд видел столько оттенков кожи, что желтый цвет не показался ему странным.

«Хорошо двигается,– подумал светлорожденный.– И взгляд сильный. Но рапира!»
Желтокожий улыбнулся ему. Одними губами.

Светлорожденный сделал первый шаг навстречу противнику... И услышал голос Этайи:

– Эрд! – она впервые назвала его просто по имени.– Берегись! Это магхар!

Светлорожденный остановился и еще раз пристально оглядел желтокожего. Нет, тот ничем не был похож на магхара. Но Этайа никогда не ошибалась. Прежде...

Пронзительно закричали флейты. Нассини подняла шарф. Поединок начался.

Эрд совершил несколько веерообразных движений клинком, разогревая кисть. Противник поиграл рапирой. Светлорожденный сделал пробный выпад – желтокожий уклонился. Достаточно быстро, но медленнее, чем это сделал бы Эрд. Еще выпад – воин отпрыгнул. Отпрыгнул чуть дальше, чем этого требовала необходимость. Эрд насторожился и сделал шаг назад. Этот шаг спас ему жизнь. Атака была столь стремительна, что Эрд не успел бы защититься. Желтолицый мгновенно оказался перед ним, а клинок рапиры на полпальца не достал до его горла. Светлорожденный взмахнул мечом и, как того и следовало ожидать,– тонкая рапира переломилась в полулокте от эфеса. Эрд опустил меч, но его соперник улыбнулся и покачал головой: продолжаем. И тут же исчез, а стальные когти ударили в шею Эрда – в промежуток между шлемом и кольчугой.

Если бы учителем Эрда был не вагар, удар был бы смертельным. Но тело светлорожденного ощутило приближение стали за мгновение до того, как сталь разорвала кожу. Эрд упал вперед и отделался только глубокими царапинами. Кровь теплыми ручейками потекла по его спине.

Желтокожий дождался, пока светлорожденный поднимется, и снова атаковал: обломок рапиры пронзил предплечье Эрда выше браслета. На этот раз светлорожденный не успел даже среагировать: сталь вдруг вошла в его тело, а противник – уже в четырех шагах, недостижимый для ответного удара.

Когда магхар совершил первый выпад, пальцы Этайи сжались на бицепсе Нила. А Эрд уже покатился по траве с окровавленной шеей.

– Он не справится! – печально проговорил Биорк.

Нил не отрываясь следил за бойцами. Вот магхар исчез и возник из воздуха с

погруженным в руку Эрда обломком клинка.

– Неистовый Тур! – взревел Нил.

Возглас его смешался с ревом зрителей.

Легко, маленькими шажками, переступая с ноги на ногу, противник Эрда покачивал-поигрывал окровавленным обломком рапиры. Он улыбался светлорожденному, на чьем напряженном лице застыло страстное, хищное выражение.

– Убей! – прошептал он.

И магхар услышал. Он поднял стальную лапу, готовясь ударить в переносицу Эрда...

Но Эрда не было! Он исчез. Желтый Цветок только что видел его перед собой – и вдруг он словно растворился в воздухе! А в следующее мгновение дюжина Эрдов окружила магхара. Некоторые были окровавлены. Некоторые – невредимы. У одного была такая же желтая кожа, как у самого Цветка. И у каждого в руке сверкал меч. И у каждого на губах играла улыбка.

Желтый Цветок метнулся на другой конец арены, но по-прежнему остался в кольце: Эрды были столь же быстрыми, как и он. Еще один бросок – опять вокруг кольцо. Он был в центре хоровода. И враги его сближались, а клинки их были все ближе от него.

Желтый Цветок кидался на одного – тот отступал. А другие оказывались еще ближе. Силы Цветка иссякали. Он затравленно озирался. И вдруг увидел проход, брешь – слева, за спиной. И он устремился в нее со скоростью, превосходящей все, что он делал прежде...

Эрд приготовился к смертельному удару. Но внезапно по лицу соперника понял: что-то изменилось. Желтолицый больше не смотрел на него. Вдруг он исчез. И появился в сорока локтях от прежнего места. Снова исчез. Появился. Исчез. Появился. Исчез. Появился. У Эрда зарябило в глазах. Он все еще держал перед собой меч. Желтолицый возник в шести шагах от него. Он стоял спиной к Эрду и с умопомрачительной скоростью вертел головой. Длилось это чуть больше мгновения. А потом сильнейший удар сбил светлорожденного с ног. Эрд упал на спину и увидел над собой улыбающееся лицо Желтого Цветка. Губы Цветка шевельнулись, лицо напряглось, и в следующее мгновение изо рта его полилась кровь, горячей струей обагривая грудь Эрда. Глаза желтокожего остекленели, и тут только светлорожденный понял, что противник пронзен его мечом. Насквозь. По самую гарду.

Эрд столкнул его с себя и с трудом встал. Голова его кружилась, но он нашел в себе силы выдернуть клинок и салютовать им соххогое. В следующее мгновение руки Нила подхватили его, и светлорожденный с благодарностью посмотрел на склонившееся к нему широкое лицо.

– Это не моя победа, – прошептал он.

– Молчи! – ласково приказал ему Нил. – Слава Туру – ты жив!

XIV

«В Империи, особенно в Хольде и Аркисе, особо почитают Потрясателя Тверди, коего полагают властелином моря и суши, мужем Морской богини и возносят ему молитвы как высшему божеству. Хотя странно мне упрекать в невежестве жителей просвещеннейшего из государств, но, увы, свет истины еще не согрел их сердец. И приносят они поклонение дюжине лжебогов, добрых и злых, не разумея, что все они – лишь тени Неизъяснимого. Не стану, как безумцы Хуриды, утверждать, что малые боги – всего лишь выдумка, поскольку сам не раз беседовал с ними. Но поклоняться им так же нелепо для истинно верующего, как обожествлять, скажем, магов глорианского Братства Света...»

Фахри Праведный. Происхождение магов и божественная сила волшебства

Мара стояла у левого борта и смотрела, как скользит вниз голубая вода Межземного моря.

«Какой нежный цвет! – подумала она. – Так и хочется прыгнуть!»

Но, конечно, не прыгнула.

Корабль шел ходко. Имя его было – «Крепкобокий».

Три других судна, почти не отличающихся от «Крепкобокого», следовали сзади, каждое – левее предыдущего. Ветер дул прямо в корму, и корабли оставляли за собой длинный пенный след.

Младший кормчий подошел к Маре и стал рядом. Он с самого начала рейса пытался ухаживать за ней, но так робко, что Мара внутренне улыбалась. Вот он положил руку на перила, рядом с рукой девушки, будто незначай коснулся ее.

– Скоро острова Тимори! – сказал он.

– Где? – заинтересовалась Мара. – Покажи, где?

– Слева по курсу, там! – Моряк вытянул руку.

– Там, где дым? – спросила девушка.

У нее было очень острое зрение. Когда солнце светило ярко, она видела не хуже, чем капитан – в свою волшебную трубу.

– Дым? – изумился моряк. – Где?

– Там, куда ты показываешь!

Моряк прищурился и с трудом сумел разглядеть желтоватую струйку.

– На мачте ты была бы бесценна!

– На мачте? – удивилась Мара.

Кормчий показал на вершину грот-мачты, где в «бочке» сидел впередсмотрящий.

– Неужели только там? – кокетливо спросила девушка. – Я боюсь высоты! – Высоты она не боялась, но хотела польстить моряку, опечаленному ее превосходством в зоркости. Она не ошиблась: он сразу оживился и принялся рассказывать, как он сам не боится высоты.

Корабль между тем подходил все ближе к источнику дыма. Теперь его мог увидеть каждый. Корабль поворачивал влево и брал курс прямо на остров Тимор, ближайший и самый большой из четырех островов архипелага.

Раздался глухой удар, будто чем-то мягким и тяжелым ударили в днище. Судно подпрыгнуло, рисунок волн вокруг изменился. Еще один удар. И сильный порыв ветра, ударив сбоку, накренил судно на правый борт.

Раздался крик капитана. Несколько матросов уже карабкались по вантам. Корабль выправился. Мара, вцепившаяся в перила, оглянулась и вместо младшего кормчего увидела рядом Самита. Купец обеспокоенно вглядывался в темное облачко впереди.

– Странный шквал! – произнес он задумчиво. – Ни одной тучки...

– Вон! – Мара показала на облачко впереди.

– Это Тимор, остров, – объяснил Самит. – Мы идем к нему, возьмем пресной воды.

– А что это горит? – спросила Мара.

Купец уставился на столбик желто-серого дыма.

– Не знаю, девочка. Это над островом Римо, самым северным из шести островов Тимори. Странно: на нем почти нет леса.

Подгоняемый свежим ветром корабль вспахивал голубую воду. Облачко впереди выросло и превратилось в темно-синюю гору с круглой вершиной.

– Большой порт, – сказал Самит. – И хороший маяк. Последняя удобная гавань на нашем пути.

Они уже подошли так близко, что девушка смогла разглядеть белый ободок прибоя вокруг острова и острый палец маяка у входа в гавань.

– Поднять флаг! – проревел с мостика усиленный рупором голос капитана. – Сигнальщик, подай: «Лощман не нужен!»

Три других судна подтягивались ближе к «Крепкобокому».

Новый толчок в днище подбросил судно. Закричали люди. Мара услышала вопли,

донесшиеся с других кораблей. И с ужасом увидела, как медленно-медленно приподнимается круглая вершина царящей над островом горы.

– ...паруса! – закричал капитан.

Крик его потонул в громовом раскате. Грохот взрыва обрушился на корабль одновременно с воздушной волной, отшвырнувшей «Крепкобокий» назад ударом чудовищного кулака. С ужасающим треском над головой Мары надломилась мачта. Мара, как зачарованная, смотрела на отделяющуюся от тела горы вершину. В разрыве закипело пламя, а потом оторвавшаяся часть стала медленно распадаться на куски, багровый столб вырвался снизу, поглотил ее, черный дым клубами поднимался в небо, а внизу кипел, расплескиваясь, подземный огонь.

Огромная волна подхватила все четыре корабля, понесла их прочь от гибнущего острова. Но Мара успела увидеть, как гора рассыпается, проваливается внутрь себя и весь остров уходит под воду. Она услышала отдаленный грохот, а потом рев и вой. Белая струя пара поднялась вверх, закрыв красные языки и часть черного цветка, распускающегося в потемневшем небе. А потом сверху посыпался вулканический пепел. Но, к счастью, «Крепкобокий» был уже далеко от места катастрофы. Новый удар в днище. Рядом возник Самит, схватил за руку. Она не слышала его голоса. И совсем не понимала слов. Купец потащил ее внутрь, в трюм накренившегося от тяжести сломанной мачты корабля. Самит буквально втолкнул ее в люк, привел в собственную каюту. Судно качнулось, и пол выпрямился – это сброшена была упавшая фок-мачта.

Самит усадил девушку в низкое, привинченное к полу кресло, плеснул в два великолепных бокала вина. Один протянул Маре, другой проглотил и сразу же налил еще. Руки его ходили ходуном, и девушка подумала, что он боится за корабль, но она ошиблась.

– О великий Господин Тверди! – с болью проговорил Самит. – Чем они разгневали тебя, несчастные?

– О ком ты, почтенный? – спросила девушка.

Купец посмотрел на Мару, будто не понимая, откуда она взялась, поставил бокал, прижал пальцы к вискам:

– Две тысячи человек живет на островах Тимори... Жили... – Он проглотил третий бокал.

Мара пригубила вино. Незнакомый вкус?

В каюту без стука ввалился капитан. Он был хмур, очень грязен и еще более краснолиц, чем обычно.

– Велел лечь в дрейф, хозяин! – хрипло проговорил он.

Самит подал ему целую бутылку. Капитан, свернув грязной лапищей печать на горлышке, высосал ее до дна и, швырнув на пол, обтер рот.

– Опасности нет. Пока, – сказал он. – Не тревожься.

– А хоть бы и была! – равнодушно произнес купец. – Будем ждать, пока не прекратится извержение. И пока не убедимся, что в море нет ни одного несчастного, кому мы смогли бы помочь.

– Не очень-то надейся, хозяин, – сказал капитан. – Остров пошел ко дну, будто продырявленная шлюпка!

Самит подошел к нему и обнял, пачкая камзол из дорогой ткани о грязную куртку кормчего.

– Люди крепче богов, моряк! – сказал он.

И Мара увидела, как по щекам капитана, оставляя за собой светлые дорожки, ползут слезы.

Три дня суда Самита бороздили мутные воды на месте затонувшего архипелага. Ничего, кроме пемзы, пепла и жалких обломков, они не нашли. После, придя в Турскую гавань, над башнями которой уже развевались черные флаги скорби, они узнали, что глорианский военный корабль снял со скалы троих крестьян. Они были единственными, кто уцелел.

* * *

Мучимый горячкой, Эрд лежал без чувств в своей башенке. Раны его воспалились. Даже искусство Нила и Этайи не помогло ему. Печальные, стояли они у ложа раненого. Санти, наблюдавший за ними издали, не сразу понял, чем они так огорчены. Потом вспомнил: магия фьэль. Сила, которая излечивает любые раны.

Санти подошел к Биорку, что сидел скрестив ноги на крышке люка.

– Скажи, Биорен, что происходит? – тихо спросил юноша. – Или это – тайна?

– Для тебя – нет, – отозвался вагар. – Жизненная сила Эрда, та, которую пробуждает магия, отравлена. Ни сыну моему, ни светлорожденной не удастся ее пробудить. Без нее человек умрет и от царапины. Эрд умирает.

Санти растерянно смотрел на вагара. Он вспомнил, как светлорожденный, быстрый, изящный, идет по ярко освещенной площади. Вспомнил, как твердо и гордо смотрит он в глаза Владычицы. И как стоит, вскинув запятнанный меч, и кровь струится из его руки.

«Он не умрет!» – пришла откуда-то мысль.

– Он не умрет! – громко сказал Санти.

Нил обернулся.

Санти отчетливо увидел стоящего Эрда.

– Смотри, светлейший, тот самый Санти!

– Приветствую тебя, поэт! – И протягивает юноше смуглую сильную руку.

Санти сжимает твердую, как дерево, руку. Светлорожденный, опустив глаза, восклицает:

– Хой-мей! Наши руки – руки братьев!

Он отпускает ладонь Санти, и юноша видит, как они схожи: формой, размером. Эрд переворачивает ладонью вверх руку Санти, подносит к ней свою...

– О! – говорит Этайа. – Вы – одной судьбы!

И оба они видят, что узоры на ладонях тоже почти не отличаются...

Санти вздыхает... И новое видение:

Эрд в разорванном камзоле, прижавшись к стене из грубого камня, покрытого зелеными пятнами плесени. Лицо воина искажено яростью, а перед грудью – клинок Белого Меча. И на его серебристой поверхности – черное с рыжими краями пятно, словно след ожога.

Видение исчезает. Санти снова видит внутренность башенки. Теперь он уверен, что Эрд будет жить. Юноша видел будущее.

– Да! – говорит фьэль.

И Санти понимает, что и она видела то же. И от сознания этого единства слезы брызжут у него из глаз.

«Успокойся! – слышит он мысленную речь Этайи. – Ты видел! Теперь – уходи».

И вслух, для всех:

– Уходите! Все уходите!

Нил глядит на нее, удивленный повелительной интонацией, но Биорк уже открыл люк и спускается по лестнице.

Через две минуты они стоят внизу, в скупом освещенном зале. Снаружи – вечер.

Нил покидает их.

– Пойду к себе, – говорит он вместо прощания.

А Биорк с юношей остаются и тихо разговаривают.

По звуку голосов и находит их Ортран.

– Вам не разрешено здесь оставаться, – говорит он вежливо.

Биорк и Санти не спорят, они собираются уйти, но воин окликает их.

– Скажите мне, – спрашивает он, – как чувствует себя светлейший?

– Плохо, – отвечает Биорк. – Жизнь в нем угасает.

Больше Ортран ни о чем не спрашивает, и друзья покидают дворец.

– Не скажу, что он – наш друг, – говорит Санти, когда они выходят на площадь и небо распаивает над ними свою сверкающую бездну. – Но мне показалось, он готов нам помочь.

– Мы сами себе поможем! – говорит Биорк. – Скажи еще о своей пещере.

– Да. Когда я нашел ее, думал: просто нора в земле или старый водосток. Но сейчас я думаю иначе.

– И что же? – спрашивает вагар.

– Это не творение природы.

– О! – восклицает маленький воин. – Вот отличная новость! Пойдем взглянем!

– Ночью? – удивляется Санти.

– Ну и что? – в свою очередь удивляется вагар. – Масло ночью горит не хуже! Идем же! Времени у нас немного!

Башенка Эрда погружена в темноту. Светлорожденный спит, но сон его беспокоен. Поодаль, на полу – Этайа. Может показаться, что спит и она. Фигура фьель почти сливается со стеной. Проходит час. Еще один. Крышка круглого люка в полу начинает медленно приподниматься. Этайа неподвижна. Эрд тихо бормочет: он бредит. Горько-сладкий аромат распространяется в воздухе. Когда запах достигает раненого, ноздри его беспокойно вздрагивают. Вдруг глаза Эрда широко раскрываются. Но он ничего не видит.

Из отверстия люка показывается голова Нассини. Соххогия поднимается по лесенке. В руке ее – светильник. Фитиль укорочен, и лампа едва теплится. Верхняя часть фонаря – красного цвета. Соххогия ставит его на пол. Ее глаза встречаются с глазами Эрда, и оба выпускают вздох, похожий на стон. Из курильницы, которую принесла с собой Нассини, расплзается дым. Соххогия приближается к изголовью. Эрд следит за ней расширившимися зрачками. Нассини сбрасывает плащ. На ней – только ожерелье из крупных камней и браслеты на запястьях. Соски маленьких грудей выкрашены серебром и в красном свете кажутся охваченными пламенем. Белая кожа ее тоже приобрела красный оттенок. Она наклоняется к Эрду, кладет рядом с ним длинный предмет. Этайа не видит его, но знает, что это.

Соххогия разматывает повязку на плече раненого. Эрд глядит блестящими горячечными глазами и улыбается. Нассини шепчет, наклонясь к его лицу, касается пальцами раны. Крови не видно при таком освещении, но она есть. Нассини слизывает ее с острых ногтей. Она начинает раздевать Эрда, на котором не так уж много одежды. По тому, как она делает это, можно догадаться, что работа ей привычна. Эрд лежит неподвижно, не мешая и не помогая. Вот он уже полностью обнажен. Как и Нассини. Соххогия бросает взгляд на его чресла.

– Ты устал, мой милый! – шепчет она. – Трудный день у тебя. Трудный. Больше у тебя не будет трудных дней. Не будет. Не будет...

Она берет в руки длинный предмет. Это нож. Острый, тяжелый. Нассини дотрагивается жалом клинка до груди светлорожденного. Нож прорезает кожу, и капелька крови выступает из ранки. Белая на красной коже. Держа нож двумя пальцами, Нассини ведет его вниз, по груди, по животу Эрда. След от него кажется серым. Эрд все так же неподвижен, но страсть пробуждается в нем. Нассини видит его возбужденную плоть, и на лице ее появляется задумчивая улыбка.

Она наклоняется над Эрдом, опускается к нему. Язык ее медленно движется по оставленной ножом дорожке, слизывая кровь. Нассини выгибает спину, прижимается грудями к его чреслам, медленно, медленно скользит вверх по его телу, отрывается от него, стоит над ним на коленях, взявшись руками за края ложа. Ее красные волосы падают вниз, закрывая лицо. Она дрожит. Слюна капает из открытого рта, и запах тела становится таким сильным, что перебивает аромат курений. Вдруг соххогия резко откидывается назад, садится на колени Эрда. Раненый тоже сотрясается от дрожи, но по-прежнему недвижим, будто связан заклятьем. Нассини поднимает нож. Она держит его острием против своих глаз, касается языком отточенного лезвия, и крохотная капелька появляется там, где сталь

надрезала язык. Бедра соххогой вздрагивают. Она осторожно, бережно касается пальчиками возбужденной плоти Эрда. Тонкий, протяжный стон вырывается из ее горла. Глаза полужакрыты. Зубы прикусывают нижнюю губу. Нассини отводит назад руку с ножом. Тело ее сотрясается, и колени Эрда дрожат под ее ягодицами. Нассини делает судорожный вдох. Рука, держащая нож, напрягается...

– Не смей! – твердо произносит Этайа.

Нассини вскрикивает, оборачивается, ловко, как кошка, спрыгивает с ложа. Искривленное лицо соххогой и закрытое вуалью лицо фьель обращены друг к другу, как лица влюбленных.

Нассини замирает, расставив ноги, немного согнув колени. Рука с ножом выставлена вперед, тело откинута назад. Этайа остается сидеть. Нассини узнает ее. Из горла соххогой вырывается смех, похожий на кашель.

– Ты помешала мне, хоба! Заслуживаешь до-олгой смерти. Но я спешу! – На лезвии ножа играют красные блики. Эрд смотрит на соххогою. Он все еще дрожит. Ветерок, проходящий сквозь опущенные жалюзи, колышет вуаль на лице Этайи.

– В твоей руке – жгучий слизень, – спокойно говорит фьель.

Нассини вскрикивает, роняет нож. Он вонзается в дерево под пушистым ковром. Рукоять вибрирует.

– Ты сделала, что хотела! – говорит фьель.

Нассини выпускает длинный стон, прижимает руки к паху, падает на колени, всхлипывает. Глаза ее зажмурены, тело сотрясается, и свет блестит на прыгающих сосках. Эрд тоже стонет, лицо его искажено, пальцы впились в края ложа.

Нассини постепенно успокаивается, ослабевает, ложится на ковер, затихает.

Этайа встает. Она подходит к постели Эрда, что-то шепчет. Светлорожденный успокаивается, перестает дрожать, закрывает глаза.

Фьель наклоняется ниже.

– Забудь, забудь... – шепчет она. – Не было...

Перед мысленным взором ее проходят картины: Нассини и Эрд, Эрд и Нассини... Нассини и Санти. Плечи фьель опускаются. Она замолкает. Смотрит. Ей больно, но она смотрит, пока не убеждается, что юноша чист. Чист и свободен. Ядовитая сеть соххогой не оплела его сердца. Изначально Санти оказался сильнее «искусства» Нассини.

Жар Эрда спадает. Он заснул, и раны его больше не кровоточат. Длинный разрез, оставленный ножом Нассини, уже затянулся. Этайа прикасается пальцами к его руке, шее. Через несколько минут затягиваются и эти раны.

Этайа подходит по очереди к каждому окну, поднимает жалюзи. Она знает: сейчас за башенкой никто не следит. Ветер выдувает остатки наркотического дыма. Курильница погасла. Этайа улыбается катящейся по небу луне. Она чувствует, как высока ее башенка. Она чувствует каждого из людей там, внизу. Всех. Злых. Добрых. Счастливых. Несчастных. Она плывет над ними, как золотистая луна, и те, кто не спит, поднимают головы, ощутив ее прикосновение. Она не находит внизу Санти и Биорка, но не тревожится: сердце ее знает, что с ними не случилось беды.

Фьель поворачивается.

– Встань! – говорит она Нассини.

Соххогой поднимается, стоит не шевелясь.

– Возьми свое и иди. Ты уснешь в своей постели и утром забудешь эту ночь. Иди!

Нассини берет плащ, кинжал, светильник с курительницей. Она идет деревянной походкой, глядя прямо перед собой, спускается в открытый люк. Шаги ее затихают внизу.

Этайа закрывает люк, укрывает одеялом спящего Эрда, опускается рядом. Тело ее расслабляется, сознание блуждает над землей, как ночной ветер. Это – волшебная дрема. Сон фьельнов.

Вагар и Санти вошли внутрь загона.

– Ушка! Ушка! – позвал юноша.

Проснувшиеся животные подняли головы. Вагар, видевший в темноте, похлопал ближнего парда по шее:

– Поднимайся!

Сняв со стены два комплекта упряжи, он положил один к ногам Санти. Ушка уже была рядом. Оставленный детеныш перебрался под брюхо одного из самцов и продолжал спать.

Животные шли совершенно бесшумно. Санти объяснил Биорку, куда им нужно ехать, и теперь ему оставалось лишь следовать за вагаром.

Когда они въехали в лес, Биорк дал своему животному свободу, и парды помчались. Санти мячиком подпрыгивал в высоком седле. Темные стволы деревьев призраками проносились мимо. Он пригнулся, чтобы уменьшить напор встречного ветра. Парды огромными черными теньями взлетали на вершины пологих холмов и еще стремительней неслись вниз, со свистом рассекая воздух. Темнота не была помехой гигантским кошкам. Самец, на котором скакал Биорк, испустил низкий рев. Парда ответила ему коротким хриплым рыком. Санти двумя руками вцепился в луку седла – парда неслась длинными прыжками, заноса далеко вперед задние лапы, а потом швыряя в воздух сильное тело с маленьким всадником на спине. Ни одно животное не могло соперничать в скорости с пардами.

Зверь, несший вагара, поздно заметил овраг и едва не свалился вниз. Он затормозил так резко, что, не будь вагар вагаром, он вылетел бы из седла и упал в черную пасть оврага. Санти сам едва удержался, хотя Ушка остановилась куда менее резко. Юноша прыгнул на ковер из опавших листьев, размял затекшие ноги. Биорк подошел и отдал ему светильник. Огонек погас, но не составило труда зажечь его вновь.

Они спустились в овраг.

– Куда? – спросил вагар.

Санти огляделся и легко определил место. Через пару минут они были у входа в пещеру. Биорк полез первым. Санти хотел отдать ему светильник, но вагар отказался:

– Если ты пойдешь позади, света мне хватит!

Они перешагнули через кучку ржавчины и углубились в тоннель. Ход был идеально прямым, с гладкими стенами и потолком. Разводы грязи на полу говорили о том, что время от времени сюда проникала вода. Они прошли уже не меньше трехсот шагов, когда Биорк вдруг остановился.

– Что случилось? – спросил Санти, который видел впереди все тот же идеально ровный коридор с полукруглым сводом.

– Придется вернуться, – сказал Биорк.

– Зачем? – удивился Санти.

– За пардами. Пешком мы можем идти всю ночь.

Животные без всякого страха вошли в подземелье. Светильник плавно покачивался в руке Санти. Ушка шла рысью. Через четверть часа они достигли конца тоннеля и спешили. Вагар принялся изучать преградившую им путь стену.

– Прикрой светильник! – велел он Санти.

И, когда юноша уменьшил язычок, вагар нашел то, что искал: тускло светящийся зеленый клин-треугольник. Биорк приложил к нему ладонь, и Санти едва не подпрыгнул – прямо над их головами раздался голос.

Слова были непонятны не только юноше, но и вагару. Маленький воин потер лоб, Санти чувствовал: он колебался. Потом вагар отошел на шаг и произнес невнятное междометие. Стена перед ними сдвинулась, стала опускаться вниз, пока верхний край ее не сравнялся с полом. Биорк облегченно вздохнул.

Едва они перешагнули через то место, где была стена, вспыхнул свет, и Санти увидел впереди обширный зал со странными растениями, чья кора была усыпана драгоценными

камнями. Юноша с некоторой опаской подошел ближе и понял, что это не камни, а светящиеся огоньки, наподобие тех, что бывают у морских рачков. Он прикоснулся к одному из них и ощутил твердую холодную поверхность, словно это действительно был отшлифованный драгоценный камень. Тут, к его удивлению, прямо из пола вырос белый, как молоко, гриб с вогнутой посередине овальной шляпкой.

– Однако! – проговорил Биорк.

Парда просунула между ними голову и лизнула «гриб» розовым языком. Лизнула и недовольно фыркнула. Санти, повинаясь внутреннему импульсу, потрогал «шляпку» рукой. Белая поверхность была гладкой и теплой. И сразу же «растения» вокруг пришли в движение. Их переплетающиеся ветви зашевелились, огоньки замерцали, а потом ближайший «ствол» в два локтя толщиной дал расходящуюся трещину, и Санти увидел жгуты переплетенных жил, по которым струился жидкий огонь.

– Клянусь льдами Имирова моря! – негромко сказал вагар. – Тут не обошлось без настоящего могущества!

Санти, оторвавшись от созерцания светящегося нутра «дерева», вопросительно посмотрел на него.

– Я видел кое-какие поделки магов, – Биорк привычным движением попытался взять себя за бороду, но его пальцы сжали лишь воздух. – Хм... – Он потер подбородок. – Пожалуй, я хотел бы пройти дальше.

– Ты не против, если я пока побуду здесь? – спросил Санти.

– О! – Биорк посмотрел на него с уважением. – Ты смелей, чем я думал!

– Вряд ли, – Юноша смущенно улыбнулся. – Понимаешь, мне... Ну, мне... нравится здесь. Может быть, я слишком... глуп, чтобы бояться?

Биорк хлопнул его по плечу:

– Это я слишком много думаю о войне, брат Санти! Такие мысли делают трусливым даже вагара! Ты прав: здесь не Проклятые земли! И вряд ли опаснее, чем там. – Он показал пальцем на потолок.

– Я буду здесь, – сказал Санти. – Если что – я позову тебя.

– Ага, – Вагар сделал шаг и хотел наклониться, чтобы пройти под «ветвью» с бахромой голубых тонких усиков. Но ветвь сама приподнялась, образовав арку.

– Однако! – второй раз произнес Биорк и заставил себя шагнуть под нее.

Ничего не произошло, если не считать того, что спустя несколько мгновений ветвь снова опустилась.

Вагар двинулся дальше по переливающемуся огнями «лесу», а Санти обернулся к раскрывшемуся «стволу». И не удивился, обнаружив, что тот «замкнулся».

Кто-то толкнул его в спину. Санти, не глядя, шлепнул по мохнатой шкуре. Он решил, что это Ушка. Но острые клыки тотчас сомкнулись на его руке, и юноша, вскрикнув, обернулся.

– Невежливо, очень невежливо, красавчик! – процедил маленький пард, сжимая зубами его ладонь.

Санти, помимо собственной воли, широко улыбнулся:

– Привет! Я думал – это кто-то из пардов!

– Руку тебе откусить за такие слова! – фыркнул невероятный зверь. – А я по-твоему – кто?

Но ладонь отпустил.

– Так, по-твоему, – я не пард?

Он вспрыгнул на «шляпку» гриба, и его хитрая морда оказалась на одном уровне с лицом Санти.

– Как тебе здесь нравится, паренек?

– Угу! – рассеянно произнес Санти. – Послушай, что это такое?

– Сядь сюда! – Пард похлопал лапой по «шляпке» и спрыгнул на пол. – И поторопись, пока твой воинственный дружок не появился!

- Биорк – хороший человек! – серьезно сказал Санти.
- Мне говоришь! – фыркнул пард-малыш. – Кстати, что у тебя во фляжке?
- Вино. Хочешь?
- Нет. Садись, не тяни время!

Санти хотел было потрепать его по загривку, но вовремя одумался и просто сел на указанное место.

Тотчас «ствол дерева» вновь разошелся, светящиеся жилы вспыхнули и померкли, прямо перед Санти за клубился черный туман. Юноша не успел отшатнуться, а туман уже накрыл его и погрузил в темноту.

- Не дрейфь! – раздался совсем рядом насмешливый голос парда.

Но Санти и не думал пугаться. Туман был лишен вкуса или запаха. И глаза фарангца не видели ровно ничего. Хотя он достаточно хорошо ощущал под собой «шляпку», на которой сидел.

А потом появился Шар. Голубой шар, похожий на луну, в обрамлении звезд. Знакомых звезд. Хотя контуры созвездий и были несколько искажены. Санти невольно потянулся вперед, чтобы рассмотреть шар поближе... И «упал» на него! Точнее, он так и остался сидеть, но у него было полное ощущение того, что Шар стремительно надвинулся на него, увеличиваясь до огромных размеров. Санти будто «падал» с огромной высоты вниз. Это было похоже на то, что он испытывал в снах фьель, но сейчас он лишь «видел», но не ощущал происходящее.

«Падение» длилось лишь несколько мгновений – и перед его взором появилась «картинка». Такая, будто он смотрел на землю сверху, с высоты нескольких сотен локтей. Цвета ее были странные, но юноше совсем не трудно было узнать ее. То была часть Владения. Он видел Фуа, широкую, изогнутую ленту, только не зеленую, а желтую, как кошачий глаз. Он видел стену и дорогу, ведущую к дворцу. И сам дворец, более светлый на темном фоне земли. Еще он увидел алые точки там, где должна была быть Веселая Роща. И удивился, что свет костров проникает сквозь непроницаемую крышу листвы. Озеро тоже было желтым, и Санти даже различил темный силуэт юкки у одного из берегов.

- «Картинка» расширилась, будто Санти поднялся выше.

«Словно летишь на драконе!» – восхищенно подумал юноша, никогда на драконе не летавший.

Санти отыскал даже тоненькую ниточку ручья в овраге, из которого они вошли в подземелье.

- «А само подземелье?» – подумал он.

И ответ не заставил себя ждать. Красная линия пересекла темное пространство погруженных во тьму холмов и разошлась широким овалом. От красного овала потянулись еще две линии. Одна заканчивалась посередине Фуа, а вторая, пройдя под «дикой» частью Владения к западу, пересекла стену и оборвалась, прочертив почти такой же отрезок за пределами земель Нассини.

- Пока, паренек! – услышал Санти голос маленького парда. И сразу же:
 - Оу! Санти! – голос вагара.
 - Эй, что с тобой! – воскликнул Биорк, увидев застывшего юношу.
- Маленький воин коснулся руки сидящего, и черный туман окутал его.
- И вид Владения исчез, сменившись изображением города.
- Хавр! – удивленно воскликнул вагар.

Они плыли на высоте примерно двух тысяч локтей над ним. Санти отчетливо видел голубой край озера Лейр, знакомого ему по рисункам.

- Не могу понять, что там происходит! – пробормотал Биорк.

И они сразу же опустились ниже. Теперь можно было разглядеть даже редкие фигурки людей. А цвета были самыми обычными, совсем не такими, как в первом «видении» Санти.

– Не может быть, чтобы набег! – продолжал бормотать вагар. – Видишь, они идут как ни в чем не бывало. Да и какой набег в Роне, мнимые боги!

– О чем ты? – спросил Санти.

– Посмотри на дома!

Тут только юноша обратил внимание, что часть зданий разрушена.

– Может, землетрясение? – спросил он, не думая, потому что мысли его были заняты другим.

– В Хавре?! – воскликнул вагар. – Да там никогда...

Туман неожиданно рассеялся, вернее, исчез, и Санти увидел нахмуренное лицо маленького воина.

– Ну да. Конечно, ты прав, – Лицо Биорка помрачнело.

– Кажется, я нашел выход из Владения! – сказал Санти, чтобы порадовать его.

– Выход?.. А! Да! Где? – Биорк снова был бесстрастен и сосредоточен.

Санти в двух словах рассказал ему об увиденном.

Вагар тут же засвистел, призывая пардов.

Санти хотел пойти пешком, но вагар уверенно вскочил в седло.

– Огибай стволы! – крикнул он Санти. – На «ветки» не обращай внимания.

Парды, ворча и фыркая, двинулись вперед. Им явно не нравились шевелящиеся «деревья». Но страха они не испытывали.

– Ты точно знаешь, куда нам ехать? – крикнул Санти после десяти минут движения по этому странному «лесу».

– Ты же мне рассказал! – удивился Биорк.

– Да? – Сам Санти сильно сомневался даже в том, что отыщет дорогу обратно. «Деревья» были разными, но все они сливались в памяти в некое мерцающее переплетение.

Юноша решил положиться на чутье вагара и не ошибся. Спустя четверть часа они оказались у серой стены.

– Промажнулся! – огорченно сказал Биорк. И повернул парда налево. Еще через две минуты перед ними открылся проход в уходящий вверх коридор.

Парды тут же перешли с осторожного шага на быструю рысь. Еще полчаса езды между серыми, тускло светящимися стенами – и коридор кончился тупиком. На каменной перегородке светился уже знакомый Санти зеленый клин.

Вагар спрыгнул вниз и приложил к нему ладонь.

Сначала стена осталась неподвижной. Но через несколько мгновений раздался глухой удар, треск, скрип и приглушенный скрежет камня по камню.

А потом стена бесшумно ушла вниз, и Санти увидел уходящую вверх лестницу. Оставив пардов внизу, они поднялись по ней и оказались под каменной крышей, опирающейся на шесть мощных колонн.

Выйдя из-под нее, друзья очутились на вершине холма под высоким звездным небом. Ниже по склону тянулись темные ряды виноградника.

Что было у подножия холма, Санти не мог разглядеть, но знал, что они на свободе. Он оглянулся и ахнул. «Крышей» беседки была огромная скала, этаким каменный зуб высотой в семьдесят локтей, поднятый шестью столбами на полтора человеческих роста над поверхностью земли.

– Впечатляет, да? – произнес стоящий рядом Биорк.

– Нам пора возвращаться.

Когда они вошли в тоннель, стена опустилась, а потом раздался тяжелый удар, от которого пол под ними слегка содрогнулся. Парды занервничали.

– Что это? – спросил Санти.

– Люк задраен! – усмехнулся вагар. – Вперед.

Без приключений они миновали тоннель, зал и коридор, выходящий в овраг. Когда парды вынесли их на поверхность, небо уже начало светлеть.

Спустя час друзья выехали из леса, а к восходу каждый был в своей башенке.

Начался их последний день во Владении соххогои Нассини.

XV

«Бык жизни разбивает врата безысходности».

Надпись на гадальной кости

И день этот обещал быть спокойным. Владычица затворилась у себя и отказалась говорить даже с Начальником Внутренней Стражи. Хотя все Владение гудело от обилия слухов и предположений, жизнь его текла по привычному руслу. И воины, и слуги вольны думать о чем угодно, но при этом должны неукоснительно выполнять свою работу. Разумеется, и Сихон, и Ортран были весьма обеспокоены тем, как поступит Нассини с Эрдом (остальные, естественно, разделят его судьбу). А решить она могла что угодно. Эрд мог быть предан позорной смерти, а мог стать и новым Властителем. Последнее предположение имело своих сторонников лишь среди самых молодых слуг, и еще, как ни странно, в лице Сихона. Ортран не предполагал ничего. Единственным его желанием было выставить светлорожденного за пределы Владения. Пусть его приканчивают где-нибудь в другом месте, если уж это так ему по душе. Ортран был готов прямо пойти к Эрду и предложить ему покинуть территорию соххогои, но не знал, как светлорожденный отреагирует. Ведь он, судя по всему, уже вкусил сладость Нассини. Да еще неизвестно, выживет ли он?. Желтый Цветок здорово его отделал. Сильные боги! Кто мог подумать, что Эрд вообще уцелеет? Жизнь Эрда висела перед магхаром, как спелый плод. Цветок, должно быть, ошалел от наркотиков.

Ортран подавил искушение оставить все на волю Судьбы. У него был теперь лишь один способ выпроводить Эрда из Владения: уговорить его спутников. Может быть, честь светлорожденного окажется крепче сетей Нассини? Может быть, ради безопасности своих спутников светлорожденный согласится принять помощь Начальника Внутренней Стражи? О том, чем рискует он сам, Ортран старался не думать. Может быть, в конце концов ему удастся убедить Нассини, что он заботился о ее безопасности?

Так или иначе, но Ортран принял решение и отправился на поиски наиболее доступного из «гостей» – Нила.

Великана он застал за утренней трапезой. Тот сидел за уставленным яствами столом, перед дюжиной тарелок и тарелочек, большая часть из которых уже опустела. По правую руку от Нила стоял кувшин в виде человеческой головы, наполненный вином. Время от времени он подносил его ко рту, и вино с бульканьем переливалось из одной головы в другую. Более он ничем себя не утруждал: три смазливые служаночки наперебой закладывали ему еду прямо в рот, стоило великану чуть повести глазами. Его голая грудь была сплошь перемазана цветными соусами. Когда вошел Ортран, одна из девчушек как раз слизывала подливку с его живота. Глазки при этом у нее так и сияли. Ортран безжалостно выгнал всех троих, уселся напротив и подвинул к себе тарелку с тушеной говядиной.

– Не возражаешь? – спросил он, поливая ее острым соусом.

– О чем речь! – невнятно проговорил гигант. – Чем скорее мы съедим, тем скорей принесут что-нибудь новенькое. На-ка, хлебни! – И он протянул Начальнику Стражи кувшин.

Ортран сделал глоток и едва не поперхнулся: это было не просто вино, а крепкое морское!

Он поманил пальцем одну из служанок, чья кудрявая головка показалась из-за занавеса.

– Красного тайского! – приказал он.

Девушка принесла серебряный кувшин и хрустальный бокал на тонкой ножке. И опять пристроилась около Нила.

Скоро стол опустел, и великан, задумчиво поковырявшись в зубах, изрек, обращаясь, видимо, к девушке:

– Пожалуй я съем еще пирожок с паштетом. И полей его сладким соусом. И фруктов принеси. Молока тоже. И тех желтых грибков... – Великан почесал грудь. – И копченых колбасок, а к ним этот, кисленький, красный... И сюда налей! – Он показал на кувшин. – Ну,

овощей, понятное дело, но не тех, что были в той миске, а тех, что вот в этой. Ты желаешь, благодородный?

– Сыт, – отрезал Ортран. – Кофе мне. И кувшин с водой для омовения.

Через минуту все сказанное появилось на столе. И три девушки тоже заняли свои места. Нил набросился на еду так, будто три дня ничего не ел. Зато, когда через четверть часа кушанья исчезли, живот его несколько округлился.

Ортран сидел напротив, потягивая кофе, и наблюдал за актом обжорства почти с благоговением.

– Ты чем-то озабочен? – вдруг спросил великан.

Ортран вздрогнул от неожиданности. От человека с аппетитом парда он почему-то ожидал и пардовой пронизательности.

– Ты прав, – сказал он. – Я обеспокоен здоровьем твоего господина.

– Не тревожься! – ответил Нил, отхватив изрядный кусок колбасы. – Он поправится!

Начальник Стражи посмотрел, как мощно перекачиваются жевательные мышцы Нила.

– Надеюсь! – произнес он, поднимаясь.

– Приятно провести время! – бросил Нил ему вслед.

О деле Начальник Стражи так и не заговорил.

Ортран еще раз попытался добаться до Нассини. Соххогая опять не ответила на гонг, и Начальник Стражи позволил себе неслыханную дерзость: приоткрыл дверь и заглянул в щелку.

Увидел он достаточно, чтобы успокоиться. Нассини сидела на полу рядом с курильницей. Тело ее монотонно раскачивалось.

Ортран притворил дверь, велел стражнику занять свое место и отправился проводить Эрда. Но в отведенной светлорожденному башенке было пусто. Первая хорошая новость! Ортран спустился вниз, вывел из загона собственного парда, черного, огромного – под стать хозяину. По дороге он заехал к себе и взял «звезду смерти». С ней он чувствовал себя уверенней.

Когда Начальник Внутренней Стражи верхом на своем черном Демоне объезжал Владение, слуги кланялись ему как можно ниже, а солдаты салютовали с максимальной поспешностью. Ортран был не жесток, но скор на расправу, если считал, что приказы его выполняются недостаточно быстро, а подчиненные недостаточно почтительны.

Сейчас он поймал за чуб одного из Сихоновых соглядатаев и велел ему отыскать Эрда. Соглядатай умчался, а через пять минут прислал парнишку-бегуна.

– У озера! – закричал бегун еще издали.

Ортран нашел всю компанию около причала. С ними был еще Хорон, кормчий. Ортран остановил парда и понаблюдав за ними сверху. Голосов он не слышал, но удивился, заметив, что мальчишка держится со взрослыми как ровня, а старик немного робеет. Нил по обыкновению валялся на песке, не принимая активного участия в беседе. Он ограничивался отдельными восклицаниями. Их-то как раз Ортран слышал: голос у великана был – как у боевого рога. Светлорожденный Эрд, скрестив ноги, сидел поодаль. Он ковырял песок ножнами меча и выглядел нерадостно. Зато фарангский юноша так и сиял. И смотрел только на женщину.

«Что он там видел, за этими тряпками?» – подумал Ортран.

Как ни странно, первым воина заметил именно мальчишка. Видимо, он сказал об этом остальным, но лишь Санти и Эрд подняли головы, чтобы взглянуть на Начальника Стражи.

Ортран спрыгнул с парда и спустился вниз.

– Приветствие! – произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь. И сделал знак кормчему: уйди. Подумал, не прогнать ли Санти, но решил, что юноша почти такой же «гость», как и остальные.

– А! – сказал Нил. – Земляк! Садись, еще настоишься!

Ортран опустился на песок. У него не было привычки сидеть на земле, и он чувствовал себя не слишком уверенно.

Пять пар глаз были обращены на него.

– Мы тут поспорили, – сказал Нил. – Что лучше в море – юкка или бот?

– Юкка, – не раздумывая ответил Ортран.

– Ты не патриот, – огорчился великан.

– Хочешь нам помочь? – спросила женщина.

Ортран быстро обернулся к ней. Сквозь вуаль лица было не видно, только общие очертания, но голос поразил воина.

– Да, – сказал он после небольшого колебания. – Я хочу, чтобы вы покинули Владение.

– Это желание твоей госпожи? – спросил мальчик.

Ортран посмотрел на него и понял, что никакой он не мальчик, а самый что ни на есть вагар. Только на голову выше своих собратьев.

– Тебе стоило бы побриться, – заметил Ортран.

Биорк смущенно потрогал подбородок. Сегодня утром он действительно забыл побриться.

– Нет, – продолжал Ортран, – госпожа ни при чем. Это мое желание. Не хочу, чтоб ваши жизни оборвались.

– Благодарим! – сказала Этайа.

– Там видно будет! – отозвался Нил.

– Ты говоришь не все, воин! – заявил Биорк.

– Я говорю довольно! Что нужно вам, чтобы покинуть Владение? Сегодня вечером я выведу вас наружу.

– А что скажет госпожа? – поинтересовался Нил.

– Ничего. Она вдыхает дым и не покинет своих покоев. Сейчас здесь команду я!

– Вот разговор! – Нил причмокнул губами. – Жратвы! Выпивки, конечно. И побольше! – И посмотрел на отца.

– Нам нужны парды, оружие, наше оружие, и вещи. И наш пес-следопыт. Два парда для груза и пять верховых.

– Почему пять? – удивился Ортран. – Вас же четверо!

– Пятый – для него! – указал Биорк на Санти.

– Но он не ваш! – с сомнением произнес Начальник Стражи. – Его привезли по личному желанию Владычицы...

– Наш, – сказала Этайа. – Без него мы не уйдем.

– Что еще? – спросил Ортран.

– Пища, оружие, парды, снаряжение, следопыт! Если ты нам поможешь, мы у тебя в долгу! – сказал Биорк.

– Если когда-нибудь вернешься домой, требуй, чтоб долг вернули! – произнес Эрд.

И это была его единственная реплика. Но у Ортрана потеплело на душе. Слово Асенара стоило многого. Пожалуй, с ним Ортран мог бы рискнуть и предстать перед судом императора. Если бы не Нассини.

Ортран встал:

– Я делаю это для себя, господа! И мне приятно, что вы поверили мне.

– Ты не предашь, – сказала Этайа. – Но если захочешь освободиться сам, скажи!

– О чем ты? – спросил воин.

И понял, о чем она. Внутри у него что-то оборвалось.

– Нет! Пока – нет! – с трудом выговорил Ортран.

И пошел прочь.

– Что ты ему сказала? – удивился Биорк. – Его будто ошарашило...

– Он знает, – отвечала фьель.

Эрд поднял голову и взглянул на нее с нежностью. Он тоже знал, о чем она. И он любил ее, хотя не признался бы в этом даже самому себе.

Шпион донес Сихону: Ортран говорил со схваченными. О чем – неизвестно. Что-то им пообещал.

– Ой-хой! – пробормотал Начальник Внешней Стражи, выпроводив соглядатая.– Этот громила – тоже северянин. Как бы они не снюхались!

«Нет, вряд ли!» – сказал он сам себе. Кому, как не Сихону, знать, что за веревочка привязывает Ортрана к соххогое.

А вот подставить под гнев Нассини ее любимчика? Стать Первым в ее покоях! Ох-хо! Сколько ждал Сихон подходящего момента! Дождался, слава богам!

Начальник Внешней Стражи вскочил на ноги, забежал по комнате.

«Вот тут бы не ошибиться! – думал он. А мысли разбегались, как стая голодных крыс.– Так, Владычице намекнуть: радуется, что доблестный Ортран так заботится о ее гостях, особенно, хм, о женщине... Хотя нет! Она не ревнива к хобам. А... Если... О! Ортран прежде служил под началом Эрда. Под началом. От воинов слышал. Нет, мало! Плевать ей, у кого он служил».

Сихон бегал по комнате, слишком тесной для его длинных ног.

«О! Есть! Желтый Цветок! Огорчилась, огорчилась Владычица наша! Даже насчет обычного забыла вовремя распорядиться. И у Хумхона в первый раз не вышло, ха-ха! Да. Цветок. Все видели: Ортран говорил с ними перед поединком. И готовил обоих. Вполне мог подсыпать магхару зелья. Ну, ясно! Отчего бы ему иначе взбеситься? Наверняка и подсыпал. Э, пошевелил бы раньше мозгами – сегодня Ортран был бы у меня под коленом! Хумхону она его, конечно, не отдаст – полезный человек. Но Первым ему не быть!» – Сихон покосился на водяные часы: до вечернего парада – около часа.

– Нынче вечером я тебя уложу, Ортран! – сказал он вслух и засмеялся. «Но, – подумал он тут же. – Зачем ждать? Разве я не могу сейчас пойти к Владычице? С такой вестью?»

Сихон поспешно нацепил меч и выбежал наружу.

Однако у покоев Нассини его остановили.

Стражник решительно заступил ему путь к гонгу:

– Нельзя, начальник!

Сихон хотел отодвинуть дурака: вот еще! Если он, Сихон, полагает, что можно беспокоить Владычицу, то не этому решать: пускать, не пускать!

Но стражник считал иначе.

Он отбросил руку Сихона и со скрежетом выволок из ножен широкий меч. Да и второй уже тут как тут!

– Извини, начальник! – стражник, здоровый туповатый малый, судя по роже – откуда-то из Эдзама.– Не велено! – И легонько толкнул Сихона в грудь острием меча.

Сихон выругался. В другом месте он тут же проучил бы нахала! Обоих ублюдков тут же проучил бы! Но у покоев Владычицы... Да после этого она его и слушать не станет! И вся Внутренняя Стража сбежится. Объясняй тогда Ортрану, для чего к соххогое собрался через его голову! Нет, надо уступить!

– Понимаю! – сказал он, отступая на шаг.– Делай свое дело. Я не в обиде! – А сам постарался хорошенько запомнить солдата.

«Уж я с тобой сочтусь, урод!» – подумал Начальник Внешней Стражи, повернулся и пошел по галерее. До вечернего парада осталось всего ничего.

– Вот засранец! – сказал стражник напарнику.– Проверять меня вздумал! Небось сговорились с нашим. Отступи я – и плетей!

– Ну ты не сплеховал! – сказал второй.– Отбрил ловко! Как положено!

Стражники ударили ладонью о ладонь и засмеялись. Потом подмигнули друг другу, и тот, кто стоял у двери, сдвинул висевшую на стене, на высоте глаз, маску быка и заглянул в щель, известную уже не одному поколению стражников.

Сквозь розоватую дымку курений он увидел соххогою, лежащую на черном толстом ковре. Лица ее не было видно оттого, что голова была запрокинута назад, – только

подбородок и молочно-белое горло. Голые груди испачканы чем-то желто-розовым, похожим на цветочную пыльцу. Втянутый живот вздрагивал, пальцы зарылись в мех ковра. Согнутые ноги Нассини с широко разведенными коленями, подтянуты к животу, приподняты над полом. Маленькие розовые ступни прижимались одна к другой, двигались, терлись, как отдельные живые существа.

Запах курений коснулся обоняния стражника, и он судорожно вздохнул. Второй похлопал его по плечу, стражник отодвинулся, уступая место, и вытер с подбородка слюну. Галерея качнулась перед ним. Это была не галлюцинация – просто подземный толчок.

«Часто трясет нынче», – подумал солдат и поправил набедренную повязку под кольчужным кильтом.

К несказанному огорчению Сихона соххогия на вечернем параде отсутствовала. Рабы несли пустые носилки, а заправлял смотром Ортран. Солдаты были огорчены. Теперь, после смерти Муггана, как им казалось, порядки станут помягче. И соххогия больше будет с ними. Но кто займет место Муггана? Ни для кого из солдат Нассини не делала исключения. Каждый думал: а если – я? Но те, кто служил здесь еще при Спардухе, побаивались: вдруг она позовет кого-то из сородичей – хоб есть хоб!

Начальник Ортран верхом на злобно скалящемся Демоне медленно ехал вдоль строя. Солдаты не смотрели на него, центром внимания были пустые носилки. Ортран понимал их: немного воображения – и видишь сидящую на троне Нассини, ее бесстрастное маленькое лицо под широким обручем диадемы.

Зато все дворцовые служанки глазели на Ортрана. Он был хорош: высокий, светловолосый, в длинном голубом плаще, накинутом поверх золоченой кольчуги, на черном, как смола хуридских сосен, парде.

Ортран поискал взглядом северян, но не нашел. Пусть. Хорошо. К чему мозолить глаза?

Начальник Внешней Стражи, хитроумный Сихон, смотрел на гордеца и беззвучно смеялся:

«Пыжься, пыжься! Недолго уже. Не сегодня – так завтра...» Но все же он был сильно огорчен отсутствием соххогии. Неприятно откладывать торжество. Да и видеть Нассини – немалое счастье.

«Пускай! – думал он. – Когда я спихну этого, Владычица будет достаивать меня почаще!»

* * *

– Тай, – спросил Санти, – светлорожденный Эрд знает, что ты фьэль?

– Нет. Ему и так нелегко со мной.

– А Нил?

– Да.

– Но почему? – удивился юноша. – Слуга знает, а господин...

Этайа нежно коснулась его щеки:

– Пора тебе стать лучше чувствующим!

Санти потерся лицом о ладонь фьэль.

– Я чувствую тебя очень хорошо! – прошептал он.

Потом повторил фразу мысленно и радостно засмеялся.

Этайа бережно отняла руку.

– Не обо мне, – сказала она. – Нил прошел обучение и посвящение в Руне.

– Он – маг? – изумился юноша.

– По-своему. А до того он был вождем тысячи на Севере. А до того овладел искусством вагаров.

– Борьбой?

– Борьба – снаружи! – засмеялась фьель.– Он может казаться тем, кем захочет. Но тебя внешнее обманывать не должно!

– Разве он выглядит не так, как я вижу? Как ты?

– Нет, Санти, конечно, нет! Я – фьель. Он – человек. Почти человек. Ему нет нужды менять облик. Но одно и то же может казаться и страшным, и добрым.

– Как так?

– Ты видел леопарда?

– Да, в зверинце.

– Он страшно ревет?

– Внушительно! – улыбнулся юноша.– Представляю, каково услышать его ночью в лесу.

– У меня дома живет желтый леопард из Тайдуана. Он – мой друг. Любой зверь – мой друг, я знаю их язык.

Вдруг из нежного горла фьель вырвался мощный рык, злобный, вибрирующий на нижних нотах.

– О! – вскричал Санти.

– Как думаешь, что это значит?

Санти попытался подсмотреть ответ в мыслях фьель, но она показала ему его собственное ухмыляющеесялицо.

– Не знаю, Тай. Может, он голоден?

– Вовсе нет! Он сыт. Хочет поиграть! – Она показала Санти щенка с набитым брюшком, который валялся на траве, задрал все четыре лапы.

– Это я понял,– сказал юноша.– Но чувствую, ты подразумеваешь что-то еще.

– Да. Сегодня мы уходим. И ты идешь с нами. Верней, мы с тобой идем с ними. Любой из нас должен уметь защищаться сам и беречь других, иначе кто-то из нас погибнет.

– Понимаю,– грустно сказал юноша.– Не хочу быть обузой. Мне никогда не стать таким воином, как Эрд или Нил. Я остаюсь, вы идите! (Боги знают, чего ему стоили эти слова!)

– Несмысленныш! – ласково произнесла Этайа.– Разве у меня есть меч? Слышал ли ты скадда?

– Конечно!

– Разве он не мастер иллюзий?

– Я не скадд!

– Ты – лучше. Ты создатель! – Фьель наклонилась, взяла футляр с ситрой и вынула инструмент.

– Спой мне! – она протянула ситру Санти.

– Тебе будет неприятно слушать,– отказался Санти.– В сравнении с тобой...

– Пой! Я так хочу!

Санти пожал плечами:

– Хорошо. Я спою новую. Ту, что пришла этой ночью.– Он взял пару аккордов.– Хороший инструмент! Лучше того, что был у меня в Фаранге.

– Пой же! – приказала фьель.

Санти прикрыл глаза, выпрямился, откинул голову:

– Вот плывет корабль в чужедальний край,
В чужедальний край золотых снегов,
Золотых снегов, что несет гора,
Что несет гора
Облаков.

Вот летит корабль на шести ветрах,
На шести ветрах, мимо трех земель,

Мимо трех земель – там пирует Страх.
И любой чужак – только цель!

Только цель стрелкам да потеха злым,
А под ними Твердь – грозовой рекой.
Но летит корабль (он быстрее стрелы!),
И летит корабль
Высоко!

– Так! – говорит фьэль.

Санتي наливает себе чашку разбавленного лимонного сока и пьет маленькими глотками.

– То, что ты пел, – говорит фьэль, – и то, и не то. В песне ты только веришь – не видишь. Если ж ты и веришь, и видишь, и хочешь, чтоб другой уверился и увидел, – сделай. И будет так! Смотри!

Стены башенки закачались и растаяли, а сам Санتي оказался висящим в воздухе на высоте двадцати локтей от земли. От неожиданности он уронил чашку, она полетела вниз и разбилась, ударившись о каменные плиты. Санти провел под собой рукой – и не обнаружил опоры. Зато увидел Этайю, плавающую в воздухе.

– Вот то, о чем я говорю! – промолвила она.

Санти закрыл глаза и провел рукой, пытаясь нащупать кресло, но под ним по-прежнему был только воздух.

Он услышал смех фьэль:

– Закрой внутренние глаза!

Санти понял, попытался сделать, как она велит, и у него получилось, хоть и не сразу. Зато он вновь оказался сидящим в кресле, а у ног его – опрокинутая чашка. Целая. И желтое пятно растекшегося сока.

– Можешь сделать то же, – продолжала Этайя. – Научись открывать другим внутренний взгляд и рисуй перед ним, как это делает скадд.

– Это моя магия? – спросил Санти.

– Нет! Это часть твоей магии. Моя – иная. – Фьэль провела рукой над желтым пятном, и желтизна исчезла, будто пролита была простая вода.

Санти заслонился от внушения, но пятно так и осталось бесцветным. Он потрогал пятно, понюхал пальцы: вода! И вопросительно посмотрел на Этайю.

– Узнаешь. Со временем. Сейчас я не могу показать, как я это делаю. Хочу только научить тебя защищаться! – Волна ласковой нежности охватила юношу. – Но это не так уж важно для тебя, Туон, не так уж важно! Потому что я буду с тобой!

Ее руки обняли Санти, подняли ввысь, и он увидел впереди, в синем небе, белое пятнышко, подобное облаку. Он сделал движение – и они мгновенно пролетели десяток миль, а прямо перед ними вырос корабль. Огромный летящий корабль с облачными парусами, золотисто-коричневым узким корпусом... И Санти узнал его...

* * *

Когда вечерние сумерки поглотили зелено-голубые кроны, Ортран с помощью бегунов собрал всех пятерых в тени одного из хозяйственных флигелей. Парды, оседланные, навьюченные, переминались с ноги на ногу и косились на новых хозяев. Когда все собрались, Ортран отослал слуг и вручил вагару и Нилу взятое у них оружие.

– Езжайте за мной! – велел он, вскочил на Демона и поехал в сторону ворот.

Но ворота, вопреки обыкновению, оказались закрыты.

Пеший воинский отряд преградил им путь. Сорок воинов, весь ночной разъезд во главе с Сихоном.

– Равахш! – выругался Ортран.

Он спрыгнул с парда и подошел вплотную к Начальнику Внешней Стражи.

– Почему твои люди здесь, а не в карауле? – прорычал он, окидывая Сихона тяжелым взглядом.

– А почему ты – предатель, Ортран? – поинтересовался тот.

Воины Внешней Стражи образовали стену в шести шагах позади своего командира.

Ортран свистнул. Демон с рычанием подбежал к нему.

Не спуская глаз с насмешливого лица Сихона, Начальник Внутренней Стражи отцепил от седла «звезду смерти». Улыбка сбежала с физиономии Сихона. Ортран левой рукой опустил забрало, и оно, щелкнув, закрыло верхнюю часть его лица. Сквозь четырехугольную прорезь он увидел, как Сихон вынул меч и отпрыгнул назад. Воины за его спиной зашевелились, лязгнуло железо. Позади Ортрана затопали по каменным плитам лапы пардов – подъехали северяне.

– Сдохни, дурак! – прошипел Сихон и метнул левой рукой нож. Нож ударился о кирасу и отскочил, не причинив вреда. Шипастый шар с шумом рассек воздух. Ортран еще не бил, только разминал руку. Вдруг сбоку от Сихона появилась низкорослая фигура.

– Не спеши, командир! – раздался тонкий голос Шуорда. – Пусти меня позабавиться!

Сихон с облегчением отступил. Он боялся Ортрана, и не зря.

Шуорд встал на освещенное место. Мона только что взошла, и стена, окружающая Владение, отбрасывала длинную широкую тень. С другой стороны лежала тень от крайних деревьев аллеи. В ней скрывались парды и сидящие на них всадники.

Ортран ударил первым: «звезда» описала широкий полукруг. Шуорд пригнулся и прыгнул вперед. Ортрану пришлось отступить. Шуорд позволил ему это. Оба понимали, что «звезда смерти» не слишком выгодное оружие против сабель. Правда, Ортран был в тяжелых доспехах, но они же делали его неповоротливым.

– Хо! – прогремел сзади бас Нила. – Коротышка пришел за новой взбучкой! Не марай стали, брат! С него довольно палки!

– А, плоскомордый! – крикнул Шуорд. Мечи в его руках слились в сплошную завесу стали. – Потерпи! Я наделаю дырок в твоём брюхе!

Он сделал полный оборот, стремительно вошел в нижнюю позицию, нырнул под шест, которым Ортран попытался его оттолкнуть, и уколол одной из сабель в щель между кирасой и нижним краем шлема, а второй подсек ногу воина ниже наколенника. Ортран успел убрать ногу и прижать подбородок к груди: клинок Шуорда лишь скользнул по шлему. Стальным налокотником Ортран ткнул десятника в лицо, но тот отпрыгнул назад и засмеялся:

– Ты – мой, Ортран! Я обрублю тебе ноги! Я выколю твои глаза! Я выскребу твоё мясо из скорлупы! Ты слышишь меня, Ортран? – Он взлетел вверх, будто подброшенный, перевернулся в воздухе и нанес двойной удар по шлему Ортрана, срезав половину плюмажа. Солдаты восторженно взревели и затопали ногами.

Тут что-то мелькнуло над головой Ортрана, упало на освещенный Моной кусок площадки: Биорк, прыгнувший со спины парда.

Раздался хохот. Солдаты узнали прыгуна. Как комично выглядел Биорк, защищающий огромного Ортрана. На голову ниже даже маленького Шуорда. А меч в руке вагара казался просто игрушечным. Но Шуорд, к общему удивлению, отнесся к противнику-ребенку совершенно серьезно. И, едва ноги Биорка коснулись площадки, бросился в атаку. И, к еще большему изумлению, мальчишка не удрал, не упал, обливаясь кровью, а твердо стоял на месте и работал мечом так искусно, что Шуорд сам вынужден был отступить.

Вновь замелькали клинки. И вновь Шуорд отступил.

Несколько мгновений они стояли не шевелясь, делая осторожные, почти незаметные движения, потом Шуорд снова прыгнул. Биорк присел, и меч его плашмя ударил десятника под колени.

Воин упал на спину, тут же вскочил, будто оттолкнувшись лопатками. Вагар шевельнул мечом – и Шуорд отпрянул. Стало ясно, что десятник боится.

– Шуорд твое имя? – высоким голосом спросил вагар. – А может, Шурд? ²¹

Десятник не ответил, но отступил еще на шаг. За его спиной было открытое пространство, и он это знал.

– Шуорд... – повторил Биорк. И, уже на языке вагаров: – Кто учил тебя светлому искусству, Демон? Назови имя.

Тут нервы десятника сдали. Он швырнул мечи, повернулся и бросился к деревьям. Вагар взмахнул левой рукой...

Нечто подобное тонкой серебряной ленте тускло сверкнуло в лунном свете. Не успев сделать и двадцати шагов, Шуорд вскрикнул и опрокинулся навзничь.

Твердо упершись ногами в землю, Биорк поволок его к себе. То, что издали казалось лентой, было тонкой плоской цепью с тройным крюком на конце. Такими ловят большую рыбу. Один из когтей крюка глубоко вонзился в плечо Шуорда.

Вагар подтянул десятника себе под ноги и выдернул крюк вместе с клочком плоти. Меч его коснулся горла Шуорда, который не издал ни звука, даже когда вагар освобождал оружие. Но, может быть, то было оцепенение животного, схваченного хищником.

Арбалетный болт скользнул по груди вагара – маленький воин успел отклониться, избежать прямого удара, и стрела не пробила кольчуги, только отшвырнула вагара на пару шагов.

Ортран тут же оказался рядом с ним, а Биорк сорвал со спины арбалет, взвел его с невероятной быстротой и направил на Начальника Внешней Стражи. Сихон попятился и уперся спиной в грудь стоящего сзади воина.

– Не стрелять! – приказал он.

– Что нужно, чтоб они оставили нас в покое? – спросил Биорк.

– Отойти от ворот, – ответил Ортран.

– Мы отойдем! – сказал вагар.

Ортран посмотрел на него как на помешанного.

– Скажи, что мы обещаем не штурмовать ворот, – сказал маленький воин.

– Но это единственный путь наружу! – возразил Ортран.

– Скажи им. И поклянись!

Позади слышали их спор. Эрд выехал вперед. Он подогнал парда вплотную к Сихону.

– Ты! – властно произнес он. – Раб своей госпожи! Может, слишком верный! – И засмеялся. – Тебя стоит похвалить! Благородный! – обратился он к Ортрану. – Этот человек обязан тебе подчиниться?

– Нет, – нехотя признал Ортран. – Но он не имеет права приказывать мне. Он охраняет границу. Это все.

– Тогда он в своем праве! Завтра он будет стоять перед хозяйкой. А сейчас мы уезжаем. От этих ворот. Можешь распустить людей – я через них не пойду. Слово светлорожденного!

Эрд повернул парда и поехал в глубь Владения. Вагар повесил за спину арбалет и последовал за ним.

– Не сердись, светлейший! – крикнул вслед Сихон. – Я выполняю то, что приказано!

Огорченный Ортран догнал Эрда спустя несколько минут:

– Ты твердо решил умереть, светлейший?

Изумленный Эрд уставился на него:

– С чего ты взял... благородный?

Ортран смутился:

– Мне показалось, ты решил принести свою жизнь, чтобы дать Империи повод начать войну против Конга.

Какое-то время путешественники переваривали его слова, потом все рассмеялись.

– Польщен! – проговорил Эрд сквозь смех. – Нет, ты ошибся.

²¹ Шурд – демон (на языке вагаров).

– Тем печальней! – пробормотал Начальник Внутренней Стражи. – Моя жизнь стоит немного, но она мне приятна. А ваши... Мне не хотелось бы, чтобы они прервались. Единственный выход – покинуть Владение. Благодаря твоему слову Сихон, может быть, отправил солдат в дозор. Тогда твои друзья могут уехать. Но тебе, светлейший, придется остаться. Ради чести.

– Есть другой путь, – заметил Биорк.

– Стены неприступны! – возразил Ортран. – Во всяком случае, для пардов. А без них нас догонят за день.

– Потерпи, – ответил Биорк. – И увидишь.

Они замолчали. Возшедшая луна окрасила дорогу в золотистый цвет. Когда они миновали Дворец, Санти, обернувшись в седле, мысленно попрощался с ним. Какие бы страшные дела здесь ни происходили, ему Владение не принесло зла. Напротив, подарило счастье. Юноша взглянул на Этайю, ловко сидящую в седле. Одета в трико, куртку и сапоги, она казалась маленькой и уязвимой. Почувствовав мысли Санти, фьёл обернулась и одарила его своей странной улыбкой. Света луны было недостаточно, чтоб выдать оттенок ее кожи и волос, потому в вуали не было нужды. Этайа была без головного убора, только серебряный обруч удерживал пушистые волосы. Санти послал парда вперед, и они поехали рядом, беззвучно переговариваясь.

– Нас преследуют! – заметил Биорк.

– Соглядатаи! – пренебрежительно отозвался Ортран.

– В трехстах локтях – отряд из двадцати всадников!

– Откуда ты знаешь? – удивился Ортран. – Я ничего не слышу!

– Я€ слышу и вижу.

– В такой темноте?

– Луна отлично светит. Я – вагар, благородный.

– Прости, забыл. Кстати, еще не поблагодарил тебя за помощь. Полагаю, ты спас мою жизнь. Пусть и ненадолго.

– То ведомо лишь Неизъяснимому. Ты отлично владеешь «звездой», но против гурамских клинков она не годится. Мой закон требовал, чтоб я вмешался: предатель обучил негодяя светлому искусству. Жаль, я не успел узнать, кто это сделал!

– Еще узнаешь, отец! – вмешался Нил. – Коротышка живехонек, клянусь прыщами хуридского монаха! Зря ты его не прикончил!

– Сам он – ничто! – сказал Биорк.

Песик-следопыт в седельной сумке тявкнул.

– Почуял свиту! – засмеялся Нил. – Прибавим?

– Ни к чему! – сказал вагар. – У нас ночная прогулка!

Они уже миновали озеро.

– Надо бы накормить пардов! – заметил Нил.

– В овраге много грибов! – сказал вагар. – У нас будет минут двадцать, если эти ребята, – он кивнул назад, – не будут слишком назойливы!

– Тогда мы их слегка проучим! – засмеялся Нил. – Их только три десятка! Да, отец?

– Два, – уточнил Биорк.

– Они хорошие бойцы! – предупредил Ортран. – Я сам не берусь управиться больше, чем с тремя.

– Здесь-то? – откликнулся Нил. (Они как раз въехали в лес, и их окутала темнота.) – Спорю, что управлюсь один!

– Принимаю! – сказал Ортран.

– Не советую! – вмешался Биорк. – Нил видит в темноте не хуже меня. Ты проиграешь!

– То-то! – великан захохотал.

Биорк, знавший дорогу, выехал вперед. Остальные держались в нескольких локтях от него. Всадники пустили пардов свободно, и животные не могли потерять друг друга. Погоня держалась в двухстах локтях позади.

Они подъехали к оврагу. Демон одним мощным прыжком оказался внизу, подняв тучу брызг. Остальные парды спускались более осторожно. Пока они неторопливо ехали вниз по ручью, парды жадно глотали грибы, время от времени рывкая друг на друга.

Их преследователи ехали поверху. Слышно было, как шуршат листья под ногами их пардов. Оба отряда делали вид, что не замечают друг друга.

– Здесь! – тихо сказал Биорк, указывая на вход в подземелье.

– Что это? – так же тихо спросил Ортран.

– Наш путь к свободе.

– Вы отважные люди! – сказал воин. – Жаль расставаться с вами!

– Так составь нам компанию! – предложил Нил. – Как бы тебе не влетело от хозяйки. Поедем! Не хочу, чтобы ты умер из-за нас!

– Нет, нет! – нервно проговорил Ортран. – Я... должен остаться!

– Ты умрешь, – бесстрастно сказал Эрд. – Нас это огорчит, хотя я тебя понимаю.

– Я не могу, не могу! – твердил Ортран, отъезжая от него и Биорка.

Удар кулака Нила можно было сравнить с ударом хорошей дубины. Хотя нанесен он был по затылочной части стального шлема, но Ортран без чувств повалился на шею парда. Глаза Демона вспыхнули. Он молниеносно развернулся. Клыки щелкнули в опасной близости от лица Нила. Но великан тут же поймал его за шерсть под нижней челюстью и хлопнул ладонью между глаз.

– Тихо, дур-рак! – рявкнул он.

Удивительно, но пард тут же успокоился.

– Нет времени на болтовню, отец! – сказал гигант. – Того и гляди орехи посыплются нам на головы! Вперед!

И всадники один за другим нырнули в черную пасть пещеры. На сей раз у них не было светильника, зато вагар знал дорогу. Задержался он лишь однажды: чтоб, дотронувшись до зеленого знака, затворить ход. Он еще в прошлый раз заметил светящийся клин и лишь опасался, что ржавчина – это все, что осталось от наружных «дверей». Но опасения оказались напрасными: поднявшаяся снизу стена перекрыла коридор в двух локтях от входа. Друзья быстро преодолели темный тоннель, и вагар «открыл» ход в зал. Здесь все осталось неизменным. Сияние «ветвей» и «стволов» диковинного леса показались Санти ослепительным после темноты коридора. Всадники невольно придержали пардов. Только фьэль спокойно поехала вперед, и «деревья», к которым она приближалась, вспыхивали еще ярче. «Стволы» некоторых раскрывались, обнажая мерцающую сердцевину. В воздухе запахло грозой. Глубоватая дымка окружила фьэль и пространство вокруг нее. Из дымки, вернее, ею самой, творились смутные пятна, формы, колеблющиеся очертания возникающих и распадающихся фигур. Но сама дымка и то, что создавалось ею, было достаточно прозрачным, чтобы видеть медленно ступающего парда и стройный силуэт женщины, покачивающейся в высоком седле.

Биорк опомнился первым. Его пард с коротким рыком прынул вперед, настиг Этайю, обогнал и пошел впереди.

Тогда и остальные двинулись: первым – Санти, за ним – Эрд и последним – Нил, ведущий за собой Демона с бесчувственным Ортраном на спине.

Всадники двигались беззвучно в полной тишине. Тишине, которая, казалось, поглощала все звуки. «Лес» вокруг сиял. Но люди перестали обращать внимание на переливы драгоценных камней. Потому что образы, рождаемые призрачной дымкой, становились все более реальными.

Теперь в них угадывались лица людей, пейзажи, прекрасные или мрачные, удивительные строения... Все это смешивалось в хаотических соотношениях, лишенное пропорций и естественных цветов... Видения были похожи на музыку, которую воспринимаешь глазами. И самым прекрасным, равно и самым устрашающим, было то, чему невозможно было найти определения. А сила воздействия этой фантазмагии была такова, что через минуту Санти ощутил, как его переполненный мозг содрогается изнутри. Юноша

был на грани потери рассудка. И не он один: все, кроме фьёль и потерявшего сознание Ортрана, испытывали то же, что и юноша.

Санتي хотел закрыть глаза, но забыл, как это делается. Окружающая его тишина вдруг обрела тысячи голосов, и юноша почувствовал, как тело его распадается, растворяется во множествах окружающих его форм...

Узкая теплая ладонь легла на его веки, опустила их, и спасительная тьма окутала Санти. Потускнели и угасли призрачные голоса. Покой понемногу исцелял его лихорадящий разум. Санти вновь ощутил себя на спине парда, услышал негромкий звук ступающих лап.

– Можно открыть глаза! – раздался мелодичный голос фьёль.

Санти поднял веки. Волшебное подземелье осталось позади. Парды несли всадников по серому коридору. Санти был последним. Его пард отстал от черного Ортранова Демона на три десятка шагов. Санти сжал коленями его горячие бока и вдруг явственно ощутил затылком чей-то взгляд. Пард уже прыгнул, когда юноша быстро обернулся, едва не потеряв равновесия.

Он удержался на спине парда, только вернувшись в обычное положение. Но и одного мгновения было достаточно. Он совершенно ясно увидел у входа в подземный зал человеческую фигуру. За ее спиной сиял и переливался «лес», и света было довольно, чтобы Санти разглядел лицо мужчины, на голову которого был наброшен капюшон серого плаща. Как раз в тот миг, когда юноша обернулся, стоявший у входа сдвинул рукой капюшон, и Санти увидел серебряный обруч над его глазами. Обруч с черным, отливающим багровым огнем камнем точно посередине высокого лба.

В следующее мгновение пард уже унес юношу прочь, и вход в подземный зал скрылся за плавным изгибом коридора.

Санти, все еще не освободившийся до конца от видений, решил, что человек в сером плаще – последняя из иллюзий.

Пард Санти догнал Этайю и, повинуясь руке юноши, пошел рядом с ее пардом. Спустя три четверти часа они выбрались на вершину холма, под усыпанное белыми звездами небо Конга. Их парды еще не достигли подножия, когда позади раздался мощный удар и почва слегка вздрогнула. Огромная скала, поднятая механизмами, а может быть, и магией, сотворенной тысячелетия тому назад, вновь опустилась, надежно запечатав вход в подземелье.

* * *

– Держись от него подальше, короткохвостый, если не хочешь потерять последнее ухо!

– Ур-р-р! А я-то думал, ты мне друг, Странник!

– Правильно думал! Совет друга!

– Как же! Вы, двуногие, слишком высокого мнения о своей магии! Если вы два века...

– Три!

– Все равно! Три века лепили его, значит, никто другой и не подходи! Да я, может быть, вытащил его...

– Чушь! Сам знаешь, что чушь!

– Ур-р-р! Ну и что с того? Мне он нравится! И клянусь собственной драной шкурой, он еще покажет вам всем!

– А я тебе советую, пестроголовый, не вертеться у нас под ногами! Я-то тебя не обижу, но есть кое-кто, кому ты не больше, чем земляная ящерица!

– Мог бы сказать и «червяк». Я не обидчив. Ну, слушай, а когда вам, великим и ужасным, надоест надувать щеки и плевать друг в друга дымом, я смогу пристроиться к парню? Клянусь твоим третьим глазом – мы уже приятели!

– Можешь! А сейчас проваливай!

- Надеюсь, ты не думаешь, Одиночка, что ты меня напугал?
- Не думаю! Проваливай, ради Незьясного!
- Пока, Странник! Поддай им огоньку!
- Пинка тебе, маленький разбойник!
- Ур-р-р!

* * *

Когда Санти, завернувшись в одеяло, лег в нескольких шагах от крохотного костра, ему показалось, что между Владением и настоящим миготом лежит несколько лет. Фаранг же вообще затерялся в глубинах времени.

Юноша видел спящих Нила и Эрда, бодрствующего вагара, Этайю, в нескольких локтях от Санти, рядом с лежащим на спине Ортраном. Он видел серебряную луну и бархатное небо, и, сам не заметив как,— уплыл в сны. Удивительные сны, страшные и прекрасные одновременно. Он видел города, возводимые на берегах древних морей, видел горы и лесные долины. Видел быстрые синие реки, выгрызающие ущелья в Закатных горах. Он видел яркие до нестерпимого краски джунглей и зарево над стенами павшего города. И пылающее лицо демона. И чешуйчатую бронзово-блестящую спину дракона. И себя — на этой спине. А внизу — острые гребни скал и багровое пламя заходящего солнца.

Еще он видел отца: яростное лицо в маске из пота и пыли и широкое лезвие меча над его головой. И снова пламя, пламя, пламя и черные клубы, поднимающиеся к тусклому небу...

А потом, ниоткуда, из желтого облака, подсвеченного небесным огнем, из пепла, кружащегося над огнедышащей вершиной, из грохота тарана, ударяющего в запертые, почерневшие от времени ворота цитадели,— пришло к нему имя: «Трой»!

Конец второй книги

Книга третья Урнгур

I

«Ар-Тохар умирал медленно. Грузное тело его уже начало остывать, а мысли все еще шевелились под чудовищным, покрытым язвами теменем.

Ар-Тохар, Страж Беды, жил так долго, что стал серым и древним, как сами скалы Тесных Врат. Он никогда не спал и теперь, погружаясь в покой, у которого нет имени, испытывал чувство, неведомое ему прежде.

Кожа Ар-Тохара, толстая бугристая шкура, крепкая, как моченое дерево Хма, покрылась сетью мокрых трещин, и, привлеченные запахом слизи, уже сползли к нему белые медлительные черви, уже вбуравились внутрь расплющенного собственной тяжестью брюха и принялись выедать почерневшие от яда внутренности.

Пепел прогоревшего костра припорошил остатки недоеденного мяса. Рядом лежала окованная красной медью палица. Поднять ее не под силу и трем мужчинам. Словно язык пламени, горела она в лучах заходящего солнца.

В пяти шагах остановил колесницу Ангтэй, с удовлетворением посмотрел на поверженного. Верховые за спиной Ангтэя бросали на умирающего колосса опасливые взгляды. Страшен Ар-Тохар, Страж

Беды: восемь локтей от толстого черепа до черных беспалых стоп. Вечность назад сотворил его маг – сторожить Тесные Врата. Вечность сидел здесь, твердый и тяжелый, как базальтовый валун, Ар-Тохар. Еще дрожит толстое веко, но мертвей мертвого Страж Беды. Открыта хитроумному Ангтэю долина Аит. Скоро наполнятся мясом тучных быков животы воинов. Скоро напьются теплой крови их мечи. Все богатства Аит, все женщины Аит, вся сила Аит будут его, Ангтэя!

Хороша Дорога Древних! Быстро покатится по ней колесница. Трепеци, долина Аит!

– Рагха, Ангтэй!!!

Горы шатаются от боевого клича воинов.

Услышал умирающий. И услышал ушами Стража создатель его, одинокий маг. Откинулось веко Ар-Тохара, чтобы увидел маг Ангтэя. И ужаснулся.

Набрал в грудь горный, холодный воздух крепкорукый Ангтэй...

Далеко одинокий маг. Но стремительна мысль его:

– Тур! Мощный Тур! – воззвал. – Есть дело для тебя! Окажи любезность!

– Рад! Рад! – откликнулся Быкоглавый. – Слышу тебя, старый бродяга! Любезность, говоришь?..

– Па-ашел!!! – выдохнул колесничему Ангтэй. Двинулась колесница. Двинулись за ней меднолицые всадники...

И остановились. Потому что зашевелился вдруг Ар-Тохар. Поднял черное лицо. Оперся на толстые, как туловище парда, руки. Ужас сковал войско. Один лишь Ангтэй не видел колосса. Весело катится колесница по гладкой дороге!

А Страж Беды уже сидел поперек пути, и уже потянулась к палице рука его...

Замерли всадники.

Встал Ар-Тохар, мертвый, страшный, с проеденным червями брюхом, с сукровичными трещинами на раздувшемся лице.

Сотни стрел упали на него, но отскочили от твердой кожи, а те, что вонзились в широкие язвы, задрожали, как вздыбленная щетина.

Пошел Ар-Тохар. Упала косо окованная медью булава на передовых. И восемь трупов легли на серые скалы. Еще раз упала булава – и стало их двадцать шесть, потому что тесен проход.

Как бежали герои, спасаясь от Вечного Стража! Как благословляли они богов! Те, что уцелели.

Мчался Ангтэй по Дороге Древних и не смотрел назад, потому что радовалось сердце его...

Глянул на него сверху Ар-Тохар, отложил в сторону грозную палицу, взял камень весом с пару быков и метнул.

И упал камень точно в центр колесницы...»

Легенда о долине Аит

Эрд, Нил и Ортран ехали рядом, и черный пард Ортрана постоянно пытался обогнать других. Следом – Этайа с Санти, за ними – Биорк с двумя выючными на поводу. Один из выючных время от времени глухо рычал: ему не нравилась ноша – туша синей ящерицы, которую вагар подстрелил утром.

Небо было мглистое, забитое серой ватой. И от этого обступивший дорогу лес казался мрачнее, чем на самом деле. Смешанный лес: голубая и зеленая листва, красная, голубая и зеленая хвоя. Одичавшие плодовые деревья рядом с широколапыми гигантами, распушившими мягкие иглы.

Полчаса назад путешественники обогнали караван из шестнадцати повозок.

Караванщики на подбор – крепкие поджарые молодцы. Хищные цепкие зырки из-под пестрых головных повязок, длинные конгские мечи. Так не похоже на добродушных купцов Низовья! Только слепой мог бы назвать их дружелюбными. Впрочем, благодаря Нилу, Ортрану и Эрду маленький отряд выглядел достаточно внушительно.

Общительный Нил тут же по обыкновению завязал разговор с предводителем, разделил с ним хурм и узнал, что в сорока милях выше по дороге – большая деревня с постоянным двором.

– Можем там заночевать, – сказал он друзьям.

– Что за люди? – поинтересовался Эрд.

– Контрабандисты, – ответил за Нила Ортран. – Торгуют с Урнгуром. Серьезные мужи. Если у тебя больше денег, чем силы, от них лучше держаться подальше.

– Это не о нас! – засмеялся Нил. – Хотя кое-кто не прочь размяться, а, светлейший?

– Может, стоит расспросить их о пути в обход Урнгура? – проигнорировал замечание Эрд.

– Они не скажут, – ответил Ортран. – Я знаю эту породу: двое таких были под моим началом во Владении. Отличные бойцы. Но скрытные: свой язык, свои законы. Говорят, они воруют женщин и продают их в Урнгур.

– А что еще?

– Еще: оружие, пряности, ткани. А оттуда – драгоценные камни, металл, чудодейственную смолу. Впрочем, в точности я не знаю.

– Эти горы не похожи на горы фьельнов! – заметил Санти, когда в одном из просветов они увидели красно-коричневые склоны южного хребта.

– Во всем Мире нет гор, подобных нашим. Так же, как и Золотых лесов. Впрочем, и этот лес хороший. Не злой.

Распластавшаяся в воздухе летающая ящерица-хонга спланировала через дорогу над их головами. Санти проводил ее взглядом.

– Кажется, я мог бы посадить ее себе на плечо, – сказал он.

– Зачем? – удивилась фьель. – У нее собственный путь. Пусть летит.

«Тай! – произнес юноша мысленно. – Тебе никогда не хотелось сделать так, чтобы люди следовали за тобой?»

«Так?» – Этайа показала Санти картинку: она, летящая на драконе, а внизу – огромная толпа людей. Это означало: могу, но – зачем?

«Ну, все-таки приятно чувствовать себя сильным?» – Дуновение ветра растрепало волосы юноши.

«Видел ли ты когда-нибудь дракона, собирающего стаю черных падальщиков?»

«Но магия фьельнов может сделать людей подобными фьельнам! Разве это не благо?»

«Подобными, Санти. Только – подобными. Зачем нам подобные? Гончар лепит маску, похожую на лицо. И всегда найдется кто-то, кому маска – милей лица. Когда ты поймешь магию фьельнов, то перестанешь спрашивать. А если бы ты пожелал, то узнал бы ответ и без меня: мы не гончары».

– Просто я хотел поговорить с тобой! – улыбнулся юноша. И мысленно: «Скажи, если нам будет грозить опасность, магическая опасность, ты вмешаешься?»

«Да. И не только я».

«Кто же еще?»

Он увидел сначала смеющийся рот Этайи, а потом лицо мужчины с глубоко запавшими глазами, над которыми серебряный обруч с черным камнем. Санти тотчас вспомнил.

– Я видел! Видел его! – воскликнул он так громко, что ехавшие впереди оглянулись. – Я видел его! – повторил юноша тише. – Там, в подземелье Древних!

«Я рада! Это – друг! Но не надейся, что он сделает за тебя твое дело!»

«Не надеюсь». – И негромко пропел:

– Мой путь, твой путь!
Если корабль начинает тонуть —
Весел не убирать.
Мой путь, твой путь!
Если любимую не вернуть —
Незачем умирать.
Мой путь, твой путь!
Если стрела продырявила грудь —
Некому выбирать.

– Так, – сказал он, – поют у нас в Конге.

«А как поешь ты?»

Санги задумался...

– Я пою иначе. Но не хотел бы, чтоб со мной поступали так, как я пою!

– Эй, отец! – пробасил Нил. – Говорят, мясо синей ящерицы вкусней телятины?

– Какая разница твоему брюху? Торф, навоз, уголь – пожару все равно! – откликнулся вагар.

Впрочем, солнце уже перевалило через зенит, и пора было останавливаться для обеда. Всадники въехали в лес, отыскивали подходящую поляну и расседлали пардов, чтоб те могли свободно пастись.

Маленький следопыт поймал ящерицу и принялся уплетать ее с забавным урчанием. Костер весело трещал, пожирая сухие сучья. Вскоре поджаренные на палочках грибы отправились в котел с мясной похлебкой.

Вернулся Нил с полным мешком спелых мелких фруктов для Этайи, которая не ела мяса. Ортран через всю поляну бросил ему наполненный вином мех. Гигант поймал его, присосался к горлышку.

– Уф! – сказал он, оторвавшись. – Славный денек! – И заткнул мех деревянной пробкой. Земля слегка вздрогнула.

– Клянусь рогами Тура! – озабоченно сказал великан. – Твердь стала подвижной, как шкура парда! Отец! Ты не мог бы взглянуть, как там дальше с дорогой?

Биорк кивнул и подошел к своей суме. Там лежали приспособления, которые используют вагары для лазания по скалам и деревьям. Маленький воин привязал к ногам «когти», надел на руки толстые перчатки с шипами на ладонях. Выбрал дерево – старый кедр.

– О! – воскликнул Ортран, увидев, как Биорк карабкается вверх по стволу со скоростью бегущей ящерицы.

Взобравшись почти на самую вершину, Биорк встал на толстую ветвь, горизонтально отходящую от ствола, и пошел по ней туда, где крона была реже. Снизу его видеть не могли, но сам он в одном из просветов увидел человеческие фигурки, совсем крошечные: как-никак высота нешуточная – локтей шестьдесят. Вагар шел до тех пор, пока ветка не стала ощутимо покачиваться. Чувство равновесия у Биорка было идеальное – сорваться он не мог, но конец ветви был намного тоньше, чем ее основание. Она могла попросту сломаться. Впрочем, там, где стоял вагар, обзор уже был достаточный. Биорк видел тракт, караван внизу, а выше – ровные зеленые полосы возделанных полей, озеро и домики селения. «Миль двадцать пять», – прикинул он. Еще он увидел гору. Высоченный конус, поднимающийся к небу там, где рыжие склоны южного хребта сходились с черной стеной Закатных гор. Вершина конуса была увенчана снежной короной.

«Столп Небес!» – догадался Биорк.

Спустился он так же проворно, как и поднялся.

Эрд расстелил карту, и четверо воинов склонились над ней. Санги из любопытства тоже присоединился к ним.

– Думаю, это последнее большое селение, которое мы встретим, – сказал Ортран, имевший кое-какие сведения о западной части Конга. – Леса тянутся еще на сто-сто пятьдесят миль. Потом – пустыня.

– Она проходима? – спросил Эрд.

– Вот здесь обозначена дорога! – вмешался Биорк. – Она намного хуже этого тракта?

– Думаю, намного лучше. Это старая дорога. Проложенная еще до Эпохи Перемен.

– Приятная новость! – заметил Нил. – Древние умели строить. А как там насчет еды?

– Кактусы. Они – и еда, и вода. Как полагаешь, они придутся тебе по вкусу?

– Думаю – нет. В свое время я поел их довольно! – усмехнулся гигант. – Надеюсь, отец подстрелит что-нибудь посущественней!

– А зверье? – спросил Биорк. – Есть опасные твари?

– Я слышал только о хуругах. А выше, в горах... Не знаю. Хребты высоки. Вряд ли кто забредет с юга или с запада.

– Я никогда не видел хорахша! ²² – вдруг сказал Эрд. – С удовольствием поглядел бы на него!

– О да! – улыбнулся Ортран. – И он – на тебя. Мы все, и парды в придачу, сошли бы ему в качестве легкого завтрака. К счастью, здесь их нет. Но поезжай наюг, светлейший, – и найдешь. И хорахша, и еще кое-кого!

Эрд подозрительно посмотрел на воина: не издевается ли? Ортран был серьезен, как сам Повелитель Судеб.

– Пойду займусь мясом, – сказал Нил. – Мы можем до вечера разглядывать карту, но только боги знают, где мы будем вечером!

– Биорк, ты не видел караванщиков оттуда, сверху?

– Они далеко. Волы идут медленно.

– Уж не опасаясь ли ты купчишек? – удивился Эрд.

– Каждый из «купчишек» стоит двух-трех солдат! – возразил Ортран.

– Да? А сколько стоишь ты?

– Полагаю, хорошего выстрела будет довольно любому из нас! – вмешался Биорк. – Уж не забыл ли ты уроки моего брата, светлейший?

– На что ты намекаешь? – обиделся Эрд. – Что я мог забыть уроки собственного наставника? То, что я не смог прикончить магхара соххогои, еще не значит, что я разучился владеть мечом! Я сражаюсь клинком, а не магией! – запальчиво закончил Эрд.

Биорк тихо засмеялся и повалился на спину. Глядя в сплетение ветвей над головой, он начал размеренно произносить:

– Воин не должен говорить о своих силах. Воин не должен презирать других. Воин должен быть осторожным в...

– Воин не должен вслух произносить сто шестнадцать правил, если шесть локтей камня не отделяют его от мира! – крикнул возившийся у костра Нил.

– Истинно так, сын! Я забылся. Этот край расслабляет. Здесь так тепло и безопасно! – Вагар потянулся, выгнувшись, как леопард.

– Тур-Победитель! – воскликнул Ортран. – Здесь безопасно?

– А был ли ты в Проклятых землях, благородный? – поинтересовался вагар. – Кстати, место, куда мы идем, может оказаться еще похлеще!

– Я не трус! – с достоинством произнес Ортран. – Раз я связал свою жизнь с вами – она ваша. Кроме того, никто, кроме вас, не сможет восстановить мою честь.

– Слово Асенара! – очень серьезно сказал Эрд. – Если мы вернемся, я сам буду говорить о тебе с Императором.

В молчании прошло несколько минут, а потом Санти спросил:

²² Хорахш – хищный динозавр юга Черного материка. Самый крупный хищный ящер Мира. Размерами примерно соответствует тиранозавру рекс, но намного более опасен, поскольку очень быстр и практически неуязвим для ручного оружия. Впрочем, в Гибельном лесу есть твари и поопасней хорахша.

– Биорен! Ты думаешь, желтокожий магхар не пользовался магией? Как же тогда он мог исчезать и появляться?

– Бывает, – отозвался вагар. И вдруг оказался стоящим на ногах. Хотя только что лежал на спине. – Примерно так, друг Санти.

– Что ты сделал? – спросил Эрд. – Я видел такое прежде, но думал, что это магия.

– Помнишь девятнадцатое правило?

– Рука опережает глаз?

– Да. Это – следующий шаг. Противник Эрда умел делать это куда лучше меня. Никакой магии!

– А как научиться? – спросил Санти.

– Тебе? – глаза вагара излучили веселье. – Никак! Я не понимаю, что за нужда в этом тебе, друг Санти? Спроси у Этайи, она скажет.

– Туринг! – перебил его Эрд, обиженный тем, что от него отвернулись. – Но я убил его? Как? Каким образом?

– Мечом! Довольствуйся тем, что знаешь, сын Дина! – отрезал вагар.

Он терпеть не мог, когда его называли турингом.

– Достойные господа! К столу! – позвал Нил.

– Это ты называешь столом! – проворчал вагар, усаживаясь на землю и принимая миску с похлебкой. – Хотя пахнет недурно!

Санти вдруг обнаружил, что Этайи на поляне уже нет.

«Тай! Тай!» – встревожившись, мысленно позвал он.

«Я приду! – пришел ответ. – Ешь, не беспокойся!»

Песик-следопыт подкрался к юноше и стащил у него кусок мяса. Прямо из миски.

– Ах ты разбойник! – закричал вагар. – Я тебя!

Следопыт удрал под куст. Но украденный кусок уволок с собой.

Нил отнес ему пустой котел, и песик, справившись с мясом, принялся вылизывать внутренние стенки котла.

– Удивительно! – восхитился гигант. – Сколько может сожрать этот малыш!

– У вас много общего, сынок! – заметил Биорк. – Поспать он тоже не против. Кстати, сочувствую тебе, но через полчаса мы должны быть в седлах. Надеюсь, во Владении ты отоспался впрок?

– Не только отоспался! – гигант подмигнул Эрду, но тот не обратил внимания. В последнее время он стал куда менее обидчивым.

* * *

Селение вынырнуло из-за поворота так неожиданно, что северяне придержали пардов. Только что вокруг была сплошная стена леса, а тут мили и мили – возделанные поля, сады. И синяя гладь горного озера. Несколько десятков ухоженных домиков – между берегом и дорогой. Два – побольше. Один – наверняка постоялый двор, о котором говорили караванщики.

Встречные, в основном крестьяне, без смущения разглядывали путешественников. Чужие тут не в новинку.

Постоялый двор был невелик. Двухэтажное здание с обширным двором, стойлами для пардов и волов. Ворота распахнуты. Заслышав топот, из дома вышел хозяин. Сам. И тотчас, забыв о собственной важности, рысью побежал навстречу. Одежда Эрда и доспехи Ортрана производили впечатление.

На зов вмиг сбежались слуги, приняли пардов, подхватили вещи. Забегая вперед и беспрестанно кланяясь, хозяин повел гостей в дом, грубо отталкивая загораживающих дорогу. Обитатели постоялого двора смотрели на прибывших без враждебности. Но и без симпатии. У большинства были такие лица, что Санти на всякий случай проверил, на месте ли кошелек, врученный ему Этайей.

Хозяин отвел путешественников на самый верх, показал комнаты, вероятно, лучшие в доме. Здесь уже лежали чьи-то вещи, но по его распоряжению слуги вынесли все лишнее и мгновенно навели порядок.

Комнаты, все три, были так себе. Но, безусловно, ничего более приличного не отыскалось бы и в ста милях вокруг. Лебезящий хозяин заверил, что обед будет достоин самого Великого Ангана. И цену запросил, смущаясь и пошмыгивая носом, тоже достойную Великого Ангана. Но Эрд не привык торговаться.

Пока остальные устраивались, Санти выскользнул во двор. Как раз вовремя, чтобы услышать любопытный разговор, который вели хозяин постоянного двора и приземистый широкогрудый конгай с лицом, перекошенным из-за скверно сросшегося рубца.

– Ты обещал эти покои мне! – угрожающе говорил перекошенный.

– А сколько ты мне заплатишь, Хуруг? – хозяин совершенно не боялся, и вся любезность его осталась наверху.

– Мы договорились, Паук! Ты обещал. И деньги взял!

– Я учту их в наших будущих расчетах! – быстро ответил хозяин.

– Ну, Паук, пеняй на себя! – злобно пообещал перекошенный.

– Ты меня попугай! – повысил голос хозяин. – У тебя с собой кто? Пятеро да трое. Да ты сам. А у меня одних слуг – две дюжины!

– Полсотни удалцов! – рявкнул Хуруг.

Санти показалось: он вот-вот бросится на хозяина постоянного двора.

– Завтра они будут здесь! Попоешь!

– А кто купит у тебя товар, Хуруг? – ехидно спросил собеседник. – В Фаранг поедешь? Или к Великому Ангану? Не одиноко будет твоей голове, когда ее наденут на шест, Хуруг?

– Хор-рошо же, Паук! – зарычал перекошенный, буравя собеседника красными от хурма глазками. – Сам их выкину! И золотишко перетрясу! Кто в вашей дыре мне указ? А тебе – шиш! – Он сделал неприличный жест и пошел прочь.

Хозяин захохотал:

– Попробуй, попробуй! Вот тебе башку и проломают. Видал герб у здоровяка со «звездой»? Страж красноглазого! А другие еще покруче. Это тебе, Хуруг, не купцов трясти!

– Много ты о купцах знаешь! – проворчал Хуруг, проходя мимо затаившегося Санти.

– Хуруг, говоришь? – проговорил Биорк, когда Санти передал ему подслушанный разговор. – Тварь сильная. И подлая. Будем держать руки на мечях. Хотя не думаю, что вдесятером они нападут. Поостерегутся.

– Ты воин, – сказал юноша. – Тебе решать.

– Не волнуйся! – Вагар приподнялся на носки и ободряюще похлопал Санти по плечу. – Мы тоже звери зубастые. Пойдем пообедаем.

– Поужинаем! – улыбнулся юноша.

В трапезной, тускло освещенной и не очень опрятной, оказалось довольно много народу, человек пятьдесят. Стол, который хозяин предложил шестерым путешественникам, стоял особняком на небольшом возвышении. И блюда им подавали не те, что другим. Санти показал Биорку Хуруга. Бандит сидел в дальнем углу и пил вино в компании восьмерых таких же свирепого вида парней. Нетрудно было заметить, что другие посетители относятся к ним с опаской.

Друзья ели в молчании. Хозяин то и дело подходил, справлялся, не нужно ли что-нибудь. Он даже принес вазу со свежими цветами и поставил, поклонившись Этайе, на середину стола. Санти с трудом мог представить, что этот вежливый, внимательный человек – тот самый, кто недавно разговаривал с Хуругом.

Утолив голод, путешественники сразу поднялись к себе. В их распоряжении были три комнаты: две большие и одна поменьше, которую взяла себе Этайа. Санти провалился в сон, едва голова его коснулась подушки. Но успел заметить, что постельное белье чистое и отменного качества.

«Закатные горы берут начало от северо-западного побережья Черной земли и пересекают континент сначала с северо-запада на юго-восток, потом строго на юг, а затем отворачивают на юго-запад, отделяя примерно пятую часть материка. Что лежит к западу от Закатных гор, достоверно не известно, так как мало желающих скитаться по Проклятым землям. Немногим больше известно и об Урнгуре, горной стране, затерявшейся между западным и восточным хребтами Закатных гор. Ходят слухи, что обитают там истинные потомки жителей великого государства Махд-Шагош, повелевавшего Миром до Эпохи Перемен. Впрочем, те урнгурцы, коих могут видеть их соседи, не могут подтвердить эти слухи. Страна их бедна, как следует думать, и главное ее богатство – чудодейственная смола, исцеляющая раны лучше, чем искусство мага. Границы же Урнгурса запретны для чужеземцев.

Там, где Закатные горы изгибаются с юго-востока на юг, берет начало Драконий хребет, разделяющий Конг и Хуриду, а там, где горная цепь поворачивает с юга на юго-запад, от нее отходит Южный хребет, за которым лежат непроходимые и страшные джунгли, Гибельный лес...»

Сигвар Гурский. Описание земель. Глава «Черная твердь»

Проснулся Санти задолго до рассвета и не по своей воле. Его разбудило негромкое тьяканье следопыта в соседней комнате. Встревожившись, он сел на постели, но тут же успокоился, когда обнаружил, что Этайа не спит, а Нил и Биорк не только не спят, но оба одеты и вооружены. Слух у Санти был хороший, и потому он услышал тихий-тихий скрежет. Кто-то ковырялся в замке. Но не в них, а соседней с ними комнаты, той, где спали Эрд с Ортраном. Лучшее, что юноша мог сделать, – это не шевелиться. Биорк, двигаясь тише, чем кошка, приблизился к двери, осторожно приоткрыл ее и сделал знак Нилу.

Великан встал посреди комнаты, согнул колени, медленно-медленно втянул в себя воздух и задержал дыхание. Заинтересованный Санти не сводил с него глаз.

Раздался щелчок отпертого замка, потом сильнейший удар и звон сорванной задвижки. И в этот же миг Нил взмыл вверх и ударил ногами в перегородку между комнатами.

И стена взорвалась.

Когда пыль рассеялась, Санти увидел в огромном проломе всех четверых: Биорка, Нила и Эрда с Ортраном. Двое последних голые, но с мечами в руках. Пятеро «гостей» валялись на засыпанном обломками кирпичном ковре, а шестого Нил держал за шиворот. «Гость» слабо трепыхался.

Санти быстро оделся и пролез в пролом.

– Может, стоит догнать его, отец? – спросил Нил, указывая на разорванную оконную сетку.

– Равахш его...! – выругался Ортран. – Кто такие?

Нил взял за подбородок пойманного бандита и задрал его голову вверх.

– Кто таков? – рявкнул он.

Пойманный так перетрусил, что не мог вымолвить ни слова. Только нечленораздельно мычал.

В комнату ворвался хозяин постоянного двора со слугами и светильниками.

– Что?... – закричал он с порога. И тут увидел пролом. Челюсть его отвалилась.

– Моя... Мои... – лепетал он.

Меч Ортрона коснулся его носа.

– Твои, говоришь? – осведомился он. – Сейчас ты пойдешь к ним! – и отвел оружие для удара.

Хозяин отскочил с необычайным проворством.

– Нет, господин! Нет! – завопил он. – Я ни при чем!

Слуги бросились ему на помощь, но довольно было одного вида Эрда и Нила, чтобы они замерли.

– Что «нет»? – спросил Ортран, смягчаясь.

– Не мои люди! Не я! Хуруг! Я ни при чем! Моя стена! Мои лучшие комнаты! О боги! – запричитал он, поняв, что еще поживет немного.

– Не врет, – подтвердил Биорк. – Я запомнил этих еще с ужина. – Ты был обязан нас предупредить! – строго сказал он хозяину. – И стена бы осталась целой.

– Может, приколоть его, Биорен? – предложил Ортран. – Думаю, без него не обошлось. А пользы от него...

– Нет! Нет! Не убивай! – завопил хозяин, прижимаясь к стене. – Я полезный! Я очень полезный! Все расскажу! Все, что пожелаете! Только не надо убивать!

– Умолкни! – Ортран ударил его плашмя мечом, и хозяин повалился на ковер.

Нил все еще держал за шиворот сомлевшего бандита.

– Взбодри-ка его! – сказал Биорк.

Нил сжал пальцами ухо грабителя. Тот мигом пришел в себя и завопил. Нил отпустил ухо.

– Хуруг? – спросил Биорк.

Глаза бандита обшарили комнату, остановились на разорванной сетке.

– Сбежал! – прошептал он.

– Вижу! Куда сбежал?

– Не знаю! Меня убьют!..

– К шайке своей сбежал! – подал голос хозяин. – Где-то поблизости. Он должен знать!

– Ты!.. – зарычал на него бандит. Пальцы Нила впились ему в затылок.

– И-и-и! – заверещал бандит. – Пусти! Пусти!

– Хорошо кричит! – удовлетворенно заметил гигант. – Давай я сломаю ему спину?

– Валяй, – согласился Биорк. – Пусть у чернокрылых будет праздник. Не все же им дохлятину жрать! – Он толкнул ногой одного из лежавших на ковре.

Нил ослабил хватку, и бандит быстро сказал:

– Я знаю, начальник! Я знаю, где они! Я приведу вас! Только сохраните мне жизнь! – Глазки его забегали.

– Как в этой местности не любят умирать, – заметил Нил. – Что этот, что тот! – Он сплюнул в сторону хозяина гостиницы.

– Я – сам по себе! – сказал хозяин, обращаясь к Ортрану. – Учтите, у Хуруга полсотни парней! Если вы дадите мне немного денег, я найду вам помощников!

Ортран бросил меч в ножны.

– Нужна нам помощь? – спросил он Биорка.

– Да! – заявил Нил. – Я голоден. Пусть принесут пожрать!

– Ты слышал? – спросил Биорк хозяина. – Буди своих поваров, и пусть пошевеливаются: мы выезжаем через два часа.

– Не надо меня убивать! – завопил бандит.

– Отдохни пока! – Кулак Нила опустился ему на макушку.

– Предупреди Этайю, Санти, – сказал вагар.

– Она знает! – ответил юноша.

– Чего ты ждешь? – спросил Нил хозяина. – Этого? – И сжал огромный кулак.

Хозяин опрометью бросился вон.

– Пойду вздремну, пока нет еды, – зевнув, сказал Нил. – Кто-нибудь покараулит?

– Иди, конечно! – отозвался Ортран. – Спасибо! Вы нас выручили!

– Не думаю! – сердито заявил Эрд. – Я прикончил троих! И остальных прикончил бы, если бы вы все не испортили!

– Ну извини, светлейший! – усмехнулся великан. – Я думал, ты спишь!

– Сплю? Когда вышибают дверь моей комнаты?

Нил второй раз зевнул:

– У тебя будет возможность развлечься. Если хозяин не соврал, найдется еще полсотни желающих поиграть с твоим мечом.

Солнце еще не взошло, но они уже выступили в путь. Было достаточно светло. За спиной остались последние возделанные поля. И деревья вокруг стали намного ниже. Еще двадцать-тридцать миль – и они исчезнут совсем: в горах другая растительность. Тракт был достаточно широк, чтобы две повозки разъехались, не сцепившись. Лапы пардов взбивали рыжую мелкую пыль. Справа поднимался некрутой склон. Слева земля полого уходила вниз. Ехали прежним порядком. Нил – впереди, он расшнуровал куртку и с удовольствием вдыхал прохладный воздух.

– Эй, Ортран! – он обернулся к воину. – Скоро станет холодно! Совсем как дома! Может быть, и снег выпадет?

– Надеюсь, так высоко карабкаться нам не придется, – отозвался бывший Начальник Стражи.

– А я люблю снег! – признался великан. – И – Эрду: – Что-то ты печален, светлейший! Взбодрись! Чую своим сломанным носом: нам предстоит драка! Ого!

И затянул песню, которой научился во Владении:

– Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Пусть будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Ортран подтянул ему таким же мощным басом:

– Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!

Их громкие голоса будто разбудили солнце. Оно вынырнуло из дымки слева от дороги, и парды по собственной инициативе прибавили шаг.

– Старая конгская песня! – сказал Санти Этайе. – Хотел бы я, чтоб мои песни жили хотя бы вполовину того, сколько живет она!

Дорога между тем перестала подниматься вверх, зато теперь с левой стороны тоже был уходящий вверх склон. Через милю с небольшим они оказались в настоящем ущелье. Эрд вспомнил о том, как его чуть не прикончили конгайские всадники, и с опаской разглядывал поросшие кустарником склоны.

Биорк свистнул.

– Ну-ка, замолчите, парни! – крикнул он, догнав передних и осадив парда.

Нил и Ортран оборвали пение.

– Что, отец? – спросил великан.

– Тихо! – Биорк спрыгнул на землю и прижал ухо к каменистой почве. Потом извлек из сумки следопыта. Ветер дул навстречу, и песик сразу учуял чужих. Он сипло тявкнул. Биорк вернул его обратно в седельную суму.

– Наверху – чисто! – сказал Нил, осмотрев склоны.

– Впереди – дюжины четыре верховых, – сказал вагар. – Едут быстро.

Ортран взялся за «звезду смерти».

– Не спеши! – сказал ему Нил. – Они еще далеко!

Всадники двинулись дальше. Нил, Ортран и Эрд – впереди. Затем – Биорк. Санти с

Этайей – последними. Юноша хотел было присоединиться к воинам, но, уловив мысль Этайи, остался с ней.

Ехали молча. Парды, ощутив напряженность хозяев, тоже старались бежать мягче. Через полмили перед ними открылся сравнительно прямой участок дороги, а впереди – облако рыжей пыли.

Облако приближалось. Уже можно было разглядеть всадников. Дорога шла под уклон, и парды мчались во всю прыть. Биорк не ошибся: пять-шесть десятков.

Демон Ортрана оглушительно заревел. Остальные шестеро подхватили. В ответ раздался еще более мощный рык: боевые парды радовались предстоящей схватке. Три воина разъехались в стороны, давая друг другу простор. Биорк остался позади.

Ортран медленно поехал вперед. Враги были уже совсем близко. Их разгоряченные скачкой лица были под стать оскаленным мордам пардов. Демон присел на задние ноги, приготовившись к прыжку. Тяжелый шар «звезды смерти» мерно раскачивался на цепи. В одинокой закованной в сталь фигуре Ортрана была такая уверенность, что скакавшие впереди невольно придержали пардов. Человек, в котором северяне узнали Хуруга, вынесся из рядов навстречу Ортрану и сдержал зверя, только когда между ним и северянином осталось не больше пяти локтей.

– Что нужно? – рявкнул Ортран.

Всадники Хуруга перегородили тракт. Оружие они держали наготове, но напасть не спешили.

– Твои деньги! – нагло заявил бандит. – Отдай золото – и ступай, куда пожелаешь!

– Возьми! – насмешливо ответил Ортран и подал Демона навстречу.

Хуруг попятился.

– Хон! – закричал он.

Воин на огненно-рыжем парде выехал вперед и загородил своего начальника. Стабтью он не уступал Нилу, и нос его был так же расплюсчен. Шлем, кираса и огромный меч в два с половиной локтя длиной и в ладонь шириной – этаким здоровенный обоюдоострый кусище железа – составляли его вооружение.

Нил встрепнулся.

– Ортран! Этот – мой! – закричал великан, посылая вперед своего парда. – Хо-хо-хо, жирный бычок! Иди ко мне.

Зверь Хона прижал уши и зашипел. Пард Нила прыгнул, и противники сшиблись. Лязгнули мечи, завизжали парды, завертелись, поднимая пыль. Воин Хуруга, держа меч двумя руками, хекнув, обрушил его на голову врага. Нил отразил удар и плашмя так двинул клинком по голове Хона, что тот едва не вылетел из седла. Шлем бандита перекосялся, пард осел на задние ноги, шарахнулся в сторону.

– Ты огорчаешь меня, достойный! – закричал Нил. – Дерись же!

И Хон дрался. Хотя всем уже было ясно, что шансов у него нет. Нил осыпал его градом ударов. Не самых сильных, но достаточных, чтобы кираса покрылась вмятинами. По бедру бандита струилась кровь: пард Нила ухитрился цапнуть Хона за ногу. Темнокожее лицо посерело, от прежней уверенности не осталось и следа. Он с удовольствием удра бы, но северянин все время наседавал, не давая бандиту развернуть парда. Нил наслаждался игрой и не собирался ее кончать прежде, чем она ему надоест.

– Довольно, Нил! – крикнул ему Эрд. – Мы устали ждать!

– Как скажешь, светлейший! – весело отозвался великан.

И быстрым рубящим ударом «вскрыл» кирасу противника. Сам Хон почти не пострадал. Удар был идеально точен, и меч Нила едва коснулся кожи. Но когда Хон увидел окровавленные клочки ватной куртки, торчащие из-под разорванного металла, он решил, что ранен смертельно. Повалившись на шею парда, бандит пронесся мимо Нила, мимо расступившихся северян – и поскакал вниз, в сторону селения. Никто его не остановил. Хуруг, проявляя осмотрительность, достойную предводителя, уже укрылся за спинами своих парней. Вагар послал ему вслед арбалетную стрелу. Но стрелять со спины пляшущего парда

нелегко даже вагару, и он промахнулся. Стрела просвистела в двух пальцах от головы Хуруга и сшибла шлем со стоявшего рядом всадника. В ответ две арбалетные стрелы скользнули по шлему Ортрана, не причинив вреда. Демон в один прыжок покрыл расстояние, отделявшее Ортрана от врагов. Эрд с мечом в одной руке и маленьким круглым щитом в другой поспешил за хольдцем, чтобы прикрыть тому спину. Но в этом не было нужды. Наоборот, от Ортрана лучше было держаться подальше. «Звезда смерти» полностью перекрыла полосу в пять шагов шириной, не позволяя приблизиться к воину. Но Ортран не стал ждать, пока на него нападут. Его пард одним прыжком оказался в гуще разбойников. Шипастый шар описал волнистую кривую – три всадника с разбитыми головами повисли на поясных ремнях. А три зверя с опустевшими седлами стали барьером, не дававшим другим приблизиться к хольдцу на расстояние, достаточное для удара мечом. Зато шипастый шар опрокинул еще двоих.

Когда Демон прыгнул вперед, три бандита оказались за спиной Ортрана. Пока они пытались подступить к хольдцу сзади, меч Эрда опрокинул двоих, разрубив одному затылок, а второму – спину повыше поясницы. Третий успел развернуться, но только для того, чтобы умереть от удара в лицо. Больше Эрду делать было нечего, и он уже подумывал о том, как бы проскочить под кружащимся шаром. Но тут бандиты по сигналу дружно набросились на Ортрана. Несколько он поверг, двоим удалось проскочить мимо разящей «звезды». Ортран получил несколько скользящих ударов. Не пытаясь даже отбивать их, полагаясь лишь на прочность доспехов, он уворачивался и следил, чтобы остальные держались на расстоянии. Один из его врагов подобрался совсем близко и едва не вонзил клинок в щель забрала. Хольдец оказался проворнее – заостренный конец шеста ударил в рот напавшего, превратив зубы в крошево и продырявив глотку. Второй враг решил, что проще будет разрубить голову парда. Однако он не знал Демона. Мощные челюсти перехватили предплечье, с хрустом переломив кость. Воин закричал. Его собственный пард полоснул Демона клыками. Тот выпустил измочаленную руку и набросился на зверя за мгновение до того, как шипастый шар оборвал жизнь всадника. Пард обратился в бегство, черный зверь устремился за ним, насколько это было возможно в образовавшейся давке. Демон рвал все, до чего мог дотянуться. Шипастый шар Ортрана летал, как цеп на молотье. Парды визжали, разбойники вопили, «звезда смерти» с грохотом плющила шлемы. Позади неистовствовал Эрд, разя тех, кому удавалось проскочить мимо Ортрана. Несколько минут бойни – и бандитов охватила паника. Пожалуй, вверх по дороге они помчались еще быстрее, чем недавно – вниз. Миг – и осталась только поднятая пыль да два десятка пардов с искусанными боками и изувеченными всадниками, повисшими на ремнях. Нил издал протяжный вой, и звери унеслись прочь, волоча за собой мертвецов. Биорк подобрал мечи и увязал их в один из выюков. Ортран обтер морду Демона и смазал укус на шее животного целебной мазью. На самом воине не было и царапины.

Эрд подошел к нему.

– Вряд ли в этом краю тебе найдется достойный противник, благородный! – заметил он.
– Прости, лишил тебя удовольствия! – ответил хольдец. – Но эти крысы дерутся, как крестьяне. Убивать их – не великая честь!

– У тебя хороший пард!

– Сам учил! – произнес воин не без гордости. – И в нем добрая кровь.

– Попроси Нила или светлейшую заговорить рану! – предложил Эрд.

– Это не рана – царапина! – отказался Ортран, пряча флакон с мазью.

– Как знаешь! Приятно было посмотреть на тебя в бою! – сказал Эрд.

Ортран вежливо наклонил голову. Эрд ответил тем же и отъехал в сторону.

Больше путешественников никто не тревожил. Двумя днями позже они выехали на древнюю дорогу. Бурные склоны с желваками скальной породы и рыжими осыпями, кое-где прикрытые травой и стелющимся кустарником. Высокие темно-зеленые кактусы, прямые, как корабельные мачты.

Нил пришиб камнем здорового, два локтя в поперечнике, краба и запек в углях. Мясо оказалось таким вкусным, что не было нужды приправлять его специями.

Старая дорога представляла собой сплошное покрытие грязно-белого цвета, почти не пострадавшее от времени, но кое-где полусасыпанное обвалами или наполовину висящее над обрывом. Даже повозке, запряженной волами, ничего не стоило делать по ней пятнадцать-двадцать миль в день.

На одном из таких участков, повисших над пропастью, Ортран задержался, чтобы показать едва видную внизу тоненькую синюю ниточку – Фуа.

– Там, – он указал на ее исток, – Далаанг, логово Спящего Дракона. Если бы не дымка, увидели бы золотые башни Дворца Великого Ангана.

– Ты был там? – любопытствовал Эрд.

– Нет. Но слышал много. Далаанг – мозг Конга.

– Скорее уж жало!

– Ты не прав! – возразил хольдец. – Сам Великий Анган, верно, из соххогоев, но заправляет не он. Это не Владение. И пусть конгские чиновники похуже глорианских, но ведь и получше «братьев» Хуриды.

– Почему тогда они не раздавят красноглазых? – сердито спросил Эрд. – Будь у меня хоть тысяча лучников, я выпотрошил бы все Владения за месяц!

– И конгайская армия стерла бы тебя в труху! – вмешался Биорк. – Соххогой – это Великий Анган. А Великий Анган – символ, высшее. Зато в сравнении с красноглазыми любой чиновник – добряк и человеколюбец! Армию не обижают, у флота особые привилегии. Кому не нравится? Крестьянам? Купцам? Так, Ортран?

– Чиновники – нормальные люди! – сказал хольдец. – Жадные, конечно, но дело с ними иметь можно. А воины-моряки вообще отличные парни. Кстати, тот, кого ты убил, – Шинон – был и вовсе славным парнем. Зря ты его, он бы тебе понравился!

– Он мне и понравился! – хмуро ответил светлорожденный. – Я ему – нет. Не по вкусу пришелся. И не по зубам! – Эрд сжал колени, и его пард обогнал других.

– Он ему поверил, Шинону, – пояснил Нил, – а тот его предал. Обидно, верно?

Ортран покачал головой:

– Шинон был честным солдатом. Я его хорошо знал. Не понимаю, как так вышло. Жаль!

Сантислушал, не упуская ни единого слова. Сколько раз он готов был вмешаться: как смеют чужестранцы хулить его Конг! Но сумел сдержаться: они старше, опытней, они воины и политики. Да, он – конгай, но и только. Певец. А потом Ортран сказал о смерти Шинона, и юноша опечалился. Начальника Гавани он знал и привык уважать. Возненавидел бы убийцу, если бы то был не Эрд. Ненавидеть Эрда Сантис не мог.

Этайа чувствовала его состояние, но не вмешивалась. Он должен справиться сам.

– Через два дня будем у подножия Столпа! – сказал Ортран.

– Если ничто не помешает, – уточнил осторожный Биорк.

Конус потухшего вулкана, величественный и прекрасный, уходил белоснежной вершиной в прозрачное небо.

– Кто нам может помешать? – удивился Ортран. – В горах вряд ли отыщется войско, с которым любой из нас не справился бы и в одиночку!

Биорк не стал возражать. Он не предсказывал будущее, а прогнозировал его. Зная, какие силы втянуты в игру, он, по немалому своему опыту, полагал: если враг молчит, значит, что-то готовит.

Он, естественно, уступил первенство Ортрану, лучше знавшему Конг. Но сам предпочел бы менее очевидный путь. Чем неожиданней собственный выбор воина, тем меньше неожиданного остается у врага.

– Светлейшая! – вагар приблизился к Этайе. – Может, нам избрать другую дорогу?

– Другого пути пока нет, – сказала фьель. – И этот путь – не путь.

– Нам нужно вернуться?

– Нет. Мы пойдем вперед. Пусть качнутся весы.

По мере того как солнце поднималось выше, воздух теплел. Тени, отбрасываемые растущими на западном склоне кактусами, укорачивались. Над ними метались разноцветные стайки медовниц. Стелющийся кустарник расцвел крошечными белыми цветками. Внизу, в Междуречье, уже собрали урожай, а в горах весна еще только начиналась. Цепочка желто-зеленых скальных крабов прошествовала через дорогу. Парды осторожно переступали через них. Не потому что боялись цепких клешней, а из свойственной им деликатности по отношению к живому. Кроме того, они были сыты: далеко не все кактусы защищали свою съедобную мякоть колючками. Всадники следили, чтобы животные наедались впрок, запасали жир. Неизвестно, что ждет впереди. Откормленный пард бежит медленнее, зато дольше – если приходится попоститься.

– У нас в Фаранге о горах рассказывают разное, – сказал Санти вагару.

– Что именно?

– Всякое. Плохое, хорошее...

– Плохое я уже слышал. А хорошее?

– Говорят, там, наверху, есть волшебные долины, укрытые от злых сил. А живут там...

– А! – перебил Биорк. – Это говорят обо всех горах! Поверь мне, друг Санти, все, что нас ждет, – это холод, безводье и всякая ползучая дрянь!

– Как знать! – Санти не мог забыть о стране фьельнов.

– Благородный Ортран!

Эрд подъехал к хольдцу.

– Позволь мне задать тебе несколько вопросов.

После того как они сражались бок о бок в ущелье, светлорожденный, по собственному кодексу чести, мог спрашивать бывшего стража соххогоев о чем угодно.

– Да, светлорожденный Эрд, спрашивай. И если ты будешь звать меня только по имени, я сочту это за честь.

– Расскажи мне о Желтом Цветке!

Улыбка сошла с лица хольдца.

– Что же ты хочешь знать? – неохотно проговорил он.

– Все, что знаешь ты: кто он, откуда? – Эрд понимал, что Ортран не хочет говорить на эту тему, но он желал знать!

– Я сам привез его во Владение три года назад, – хмуро сказал бывший Начальник Стражи. – Это был чудесный мальчуган!

– Мальчуган? – удивился светлорожденный. – Я дал бы ему никак не меньше двадцати пяти лет!

– Выслушай все, – произнес Ортран холодно. – И по-старайся больше не называть меня лжецом.

– Прости! – сказал Эрд с искренним сожалением. – Я не мыслил оскорбить тебя!

Хольдец кивнул, принимая извинение.

– Владычица любила диковины, – продолжал он. – Живые и неживые.

– Любила?

– Любит. Я оговорился. Каждый раз, когда я приезжал в Фаранг по делам Владения, капитаны кораблей, у которых было что-нибудь любопытное, давали мне знать. Мне – в первую очередь: я больше платил. Но в тот раз я приехал за шелком. Знакомый капитан известил, что у него товар, который мне подойдет. Я приехал. Думал, он предложит мне шелк, а моряк сначала показал мальчишку. Желтого, как золотой песок. Капитан снял мальчика с пиратского корабля. Тот имел глупость напасть на судно, когда то перевозило команду солдат на южное побережье.

Это был необычайный мальчик, светлейший! Ласковый, как котенок, такой же грациозный и очень красивый. А пахло от него так, словно малыша умастили благовониями. Не дешевыми! И еще: мальчик был немой! Не говорил ни слова, хотя слышал хорошо!

Впрочем, немота не снижала его цены. Скорее – наоборот. Ты знаешь, светлорожденный, сколько болтают мальчишки двенадцати лет от роду?

Капитан назвал мальчика Желтый Цветок. Он был из крестьянского рода, этот капитан: у крестьян в ходу такие имена. И, клянусь Рогами, имя было удачным!

Хольдец какое-то время ехал молча. Он вспомнил тот день: чисто вымытую палубу, блестящую в лучах солнца, маленькую каюту на корме, устланную пестрыми коврами, и безмятежное лицо спящего мальчика.

Капитан немного приоткрыл дверь, чтобы Ортран мог взглянуть на него.

– Не хочу будить! – проговорил он смущенно.

И нежные нотки в хриплом голосе моряка, то, что он понизил до шепота свой зычный бас, не вязалось с тем, что прежде знал об этом человеке северянин.

Но позже, когда Ортран увидел Цветка, проснувшегося, похожего на утренний луч солнца, он больше не удивлялся.

– Ты был бы поражен, светлейший, – продолжил хольдец, отрывая взгляд от дороги, – узнав, сколько предложили за мальчика фарангские любители! Но капитан не продал его! Даже за такие деньги! И не потому, что испытывал к Цветку страсть, нет, моряк по-прежнему предпочитал женщин! Он просто привязался к малышу и позвал меня не для торговли. Вернее, он все-таки предложил мне шелк. Тайский. И я купил ткань. И еще выкупил корабль у владельцев, чтобы подарить судно капитану! И тот понял, для чего я сделал это! И ему пришлось отдать мне мальчика! Чтобы не потерять лицо! Цветок был единственным, чем моряк мог отдарить меня!

– Очень неглупо, благородный Ортран! – сказал Эрд.

– Да. Но лучше бы мальчик остался у капитана! – Хольдец вдруг помрачнел, и несколько минут они ехали молча.

– Твоя... госпожа была недовольна? – наконец спросил Эрд.

– Нет! Напротив! Она была в восторге! – Ортран усмехнулся и дернул себя за длинный ус. – Она была в восторге. И я получил награду. И воспитывать мальчика поручено было мне. Приятное поручение! Я нанял лучших фарангских учителей. А воинскому искусству учил сам. Он так быстро все схватывал, светлорожденный! Через полгода Цветок уже читал и писал, как каллиграф, и манеры его стали очень хорошими. А ведь когда я привез мальчика во Владение, он ел руками, как омбамту!

– Что же Нассини? – спросил Эрд.

– Она иногда приглашала его к себе ненадолго. Поговорить, полюбоваться – не больше. Выжидала, пока берилл будет огранен. Она умеет ждать, светлейший!

Но даже после этих коротких встреч Цветок возвращался ко мне (я поселил его в своих покоях, светлейший!) грустным. И печаль его была тем заметнее, что обычно глаза мальчика сияли, как два солнца. Я плохо говорю, светлорожденный Эрд! Надо быть скаддом, чтобы рассказать о том, каким был Цветок три года назад!

– Мне довольно твоей речи! – учтиво сказал Эрд. – Продолжай, прошу!

– Малыш не умел говорить! Но он умел смеяться. И умел слушать! Он привязался ко мне не меньше, чем я к нему! Он стал бы для меня жизнью, если бы не Нассини! Ты понимаешь, о чем я?

Эрд кивнул.

– Прошло шесть сезонов, целых полтора года. А потом соххогая взяла его. Но не так, как прежде. Целую ночь пробыл у нее Цветок. А потом еще день. И еще одну ночь. И все это время ни Владычица, ни он не покидали покоев. Пищу приносили и оставляли в передней комнате: Нассини не позволяла тревожить себя без зова.

На третье утро госпожа послала за мной и велела мне забрать мальчика. Цветок был без чувств и похож на мертвого. Но, к счастью (или к несчастью), он был жив, светлейший. Но больше не улыбался. Сидел, забившись в угол, угрюмый, испуганный, как брошенный детеныш.

А день спустя соххогая вновь потребовала мальчика. Я не мог сказать ей «нет»! Ты

поймешь меня, светлорожденный Эрд! Поверь, любому другому я не позволил бы и посмотреть на малыша!

– Я верю тебе! – сказал Эрд.– Говори, благородный Ортран!

– Я отвел его! – сказал Ортран.– А через час Нассини опять послала за мной: Цветок сбежал!

Пока гонец отыскивал меня, прошло почти полчаса. Я допросил стражников – те ничего не видели. Тогда я велел обшарить Владение, а сам отправился к себе. И, придя, послал отменить поиски: Цветок был дома.

Я не стал допрашивать мальчика, светлейший, хотя он мог бы написать о том, что произошло. Не стал! И не подумал о магии. Или о том, что мальчик может оказаться магхаром! Он был слишком красив для магхара, светлейший! И я предпочел забыть. Тем более что соххогия не спрашивала меня и почти на три месяца оставила Желтого Цветка в покое.

Малыш немного отошел. Снова стал читать. И я решил возобновить занятия с ним. И, представь, едва мы взяли мечи, он изумил меня так, как никому прежде не удавалось!

Цветок не стал владеть клинком лучше, но зато он стал так стремителен, что я понял: умение фехтовать ему не потребуется. И без того Цветок смог бы проткнуть меня трижды, быстрее, чем я сказал бы «хой!» Он был как язык змеи, светлейший!

– Я помню! – сказал Эрд.

– Да,– Ортран посмотрел вокруг, покачал головой.– Я увлекся рассказом, светлейший! – заметил он.– А надо бы смотреть за тем, что происходит вокруг!

– Глаз Нила и Биорка достаточно! – нетерпеливо проговорил Эрд.– Не изволишь ли ты продолжить?

– Как тебе угодно! Один из моих парней сказал: «Начальник! Сдается, желтокожий растет слишком быстро, а?»

Я отчитал солдата: подчиненный не поучает командира. Но, приглядевшись, понял, что солдат прав. Паренек рос, как гриб в сезон дождей.

Бывает, подумал я. В этом возрасте мальчишки вымахивают на пол-локтя за месяц.

Прошло три месяца, и соххогия потребовала привести мальчика к ней. И на сей раз – приковать к стене, чтобы не сбежал.

Я выполнил приказ.

И не успел отойти от ее покоев и на тридцать шагов, как услышал крик.

Кричала Нассини. И кричала так, что я, не раздумывая, в первый и последний раз, незванный, вбежал в ее комнаты.

И вовремя, светлейший! Еще минута – и парнишка свернул бы Владычице шею. Он действительно здорово вырос за эти три месяца! Когда я вышиб дверь, Желтый Цветок стоял на спине у госпожи и тащил ее голову за волосы вверх. Не будь эти соххогии такими крепкими, тонкая шейка хрустнула бы, как речной тростник!

Хольдец в волнении ударил кулаком по луке седла с такой силой, что Демон изогнул шею, чтобы посмотреть на хозяина. Ортран похлопал его между ушами и, протянув руку к привязанной к седлу фляге, отпил немного вина. Он подал флягу Эрду. Тот из вежливости сделал пару глотков.

– Увидев меня, парнишка отскочил к стене! Удрать он не мог – мешала цепочка, приковывавшая его ногу к стене. Рубашка на Цветке была вся в крови. Не его – соххогой. Лицо ее было разбито.

Поглядев на Нассини, я так рассвирепел, что чуть не убил мальчишку!

Владычица приказала мне спрятать меч! А желтокожего моего воспитанника забрать. Но не наказывать. Напротив, обращаться бережно. Я не удивился, светлейший. Я ведь знал Нассини!

С того вечера мой Цветок стал совсем тихим. И не доставлял никаких хлопот, только очень много ел. Учителей я отослал, и сам перестал с ним заниматься. Но Цветок продолжал читать. Читал много и очень быстро. И мускулы тренировать не забывал. А уж

бездельничающим я его никогда не видел. И парень все время рос. В четырнадцать выглядел на шестнадцать! Он становился мужчиной, светлорожденный! И он обещал вырасти замечательным мужчиной: образованным, красивым, прекрасно сложенным и, как никто, владеющим своим телом! Великолепный был бы мужчина, светлейший! Но – магхар!

Когда соххогая опять велела доставить Цветка к ней, парень каким-то образом догадался об этом. Богам ведомо, что было у него внутри! Богам да, может быть, Нассини. Только для госпожи он был лишь лучшей из игрушек.

Цветок отказался идти к ней, светлорожденный! Я пробовал применить силу: физически-то я был намного сильнее. Но он не давал себя поймать! И двигался так быстро, что глазу не уследить. Появится – исчезнет! Ты помнишь, светлейший? Я ничего не мог сделать и позвал солдат. Моя ошибка!

Меня парень щадил. А уж с ними не стал церемониться. Трое были мертвы прежде, чем успели взяться за мечи. Четвертый, как щенок, забился под стол. Я его не осуждаю. Хотя Цветку ничего не стоило достать беднягу и там, парень оставил солдата в покое. Все, чего желал Цветок, – чтобы его не трогали! Ума не приложу, почему мой магхар тогда не сбежал? Вся стража Владения не остановила бы его!

Но Цветок не сбежал. Я собственноручно выволок трупы и выпроводил оставшегося в живых. Потом запер дверь и отправился докладывать госпоже.

А Нассини слушала так, будто все знала заранее. И, выслушав, только кивнула. А потом дала мне розовый порошок и велела подмешивать Цветку в пищу. Понемногу.

И Цветок потерял волю. Делал, что скажут. Ел, спал, безропотно шел к госпоже, когда звала.

Владычица сказала: дай ему женщину.

Я дал Цветку женщину. С хорошим голосом. Я еще раньше заметил: ему нравилось пение. Может, оттого, что сам мой магхар был немым?

Цветок продолжал взрослеть. И понемногу стал снова читать. Соххогая велела поселить его внизу, в подземелье, но устроить очень хорошо. Держали его в цепях, но я постарался, чтобы цепи были необременительны. Пусть малый оказался магхаром, но мне он по-прежнему был по душе. Наверняка Цветок мог бы освободиться от цепей, но Нассини, видно, растолковала ему, что будет, если он останется без наркотика. Я даже представляю ее удовольствие от такого рассказа! Привычка крепче цепи! Лишенный наркотика на один день, Цветок становился нормальным. Нормальным магхаром, конечно! И быстрота его оставалась с ним. Владычица стравливала Цветка с провинившимися воинами, со зверьми. Нассини нравилось смотреть, как мой воспитанник расправляется с ними. А уж сынок ее, тот просто визжал от восторга! Хотя зрелище поначалу выглядело не очень-то: на любого Цветок тратил лишь пару мгновений. Но потом и сам желтокожий научился находить вкус в поединке. Стал выбирать оружие. Во Дворце отличная коллекция оружия, светлейший! Но с оружием или без – победитель был предопределен! Цветок убивал черного леопарда голыми руками! И один стоил целой армии! Да никакая армия не смогла бы с ним справиться! Каким мой магхар мог бы стать воином, не окажись он во Владении!

Ортран сжал коленями бока парда, и Демон, рыкнув, рванулся вперед, на десяток шагов обогнав Эрда. Светлорожденный не поторопил своего парда, зная, что Ортран сейчас вернется. И не ошибся.

– Прости, светлорожденный Эрд! – извинился хольдец, придерживая Демона. – Мне нелегко говорить!

– Ему нравилось убивать? – спросил Эрд.

– Нет! – сказал хольдец. – Не убивать. Цветку нравилось побеждать! Он не мог понять, мой мальчик, что там, где исход известен заранее, – победы нет! Но помнил: побеждать! Ведь я сам учил парня этому. Воин в начале пути должен любить победу. Он мог пойти далеко. Но не пошел. Хотя соххогая готовила ему какую-то особенную роль. Как-то даже сказала, что собирается родить от него. Я не очень-то поверил: соххогой рожают только от своих. Хотела она или нет, но у нее ничего не вышло. Ни у нее, ни у других. Парень, похоже, был стерилен.

А рос так же быстро, как и прежде. За три года он стал взрослым мужчиной. А потом ты его убил. Не спрашивай, как это произошло. Я понимаю не больше, чем ты, светлейший.— Ортран, немного помолчав, добавил: — Ты узнал все. Прошу, больше не спрашивай меня — о Цветке я дважды говорить с тобой не буду! — И отъехал в сторону, прежде чем Эрд успел что-то сказать.

Светлорожденный не обиделся. Наоборот, после этого рассказа Ортран словно бы стал ему ближе.

III

«Некий молодой маг из тех, кого называют Алчущими Силы, полюбил женицину-вагарку. И сказал ей об этом.

Женицина же не любила его и ответила так:

— Боюсь тебя! Ты слишком велик! Уходи!

А подумала:

„Я искусна в колдовстве, а он — из последних магов, и вполонину так не силен, как я! На что он мне?“

Опечалился молодой маг, пошел к Учителю своему и просил:

— Помогите!

Учитель же так сказал:

— Не пристало мне, мастеру, тягаться с женициной. И не пристало мне иметь ученика, пусть и недавно взятого, что не может справиться с женициной! Вот тебе урок: в три дня покори ее. Нет — лишу тебя жизни!

Еще более опечалился молодой маг. Вагарка и вправду была сильна в волибе — нелегко ее очаровать!

Три дня прошло. Женицина была неприступна. Не знал молодой маг, как ему сблизиться с ней. Зато знал (подслушал) заклинание демона Плешивой Горы, той, что на восточном берегу Имирова моря, где теплое течение омывает берег и он не оброс льдом, как на западе.

И сказал молодой той, кого желал:

— Приди в мой дом! Покажу тебе нечто дивное.

А что — не сказал. Она же была хоть и колдунья, но женицина и потому ответила:

— Приду!

Обратился он тогда к Учителю:

— Царствующий надо мной, посети мою обитель, чтобы увидеть: женицина — моя!

Сказал ему и Учитель:

— Приду!

Маг же возвел в своем жилище круг Силы и запер его своим собственным именем: Кратор. А потом призвал Демона. Страшен был Демон, а обликом воистину неопишем. И готов был поглотить все сущее.

Пришла женицина из вагаров. Встретил ее молодой маг, ввел в дом и показал ей Демона.

Ужаснулась женицина, а маг сказал:

— Стань моей, иначе освобожу его!

— Как скажешь ты! — ответила женицина.

И отдалась ему. И были они вместе.

Пришел Учитель мага. И увидел их вдвоем. А Демона не увидел, потому что не ждал и не искал: слабым считал ученика. Для тех же, кто не ищет и не ждет, демоны до времени невидимы.

— Что теперь? — спросил ученик.

— Теперь будешь жить! — сказал Учитель.

И молодой маг поднялся с ложа, подошел к Учителю и толкнул мастера в круг Силы. И поглотил его Демон.

И сказала магу женщина:

– Вот, ты не таков, каким казался! Силой взял меня, а теперь возьми по собственной моей воле! Ты люб мне, Кратор!

И освободился Демон...»

Хольдская сказка

Войдя в опочивальню, Верховный Жрец и сирхар Урнгура Ди Гон по привычке бросил взгляд на мерцающее рядом с альковым «волшебное око». То, что он там увидел, застало сирхара врасплох. Квадратная челюсть его отвалилась, а рука инстинктивно вцепилась в Хлыст. Трой-Странник с нескрываемой иронией глядел на Ди Гона из дымчатой глубины «ока».

– Не ожидал? – спросил Трой.

Черный камень над его высоким лбом полыхнул рубиновым отсветом.

Сирхар Урнгура попятился. «Око» было только оком, а не ухом. Никогда прежде оно не передавало звука.

– Я не боюсь тебя, Странник! – вызывающе заявил Ди Гон, хотя вид его свидетельствовал обратное.

– Это дело твое! – отозвался человек с камнем. – А с подглядыванием – все!

– Колдовство Древних служит мне! – запальчиво воскликнул Ди Гон. – Я укротил его! Что смыслишь в нем ты, Странник?

– Уж если ты смылишь, Катышок, – заметил тот, кого называли Странником, – я точно управлюсь!

Сирхар кусал губы. Глаза метали молнии. Маг уже успел забыть, как его дразнили в ученичестве.

– Ты посмел!..

– Ага! – весело сказал собеседник. – И учти: я разбираюсь в любых игрушках. А вот ты, Катышок, похоже, так и не понял, во что влез, а?

– За мной – сила самого Хаора! – угрожающе прошипел Верховный Жрец. – Ты готов сразиться с богом, Странник?

Губы человека с камнем растянулись еще шире. Только губы. Глубоко посаженные глаза были холодны, как осколки льда.

– Хочешь взглянуть на того, кто за мной, Катышок? – И резко бросил: – Смотри!

Тотчас лицо человека исчезло из светящегося «ока», а взамен в нем возник образ, от которого ноги Ди Гона превратились в студень.

– Н-не может б-быть! – пролепетал он, пятясь.

«Око» ослепительно вспыхнуло, из создающего образы жезла повалил желтый вонючий дым, и «око» угасло навсегда.

– Не может быть! – повторил Ди Гон немного тверже. – Странник солгал! Иначе... иначе... О Хаор! Помоги мне! Клет! Клет! – закричал он, распахивая дверь.

Слуга тотчас примчался на зов и застыл, тяжело дыша.

– Нужно девять жертв, Клет, – сказал Ди Гон.

Он уже успокоился. Если слуга заметил исчезновение «ока», то спросить об этом не посмел.

– Девять жертв, – повторил сирхар. – Все – мужчины-воины.

– Но, – нерешительно возразил доверенный, – час неурочный...

Ди Гон задумался. И мгновенно нашел выход:

– Иди прямо к начальникам хогр. Скажи: добровольцы. И каждый получит вечную жизнь. И народ их увидит. Всё понял?

Слуга кивнул.

– Шевелись!

Клет бросился вон, а Ди Гон с удовольствием потер бритый подбородок.

– А ты дурак, Странник! – пробормотал он. – Дурак, что показался! Поглупел от времени! Теперь я знаю, с кем имею дело!

Тень скользнула по лицу Ди Гона: он вспомнил о последней «картине», показанной «оком». Но колдун сумел отогнать пугающую мысль.

– Ты еще попробуешь моей магии, Странник!

Ди Гон подошел к окну и с высоты ста локтей посмотрел на озаренные лучами солнца крыши Среднего и Нижнего городов, спускающиеся с вершины холма к реке. У врат, отделяющих Средний город от Верхнего, королевского, топтались четверо стражей в остроконечных шлемах и рыжих плащах. Желая испытать свою силу, Ди Гон сосредоточил взгляд на одном из них, пробормотал заклинание.

Маленькая фигурка качнулась и повалилась навзничь. Три других стражника бросились к упавшему. Сирхар Урнгура, усмехнувшись, отошел от окна: сила была при нем. И еще – Дитя, чья мощь превосходила силу любого мага, даже Троя-Странника.

Вернулся Клет. Погруженный в собственные мысли Ди Гон не сразу заметил его.

Слуга кашлянул.

– Сделано, сирхар! – доложил он. – Через час начальники хогр дадут людей. Но ты... Тебе придется выполнить обещанное: воины желают увидеть обретших вечную жизнь!

– Увидят! Приготовь все для приношения. Позови старших жрецов: Тунга, Пуопа и Беда. Троиخ довольно. Если все пройдет как подобает, получишь девушку. Сам выберешь из тех, что привезли в прошлом месяце.

– Благодарю, сирхар! – Клет отвесил низкий поклон и вышел.

Ди Гон направился в соседнюю комнату, чтобы переодеться: он делал это сам, потому что не доверял слугам. Он помнил, как ушел в Нижний мир его учитель и предшественник.

В предалтарной Храма Хаора было холодно. Воинов бил озноб, но не потому что они мерзли (урнгрия привычен холод), – от страха.

Ди Гон лично осмотрел каждого и нашел, что все подходит как нельзя лучше.

– Воины! – произнес он с пафосом. – Ныне – ваш день! Ныне идете вы в лоно могучего и доброго Хаора, чтобы он очистил ваши души и даровал им ваши тела навеки. Если сочтет вас достойными дара, воины. Если же – нет, то участь ваша будет другой.

Великое перерождение ожидает вас, воины. Страшное произойдет с вами. Не осрамитесь! Не осрамите меня, вашего ходатая перед Великим!

Урнгурцы с трепетом глядели на коротышку колдуна. Впрочем, в этот момент он казался им огромным, как сам Хаор. Не без помощи иллюзии, конечно.

Из открытых ртов солдат шел пар, а кожа покрылась пупырышками: подземелье есть подземелье. Голому тут неуютно, даже если его и не пугают Хаором.

– Вот дверь, через которую вы войдете в бессмертие, – вещал маг. – По одному! Каждый из вас пойдет таким, каким пришел в мир, – нагим и одиноким! Первый – ты! – Ди Гон ткнул пальцем в грудь широкоплечего поджарого мужчины лет под сорок. – Остальные – по ребрию! – Маг бросил на каменный пол костяной волчок с красной стрелкой. И покинул их.

Алтарная комната. Длинное помещение с низким потолком, вырубленное в скале. Вернее, расширенная руками человека подземная артерия, по которой когда-то вытекла на поверхность кровь тверди – выталкиваемая подземным давлением лава. Тусклые коптящие факелы на стенах. Массивные, грубо вытесанные колонны.

Полый алтарный камень располагался в дальнем конце зала, неподалеку от противоположного отверстия, которое было замуровано, чтобы подземные духи не поднимались из недр за душами живых.

Первый из Приносимых, опасливо озираясь, вошел в Алтарную. Один из жрецов, Тунг, тотчас плотно запер за ним дверь, а потом, подхватив под руки, Тунг и Пуоп поволокли человека к алтарю. Воин не сопротивлялся, лишь затравленно взглядывал то на одного, то на другого. Худые лица жрецов ничего не выражали: они выполняли рутинную работу.

– Хаор-р! – басом взревел третий жрец, огневолосый и длинный, как жердь, Бед.– Хаор-р!

Пуоп и Тунг, хакнув, забросили воина, как огромную куклу, в длинную выемку алтарного камня.

– Вот человек отдается тебе! – вновь взревел Бед.

Голос его глож, придавленный низким потолком пещерного Храма.

– Возьми его!

– Возьми! Возьми! – подхватили Тунг и Пуоп.

– Возьми! – негромко произнес Ди Гон.

И по слову мага длинная зеленая молния ударила из отверстия над алтарем. Ударил прямо в распростертое тело и объяла его зеленым пульсирующим пламенем. Неестественно выгнувшись, человек забился на камне, замычал, замолотил спиной по твердому ложу.

Пламя постепенно угасло. И вместе с ним, содрогнувшись последний раз, угас человек.

Бед схватил умершего за волосы и стащил с алтаря.

Ди Гон, отдыхая, прикрыл глаза, а Тунг с Пуопом уже отправились за следующим.

Когда все девять были аккуратно уложены один возле другого, Верховный Жрец выставил помощников вон. Больше они не нужны. Жрецы – только руки: не станет сирхар Урнгура сам перетаскивать мертвецов!

Колдун распечатал привязанный к поясу хрустальный флакон и отпил глоток зелья: церемония пьет силу, как песок – воду. Но лишь он один может совершить Преображение: дать мертвым телам мертвую силу. Путь Могуущественного открыт ему одному. И никто не должен видеть его сейчас. Ди Гон облизнул губы и потер замерзшие ладони: ничего, сейчас он согреется!

Колдун выпрямился, закрыл глаза, медленно выпустил воздух через сжатые зубы.

– Хаор! – позвал он.– Твой раб здесь!

И пропел первое из тридцати шести заклинаний. Превращение началось.

* * *

Мощенную мраморными плитами площадь Трех Святынь между Домом Сирхара и Королевским Дворцом до отказа наполнил народ: слуги, жрецы, воины королевских хогр. Вокруг Лобного Камня, плоской глыбы в шесть локтей высотой, уложенной точно в центре Шугра, неприступной столицы Урнгура, башенками высились крытые носилки Женщин Селений: каждая – в окружении мужей и телохранителей.

Густая толпа раздвинулась: к площади подъехала колесница сирхара. Три огромных, алых, как кровь, кугурра, легко влекли ее к Лобному Камню. Сирхар правил ими сам. Только сила заклатья удерживала зверей в повиновении. Размеры, неестественный окрас, ужас, мерцающий в глубине желто-зеленых глаз хищников, вызывали священный трепет. Оставленный толпой проход был намного шире, чем это требовалось для небольшой колесницы.

Следом за сирхаром катилась открытая повозка, влекомая дюжиной упряжных собак. Девятеро Преображенных ехали на ней. Громкие возгласы раздались в толпе: воины узнали своих товарищей.

Колесница и возок остановились. Сирхар прямо из колесницы шагнул на лестницу и поднялся на плоскую вершину Лобного Камня. Девятеро последовали за ним. Толпа сомкнулась, и проход исчез.

Сирхар откинул плащ, поднял над головой руку, сжимающую рукоятку Хлыста.

– Королева! – воскликнул он.– Женщины! Люди! Да не угаснет Великий Огонь! – Он повернулся в сторону величественного конуса Священной Горы и поклонился.

– Вот избранные волей Хаора. Бессмертие даровано им. Кто желает испытать одаренных?

Толпа безмолвствовала. Ди Гон бросил взгляд в сторону Дворца Королевы. Повелительница Урнгура в окружении Приближенных Женщин и избранных мужей стояла на балконе как раз напротив Лобного Камня.

– Ты! – указал Ди Гон на одного из телохранителей. – Поднимись сюда!

Воин оглянулся на свою госпожу. Женщина кивнула, и он поднялся вверх.

– Покажи свой меч! – велел ему сирхар.

Солдат вынул оружие: обычный клинок.

– Выбери любого из них! – Ди Гон указал на Преображенных.

Воин нерешительно потоптался на месте, а потом кивнул на ближайшего.

– Подойди! – приказал тому сирхар. – А ты воткни ему меч в живот! Быстро!

Воин заколебался.

– Дай сюда, трус! – Ди Гон выхватил у солдата оружие и с силой вонзил меч в живот Преображенного. Разорвав куртку, клинок на ладонь вышел из спины. Толпа ахнула и загудела.

– Вынь меч! – приказал пронзенному сирхар.

Преображенный взялся двумя руками за эфес и медленно вытащил лезвие. Лицо его при этом осталось совершенно спокойным. Взяв у него оружие, Ди Гон поднял меч над головой. Клинок был чист. Сирхар вернул меч телохранителю.

– Иди!

И тот с облегчением покинул Камень. Преображенный тоже присоединился к восьми другим.

Сирхар развязал черный шелковый пояс, охватывающий его талию. По приказу мага двое из Преображенных, сделав из пояса петлю, накинули ее на шею третьего и изо всех сил потянули в разные стороны. Через несколько минут Ди Гон велел им прекратить: никаких признаков удушья на лице удавливаемого не появилось. На сей раз толпа безмолвствовала: ждали продолжения.

– Факел! – отрывисто бросил Ди Гон. И вытянул руку с Хлыстом.

Ослепительная полоса пламени вырвалась из рукоятки. Толпа зашевелилась, загудела. Так было всегда. Ди Гон никогда не упускал возможности продемонстрировать Хлыст в действии. Факел вспыхнул, едва огненный язык прикоснулся к пропитанной маслом ветоши.

Ди Гон взял руку Преображенного и вложил ее в пламя. Лицо Преображенного осталось таким же бесстрастным, как если бы он окунул руку в воду.

– Раз, два... – медленно считал сирхар.

При счете «семь» он вынул руку из огня и, подняв, показал толпе. Ладонь была слегка закопченной. И только.

– Он бессмертен! – закричал сирхар, продолжая держать руку Преображенного над его головой. Это было не просто – Преображенный был много выше ростом.

– Сирхар! Сирхар! – вопила толпа.

Колдун бросил взгляд на балкон. Мужья Королевы оживленно переговаривались, но сама она молчала. На ее широкоскулом лице не было восторга. Но и недовольства тоже не было.

Преображенные неторопливо спускались с камня и садились в повозку. Представление закончилось.

Ди Гон спустился вслед за ними. Клет (тут как тут!) помог ему подняться на колесницу.

– Думаю, с другими добровольцами сложностей не будет, – тихо сказал он. И добавил еще тише: – Но я не советовал бы тебе показывать их вблизи!

– Почему?

– Вблизи они слишком похожи на мертвецов! Я получу свою женщину, сирхар?

– Да!

Кугурры сорвались с места и с грозным рычанием ринулись вперед. Люди поспешно уступали им дорогу. Позади трясся возок с Преображенными.

Спустя два часа, когда огненный шар солнца упал за зубцы гор, семеро из

Преображенных стояли перед Ди Гоном.

– Запоминайте! – раздельно говорил им сирхар. – Высокий, очень высокий, очень сильный, светловолосый! – Он с досадой вспомнил о потере «волшебного ока». – Вы должны его убить! И убедиться, что он мертв. Вот что: принесите мне его голову! Может статься, что сталь будет отскакивать от него. Тогда вы его задушите. Ясно?

– Да! – произнесли семеро одновременно.

– Вы поняли, где будете его ждать?

Вновь дружное «да».

– Лучше всего дождитесь, когда он отделится от других. Другие меня не интересуют – только этот. Идите!

Семеро разом повернулись и покинули комнату.

Ди Гон обхватил руками большую голову.

– О-о! – застонал он. – Оставь меня, боль! Уйди! Уйди!

* * *

Семеро, в длинных плащах, под которыми позвякивало оружие, достигли внешних ворот Шугра, и стражники, узнав, с почтением выпустили их наружу. Створки ворот замкнулись за ними, и семеро быстрым шагом двинулись вверх по освещенной лунами дороге.

IV

«...Еще купил он у урнгурского купца барабан, кожа на котором была человеческая. По заявлению продавца, барабан сей имел волшебную силу, ибо умервщлен был тот, чье тело покрывала эта кожа, в нужное время и в нужном месте, а сердце его было сожжено на алтаре урнгурского бога. Мой друг показал барабан нашему магу, и тот, изучив его, посоветовал барабан уничтожить, что мой друг и сделал, не без огорчения, поскольку отдал за волшебный инструмент три золотых».

Сигвар Гурский. Описание земель. Глава «Черная твердь»

В тот день северяне обогнали еще один караван, т очную копию встреченного внизу. На сей раз они не стали вступать в разговоры, а просто объехали повозки и, провожаемые взглядами, двинулись дальше. Конус потухшего вулкана впереди закрывал часть неба.

– Мы обогнем его с юга! – сказал Ортран. – Там очень удобное место, Легкий Перевал. Может быть, мы столкнемся с урнгурскими контрабандистами, но не думаю, что они опасны для нас.

– Сейчас будет толчок! – вмешался Нил. – И сильный!

Спутники посмотрели на него: земля вздрагивала едва ли не по три раза за день.

– Тогда переждем здесь, – сказал Ортран. – Дальше – крутой склон. Если толчок будет действительно сильным, могут обрушиться скалы.

Они спешили. Теперь и парды почувствовали опасность, забеспокоились. Фьэль ласково заговорила с ними, и животные легли наземь. Они негромко рычали.

– Сядем! – предложил Нил.

Они устроились на пологом склоне между похожими на гигантские свечи кактусами.

Толчок действительно был силен. Земля провалилась под ними, потом ударила снизу. Парды, повизгивая, вскочили на ноги. Второй толчок был слабее первого, но несколькими мгновениями позже друзья услышали отдаленный взрыв. Черное облако дыма повисло над вершиной Столпа Небес. Снежная шапка исчезла, и сквозь черный султан огоньком поблескивало красное пламя. Очередной толчок подбросил людей вверх.

– Извержение, – констатировал Биорк.

– Но вулкан спит уже тысячу лет! – воскликнул Ортран.
– Думаешь, галлюцинация? – Вагар показал на узкую ниточку лавы, медленно ползущую по склону горы.

Облако над кратером все увеличивалось. Грохот, напоминающий раскаты дальнего грома, не стихал. Еще один красный червячок пополз по горе.

– Есть ли другой путь? – спросил практичный вагар. – Этот, похоже, заперт.

– Мы можем попробовать... – предложил Ортран.

– Попробовать пройти по вулкану во время извержения? Мне это нравится! – засмеялся Нил.

– Легкий Перевал достаточно далек от вершины! – возразил хольдец. – Кроме того, с юга лавовых потоков может и не быть!

– Я только спросил: есть ли другой путь? – уступил Биорк.

– Я не знаю, – ответил Ортран.

– Тогда у нас нет выбора! – констатировал Нил. – Вперед!

– Подождите меня здесь! – сказал Ортран.

Он вскочил на Демона и во весь опор поскакал по дороге в сторону горы.

Однако через полчаса он вернулся. Запыхавшийся Демон лег на землю, вывалив розовый язык.

– Возвращаемся! – удрученно сказал Ортран. – Дорогу завалило камнями.

– Расчистить можно? – на всякий случай спросил Нил.

Ортран покачал головой.

– Тогда поедem! Толчков больше не будет.

– Может, парни из каравана знают другой путь? – предположил Биорк.

– Даже если и знают – вряд ли скажут, – отозвался хольдец. – Но мы можем спросить.

Они двинулись обратно и вскоре увидели караван, ползущий вверх по дороге примерно в полтора милях от них. Когда расстояние сократилось, стало заметно, что купцы обеспокоены, хотя повозки продолжали так же неторопливо катиться вперед. Два всадника обогнали караван и вскоре оказались рядом с северянами.

Ортран поднял правую руку:

– Приветствие!

Один из контрабандистов, ехавший на желто-коричневом коренастом парде, тоже поднял руку.

– И тебе приветствие, воин! – И покосился на знак стража соххогоев, украшавший кирасу Ортрана.

– Успехов твоей торговле! – сказал хольдец, проигнорировав красноречивый взгляд. – Недобрые вести!

– Догадываюсь! – буркнул контрабандист. – Дорогу завалило?

– Ты прав. Большие камни. Даже нам не проехать.

– Знал, что это когда-нибудь случится! – бросил купец своему напарнику. – Ты видел сам? – спросил он Ортрана.

– Да!

– Придется тебе повернуть волов, браток! – пророкотал Нил, объезжая Демона, чтобы приблизиться к купцу.

Великан широко улыбался. Куртка его была расстегнута, несмотря на довольно холодный воздух.

– Пирон – твое имя? Я не забыл?

– Р-раздери меня магхар! – Обветренное лицо старшины каравана расплылось в улыбке. – Брат Нилон! Рад!

Не слезая с седел, мужчины обнялись. Парды недоверчиво обнюхали друг друга. Караванщик оказался одним из фарангских кровников Нила.

– Укрытие радости в буре бед – встретить тебя! – сказал Пирон.

– О! Боги создали горы, чтобы люди не разжирели! Позволь, я представлю тебе моих

друзей!

– А я – моих! – оба рассмеялись.

Они и впрямь радовались встрече.

Караван остановился. Спустя некоторое время Нил, Ортран, Биорк и Эрд пили вино вместе с Пироном и двумя его помощниками: Сузом и Каланом, заедая красное вино жирной бараниной, поджаренной на костре. Этайа и Санти устроились отдельно – так же, как и две дюжины контрабандистов, составлявших команду Пирона. Четвертая группа, три миловидные молоденькие девушки, расположились рядом с одним из возов. Оттуда они бросали на северян любопытные взгляды.

– Не может быть, чтобы путь через горы был единственным! – убежденно заявил Нил. – Просто мы обленились из-за дороги Древних: знай подгоняй волов!

– Нам хватает хлопот и без лазанья по скалам! – отрезал Пирон. – Не забывай: мы торгуем без пошлин, но и без разрешения!

– Тем выше ваша прибыль! – заметил Ортран. – Или ваши урнгурские собратья вас обжужливают?

– Нет, они честные ребята!

– Клянусь шкурой хуруга, подошедшего месяц назад, их доходы пополняют казну кого-нибудь из урнгурских владык. Иначе вместо «честных ребят» вас встретил бы десяток-другой парней с такими железными штуками в руках!

– У тебя... гм... своеобразная речь, брат Нилон. Но, думаю, ты прав. Со стороны Урнгура дорога такая же удобная. Хотя Легкий Перевал – не земли Урнгура.

– А чьи же?

– Кто знает! Ничьи, я полагаю.

– Так почему же урнгурцы не сделают их своими? – спросил Биорк. – Или этого не допустит Конг?

Контрабандисты засмеялись.

– Уж Великому Ангану они точно ни к чему. Чтобы эти крысы чиновники полезли в горы? – сказал Калан.

– У урнгурцев табу на чужие земли! – вмешался Суз. – Их бог не велит им покидать собственную землю. А границы ее определены. Я точно знаю, говорил с одним из этих урнгриа.

– Вся земля вокруг Столпа Небес принадлежит богам! – безапелляционно заявил Пирон. – Или вы забыли? – Он насмешливо оглядел своих помощников.

– Похоже, боги решили об этом напомнить! – заметил Ортран.

– Что плохого богам или благословенному Конгу, если несколько золотых монет звякнет о стол в фарангской таверне?

– А куда ты везешь девушек? – поинтересовался хольдец.

Пирон смутился.

– Скажешь, они сами решили прокатиться?

– Им будет неплохо в Урнгуре! – горячо воскликнул старшина каравана. – Там ценят женщин. И я хорошо заплатил их родителям, клянусь Рогами Тура!

– Ну-ну! А того оружия, что ты везешь, хватит, чтоб вооружить сотню всадников! А если эта сотня станет шарить по конгским селениям?

– Тому не бывать! – в один голос закричали трое конгаев. – Урнгур не чета Конгу!

– И у них табу! – еще раз напомнил Суз.

– Нет такого табу, которое никто не нарушал, – сказал Ортран.

– Довольно спорить! – вмешался Нил. – Ваше дело – ваш ответ! Так, благородный? – он повернулся к Ортрану.

Тот пожал широкими плечами:

– Кто спорит? Мы говорили о перевале.

– Я знаю один путь! – вдруг сказал Калан. – Не для волов, ясное дело, но на пардах пройти можно.

Взгляды всех обратились к нему. А конгай неторопливо продолжил:

- Когда-то, лет десять назад, я проходил там. И рискнул бы, пожалуй...
- Не тяни паутину, парень! – велел Пирон. – Шевели языком!
- Там есть несколько скверных мест, да и выходит он прямо на земли Урнгура... Думаю, урнгрия знают о нем. Если Легкий Перевал закрыт, они встретят нас там. Я бы рискнул, старшой! Чем тащиться назад со всем товаром...
- Ты лечишь мое сердце! – Маленькие глазки Пирона загорелись. – Мы можем взять с собой легкий груз, девушек можем взять. У нас две дюжины пардов...
- Так я и думал! – сказал Нил Биорку. – Раз есть Легкий Перевал, найдется и тяжелый!
- Суз! – обратился Пирон к помощнику. – Поведешь назад людей и повозки.
- Почему я? – недовольно отозвался конгай. – Я пойду с вами. Вести караван назад – невелика трудность!
- А бандиты? А продать товар? А новости продать другим парням? Нет уж, тут нужен ты, Суз!
- Дранный ты змей, Пирон! – пробормотал конгай.
- Вот и отлично! – старшина повеселел. – И внизу всех оповестите, что путь закрыт. Это сразу поднимет цены. Когда мы вернемся.
- Мы едем с вами, брат? – полувопросительно произнес Нил.
- О чем говоришь, брат! – Пирон хлопнул гиганта по плечу. – Мой путь – твой путь!

* * *

Тропка, по которой вел их Калан, петляла и осыпалась, но все же была достаточно удобна, чтобы путешественники двигались вверх, не покидая седел. Когти пардов делали животных неплохими скалолазами. К тому же звери не боялись высоты и уверенно ступали по самому краю обрывов, там, где у людей захватывало дух от зияющей под ними бездны. А девушкам велено было глядеть только вверх. Пирон опасался, что какая-нибудь из них, перепугавшись, выпадет из седла, несущий ее пард потеряет равновесие, и они свалятся вниз.

За день поднялись на приличную высоту. Кустарник начисто исчез. Изредка можно было увидеть кактус, чахлый и низкорослый в сравнении с теми, что росли двумя тысячами локтей ниже. Кое-где бурые склоны покрывал скользкий серебристый мох.

Второй день обошелся с путниками суровой первой. Склон стал круче. Кое-где людям приходилось спешиваться и помогать пардам. Но и этот переход был легким в сравнении с тем, какой уготовил третий день. На сей раз горы показали свои клыки. Всякая растительность исчезла, и голодные парды стали беспокойными и злобными. У людей пищи было вдоволь (то, что человеку – на неделю, парду – на один зуб), но ветер, резкий, холодный, заставлял ежиться даже закутанных в меха контрабандистов. У Санти зуб на зуб не попадал. Чтобы хоть как-то согреться, юноша завернулся в шерстяное одеяло. Ему стало теплей, но теперь он страдал от того, что выглядит смешным. Нелегко приходилось и Ортрану, отвыкшему от холодов. Эрд отдал ему свой запасной плащ.

Удивительно, но ни фьель, ни Биорк, ни Нил, казалось, не замечали стужи. Нил все так же ехал в расстегнутой куртке. Только кожа гиганта из белой стала розовой.

- Тай! – жалобно спросил Санти. – Почему мне холодно, а тебе нет?
- Потому что ты не любишь холода! – ответила ехавшая впереди фьель. – Выпрямись, подними лицо, подставь его ветру – и ты согреешься!

Юноша попытался последовать совету. На какое-то время ему и вправду стало теплей. Но ненадолго.

Закутанные по самые покрасневшие носики девушки с почтением глядели на Этайю. Даже смотреть на нее им было холодно.

Третий день приготовил неприятный сюрприз: длинный и крутой язык осыпи, зажатый отвесными скалами, слизнул тропу. Парды наотрез отказались идти вверх по хаотическому нагромождению каменных глыб. Инстинкт говорил им, что любое неосторожное движение

вызовет обвал.

Отряд остановился. Биорк развязал свою сумку и достал снаряжение.

– О! – только и сказал Пирон, глядя, как маленький воин ловко карабкается по отвесной скале. – Откуда он взялся, этот малыш?

За несколько минут вагар взобрался на высоту почти ста локтей, вбил костыль и, закрепив веревку, быстро, отталкиваясь от стены ногами, спустился вниз.

– Там, наверху, хорошая тропа, – сообщил он. – Можно ехать дальше.

– Ехать? – воскликнул Калан. – А как ты забросишь туда пардов?

– А как ты поднимался раньше? – задал встречный вопрос Пирон.

– Раньше здесь была тропа! – объяснил конгай. – Не то что теперь!

– У тебя есть предложения? – осведомился Нил.

– Ну, я... Или мы оставим пардов здесь, или поедем обратно. Что скажешь, старшой?

Пирон покачал головой в меховом подшлемнике:

– Без пардов – нет смысла. Много ли мы унесем? И девушек придется отправить. Но, – он повернулся к Нилу, – я чувствую – ты что-то задумал, брат Нилон.

– Можно поднять одного-двух зверей, – произнес великан. – Но, боюсь, при подъеме они так обдерутся о камни, что их самих придется нести.

– Если благородный Ортран даст мне на время свою «звезду», – сказал Биорк, – я берусь сделать блок.

– Ты шутишь? – недоверчиво сказал Калан. – Как ты его сделаешь?

– Это уж не наша забота, парень! – Нил повернулся к Пирону: – Вели своим ребятам расседлать пардов, брат. Нам не придется брести пешком!

К тому времени, когда парды были освобождены от вьюков и упряжи, вагар закончил свое приспособление. На него пошли три седла и крепкий, окованный железом шест «звезды смерти», вставленный в трещину. Четвертое седло привязали к паутинному тросу, и Нил играючи поднял на нем фьель и трех девушек.

А вот с пардами пришлось повозиться. Животным завязали глаза, но все равно они брыкались и отчаянно ревели, когда их поднимали наверх. Мужчины, кроме Биорка и Калана, оставшихся внизу, взялись за канат. Но если бы не Нил, намного превосходивший силой даже могучего хольдца, вряд ли удалось бы закончить подъем так быстро.

Когда весь груз был поднят, решили устроить привал. Парды разбрелись по пологому склону и принялись слизывать росший в трещинах сырой мох. Люди подкрепились более основательно.

Поев и передохнув, путники двинулись дальше. Тропа поднималась по некрутому склону почти прямо. И чем дальше, тем ровнее становилась поверхность горы. Но то была лишь сравнительно узкая полоса. Рядом, слева и справа, горы круто уходили вверх, образуя нечто вроде седловины, по «дну» которой двигались всадники.

Над почерневшим конусом вулкана курился дымок. Извержение, однако, прекратилось.

– Дальше дорога пойдет вниз! – бодро пообещал Калан.

Но он ошибся. Преодолев очередной подъем, они увидели сплошную каменную стену, еще более высокую, чем предыдущая. Видно было, что часть горы просто осела вниз. Острые, как клыки хорахша, зубцы венчали скалистый гребень. Но вагар, взбравшись наверх, ухитрился найти ровную и достаточно широкую площадку. Если бы с другой стороны была каменная осыпь или глубокая пропасть, путешественникам пришлось бы туго. Но там был точно такой же обрыв, как и с восточной стороны. И высота его была не больше ста сорока локтей.

Пришлось воспользоваться уже испытанным способом. Но на сей раз было немного легче. Пока один груз поднимался вверх, второй, используемый как противовес, опускался вниз с западного края. И все же преодоление каменного хребта потребовало нескольких часов. Когда Биорк спустил на веревке Ортранову «звезду», до темноты оставалось совсем немного.

Им повезло: Биорк отыскал пещеру, достаточно вместительную, чтобы укрыться всему

отряду. Очень кстати: здесь, в седловине, ледяной ветер дул с неистовой силой. Не будь сейчас теплый месяц Цветов, перевал был бы неприступен. В холодное время скалы покрывала толстая корка льда. А пологие склоны – глубокий покров снега.

* * *

В угловатых стенах пещеры гнездилась тьма. Топлива у путников не было. Слабый свет единственного светильника скорее сгущал, чем разгонял мрак. Снаружи уныло завывал ветер. Девушки, забившиеся под нависающий карниз в трех локтях от Санти, тихонько перешептывались. Санти чувствовал, как им страшно. Спутники его, завернувшись в одеяла и плащи, уже уснули. У входа, косой тенью пересекая освещенное слабым лунным светом отверстие, дремал часовой из контрабандистов.

Санти было тревожно. Причем не от беспредметного страха, мучившего девушек. Он ощущал конкретную опасность. И не снаружи, а изнутри, из темного узкого горла, уводящего в глубь каменной толщи. Санти подумывал, не разбудить ли кого-нибудь из своих, но не решился. При всех своих открывшихся талантах он оставался фарангским юношей, боявшимся выказать недостаток мужества.

Санти откинул одеяло и сел. Он находился всего в трех шагах от черного зева, образованного сужающимися стенами пещеры. Дальше – абсолютная, почти осязаемая тьма. Очень осторожно Санти попытался освободить внутреннее зрение. Это ему удалось, но результат был неожиданным: он почувствовал запах. Тошнотворный запах вроде того, что издают испорченные грибы. Он мог бы поклясться: еще минуту назад никакого запаха не было. Санти сосредоточился еще больше и наконец уловил свет. Тусклое зеленоватое мерцание внутри подземного хода. Еще одно усилие и... он выскользнул из собственного тела, медленно опустившегося на одеяло. Сначала юноша даже не сообразил, что произошло. Прежде он освобождался только с помощью Этайи. Но сейчас выход произошел так естественно, что Санти возликовал. Его беспокойство отступило. Юноша приблизился к каменному горлу и окунулся в него. Запах резко усилился. Странно, ведь обоняние Санти осталось в физическом теле. Свечение тоже усилилось. Оно исходило из самих стен. И запах шел от них же. Юноше показалось – он находится не в каменном тоннеле, а внутри живого существа, внутри гигантского пищевода, стенки которого выделяли липкую горячую слизь. Слой слизи покрыл Санти, обволок его, остановил. Юноша, еще не растерявший радости новой свободы, почувствовал, что обманут, пойман, гибнет... Санти не дышал, но задыхался от тошнотворной вони, перестал видеть, перестал чувствовать... Он испытал ужас! И рванулся так, как рвется запутавшийся в паутине.

И преобразился еще раз! Это было похоже на еще один выход из тела. Ощущение слизи исчезло. И вонь тоже пропала. Зато свет усилился, стал много ярче и привлекательней. Он, как струя воздуха, поднимался из середины горы, и Санти метнулся... и вырвался из тесного тоннеля в огромную пещеру.

Открывшийся вид был умопомрачительно, завораживающе прекрасен. Своды, стены, колонны играли всеми оттенками чистого зеленого сияния. А внизу, на дне, мерцало и переливалось живое озеро. Санти повис над ним, упиваясь текучими волнами света, такого нежного и ослепительного, что в сравнении с ним блеклыми казались даже сияющие своды пещеры. Озеро это двигалось, дышало, притягивало. Оно манило к себе Санти, окутывало его, обнимало... так же, как зеленая слизь на стенках прохода!

Сколь ни мимолетным было воспоминание, но его оказалось достаточно. Санти вновь сделал инстинктивное движение, теперь оно почти не потребовало усилия, – и освободился...

Свирепый холод охватил его. Вид вокруг переменился. Осталось зеленое свечение, уже не казавшееся приятным, остались уходящие ввысь колонны, но сама суть всего стала другой. И озеро под ним оказалось совсем не озером. Теперь сущность обнажилась: то был Ужас. Нечто чудовищное, превращающее Жизнь в Мысль и питающееся этим. Не зло, не добро – Ничто! Но Ничто, обладающее силой связывать и отнимать. Ужас. Сейчас Оно было

погружено в сон. Внешне Санти видел Его как моллюска чудовищных размеров, но понимал, что моллюск – только образ. Оно спало, но вместе с тем – пробуждалось. Там, в пещере, Санти ощутил именно Пробуждение. И понимал, что пробуждается Ужас не по собственной воле – воли у Него не было, а по велению злой силы. Чудовище не хотело и не желало ничего, но Санти знал, что произойдет, когда Оно проснется. Миг – и юноша снова оказался в собственном теле, слегка закоченевшем от холода.

Не колеблясь более, он разбудил Этайю.

Если мысль заменяет слова, любой рассказ длится лишь мгновение.

Впервые юноша увидел, как потемнели ее сияющие глаза.

– Нил! – тихо позвала фьэль.

Великан бесшумно поднялся, подошел к ней, словно только этого и ждал. Санти в очередной раз восхитился тем, как легко и стремительно движется этот огромный человек.

– Мы уходим! – сказала фьэль, ничего не объясняя. – Уходим быстро и тихо. Разбуди остальных!

Нил не стал задавать вопросов. Он кивнул и принялся обходить спящих, шепча каждому на ухо. Прежде чем он разбудил последнего конгая, Биорк уже начал увязывать вещи. Великан вышел из пещеры и посвистел, призывая спящих снаружи пардов. Никто не проронил ни слова, даже перепуганные девушки.

Спустя десять минут отряд был в седлах. Только что взошла луна и немного разогнала тьму. Даже в ее бледном свете ночной спуск по каменистому осыпающемуся склону очень опасен. Но Нил умел внушать доверие к себе. Никто не сомневался – еще большая, неотвратимая опасность выгнала их из укрытия под звездное небо.

Биорк с Каланом ехали впереди. Для пардов света хватало, и животные двигались быстро. Воля людей и собственное чутье подгоняли их.

Только когда между всадниками и пещерой легла полная миля, Нил, уже узнавший от Этайи, что произошло, позволил себе расслабиться.

– Не уверен, что мы справились бы с ним! – тихо сказал он, обращаясь к фьэль и Санти. – Против подобной твари сила бесполезна!

Мелкие камешки скатывались вниз из-под осторожных лап пардов. Луна поднялась, и стало немного светлее. Путники повеселели. Вагар покинул свое место впереди колонны, придержал парда, пропуская остальных. Теперь первыми ехали контрабандисты, за ними – девушки и выючные парды, а за девушками – Эрд с Ортраном. Рядом. Здесь, в горах, между ними возникла связь, какая вырастает в настоящую дружбу. Эрд, прежде смотревший на людей из башни собственной гордости и вдруг оказавшийся на земле; Ортран, отказавшийся от прошлого и плативший за это одиночеством... И еще то общее, что более слабые предпочли бы забыть. Нассини.

Нил постарался объяснить отцу суть опасности, но Биорк только покачал головой:

– Такое – вне моего понимания. Считаешь, мы ушли?

– Надеюсь, – не слишком уверенно ответил Нил.

Санти ехал замыкающим и первым ощутил холодное дуновение в затылок. И ощутив – «выпрыгнул» из физического тела. Чуть раньше, чем на него обрушился шквал, замораживающий мысли и желания. Потом он вспомнит и удивится, насколько легко «привычно» он отреагировал на магический удар.

Фьэль, вторая, тоже успела подготовиться. И у нее было чем встретить врага!

Пардов холод коснулся немного позднее, чем людей, а когда они почувствовали Ужас и готовы были броситься вниз, волоча за собой бесчувственные тела, Нил успел ухватить их, придержать. Мгновением позже животные потеряли способность двигаться. То же самое произошло и с Биорком. Остальные же понеслись вниз, не разбирая дороги, ничего не видя перед собой и спасаясь от того, что хуже смерти и страшней всякой жизни.

Только Нил не поддался чудовищу. Но и сразиться с ним он был не в состоянии.

А воплощенное Ничто уже стекало к ним, содрогаясь и пульсируя. То, что поймано, принадлежало ему и будет поглощено: будь то почти лишенные разума парды или мастер

меча Биорк.

Во второй раз услышал Санти, как поет фьэль.

Душа его затрепетала и растворилась в пении, как крупинки соли в теплой воде.

И пение остановило Ужас. Можно было бы сказать – оно убило его, если бы в Ничто была жизнь. Но жизни не было, и слово «смерть» здесь неуместно. Пустотный разум рассеялся, растворился в мире. Такова сила фьэль: живое она освобождает от оков, а если живого нет, а есть только форма – лишает формы. И не остается ничего. Даже праха.

Потому так редко поют фьэль.

V

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!

Глотни, солдат! Вкус у вина
Всегда, солдат, хорош!
А кровь тем крепче солона,
Чем больше ее льешь!

Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!

У нас, солдат, судьба одна —
Молись, солдат, судьбе:
Чтоб фляга ввек была полна
И руки – при тебе!
Придут иные времена,
А ты, солдат, живой.
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат! Домой!

Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат? Придешь, солдат,
А дома-то и нет!

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Конгская песня

Перепуганные всадники на обезумевших от ужаса пардах мчались по каменистому склону горы. Уже не менее мили покрыли они с начала бешеной скачки. И еще не менее мили скакали бы парды, но каменный завал преградил им путь. И животные остановились, роняя желтую пену, со свистом и шумом втягивая воздух распаренными глотками. И, остановившись, почувствовали, что гнавший их ужас пропал. Конгаи спешили, сбились в кучу, тоже переводя дух. Во время стремительного спуска никто не пострадал, не потерялся ни один выюк. Животные успокоились, но люди были возбуждены. Девушки тихо молились. Пирон распоряжался преувеличенно громким голосом.

Эрд и Ортран были смущены: они не смогли удержать пардов, бросили своих друзей в явной опасности. Как только их животные остановились перед преградой, они, не раздумывая, повернули их и поехали наверх. Не слишком быстро, потому что парды здорово устали. Они поднялись по меньшей мере на полмили, когда ветер донес до них испуганный крик одной из девушек. Тут же закричала и вторая. Оба воина остановились. Сверху, оттуда, где остались их друзья, не доносилось ни звука. Эрд первым принял решение. Он развернулся и погнал парда вниз. Ортран понесся следом, и через минуту Демон, как всегда, вырвался вперед.

Зловещую фигуру с обнаженным мечом в руке оба воина увидели одновременно. Человек стоял на вершине одного из каменных обломков, и ветер свирепо трепал полы его длинного плаща. Прежде чем северяне достигли завала, еще несколько таких же фигур появились из нагромождения камней и бросились к конгаям. Контрабандисты образовали круг, девушки в середине, и встретили врага жалами клинков. Северяне были уже в тридцати шагах. Эрд ощутил радостное возбуждение, всегда охватывающее его перед битвой.

Но, к удивлению северян, парды их остановились за два десятка локтей от обороняющихся конгаев. Даже неустрашимый Демон отказался повиноваться: он рычал, хрипел, мотал здоровенной башкой... и отступал. Пард Эрда вел себя еще хуже. В конце концов воин не выдержал и спрыгнул на землю. Ортран тотчас оказался рядом с ним.

Едва нападавшие заметили северян, конгаи перестали их интересоваться. Эрд и Ортран не поняли, что их привлекло, но все семеро напавших бросились к ним. И воинам сразу стало тесно. Лиц противников они в темноте не могли разглядеть. Но кольчуги, шлемы, владение оружием ясно показывали: это профессиональные бойцы. Двигались враги так быстро, что Эрд еле успевал отражать мелькающие перед ним мечи. И он сразу почувствовал странность движений нападавших: быстрых, резких, но каких-то угловатых. Так двигается паук. И то была не единственная странность. Эрд скоро убедился в этом. Три противника атаковали его. Они ловко орудовали длинными мечами, очень похожими на конгские. Эрд защищался собственным мечом и кинжалом. Как ни опытен он был, но дважды только кольчуга спасала его от ранения. А потом он, улучив момент, оказался один на один с правым нападающим и, нырнув под меч, ударил сбоку, наискось. Белый клинок разрубил кольчугу и на ладонь погрузился в тело врага. Эрд был уверен, что теперь против него только двое врагов. Но ошибся. Третий боец по-прежнему ловко махал мечом, будто не он получил только что тяжелейшую рану. Может быть, это обескуражило бы другого воина, но Эрду только прибавило сил. В бою он любил неизвестность: щекочет нервы! Эрд подпрыгнул, уходя от подсекающего удара, плечом отбросил одного из противников на другого, молниеносно развернулся к третьему, гардой кинжала блокировал меч, вонзил клинок в правое подреберье врага, повернул и рывком выдернул обратно. А тот – будто и не заметил раны. Эрд едва не погиб, успев в самый последний момент поймать меч противника крестовиной кинжала. И опять завертелась вокруг него стальная карусель.

Если Эрду приходилось нелегко, то Ортрану было еще тяжелее. Шипастый шар обрушивался на головы и плечи врагов, сбивал их с ног, сминал шлемы, разрывал кольчуги, но упавшие поднимались, отброшенные назад возвращались. Ортран, в отличие от Эрда, не находил удовольствия в битве с неуязвимым противником. Он забеспокоился. Пока сын Дина защищал его спину, он мог удерживать врагов на расстоянии и пользоваться

преимуществом в оружии. Но «звезда смерти» – не меч. Хольдец начал уставать.

Эрд, сделав ложный выпад кинжалом, напрочь отсек руку одному из противников. Все же Белый меч есть Белый меч! Враг отпрыгнул назад, преспокойно вынул другой рукой оружие из руки отрубленной и снова напал на светлорожденного.

Эрд совершенно потерял ощущение времени. Он атаковал, уклонялся, снова атаковал, отскакивал, наносил удары, прыгал, приседал, вертелся, парировал, рубил... Враги были неуязвимы. Один дрался без руки, второй лишился шлема, части головы, половины лица. У третьего в животе зияла дыра. Из ран не текла кровь, а воины продолжали сражаться. Но Эрд уже сообразил, что ему нужно делать. Отрубленные конечности не прирастали, и тот из врагов, которому светлорожденный колющим ударом повредил позвоночник, двигался заметно медленнее других. Его и выбрал Эрд, чтобы, уйдя от рубящего удара в шею, широко размахнуться и опустить меч на голову врага, с которой светлорожденный мгновением раньше сшиб шлем.

Белый меч Асенаров рассек врага надвое. Обе половинки упали на землю и продолжали дергаться в чудовищной агонии. Но опасности они уже не представляли.

Теперь Эрд совершенно отказался от колющих и коротких ударов. Он уклонялся, выжидал. И случай представился. Один из двух оставшихся противников поскользнулся, и белый клинок молнией упал на плечо врага чуть левее шеи. Этот удар не разрубил его пополам, но, пройдя наискось до тазовой кости, сделал свое дело. Противник упал, забился, пытаясь подняться, но туловище его разваливалось надвое. И хотя встать воин не мог, он все равно норовил достать Эрда мечом. Следующий удар развалил третьего врага. Эрд стремительно обернулся, желая удостовериться, что с Ортраном все в порядке. Однако не увидел его – только мелькнувшие силуэты убегающих врагов. Поле боя осталось за светлорожденным. Но где Ортран? Небо затянули тучи, и даже неплохо видевшему в темноте Эрду трудно было что-либо разглядеть. Светлорожденный сделал несколько шагов, споткнулся... и увидел Ортрана. Прямо у своих ног. Мечи чудовищ превратили тело воина в кровавый студень. Ортран был мертв. Наклонившись над ним, Эрд понял, что Ортран обезглавлен. Светлорожденный посмотрел вокруг, заметил что-то круглое. Но то была не голова, а всего лишь шар «звезды смерти» с обрывком цепи. Рядом лежали оторванные голова и правая рука одного из врагов. В просвет между тучами проглянула луна, и светлорожденный увидел, что обрубок живет, глаза его следят за Эрдом, а губы шевелятся, словно пытаясь что-то сказать. В другое время светлорожденный был бы потрясен подобным зрелищем, сейчас же ему было все равно. Он вернулся к обезглавленному телу Ортрана, опустился рядом на землю.

Пирон приблизился к нему.

– Господин! – тихо сказал конгай. – Прости нас! Мы не умеем сражаться с демонами!

Эрд ничего не ответил. Его невидящий взгляд был устремлен в сторону Закатных гор.

Таким его и застали Нил, Биорк, Санти и Этайа. По другую сторону от мертвого Ортрана, опустив большую черную голову на мощные лапы, лежал Демон. Такой же неподвижный и безмолвный.

Ортран был единственным погибшим в ночной схватке. Один из конгаев получил ранение голени. Даже не рану – царапину. Похоже было, что именно хольдец был целью нападающих. Но никто не мог понять – почему. И никому не пришлось в голову допрашивать изрубленные тела, ползающие по земле. Бессмысленно. Их природа была ясна Этайе и Нилу.

– Моросы, «лишенные покоя»! – тихо сказала фьель Санти.

Пока мужчины рыли могилы в каменистой почве, она обошла останки, останавливаясь над каждым, нашептывая что-то, словно уговаривая. Когда фьель закончила, останки моросов стали просто частями мертвых тел. Их сложили в одну могилу и забросали камнями.

Ортрана похоронили отдельно, в покореженных доспехах, с мечом по правую руку, как подобает хоронить воина. Нил прочел молитву-обращение к богам-покровителям, на маленький холмик вместо надгробия положили колючий шар «звезды смерти», на котором тускло блестнул первый луч взошедшего солнца.

Гибель Ортрана опечалила всех, но Эрда она просто ошеломила. Эрда не мог забыть, что именно он первым повернул парда, чтобы помочь контрабандистам. И именно он защищал спину Ортрана. Думай Эрда больше о друге, и меньше – о сладости битвы, Ортран мог бы остаться в живых.. Это было действительно так, и потому легший на плечи Эрда груз оказался для него непосильным. Светлорожденный утратил веру воина: в себя, в свою цель, в свой меч, в свою удачу. Он понимал это и понимал также, что воин, утративший веру, теряет и силу. Такой воин не живет долго. Дни Эрда Асенара были сочтены.

Утомленные хмурые путники оседлали пардов. Кроме Демона. Черный пард Ортрана лег рядом с могилой хозяина и так рывкнул на подступившего было к нему Калана, что конгай в ужасе отшатнулся.

– Не трогай его! – негромко сказала Этайа. – Он останется с господином.

Нил подошел к черному парду. Демон прижал изорванные в боях уши и оскалился. Великан отпихнул его морду и распустил ремни упряжи. Демон перестал рычать, только следил за Нилом умными желтыми глазами.

Нил положил седло на могилу рядом со «звездой» и вспрыгнул на спину своего парда. Цепочка всадников тронулась. Демон не смотрел в их сторону. Но еще с полчаса, оглядываясь, люди могли видеть черное пятнышко рядом с кучкой бурых камней. Потом скалы заслонили и это.

* * *

Трое уцелевших моросов стояли перед Ди Гоном.

Вид их был ужасен. У одного не было лица, у другого – руки, у третьего – вспорот живот и внутренности синели в черной смрадной дыре.

Сирхар держал в руках то, что когда-то было головой Ортрана. Маг пытался разобрать черты лица, но это было невозможно из-за нескольких рубленых ран, раздробивших лицевые кости, зубы, подбородок. Волосы превратились в грязную паклю, слипшуюся от крови. Рыжая пыль густо покрывала их, но все же можно было определить, что прежде они были светлыми.

Ди Гон поглядел на моросов:

– Уверены, что это он?

– Да! – без выражения ответил тот, что без руки. – Он таков, как ты описал.

– Кто отрубил голову?

– Согн. Он остался там.

– Хорошо! – сказал маг, уронив голову на пол. Она откатилась на несколько шагов и остановилась. – Хорошо! – Ди Гон мог бы определить, кому принадлежит голова, с помощью магии. Но ему жаль было тратить на это силы. Так или иначе, скоро он все узнает. – Хорошо!

Колдун поднял Хлыст. Белое пламя коснулось головы мороса без руки и обратило ее в пепел. Обезглавленное тело осталось стоять. Но недолго. Хлыст опустил вниз – и от тела остался только серый мелкий прах и облачко желтого дыма. Минуту спустя четыре такие горсточки, три – побольше, одна – поменьше, легли на каменный пол Храма.

– Тебе, Хаор! – процедил колдун, убирая Хлыст.

Наступив на одну из горок пепла и оставив на ней четкий след сапога, Ди Гон вышел из Храма.

Часовые при входе отдали ему салют. Такой же, как отдавали Королеве. Час был поздний, и площадь перед подземным Храмом была пуста. Ди Гон испытующе поглядел на стражников. Некоторое время он решал: стоит ли оставлять их в живых? Решил: оставить. Колдун впился взглядом сначала в одного, потом в другого. Он погрузился в их умы, простые и доступные, как сорванные плоды.

«Забыть! – велел он. – Забыть! Никто не входил!»

Оставил их и пошел через площадь. Ди Гон всегда ходил один. У него было много врагов, многие ненавидели его, но с ним были магия и милость Хаора. Он – сирхар! Страх –

лучшая охрана.

«Все-таки он убил! – думал маг. – Иначе никакие моросы, да вообще никто не справился бы с ним. Убил. Не сдержался!»

Мысль была приятна Ди Гону. Хотя ему очень хотелось бы взять врага живым. Такой раб – великая сила. Хаор позволил бы ему! Нет, об этом можно лишь мечтать. Мертв – и слава Хаору! С остальными разберутся королевские хогры. Может быть, уже разобрались. Хороший день! Ди Гон засмеялся коротким дребезжащим смешком.

«Неповадно вам трогать моего демона!»

VI

*«Обращай проигрыш в преимущество и прозревай невидимое.
Будь гибок, как горная тропа, быстр и сокрушителен, как сель. Так победишь».*

Мангхэл-Сёрк. Правило сто первое

Они спускались все ниже и ниже. Бесплодная зона кончилась, появились первые кактусы. Обрадованные парды набивали отошавшие животы, и люди тоже повеселели. Наступило время цветения. Великолепные соцветия всех возможных окрасок украшали мясистые стволы, лопасти и отростки кактусов. Режущий лицо холодный ветер вершин наконец-то сменился теплым дуновением. Мертвые горы остались позади.

Через два дня после гибели Ортрана всадники спустились на каменное плато. С западной стороны хребта осыпей и каменных нагромождений оказалось меньше. Путешественникам ни разу не пришлось воспользоваться канатами. Не было сложностей и со свежей едой. Сочная мякоть кактусов, тушенное с пряностями нежное мясо ящериц, в изобилии шнырявших между камнями. Калан показал известное ему растение, маленький серо-голубой кактус, полный изнутри и полный терпкого сока, похожего на молодое вино. Люди пили его трижды в день и чувствовали себя превосходно. Каждому казалось: впереди ожидает что-то очень хорошее. Каждому, кроме Эрда. И, пожалуй, вагара, который не любил, когда все идет слишком гладко.

Отряд, уже вразброд, а не цепью, потому что места хватало, бодрой рысью пересекал плоскогорье, объезжая часто растущие темно-зеленые столбы кактусов. Над ними пламенело солнце, куда более приятное здесь, в горах, чем в жарких низовьях Конга.

Биорк ехал первым, внимательно оглядывая местность. Кто поручится, что впереди не поджидает враг? Моросы не нападают по собственной воле. Ее у них нет. Недавно он поделился своими сомнениями с Нилом, но сын отреагировал легкомысленно:

– Не ломай голову, отец! Должно быть, кто-то из магов поставил их стеречь перевал. Место подходящее. Ортрана жаль! Остальное – ерунда. Не тревожься!

«Нил стал совсем беспечным, с тех пор как вышел из Руны», – решил вагар.

Но после отповеди сына обращаться к фьэль не стал. Если бы она хотела предупредить, Нил узнал бы первым. Нет так нет. Биорк был даже рад, что не надо спрашивать Этайю: старый воин робел перед фьэль, как мальчишка.

Впрочем, вагар, как всегда, был настороже. Однако на сей раз глаза, слух, обоняние – все, кроме интуиции, – подвели бывшего туринга.

Ни он, ни кто-либо другой из отряда не заметил никаких признаков опасности, пока тройная цепь солдат не преградила всадникам путь.

Даже для вагара было полной неожиданностью, когда они поднялись в двухстах локтях впереди – нестрашные с виду, маленькие фигурки в бурых, под цвет почвы, плащах. Но арбалеты, направленные на всадников, не оставляли сомнений в их намерениях.

Одного поворота головы хватало, чтобы убедиться – бежать не удастся: такие же шеренги поднялись слева и справа, а четвертая – позади, отрезая путь к бегству.

Конгаи заняли круговую оборону, но северяне не присоединились к ним – бессмысленно. Врагов слишком много. Целая армия.

– Спрячь меч, брат Пирон! – сказал Нил старшине контрабандистов. – Мы сможем справиться с сотней, если повезет. Но не с тысячей!

Солдаты приблизились. Санти не без любопытства глядел на них. Урнгрия. Узкие лица с кожей цвета старого пергамента, горбатые хищные носы, глаза, полуприкрытые тяжелыми веками.

«Тай! – мысленно позвал Санти. – Сделай что-нибудь!»

«Не бойся, – получил он ответ. – Нас не оставят!»

«Нас! А других?»

«Кому ведомы пути Судьбы?»

– Эй! – сказал Нил дружелюбно. – Опустите ваши игрушки! Мы не враги! – И поднял обе руки в знак мира. Великан говорил на конгаэне, надеясь, что его поймут.

Поняли его или нет, но обращение осталось без ответа. Между всадниками и плотно сомкнутыми шеренгами урнгурских солдат оставалось пустое пространство в десять шагов.

Время шло. С тех пор как отряду преградили путь, миновало почти полчаса. Солдаты безмолвствовали, но арбалеты держали наготове. Всадники спешили, парды легли. Если их захотят убить, то сделают это, будут они в седлах или нет.

Миновало еще полчаса, и вдали раздался топот пардов. Отряд в две дюжины всадников появился из-за кактусов. На прибывших, всех, кроме одного, – те же бурые плащи с капюшонами, то же конгское вооружение, только лучшей работы. Всадник, одетый особо, был облачен в желто-коричневый полосатый хитон. Тощие ноги в красных сандалиях сжимали бока упитанного парда. Он был без оружия, но держался как главный. Его длинные, не слишком чистые волосы удерживал обруч с медным подобием горящего факела надо лбом. «Полосатый» бесцеремонно разглядывал путешественников. Нил не менее бесцеремонно разглядывал его самого.

При виде девушек лицо урнгурца оживилось. Он что-то сказал своим спутникам. Один из них тут же возразил «полосатому». И достаточно грубо. Они заспорили, закричали друг на друга пронзительными гортанными голосами. Судя по всему, возразивший выиграл спор. По его знаку солдаты зашевелились и принялись отделять конгаев от северян. Один из солдат попытался присоединить к девушкам и Этайю, но, едва коснувшись ее, с криком отдернул руку. На его ладони, буквально на глазах, вздулся пузырь, как от ожога. Желто-коричневый велел ему подойти, долго разглядывал руку. Потом слегка поклонился Этайе, и ее оставили в покое. То есть – с северянами. Зато Санти попал в одну компанию с контрабандистами и девушками. Возразивший урнгурец сразу же, как только произошло размежевание, взял десяток солдат и уехал, забрав с собой конгаев. При этом у людей Пирона даже не отняли оружие. Остальные солдаты таким же плотным кольцом окружали четверых оставшихся. И у тех уже не оставалось сомнений, кому приготовлена столь «торжественная» встреча.

– Оружие – дать! – по-конгайски скомандовал желто-коричневый.

Три воина повиновались. Даже светлорожденный безропотно отдал меч, но с принявшим его солдатом случился конфуз. Он завопил, уронил меч и затряс рукой. Порезаться он не мог, так как Эрд отдал меч вместе с ножнами. Всадники урнгрия воззрились на него, и солдат быстро-быстро заговорил, видимо, объясняя.

Желто-коричневый с помощью одного из солдат спешил и с опаской поднял меч с земли. Он не обжегся, и на его узком длинном лице появилась довольная улыбка. Но улыбка сразу пропала, когда ему не удалось вынуть меч из ножен. Он тянул изо всех сил, но безрезультатно. Тогда желто-коричневый предложил попробовать одному из военных. Но тот отказался, красноречиво кивнув на пострадавшего солдата. Жрец, пожав плечами, протянул меч Эрду.

– Что это есть оружие? – спросил он.

– Не оружие! – опередив Эрда, быстро ответил Нил. – Жезл. Дал отец.

Жрец кивнул, видимо, удовлетворенный. И посмотрел на Эрда с уважением.

Разоружили и вагара. Маленький воин пожалел о том, что перестал брить лицо. С четырехдневной щетиной на щеках он уже не мог выдавать себя за ребенка.

Колонна двинулась. Только Этайе разрешено было остаться в седле. С ней вообще обращались с подчеркнутой вежливостью. У мужчин же отобрали пардов и заставили идти пешком. После нескольких дней верховой езды это было даже приятно. Пленников окружали всадники, всадников, перестроившись в каре, – солдаты. Меньше чем за полтора часа они прошли оставшуюся часть плато и оказались на грунтовой дороге, спускавшейся к озеру. На берегу его теснились приземистые домишки.

Архитектура урнгурских домов отличалась от конгайской. И не в лучшую сторону. Построенные из бурого камня дома плотно примыкали один к другому, располагались уступами и из-за плоских крыш напоминали гигантскую лестницу. Верней, три лестницы, потому что две прямые улицы разрезали поселок на аккуратные ломти.

Пленники и их многочисленный конвой спустились почти к самому озеру. Эрда, Биорка и Нила отделили от Этайи и заперли в большом одноэтажном доме с толстыми стенами и крохотными оконцами под самой крышей.

Изнутри здание напоминало склад. Толстые стены и прочные двери оказались очень кстати для тех, кто решил использовать дом как тюрьму. Брошенные на пол старые, не очень чистые шкуры, как предполагалось, должны были служить мебелью.

– Надеюсь, нам дадут пожрать! – сказал Нил, растянувшись на полу. – Светлейший, светлейший! Может, ты проковыряешь своим мечом дырку в стене? Хочу поглядеть, не несут ли нам чего?

Эрд хмуро посмотрел на великана и отвернулся. Раньше его раздражало, когда Нил пользовался простонародным жаргоном. Сейчас ему было наплевать.

– Э, нет! – проговорил Нил, поднимаясь. – Так, светлейший, не пойдет. Я не Этайа, на ситре тебе сыграть не могу, но и угробить тебя не позволю. Даже тебе самому!

Он подсел к неподвижному Эрду, обнял его ручищей за плечи:

– Я ведь твой слуга, не забыл?

Эрд не сделал попытки сбросить руку, но и не проронил ни слова – просто сидел, уставясь в пространство, опершись спиной на каменную стену.

– Он умер, светлейший! Умер! – настойчиво сказал Нил. – Он теперь в Нижнем мире. Если ты хочешь уйти за ним – сделай это, как подобает Асенару! Ты дрался с ним рядом. Только Владыка Судеб решает, чей узел жизни будет развязан. Его, мой, твой? Мы не выбираем, светлейший! Мы только сражаемся – и боги решают за нас все: за что мы будем биться, кого погубим, кто погубит нас. Все, кроме одного: будем ли мы сражаться достойно. Вот это решаем мы сами. Ты сражался достойно, светлейший! Не срами себя унынием, ну же!

Эрд обратил на сына вагара потускневшие глаза.

– Я мог его спасти, – сказал он безразличным тоном.

Слова эти прозвучали помимо воли Эрда. Просто они всегда были с ним.

– Ты так думаешь? – с участием откликнулся Нил. – Но, скажи, почему?

И Эрд начал говорить. Внутри у него что-то лопнуло, что-то, запрещавшее говорить о слабости, об унижении его, Эрда Асенара. Словно лопнула пряжка пояса «Честь и превосходство», и светлейший, освободившись, наконец вздохнул свободно. Он говорил не о себе, об Ортроне. Нет, и о себе тоже, но об Ортроне. Как он чувствовал его, как разделял каждую мысль. О том, что хольдец напомнил Эрду Дина, отца. О том, как Эрд намеревался, возвратившись, восстановить честь Ортрона. И он сделал бы это, потому что слово Асенара многого стоит в Империи.

А теперь – всё. И виноват он, Эрд, забывший, что не Ортран защищает его спину, а он – спину Ортрона...

– И что дальше? – перебил Нил. – Ты знаешь, что нас ждет? Ты уверен, что мы будем живы завтра? Через час? Вдруг ты пожалеешь, что моросы не прикончили и тебя?

Эрд с удивлением посмотрел на Нила.

– Об этом я не думал, – признался он. – Ты полагаешь, нас убьют?

– Это будет не просто! – пообещал Нил. – Но если мы умрем, то умрем как воины. Или

ты стал бояться смерти, Эрд Асенар?

– Нет. Хотя...– Губы светлорожденного дрогнули, как будто он пытался улыбнуться.– Смерть перестала меня волновать!– решительно сказал он. И сам удивился этому открытию.– Понимаешь, Нил, раньше я ждал ее, словно новую возлюбленную, лучшую из всех! Я хотел ее, искал! Ты понимаешь меня?

– Конечно, светлейший! Отлично понимаю!

– А теперь я ее не хочу. Не боюсь – просто не хочу.

– Наше время еще длится, светлейший! – улыбнулся ему Нил.– И наш долг... Тот, кто разрушает наш мир, жив, светлейший Эрд! Мы не сделали своего дела – боги не позволят нам умереть!

– Да. Да. Да! – Голос Эрда постепенно обретал прежнюю твердость.– Клянусь тебе Чашей и Звездами, я не забуду о Долге! Благодарю тебя, Нил! – Эрд нашел руку великана и сжал ее.– Пока мой меч со мной, я – Асенар!

– Вот теперь я вижу! – подтвердил Нил.– Нас трое, мой светлейший! И мы заставим их уважать нас!

– Они нас уважают,– вставил вагар.– Нас оценили в тысячу воинов. Тебе мало?

– Это не воины! – отмахнулся великан.– Это корм для падальщиков!

* * *

Этайа в сопровождении двух всадников подъехала к берегу озера. Урнгурцы спешили и помогли ей сойти с седла. Пришвартованная к деревянным сходням лодка с четырьмя гребцами стояла у берега. Один из воинов осторожно поднял фьель. Этайа не мешала ему, чувствовала, что он относится к ней с почтением. Урнгурец вошел в воду и перенес фьель в лодку. Потом вышел на берег, спустился по сходням и прыгнул на корму. Гребцы тотчас налегли на весла, и лодка двинулась. Весла энергично вспенивали воду. Этайа смотрела на изрезанный берег озера и пыталась угадать, куда они плывут. Она чувствовала, что впереди нет опасности для нее. Но есть тревога, а это тоже не слишком хорошо. Гребцы дружно ударили веслами, и лодка резво заскользила по поверхности озера.

Они обогнули скалистый мыс, и взгляду Этайи открылась небольшая бухточка. С трех сторон ее окружали скалы. В самой бухточке, группами по два, по три, поднимались из воды верхушки камней, а посередине на каменных опорах стоял чудесный трехэтажный домик с пирамидальной крышей и желтыми, как речной песок, стенами. Последний, третий, этаж был меньше других и окружен террасой под нависающей крышей. Края крыши, серебристо-серой, с маленьким бронзовым драконом на вершине, загибались вверх, как поля четырехугольной шляпы.

Светлый, воздушно-легкий дом, казалось, парил над гладкой блестящей водой бухточки.

Лодка подошла к крытому причалу. Двое слуг-мужчин в белой, отороченной розовым мехом одежде уже протягивали Этайе руки. Опершись на них, светлорожденная вышла из лодки.

Едва она ступила на первую ступень лестницы, как высокие двустворчатые двери перед ней распахнулись, и фьель впервые увидела Женщину Урнгуга.

Этайа продолжала подниматься по короткой лестнице, и женщина, стоявшая в дверях, отступила на несколько шагов. На урнгрийке было длинное платье, плотно облегающее талию и свободными складками ниспадающее до самого пола. Узкий черный пояс, украшенный золотыми фигурками, вольно располагался на широких бедрах. Длинные концы его завершались кистями из желтого меха. Плащ-мантия, ярко-голубой, с желтой меховой подкладкой и подложенными плечами, был стянут впереди черным шнурком. В толстые, с руку, каштановые косы женщины были вплетены золотые нити, на голове сверкал обруч из светлого серебра с искусной гравировкой и множеством крохотных переливающихся самоцветов.

Что же до лица, то оно было обычным, не слишком красивым, но достаточно привлекательным лицом зрелой женщины, избегающей грима. Женщины, привыкшей повелевать, о чем ясно говорили сжатый рот с выступающей нижней губой и жесткий взгляд больших немигающих синих глаз, внутренние уголки которых были выше наружных, чем напомнили Этайе глаза женщин Тайдуана.

– Сестра? – слово было сказано по-конгайски, с полувопросительной, полуприветственной интонацией.

Этайа ощутила ум, жизнелюбивый, склонный к быстрым решениям, властный, но вместе с тем открытый, как у ребенка. И, глубоко внутри, – Силу. Настоящую Силу, а не просто дар колдуньи.

– Пусть эти уйдут! – сказала Этайа, кивнув на мужчин, стоявших за спиной урнгрийки.

– Вон! – велела женщина слугам и, много мягче тем мужчинам, что были у нее за спиной: – Покиньте нас!

– Благодарю, сестра! – сказала фьель, когда мужчины удалились, и откинула покрывало. – В моей стране не принято показывать лицо чужим мужчинам! – Она слегка наклонила голову: – Этайа, светлорожденная Империи.

– Ронзангтондамени, Женщина селения Гнон. Войди в мой дом! – повернулась и пошла к лестнице, ведущей на второй этаж.

Пол комнаты был застлан толстым, очень мягким ковром, на котором лежало несколько подушек. Мебель отсутствовала. Деревянные панели отполированы и покрыты светлым лаком, чтобы лучше выявить естественный узор дорогого дерева. Из двух овальных окон открывался вид на бухточку и синюю гладь озера за скалами.

Ронзангтондамени села на вышитую подушку и подобрала под себя ноги, расправив длинные складки белого платья. На ногах у урнгрийки были мягкие туфли с подошвами из алой шерсти, расшитые узором из черного бисера.

Этайа тоже опустилась на подушку напротив, скрестив ноги. Хозяйка внимательно оглядела ее и улыбнулась. Лицо гостя понравилось ей. Властью фьель оно стало похоже на собственное лицо урнгрийки, только немного моложе.

– У тебя трудное имя! – сказала хозяйка. – Но я постараюсь запомнить его. Этайа! – повторила она. – Слава Матери Хаора, эта крыса Кунг догадался отправить тебя ко мне, когда понял, что ты не из тех женщин, что привозят к нам безбородые. Те, кто были с тобой, – твои мужья?

– Нет. Родственники и спутники. – Каждая реплика урнгрийки помогала Этайе сориентироваться. – Они прибыли со мной, и я не хочу, чтобы им было причинено зло!

Ронзангтондамени покачала головой:

– Кунгу – повеление сирхара. Они больше не принадлежат тебе. Они принадлежат Хаору. Но на женщин его власть не распространяется. И на моих мужчин тоже. У себя в Шугре он может делать, что пожелает, – то в воле Королевы. Но Гнон – мое селение. И три сотни мужчин, из тех хогр, что встретили вас в горах, – тоже мои! – И, решив, что дала понять госте размеры своей власти: – А теперь скажи: что ищешь ты на нашей земле, Этайа, сестра?

– Ничего, Ронзангтондамени, сестра!

– Зови меня Генани! Тогда зачем ты здесь?

– Ты видела извержение Столпа Небес?

– Столпа Небес? А! Горы Хаора! Да, видела.

– Дорога к старому перевалу закрыта. Мы выбрали этот путь не по своей воле.

Лицо Женщины Гнона помрачнело.

– Плохо! – сказала она. – Теперь не будет торговли с Конгом. Мужчины, возможно, будут голодать. Плохие вести, Этайа, сестра! Верно, Хаор разгневан и не хочет, чтобы мы торговали с безбожниками! Прости, я не хочу оскорбить твою веру!

– Я поняла, – мягко ответила Этайа. – Но разве вам так нужны их товары и их девушки?

– Девушки? Вот уж кто нам не нужен! Конгаек покупает сирхар. Хотя и делает вид перед Королевой, что не знает, откуда они взялись. Нам они безразличны. В них нет силы Дочерей Урнгура!

– Дочерей Урнгура?

– Ну да! – Ронзангтондамени удивленно взглянула на собеседницу. – Ты спрашиваешь? У тебя-то она есть, сестра, раз ты не позволила Кунгу распоряжаться собой.

– Да... – Этайа поняла, о чем идет речь, и стала еще внимательней относиться к урнгрийке. – Но ты зря огорчаешься из-за вашей торговли. Новый перевал более труден, но зато путь лежит через твоё селение, Генани!

Женщина Гнона задумалась.

– Пожалуй, ты права, Этайа, сестра, – признала она наконец. – Но это обидит моих сестер в соседних селениях. А самой мне нелегко будет отстоять нарушение запрета.

– Кто-то хочет прекратить твою торговлю? Кто? Сирхар? Королева?

– Нет. Сирхар получает девушек. Королева – оружие для своих хогр... Но Женщины северных селений... У них нет своей доли в Чагунской торговле. Чагун – принадлежность Королевы. Я сказала, что сама распоряжаюсь на своих землях, но если другие селения откажутся торговать с нами, нам придется туго. Еще хуже, чем без торговли с Конгом. И тогда я вынуждена буду отдать часть своих мужчин Королеве или сирхару. Прости, сестра! – вдруг встревожилась урнгрийка. – Я не предложила тебе поесть!

– Не беспокойся, Генани, сестра! Я могу долго обходиться без пищи!

– Это ясно. Но зачем, если ты – моя гостья? Мой дом еще не обеднел. Я содержу шестерых мужей, а могла бы и больше. Но нет достойных! – Женщина засмеялась. И хлопнула в ладоши.

В комнату тотчас вошли двое слуг.

– Приготовьте нам трапезу наверху! – велела Ронзангтондамени на языке Урнгура.

– Приятно поговорить с равной! – сказала она Этайе, когда слуги удалились. – Я лишена этого удовольствия уже два месяца.

– Неужели ты единственная женщина в селении?

– Нет, конечно нет! Гнон – большое селение. У нас двадцать шесть женщин! Но я – Женщина Гнона и должна держать их в подобающем удалении. Кроме моей дочери! – добавила она не без гордости. – Но малышке всего шесть лет.

– А мужчины? Сколько у вас мужчин? – спросила Этайа.

– Мужчины? Сотен шесть, я полагаю. Поля у меня невелики, но не меньше двух сотен надо, чтобы искать в горах испражнения Хаора.

– Что?

– Смола. Бальзам, который залечивает раны. Нам с тобой он ни к чему, но конгаи ценят его высоко. И хуридцы. Да и наши мужчины им пользуются.

– Я поняла. Скажи, сестра, сколько у тебя детей?

– Я же сказала: одна дочь. Разве это мало? – она улыбнулась.

– А сыновья?

– Сыновья? Странно, что ты спросила, Этайа, сестра. Я же не Королева. Рожала я раз двенадцать. По двое-трое. Только девочка выходит одна. Думаю, их десятка три. Конечно, не все выжили. Теперь, когда у меня есть дочь, я могу больше не рожать. По обычаю.

– Я хотела бы взглянуть на нее!

– Спасибо, сестра! Конечно, я покажу тебе ее! Но сейчас давай поднимемся наверх и поедем!

* * *

Нил, Эрд и Биорк тоже получили свой обед. Мякоть кактусов, грибы, пяток небольших озерных рыбок, сваренных в подсоленной воде. И кувшин с кисловатым напитком.

– Мои слуги не стали бы это есть! – сказал Эрд, попробовав каждое блюдо.

– Благодарю богов, что нас кормят! – отозвался Нил, зачерпывая рукой содержимое миски и отправляя в рот: столовых приборов им, разумеется, не дали.– Ешь, светлейший! Нам понадобятся силы! Ты заметил, отец?

– Что?

– В селении я не видел ни одной бабы!

– Женщины, сын. Нас никто не подслушивает, ты мог бы говорить по-человечески.

– Неважно! Ни одной, отец! А мужчин – пруд пруди!

– Может, они работают в полях? – предположил Биорк.

– Или их держат взаперти. В Гураме, например, это принято, – вставил Эрд.

– Взаперти? Ха! Кстати, отец, как думаешь, сколько продержат взаперти нас?

– Кто знает! Чем дольше, тем лучше. Больше шансов, что солдат поубавится. Здесь горы – им не прокормить такую прорву народа.

– Тут ты прав. Уверен, они полагают, что, посадив под замок, упаковали нас надежно!

– А разве не так? – спросил Эрд.

Нил захохотал, роняя изо рта кусочки грибов.

– Не совсем, – невозмутимо ответил вагар. – Не думаю, чтобы здесь не нашлось лазейки.

– Ты радуешь меня! – пылко воскликнул Эрд. – Так выведи нас! Мой меч со мной! Мы прорубим себе путь – или умрем!

– Мой светлейший! – сказал Нил, отсмеявшись. – То же мы могли сделать и утром.

– Утром я был не в себе, – огорченно сказал Эрд.

– Я догадался, когда увидел, что ты безропотно отдал Белый меч. Кстати, почему этот парень с обручем не смог его вынуть?

– Меч Асенара может вынуть из ножен только рука Асенара! Таково родовое предание. Но, клянусь Рогами Тура, я сам вынул бы его!

– Я рад, что ты был... в печали! – заметил Нил. – Мне больше по душе славная жизнь, чем славная смерть!

– Но славная смерть и есть самое важное дело в жизни воина! – воскликнул светлорожденный. – Скажи, туринг, разве я не прав? Так учил меня твой брат!

– Не славная, а достойная! – проворчал вагар. – И не называй меня турингом! Я уже просил тебя об этом!

– Прости! Никак не могу понять, почему ты так не любишь собственную славу. Вот мой дядя, он адмирал. И останется адмиралом, даже если умрет от старости в своей постели, не дай ему боги такого несчастья!

– У вагаров свои обычаи. Уважай их, светлейший, и мы останемся друзьями!

Эрд кивнул, но продолжил:

– Но разве смерть в бою не есть достойная смерть? Умри я – передо мной в Нижний Мир бежала бы целая свора врагов!

– Нашего демона не было бы среди них, – сказал Нил.

И Эрд умолк.

– Я посплю, – сказал великан, ни к кому не обращаясь. И, завернувшись в шкуры, улегся в углу.

Эрд вынул меч и принялся выполнять один за другим все двадцать четыре малых танца Мангхэл-Сёрк. Биорк наблюдал за ним с удовольствием. Для не-вагара воин двигался недурно.

* * *

– У меня есть просьба к тебе, Генани, сестра! – сказала Этайа. – Но сначала ответь, конгайские купцы, те, что привезли девушек, что будет с ними?

– Да ничего! Хрор, старший над моими из королевских хогр, он потребовал, чтобы их отделили от принадлежащих Хаору. Мы возьмем их товары, дадим свои и отправим обратно. Если им причинят вред, кто привезет нам конгайские мечи и шелка? И девушек для сирхара!

Даже шакал Кунг это понимает.

– С ними был юноша. Он не контрабандист, хотя и конгай. Он приглянулся мне. Можешь взять его для меня?

– Конечно, могу! Скажи, как его зовут, и через два часа он будет с тобой! – Ронзангтондамени понимающе улыбнулась. – Он красив, да?

– И у него чудесный голос! Тебе понравится!.. Надеюсь, не настолько, чтобы ты захотела оставить его себе, сестра?

– Этайа, сестра! Разве у меня мало мужей? Разве я могу огорчить тебя из-за мужчины?

– Благодарю, Генани, сестра!

– Не за что! Кстати, ты не хочешь переодеться?

– Мои вещи остались вместе с пардами.

– Я пошлю слуг за ними!

– Но как они узнают, где мое? Я не хочу, чтобы мужчины рылись в моих вещах!

– Разумеется! Велю принести все тюки. И ты сама найдешь свои. Как зовут твоего юношу?

– Санти!

VII

«Пятеро правят Мирами по воле Неизъяснимого: Повелитель Судеб, Тур Быкоглавый, Потрясатель Тверди, Морская богиня и Кала – Богиня Смерти. Существует также множество иных божеств, почитаемых народами Мира. Есть, впрочем, и народы, кои не признают вообще никаких богов, кроме Неизъяснимого. А есть и такие, что возносят молитвы демонам».

Готар Глорианский. Божественное и человеческое

С противным скрипом тяжелые двери растворились.

– Выходить! – велел по-конгайски гнусавый голос.

Все пространство перед тюрьмой было запружено солдатами в рыжих плащах. К ним прибавились еще и другие, в желто-коричневых полосатых хитонах, как у того всадника, что распоряжался вчера. На сей раз северян не заставили идти пешком, а посадили в возок, запряженный низкорослыми упряжными псами. Возок заперли, и он тронулся. Сквозь крупные щели в досках воины могли видеть размеренно бегущих рядом солдат и приземистые дома селения Гнон. Возок немилосердно трясло. Они выехали из селения и покатали по тропе, которую язык не поворачивался назвать дорогой. Железные колеса возка подпрыгивали, оглушительно дребезжа.

К счастью, путешествие было недолгим. Возок въехал в некие ворота, прокатился по относительно ровному двору и остановился.

Дверца открылась, и северяне выбрались наружу.

Они оказались на обширной площади, огражденной высокой стеной с трех сторон. С четвертой почти отвесно поднимался склон горы. А из склона выпирал прямоугольный фасад мрачного здания, поддерживаемый несколькими толстыми колоннами. Между колоннами, как огромные зловещие рты, чернели проходы, уводящие внутрь горы.

Огороженная площадь была полна солдат и желто-коричневых. Причем последних даже больше, чем солдат.

– Если это храм, – Нил глядел на сросшееся с горой строение, – не завидую его жрецам! Радостью здесь не пахнет!

– Зато здесь пахнет Тьмой! – пробормотал себе под нос Биорк, рассматривая голые, цвета запекшейся крови скалы, нависающие над людьми.

Солдаты в бурых плащах задвигались, обступили воинов с трех сторон. С четвертой же к ним двигался вчерашний знакомец с медным факелом на обруче. Но когда желто-коричневый подошел поближе, то оказалось, что обруч не медный, а из настоящего

червонного золота. Красные сандалии с толстыми деревянными подошвами громко ударили о камень.

– Подлежащим власти Хаора Могучего, Доброго и Великого над богами возвещаю о счастье! Я, недостойный хвалы жрец Хаора Могучего, Доброго и Великого, говорю о счастье: скоро Владыка примет вас!

– Пожалуй, я откажусь! – негромко сказал Нил.

Но жрец уже повернулся к ним спиной:

– О, Колесница Дарования!

Из темного зева Храма раздался грохот, и полминуты спустя оттуда выкатилось громоздкое сооружение на шести деревянных колесах, своеобразный помост с железными столбами. Волокли его жрецы. Шум колесница производила невообразимый. Объехав кругом немаленький двор, колесница остановилась в центре.

Кунг указал на Эрда. Несколько солдат крепко взяли его за руки и плечи и потащили на помост. Светлорожденный оглянулся на Нила, но тот качнул головой: не сопротивляйся. У него появилась идея.

К железным столбам были прикреплены цепи, в которые и заковали Эрда. Теперь он стоял на платформе, разведя в стороны руки. Цепи не давали ему опустить их.

Настала очередь вагара. Тут возникла трудность: руки маленького воина оказались слишком коротки – длины цепей не хватало. В конце концов вторую руку привязали простой веревкой.

Пока жрецы возились с Биорком, идея, пришедшая в голову Нилу, оформилась окончательно. Он легко стряхнул с себя солдат и сам поднялся на помост.

– Хаор! – заревел он так, что у стоявших вблизи заложило уши. – Хаор! – И сам защелкнул браслеты на ногах и на левой руке. Четвертый пришлось застегнуть одному из жрецов. Сделав это, жрец спрыгнул с колесницы, которую уже покинули другие. Поведение Нила, похоже, не удивило никого.

Колесница тронулась. Когда она проехала около входа в Храм, Нил увидел, что между колоннами из земли торчат вкопанные в землю черепа в остроконечных ржавых шлемах точно такой же формы, что были на урнгурских солдатах. Грохоча и лязгая, колесница завершила круг и остановилась.

На помост взобрался Кунг. В руке у него был здоровенный нож из черного обсидиана.

– Иди ко мне, червь! – гаркнул Нил на языке Империи.

Жрец вздрогнул от неожиданности. Но к Нилу не подошел, а остановился перед Эрдом. Светлорожденный с вызовом глядел на жреца. Но Кунг смотрел на склон горы над головой Эрда.

– Тебе, Хаор! – вскричал он и взмахнул ножом.

Толпа завывала. Алая полоса пересекла лоб Эрда. Кровь залила лицо. Но светлорожденный был жив. Каменное лезвие всего лишь рассекло кожу.

А жрец уже стоял перед Биорком.

– Тебе, Хаор! – И черный нож рассек ему лоб.

Третьим был Нил. Кунг поднял нож, но его третий возглас утонул в раскате хохота великана. И тем не менее жрец нанес удар.

Толпа, уже дважды раздражавшаяся воплями, на сей раз безмолвствовала. Кунг с удивлением уставился на неповрежденный лоб Нила. Гигант глядел на него сверху вниз, сощутив насмешливые глаза. Жрец облизнул пересохшие губы. Сотни раз он помечал жертву. И давно уже не промахивался. Что ж, бывает!

– Тебе, Хаор! – возгласил он на этот раз в полной тишине.

Черное лезвие рассекло воздух... И только воздух! На белой коже Нилова лба не было ничего, кроме упавшей пряди волос.

Жрец, посеревав, замахнулся в третий раз... И в четвертый...

Нил напряг плечи, и удерживающие его цепи лопнули с оглушительным звоном. Жрец тупо смотрел на великана.

Нил отобрал у него нож и переломил широкое лезвие об колено, как деревянную палочку.

– Хаор-р! – зарычал он так, что Кунг попятился. Огромный кулак с обрывком цепи ударил в широкую грудь.

– Хаор-р! – И Нил выбросил вверх руки с обломками ножа.

– Убить! – истошно завопил Кунг, указывая пальцем на Нила.

Лишь трое солдат из стоявших впереди подчинились и метнули тяжелые копья. Нил не уклонялся. Он так и остался стоять с поднятыми над головой руками, а копья, ударив великана в грудь и живот, упали на помост, не причинив вреда. Наконечник одного из копий сломался.

Нил схватил жреца за длинные волосы, и ноги Кунга оторвались от помоста. Жрец пронзительно закричал.

Нил швырнул его вниз, и Кунг врезался в строй, опрокинув нескольких солдат. Никто не посмел вмешаться: происходило нечто сверхъестественное. Нил подошел к краю помоста, сцапал за шиворот одного из полосатых и вздернул на колесницу.

– Ну-ка освободи моих слуг! – зарычал он по-урнгурски.

Глаза жреца полезли на лоб, и он со всех ног кинулся выполнять приказ.

– Я – Хаор! – закричал Нил, и голос его эхом отразился от склона горы. – Я – Хаор! – Свиристыми глазами он озирает стоявших внизу. Вдруг взгляд его остановился.

– Ты! – указал он пальцем на одного из жрецов, совсем молоденького, с перепуганным лицом. – Ты! Ты узнал меня!

Юноша едва не сомлел. Он повалился на колени. У бедняги отнялся язык от страха. А следом за ним повалилась на колени вся масса людей, бывших во дворе Храма.

– Я наказываю праведных! Я дарую неправедных! – вещал между тем Нил, справедливо полагая, что его никто не поймет, хотя говорил он на языке Урнгура. – Я люблю преданных мне, а те, кто сойдет с моего пути, пожалеют, что не умерли от огня. Узнаете ли вы меня?

– Да! Да! Узнаем! – ревела коленопреклоненная толпа.

Еще бы им не узнать!

– Я сотрясаю землю, и только я сотрясаю ее! – ревел Нил.

– Только ты, о Великий! – вторила ему толпа.

– Мне стыдно за них, – сказал Биорку освобожденный от цепей Эрд.

– Радуйся, что ты жив и не с ними! – сказал вагар, вытирая кровь с лица. – Надеюсь, обратно нас не повезут, как овец?

Обратно они возвращались верхом на пардах. Как победители. Но вдвоем. Нил решил остаться в Храме.

«Я должен изучить свое имущество», – заявил он.

Северянам вернули оружие и поселили в лучшем из домов, в том, где расположились три брата, начальники королевских хогр. Последних же очень интересовало: действительно ли Нил – воплощенный Хаор, или же он просто могущественный маг-самозванец.

Было съедено немало вкусной и дорогой еды, выпито изрядное количество хорошего вина, и беседа за столом, вернее над ковром, стала совершенно непринужденной. У хогранов развязались языки. И друзья кое-что узнали о таинственном государстве Урнгур.

Правила Королева. Ей повиновались (до определенных пределов) Женщины селений, армия, жрецы. Впрочем, для Женщин она была первой среди равных. Единовластным и неумолимым богом Урнгура был Хаор Добрый. Он же дал Урнгуру законы, по которым следовало жить. Кстати, то, что они не должны покидать пределов отведенной им Хаором земли, – оказалось правдой. И именно он, Хаор Добрый, решил, что урнгрия – лучший из народов Мира. Почему? Пусть спросят у Хаора, раз они его слуги. Первый военный советник, Верховный Жрец, великий маг, брат богов, повелитель демонов и так далее – сирхар. Но Королева – выше. Она для сирхара – как Женщина для мужа. Эрд удивился, но

тут же сообразил, что семейные отношения в Урнгуре своеобразные. Женщины селений сирхара недолюбливали и доходами с ним не делились. У них были свои, домашние, отношения с Хаором. Бог, по преданию, создал сначала их, а уж потом – мужчин, через посредство своих Дочерей. А самого Хаора создала Мать. Но ей не поклонялись – она слишком велика и могущественна. Ей не до людей. Клан жрецов имел свои земли, своих рабов, а при нынешнем сирхаре – даже своих женщин. Не настоящих, а привозных. Это было нарушением традиции, но Королева не запрещала, а Женщинам селений было все равно. Для них чужеземки были хуже мужчин. Зато Этайа, как они узнали, была как равная принята Женщиной Гнона. И Санти был с ней. Говоря о юноше, урнгурцы отпустили ему несколько комплиментов эротического толка. Первый хогран даже выразил сожаление, что столь привлекательный юноша достался женщине. И тут же сообщил, что не хотел обидеть двух гостей: они не менее привлекательны, но раз уж они слуги (понимай – соложники) Хаора, они, хограны, не решаются предложить им свою любовь. Хаор ревнив, не так ли? Друзья не стали их разубеждать. Еще бы ему не быть ревнивым! Свой собственный народ, урнгрия, он отделил от других, поселив в суровых горах, а не в изобильном Конге исключительно из-за своей ревности. Зато потом он уничтожит другие племена и подарит Мир своим возлюбленным. И может быть, это случится скоро, так как по его, Хаора, Высшей Воле нынешний сирхар одарил бессмертием девять избранных, сделав неуязвимыми для вещества и пламени.

– Так их можно жечь огнем и пронзать сталью, а им – ничего? – спросил Биорк, незаметно подмигнув светлорожденному.

Три военачальника наперебой стали рассказывать о «бессмертных», и, под влиянием выпитого, те стали могучими великанами, отращивающими новые головы и извергающими пламя.

– Это не те! – шепнул Биорку Эрд. – Те голов не отращивали.

– Раздели рассказ на восемь кувшинов, – предложил Биорк, – и ты получишь то, что надо!.

* * *

Нил, ведомый выбранным еще утром юношей-жрецом, шел по подземному коридору «собственного» Храма. Юноша нес зажженную лампу и принимал как должное то, что Нил не испытывает нужды в освещении. Пещера была естественного происхождения, но в некоторых местах расширена и украшена надписями и барельефами, в которых неизменно присутствовала мужская фигура с множеством рук, многократно превосходящая размерами всех остальных. И по искаженному гневом лику, по вздыбленным змееподобным волосам можно было точно сказать, какие чувства обуревают вырезанного в камне гиганта. Непонятно только одно: почему в Урнгуре Хаора называют Добрым.

Гнетущая атмосфера подземелья скверно действовала на идущего впереди юношу. Хотя с ним был сам воплощенный Хаор, парнишка буквально трясся от страха. Нил не разделял его ужаса. Никто в Мире не мог причинить ему вреда. Дар богов, без которого человеку не под силу совладать с демоном. Конечно, Хаор может оказаться посильней демона, но не сильней высших богов. Только одно, как сказал Нилу Трой-Странник, может отнять у воина дар неуязвимости: если он сам отнимет человеческую жизнь. Но последнее – во власти самого Нила.

Подземелье ветвилось на множество уходящих в стороны, вверх, вниз коридоров. Но проводник Нила хорошо разбирался в этом лабиринте. Опасность заблудиться им не угрожала. Зато атмосфера страха все сгущалась и достигла апогея, когда они вышли в широкую пещеру с низким потолком, похожую на вмятину от круглой лепешки. Здесь даже Нил потерял часть своей уверенности. Будто некие токи, витавшие в этом сдавленном горой пространстве, поколебали его дух. Юноша-жрец обливался потом, хотя в подземелье было довольно холодно. Лампа в его руке ходила ходуном, и тени от нее прыгали, как безумные

магхары.

– Поставь на пол и жди меня здесь! – велел Нил.

Бас великана заполнил подземную полость и немного успокоил юношу. Сам Нил тоже успокоился. Сила собственного голоса всегда ободряла его. Даже если он просто говорил, а не произносил Слова Власти.

Великан двинулся к центру круглой пещеры. Грубый потолок ее был так низок, что Нил мог бы дотянуться до него рукой. И на нем совершенно явно были видны следы инструмента: пещера была искусственной. Это открытие не привело сына вагара в восторг. Сотворенное по злой воле человека опаснее природного. Левую щеку Нила охлаждал ветерок – воздух в пещере был достаточно свеж и не отдавал сырой затхлостью, как в коридорах. Полая «лепешка» на самом деле оказалась не так уж велика. Низкий потолок и темнота увеличивали ее. По всему периметру, примерно через равные интервалы, чернели круглые дыры сходящихся к центру коридоров. В центре же самой пещеры громоздился широкий камень в три локтя высотой. Нил приблизился к нему и обнаружил, что камень круглый и полый внутри. На его верхней поверхности Нил нащупал углубление примерно в пять локтей длиной и два – шириной. А в самом глубоком месте – сквозное отверстие размером с кулак. С боков камня тоже имелись отверстия, причем одно – достаточно большое, чтобы пропустить внутрь человека.

Корка темного вещества покрывала камень снаружи и изнутри. А прямо над ним, в потолке пещеры, зияла дыра, в которую выходил воздух. Тяга здесь была настолько сильной, что ветер шевелил волосы Нила.

Пока великан стоял около камня, гнетущее чувство настолько усилилось, что Нил трижды повторил тайное имя Тура-Победителя. Место Тьмы! Нил понял, что сделал ошибку, когда пришел сюда. Хотя врага не было здесь, но след его ощутим. И враг, вернувшись, несомненно, тоже почует след Нила. Чье-то осторожное щупальце уже торкалось в сознание, пыталось проникнуть в мысли великана.

Пора уходить. Великан окликнул юношу-жреца, и они отправились в обратный путь. Спустя час они увидели звездное небо в квадратном проеме портала.

Нил тронул носком сапога вкопанный в землю череп.

– Зачем это? – спросил он.

– Сторож! – ответил юноша, счастливый оттого, что снова видит звезды.

* * *

А в это время в одной из роскошных комнат Королевского Дворца в Шугре маленький человечек с торчащим вперед подбородком выл и брызгал слюной от злости, как пойманная крыса.

– Ушел! Ушел! – вопил он, позабыв о собственном достоинстве и шокируя Королеву своим неподобающим сану видом.

– Если я правильно поняла тебя, сирхар, – холодно произнесла Первая из Женщин, – твой враг улизнул, и больше ничего важного ты сказать мне не можешь?

– Уы-ырх! – взвыл колдун, потрясая кулаками. – Я!.. Я!..

Королева поднялась и с высоты своего роста посмотрела на низенького сирхара.

– Ты мерзок, как паук! – уронила она надменно.

Глаза мага уставились на нее.

– Ты!.. Ты!.. – Он подступил к ней, но Королева спокойно отодвинула его рукой.

– Сейчас не Время Слияния! – резко сказала она. – Не забывайся! Впредь! – И, отстранив мага, вышла из комнаты.

Ди Гон, озлобленный еще более, пробормотал заклятие, достаточно сильное, чтобы наказать гордячку. Но только впустую шелкал пальцами. Приступы бешенства были его слабостью, ценой за поражение. И расплачивался он своей силой. Хлыст, и тот становился бесполезной игрушкой. Даже не будь Королева Королевой, он и тогда ничего не смог бы ей

сделать, маленький человечек в диадеме сирхара, до той поры, пока не иссякнет его гнев.

* * *

Большая лодка с высокой прямоугольной палубой неторопливо скользила по спокойной черной воде озера. Середина ночи. Луна зашла, а масляные светильники горели так ярко, что плывущие на лодке почти не различали звезд. Скрестив ноги, они сидели на прекрасном ковре, над которым трудился не один десяток ткачей. Ронзангтондамени с тремя из своих мужей, а напротив – Этайа с Санти.

– Ты сказала, Этайа, сестра, что юноша твой – певец? – сказала Женщина Гнона. – Попроси его спеть. Я никогда не слышала конгских певцов. Вы не против, мои милые? – она посмотрела на мужей.

Трое мужчин одновременно кивнули ей, нежно улыбнувшись.

– Он здесь, – ответила Этайа. – Попроси его сама.

Глаза Ронзангтондамени расширились. Она была удивлена и обрадована:

– Ты разрешаешь мне? Благодарю!

Она посмотрела на Санти столь откровенно, что юноше стало неуютно.

– Ты споешь? – спросила она ласково.

«Что мне делать?» – воззвал Санти к фьэль.

«Она кажется тебе некрасивой?» – фьэль отлично поняла заданный вопрос.

«Нет, но я не хочу!»

«Разве тебя принуждают?»

В мысленном общении не бывает недомолвок. Что не сказано, то увидено. Если не желаешь что-то скрыть. Санти немного обиделся, но тут же улыбнулся. То, что в ответ показала ему фьэль, действительно казалось забавным.

Ронзангтондамени отнесла улыбку на свой счет. И обрадовалась ей.

– Да. Я спою, – вежливо сказал Санти, перестав улыбаться. – Что ты желаешь услышать, госпожа?

– Все, что ты захочешь спеть! – ответила Женщина Гнона. – Все, что пожелаешь! Я никогда не слышала конгских... песен!

* * *

Мощные бронзовые крылья были почти неподвижны. Ветер и восходящий ток теплого воздуха несли дракона над синими морскими водами. Длинная шея, туловище, рогатая голова дракона тоже почти не шевелились. Двигался только хвост с широкой горизонтальной лопастью на конце. Гестион ощущал мысли дракона, медленные, окрашенные удовольствием полета. Мальчик держался руками за выступающий шип с темной верхушкой. Цвет кожи на позвоночном выступе менялся от основания к концу так же, как цвет загибающегося вперед рога на голове. Ногами Гестион чувствовал тепло, исходящее от несущего его живого тела, а спиной – тепло тела Учителя, сидевшего сзади.

– Тебе нравится управляться с драконом? – раздался голос за спиной.

– О да! Никогда не думал, что это так приятно! И совсем не страшно!

– Верно! Ты понравился бронзовобрюхому! – засмеялся маг. – Теперь, даже если ты и захочешь упасть, он тебе не позволит. Это хорошо! Тебе придется летать одному!

– Одному? – Гестиону стало немного не по себе. – А когда?

– Не сегодня. И не завтра. Не робей! – Учитель похлопал его по плечу и засмеялся. – Тебе будет о чем рассказать в Руне, мальчик!

Дракон слегка опустил левое крыло, и Гестион увидел внизу маленький островок.

* * *

– Спой мне еще! – попросила Ронзангтондамени.

Они сидели на третьем этаже ее дома. Глядя вниз, Санти видел матовую поверхность воды с синей лунной дорожкой. Он спел почти все свои песни. Он пел ей в лодке, он пел ей внизу, когда они вернулись. Он пел и здесь, в маленькой комнате, с окном от самого пола и стенами круглыми, как походный шатер. Уютная комнатка на третьем этаже Озерного дома. Санти было спокойно в ней. Она принадлежала Ронзангтондамени, была пропитана ее запахом, похожим на запах смешанного с вином свежего молока. И ее уверенностью.

– Я устал, госпожа моя! Горло мое пересохло! – сказал Санти.

– Не зови меня «госпожой»! – Голос женщины был мягок и наполнен силой. Он был знаком Санти, этот тембр, этот тон. – Зови меня Ангнани! – И хлопнула в ладоши, призывая слугу.

– Как скажешь! – улыбнулся Санти. – А что это означает?

Женщина смутилась.

– Это не перевести на конгайский, – ответила она.

Санти чувствовал: она говорит неправду.

Вошел слуга, гибкий, как речной тростник, юноша в белой одежде, перехваченной на талии голубым кушаком.

Ронзангтондамени произнесла несколько слов по-урнгуруски, а когда слуга поклонился, погладила его мимоходом по щеке, и юноша улыбнулся смущенно и заискивающе. И тут Санти вспомнил, почему ему кажется знакомой интонация женщины. Именно таким тоном, нежным и вкрадчиво-уверенным, он сам разговаривал с девушками там, в Фаранге, когда чувствовал их готовность прийти к нему, когда тонкая ниточка близости начинала сплетаться в кокон, что отделит двоих от всего остального мира.

И Санти по-новому посмотрел на Ронзангтондамени, на женщину, привыкшую повелевать мужчинами. Женщину, которая не слышала слова «нет» не потому, что была желанной, но потому, что желала сама. Он словно впервые увидел это смуглое лицо с высокими скулами и большим ртом, синие ясные глаза, тонкий нос с высокой горбинкой, толстые косы, длинную, сильную по-мужски шею, охваченную несколькими нитками грубо отшлифованной бирюзы, высокую грудь, поднятую лифом платья...

– Ты красива! – сказал юноша голосом, заставившим Генани задрожать.

Много раз она слышала эти слова. Но никогда они не звучали так.

Вошедший слуга помог ей скрыть смущение. Женщина Гнона велела ему поставить поднос и удалиться. Она хотела своими руками налить Санти вина, нарезать редкие и дорогие здесь, в этой части Урнгура, фрукты.

Санти отпил немного из прозрачного бокала. Сладкое крепкое вино. Он пил медленными глотками, глядя на женщину сквозь выточенную из розового кварца стенку бокала. Ронзангтондамени налила ему еще, и Санти выпил второй бокал, а потом и третий. Теперь он мог пить много вина. Почти столько же, сколько и Нил. Оно почти не действовало на Санти. Но Ронзангтондамени не знала об этом. Она посмотрела в окно: скоро рассвет.

«У нас совсем мало времени», – подумала она, развязывая золоченый пояс, обегающий широкие бедра. Санти выпил четвертый бокал.

«Этак он совсем опьянеет», – подумала женщина и протянула руки, чтобы обнять юношу... Но наткнулась на взгляд его удивительных глаз, и руки ее упали...

– Ты хочешь, чтобы я спел для тебя... Ангнани? – Голос Санти был таким же трезвым и чистым, как и прежде.

– Спел? Да, хочу! – И она кивнула обреченно, подчиняясь воле этого юноши. Воле мужчины! О боги!

А Санти вновь взял ситру. Он пел о синей реке забвения. И о моряке, смытом штормовой волной. И «Солдат, солдат...» – ту песню, последнюю песню Ортрана. И Санти сказал ей об этом. И больше уже не пел ничего. Юноша положил руку на плечо Ангнани. Они сидели и молчали, масло в светильниках иссякло, и огни погасли.

– Утро! – сказал Санти. – Пора спать! – И улыбнулся ласково.

Сердце Ронзангтондамени затрепетало.

– Скажи, твоя госпожа, она позволит...– по лицу Санти поняла, что говорит не то, смутилась, взяла юношу за руки и спрятала лицо в его ладонях, как девочкой прятала в руках матери. Санти легко коснулся губами ее головы. Ангнани подняла на него глаза, огромные, доверчивые... Санти взял ее руку, большую, чем его собственная рука, сильную, длиннопалую, поцеловал нежную кожу в центре ладони.

– Да! – сказал он. – А сейчас вели кому-нибудь отвести меня в мою комнату. Я устал. Сегодня был длинный день.

VIII

«Некогда в стране, исчезнувшей так давно, что и имени ее не осталось, жил охотник Уру Дат. И была у него девушка. Семт-Хе звали ее. И был маг из носящих черное ожерелье, маг – Тысяча Обличий. Захотел маг девушку. И взял ее. Обратясь в дракона, унес он Семт-Хе в дом свой, в горы, что зовут ныне горами Забвения.

Узнал о случившемся юноша-охотник, почернело лицо его. Пошел он в горы, подумав: „Верну Семт-Хе или умру“.

Долог путь. Ослабел Уру Дат, сильно страдая от жажды на бесплодном горном плато. И встретился ему старик в серой одежде. Не спрашивая ни о чем, повел его старик к горной реке, что текла лишь в четверти дня пути от места, где встретил он Уру Дата. И утолил охотник жажду свою.

Спросил его старик: „Можешь остановить?“

О реке говорил он, но помнил Уру Дат, кому обязан жизнью, стерпел насмешку.

„Нет, не могу“, – сказал.

И повел тогда его старик к истоку реки, к месту, где рождалась она из-под ледника.

– Смотри! – сказал. Идохнул.

Холод обьял юношу. Холод обьял и ледниковый язык. Сковал его. И иссякла река у истока своего.

– Что сделал я? – спросил.

– Убил реку! – отвечал Уру Дат.

Тогда кликнул старик бронзового дракона, и понес он юношу вниз, вдоль горного ущелья, по которому некогда мчалась река. И прилетели они в долину, где обильна была земля. А не стало реки – иссохла. Осыпались цветы, увяли юные побеги, пропал урожай, не родившись.

– Что сделал я? – вновь спросил старик.

– Убил долину! – сказал охотник.

И понес его дальше дракон, к городу, что стоял на холме.

– Вот, – сказал, – город, что кормит долина. Что сделал я?

– Убил город! – сказал Уру Дат.

Тогда повернул старик дракона, и вновь полетели они в горы, что ныне зовутся горами Забвения. И увидел юноша: возродилась, снова течет река.

– Что сделал я? – спросил старик.

– Ничего! – сказал юноша.

– Твоя жизнь! – сказал старик, сел на дракона и улетел.

А юноша пришел к замку, где держал маг похищенную девушку, и выследил мага, как выслеживал быстрых горных ящериц у их нор. Выследил и пронзил длинной стрелой с черным заговоренным наконечником из обсидиана. А потом забрал Семт-Хе.

Не стал Уру Дат ни вождем, ни героем. Никому не сказал, что убил мага – Тысяча Обличий. До самой старости был он охотником и

*сам забыл, что убил мага.
Но помнила Семт-Хе».*
Гурамская легенда

Три всадника подъехали изнутри к Южным воротам Шугра.
– Открывай, не медли! – приказал один из них сонному стражнику.
– Это еще зачем? – проворчал стражник. – До утра не подождать? Меньше часа осталось!

Подошел второй стражник с масляной лампой в руке.
– Кто такие? – гаркнул он, поднимая светильник повыше.
Всадник наклонился в седле, откинул полу плаща:
– Воля сирхара! – И, теряя терпение, ткнул большим пальцем в приколотый к куртке значок. – А теперь, если ты не отопрешь, я снесу тебе голову!
– Ишь, хогран нашелся! – буркнул стражник, но поплелся к вороту, поднимающему засов.

Минуту спустя всадники уже мчались по гладкой дороге. Когда из-за гор выплеснулись первые лучи солнца, гонцы уже сменили пардов на первой королевской подставе. Вскоре они миновали вторую подставу и третью, за которой начинались земли селения Гнон. Не умеряя прыти животных, они пронеслись через селение прямо к Королевскому Дворцу.

Осадив парда перед крыльцом, первый из всадников вынул маленький рог и дважды протрубил.

Тотчас в одном из окон второго этажа появилось отекавшее после вчерашней попойки лицо Начальника Королевской хогры. Минуту спустя он появился внизу в накинутах на голое тело красном плаще.

Первый из всадников посмотрел на хограна с безгливостью человека, прошедшего ночь в седле, и, наклонившись, вложил в дрожащие руки запечатанный свиток. После чего развернул рыкнувшего парда, и все трое помчались обратно по дороге, над которой еще курилась поднятая ими пыль.

Начальник хогры сломал печать и тупо уставился на строки послания покрасневшими глазами. Знаки ползали по свитку и никак не хотели собираться в слова. Начальник хогры потряс головой и поморщился от боли. Подбежавший солдат протянул ему большую кружку горячего кофе. Хогран, все еще морщась, проглотил напиток, сунул свиток в карман плаща, так и не прочитав, и поплелся вверх.

Два его брата проснулись и чувствовали себя не лучше, чем он. Первый хогран бросил послание на стол, поискал глазами недопитую вчера кружку, с отвращением отхлебнул. Только после этого он нашел в себе силы развернуть свиток снова. Поминутно облизываясь, он прочел вслух:

Повеление.

Назвавшегося Воплощенным и спутников его не медля доставить в столицу для опознания и наказания, ежели потребуетсЯ таковое. До той поры в почестях не отказывать, но буде не пожелает следовать – принудить силой без снисхождения.

Королева. Сирхар.

– Хорошенькое дело! – воскликнул второй хогран, вскакивая на постели. – Силой! Хаора! Пусть-ка сам придет и принудит!

– Замолчи! – одернул третий брат. – Услышат! Думать надо!

– Что думать? – отрезал первый. – Уговорим! Ежели он – Хаор, место ему где ж, как не в Шугре? А ежели маг, так слуги его – в нашей руке. И еще женщина. От них копы не отскакивают! Не захочет – заставим! Так, братья?

– Женщину лучше не трогать! – рассудительно сказал третий. – Она у Ронзангтондамени. Лучше с Хаором повздорить, чем с ней. Уж я-то знаю, в моей хогре половина – ее люди!

– Нет так нет,– согласился первый.– Двоих будет довольно. Сейчас поедим,– он побулькал содержимым кувшина,– и пошлем за этим самым. Да надо б велеть, чтоб поласковой!

– Вот уж ни к чему! – сказал второй.– Твои солдаты вчера чуть штаны не обгадили от страха!

– Ты, брат, это, молчи! – обиделся первый.– Сам на коленях стоял!

– Довольно вам! – вмешался третий.– И так мозги киснут! Я сам поеду!

– Почему ты? – возмутился первый.– Вместе поедем!

– И еще этих, слуг его, возьмем! – добавил второй.– С ними он постговорчивей будет!

На том и порешили.

Два часа спустя три хограна, не слишком торопя пардов, выехали на дорогу, ведущую к Храму. Сопровождали их человек сорок всадников. Не для охраны – для важности.

По пути им попался бегун из жрецов.

Радуюсь передышке, бегун поведал им, что Воплощенный назначил нового главного, этого сопляка Бунга. Дескать, вот первый, не усомнившийся!

А от себя бегун добавил, что лично стоял рядом с Бунгом и особой веры в нем не заметил. Богу, конечно, виднее.

– А жертвоприношения, посвящения – все отменены! – тут же сказал он не без радости.

– Логично! – заметил первый хогран.– Что ж ему приносить жертвы тут, если сам он отправится в Шугр?

– В Шугр? – оживился бегун.

– А куда же еще? – вмешался второй, спасая брата от преступного разглашения тайны.– Главное святилище там! Или нет?

– Ага! – согласился жрец.– Ну, я побежал?

– Валяй! – отпустил его второй хогран. И парды затрусили дальше.

А бегун помчался в селение и прибежал туда раньше, чем воины достигли ворот Храма. Хотя его участок дороги был почти в два раза длиннее.

Дорога Богов, ровная, прямая, как полет стрелы, полого текла меж желтых урнгурских лугов. Иногда она возвышалась над ними на десяток локтей, иногда погружалась в неглубокие ущелья, вырубленные в незапамятные времена в каменистой бурой земле. Никогда в жизни Санти не видел ничего, подобного этой дороге. Древний путь, по которому шли они с другой стороны хребта, был в сравнении с ней извилистой горной тропкой. На сером гладком покрытии дороги не было ни трещин, ни сколов, хотя многие столетия прошли над ней. По краям покрытие приподнималось на пол-локтя, и невысокие сплошные бортики словно ограждали серую реку, текущую по желтым покатым полям.

Там, в желтой траве, густой и сочной, поднимавшейся кое-где по пояс человеку, паслись отары овец, розовых, серых, белых, оберегаемые лохматыми черномордыми псами. И стада коров – мелких короткорогих, не похожих на медлительный тучный скот Междуречья.

– Земли селения Гнон! – с гордостью сказала Ронзангтондамени юноше.– Стада моих мужчин!

Они втроем ехали в карете Женщины Гнона, легкой, удобной, выкрашенной в снежно-белый цвет и запряженной шестеркой таких же снежно-белых рослых псов с маленькими острыми ушами. Ронзангтондамени время от времени улыбалась Санти. И улыбка эта казалась странной на ее волевом лице.

Ронзангтондамени лично решила сопровождать Санти и Этайю в столицу, раз уж они не пожелали остаться у нее. В то, что Нил – воплощенный Хаор, она не верила ни единого мига, но какое это имеет значение, если он – друг Санти? Пусть зовется кем хочет! Она даже отдала ему, Нилу, собственную колесницу и собственного возничего. Пусть потешится: возил самого Хаора! Возничий был одним из ее мужей, а Ронзангтондамени чувствовала

себя немного виноватой по отношению к ним: совсем перестала их любить со времени появления Санти. А ведь они были мужьями, закон требовал, чтобы Женщина Гнона заботилась о них. Это справедливо!

Торжественная процессия растянулась больше чем на полмили. Первыми ехали начальники Королевских хогр. В полном вооружении, с развевающимися на ветру султанами из горных трав над островерхими шлемами. Три брата были так похожи, что казались одним человеком, утроенным прихотью какого-нибудь бога. При виде их, гордо восседающих на откормленных пардах, встречные поспешно уступали дорогу.

За исполненными важности хогранами белая с золотыми наверхиями колесница везла самого Хаора Доброго и Грозного, восседавшего на дорогих мехах с каменно-неподвижным лицом и идеально прямой спиной. Ширина этой спины лишь немного уступала ширине задней стенки колесницы. Зато лицо возникшего то и дело расплывалось в улыбке. Без всякой нужды он щелкал бичом над головами упряжных псов, давно уже не обращавших на это внимания. Колесница ехала медленно. Так же медленно, как и всадники впереди, как и белая изящная карета Женщины Гнона, окруженная мужьями и телохранителями Ронзангтондамени в конгских кольчугах, конгских шлемах и с прямыми конгскими мечами у бедер. Богато селение Гнон!

А за каретой, за широкими задами выхоленных пардов, тянулось пешее войско: королевские солдаты в бурых плащах, пыльные, невзрачные, одинаковые до безликости. Таков обычай Женщин селений: лучших мужчин они оставляли себе. Королеве – то, что лишнее.

Эрд и Биорк были в свите начальников хогр, среди отборных воинов, в большинстве – сыновей Приближенных Королевы. В отличие от селений, в Шугре высшие знали своих детей и приглядывали за их воспитанием: закон этого не запрещал. Три начальника хогр, братья-близнецы, были сыновьями самой правящей Королевы от вторых родов. И гордились этим. Их сызмала готовили к воинскому труду, и они были бойцами, настоящими солдатами, в отличие от сброда, который составлял королевские хогры. Преданные Королеве, они были преданы и друг другу – преданностью кровной и кровосмесительной. Что, впрочем, не мешало им заглядываться на красавца-светлорожденного. Да и Биорк казался им если не привлекательным, то заманчивым: еще бы! – мальчик-мужчина, такого не было в их краях! И оба – истинные воины: по всему видно! Нет, три брата непременно поухаживали бы за северянами, если б не грозная громадина там, позади. Хаор не Хаор, а, пожалуй, захочет – и расшвыряет не только сотню пехотинцев, но и весь эскорт хогранов из сорока семи бойцов-командиров.

Оба северянина постоянно ощущали на себе эти оценивающие взгляды. Эрд морщился брезгливо, задира подбородок, как в прежние времена. Биорк же, более снисходительный к чужим обычаям, только посмеивался и скреб заросшие щетиной щеки. И радовался задранному подбородку Эрда, хотя прежде порицал его надменную гордость.

Серая Дорога Богов широким выпуклым мостом соединяла острые края ущелья, где внизу, между черными скалами, метался и рычал мутный желтый поток. Серые, казавшиеся несоразмерно тонкими колонны поднимались со дна и поддерживали пологую арку. Снизу, там, где основание было «объедено» водой, виден был фундамент колонн – шестиугольные «быки», зарывшиеся в белую пену и глубже – в базальтовое дно ущелья.

– За мостом – земли селения Румтгон, – сказала Ронзангтондамени. – Сестра примет нас! – и, недовольно: – Если мы не оставим наш «хвост», доберемся до Шугра не раньше чем через три дня!

– Мы не спешим, Генани, сестра! – сказала Этайа.

В карете снова воцарилось молчание. Но только для урнгрийки. Санти и Этайа с самого утра вели мысленную беседу. Юноша уже научился «держат» лицо, глаза его были прикрыты, казалось, он дремлет. Лицо же фьель, то, которое видела Генани, с самого начала было иллюзией. Но женщину не огорчала мнимая молчаливость спутников: ей хватало собственных чувств и того, что Санти рядом.

«...Истина в том, Туон, что боги Мира – не боги, а демоны его – не демоны».
«Но они существуют?»
«Да. Хотя все меньше вмешиваются в дела людей. По мере того как забывают, что сами были из плоти и крови».
«Боги?»
«Не могу показать тебе. Не знаю, что показать. Удовлетворись мыслью. Не это главное».
«Что же?»
«Неизъяснимый. Он – всё».
«Вы тоже поклоняетесь ему?»
«Мы его любим. Он создал нас. Задолго до того, как появились люди. И такие, как ты».
«Но... разве я не человек?»
«Человек. Тоже. И много больше, чем человек. Ты – зерно. Семя».
«Не понимаю».
«Еще не пришло время понимания. Но придет».
«Я – зерно... А ты, Тай? А кто же тогда ты?»
«Я – фьель, Туон. Твоя фьель».

* * *

Тремя днями позже Санти увидел таинственный Шугр.
За это время они пересекли всю восточную часть Урнгура. Горные луга сменились возделанными полями, чередующимися с полосами низкорослого леса.
В каждом селении Нил, как и подобает богу, непременно направлялся в храм и учинял там переворот. Биорк с Эрдом проводили время в обществе начальников хогр.
Вопрос об истинности Нила-Хаора был временно оставлен, зато рассказы пришельцев звучали как сказка для урнгрия, никогда не покидавших собственной страны. Впрочем, и то, что сами урнгрия рассказывали северянам, было удивительно. К сожалению, северяне немного смогли узнать о своем недруге, сирхаре. Еще труднее было отделить вымысел от правды.
Имя сирхара было Ди Гон. Он был магом, но не урнгурцем.
Обращаться к нему подобало «сирхар, Господин Сильных». Говорили, что Ди Гона призвал прежний сирхар. И передал ему собственную магию и ужасное оружие – Огненный Хлыст. Еще говорили, что никогда прежде не было в Урнгуре подобного Ди Гону. Чудеса, творимые им, потрясали разум и привлекли к нему многих. Особенно в Шугре. Это Ди Гон завел обычай покупать девушек в Конге и Хуриде. Маг дарил девушек верным, и верность тех увеличивалась. Такое было великим нарушением законов, но Хаор не разгневался и не сокрушил Ди Гона. И это тоже прибавило сирхару славы.
Эрду великий колдун Урнгура представлялся великаном, мечущим молнии. Биорк только улыбался. Магов он видел немало. Великанов среди них не было, хотя молнии бывали. Лично он предпочел бы великанов.
Дорога Богов оборвалась внезапно. Ушла, будто ее и не было. Дальше к столице Урнгура вел обычный путь: каменные плиты, не слишком аккуратно уложенные. И прямою он не отличался: петлял, как всякая дорога, спускающаяся с предгорий в речную долину. Отсюда, с места, где колеса повозок принимались отсчитывать стыки плит, до Шугра по прямой оставалось не больше пяти миль.
Пахло весной. Воздух был прозрачен, как бывает только в горах, солнце стояло высоко, и зоркие глаза Санти видели столицу Урнгура отчетливо, так, как если бы ее нарисовали черным, желтым и красным на прозрачном полотне воздушного шелка.
Город стоял на холме, но все же намного ниже того места, откуда смотрел сейчас юноша. Голубая, сверкающая, как металл, лента реки (в Урнгуре ее называли Шуга, в Хуриде – Черная) огибала город с запада. А еще дальше земля вновь загибалась к небу и

обращалась в оснеженные зубцы Большого Хребта. Сам Шугр, оберегаемый тремя кольцами стен, поднимался от подножия холма к его вершине, увенчанной золотисто-желтым Дворцом Королевы Урнгура. Левее и вполосину ниже желто-черным, расширявшимся кверху грибом вздымался Дом Сирхара. Архитектуру остальных зданий на вершине холма разглядеть было трудно – далеко. Но солнечные краски, чистые и яркие, отличали их от остального массива города.

Ниже внутренней стены начинались сплошные ряды кровель. Дома так плотно прижимались друг к другу, что казалось, между ними нет улиц. Только крыши, крыши и крыши, бурая волнистая поверхность – до самой второй стены. Ниже этой стены – свободное пространство, а потом опять – кровли, в этой части города уже разделенные на сегменты прямыми линиями улиц, спускающихся к воротам. Их в третьей, наружной, стене оказалось несколько. Сама же стена построена из серого материала, того же, что покрывал вечную Дорогу Богов. Только оборонительные башни, зубцы, стыки между серыми плитами были того же бурого цвета, что и окрестные скалы.

Увидев столицу Урнгура, Эрд остановил парда. Он был восхищен.

– Если у них есть своя вода, – сказал он вагару, – я не взялся бы его штурмовать!

– Вода у них, скорее всего, есть, – сказал Биорк. – Но взять город можно. Будь у меня тысячи три ваших хольдцев и сотня моих скалолазов, я бы его взял. Не быстро, потому что здешние деревья не годятся для настоящих осадных машин. Но, светлейший, нам не придется брать этот город. Он сам берет нас.

И они поехали вниз, сдерживая пардов, потому что дорога шла под уклон.

Санги, которому надоело трястись в карете, пересел в седло. К большому огорчению Ронзангтондамени. Ей приличия не позволяли ехать верхом. Впрочем, пользуясь отсутствием юноши, она попыталась выведать у Этэи, каковы ее отношения с Санги. Но фьэль умела вести беседу. Очень скоро разговор перешел на Женщину селения Гнон. Впрочем, Генани любила говорить о себе, а к Этэе, не заявлявшей прямо свои права на юношу, урнгрийка прониклась искренним доверием.

В этот день процессия одолела почти весь оставшийся путь. Когда солнце коснулось края Большого Хребта, до Шугра осталось около трех миль. Но людям и животным нужен был отдых. Да и сами хограны не слишком спешили закончить путь. Они уже привыкли к путешествию, и оно им нравилось.

Последняя ночь, и всем было немного грустно, как всегда бывает, когда известное и приятное настоящее должно смениться неизвестным будущим.

* * *

– Они остановились на ночлег в селении Сунг, сирхар!

– Нехорошо!

– Послать гонца, сирхар?

– Нет! Плохо, что они войдут в Шугр днем, но хуже, если они узнают, что их торопят.

– Сирхар!

– Да?

– А вдруг... он – истинный Хаор?

– Кунг! Ты дурак, если говоришь это мне!

– Но осведомители, сирхар...

– Кунг! Я очень ценю тебя! Но сделай зарубку на своем кривом носу: если я еще раз услышу от тебя подобное, ты очень скоро увидишь настоящего Хаора!

– Я виноват, сирхар!

– Пустое! Ты трусишь! Зря! Я знаю, кто он, Кунг! Он силен, но я сильнее! Я его останавливаю, Кунг! Будь уверен! Кроме того, не я ему нужен.

– Сирхар! Скажи, если не сочтешь меня дерзким, кто нужен этому... Неуязвимому?

– Скажу. Но если твой язык...

- Нет, сирхар! Никогда!
– Ты любопытен, как... как... Ладно! Ему нужно Дитя!

IX

«Двадцать веков назад, когда чародеи Мира разделились на Братство Света и Алчущих Силы, многие из магов отказались примкнуть к тем или к другим. И в более поздние времена, когда вражда между Светом и Тьмой (к коей, как и следовало ожидать, пришли почти все Алчущие), число магов, сохранивших независимость, не уменьшилось, а увеличилось. Но и среди Одиноких кто-то более склонен к Свету и Чистоте, а кто-то – к Силе и Власти. Многие из последних отказались примкнуть к Алчущим только потому, что Алчущим Силы запрещено появляться в пределах Северной Империи, а ведь именно на Белом материке сосредоточены лучшие источники знания».

Готар Глорианский. Божественное и человеческое,

Внешние, обшитые железом ворота в тридцать локтей высотой открывались с помощью ворота. В одной из створок – маленькая дверь, достаточная, чтобы войти пешему. Но для такой процессии следовало открыть обе створки ворот – дело не быстрое. Растянувшиеся на полмили солдаты собрались вместе, сбились в кучу, в огромную рыжую толпу, в которой белела карета Ронзангтондамени.

Наконец створки достаточно разошлись, и взглядам северян предстала прямая грязная улица, поднимающаяся вверх между слившимися слипшимися фасадами двух-трехэтажных безликих домов.

Улица была достаточно широка, чтобы две повозки могли проехать, не сцепившись осями и не размазав прохожих по стенам из серого пористого туфа.

Половина всадников эскорта осталась позади: им предстояло разобрать на отряды смешавшиеся хогры и разместить их в казармах Нижнего Города.

Когда процессия достигла второй стены, она состояла уже лишь из трех хогранов, десятка всадников, северян и свиты Ронзангтондамени.

Вторые ворота выглядели не столь внушительно. А улица за ними больше напоминала не улицу, а щель между домами, менее грязными, но более высокими и так же плотно прижавшимися друг к другу.

Здесь царил полумрак: нависающие крыши почти смыкались вверху, на высоте двадцати-двадцати пяти локтей.

Если в Нижнем Городе между зданиями кое-где все же оставались узенькие просветы, то здесь фасады сливались в сплошную стену с широкими двустворчатыми дверьми и редкими окнами на высоте третьего этажа. Кто мог обитать в подобных казематах, северяне представить себе не могли.

– Кто тут живет? – спросил Санти Ронзангтондамени, пока карета медленно катилась по мрачному коридору.

– Никто, – ответила женщина. – Только на самом верху. Это склады.

– И они полны? – спросила Этайа.

– Конечно! – Женщина Гнона удивленно посмотрела на фьёл. – Конечно, полны. Кому нужны пустые склады?

Третьи ворота отделяли верхний, Королевский, Шугр от Среднего. Стены домов обрывались в шести локтях от внутренней, мрачно-черной крепостной стены.

Зато за этой стеной облик Шугра разительно менялся. Простор, солнце, ветер, свободно гуляющий по привратной площади. Домов немного, и каждый окружен садом. Единственное, что не радовало глаз, – круглая, раздувшаяся в верхней части башня, цитадель сирхара.

– Вот мой дом! – сказала Женщина Гнона, указывая на трехэтажное строение на правой стороне площади.

Здание напоминало озерный дом, но окружено было не водой, а кольцом голубых елей. Прямо за домом Женщины Гнона возвышался Дворец Королевы.

Прибывших никто не встречал. Это не удивило ни Ронзангтондамени, ни хогранов, имевших подробные инструкции, присланные с гонцом. Карета Женщины Гнона в сопровождении всадников свиты повернула к трехэтажному дому. Остальные по широкой, вымощенной розовым мрамором улице двинулись к Дворцу Королевы.

Золотисто-желтые стены поднимались на высоту восьмидесяти локтей, но не подавляли, а, напротив, казались легкими, парящими. Золоченые, а может, и золотые скульптурные человеческие фигуры украшали круглые выступы колонн, поддерживающих крышу дворца. Глядя на него, легко можно было забыть все мрачные легенды, рассказывающие о Шугре. Зато похожий на исполинский гриб Дом Сирхара посреди голой, без единого деревца, площади воплощал именно то мрачное величие, с которым вещали о Шугре северные мифы.

Начальник первой хогры подъехал к белой колеснице.

– Там уготовано тебе подобающее жилище, Великий и Добрый! – поклонившись, произнес он и указал на ядовитый каменный гриб Дома Сирхара.

Нил, до этого сидевший на меховом ковре, медленно встал. Урнгурцу пришлось задрать голову, хотя он и сидел верхом на парде.

– Этот?! – и Нил разразился хохотом.

По спине хограна пробежал холодок. Хотя трусом он не был.

– Нет! Место мое – в моем доме! – Нил указал на низкое здание Храма с другой стороны площади. – Но дом этот ничтожен! Позор моему народу! Я буду жить здесь! – И обернулся к Дворцу Королевы Урнгуга.

– Но... – замялся начальник хогры.

– Ты споришь? – удивился Нил-Хаор. – Со мной?

Возница, открыв рот, глазел на великана. Нил сделал ему знак, и возница направил упряжку в арку Дворца. Биорк и Эрд поехали вслед за ней, и урнгурцы – тоже. Они не решились вступать в пререкания.

Колесница въехала внутрь, в просторный парк с широкими аллеями, белыми беседками и павильонами, с цветочными клумбами и статуями танцовщиц из белого просвечивающего в солнечном свете мрамора.

В центре множеством искрящихся струй рассыпался большой фонтан. Нил спрыгнул с колесницы, подошел к нему и, окунув руки в бассейн, зачерпнул воду, чтобы ополоснуть лицо.

Его спутники молчали. Никто, даже северяне, не смог бы сказать, что сделает великан в следующее мгновение.

Раздался чистый и высокий звук трубы. Хограны мгновенно соскочили с пардов. Парк, до этого момента совершенно пустой, вдруг заполнился людьми. Сопровождаемая телохранителями и свитой, появилась Королева Урнгуга.

Она шла к Нилу, и гигант ждал, поставив колено на бортик фонтана. Капли воды текли с подбородка на его грудь.

Позвякивая оружием, воины выстроились двумя шеренгами.

Приближенные тихо переговаривались.

Нил провел широкой ладонью по лицу, смахивая воду.

– Ты – Королева моей страны? – проговорил он густым басом. – Ты нравишься мне! – Несколько быстрых шагов, и он оказался рядом с ней, взял за подбородок, повернул к себе и глянул своими серыми глазами в ее голубые.

Придворные ахнули. Телохранители зашевелились, но не вмешались: Королева молчала. Властительница Шугра не шевельнула ни единым мускулом. Лицо ее оставалось таким же спокойным и величественным, как и минутой раньше, до того как бесцеремонная

рука самозванного бога вздернула его вверх. Королева была высока ростом, пожалуй, не ниже Эрда, но на Нила ей все равно пришлось смотреть снизу. Почти минуту длилась немая сцена. Потом Нил отпустил ее подбородок, шумно вздохнул и сказал:

– Жаль, ты не слишком красива! – На сей раз губы Королевы слегка шевельнулись. – Но, – продолжал Нил, – ты – настоящая женщина! Я тебя беру!

Потрясенное молчание было ему ответом. Каждый знал, что означают эти слова в устах Хаора (а теперь, после его бесцеремонного поведения, никто не сомневался, что он – Хаор).

Телохранители взялись за мечи. Их долг – защищать Королеву! Пусть даже от самого бога.

Властительница Шугра побледнела и отступила назад.

– Ты... не хочешь? – такое изумление слышалось в голосе великана, что урнгурцы опешили.

– Не хочу! – Голос женщины был достаточно тверд.

– Ты – Королева! – с удовольствием заключил назвавшийся богом и будто только сейчас заметил обнаженное оружие. – О! – произнес он. – Салют! – И шагнул вперед.

Тотчас три воина заступили ему дорогу. Острия мечей уперлись в широкую, ничем не защищенную грудь.

– О! – только и произнес великан. А потом захохотал: – Ну же, ударь меня, храбрец! – приказал он одному из воинов.

Смутное лицо урнгурца стало серым.

– Бей! – раздался окрик Королевы за его спиной.

Чисто рефлекторно воин нанес удар.

Нил осклабился.

– Ну, сынок, попробуй еще раз!

Меч выпал из ослабевшей руки воина.

– Я – Хаор! – вдруг взревел Нил с такой силой, что листья на деревьях затрепетали. – Хаор!!! – Он смахнул со своего пути телохранителей, как кугурр смахивает ящерицу, навис над Королевой, подобно башне. – Я – Хаор! – проревел он прямо в ее побледневшее лицо.

– А я – Королева Урнгуга! – храбро отвечала женщина.

Она поверила, что великан, стоящий перед ней, – тот, кем назвался. Не потому, что мечи отскакивали от него, – потому, что вся ее магия, вся ее личная сила отражалась от его сознания, как поток воды разбивается о скалу, как тростниковый дротик отскакивает от крепостной стены. Поверила потому, что сама ощутила – неуязвим.

Неуязвим – значит, не человек. И не чародей, потому что у чародея множество слабых мест – плата за могущество. Но этот гигант сам был силой. Таким может быть только бог. Он не похож на Хаора, того, какого она знала. Ну и что? Воплощенный в тело, бог должен изменить свой облик. Пусть так. Но Королевы Урнгуга, уважая бога, соединяясь с ним, никогда не становились его рабынями. Они, Женщины Урнгуга, не склоняются перед мужчиной. Даже если он – бог.

– Убей меня, если можешь! – сказала она.

– Зачем? – возразил Нил. – Пока я таков, каков я есть, – он взял ее руку и положил на свою грудь, – тело твоё и душа да будут едины. Я получу все!

– Нет! – сказала Королева.

– Да! – настаивал Нил.

– Нет!

И Нил вынужден был отступить. Перед женщиной. Впервые в жизни.

– Мои слуги! – произнес он, оборачиваясь к Биорку и Эрду.

– Их примут как подобает! – произнесла в ответ Властительница Шугра. – Как и тебя!

Нил кивнул.

– Ты – Королева! – сказал он.

Свита и телохранители облегченно вздохнули: двое столкнулись... и поладили.

Но имелся еще и третий. И он не заставил себя ждать.

– Где тот, кто именует себя богом? – раздался голос, усиленный стенами входной арки. – Тот, кто называет себя моим богом?

Нил медленно повернулся. Ну конечно! Ди Гон, сирхар Урнгура, маг и Верховный жрец.

Две воли столкнулись и отразились.

Эрд был удивлен: сирхар, Друг Богов, повелитель демонов, оказался низкорослым и некрасивым пожилым мужчиной явно аркидского²³ происхождения, с туфлеподобным подбородком, длинными руками и горящими, как угольки, злобными глазками.

Сирхар быстро приблизился к Нилу.

– Ты? Ты – бог? – еще раз повторил он.

И выхватил Хлыст. Он сделал это стремительно, но, прежде чем вспыхнуло голубое, всежигающее пламя, прежде чем урнгрия смогли убедиться, что великану ничто не может причинить вред, или прежде чем тело Нила обратилось бы в пепел, за спиной Ди Гона возник Биорк, и сирхар Урнгура, выронив Хлыст, рухнул ничком на камни.

– Раб! – презрительно бросил Нил. – Тебе испытывать меня?

Ди Гон пошевелинулся. Биорк не убил его: убить мага не так-то легко.

Колдун пришел в себя, но не поднялся, остался лежать лицом вниз у ног Нила.

– Прости меня, повелитель! – простонал он. – Прости!

– Встань! – велел Нил.

И, когда Ди Гон поднялся, приказал Биорку:

– Поддай ему его жезл!

Неуловимая тень мелькнула на лице сирхара, когда в его руках снова оказалось могучее оружие. Но он только опустил Хлыст в чехол на поясе.

– Возвращайся в свой дом! – приказал ему великан. – Я пришлю за тобой, когда ты мне понадобишься!

Ди Гон поклонился низко, повернулся и, пошатываясь, ушел.

Сцена эта подняла Нила в глазах урнгрия на поднебесную высоту. У урнгрия, но не у Королевы. Ей-то хорошо были известны сила и слабость Ди Гона. И цена его смирения – тоже. Обойдись так с ее сирхаром обычный человек, ему не прожить и минуты. Но Нила она полагала богом и с иронией подумала о том, как колдун будет грызть пальцы и шипеть от злобы. Ди Гон – превосходный сирхар. И прекрасный посредник в ее соединении с богом. Впрочем, в последнем теперь нет нужды, раз Хаор здесь. Хаор ли? Что-то внутри Королевы никак не могло объединить беловолосого великана с огненноруким Хаором!

Но иголочку сомнения Королева загнала внутрь. Из гордости. Кто из ее предшественниц удостоивался принять у себя бога?

Властительница еще раз взглянула на великана: для Воплощенного Бога он не слишком красив. Хотя, к чему богу красота? И в нем есть то, что начисто отсутствует у мужчин Урнгура! В этот момент Королева пожалела, что дала отпор притязаниям Нила. Впрочем, он – бог. Боги умеют добиваться своего!

– Как мне именовать тебя? – спросила она.

– Зови меня попросту, – ответил Нил, – «мой господин».

Королева улыбнулась:

– Хорошо, мой господин! Тебе отведут лучшие покои. Велишь подать тебе пищу, или ты как бог в ней не нуждаешься?

– Не нуждаюсь, – важно сказал Нил. – Но хочу испытать все радости людей. Пусть мне подадут все лучшее и в количестве достаточном!

– Не сомневайся, мой господин! – Диадема Королевы Урнгура слегка качнулась.

И покои, и поданная Нилу еда были выше всяких похвал. После трапезы Нил-Хаор

²³ Аркида (или Аркис) – одна из трех частей Северной Империи, юго-западная. Две другие: Хольд (север) и Тайдуан (юго-восток).

выгнал слуг и велел позвать Эрда с вагаром. Те явились.

Сытый, довольный, Нил пребывал в благодушном настроении. Он размышлял о том, как поступить с сирхаром: оставить в прежнем качестве, сместить, изгнать из страны или попросту убить.

Эрд, сторонник активных действий, рекомендовал отправиться в Дом Сирхара и взять чародея за адамово яблоко.

Осторожный Биорк предлагал выждать. Он сильно сомневался, что маг, столько лет заправлявший в Урнгуре, сдастся после единственного тычка и громкого окрика. Нил совершенно напрасно вернул ему Хлыст. Как бы ему, Нилу, не пришлось испробовать Хлыст на себе.

– Нет! – заявил Нил безапелляционно. – Дар богов посильней магических игрушек. Но ты, отец, прав: пусть колдун придет сюда. Не подобает Господину бегать за своим жрецом!

Приняв решение, Нил тут же послал за Ди Гоном.

Поспешность, с которой тот явился, говорила в пользу Верховного Жреца.

Нил, развалившись на горе мягчайших подушек, взирал на чародея с высокомерием настоящего бога. Но первые же слова, которые произнес Ди Гон, заставили друзей великана подскочить.

– Я знаю, кто ты! – произнес сирхар на безукоризненном хольдском.

– Не сомневаюсь, – невозмутимо произнес Нил на урнгрия. – Я понимаю язык твоего народа, но говорить буду на языке моего, раб!

Ди Гон сделал несколько шагов по блестящей поверхности розовых кварцевых пластинок, которыми был покрыт пол.

– Насколько мне известно, в тебе не больше урнгурского, чем во мне! Не представляю, как рунский маг второй ступени мог так быстро выучить урнгрия. Я знаю тебя, Нил Биоркит, Неуязвимый, из Вождей Хольда, сын вагара, – поклон в сторону Биорка.

– Да? – произнес Нил так же спокойно. – И что же?

– Месть Хаора настигнет тебя!

– Посмотрим!

– Откуда ты знаешь, кто он? – воскликнул Эрд.

– Я – маг! – процедил Ди Гон, не сводя глаз с великана. – И мне, Эрд Асенар, известны имена всех вас! Всех четверых! Даже имя фьель! И я знаю, что нужно вам в Западном Краю! – Маг, сделав паузу, обвел взглядом трех воинов. На лице Эрда отразилась буря переполнявших его чувств. Но, глядя на Нила и Биорка, можно было подумать: сказанное не имеет для них ни малейшего значения.

– Что же нам нужно? – мягко спросил Нил.

– Демон! – выдохнул колдун.

– Ты служишь ему? – осведомился Нил. В серых глазах его вспыхнул и угас огонек.

– Я? – Ди Гон засмеялся. Это был неприятный смех. – Я говорю с ним! Когда пожелаю!

– Ты можешь сделать так, чтобы мы встретились? – спросил сын вагара.

– Могу! Но захочу ли?

– Захочешь! – пообещал Нил, и глаза его снова блеснули. – Я тоже знаю кое-что о тебе, Ди Гон, Темная Ладонь, Катышок, трусливый беглец и пожиратель гнилого мяса!

Злобная гримаса исказила лицо Ди Гона.

– Ты!.. – Он схватился за Хлыст.

– Валяй! – поощрил его Нил. – Ты знаешь, кто я! Валяй!

Но Ди Гон уже справился с гневом.

– Не дразни меня! – сказал он спокойно. – Я устрою тебе встречу с тем, кого ты ищешь! И тебе не придется блуждать по горам: я позову его сюда, в свой дом. Но...

– Ты можешь смело говорить, что желаешь, Ди Гон! – с важностью произнес Нил. – Твоя заслуга будет велика!

– Для начала я хочу, чтобы ты извинился, Нил Биоркит!

– Годится. Сразу, как только закончу с демоном! – быстро сказал Нил.

– Ты должен покинуть Урнгур!

– Будет так. Это все?

– Да!

– Когда я увижу демона?

– Ты увидишь его. Скоро!

– Вот и славно! – Нил отправил в рот очищенный плод. – Нам это сохранит время, а тебе, Ди Гон, – кое-что большее. Но я спросил: когда?

– Хоть сейчас! – Сирхар с вызовом посмотрел на сына вагара.

– Ну зачем же сейчас? – лениво сказал Нил. – Я недавно поел, а демоны не способствуют пищеварению. Вызови его завтра. Скажем, к полудню. Сумеешь?

– Я сказал.

– Вот и хорошо! И где же?

– В моей башне!

– Что ж, мне все равно! Известишь меня, когда будешь готов!

– Извещу! – Ди Гон не скрывал радости, и это очень не понравилось Биорку. – Приходи сам, бери своих друзей, кого пожелаешь, Неуязвимый!

– Разумеется. Можешь идти.

– Я ему не верю! – сказал Биорк, когда Ди Гон покинул комнату.

– И я, – согласился Нил. – Но допускаю, что он знает заклятие, властное над тем, кого мы должны уничтожить. Я пойду один. Пока я не нарушил условия, ни демон, ни человек, ни сам его владыка Хаор, если он существует, в чем я сомневаюсь, не смогут причинить мне вреда!

– Я пойду с тобой! – решил Биорк. – Даже Неуязвимого можно уязвить, в этом я уверен! И не пытайся возражать!

– Ты – мой отец! – сказал Нил. – Как я могу тебе возражать?

Изумленный Эрд переводил взгляд с одного на другого.

– О чем вы говорите? – воскликнул он.

– Я расскажу! – сказал вагар.

– Почему нет? – отозвался Нил. – Давно следовало ему рассказать! Это и его дело! Нил налил вина себе и друзьям. Биорк отпил и начал говорить.

– Два года назад нас постиг гнев Потрясателя Тверди. Верней, мы так полагали, потому что земля Империи стала содрогаться там, где прежде и не слыхали о землетрясениях. Владыки обратились к провидцу Потрясателя Тверди, и тот дал ответ: «Я не гневаюсь».

– На редкость четкий ответ для Оракула! – заметил Нил.

– Владыки успокоились! – продолжил вагар. – Владыки, но не земля. Толчки продолжались и стали сильнее. Выяснилось также, что не только Северный материк, но и Красная Земля подвержена им.

Тогда, дождавшись положенного срока, вновь спросили провидца. Ответ был: «Ищи в сердце Закатных гор!»

Мудрые думали и решили: сие – дело Алчущих Силы. Но и лучшим из магов не удалось отыскать след, а сила толчков нарастала.

Подошел положенный срок, и спросили Повелителя Судеб: «Не темные ли маги беспокоят твердь?»

Ответ был: «Нет!» И еще сказал от себя Провидец: бог разгневан.

А потом пришел в Руну Трой-Странник и привел воина.

«Вот, – сказал, – один из тех, кто исполнит!»

Этим воином был Нил.

– Трой пришел ко мне, – сказал великан. – И убедил меня, что Священный Поиск важнее безопасности границ Империи. Ему не пришлось убеждать долго.

– Почему? – спросил Эрд.

– Три ночи подряд мне снился странный сон: некто, облеченный Силой, приходил ко мне и говорил: «Иди в Руну, Неуязвимый!»

И Трой объяснил мой сон так: раз в тысячелетие или еще реже силы Мира приходят в движение, и властные боги не могут вмешаться в него до тех пор, пока не иссякнет поток и не восстановится распределение сил. До тех пор только равный может выступить против равного: человек против человека, маг – против демона, Великий Маг – против Великого Мага. Боги же – только против богов. Так более слабый обретает над сильным власть. Но боги ревнивы. Они не ждут, пока иссякнет поток. Они борются, и это – благо для людей. Раз в тысячелетие выбирают одного из смертных для особого Дара. Ничто в мире: ни волшебство, ни металл, ни огонь, ни камень – не могут принести вреда одаренному. А когда он сделает то, для чего избран, то сам становится богом. Так сказал мне Трой. Но есть одно условие. Если нарушишь его – Дар исчезнет. На год, на десять лет или навсегда уйдет к другому. Так он сказал.

- А какое условие? – спросил Эрд.
- Не убивай! – сказал Биорк.
- О! – только и смог вымолвить светлорожденный.
- Да уж! – согласился Биорк. – Непростое условие для воина.
- Я поверил! – сказал Нил. – И пошел с ним в Руну, учился там, пока не настал срок.
- Нелегко тебе, вождь, было сидеть бок о бок с юнцами! – заметил Эрд.
- Он не учился с юнцами, – сказал Биорк. – Его учили отдельно. Когда пришел срок, пошли к Провидцу и спросили: кто пойдет с Неуязвимым? И Провидец назвал имя.
- Кого же? – поинтересовался Эрд.
- Тебя!
- Меня?! – воскликнул Эрд. – Но...
- Твое имя было названо! – Нил похлопал светлорожденного по спине. – Твое, и больше ничье. Когда богов цепляют за живое, они сразу перестают темнить!
- Вот это верно, – согласился Биорк. – Ты бы послушал, светлейший, что плела его мать, – он кивнул на Нила, – когда ее спрашивали...
- Постойте! – перебил Эрд. – Меня? А как же ты, как же Этая?
- Нил захохотал.
- Нас Провидец не назвал. Мы присоединились сами, – ответил Биорк.
- Видишь, какая ты важная персона! – заметил Нил.
- Вы могли бы мне сказать! – Эрд немного обиделся.
- Трой посоветовал не посвящать тебя в подробности. Он сказал: ты должен считать себя главным, иначе не пойдешь, – пояснил Биорк.
- И он был прав, клянусь мошонкой нашего Хаора! – заявил Нил. – Ты вспомни, светлейший, каким ты был там, в Империи? Я не прав?
- Прав, – нехотя согласился Эрд.
- Зато теперь ты знаешь! – заключил Биорк. – Вернее, знаешь почти столько же, сколько и мы.
- О том, что оракул посулил Эрду смерть, вагар умолчал.
- Ты поешь, светлейший! – проговорил Нил, отправляя себе в рот огромную порцию фруктового салата с орехами. – Поешь! Это успокаивает!

* * *

– Позволь, мой Санти, подарить тебе одну вещь? – сказала Ронзангтондамени.

Они сидели вдвоем на толстых подушках, брошенных на пол беседки в саду, что рос во внутреннем дворе шугрского дома Генани. Прозрачный ручеек струился по мраморному желобу, разделяя беседку пополам. Запах воды смешивался с запахом унгурических цветов, не таким сильным, приторно-сладким, как в Конге, а тонким и свежим, приносимым теплым ветерком с овальных клумб, поднятых над нежно-зелеными мраморными плитами, которыми был выложен дворик.

Ронзангтондамени вынула крохотную шкатулку из черного хурического дерева и

открыла ее. Внутри Санти увидел перстень. Обрамленный филигранью из светлого металла, похожего на серебро, в центре его пламенел огненный яхонт в окружении шести небольших звездчатых сапфиров. Ронзангтондамени надела его на средний палец правой руки Санти. Перстень пришелся впору, и женщина счастливо улыбнулась.

– Он очень старый! – сказала она. – По преданию, носить этот перстень должен мужчина, потому ни я, ни мать моя, ни мать моей матери никогда не надевали его. Но мужчине он хорош! Мать говорила: он избавляет сердце от лжи, а тело – от болезней.

– Что это за металл? – спросил Санти, разглядывая перстень.

– Не знаю. Но он тверже серебра и совсем не потемнел. Хотя кольцу не меньше пятисот лет!

– Такой древний? Благодарю тебя! – Санти не смотрел на перстень, но чувствовал его на пальце.

Глаза Женщины Гнона засияли ярче сапфиров.

– Я рада, Санти! Пусть он поможет тебе! Хочешь еще винограда?

Ронзангтондамени хлопнула в ладоши, появился слуга. Но, прежде чем она отдала ему распоряжение, слуга поклонился и произнес:

– Посланец от Королевы, госпожа!

Ронзангтондамени нахмурилась.

– Что ей надо? – сказала она Санти по-конгайски. И слуге на урнгрия: – Пусть войдет! Но прежде принеси мне еще винограда! – И указала на опустевшую вазу.

Приказание было выполнено в точности. Сначала была принесена ваза с синими тяжелыми гроздьями, а посланец был впущен лишь пять минут спустя.

Он вошел и устоял на Санти. Щедростью Ронзангтондамени юноша больше походил на принца, чем на сына фарангского зодчего. В белой с голубым рубаше из плотного шелка, в свободных панталонах и черных, с бисерной вышивкой сапожках из тонкой кожи, с драгоценным перстнем на пальце, алмазной булавкой, скалывающей ворот рубашки, с волнистыми мягкими волосами, удерживаемыми дорогим обручем с затейливой инкрустацией... Санти не мог отказаться от подарков, потому что его собственная одежда превратилась в лохмотья. Но предпочел бы более скромный наряд: неудобно пользоваться щедростью, ничего не давая взамен. Однако отказываться от подарков Ронзангтондамени было бы жестоко.

Женщина Гнона с неудовольствием поглядела на засмотревшегося посланца.

– Говори, скороход! – резко бросила она. – Или ты уснул?

Посланец моргнул, повернулся к ней:

– Госпожа и Женщина Урнгура, Повелительница Шугра, Ее Величие Королева приглашает тебя, Ронзангтондамени, Женщина Гнона, госпожа и сестра, присутствовать на пиру в честь величайшего над великими, Бога, Владыки и Судии, Могучего, Доброго, Восставшего над богами и светилами, Хаора Всесокрушающего, сегодня, после захода солнца!

Посланец отбарабанил все единым духом и замолк.

– Приду! – Ронзангтондамени вынула из кошелька серебряную монету и бросила скороходу. Тот поймал монету, поклонился и вышел.

– Пир? – спросил Санти. – Это интересно?

– Много еды, немного музыки и совсем мало удовольствия! – ответила Женщина Гнона. – Но Королевский Дворец стоит посмотреть! Если ты хочешь, я возьму тебя с собой.

Ронзангтондамени и хотелось, чтобы юноша сказал «да», и не хотелось этого. Зная Королеву, Приближенных ее, да и прочих Женщин, она справедливо опасалась, что Санти покажется привлекательным не только ей одной. Кроме того, он был чужеземцем, а закон запрещал Женщинам Урнгура приближать к себе чужеземцев. Но ведь покупает же сирхар девушек! Почему тогда ей нельзя? Разве это не одно и то же?

Ронзангтондамени отлично понимала: нет, не одно и то же. Но в конце концов законы даны Хаором. И Хаором назвала Королева великана-пришельца. Хаор он или нет, но он –

приятель ее Санти. Пусть-ка Королева распутает этот узелок!

– Да! – сказал Санти.

Он хотел посоветоваться с фьель, прежде чем ответить, но сознание Этайи было в этот момент далеко от Урнгура.

– Да! – Санти хотелось не столько взглянуть на Дворец Королевы, сколько увидеть друзей.

* * *

Два бронзовых дракона, набив животы рыбой, дремали, разбросав по теплым камням обвисшие крылья. В лучах полуденного солнца их чешуя отливала золотом. Вытянутые головы с загибающимися вперед рогами и мощными челюстями покоились на отполированном водой и ветрами камне. Перламутровые веки закрывали выпуклые глаза, а в приоткрытых пастьях, между колоссальными клыками, способными насквозь прокусить взрослого парда, копошились, выискивая остатки пищи, шустрые пятнистые крабики. На крыле одного из драконов, положив руки под голову и прикрыв лицо от солнца краем плаща, спал маг. Устрашающая голова дракона покоилась в локте от мага и длиной превосходила человеческий торс. На мгновение Гестиону стало страшно: шевельнется дракон во сне, щелкнет пастью – и конец! Но то были детские страхи. Мальчик отлично знал: драконы не нападают на людей. Даже во сне. А даже если бы и нападали – нет такого зверя, что осмелился бы причинить вред Учителю!

«Один из этих двух – для меня! – с восторгом вспомнил Гестион. – Завтра я полечу на нем, один! Завтра утром, когда взойдет солнце, я поведу дракона! Интересно, какой из них мой?»

Но оба зверя были совершенно одинаковы. Даже мысли у них были неотличимы.

Волны с ворчанием взбегали на галечный пляж. В четверти мили от берега цепь острых, как клыки, скал перегораживала вход в бухту. Идущие с моря валы разбивались о них, взметывая вверх белые искристые фонтаны. В самой бухте вода была спокойна. Гестион вздохнул. Спина затекла. Солнце жгло непокрытую голову. Очень хотелось встать, сделать десяток шагов и, оттолкнувшись, прыгнуть в прохладную воду.

Но тень от воткнутой в гальку палочки еще не достигла отметки, сделанной магом. По меньшей мере еще полчаса сидеть Гестиону под палящим солнцем и следить за тем, как приходят мысли в его раскаленную голову и уходят из нее.

«Когда мысли уйдут все, – сказал маг, – твой урок выполнен. Если же у тебя не получится, жди, пока тень достигнет отметки».

Вдалеке, у самого горизонта, белел парус попавшего в штиль корабля. Гестион затосковал по прохладной келье, что была у него в Руне.

«Эта тень почти не движется», – подумал он и провел языком по шершавым губам.

Гестион следил за мыслями, смотрел на набегающие волны, которые заворачивались белыми кружевными воротничками, а потом сползали, шипя и пузырясь, по темным круглым камням. Он пропустил момент, когда вода стала подниматься, достигла его ног, поднялась еще выше, зеленая, прохладная... Гестион перестал чувствовать жару, окунулся с головой, приподнялся и повис, как поплавоч. Вода, сомкнувшись над макушкой, затопила небо с редкими пушинками облаков, затопила солнце, затопила каменные острые пики за спиной...

Когда Гестион очнулся, была ночь. Мальчик лежал на шерстяном, пахнущем дымом одеяле. Рядом горел костер.

У костра на корточках сидел маг и подбрасывал в огонь куски плавника. Поставленный на камни котелок бормотал сердито, с шипением, окутывался паром, когда бурлящая жидкость переплескивалась через край. Ветер принес аппетитный запах похлебки, и живот напомнил Гестиону о себе. Мальчик приподнялся, и Учитель, услышав, спросил:

– Есть хочешь? – Черный камень над его лбом отражал красные языки пламени. –

Сейчас будет готово. Беги за ложкой!

Гестион встал, чувствуя легкость в теле и некую отстраненность, какая бывает, если видишь картины, навеянные пением скадда.

Строго по очереди Гестион и маг погружали ложки в котелок, причем каждый старался оставить другому лучшие куски. Когда с похлебкой было покончено, маг, облизнув свою круглую серебряную ложку, спрятал ее в карман куртки. В этот момент он меньше всего походил на мага, скорее – на крестьянина или рыбака, которому пришлось заночевать вне дома.

Учитель повернулся и обратил на Гестиона сосредоточенный взгляд зеленоватых глаз, глубоко упрятанных в темные впадины глазниц.

– Я доволен тобой! – сказал он. – Сегодня ты расковал первое звено своей цепи.

– А... – смущенно пробормотал Гестион. – Но я ничего не помню, Учитель!

– Вспомнишь! – уверенно сказал маг. – Это совсем маленькое звено, мальчик. Но очень важное!

– А что дальше? – Внутри у Гестиона все ликовало от похвалы.

– Дальше не спеши! – отрезал маг. И замолк.

Пахло морем и сладким дымом догорающего костра. И травяным настоем, который они прихлебывали маленькими глотками из деревянных чаш. Над спокойным морем полыхали зарницы. Иногда тишину нарушал протяжный свист: вздыхал дракон. Звери все еще спали на камнях наверху. Они будут спать до восхода. Ветер усилился. Он был теплым и соленым и сдул пепел с потускневших углей. Костер вспыхнул и озарил худое загорелое лицо мага.

– Учитель! – решился спросить Гестион. – Это твой остров?

– Мой.

– И у тебя есть здесь дом?

– Есть.

– Отчего же мы здесь, Учитель?

– Ты хочешь под крышу?

– Нет, нет!

– Ты станешь магом, Гестион. А дом мага – он сам. Привыкай. Ночь длинна.

– Так что же, мы совсем не будем спать, Учитель?

– Нет.

– Но ты сказал: завтра мы летим к Закатным горам. И будем сражаться!

– Я не сказал «сражаться». Разве ты хочешь спать? Сиди и слушай, как светят звезды. Ты и так много спишь, мальчик. Магу некогда спать, если он учится.

– Ты учишься, Учитель? – удивился Гестион.

– Всегда. Молчи. Время уходит, а у тебя всего одна жизнь.

– А у тебя, Учитель?

– У меня – нет. А теперь закрой свой рот, мальчик, или я отвезу тебя в Руну и возьму другого несмышлениша.

Гестион испуганно замолчал, а волны продолжали катиться и катиться, как делали это века и века. И они были древней, много древней Троя-Странника.

Х

«Некий маг нашел древний, времен Махд-Шагош, талисман. Правило возничего крылатой колесницы. Но колесницы у него не было, поскольку в нынешнее время никто из нас не знает даже, как они выглядели. Зато по ночам сиял талисман необычайно, а в холодное время, если сунуть его за пазуху, то тепло. И был маг весьма доволен».

Фахри Праведный Эдзамский. Происхождение магов и божественная сила волшебства

От дома Ронзангтондамени до Дворца – три минуты пешком. Но этикет требовал, чтобы подъехала Женщина Гнона в карете или на колеснице в сопровождении свиты, и протрубил ее глашатай, возвестив:

– Женщина Гнона приехала!

А Королевская Привратница, склонившись, произнесет:

– Королева ждет тебя, Женщина Гнона!

Только тогда возникший свистнул, упряжные псы натянули постромки, и карета, въехав в арку, прокатилась по парковой аллее и остановилась в положенном месте рядом с другими. Выйдя из кареты, Ронзангтондамени отпустила всех, кроме трех избранных мужей. Если бы не этикет, она отослала бы и мужей, взяв одного Санти.

Впятером они проследовали ко входу во Дворец.

Санти впервые увидел Королеву Урнгура. И удивился, как она похожа, и внешностью, и одеянием, на Ронзангтондамени.

«Может быть, все Женщины Урнгура похожи?» – подумал юноша.

Скоро у него появилась возможность убедиться в правильности своего предположения.

Королева обняла Ронзангтондамени.

– Здравствуй, Гилли, сестра! – сказала Женщина Гнона.

– Здравствуй, Генани, сестра! – ответила Королева.

На мужчин она не обратила внимания.

Генани вошла во Дворец. Слуга в цветах Королевы, желтое и золотое с коричневым, часто кланяясь, провел гостей в пиршественную залу. После дворца сохогои пиршественная не показалась Санти очень большой. Но была светла и убрана отнюдь не бедно. Столы, пересекавшие ее длинными рядами, были застелены скатертями, вытканными так, что не уступили бы гобелену. Еду еще не подали, но большая часть гостей уже появилась. На возвышении у дальнего конца самого длинного из столов Санти увидел трон из темно-коричневого дерева с золотыми украшениями. На троне же – знакомую фигуру. Впрочем, знакомой она показалась ему не сразу. Санти привык видеть Нила в трико и распахнутой на груди кожаной куртке, с непокрытой головой. Теперь же облачение великана было совершенно другим. Могучую грудь плотно облегал кольчуга, золоченая, отличной работы, с вычерненным в центре силуэтом горы. Плащ-мантия из коричневой парчи с золотой каймой тяжелыми складками спускалась к подножию трона. Волосы, тщательно завитые, заправлены за уши. Открытый шлем, легкий, церемониальный, венчал крупную голову Нила и сам венчался золотым драконом, раскинувшим треугольные крылья над плечами великана. Мраморно-белое лицо Нила было неподвижно. Брови вычернены. Отросшая светлая борода делала лицо еще больше. Вид у гиганта был потрясающий. Если бы Санти пожелал представить себе грозного бога, он представил бы его именно таким. Эрд и Биорк занимали места на ступенях подножия трона. Светлорожденный по-прежнему великолепен, но красота его – красота медовницы рядом с парящим драконом, Нилом.

Биорк сделал Санти предупреждающий жест. Но юноша и сам догадался: знакомство с ними демонстрировать не следует. Он – гость Ронзангтондамени.

– Трон королевы ему маловат! – тихо сказала Генани.

– Королевы?

– Да! Интересно, куда сядет она сама? Если на место своих мужчин, я улыбнусь!

Санти увидел других Женщин Селений. Величественные и самоуверенные, они расхаживали между столами в сопровождении мужей. Наряд их отличался от одежды Ронзангтондамени только расцветкой и украшениями. Кое с кем Женщина Гнона обнималась, с другими – ограничивалась приветствиями, а третьих – не замечала.

Кроме Женщин Селений в зале были и другие, без мужской свиты и с несколько менее надменными лицами. На них были цвета Королевы.

– Они – Приближенные! – ответила Ронзангтондамени на вопрос Санти.

Вошел Ди Гон. Один. Но одна из Приближенных тотчас подошла к сирхару. Маленькая, много меньше ростом, чем другие Женщины Урнгура. Хотя лицо ее и фигура,

пожалуй, были привлекательней, чем у большинства других. На взгляд Санти.

Ди Гон небрежно коснулся ее щеки и двинулся к Нилу.

– Приветствую тебя, Повелитель! – произнес он, преклонив колено, но совершенно равнодушным голосом.

Царственный облик Нила не произвел на Ди Гона впечатления: мага не волнует то, что снаружи.

Веки Нила опустились и вновь поднялись: бог заметил жреца.

Сирхар встал и неторопливо двинулся к своему месту, во главе одного из столов. К огорчению Санти, юноше было указано сесть отдельно от Ангнани, вместе с ее мужьями. Женщины селений разместились за королевским столом, который на этот раз возглавил Нил.

К противоположному его концу поставили еще один трон. Когда последняя из Женщин заняла свое место, вошла Королева и опустилась на этот трон, высотой не уступающий тому, на котором восседал Нил. Вокруг Королевы расположились ее мужья. Присутствующие в зале вели себя совершенно свободно. Переговаривались, вставали. Относительный порядок был лишь за королевским столом. Шум постепенно стихал.

Дюжина слуг внесла на гигантском блюде быка. Мохнатый урнгурский бугаек, с грозно наклоненной головой, широко расставленными передними ногами и задранным хвостом, выглядел как живой. Санти даже решил поначалу, что бык действительно живой. Его пронесли между столами и после одобрительного кивка Королевы очень быстро разделали. Запеченный целиком бык был нафарширован фруктами, жареными с пряностями в бараньем сале. Нилу на серебряном блюде поднесли мозг. Санти получил солидный кусок грудинки, спрыснутый огненным соусом. Кубок его наполнили вином. Никто не говорил, слышалось лишь лязганье ножей и звук работающих челюстей. Санти с трудом справился с грудинкой, и ему тотчас было предложено еще с десятков блюд. Юноша выбрал овощной салат с ломтиками крабового мяса, слоеные пирожки с языком, суп, напоминающий суп из морской черепахи, потом филе незнакомой ему розовой змеи. Он был осторожен в выборе после грудинки под соусом. Большинство блюд были чересчур «горячими» даже для жителя Фаранга. Но ни пирог с речными грибами, ни огромного моллюска, сваренного в вине, ни множества других блюд ему попробовать не удалось. Не поместилось. Не без зависти смотрел юноша на Нила, при общем восхищении поглощавшего неимоверное количество пищи. И он заметил, что многие, в том числе и Королева, перестали есть и с восторгом наблюдают, как одно за другим исчезают в утробе великана изысканные кушанья. Биорк с Эрдом еле успевали подавать их и наполнять вином огромный хрустальный кубок.

Появились музыканты. Жиденский оркестрик из пяти инструментов играл так, что любой фарангский уличный бренчалка обставил бы всех пятерых даже с похмелья. Но когда они, спотыкаясь и сбиваясь с шага, добрались до конца пьески, присутствующие одобрительно зашумели. Санти наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. Когда шум стих, юноша поднял голову и поймал на себе взгляд девушки, подошедшей к Ди Гону до начала пира. Девушка тут же сделала вид, что смотрит на кого-то за спиной юноши, но Санти не обманулся. И сразу ощутил, что девушка такая милая простушка, какой хочет выглядеть. Мысль пришла и ушла, потому что Санти увидел идущую к нему Ангнани.

Женщина Гнона испытывала тревогу. Повод был смешон, но справиться с собой она не могла. Она ревновала Санти к Королеве, она боялась, что его могут отнять. Женщины селений могли брать любого мужчину, который им приглянется, если тот не возражал. А возражали очень немногие. Но лишь – урнгурцев. Одно дело, когда сирхар покупает девушек: у них не должно быть детей. Совершенно иное дело, когда Женщина берет себе чужеземца. Если она родит от него, кровь Урнгура будет осквернена. Скрывать бесполезно. Она потому и решила выставить Санти на всеобщее обозрение, чтобы длинные языки слуг и чуткие уши соглядатаев не опередили ее. Раз показывает – значит, чиста. Гилли уже спросила ее глазами, и Генани ответила «нет». Но Королева чутка. Могла догадаться, что «нет» не по ее воле. Что будь ее воля – и она, Женщина Гнона, охотно родила бы от Санти. И не раз. И плевать ей на чистоту крови! Санти ее не испортит!

И тут ее собственное чутье подсказало ей, что не только Королева интересуется юношей. Кто-то еще... Ронзангтондамени поискала и нашла. И кровь вскипела у нее в жилах: Силгангмакузани, маленькая дрянь! Как смеет она, ничтожная, любовница и наушница сирхара, чужеземца... О Хаор! Чужеземца! И Королева позволяет ей! Своей Приближенной! Как ни странно, Генани успокоилась. Нет худа без добра. Однако ж вдруг эта девка приглянется Санти?

«Тогда я ее задушу!» – мстительно подумала Ронзангтондамени.

А если сирхару не понравится, что его наперсница строит глазки Санти? При мысли о том, что может сделать маг с «теплом ее сердца», кровь прилила к лицу Женщины. Ронзангтондамени встала со своего места.

– Мы уходим! – сказала она, подойдя к юноше.

– Что-то случилось? – спросил Санти.

Во взглядах мужей тоже был вопрос.

«Бедные вы мои! – подумала Генани с нежностью. – Совсем я о вас забыла!»

Но тревога за Санти была сильнее.

– Так надо! – ответила она.

Санти кивнул и поднялся. Встали и мужья. Вместе с ними Женщина Гнона двинулась к выходу.

– Генани! – раздался голос Королевы. – Ты уходишь, Генани? Подойди ко мне!

– Да, Гилли, сестра! – Она согнала с лица тревогу и, успокоив мысли, твердым шагом подошла к Королеве.

Повелительница Шугра наклонилась к ее уху.

– Не тревожься о мальчике! – шепнула она, и Ронзангтондамени вздрогнула от неожиданности. – Я надеюсь, ты будешь разумна. Скажи мне, Генани, сестра моя, правда ли, что перевал закрыт?

– Да, сестра!

– Что ты скажешь?

– Есть другой перевал, Гилли, сестра!

– Ты знаешь? – удивилась Королева.

– Он выходит на мою землю! – в свою очередь удивилась Ронзангтондамени.

– Что говорят мужчины?

– Перевал труден, но проходим. Так сказали конгаи.

– А этот, Хаор, он пришел с ними?

– Да, сестра! Но они не сказали, где он присоединился к ним.

– Должны сказать!

– Они ушли. Знай, Гилли, сестра, что Кунг пытался его принести. И их тоже, но мой человек отстоял конгаев. Думаю, у Кунга не было приказа, а сам приказать воинам он не решился.

– Мои хогры не подчиняются Кунгу!

– Ты знаешь, кому они подчиняются, Гилли, сестра! Позволь мне идти?

– Нет! Товары, которые привезли конгаи... Не продавай их!

– Девушки уже у сирхара, сестра!

– А остальное?

– У меня. Но я...

– Я понимаю, Генани, что цены возросли. Ты назовешь их. Но продашь только мне, поняла?

– Да, сестра. Я продам их тебе! – И, улыбнувшись: – Лучших условий мне никто не предложит! Я могу идти?

– Да, сестра! Благодарю! Я призову тебя. На днях.

– Буду рада! – Ронзангтондамени поклонилась и, испытывая немалое облегчение, отошла.

Королева интересуется не Санти!

Но если бы Ронзангтондамени заметила взгляд, которым проводил ее сирхар, беспокойство Женщины Гнона утроилось бы. Королеву связывает Закон. И то, что она сестра каждой из Женщин селений. Первая, но не высшая. А Верховного Жреца связывает только Королева. Если захочет. Женщинам Урнгура он ничего не может сделать, но любого мужчину уничтожит одним взглядом. Он сирхар!

«Однако,— вдруг вспомнила Генани.— Есть еще Хаор!»

* * *

- Что скажешь, Черенок?
- Он не слишком похож на конгая, но он конгай, не северянин. И пахнет совсем не так, как они!
- Ты уверена, Черенок?
- Да! Не дави мне грудь! Больно!
- Так лучше?
- О да! Нет, не спеши, я еще не все сказала!
- Говори же, девчонка!
- О! Как ты... Я не могу! Я...
- Терпи! Говори! Мне!
- Она!.. Нет! Что ты делаешь! О-ох! Ты же сказал...
- Говори!
- Эта ведьма... Что-то скрывает!
- Королева?
- О! Сирхар! Нет! Женщина Гнона! Я боюсь ее!
- А ты бойся меня! Так!
- О нет! Ты знаешь! Знаешь! Я не могу! Нет, сирхар! А-а!
- Не кричи!
- А-а-а!
- Не кричи, или я замкну твой рот!
- Да! А-а-а! Все, что хочешь! Лю...
- Не люблю, когда ты кричишь, Черенок! Уходит сила. Твоя сила, которая станет моей!
- А теперь не двигайся! НЕ ДВИГАЙСЯ! Во-о-от!
- Ты довольна?
- ...
- Ах да! Ты довольна?
- Да-а..
- Хорошо. Пока ты моя, можешь не думать о врагах. Мои рабы присматривают за этой бабой. За любой из баб в этой стране. Кроме тебя, Черенок! Тебе приятно?
- Да, мой господин!
- Зови меня «сирхар»! А знаешь, почему около тебя нет шпионов?
- Ты любишь меня, сирхар?
- Нет. За тобой слежу я сам.

* * *

Два усталых бронзовых дракона один за другим опустились на скальный карниз. Под ними, тридцатью локтями ниже, громоздились черные скользкие каменные глыбы в бурой бахроме водорослей. Между ними вяло плескалось море.

— Мы отстаем,— сказал маг, соскальзывая на землю.

— Я совсем не устал! — заверил его Гестион.— Я мог бы лететь хоть всю ночь!

— Драконы устали! Или ты не чувствуешь? — укорил маг.

Мальчик смущенно отвел взгляд.

– Огня разводить не будем,— сказал Учитель.— Не хочу тратить силу, отводя чужие глаза. Ты удовлетворишься холодными лепешками?

– Конечно! Зачем ты спрашиваешь?

– Чтобы ты успокоился. На, ешь. И запей вином, чтоб лучше спалось.

– Спалось? Разве мы сегодня не будем?..

– Нет. А теперь помолчи! Завтра тебе понадобится сила. Не трать ее на болтовню.

Гестион впился зубами в вязкую лепешку, запил ее вином. Звезды Юга горели над ним, как раздуваемые ветром угли. К запахам земли и травы примешивался запах моря и спящих драконов.

«Они так устали, что даже не выкупались! – подумал мальчик.— А я... готов лететь хоть всю ночь!»

Гестиону снова стало стыдно, и он оглянулся на Учителя, но того уже не было. Мальчика на мгновение охватил страх: он остался один! Но потом Гестион вспомнил, кто его Учитель. И успокоился.

«Надо спать! – подумал он, заворачиваясь в одеяло.— Но как уснешь после такого дня? А завтра?»

Внизу мерно плескалось море Зур. Через минуту Гестион уже спал, свернувшись клубком и тихо посвистывая курносый носом.

Снилась ему бронзовая шкура дракона, ритмичные движения мышц под ней и синяя вода далеко внизу.

Разбудили Гестиона солнечные лучи, бьющие прямо в лицо. Он тут же вскочил, отбросив одеяло, и поежился от утренней свежести. Драконов не было. Они улетели в море. Кормиться. Зато маг был здесь. Он протянул мальчику такую же лепешку, что и вчера, и тот же бурдючок с кисловатым вином.

– Завтрак не роскошный,— сказал маг,— но с голоду не умрешь. Может, завтра тебе предложат кое-что получше!

Вернулись драконы. Гестион поймал их мысли: звери были довольны и склонны поспать. Пожалуй, он и сам бы поспал еще часок-другой, но к его ногам упала толстая меховая куртка.

– Это зачем? – спросил Гестион.

– В горах снег лежит даже летом.

– Мы полетим в горы?

– Через горы. В Урнгур.

– О! – пораженно воскликнул Гестион.

– Не робей. Не так страшен демон, каким его рисуют у вас в Руне. Одевайся.

* * *

Когда Нил, Биорк и Эрд подошли к Дому Сирхара, время приближалось к полудню. Полосатая башня-гриб нависала над стоящими у дверей, как готовая рухнуть скала.

Ни стражи, ни привратника. Дверь распахнулась сама, прежде чем рука Биорка коснулась черного металла. Внутри никого: тускло освещенный коридор с лестницей в конце.

Едва они переступили порог, железная дверь с лязгом захлопнулась. Так похоже на захлопнувшуюся ловушку, что Биорк с Эрдом инстинктивно схватились за оружие. Но Нил неторопливо двинулся вперед, и воины пошли за ним.

Лестница с железными ступенями и перилами привела их наверх, в большую комнату с круглым зарешеченным окном, совершенно пустую. В ней – еще одна дверь, которая распахнулась так же, как и входная. За дверью – новая лестница. И еще пустая комната наверху. На сей раз окно овальное и без решетки. И еще лестница. По ощущению вагара, они были уже локтях в сорока над землей. Эта лестница оказалась последней. На сей раз их ждал не каменный ящик, а нормальная, хорошо освещенная комната с обстановкой,

напоминающая жилище обеспеченного жителя Империи. С явно гладиаторской мебелью. Открылась дверь, и из соседнего помещения вышел Ди Гон.

– Ты готов? – спросил его Нил, обойдись без приветствия.

– Да! – сирхар улыбнулся, показав мелкие зубы. – А ты?

– Я спрашиваю! – прорычал Нил, взял колдуна за плечи и легонько встряхнул.

Ди Гон не сделал попытки освободиться. И выражение лица его не изменилось, он только спросил:

– Ты в кольчуге? Боишься?

Нил был одет так же, как на пиру у Королевы. Только без тяжелой мантии и в сапогах с отворотами вместо туфель. Кстати сказать, другой, подобающей, одежды у него не было.

– Я не боюсь! – раздельно произнес великан. Но колдуна выпустил.

– Тогда пойдем! – как ни в чем не бывало произнес Ди Гон, подняв руку. Дверь за его спиной отворилась, и вошли четверо воинов.

Эрд сразу узнал их: не по лицам, по тому, как они двигались – быстрыми рывками.

– Моросы! – шепнул он Биорку.

– Знаю! – ответил вагар.

– Чего ты ждешь? – сказал Нил сирхару. – Идем!

Сирхар вышел, за ним – трое северян, замыкающими – моросы. Хотя светлорожденный предпочел бы видеть «живых мертвецов» впереди.

Сирхар привел всех к подъемнику, закрытой с пяти сторон коробке локтей десять в длину, восемь – в ширину и шесть – в высоту. Едва они вошли внутрь, подъемник заскользил вниз. Двигался он бесшумно, словно волшебная сила приводила его в движение. Но натянутые канаты, закрепленные наверху, которые успел заметить Биорк, говорили об обратном.

Спускаясь, они миновали не менее десятка дверей, и, когда подъемник остановился, по гнетущему ощущению и холодной сырости воздуха Эрд уверился, что они под землей.

Зал, круглая пещера со стенами из туфа, производил мрачное впечатление. Стены местами обожжены и выщерблены. Дверь, в которую они вошли, закрывающаяся четырехугольником из железа в восемь пальцев толщиной, оказалась единственной.

– Ты все еще хочешь встретить демона? – спросил Ди Гон.

Нил, расставив ноги, уперев в бока сжатые кулаки, из-под насупленных бровей озирает почерневшие стены.

– Да! – коротко сказал он.

Колдун отбросил за спину плащ, чтобы освободить руки, отошел от северян, приосанился и вдруг запел:

– Дом, доу, вау!
Вниз по речке плыву!
Золотые цветы соберу!
Дом, доу, вау!
Веночек сплету, сыночку подарю!
Дом, доу, вау!
Будь краше зари!
Слезинки утри!
Со мной поговори!..

У Эрда отвисла челюсть. Он знал эту песенку. Любой из живших в Хольде или Аркисе знал ее. Какому ребенку не пела ее мать? Но здесь, в опаленной пламенем подземной пещере, было чудовищно дико слышать, как хриплый голос Ди Гона выводит знакомые слова.

«Дом, доу, вау!..» – и не с ласковой нежностью, а с властной силой, как боевую песню.

Эрд увидел вздувшиеся желваки на щеках Нила, его сощуренные глаза, предельную

сосредоточенность. И ни одна черточка не шевельнулась на гипсовой маске его лица, когда Ди Гон одним движением выхватил Хлыст и зажег огненный длинный язык.

«Дом, доу вау!» – Плавающий Хлыст описывал кривые в сумраке, распространяя вокруг запах приближающейся грозы.

Слабое сначала, но быстро разгорающееся свечение возникло в противоположном конце зала.

Ди Гон отшатнулся, оборвал песню на полуслове, ошетинился, как кугурр, пригнулся к земле...

Сияющий голубой овоид, покачиваясь, висел в локте от пола. Ди Гон выбросил руку с Хлыстом: пламя мгновенно удлинилось, как язык лягушки, тронуло голубое свечение и отпрянуло назад.

Раздался оглушительный треск, длинная темная полоса пересекла наискось поверхность овоида, и он распался, угас, освободив существо тем более странное, что никто не смог бы предположить у демона подобного обличия.

То был ребенок. Голый розовокожий пухленький малыш. Очаровательный мальчик с рыжими кудряшками и испуганным личиком, лет трех-четырёх от роду. Он стоял, не касаясь пола, и глядел на северян круглыми голубыми глазами. Очень славный мальчуган, совсем как настоящий. Только ростом в десять локтей, под самый потолок.

– Ой! – воскликнул мальчик нежным голоском.

И попытался схватить Ди Гона, который был к нему ближе всех.

– Нельзя! – взвизгнул колдун и ударил Хлыстом по протянутой «ручке».

«Малыш» насупился.

– Больно! – обиженно сказал он и сунул в рот палец, которого коснулся Хлыст.

– Это тот, кто оспаривает могущество Потрясателя Тверди? – с сомнением проговорил Нил.

– Тот, кого ты ищешь! – отрезал колдун. – Сынок, сынок!

– У? – отозвался «малыш», все еще продолжая дуться.

– Поиграем?

Детское личико мгновенно оживилось.

– Да-да-да! Давай в мячики играть! В мячики!

– Давай, сынок! – поддержал Ди Гон.

В «ручке» демона возник огненный шарик, похожий на шаровую молнию.

– Бросай! – закричал Ди Гон. – Туда бросай! – И указал на Нила.

«Малыш» взмахнул рукой, и «мячик», пролетев рядом с головой великана, врезался в стену и рассыпался дождем огненных искр.

– Молодец, сынок! – похвалил Ди Гон. – Поиграй с ним еще!

И прежде чем кто-либо успел что-то сообразить, маг метнулся к двери, выскочил наружу и запер трех северян в пещере вместе с разыгравшимся демоном. Моросы покинули подземный зал еще раньше.

Биорк прыгнул за магом, но опоздал. Дверь, толстая железная плита, отрезала вагару путь.

– Нет! – капризно закричал «ребенок». – Не уходи! Играй! – И запустил в маленького воина огненным шаром. Биорк успел увернуться, огненный шар взорвался слева от него.

– А теперь – тебе! – Еще один шар полетел к Эрд.

– И тебе!

Огненное ядро ударило в грудь Нила. Впрочем, взрыв лишь окутал его пламенем, даже не опалившим волос.

Но Биорк и светлорожденный были беззащитны. Особенно Эрд. Вагар без труда успевал уворачиваться, хотя расшалившийся демон швырял «мячи» один за другим.

– Тебе! И тебе! А вот тебе! – вопил он звонким голоском, посылая им смерть. Лицо «малыша» покраснелось, он подпрыгивал и хлопал в ладоши, залиvisto хохотал. «Ребенок» был счастлив. Эрд и вагар метались по пещере, как пойманные крысы.

Воздух в подземелье нагрелся от взрывов, и пот струился по лицам людей. Только Нил стоял неподвижно, скрестив на груди могучие руки, время от времени окутываясь огненным облаком, когда в него попадал очередной «мяч».

Выбившийся из сил светлорожденный не успел увернуться от очередной шаровой молнии и отбил ее мечом. Шар взорвался, прикоснувшись к клинку Белого Меча, оставив на нем черное с рыжими краями пятно. Рука Эрда онемела. Он больше не чувствовал ни ее, ни рукояти меча. Прижавшись к стене, с лицом, мокрым от пота, с черными отметинами там, куда попали огненные искры, он ждал следующего, последнего, шара. И шар прилетел. Он ударился в стену рядом с головой светлорожденного: Эрд отпрянул, но слишком устал, чтобы уклониться достаточно быстро. Огонь опалил его щеку, волосы на голове вспыхнули, Эрд закричал от боли...

– Попал! Попал! – обрадованно закричал «малыш» и захлопал в ладоши, разбрасывая снопы красных искр. – Лови! Лови!

Боковым зрением Нил увидел, как загорелись волосы и одежда Эрда.

«Все-таки достали тебя, бедолага!» – подумал великан и прыгнул вперед, заслоняя Эрда от демона. Биорк, пользуясь прикрытием Нила, набросил на светлорожденного свою кожаную куртку, погасив пламя, и положил потерявшего сознание Эрда вплотную к стене. Все это время Нил, как игрок в мяч, отражал огненные шары. Демон был в восторге. Он метался по залу с огромной быстротой. «Мячи» летели с убийственной точностью и с каждым разом наращивали скорость.

Биорк тоже устал. Температура в пещере все повышалась. Даже Нилу стало трудно дышать, хотя он мог не уворачиваться, а просто стоять на месте.

– Дверь! – крикнул Биорк. – Пусть он прожжет дверь!

Великан мгновенно сообразил, что от него требуется, и встал рядом с единственным выходом. Но огненный шар, попавший в стальную плиту, даже не взорвался: просто истаял, не оставив на металлической поверхности никакого следа.

Биорк пригнулся к самому полу: здесь воздух еще не обжигал губы.

«Малыш» хохотал, танцевал, болтал не переставая. Он был бы очень забавен, если бы не шаровые молнии, слетающие с его рук.

Прикрыв ладонью лицо, Нил осторожно втягивал раскаленный воздух. Он понимал, что сможет продержаться еще несколько минут, не больше. А Биорк?..

– Этайа! – позвал он. А потом: – Тур! Помоги мне!

Биорк споткнулся и упал на пол. Нил едва успел упасть на отца сверху, прикрыв его от очередного «мяча». Жить им оставалось считанные минуты.

– Играй! Играй! – обиженно закричал демон. – Сейчас же встань и играй!

Он топнул ногой, и пол вздрогнул.

– Играй, или я...

Последнее слово словно сквозь вату проникло в сознание Нила. Огненный шар лопнул над головой, и Нил провалился в беспамятство.

XI

*«Парящий в небе дракон – это конец бедствий.
Или начало их, если размеренна жизнь.
Так пред знаменьем небес все мы глупеем, как в детстве.
Бог говорит: Беги! И мы покорно бежим.
Бог говорит: Умри! Ты нарушил запрет!
И вы умираете, так?
А я – нет!»*

Баянлу из Тайдуана

Санги, откинувшись на изголовник, полулежал в маленьком бассейне, в котором пузырилась горячая, пахнущая сероводородом вода целебного источника. Лопающиеся

шарики приятно покалывали кожу. Рядом плавал поднос-плотик с кувшином охлажденного сока. Юноша поднес ко рту гибкую тростинку и сделал глоток. Прошлым вечером он слишком много съел и выпил тоже немало. Организму нужно было время, чтобы справиться с подобным насилием.

Ронзангтондамени, пришедшая утром в его комнату пожелать счастливого дня, сразу установила причину «недомогания» Санти. Это она буквально заставила юношу принять целебную ванну.

– Я всегда так делаю! – заявила она. – Кроме того, это приятно!

Санти предпочел бы провести лишний час в постели, но Ангнани так уговаривала! Зато теперь он не жалел: вода действительно выпила немощь из тела. Теперь Санти нежился в бассейне и продолжал мысленный разговор с Этайей.

Прошлой ночью фьель наконец рассказала юноше о цели их путешествия. Правда, по обыкновению уточнила, что это касается только Нила и его спутников. И еще она рассказала кое-что о Ниле, и теперь Санти намного лучше понимал северного воина.

«Сначала он мне не понравился», – признался Санти.

«Разве, когда он заговорил с тобой, неприязнь твоя не прошла?»

«Она прошла раньше, Тай! Когда я узнал, что Нил – твой друг».

«Друг – не совсем точное слово. Но я его уважаю».

«Я тоже его уважаю, Тай!»

«Он того стоит. Но, Туон, будущее его печально».

«Почему?»

«Я чувствую, жизнь его скоро оборвется».

«Ты знаешь?»

«Почти наверняка. Пряжа ее истончилась».

«Я не хочу!»

«Я тоже!»

«Что же мы можем сделать, Тай?»

«Линия Судьбы как река. Если она подходит к морю, человеку ее не повернуть».

«Страшно, Тай! Скажи, почему Нил? Боги одарили его. Неужели лишь для того, чтобы погубить?»

«Боги? Они могут многое, но далеко не все. Нил получил Дар. Подарок. То, за что не платят. Если бы он был магом и сам обрел свою силу, то никогда бы не лишился ее. Но мощные крылья дракона лучше крыльев ящерицы-хонги, только когда они у дракона. Нил должен стать драконом, иначе новые крылья его погубят. Это трудно, Туон! Очень трудно! А Нил так беспечен: он разбрасывает свои зерна, которых у него лишь горстка. Зерна падают и приносят спасение. Другим. И с каждым упавшим зернышком пряжа его жизни становится тоньше».

«Я не понимаю, Тай».

«Эрд, наш Эрд, ты помнишь, что говорил о нем Ортран?»

«О том, что он хочет принести себя в жертву ради Империи?»

«Да. Ортран сказал правду. Он не знал настоящей причины, да и кто ее знает из людей? Оракул указал на Эрда: вот тот, чья жизнь уйдет, чтобы облегчить путь Непобедимому. Нить жизни Эрда должна была оборваться. И оборвалась. Но Нил укрепил ее своей собственной, а одна нить – это слишком мало для двоих. Кто-то должен уйти, пока она не оборвалась и не погубила обоих. Нил принял судьбу Эрда и перестал быть Непобедимым, тем, за кого расплачиваются другие. Он теряет Дар и умрет, если...»

«Если что?»

«Если не отдаст Судьбе то, что ей причитается!»

«Я сделаю все, чтобы он не умер!» – решил Санти. И смутился: он и Нил? Даже сравнивать смешно! И все равно...

«Даже краб может поддержать пошатнувшуюся гору! Так говорят у нас в Конге!»

«Ты веришь в это, Туон?»

Санти видел, что фьэль, понимая его чувства, не разделяет их. Она – фьэль.

«Скажи, Тай, а каков он, демон, сотрясающий твердь Мира, словно подлинный бог?»

«Не представляю. Но, думаю, не таков, каким его ждут. Демон редко принимает облик, которого от него ожидают люди. Хотя многие в Руне думают иначе».

«А тот... человек, которого я видел во сне, с обручем, он мог бы помочь...»

«Он может многое, Туон. Трой – величайший из магов. Он так знает нас, что сам стал наполовину фьельном. В пределах Красного и Белого зовут его Странником...»

Появление Ронзангтондамени прервало воспоминания Санти. Женщина Гнона подошла к самому краю бассейна и остановилась. Ее голубую короткую тунику перехватывал узкий серебряный пояс. Гладкая матовая кожа плеч ее была того же бронзового оттенка, что и лицо. Не загар, а врожденный цвет кожи. Многочисленные роды не обезобразили ее фигуры. Она была Женщиной, и Санти ощущал это за десять шагов. Предпочел бы не ощущать.

– Тебе легче? – спросила Ронзангтондамени, наклонясь к нему, отчего ее тяжелая грудь оттянула тонкий шелк туники.

– О да! Спасибо, Ангнани!

Он старался не смотреть на ее тело: на округлые широкие бедра, на большие груди, обрисованные тонким синим шелком. От нее исходил такой призыв, такое желание, что, если бы вода нагрелась еще на несколько градусов, Санти не удивился бы.

– Не будешь возражать, если я присоединюсь к тебе? – Ее гортанный акцент только прибавлял очарования голосу.

– Это твой дом! – ответил юноша. Но, увидев, как помрачнело лицо женщины: – Зачем ты спрашиваешь? Да, я буду рад!

Ангнани вспыхнула улыбкой, как девочка, и принялась быстро расстегивать ремни сандалий. Прежде чем Санти успел бы досчитать до шести, урнгрийка уже разделась и погрузилась в горячую воду. Ее толстые косы с вплетенными золотыми нитями поплыли по поверхности воды.

Бассейн был невелик и неглубок (у бортика не глубже локтя), с губчатым валиком по краю, чтобы удобней было класть голову. Нога Генани коснулась бедра Санти. Юноша удивился тому, что кожа ее была прохладной, много холодней воды.

Некоторое время они молча нежились в пузырящейся воде. Не слишком долго.

– Санти! – позвала женщина.

Он не откликнулся. Сделал вид, что уснул. Никудышная тактика! Ангнани тут же перебралась на его сторону. Ее руки коснулись волос Санти, шеи, груди...

Притворяться больше не имело смысла. Но Санти продолжал лежать с закрытыми глазами. Он мог бы покинуть тело, однако это было бы уж совсем нечестно.

Ангнани провела пальцами по его спине сверху вниз, потом – вверх до лопаток. Она не прикасалась к нему телом, только пальцами и кистями рук, даже не руками, а водой, которую эти руки тревожили.

Санти чувствовал, что ее лицо совсем близко от его глаз, и он не открывал их: боялся увидеть ее. Но не ощущать ее, не вдыхать ее запах он не мог. Ноздри юноши раздувались против его воли, дыхание участилось, а рот приоткрылся. Санти ждал, что Ангнани сейчас прижмется ртом к его губам: кожу его лица оведало сладкое дыхание женщины. Но она не поцеловала Санти. Чуткие руки припали к животу юноши, лаская его. Санти судорожно втянул воздух, тело его напряглось...

Вода толчками двигалась вниз. Ласковые кисти тоже поплыли вниз, качнули воду над его чреслами. И ушли к коленям. Санти шевельнул ногой и дотронулся до мягкой груди, тут же отстранившейся. Руки Ангнани массировали его икры. Он чувствовал их силу. От каждого сжатия по телу взбегала горячая волна...

«Она меня очаровывает! – подумал Санти. Ум его был в панике, хотя тело таяло от наслаждения. – Она меня очаровывает! Этайа! Тай!»

«Ты встревожен?» – пришел отклик. И, уловив иронию, Санти в отчаянии взмолился (только умом): «Она околдовывает меня! Тай, помоги!»

«Ты – и боишься?» – теперь фьель просто смеялась. Неужели она его бросит?
«Тай!»
«Чего же ты испугался?»
«Она лишит меня воли!»
«Тело! Только тело!»
Вновь Санти понял, что фьель дразнит его: «Оставь тело – и ты свободен, не так?»
Какое предательство!
«Тай!»
«Я с тобой, мой Санти!»
«Я люблю тебя, Тай! Помоги мне!»
И вдруг мысль, острая, ясная, страшная, как удар из тьмы, пронзила все его существо.
Он выпрыгнул из воды единым стремительным броском.
Изумленная Генани тоже поднялась на ноги. По ее большому телу стекала вода. Она, ничего не понимая, смотрела на напрягшегося, как струна, юношу.
Глаза Санти расширились и наполнились ужасом. Генани поняла, что ее он не видит.
«Бог мой! Что же он увидел?» – подумала женщина, и ее пробрала дрожь.
Санти запрокинул голову, руки его сжались в кулаки.
– Нил! – закричал он. – Нил!!!

* * *

Нил, очнувшись, поднял голову.
Демона не было.
Воздух остыл: можно спокойно дышать. Он приложил ухо к груди отца: сердце билось!
«Жив!» Но билось редко и неровно.
Нил поднялся, оглядел себя: одежда кое-где прожжена, кольчуга покрылась пятнами копоти, но сам он остался невредим. Хотелось пить. Нил подошел к светлорожденному.
Эрду досталось! Лицо, грудь, руки – обожжены. Волосы на левой стороне головы обгорели. Нил разжал сведенные судорогой пальцы и вынул меч. Серебристую поверхность клинка теперь оскверняло безобразное пятно. Нил вздохнул.
Подойдя к двери, он постучал по ней мечом. Не меньше четверти локтя. Даже Белому клинку не по зубам.
И тут он услышал шаги. Множество шагов. А затем и лязг отодвигаемого засова. Нил поблагодарил судьбу, пробудившую его на минуту раньше. Жизни Эрда и Биорка зависели теперь от него. Великан отошел в сторону, так, чтобы оказаться под прикрытием двери, когда она откроется.
Тяжелая дверь бесшумно повернулась на хорошо смазанных петлях. Три мороса вошли внутрь.
Гибелен для «лишенных покоя» меч Асенаров. Или, наоборот, целителен. С какой стороны посмотреть! Вряд ли они даже успели заметить Нила. Рука великана немногим уступала лапе дракона. Трое вошедших были изрублены на куски быстрее, чем длится рык парда. Двое других, не вошедших в пещеру, отпрянули в коридор. Один замешкался, и стосковавшаяся по настоящим ударам рука великана взмахнула серебристым клинком и перерубила туловище мороса от ключицы до паха.
...И фонтан крови брызнул во все стороны: на стены, на пол, на отшатнувшегося Нила. Это был не морос. Это был человек! Нил тупо глядел на изуродованный труп у своих ног. Мозг его отказывался понять, что произошло.
Пока он в растерянности, опустив меч, смотрел на убитого, четвертый морос прыгнул вперед, целя в открытую шею великана.
Но Судьба решила ненадолго оставить Нила в живых: нога мороса поскользнулась, попав в лужу свежей крови, и острое лишь царапнуло горло гиганта.
Нил опомнился и парировал второй удар. Третьего не было. «Лишенный покоя» обрел

покой.

Великан потрогал порез, посмотрел на кровь, испачкавшую ладонь: пустяковая царапина. Но и ее было довольно. Неуязвимый утратил Дар. Утратил его, не выполнив предназначенного.

Ощущая непривычную тяжесть и пустоту в груди, Нил пошел к подъемнику. Управиться с ним будет несложно: великан помнил, как Ди Гон нажимал на рычаг.

Вернувшись обратно, гигант поднял на руки отца, перенес его на платформу, вернулся за светлорожденным. Воин показался Нилу очень тяжелым, он вновь ощутил, что лишился Дара, и почувствовал почти физическую боль. Если бы не отец, не Эрда, он остался бы в подземелье, дождался Ди Гона и убил бы его. Или погиб сам. Но двое были живы, и он, Нил, должен их спасти! Пусть он лишился Дара, но он все еще лучший воин Хольда. Пусть-ка попробуют с ним совладать!

И резким движением Нил поднял рычаг.

Платформа вздрогнула и поползла вверх. Когда они спускались, Нил считал уровни. Теперь он дождался, когда платформа окажется на этаж выше дверей, через которые они вошли в здание. Когда платформа поравнялась с нужным отверстием, Нил перевел рычаг в среднее положение, и подъемник остановился.

Отстегнув ножны Эрда от перевязи, он пристегнул их к собственному поясу и, прежде чем вложить в них клинок, протер его краем плаща. Затем подхватил Биорка и Эрда и, стараясь ступать тише, двинулся по коридору. Нил очень надеялся, что колдун не почувствует его присутствия здесь. Насколько раньше он был уверен в абсолютном своем превосходстве, настолько сейчас предпочитал соблюдать осторожность. Не будь с ним двоих потерявших сознание, гигант вел бы себя гораздо смелее. Нил благополучно миновал коридор и очутился на железной лестнице. Круглое оконце позволило убедиться: он действительно на втором этаже. Спускаться по узкой винтовой лестнице с двумя телами на руках было невозможно, потому он сначала снес Эрда, а потом – Биорка.

Впереди был длинный, поворачивающийся влево коридор, скудно освещенный системой зеркал. Светильники, закрепленные на стенах, погашены. Время от времени Нил останавливался и прислушивался.

Он преодолел уже три четверти кольцевого коридора, когда увидел вдали солнечный свет. Там была дверь с квадратным окошком. Окошко затворено, но неплотно. И сквозь щель пробивался яркий луч. Выход.

Нил положил Биорка и Эрда на каменный пол и сел, привалившись спиной к прохладной стене. Оба воина были по-прежнему без чувств. Ничего, Этайа поможет! Собственная сила сына Биорка была сейчас на исходе, он ничего не мог сделать, чтобы вернуть их в сознание.

– О Быкоголовый! – прошептал он сквозь стиснутые зубы, вспомнив о своей ошибке. – Надо идти! – сказал Нил сам себе и поднялся.

Он чувствовал, что там, за дверью, – люди, но надеялся: они не станут мешать «Хаору». Пусть ему только позволят добраться до Этайи! Фьэль вызволит! Он надеялся на это, потому что больше надеяться было не на что. Он был воином и не привык сдаваться. Выход всегда есть. Пока ты жив. Так учил отец. Сейчас выход – дверь впереди. Главное – выбраться из логова колдуна. Любое другое место будет заведомо безопасней. Лишенный своего Дара, он все еще воин и маг, хотя вторая ступень не больше, чем вторая ступень. Королева не выдаст «Хаора» просто так! Он восстановит силы! Отец что-нибудь придумает. Боги помогут им! Нужно только покинуть цитадель Ди Гона. Нил сумеет поладить с кем угодно.

Кроме сирхара.

Великан наклонился, чтобы поднять Эрда, когда наружная дверь распахнулась и толпа вооруженных людей хлынула в коридор. Нил реагировал медленно. Ему понадобилось целое мгновение, чтобы взяться за меч Эрда. Меч не вынимался из ножен. Меч Асенаров!

Нил остро пожалел, что не взял собственного меча. Урнгурцы преодолели уже половину коридора. Топот, возгласы, лязг железа... Рука Асенара! Нил присел, схватил

вялую руку Эрда, положил на эфес, накрыл своей... И выдернул меч из ножен! Поздно! Волна нападавших уже накатилась, накрыла его!

Нилу опять помогла случайность. Первый из бегущих занес оружие. Но бежавший сзади, подталкиваемый другими, налетел на первого, и тот, споткнувшись, ударить не сумел, а, перелетев через стоявшего на коленях Нила, грохнулся на пол. Кто-то ухитрился рубануть великана по спине, но кольчуга выдержала удар. А потом сразу несколько человек повалились на Нила, закрыв его собственными телами. Образовавшаяся свалка на какое-то время удержала остальных.

Нужно было быть Нилом Биоркитом, чтобы встать, придавленному тяжестью восьми упавших воинов в полном вооружении. Нил встал. Встал, стряхнул с себя урнгурцев... Для того, чтобы попасть под удары других. Но теперь он был вооружен. И как вооружен!

Коридор узок: лишь четыре человека могли одновременно пройти по нему. И не более трех могли сражаться плечом к плечу. Первую тройку Нил срезал одним слитным движением клинка. Вскочив на груды тел, великан положил еще троих и отпрыгнул назад. Когда новые воины перебрались через гору живых и мертвых, их ждал клинок Нила. И следующих. Потом напирющие сзади швырнули на него еще троих. На его меч. И эти трое были уже не солдаты, а жрецы в полосатых балахонах. На них не было ни кольчуг, ни шлемов. И вооружены они были как попало. И дальше была такая же обезумевшая толпа жрецов, размахивающая ножами, мечами, копьями. И они вопили, и лезли, словно очумевшие крысы, и падали под ударами Белого меча, как спелые колосья во время жатвы.

Нил берег силы. Напор стал немного слабее, потому что новым жрецам приходилось карабкаться по скользким от крови телам павших. Но это не останавливало их. Нил рубил и колол. Колол и рубил. Он отсекал руки, раскраивал головы, вспарывал не защищенные сталью животы, пронзал разодранные в безумном вопле рты. Он потерял шлем. Кольчуга защищала туловище, но по ногам струилась кровь от множества мелких порезов. Где-то впереди остались Эрд и Биорк. Они были завалены телами врагов. Нил надеялся, что эта масса не задушит их. Он мог на это надеяться, так как уложил их у самой стены. Но он не был уверен, имеет ли это значение. Он рубил и колол. Колол и рубил. Сто локтей коридора были завалены телами. Некоторые еще шевелились, кричали, когда живые наступали на них. Рубил и колол. Колол и рубил. Он взял меч в левую руку, потому что правая больше не поднималась. Впрочем, левой рукой он владел не хуже. Вверх, прямо, наискось, вверх. Руки по плечи в крови. Прямо, вниз, наискось, вверх. В чужой крови. Наискось вниз. Стены коридора забрызганы кровью на высоту человеческого роста. На длину тела мертвеца! Вниз, прямо, вверх. Кровь брызгала на грудь Нила, на живот, в лицо. Он не вытирал ее, только смаргивал, когда капля попадала в глаз.

«Вот я и посвящен Хаору! – подумал он, вспомнив рассказ мальчишки-жреца там, у подземного Храма.– Ты рад, кровожадный бог Урнгура?»

Глупая битва. Полдюжины солдат с арбалетами – и прощай, Нил Биоркит!

Нил улыбался, а рука продолжала двигаться: вверх, вниз, наискось... Никаких приемов. Лучший воин Севера против тысячи безумцев! Как их много! Очень простые движения. Так, наверно, косят траву. Наискось, вверх. Двести локтей коридора. Сколько их? Сто, тысяча, десять тысяч? Все жрецы Урнгура? А сколько в Урнгуре жрецов?

Нога споткнулась о ступеньку лестницы. Нил потерял равновесие. Будь у него противники, умеющие держать меч, он был бы мертв. Или лишился ноги, что одно и то же. Но те, что лезли на него, были неповоротливей галерных рабов. И прошли двести локтей по телам товарищей. Такое охлаждает пыл любого, но жрецы обезумели! Нил поднялся на пару ступенек и увидел дверь в наружной стене. Закрытую дверь. Он порадовался – сомнительная радость! Каким бы искусным магом ни был Ди Гон, воин он никудышный. Если бы на Нила напали с двух сторон, ему не устоять!

Поднявшись на десять ступеней, Нил понял, что поток иссяк. Верней, запружен. Дюжины мертвецов хватило, чтобы забить лестницу. Нил перевел дух и опустил на ступеньку. Там, с другой стороны «пробки», копошились и кричали. Воин не беспокоился об

этом. Просто сидел, свесив тяжелые руки, полузакрыв глаза. Не думал, не строил планов спасения. Просто сидел. Полчаса. Час. Вечность. А потом услышал наверху негромкие (куда тише, чем вопли жрецов) шаги. И узнал их, встал, разогнул ноющую спину и начал подниматься по лестнице. Ди Гон шел навстречу сыну Биорка. Шел неторопливо. Улыбался. Довольный, как кугурр, выследивший добычу и знающий, что она от него не уйдет. Шел по темному коридору, и по его походке, по точной постановке ноги, обутой в удобный кожаный сапожок, Нил понимал, что сирхар видит в темноте так же хорошо, как и он сам.

Нил стоял перед ним с мечом в руке, но Ди Гон не касался Хлыста. Он шел так беспечно, будто не вождь Хольда перед ним, а ребенок.

Нил не чувствовал страха. Только оцепенение. Он видел, как приближается Ди Гон, понимал, что нужно сделать бросок, пока еще возможно... Но стоял. И лишь когда колдун оказался в трех шагах от него, собрав всю свою волю, великан рванулся... И Ди Гон заглянул ему в глаза, сказал несколько слов... И воля мага отняла у Нила тело. Сознание осталось свободным. Он мог видеть свои обгаренные кровью руки, но рук не чувствовал. Их не было.

– Вот так! – удовлетворенно проговорил маленький человек на своем отличном хольдском. – Маг второй ступени? Для мага второй ступени ты даже хорош! – И коснулся его Хлыстом. Не огнем – палочкой. – Вложи меч в ножны и ступай за мной.

И Нил покорно вложил меч в ножны и пошел за ним. А сирхар шагал впереди, и на губах его играла довольная улыбка.

XII

«Две пары крепких ног торопливо пылили по Соленому Тракту. По обе стороны высились бархатно-черные стены леса. Желтая круглая луна висела прямо над дорогой и нахально светила в покрытые потом лица.

– Топ-топ, топ-топ! – дробили тишину сапоги, подбитые шершавой акульей кожей.

– Разорви магхар этих благородных! – выдохнул один из шагавших и сплюнул в дорожную пыль жеваный комок.

– Не ворошись, Хен! – сказал второй, ширококостный, поджарый, с коротко остриженной светлой бородкой и смуглым лицом.

Второго звали Хромой Бык. Когда-то он был лучшим десятником во всем Тайдуане. А может, и во всей Империи. Когда-то. А теперь десятник был немолод, хром и спокойно доживал свою богатую событиями жизнь в собственном доме на собственной доброй тайской земле, с собственной женой и еще кое с кем.

Что же до первого, Хена, то он был не столь славным, но тоже десятником. И тоже – в прошлом. А хромой был его другом, больше, чем другом, – побратимом. И, конечно, был рядом с ним в эту ночь, на этой самой дороге. А где ж им еще быть, если за час до захода у старого Хена украли дочь.

– Точно знаешь, что старый господин уехал в Дансай? – спросил Бык.

– Чтоб мне тайского не пить! – проворчал Хен. – Где ж ему быть, если хозяйский сопленьиш девок среди бела дня ворует?

– И у хорошего винца бывает осадок! – хмыкнул Хромой Бык. – А уж каков крысенок! Спер девку прямо от отцовых ворот, собачий потрох! – и захихикал, но тут же осекся: – Извини, братец!

– Пустое! Сам бы смеялся, кабы девка не моя! Ты уж помоги мне ее вызволить, Бык?

– Не робей! Разделаем щенков, как... щенков! Га-га-га!

– Уж да! Щенков! Не менее десятка! Хорошо, старик дружину с

собой забрал!

– Ой, напугал! Ху-ху-ху! Га-га-га! Десятка! Да я, брат, да мы их... Десятка! И колдун-недоучка, балабол гурамский! Ты, старый, вспомни, как мы у них в Гураме!.. Га-га!

– Не люблю колдунов! – заявил Хен и прибавил шаг. – Как завижу – рука враз к мечу!

– Уж ты всех в один мешок! – вступился за колдунов Бык. – Кабы не Кун-маг, быть бы мне без ноги! Ты прыть-то убавь, к свадьбе поспеем!

– Так то маг, а то – колдун! Сравнил бабу с девкой! Все! Не болтай! Устанешь!

До поворота топали молча, а потом хромой спросил:

– Слышь, брат, небось девка твоя хозяйскому щенку глазками играла?

– А хоть бы и так? Что ж, коли тебе девка подмигнет, так хватай ее и насильничай? Я ему... охоту отобью!

– Вот! Слышу доброе слово! А то: десяток мечников, десяток мечников! А ну как они тебе отобьют? – хромой хрюкнул. – Что ж старуха твоя скажет? Ну ладно те! Не хмурься! Сказал: одолеем, значит, так тому быть! Десяток сопляков! Невелика сила!

Замок вырос неожиданно. То лес да лес, и вдруг – луг, а за ним – башня в полных сорок локтей!

– Не спят! – удовлетворенно заметил Бык. – Огни теплятся!

– По мне, так лучшие б спали! – проворчал Хен.

Старики прибавили шаг.

– Крепость! – пренебрежительно бросил Бык. – Ни те рва, ни те стен пристойных! Времена!

Хен промолчал.

Через десять минут они подошли к черным, окованным железом дверям. Бык пихнул их рукой, и, к его удивлению, они, скрипнув, приоткрылись.

– Времена! – только и сказал Бык. – Ты, братец, вперед давай, а я – в окошко. Они тут низенькие! Как у моей соседушки! – и хихикнул.

Хен кивнул, и старики разошлись.

Отец украденной вошел в замок.

„Сопляки!“ – подумал он с пренебрежением.

И, вынув меч, вошел в темную привратническую.

В замке было темно, пыльно и пусто. Хен опасливо крался по темным комнатам, пока не слышал впереди громкие голоса и пьяный гогот.

Что-то большое и теплое ткнулось в шею Хена. От неожиданности старый солдат чуть не завопил. Пахло гнилым жарким духом: огромный старый пес пляснул на него из темноты.

– Пиел! – зашипел на него Хен.

И пес отошел.

Вот она, комната, из которой голоса! Хен почувствовал, как гнев упирается в горло. Крепким еще плечом он врезал по двери, и она распахнулась, ослепив его сиянием светильников.

Восемь парней обалдело уставились на него.

Оброненные кости со стуком упали на пол.

– Я вас! – грозно закричал Хен и, вздев меч, ринулся на них.

Верно, что парни были не ахти какими вояками. Иначе пристукнули бы Хена, когда он, как ослепленный филин, пляснул на фонари. Но все ж они были не такими увальнями, чтоб дать угробить себя какому-то старику.

Хен секанул мечом ближнего парня. Еще двадцать лет назад он зарубил бы его, как овцу. Но то – двадцать лет назад. Парень

увернулся, а его сосед, схватив тяжеленный стул, треснул Хена по руке.

Это самому себе старый Хен казался грозным. Для этих ребят он был старая рухлядь, кому лишь волов погонять. Впрочем, им повезло, что они так быстро его обезоружили. Не повезло Хену.

Кулак врезался ему в скулу и отшвырнул к стене.

– Ты кто таков, старик? – один из парней навис над ним.

Хен молчал, и острый носок модного сапога врезался ему в ребра.

– Эй, погоди! Я его знаю! – сверху спускался Унсай, молодой хозяин. – Ты зачем сюда приперся, дед?

– Отдай девку! – крикнул ему с пола Хен. – Пожалеешь, если не отдашь!

Все компания разразилась хохотом.

– Ну ты уморил, дед! – проговорил Унсай, вытирая выступившие на глазах слезы. – Девку! А я про нее и забыл! Хорошо, что напомнил! Славная девчушка у тебя, дед! Не робей, я тебе ее отдам! Попользуюсь немного – и отдам! Без убыли отдам! А то и с прибылью!

Парни заржали еще пуще.

Хен вскочил с пола, но, получив по затылку, повалился навзничь. Перед глазами его плыли огненные круги, откуда-то издали доносился голос, но слов было не разобрать. А потом струя холодной воды окатила Хена и привела в чувство.

– Тебе лучше, старик? – спросил Унсай. – Лучшие? Так девку я тебе, может, прямо сейчас отдам! Вот прямо сейчас попробую – и отдам, ежели не понравится. Ни мне не понравится, ни ребятам! Так, парни, справедливо будет? Если нам не понравится, отдадим девку деду? Ай, Ряха! Сбегай наверх за девчонкой. Не гонять же папашу? Уважим старость?

– Не ходи! – попросил Хен. – Не ходи, отцом твоим, матерью прошу, – не ходи!

– А Ряха у нас сирота! – засмеялся Унсай. – Да, Ряха? Мы ему вместо родни!

Парень обернулся к Хену и постучал себя согнутым пальцем по лбу:

– Ты че-т не то болтаешь, дед! – И побежал вверх по лестнице.

Парни снова заржали. А потом раздался глухой, чмокающий удар, стук... и грузное тело Ряхи съехало вниз. Лоб его, горло и грудь пересекал прямой кровавый рубец.

А Бык, прихрамывая, уже спускался следом, и в одной руке у него был меч, а в другой – круглый страшный предмет, с которого капала кровь.

– Прости, брат! – крикнул он Хену. – Подзадержался я! Сам знаешь, сначала – колдун, а потом уж – шушера! Что приуныли, мальчуганы! – бросил он онемевшим парням. – Драться будем или как? Лови, господинчик! – И швырнул Унсаю отрубленную голову, которую держал за волосы.

Унсай с отвращением отбил ее рукой и закричал:

– Что надо тебе? Что тебе надо в моем замке, хромой? Пошел прочь, или мой отец...

Бык сделал стремительный выпад, и Унсай с воплем повалился на стол. Меч Быка рассек ему панталоны. И поджилки на обеих ногах.

– Я – хромой! И ты – хромой! – засмеялся Бык. – Эу, малыши-глупыши, берите мечи! Бери меч, старина Хен! Хо! Будем веселиться!

Но парни приуныли. По их лицам видно было, что им не до веселья.

– Убейте их! Убейте! – выл искалеченный.

Но без толку.

– Марш за девкой! – рывкнул Бык на одного из парней. И другому: – Живо во двор да запряги возок! И не вздумай удрать, червячье отродье! Найду – кишки вон! А я на-айду! Вы, трусы, перевяжите сопляка! Пока не сдох! Отбегался! Довольно с него, Хен? Или...

– Довольно! – сказал Хен, отжимая воду из волос. – Спасибо, побратим!

Через полчаса они уже катили по дороге в повозке, запряженной четверкой ухоженных псов.

– Совсем сгнила молодежь! – рассуждал Бык. – Совсем сгнила!

– Время такое! – отвечал Хен, поглаживая спящую дочь по теплой спине.

– И то! – Бык подхлестнул псов. – Тяжковато им, молодым! Как людьми стать? Войны-то нет!»

Из «Вечерних историй Дансая»

– Вечно нам достается самая грязная работа! – процедил Начальник Королевской хогры, обращаясь к брату-близнецу.

– Да уж! – согласился тот. – Королева, похоже, подарила нас этому мяснику!

Два урнгурца, сидя в высоких седлах, наблюдали, как солдаты выволакивают наружу трупы и укладывают их на возы. Парды, чуя запах человеческой крови, беспокойно ворчали. Зато привычные к мертвецам храмовые волы флегматично перетирали жвачку. Наплевать им и на трупы, и на тучи черных ящеров-ургов, пожирателей падали, кружащихся в вечернем небе. Цепочки солдат непрерывно, как мигрирующие крабы, двигались от двух открытых дверей к возам и обратно. С нагруженных повозок доносились стоны. Там были не только мертвые. Но приказ сирхара был однозначен: всех.

Около каждой из дверей грудами лежало оружие.

– Я-то надеялся, что этот новоявленный Хаор придержит мясника! – сказал один из братьев другому. – Помнишь, он запрещал Приношения?

– Надейся! – сказал второй хогран. – Бьюсь об заклад: полосатые сами порезали друг друга!

– Принято! – обрадовался первый хогран. – С тебя – выпивка!

– Это почему же?

– А погляди сюда! – Он ткнул пальцем в кожаной перчатке в сторону трупа, который сейчас несли мимо.

– Ну что? Дохляк как дохляк! – отозвался второй.

– Нет, ты посмотри! – Он заставил брата подъехать ближе. – Посмотри на раны! Ну? Ты же воин! Разве это удар полосатого? Разве полосатый может ударить так?

– С меня! – согласился проигравший. – Эй, гляди, совсем пацан! – желая отвлечь внимание от собственного проигрыша, закричал хогран.

– А? Где? – И, приглядевшись, солдату: – Ты, черноногий, неси этого сюда, да поаккуратней, хуруг тебя! Пацан, говоришь? – когда солдат положил тело у ног парда. – А борода у «пацана» тебе не знакома?

– Хаор! – восхитился второй хогран.

Перед ними лежал Биорк.

Начальник Первой Королевской хогры спрыгнул на землю и пощупал пульс на шее вагара.

– Живой! – изрек он удовлетворенно.

– Один здесь, значит, и второй?.. – подумав, предположил его брат.

– Не иначе! Иди-ка, брат, погляди, что выносят, а я поищу на возах. Зачем им умирать? Такие славные парни!

– А сирхар? – сомневался второй хогран.

– А что сирхар? Они же не полосатые! – И, хитро посмотрев на брата: – Не так?

– Годится! – кивнул второй.

Минуту-другую спустя первый хогран углядел на одном из возов ногу в испачканном кровью когда-то белом трико. Он пощупал ее: нога была теплая.

Хогран кликнул солдат, и те быстро извлекли из окровавленной груды тело Эрда.

– Этот-то вряд ли жив будет! – сказал, подъехав, второй. – А красавцем ему и тогда не быть! – с брезгливой гримасой показал на обгоревшее лицо.

– Ты что, лекарь? – недовольно поинтересовался первый. – Это же наш брат, боец! А ты его – в пададь! Что ж, если не красавчик, так скормить его ургам?

– Да я не против, – смутился второй. – Возьмем и его. Конечно, возьмем, что говорить. Ты, трупонос! – гаркнул он одному из солдат. – Дом наш знаешь?

– А то! – солдат тут же отпустил ноги жреца, которого нес, и его напарник, едва не упав, разразился потоком ругательств.

– Заткни пасть, червяк! – беззлобно бросил ему солдат.

И, радуясь поводу увильнуть от неприятной работы, рысцой подбежал к начальникам.

– Возьми пустой воз, положи на него этих двоих и вези к нам! Скажешь брату... Ничего не говори, сам сообразит! Пшел!

Солдат со всех ног бросился к ближайшей упряжке.

– Где ж их господин? – задумчиво проговорил первый хогран. – Мясник-то мог и собственного бога выпотрошить!

– Ты все же не болтай! – урезонил его второй. – Как-никак он сирхар и Верховный Жрец. Все слышит и видит, говорят! Бессмертие дарует опять-таки. Сам же видел!

– Видел-то видел, да где они теперь, бессмертные? С тех самых пор и пропали. Может, давно уж померли: шутка ли – мечом насквозь пропороть! Нету – и весь разговор!

– А ты все же не болтай, брат! – обеспокоенно проговорил второй хогран.

Наполненные возы один за другим отъезжали от дома сирхара. Хозяин не показывался.

Братьям надоело смотреть на изрубленные тела жрецов. Они вынули мечи и затеяли шутиливый поединок.

Солнце коснулось вершин Большого Хребта.

В небе глубокого синего цвета, намного выше привлеченных запахом смерти зубастых ургов, парил бронзовый дракон.

* * *

– Вот теперь ты мне больше по душе, Неуязвимый! – издевательски сказал Ди Гон, озирая скованного Нила.

Великан не ответил. Ди Гон вернул ему ощущение тела, но ничего, кроме боли, это сыну Биорка не принесло.

– Скоро ты станешь моим! – Колдун похлопал Нила по втянутому животу. – Но сейчас я хочу кое-что узнать! – Ди Гон отошел на пару шагов, чтобы посмотреть великану в глаза. – Ты понимаешь меня, мой друг?

Серые глаза Нила не выражали ничего.

– Я видел, – продолжал Ди Гон, буравя сына Биорка маленькими глазками, – как Дитя покинуло вас. Кто был с ним? Кто велел ему уйти?

Нил молчал. Он чувствовал, как маг пытается проникнуть в его мысли, хоть это было Ди Гону не по силам.

– Не хочешь сказать мне такую малость? – притворно удивился колдун. – Не хочешь? Ну, ничего! Я сумею тебя разговорить... Неуязвимый!

Нил молчал. Взгляд его скользил по гобеленам, висящим на стенах комнаты. Скользил, ни на чем не останавливаясь, но все замечая.

Это были собственные покои Ди Гона. Альков, маленький бассейн с фонтаном, мозаичный пол, два каплеобразных окна.

Над головой Нила нависала исполинская мраморная голова. Кугурр. В каменные

челюсти вмуровано кольцо, к которому цепями были прикованы руки северянина. А ноги Нила – к кольцам в огромных передних лапах. Издали могло показаться, что выглядывающая из стены каменная кошка держит его. Короткие цепи были достаточно прочны, чтобы удержать хоть самого живого кугурра. Будь у сына Биорка прежняя сила, можно было бы попытаться, но теперь...

Ди Гон взял Хлыст. Он отступил еще на пару шагов, и огненная лента вырвалась из короткого жезла. Длинный колеблющийся язык пламени, меняющий цвет от голубовато-белого до ярко-красного, с узким, будто взлохмаченным кончиком. Хлыст то замирал, то начинал извиваться, как живое существо. Он плясал, удлинялся, укорачивался. Не рука – мысль колдуна управляла им. Когда огненный язык завис в ладони от лица Нила, обдавая его жаром и запахом грозы, Нил почувствовал уважение к создателям такого оружия.

Колдун уловил эмоцию пленника, но принял ее на свой счет.

– Я слушаю тебя, друг мой! – произнес он голосом, в котором великан узнал собственные интонации.

Нил молчал.

– Кто это был?

Нил молчал.

– Не хочешь, – покачал головой Ди Гон.

Кончик Хлыста коснулся груди великана. Как раз напротив сердца.

Кожа в месте прикосновения мгновенно почернела, зашипев, как жир на жаровне. Вокруг вздулся пузырь, и запах горелого мяса и волос тошнотворной вонью наполнил комнату.

Впервые с того момента, как Нил лишился Дара, знакомая ухмылка растянула губы великана. В сузившихся глазах вспыхнул насмешливый огонек.

– А ты дурак, Катышок! – проговорил он. – Как тебе только пришло в голову пытаться меня?

– Поговори еще! – Колдун убрал Хлыст, но не выглядел обескураженным. – Я рад, что ты не откусил себе язык! Что же до Катышка, Неуязвимый, то он умер и не обидится. А хочешь ты знать, что ждет тебя? – Лицо колдуна перекопилось от злобы.

– Не откажусь.

– Ты не умрешь!

– Не могу в это поверить! – насмешливо отозвался Нил.

– Поверишь! Душу твою... я отдам тому, чье имя ты присвоил, Неуязвимый! Душу! А тело, тело я оставлю себе! Ты понял меня? Ты станешь моросом! Моросом, Нил Биоркит! Будешь служить мне, подавать мне вино, убивать моих врагов! И твоих друзей, кстати! Нравится? Зато ты снова станешь Неуязвимым, мой друг! Правда, от тебя будет немного вонять! Но я потерплю. А первое, что ты сделаешь, Нил-морос, ты знаешь? Первое: я пошлю тебя к твоей фьель! Я, знаешь ли, не люблю фьельнов, противны они мне! А ты любишь, Неуязвимый! Потому пойдешь, отрежешь ее очаровательную головку и принесешь мне! А лучше принеси мне ее живой, Нил Биоркит! Хочу позабавиться с ней! Никогда не держал в руках настоящей живой фьель! А ты хочешь позабавиться с ней, Нил Биоркит? По глазам вижу: хочешь! А? Боишься? Ссышь, плосколицый? Правильно! Но, когда я сделаю тебя моросом, ты не будешь бояться! Ничего не будешь бояться! Чего бояться моросу, если он уже морос!

Нил с каменным лицом прослушал весь монолог, а когда черный маг оборвал речь дребезжащим смешком, покачал большой, покрытой запекшейся кровью головой:

– Ты больше чем дурак, Катышок, Темная Лапка. И мне жаль тебя, а потому я скажу, кто увел твоего демона.

– Кто? – спросил весь напрягшийся Ди Гон.

– Тур!

– Ты врешь! Ты видел его?!

– Я его позвал. Можешь мне не верить! – Нил ухмыльнулся. – Лучше бы тебе не верить, а то скверно будешь спать!

– Не верю! Я сам знаю, кто это был! Странник! Он увел Дитя, но побоялся остаться, чтобы попробовать вот этого! – Колдун потряс Хлыстом. – Но он еще попробует, если не угомонится! И демон жив, я чувствую!

– Это был не Трой, – спокойно сказал Нил. – Троя я знаю. И ты его знаешь. И знаешь, что это был не он, иначе не паясничал бы передо мной. А насчет мороса... Что ж, попробуй, Катышок! Маг ты серьезный. Но со мной тебе не совладать. И все же попробуй!

– Попробую, не сомневайся! – пообещал Ди Гон. – Сегодня не тот день, а завтра, клянусь головой Хаора, ты станешь моим! А до завтра будешь висеть здесь. А чтобы ты не донимал меня болтовней, молчи!

И Нил онемел.

– Уж с тобой я как-нибудь справлюсь, – проворчал колдун и вышел.

* * *

Две ночи тому назад Санти приснился странный сон.

Он увидел себя на вершине поросшего голубой травой холма. Внизу, слева от него, текла река, справа тянулись уходящие вверх холмы, а за ними – горы, вершины которых тонули в плотных облаках.

Слева от Санти – воин, держащий сиреневый стяг с гербом. Герба не разглядеть, потому что – безветрие, и шелковое полотнище обвисло на коричневом полированном древке.

На Санти – полные доспехи воина, но привычное к тяжести тело не замечает их.

Позади, за спиной Санти, в двадцати длинных шагах сомкнутыми рядами стоят воины. Его воины. Лучшие. Ветераны. А впереди, локтях в ста, – другое войско. Он видит только первую шеренгу, потому что дальше начинался склон.

Войско. Серые плащи и поблескивающие острия копий.

От шеренги отделяется человек. Капюшон серого плаща откинут, и на стальном полушарии шлема играют солнечные лучи.

В вытянутых руках человек торжественно несет длинный предмет. В полной тишине.

Человек подходит ближе. Санти слышит, как поскрипывает свежая трава под его сапогами. Бородатое лицо человека ниже значка на нагруднике Санти. Вагар. В трех шагах он остановился:

– Туринг Свант Улайвсон приветствует Даёнила, сына Асхенны!

Каждое слово, казалось, повисало в неподвижном воздухе.

– Даёнил, сын Асхенны, приветствует Сванта Улайвсона, туринга!

Санти не узнает собственного голоса, низкого и мощного, как боевая труба.

Воины за спиной ударяют в щиты рукоятями мечей, и воздух над холмом вздрагивает, как от удара грома.

– Я, туринг Свант Улайвсон, вручаю тебе, Данил, сын Асхенны, в знак великой благодарности и уважения, которое народ мой заявляет твоему народу, сей дар!

Длинный предмет, который туринг держит в руках, завернут в плотную алого цвета ткань. Вагар медленно разворачивает ее, и Санти видит меч в белых, как молоко, ножнах. Без единого узора или украшения.

– Прими! – говорит туринг и протягивает меч Санти.

Юноша видит свои руки в толстых кожаных рукавицах, с нашитыми сверху полосками металла. На левой – боевой браслет с четырьмя шипами. Руки эти принимают меч, и Санти наклоняет голову в знак благодарности.

Вагар отвечает таким же поклоном, и за спиной Санти рукояти мечей второй раз ударяют в стальные щиты.

– Принимаю и благодарю! – произнес губами юноши тот же мощный голос.

– Сними рукавицу, Данил, сын Асхенны!

Санги стягивает латную рукавицу с правой руки и кладет ладонь на белую шершавую рукоять.

Санги глядит на руку и удивляется – это его собственная рука. Немного более жилистая и смуглая, но его, Санги.

– Пусть меч увидит свет! – восклицает вагар.– Луч солнца еще не касался его. Пусть клинок увидит свет в твоей руке, благородный Данил!

Движением, привычным, как вздох, Санги-Данил выхватывает меч. Гул за спиной: воины увидели и узнали клинок. Светлое, с серебристым отблеском, лезвие из бивня хармшарка. Оно белее, чем те два клинка, которые он, Данил-Санги, видел прежде. Но это, без сомнения, он, драгоценный бивень. Воистину это – Дар! Понятно, почему на ножнах и рукояти нет отделки.

– Ты взял меч, сделанный отцами наших отцов! – провозгласил туринг.– Ты удостоен! Бессмертен меч сей. И сила богов, заключенная в нем, бессмертна. Твой род, Данил, сын Асхенны, да будет так же бессмертен и неизменен, дабы хранить его вечно! Нет магии, что сможет опутать сына рода твоего, сжимающего сей меч. Сила богов, живущая в мече, охранит твою волю и твою руку, а рука да свершит остальное! Я, туринг Свант Улайвсон, говорю: ты, сыновья твои, сыновья сыновей твоих – друзья наши по крову и крови! Будет так!

– Я, Данил, сын Асхенны, говорю: будет так!

Данил-Санги вскидывает меч над головой, и в третий раз ударяет гром.

Вагар поворачивается и идет к своим, а затем все серое войско спускается с холма к реке, где, удерживаемые якорями, подняв прямоугольные серые паруса, стоят вагарские дракены.

Весла вспенивают воду, и дракены скользят вверх по реке. Санги вкладывает меч в ножны и поворачивается к войску...

* * *

Санги лежал на животе, подперев ладонями подбородок, и задумчиво глядел на Ронзангтондамени потемневшими изумрудными глазами. Он только что закончил говорить и теперь просто смотрел на озабоченное лицо Женщины Гнона.

– Это все? – спросила она.

– Ты теперь знаешь столько же, сколько и я, – сказал юноша.– Ты все еще хочешь помочь?

Лицо Ронзангтондамени окаменело.

«Ты ее оскорбил!» – пришла мысль Этайи.

– Я не уверен, что ты сможешь помочь, и я совсем не хочу принести тебе беду, Ангнани! – быстро сказал юноша.– Мне ведь не безразлично, что с тобой будет! Позволь мне не жалеть о том, что я тебе все это рассказал!

– Он прав, Генани, сестра! – подтвердила Этайа. И, мысленно, Санги: «Молодец!»

Ронзангтондамени посмотрела на нее, потом снова на Санги. Она думала. Но недолго. Урнгрийка подняла руку и выпятила нижнюю губу.

– Я – Женщина Гнона! – надменно сказала она.– Через четыре часа здесь будет триста всадников! А через двенадцать часов – тысяча. А если этого мало – десять тысяч! У меня достаточно сестер в Урнгуре!

– Но в твоем селении меньше мужчин... – начала Этайа.

– Я отзову их из Королевских хогр! То же сделают и другие! – Она хлопнула в ладоши. Появился слуга.

Ронзангтондамени бросила ему несколько слов на урнгрия. Брови слуги полезли на лоб, но он кивнул и вышел.

«Она сделала это», – сообщила Санги Этайа.

– Через четыре часа у тебя будет триста солдат! – заявила урнгрийка. – Что еще?

Свист рассекаемого крыльями воздуха заставил их посмотреть вверх.

Над домом кружил бронзовый дракон. Он опускался. Широкие треугольные крылья гнали ветер, от которого заговорила листва на фруктовых деревьях. Вытянув когтистые лапы, дракон искал место, чтобы сесть. Крыша дома не казалась ему достаточно прочной. Глаза Санти вспыхнули: он никогда не видел дракона вблизи.

Наконец бронзовый решился, замахал крыльями и вцепился когтями в загнутый край крыши. Край выдержал. Дракон, наклонив голову, оглядел сидевших внизу людей, потом опустил одно крыло, свесив его почти до самой земли, и по нему скатился мальчишка. Он упал на спину в мягкую поросль клумбы. Дракон толкнулся вверх и, часто ударяя крыльями воздух, стал подниматься в небо.

Мальчишка вскочил, отряхнулся и отвесил поклон:

– Я – Гестион! Приветствие! – воскликнул он. – Учитель послал меня!

– Приветствие и тебе, летающий на драконах! – быстро оправившись от удивления, сказала Ронзангтондамени. – Ты – маг?

– Ученик мага! – вмешался Этайа. – Иди к нам, дружок! Что сказал тебе Учитель?

– Он сказал... Можно я сяду?

– Садись.

– Он сказал: Прекрасная из солнцеволосых! Помоги!

– Больше ничего?

– Только это.

– Где он сам?

– В западных горах. Так он сказал.

– О чем он? – спросил Санти.

– Он – ученик Троя-Странника. Просит помочь Нилу. И прислал дракона.

– Дракона? Почему же ты тогда отпустил его? – обратился Санти к мальчику.

– Я его не отпускал! Он сам улетел! – недовольно ответил Гестион.

– Не тревожься! – сказала фьель. – О драконе сказал сам дракон. Это я отпустила его. Если я позову, он придет. Но я не позову.

– Почему, Этайа?

– Я не могу вмешиваться, – Санти показалось, что он уловил в голосе фьель сожаление. – Чтобы не пробудились другие.

– А я? – спросил Санти. – Я – могу?

– Ты можешь. Но это не твое. То, что ждет побежденного, – хуже смерти! – И мысленно: «Это не шутка, Туон! Твое будущее сейчас – как круги на воде. Я боюсь за тебя, Туон!»

Санти заколебался. Обе женщины смотрели так, словно от его решения зависела их жизнь. Но ни одна не взялась бы ответить за него.

– Этайа, ты знаешь, где Нил?

– Да. На одном из верхних уровней Дома Сирхара! – мысленно она показала ему место.

– Дракон! – сказал юноша. – Позови дракона! Я смогу управлять им?

– Я смогу! – торопливо проговорил Гестион.

Он один не сомневался в выборе Санти. Потому что был всего лишь на полдесятка лет младше юноши.

– Позови дракона, Этайа!

– Санти! – с мольбой в голосе сказала Ронзангтондамени. – У меня только восемь телохранителей! Подожди четыре часа!

«Этайа, покажи мне Нила!»

«Только его глазами».

«Как можешь!»

«Смотри!»

– Я не буду ждать!

– Поднимайтесь на крышу! – сказал Этайа. – Я позвала дракона!

* * *

– Сирхар!

Ди Гон обернулся так резко, что отшатнувшийся жрец едва не упал.

– Я приказал не беспокоить меня в Храме! – рявкнул колдун.

– Но, сирхар, ваша... Приближенная Королевы! Она настаивала! Она велела передать: к дому Женщины Гнона уже дважды прилетал бронзовый дракон!

– Тысяча демонов! Почему не доложили сразу?

– Я... Мы... Мы боялись, сирхар!

– Дурак! Впрочем, нет, все правильно. Я доволен! – Он похлопал по щеке окончательно растерявшегося жреца. – Проследи, чтобы все было готово к Приношению! – И поспешил к выходу из подземелья.

* * *

Дракон мягко опустился на плоскую крышу Дома Сирхара, спугнув обосновавшихся здесь ургов. Разжиревшие падальщики с недовольным шипением снялись и закружились над драконом и теми, кого он принес.

Гестион спрыгнул на обшитую железом крышу.

– Как мы попадем внутрь? – спросил он.

– Я, а не мы! Ты останешься здесь! – Санти внимательно разглядывал поверхность крыши, ища люк.

Лицо мальчика приняло обиженное выражение.

– Почему? – спросил он.

– Потому что, если мы оба уйдем, дракон улетит! Ты, кстати, сумеешь удержать его?

– Конечно!

Санти попытался сам настроиться на дракона, но его теперешние мысли были слишком тревожны, и дракон занервничал, почувствовав их.

Гестион велел зверю наклонить голову и положил ладонь на мигательную перепонку, затянувшую глаз. Дракон успокоился.

Круглая крыша, огражденная парапетом в три локтя высотой, понижалась к центру. Там было отверстие для стока дождевой воды, затянутое сеткой. Санти оно не подходило.

«Здесь должны быть люки!» – думал он, обходя крышу по спирали.

И он нашел люк, не один – целых шесть. Но открыть их оказалось непросто. Крышки люков были утоплены вровень с поверхностью крыши и герметично закрывали отверстия. Щели были настолько тоненькими, что зацепиться невозможно. Санти попытался поддеть их ножом, но только обломил кончик лезвия.

Юноша задумался. Возвратиться ни с чем он не мог. И времени у него оставалось немного: дракон – слишком заметная штука. Наверняка сирхар уже спешит сюда, даже если Этайа не ошиблась, сказав, что в башне его нет. Что за чушь лезет в голову? Фьель не могла ошибиться! Дракон... Дракон...

Взгляд Санти упал на огромные лапы, заканчивающиеся острыми изогнутыми когтями.

– Гестион! – позвал юноша. – Ты можешь попросить его скovyрнуть вот это? – Он тронул ногой крышку люка.

– Попробую, – сказал мальчик не слишком уверенно. И позвал дракона, который неловкими прыжками приблизился к нему.

Некоторое время они «беседовали», потом, наклонив треугольную голову, дракон принялся изучать поверхность крыши.

– Он понял! – обрадовался Гестион.

Дракон поскреб лапой люк. На ржавой крышке остались глубокие царапины.

Бронзовый перенес тяжесть тела на основание хвоста, поднял лапу и обрушил ее на крышку.

Крышка со звоном вылетела из гнезда и, упав, откатилась к ограждению. Дракон, переваливаясь, отошел на несколько шагов.

Санти заглянул в дыру: железная лестница спиралью уходила во тьму. Четыре сломанных запора болтались по краям отверстия.

– Я пошел! – сказал юноша.

Гестион поднял сжатый кулак. Санти ответил тем же и нырнул в люк.

Лестницей не пользовались давно. Ступени покрылись толстым слоем мягкой пыли. Санти старался двигаться тихо и осторожно, но вряд ли у него это получалось. В отличие от Нила и вагара, он не видел в темноте, а то внутреннее зрение, которым он недавно научился пользоваться, здесь почему-то не открывалось.

Он смутно ощущал каменное тело башни, наполненное чем-то вязким, пористым... Не на физическом уровне, конечно. Здесь Санти был полностью отрезан от остального мира. Магия Дома Сирхара как бы запечатывала тех, кто оказывался внутри.

Мелкая пыль щекотала ноздри. Подошвы негромко звякали о ступени. Санти держался рукой за шест, вокруг которого висела лестница. Он пытался считать ступеньки, но сбился. Сверху, с крыши, через открытый люк, до него доносились звуки: шаги Гестиона, скрежет драконовых когтей, хриплые вопли ургов. Внизу, там, куда спускался Санти, было тихо.

Лестница кончилась, и Санти едва не стукнулся лбом о дверь. Ощупав ее, он убедился, что дверь заперта. Санти обследовал тесное помещение, в котором оказался, и нашел решетку. За ней – пустое пространство.

Когда, взявшись за прутья, Санти как следует потянул, решетка подалась, и образовалась щель, достаточная, чтобы юноша смог в нее протиснуться.

Он оказался в тоннеле квадратного сечения, уходящем влево и вниз под углом градусов двадцать. Выбора не оставалось, и Санти начал осторожно спускаться. Слабый ветер все время дул ему в лицо. Тоннель оказался достаточно просторным, чтобы можно было идти, не задевая стен и только чуть-чуть наклонившись.

Юноше показалось, что спуск длится целую вечность, но вряд ли он занял больше нескольких минут. Просто в темноте, когда не знаешь, куда идешь, трудно сохранить чувство времени.

Но вот тоннель кончился, и Санти оказался у такой же железной решетки, что и наверху. Ему не составило труда вынуть ее. Юноша выбрался из вентиляционного канала и пошел по полутемному кольцевому коридору.

Прошел он не больше сорока локтей, когда впереди послышались шаги, сопровождаемые позвякиванием металла.

Санти замер. Он упустил момент, когда можно было удрать в противоположную сторону. Упустил, потому что буквально окаменел от страха. Он прислонился к стене коридора, вжался в нее так, будто она могла его спрятать. Теперь он увидел свет: блики на стенах. У идущего был светильник. Ноги юноши подкашивались. Все его оружие – небольшой нож с обломанным концом. Но и будь у него меч, Санти все равно не смог бы им воспользоваться: руки стали ватными. По спине потек холодный пот. Теперь он увидел идущего. Урнгурец, в доспехах, с коротким копьём в одной руке и светильником в другой. Воин двигался размеренным шагом: ни быстро, ни медленно. Фонарь освещал пространство в десять локтей, и Санти воин пока не видел. Но непременно увидит, когда подойдет ближе.

Санти понимал, что надо действовать, но... не мог. Как он жалел в этот миг, что не обучился воинскому искусству!

Солдату оставалось пройти каких-нибудь десять-двенадцать шагов – и он увидит Санти. Юноша распластался на стене. Лицо его, вероятно, сделалось таким же серым, как сама стена. Он перестал чувствовать свое тело, он уже улавливал мысли солдата, однообразные, как стены коридора, по которому шел урнгурец.

Свет фонаря упал на лицо Санти. Юноша перестал дышать. Солдат заметил его. Юноша почувствовал удивление урнгурца. Нарастающее удивление с примесью страха.

Солдат стоял рядом, держа фонарь в вытянутой руке. Их глаза встретились и... Санти мысленно чуть-чуть подтолкнул его. Это получилось непроизвольно, но солдат вздрогнул, моргнул, поставил на пол фонарь, потер глаза рукой, еще раз посмотрел...

– Померещится же! – пробормотал он по-урнгурски. Поднял фонарь и так же неторопливо двинулся дальше.

Ноги Санти подкосились, и он опустился на пол. Сердце прыгало, как бешеное. Он даже не в состоянии был испытать радость, просто сидел и переводил дух.

Но особенно расслабляться Санти не мог, если не хотел еще раз встретиться со стражником. Потому отдых его длился не больше минуты.

Санти миновал несколько запертых дверей и наконец нашел открытую, с непонятным значком наверху. За дверью оказалась лестница, и юноша спустился по ней на один этаж; знак на двери обозначал уровень, где находился Нил. Дальше – короткий коридор. Санти миновал его без приключений. Коридор вел к покоям Ди Гона. К некоторому удивлению юноши, дверь была не заперта. Но, перешагивая через порог, Санти испытал странное сопротивление, словно разрывал тонкую пленку.

Юноша насторожился, однако ничего не произошло. Он оказался в просторной темноватой комнате, обставленной не по-урнгурски и не по-конгайски. Надо полагать, мебель привезли из Империи. Так же, как и старинные, тайской работы, шпалеры. Санти, озираясь, пересек комнату и, откинув шелковый занавес, вышел в соседнюю, немного побольше. Здесь света хватало, но свет этот был окрашен в красный цвет вставленным в большое овальное окно витражом. Витраж изображал летящее чудовище – пылающего чернокрылого демона с оскаленной пастью над полыхающими руинами. Работа великолепная. И жуткая. Очарованный, Санти несколько секунд не мог отвести глаз от витража. Наконец, стряхнув оцепенение, поспешил дальше, и в третьей комнате первым, что бросилось в глаза юноше, была огромная каменная голова кугурра, а под ней – повисший на цепях Нил. В сравнении с каменным кугурром даже такой гигант, как сын Биорка, казался маленьким. Нил был без сознания.

Санти внимательно оглядел комнату. Полог алькова откинут, но широкое ложе пусто. На низеньком столе, на агатовой поверхности, похожей на окаменевший срез древесного пня, Санти увидел нечто знакомое: меч Эрда в забрызганных запекшейся кровью ножнах. Повинуясь внутреннему импульсу, юноша взял его. Удобная шершавая рукоять, покрытая легкой затейливой резьбой. Она пришлась точно по ладони Санти. И юноша испытал странный подъем: у него появилось ощущение, что это его меч. Совсем не то ощущение было, когда он держал в руках гурамскую саблю Шуорда. Санти разжал пальцы и, держа ножны левой рукой, посмотрел на эфес. И вдруг на какое-то время зрение его потеряло остроту, узоры расплылись, и Санти узнал меч. Он действительно держал его в руках. Прошлой ночью. Во сне. Тот самый меч, только в других ножнах. Нет, в тех же. Только они потемнели, и их, так же как и рукоять, украсила резьба. Как сказал когда-то Биорк? Меч Асенаров? Он сомкнул пальцы на эфесе и попытался вынуть меч из ножен. Клинок не поддавался. Он рванул посильнее.

«Кровь, – подумал он, – кровь запеклась на клинке!»

Санти крепче сжал эфес и ощутил силу, таящуюся в мече. И он готов был поклясться, что за столетия, прошедшие со времен Данила, сына Асхенны, сила эта возросла. Санти сосредоточился, собрался, как это делал Нил (он вспомнил!), перед тем как проломить стену в гостинице...

Меч выскочил из ножен неожиданно легко. Лезвие – в разводах черной крови, а у самого острия темнело неправильной формы пятно с рыжими краями.

«След демона!» – услышал Санти голос Нила.

Он мгновенно обернулся. Великан смотрел на него.

«Ты отважный парень, малыш! Я рад, что ты пришел!» – Губы его не шевелились.

– Я слышу твои мысли, Нил! – воскликнул юноша. – Но почему ты молчишь? Тебя изуродовали?!

«Нет! Этот ублюдок околдовал меня. А теперь уходи! И быстро, пока эта черная тварь не застала тебя! Уверен, он уже мчится сюда! – И, сообразив, что Санти уходить не намерен: – Как ты проник в башню?»

– Через крышу. У нас еще будет время поговорить, Нил! – Санти посмотрел на меч, а потом на сковывающие великана цепи. – Как ты думаешь, я смогу разрубить их?

«Нет! Попробуй разбить камень. Камень, там, где крепятся кольца!»

Санти подошел и неловко ударил мечом по одной из лап, отколов маленький кусочек.

«Нет! Так не пойдет! Ты должен ударить, а не постучать!»

Санти задрал голову, чтобы посмотреть на великана, и впервые заметил ожог.

«Не беспокойся, мне не больно!»

Но юноша почувствовал ярость. Он взмахнул мечом... и вышиб кольцо из камня! О! Теперь он понял, как это делается! Второе кольцо – и ноги Нила свободны! С верхним кольцом было сложнее: Санти было до него не дотянуться. Агатовый столик решил дело. Юноша подтащил его поближе, взобрался и одним ударом развалил пасть кугурра. Один из осколков камня сильно ударил Нила по макушке, но великан даже не поморщился.

С руками Нила дело обстояло скверно. Мышцы их окаменели. Северянин не смог даже опустить их. Санти пришлось всей тяжестью повиснуть у него на запястьях. Если бы великан не умел справляться с болью, он неминуемо потерял бы сознание. Но он умел. Запястья его были скованы длинной цепью, на которой болталось толстое чугунное кольцо. Однако ходить Нил мог. Санти вдруг сообразил, что выйти тем путем, по которому пришел он сам, им не удастся: великану не пролезть в щель, тесную даже для молодого фарангца.

«Должен быть другой путь! – подсказал Нил. Санти чувствовал поддержку, и ему стало легче. – Там была лестница!»

– Да! – сказал Санти, пропуская Нила вперед.

Юноша полагал, что безоружный, не чувствующий рук Нил – куда более опасный боец, чем он сам, вооруженный мечом из бивня хармшарка. Поэтому он пропустил Нила вперед.

Великан сумел вернуть себе часть сил, и его походка стала вновь плавной и упругой. Глаза внимательно глядели по сторонам. Они миновали три комнаты. Санти больше не чувствовал сопротивления, когда проходил через двери. Последний зал. За ним – коридор и лестница. Два больших окна пропускали довольно света. Паутинные кисеи на них слабо колебались от движения воздуха. На гладком мозаичном полу лежала узкая ковровая дорожка. Нил ступал по ней. Санти двигался за гигантом, сжимая эфес меча.

Нил прошел половину комнаты и резко остановился.

Санти замер, почти уткнувшись ему в спину. Великан судорожно вздохнул: в дверях стоял Ди Гон.

Колдун поначалу не заметил Санти. Только Нила.

– Стоять! – властно произнес он.

И Нил застыл, не в состоянии пошевелинуться.

– Как ты сумел удрать? Говори! – чародей подошел вплотную и коснулся пальцем горла Нила, освобождая его язык.

«Беги!» – мысленно приказал Нил Санти. И вслух:

– Я?

– Ты сильнее, чем я думал! – проговорил колдун. Он все еще не чувствовал Санти.

«Беги!»

Санти выскочил из-за спины Нила и что было сил помчался к выходу. В руке у него был меч. Только потому, что юноша не хотел (не мог?) его оставить: любой меч – ничто против Хлыста.

Ди Гон не сделал попытки его остановить. Он спокойно позволил Санти добежать до двери, а потом приказал:

– Замри! – И начертал в воздухе знак.

Но, к его изумлению, Санти не застыл в неподвижности, а, напротив, выскочил из комнаты и припустил еще быстрее. И это настолько поразило Ди Гона, что маг замешкался и

дал беглецу еще два десятка шагов. Когда же колдун, взыв от ярости, устремился за ним, Санти уже взбегал по лестнице. Он промчался по длинному коридору, к счастью, не встретив никого, и нырнул в отверстие наклонного тоннеля за четверть минуты до того, как к дыре подбежал Ди Гон. Если бы колдун немного подумал, он по лестнице поднялся бы наверх и встретил Санти у выхода из шахты. Сирхару, однако, некогда было думать. Он сунул Хлыст в отверстие – и жар лизнул пятки Санти. Но юноша уже вскарабкался на добрых двадцать локтей. Подгоняемый страхом, он лез, лез, отталкиваясь рукой, ножами меча. Хлыст удлинился, но тоннель не был прямым – огненный язык задел стену. Санти услышал треск лопающегося камня и приглушенные расстоянием проклятия колдуна.

Ди Гон наконец сообразил, что ему следует делать, но когда он выжег замоёк и помчался вверх по лестнице, Санти был уже под самой крышей. Мгновение – и он вынырнул из люка. Гестион протянул руку, и Санти вскарабкался на отливающую бронзой шею.

Когда сирхар выскочил на крышу, дракон был уже слишком далеко, чтоб заставить его вернуться. Позвать дракона Ди Гон мог, но дракон идет на зов далеко не всякого мага.

Санти спасся. А вот Нил...

XIII

*«Восемь категорий разумных живых существ Мира владеют волшебной силой: боги, демоны, маги, фьёльны, драконы, магхары, вагары и люди. Причем боги, демоны, маги и фьёльны повелевают своими чарами, драконы защищаются от чужих чар (впрочем, есть мнение, что на них просто не действует **человеческая** магия), а магхары, люди и вагары (те, кто одарены) лишь пользуются колдовским даром. Считается также, что человек может стать магом, маг же способен стать демоном или богом. В посмертии.»*

Готар Глорианский. Божественное и человеческое

– Не огорчайся! – утешала Санти Ронзангтондамени. – Никто из мужчин не может устоять перед сирхаром. – Сердце ее сжималось от мысли о том, что могло случиться с ее Санти, но как она гордилась им! – Никто! И так было всегда. Мать моя говорила, что прежний сирхар был не слабее. Если бы Ди Гон не был так силен, разве твой Нил не одолел бы его? Но ты, ты устоял!

– Ты удивил даже меня, Санти, – сказала Этайа. – Ди Гон – могучий маг, а ты еще недостаточно чист, чтобы противиться ему самостоятельно.

– Это не я! – сказал Санти. – Это он!

И указал на меч Эрда.

Фьель было достаточно взглянуть на меч, чтобы понять, в чем дело, но Женщина Гнона потребовала объяснений, и Санти пришлось рассказать ей о своем сне.

– Теперь я понимаю еще меньше! – Ронзангтондамени покачала головой. – Ты же не Асенар!

– Вот этого и я не понимаю! – признался Санти. – Тай, что ты скажешь?

– Ничего.

Появился слуга:

– Госпожа! У ворот очень маленький человек с очень густой бородой!

Ронзангтондамени вопросительно посмотрела на Санти.

– Это Биорк! – обрадовался юноша. – Пойдем! – сказал он слуге. – Я сам его встречу!

Биорку и Эрду повезло. Особенно Эрду, которому иначе не дожить бы до следующего дня. Но он встретил утро, с ног до головы покрытый целебным бальзамом, лежа на мягчайшем пуховике, овеваемый опахалами двух слуг. Так велел лекарь. Каждые три часа в рот ему вливали укрепляющий отвар с успокоительным. Воин был без сознания.

Биорку не потребовалось такой основательной помощи. Еще вечером он пришел в себя,

поел и поговорил со своими спасителями.

О судьбе его сына урнгурцы ничего не знали, но зато во всех подробностях описали массовое «жертвоприношение». Биорк мог надеяться, что Нил жив.

Вагара никто не опекал, и ближе к полудню, воспользовавшись тем, что никто не обращает на него внимания, Биорк улизнул.

Дом братьев находился в средней части Шугра, и Биорку не сразу удалось проникнуть в Королевский Город.

Ворота охранялись четырьмя стражниками, и вагару совсем не хотелось попадаться им на глаза. В конце концов он ухитрился прицепиться к днищу воза с продовольствием и, миновав ворота, оказался на площади перед Дворцом. Здесь он спрыгнул, увернулся от колес и перебежал под защиту деревьев. Его никто не заметил: воз был последним в цепи.

Стараясь не выходить на открытое место, Биорк пробрался к дому Ронзангтондамени, который запомнил в день их приезда в Урнгур.

Санги выбежал ему навстречу через минуту после того, как маленький воин обратился к привратнику. Друзья обнялись, и Биорк через плечо юноши, верней, из-под его руки... увидел скачущих к дому всадников. Реакция у вагаров отменная. Он мигом втолкнул Санги в дом, стал в дверях и приготовился к бою, уверенный, что воины посланы за ним.

Но когда урнгурцы, осаживая пардов, подъехали к дому, вагар увидел толстый слой рыжей пыли, покрывающий шерсть животных и плащи людей. А поймав удивленный взгляд привратника, окончательно убедился в своей ошибке.

Маленький воин расслабился и отодвинулся в сторону, чтобы трое из прибывших вошли в дом.

– Не волнуйся! – сказал ему Санги. – Думаю, у нас теперь есть триста воинов!

– Я вижу только дюжину! – возразил вагар.

– Ангнани сказала, что их будет триста. Я ей верю. И они нам понадобятся не меньше, чем твой ум.

Санги коротко рассказал вагару о положении, стараясь быть самокритичным. И сказанного было достаточно, чтобы маленький воин навсегда перестал относиться к нему свысока. Санги еще раньше завоевал его симпатию, теперь же к ней прибавилось уважение.

– Приветствие, воин! – Ронзангтондамени указала вагару на одну из подушек. – Садись! Санги говорил о тебе. Никогда не видела настоящего вагара! Ты не так уж мал ростом, как о вас говорят!

– Я слишком много прожил с людьми и немного подрос! – улыбнулся Биорк.

– Как ты кстати! – сказала Этайа. – Нам нужен твой талант!

– Мой талант – ничто в сравнении с твоим! – поклонился маленький воин.

– Мы думаем о том, как спасти твоего сына! – сказала фьель.

– Сына? – Биорк покосился на Женщину Гнона.

– Она все знает! – сказал ему Санги. – И предложила свою помощь, как ты видел.

– Ты – воин? – спросил ее вагар.

– В Урнгуре женщины не воюют! – с некоторым высокомерием сказала Ронзангтондамени. – У нас довольно мужчин!

– Это я заметил!

– Триста солдат. Командиры здесь, остальные в Нижнем Шугре, если мало, скажи.

– Где Нил?

– В доме сирхара, – ответила фьель. – Если он захочет принести его своему богу, то сделает это сегодня. В Храме.

Вагар задумался, потом спросил:

– Где дракон, о котором говорил Санги?

– Далеко. Но он вернется. Ты не забыл, что драконы не нападают на людей?

– Нет, – усмехнулся маленький воин.

– Мы атакуем их, когда они поведут Нила в Храм! – предложил Санги.

Вагар покачал головой.

- Этайа,– сказал он,– насколько я понимаю, опасен именно колдун?
- Не называй его колдуном! – возразила фьель.– Он маг. Сильный маг. Не называй его колдуном. Это расслабляет тебя.
- Госпожа! – обратился Биорк к Женщине Гнона.– Твои воины справятся с жрецами?
- Да. Но не с сирхаром! С ним не справится и тысяча воинов. Он – сирхар! Его невозможно убить!
- Не думаю. Моего сына тоже звали Неуязвимым. До вчерашнего дня.
- Ди Гон очень силен, Биорк! – напомнила Этайа.
- Это я понял. Когда они начнут?
- Не знаю. Но скажу, когда за Нилом придут.
- Этайа, дракон должен быть здесь.
- Вагар повернулся к Ронзангтондамени:
- Госпожа, как только они начнут, твои воины должны быть на площади перед Храмом. Они не вызовут подозрений?
- Нет. На площади будет много людей. В Урнгуре любят зрелища.
- Этайа, дракон станет повиноваться мне?
- С ним будет Гестион.
- Кто это?
- Мальчик. Его прислал Трой.
- Вот как? А сам Странник?
- Не знаю.
- Ладно,– кивнул Биорк.– Обойдемся.
- Что ты придумал? – просил Санти.
- Сейчас расскажу.

* * *

Процессия медленно двигалась через площадь от дома сирхара к Храму. Первыми, приплясывая, шли жрецы в желтых набедренных повязках. Длинные тощие туловища раскачивались под звуки идущего за жрецами оркестра. Музыка, которая звучала, была скорее устрашающей, нежели приятной, но она была именно та, что заставляет тело двигаться.

За музыкантами в подаренной Ронзангтондамени белой колеснице плыл над желто-коричневым потоком жрецов Нил.

Его вновь облачили в подходящие Хаору царственные одежды. Гигант казался непоколебимо величественным, и никто из зрителей не догадывался, что телом «Хаора» управляет не он сам, а воля сирхара, его жреца, чья запряженная красными громадными кугуррами колесница следовала позади процессии.

Площадь кипела и пенилась возбужденной толпой. Полны были и балконы Дворца Королевы. Разумеется, и сама она, Королева Урнгура, смотрела сейчас вниз, на торжественное шествие. Никто из тех, кому дозволено было присутствовать сейчас в Верхнем Шугре, не упустил возможности. Хаор уходит! Уходит, удовлетворенный своим народом. И своим слугой, Верховным Жрецом и сирхаром Ди Гоном. Церемония в Храме открыта только для посвященных, высших жрецов, но шествие могут увидеть многие. И должны увидеть! Потому так медленно движется оно, потому так пляшут коричневокожие коротконогие жрецы.

Радуйся, народ Урнгура! Хаор уходит!

Багровые в лучах садящегося солнца кугурры, скованные волей сирхара, так же, как и Нил, плавно катили колесницу мага. Ди Гон ни на мгновение не ослаблял внимания. Если враги готовят удар, он будет нанесен сейчас. Глаза сирхара, его чутье, его внутреннее зрение – все было предельно обострено. Появись на Королевской площади кто-нибудь враждебный его замыслам – тотчас упадет, связанный заклятием. Велика мощь Ди Гона. И с каждым

побежденным врагом она растет! Мягко ступают кугурры. Беснуется толпа вокруг. Неподвижно лицо Нила. И совсем близко ворота Храма. Там, в подземелье, уже никто не посмеет и не сможет помешать Ди Гону. Хорошо, что площадь заполнена людьми: сильному нужен простор. Тому, кто захочет напасть, нужно добраться до сирхара прежде, чем маг увидит врага. Даже для выстрела из арбалета нужно приблизиться. А кто устоит перед волей Ди Гона? Сегодня таких нет! Сегодня его день, день великого мага Ди Гона! Сегодня даже Трой-Странник не посмеет бросить вызов Ди Гону!

Старшие жрецы уже вошли в низкие храмовые ворота. Осторожно ступают ноги входящего: не наступи на Оберегающего Вход! Наступишь – умрешь. Медленно и осторожно должен входить человек в жилище бога. С радостью и почтением. Со страхом и трепетом.

Громче заиграла музыка, оркестр прошел между колоннами и канул во тьме. Этим не будет позволено присутствовать в нижних залах, но под своды Храма войти разрешено и им. За музыкантами, втягиваемая черными пастями тяжелых арок, потекла желто-коричневая волнующаяся масса жрецов. Въехала в тень портала белая колесница, увозя Нила. За ней – снова жрецы.

Наконец и голова переднего кугурра исчезла в тени. Широкая лапа опустилась совсем рядом с позеленевшим островерхим шлемом.

И Ди Гон расслабился: никто не посмел бросить ему вызов. Силен маг! С шумом выпустил он из груди накопившийся воздух, а потом зевнул, как зевает пард или кугурр, сбрасывая напряжение...

И краем затуманенного на миг сознания уловил длинную темную тень, скользящую над площадью. Колесница его уже въехала в арку, когда огромный и стремительный бронзовый дракон пронесся над головами людей, как живая молния. Беззвучно пронесся над самым входом в Храм и взмыл в небеса. Толпа ахнула. Колесница исчезла во мраке Храма, и никто, ни один человек из тех, что стояли на площади или вошли в подземное святилище свирепого бога, не увидел, как короткая арбалетная стрела, пробив затылок сирхара, вышла у него из рта.

Ни один человек не был способен на такой выстрел. Только магхар вроде Желтого Цветка, растягивающий время, как кружевную пряжу, или вагар, мастер Мангхэл-Сёрк, попадающий в глаз хармшарка с борта прыгающей на волнах лодки.

К сожалению, нет такой стрелы, которой можно убить настоящего мага. Но, как говорят в Конге, и краб может поддержать падающую гору. Или подтолкнуть. Звезда Ди Гона упала.

Даже магу нужна вся его сила, чтобы удержать жизнь в теле, чей мозг пронзен арбалетной стрелой. Вся сила! И Ди Гон направил ее внутрь, всю силу! И потому воля его, идущая вовне, ослабела.

Освободившийся Нил вскочил на ноги, увидел мага и стрелу, на пол-ладони торчащую у него из рта, понял: надо спешить.

Великан огляделся вокруг: на сей раз ни у кого из жрецов не было оружия. Но он и голыми руками разорвал бы Ди Гона за те несколько мгновений, что были у него. Нил не успел.

Не он один освободился. Три кугурра, три громадные, свирепые, быстрые, как пожар, кошки тоже освободились.

Огромная, шире лица Нила, красная лапа с растопыренными острыми когтями смяла переднюю стенку колесницы сирхара. Вторая лапа поймала извивающегося мага, сбросила вниз, как куклу, и над телом мага заплясал живой костер. В минуту Ди Гон был разорван на куски и проглочен огромными зверьми. Ничего не осталось – несколько капель крови на ноздреватых камнях, и все. Даже одежда его, даже украшения, даже всесжигающий Хлыст исчезли в желудках истомившихся хищников. А наверху, по запруженной урнгурцами площади, двигался к воротам, щетинясь копьями, рыжий клин, острием которого были пятеро всадников на низкорослых урнгурских пардах.

А из горла Храма уже бежали охваченные паникой жрецы. И впереди их – облаченный в королевские одежды гигант. Он увидел всадников и рванулся к ним, расшвыривая встречных: пард – это свобода! Нил рвался к пардам, всадники – к Нилу. Но между ними была толпа людей, уже начинающая понимать, что происходит нечто ужасное. И тут Нил увидел, что один из всадников, машущий руками над головой, – Санти.

Воины Гнона рвались к Нилу, Нил прокладывал дорогу в толпе, как гребец – в штормовом море. Ужасные крики в подземелье превратились в один несмолкающий вопль, жрецы, топча друг друга, рвались наружу. Ноги их сшибали шлемы Священных Стражей, деревянные башмаки крушили хрупкие от времени черепа. Кто будет смотреть под ноги, когда за спиной – три взбесившихся демона-кугурра?

Над Королевской площадью все еще кружил бронзовый дракон.

Нил наконец соединился с воинским отрядом. По слову Санти один из командиров уступил ему своего парда. И свой меч. Не прекословя, даже улыбаясь: еще бы – Хаор!

Толпа на площади в конце концов поняла, что происходит внизу: трудно не узнать рев кугурра! Поняла и отхлынула от Храма, из которого все еще изливался желто-коричневый поток вопящих жрецов. Толпа подалась назад, но ее дальняя от Храма часть осталась неподвижной: там, наоборот, хотели быть поближе к центру событий, чтобы узнать, что происходит. К воплям жрецов прибавились крики задавленных. Встревоженная Королева пыталась что-то сделать, но ее, стоявшую на балконе Дворца, мало кто слышал.

Последняя кучка жрецов выбежала наружу. А вслед за ними – три взбешенных зверя. Опрокидывая ударами лап, хватая зубами и подбрасывая вверх вопящих людей, гигантские хищники вырвались на свободу.

При виде плотно сбившейся толпы кугурры на мгновение остановились, а потом бросились вперед, прямо в гущу урнгурцев.

Несколько Женщин селений попытались направить против зверей телохранителей, но тех было слишком мало. Им едва удавалось уберечь своих повелительниц от напора толпы. При виде хищников, которые, вдобавок к обычному страху, вызывали ужас мистический (звери сирхара!), урнгурцы потеряли свое врожденное почтение к противоположному полу.

Кугурры, чья шерсть слиплась от человеческой крови, терзали оказавшихся с самого края толпы. И люди почти не сопротивлялись. Даже те, у кого было с собой оружие. А потом один из кугурров взметнулся над головами людей и упал сверху прямо на толпу, рядом с Женщиной одного из селений, соседних с Гноном.

Из-за тесноты ее телохранители не могли даже вынуть мечи из ножен. Зверь плясал на человеческих головах, и кровавые ошметки летели из-под его лап.

– Стреляйте же! – закричал Санти.

И воины Гнона, которые благодаря организованности сохраняли относительную свободу, вскинули арбалеты. Десятки стрел взвились в воздух. Многие попали в людей, но большая часть поразила цель. Кугурр стал похож на подушечку для иголок. Как ни живучи эти огромные кошки, но не бессмертны. Истекая кровью, кугурр в агонии замолотил лапами, а потом растянулся на головах урнгурцев. Впрочем, среди тех, на ком покоилось огромное тело, живых почти не было. Хотя и мертвые не падали – напор толпы поддерживал их.

Один хищник был мертв, но два других чудовища продолжали убивать. И здесь ни Нил, ни солдаты Гнона не могли ничего предпринять: между ними и убийцами было почти пятьдесят локтей орущей, плотно спрессованной толпы.

Великан повернул голову к двум командирам, сидевшим в седлах позади него:

– Ну-ка, парни, нажмите на меня!

Нил говорил на урнгрия, и все же Санти первым догадался, чего он хочет. И заставил своего парда навалиться грудью на круп животного Нила. Другой всадник тотчас последовал примеру юноши, а двое других надавили на пардов Санти и урнгурца. Теперь и солдаты поняли идею, нажали – и храпящий пард Нила раздвинул грудью толпу, как нос корабля раздвигает воду.

Три минуты спустя отряд «прорезал» толпу, и пард Нила вылетел из гущи людей на

открытое пространство, как камень из пращи.

За ним вырвались солдаты, и сразу же ближайший из кугурров повалился наземь, пронзенный тучей стрел.

– Мой! Мой! Не стрелять! – закричал Нил, гоня парда к последнему оставшемуся в живых кугурру.

Нилу уже приходилось охотиться на кугурра, но он забыл, что под ним – необученный пард.

При виде своего дальнего родственника пард зарычал и попятился назад. Кугурр отреагировал мгновенно. Красное тело взметнулось вверх и обрушилось на парда сверху. Нил вылетел из седла (к счастью, он не пристегнул пояса), а две огромные кошки сцепились, ревя и кромсая друг друга клыками и когтями. Исход этой борьбы был предрешен: пард с распоротым брюхом и прокушенным горлом остался лежать на камнях, а красный зверь, облизнув окровавленную пасть длинным языком, уставился неподвижными глазами на сбившуюся толпу. Люди боялись пошевелиться, чтобы не привлечь его внимания именно к себе.

Из горла Нила вырвался рев: он в точности имитировал рычание парда. Кугурр уставился на него, а Нил зарычал еще громче, поднимая меч.

Зверь прыгнул без всякой подготовки. Только что он стоял неподвижно и сверлил Нила желтыми бешеными глазами – и вот он уже в воздухе. Но реакция Нила была не хуже. Человек и громадная кошка завертелись живым смерчем. Меч Нила сверкал, клыки кугурра лязгали громче, чем ударяющиеся щиты. Огромная лапа сбила золотой шлем с головы великана. Ключья королевской мантии кружились в воздухе. На выкрашенной в красное шерсти кровь была незаметна. Тем более что кровь кугурра того же цвета, что и человечья. Сверкала золотая кольчуга, плясал красный огонь, рычание зверя смешивалось с боевым кличем Северного Хольда.

А потом вдруг оказалось, что кугурр лежит бездыханный, а Нил вытирает клинок о его густую шерсть.

Ликующий крик вырвался из тысяч глоток. Нила подхватили на руки и понесли. Королева, улыбаясь, подняла руки в приветствии. Да, Ди Гон успел ей сообщить, что Нил – никакой не Хаор, а всего лишь слабенький маг, которого он, сирхар, лишил силы. А он оказался не таким уж слабым. Надо думать, сирхара Ди Гона уже нет в живых. И этот самозванец защитил ее мужчин, а Ди Гон их только убивал. Разумеется, численность мужчин надо сокращать, но Ди Гон делал это уж слишком усердно. Зачем убивать без нужды? Маг был хорош во время Божественного Слияния, но только во время него.

Нет Ди Гона – и хвала Хаору!

Все боялись Ди Гона. И весь Дворец радовался его смерти. Весь, кроме одной маленькой женщины. Спрятавшись в дальней комнате, Силгангмакузани, прозванная магом Черенок, наверное, единственная во всем Шугре, оплакивала сирхара.

Но и она вскоре вытерла слезы. Пусть она на полголовы ниже любой из Женщин, но она настоящая ургрийка. И сумеет отомстить!

* * *

Второй королевский пир, на который был приглашен Санти, был не столь многолюден, как первый, зато проходил повеселее. Хотя формальная причина его считалась печальной – смерть сирхара, но Ди Гон не был тем, о ком хотелось скорбеть. Тела его так и не нашли. А что касается жертв, то Нил заявил, что за последние два дня их более чем достаточно. Что ж, предшественник Ди Гона, сирхар, тоже умер не своей смертью.

И этот пир был даже не пир, а скорее государственный совет.

На сей раз Королева заняла свое собственное место, а самозванный Хаор сидел отдельно вместе с Санти и Биорком. Эрл был еще слишком слаб, чтобы пировать.

Самое почетное место отдали Ронзангтондамени. Именно ее мужчины уничтожили

взбесившихся зверей. Никто не стал выяснять, почему полухогра воинов в полном вооружении вдруг оказалась на площади во время праздника.

Почти все Женщины селений присутствовали в пиршественном зале. Без мужей. А из Приближенных Королевы за столом сидели лишь двое. Зато здесь были все двенадцать старших хогранов.

Поданные кушанья были не столь обильны, как в предыдущее пиршество, но еще более изысканны. А присутствующие были несколько умереннее в еде и питье.

Королева подняла руку. Стало тихо. Санти почувствовал, как взгляды присутствующих сошлись на Властительнице Урнгура, и это вдохнуло в нее дополнительную силу.

Королева начала говорить. Нил переводил друзьям ее речь с урнгрия на конгайский.

Королева рассказала о том, как погиб растерзанный зверьми Ди Гон (об арбалетом болте, пробившем затылок мага, не знал никто, кроме северян и Ронзангтондамени), упомянула Королева и дракона, назвав его Божественным Вестником. Вспомнила и о погибших в подземелье и на площади, об искалеченных и задавленных. Точное число пострадавших неизвестно, но их очень много, а было бы еще больше, и, может быть, погибли бы не только мужчины, если б не присутствующие здесь (кивок в сторону Нила и Ронзангтондамени). Королева описала гибель зверей, одного из которых Нил убил собственноручно. Это никого не удивило – Хаор есть Хаор. То, что он не вмешался сразу, а позволил хищникам погубить столько народу, тоже было воспринято как должное: Добрый Бог любит кровь!

– Наш сирхар и Верховный Жрец отправился в Нижний мир! – громко возвестила Королева. – По воле своего господина, я полагаю?

Нил величественно кивнул.

– Тогда я, Королева Урнгура, Власть его Земли и Сила его Женщин (тут она поднялась, а с ней и все присутствующие, кроме Нила), прошу тебя, Великий и Добрый Хаор, тебя, воплощенный собственной волей, чтобы мы, народ твой, увидели тебя воочию – займи место раба! Мы понимаем – ничтожно оно для тебя, Великого и Могущественного, но высшего нет у нас. Займи его сам к нашей великой радости или укажи достойного! Просим тебя!

– Просим тебя! – эхом откликнулись урнгурцы.

Нил встал. Его беловолосая голова медленно повернулась, пока он с высоты своего роста оглядывал присутствующих. Потом взгляд его остановился на Королеве.

– Люблю мой народ! – прогремел его мощный голос. – Люблю соблюдающих мой закон! Но не один лишь Урнгур в руке моей! И есть земли, где закон мой нарушен! Я восстановлю его! И все вы будете жить в спокойствии. Я сотворю необходимое и приду к вам, а пока, вместо ничтожного и неблагодарного раба моего, Ди Гона, о котором забудьте, я оставляю вам моего собственного слугу! Он не от мира сего, но он – великий воин и великий мудрец! Вот он! – И, подхватив Биорка, поднял его над головой.

Для вагара это было полной неожиданностью. Но пришлось смириться. Что ему еще оставалось?

– Тебе зачтется! – процедил он на языке Малого Народа.

Но Нил только крепче сжал лапами его сапоги.

– Приветствуйте своего сирхара! – закричал он так громко, что дрогнуло пламя светильников.

И зал взорвался криками.

Великан опустил вагара наземь, и тот, скрепя сердце, проследовал к трону сирхара.

«Это необходимо?» – спросил Санти мысленно.

Теперь он вполне прилично слышал мысли Нила.

– Вероятно, – тихо сказал великан. «Это было не мое решение. Уж отца-то я предупредил бы заранее!»

Королева сделала знак, и в зал вошли музыканты.

Официальная часть программы завершилась.

Этайа очнулась от того, что рядом с ее изголовьем кто-то стоял. Фьель не удивилась. Она ждала этого стройного, хорошо сложенного мужчину в черном колете и коротком плаще.

– Благодарю тебя, Тай! – маг поклонился. – Ты спасла его!

– Не я, – ответила фьель.

– Не важно! – Вправленный в серебряный обруч камень вспыхнул сиреневым светом. – Я знаю, кто поет гимн, а кто стучит в барабан, Тай!

– Где ты был?

– В горах.

– Трой!

– Да, Хранящая Жизнь?

– Уговори его. Пусть подождет, пока Дар вернется к нему!

– Ты говоришь? Нет! Он – Неуязвимый! Есть у него Дар или его нет! Он пойдет, Тай! Даже боги не заставят его ждать!

– Я прошу за него, Трой! Не дай ему погибнуть!

– Ты говоришь как человек, Тай!

– Многое связано с его жизнью. Для меня она важнее, чем поверженный демон.

– Демон не угрожает твоей стране!

– Да. Магия, даже магия Ушедших, бессильна на земле фьельнов.

– Но ты не вступилась за Биоркита сама?

– Я могу действовать только из тени, Трой! Тебе ли не знать?

– Тебе ли не знать, фьель, что и я связан тем же?

– Ты можешь.

– Да. Потому я здесь! – маг улыбнулся, и его хмурое лицо чудесно преобразилось: стало молодым и светлым, как у юноши. – Я пришел, чтобы сделать, Тай! Я оставляю дракона и мальчика. Ты направишь дракона?

– Да, Трой.

– И еще я оставляю вот это! – Маг положил рядом с изголовьем Этایی обернутый в кожу предмет.

– Что это?

– Можешь взглянуть. Пусть Нил отдаст его демону. Вот и все. Ради Жизни, Тай!

– Ради Жизни, Трой!

XIV

«Не дай мне Бог, чтобы ты исчез
В объятьях ночи слепой.
Тыходишь в безмолвный лес,
Я – вслед за тобой.
Там, в сумрачном сне лесном,
Лишь ветер и тьма.
Там, во тьме, затерялся Дом,
Дом на склоне холма.

Не дай мне Бог, чтобы ты исчез,
Ушел, как поутру сон.
Ты – есть. И я тоже есть.
Мир будет спасен!
Два сердца – и мир спасен:

Развеется Тьма
В день, когда мы отыщем Дом,
Дом на склоне холма.

Не дай мне Бог, чтобы ты исчез,
Угас, как в бурю – маяк.
Вот, кровь моя на холсте!
Кровь только моя!
Я оптом плачу за все,
Чтоб развеялась Тьма
В день, когда мы отыщем Дом,
Дом на склоне холма!»

Песня Тэллы

– Что это? – Нил вертел в руках цилиндрик в локоть длиной, выточенный из светло-желтого камня и испещренный загадочной резьбой.

– Не знаю, – ответила Этайа. – Там, внутри, что-то движется.

– Это я и сам чувствую! – Великан положил цилиндрик на стол и потрогал фибулу с голубым бериллом, стягивающую края его пурпурного плаща.

Эрд, дождавшийся своей очереди, взял цилиндрик и принялся его разглядывать. Санти посмотрел на его обезображенное ожогом лицо.

«Теперь он пострашней Нила!» – подумал юноша.

Этайа помогла Эрду, но помощь пришла слишком поздно: рубцы уже сформировались, и сейчас на левую сторону лица и шеи светлорожденного невозможно было смотреть без содрогания.

«Может быть, ему еще можно будет помочь, – подумал Санти. – Надо спросить у Тай. Какие-то жалкие рубцы! Не может быть, чтобы магия фьельнов...»

– Может быть, это печать? – предположил Эрд. – Можно попробовать сделать отпечаток?

– Ни к чему! – сказал Нил. – Что бы это ни было, я возьму его с собой!

«Он должен умереть, – подумал Санти. – Но ведь сейчас он жив!»

– Тебе не нужно спешить! – настойчиво произнесла Этайа. – Подожди – и Дар вернется к тебе! Я уверена!

– Даже если и так, – возразил Нил. – Стала бы ты ждать, если бы Заповедные горы могли обрушиться на Золотой лес?

– Этого не будет! – спокойно ответила Этайа.

– Но завтра и этот дом может кануть в Плающую Твердь! Разве нет?

– Не думаю.

– Послезавтра. Я лечу послезавтра, будет благоприятный день.

– Я полечу с тобой! – вдруг сказал Санти.

– В этом нет нужды! – Нил быстро обернулся к юноше. – Но я признателен тебе! Понимаю: ты знаешь, на что идешь!

– Я полечу!

– Санти! – умоляюще сказала Ронзангтондамени. – Этайа, сестра, отговори его!

– Я решил! – твердо сказал юноша. – И попробуй не взять меня, Нил Биоркит!

– А верно, сын! – вступил Биорк. – Пусть летит с тобой! Этот парень способен на многое! Ты позволишь, Этайа?

– Он свободен. И сила его пока мала – весы не дрогнут. Но, Санти, ты рожден для другого!

«Для чего же, Тай?»

«Этого я тебе пока не вправе сказать».

«Тогда я иду с Нилом».

– Возьми мой меч, Сантан! – предложил Эрд. – Теперь он даже больше твой, чем мой!
«Если ты останешься, я смогу сказать тебе, кто твоя мать».
«Я решил, Тай!»
– Спасибо, Эрд! Ну так как, Нил? – И протянул ему руку.
– Ты загнал меня в угол! – улыбнулся тот, и рука юноши утонула в огромной ладони северянина.
– Гестион!
– Что? – Мальчик созерцал падающие и взлетающие струи фонтана, и голос Нила вывел его из оцепенения.
– Мы летим втроем. Санти полетит с нами.
– Здорово!
– Санти! – Ронзангтондамени с болью смотрела на юношу. Ее лицо сразу как-то осунулось, постарело. Санти встал, подошел к ней, опустил рядом, прижал ее голову к груди.
– Я вернусь, Ангнани! – тихо сказал он. – Вернусь! Ты веришь мне?
Женщина печально качнула головой.
– А ты верь! – сказал он настойчиво. – Верь! Ты же Женщина Урнгура!
– Генани, сестра! – промолвила Этайа. – Я не вижу его смерти! Он должен вернуться!
Но Ронзангтондамени отрицательно покачала головой, мягко оттолкнула юношу, встала и быстро ушла в дом.
«Иди за ней!» – велела Этайа.
Санти улыбнулся Нилу и покинул двор.
Юноша вошел в дом и бегом поднялся на третий этаж. Генани лежала лицом вниз на ковре. Санти наклонился к ней, взял за плечи, попробовал перевернуть, но женщина сопротивлялась. Тогда юноша просунул ладонь под ее прижатые к лицу руки и понял, что она плачет.
– Ангнани! – пробормотал он, не зная, что сказать. – Ангнани, милая моя!
Она повернулась к нему так резко, что Санти даже не уловил движения. Он сразу оказался в ее объятиях, окунулся в ее запах и тепло. Генани осыпала поцелуями его лицо, и юноша обнял ее, прижал к себе, стер губами слезы с ее трепещущих век. Они не успели даже сбросить с себя одежду, а тела их уже смешались. Тела не хотели ждать, и руки сбросили только самое необходимое. Никогда ни у одного из них близость не была так стремительна. И так полна!
Меньше минуты прошло с тех пор, как Санти произнес последние слова, а они уже лежали, расслабившись, обнимая друг друга.
Меньше минуты – и целая вечность!
– Ты, наверное, бог, мой Санти! – тихо сказала Ангнани. – Или сын бога. Мне никогда не было так хорошо!
Санти ничего не сказал. Только коснулся губами ее руки.
– Может быть, мы разденемся? – предложил он через некоторое время.
– Нет! Я не хочу! – и засмеялась. – Прости! Такого со мной действительно никогда не было! Санти, мой Санти! – Она спрятала лицо в шелковую ткань его рубашки. – Теперь мне не страшно умереть! – вдруг сказала женщина.
– Я понимаю тебя! – прошептал юноша. Ему не нужно было читать ее мысли, чтобы знать, что она думает и чувствует.

* * *

Маленький караван двигался к западу. По широкому мосту, быки которого, говорят, были построены еще до Эпохи Перемен, они пересекли Шугу. Впереди виднелись серые склоны гор с рыжими и фиолетовыми островками растительности. Дорога поднималась вверх, и чем выше они взбирались, тем лучше видна была горная долина Урнгура, по

которой текла река. И все меньше становился Город на Холме, Шугр.

– Урнгур – красивая страна! – сказал Санти, глядя на спускающиеся к реке сады.

– А бывают некрасивые страны? – удивилась Ронзангтондамени.

– Бывают. Хурида, например. Правда, сам я не видел...

– Там, где живут люди, должно быть красиво!

– Наверно. Зависит от людей. Говорят, когда-то и Хурида была чудесна. Кстати, где твои мужья?

– Я их отправила! – Ронзангтондамени немного смутилась, будто сказала что-то неприличное. Но Санти не разбирался в нюансах урнгурской семейной жизни.

– Когда мы вернемся, – сказал он, – я прилечу прямо в Гнон. Меня очаровал твой озерный домик!

– Дом, а не домик! – Ангнани засмеялась и поцеловала его. Санти поддержал ее, потому что возок подпрыгнул на ухабе. – Я больше не боюсь, что ты не вернешься. Пусть мне скажут – почему?

– Потому что я вернусь. А ты колдунья и заглядываешь в будущее. Вы же все колдуньи, Женщины Урнгура, разве нет?

– Колдуньи. Но мое колдовство не слишком помогло мне с тобой, а?

– Я был на волосок. Ты и без колдовства...

– Лыстец! Как ты не похож на мужчину!

– ?

– Ах, я забыла, у вас же все наоборот!

– Дракон! – сказал Санти. – Летит дракон!

Он мазнул губами по щеке женщины, прыгнул из возка прямо в седло бегущего рядом парда и, обогнав телохранителей, подскочил к Этاية.

«Да, я позвала его! – подтвердила фьэль. – Дальше ехать незачем».

«Ты права, Тай! Ты не сердись на меня из-за... Ангнани?»

«Туон! Она дала тебе то, чего у меня нет, мой Санти!»

«Ты знаешь?»

«Да. Потому что я – фьэль. И я была с вами».

«Ты?!»

«Глупый! Я же твоя фьэль! Я всегда с тобой! Дракон садится, поспеши!»

Их обдало ветром, поднятым огромными крыльями: дракон пролетел над головами людей, приветствуя их, а потом взмыл вверх и уселся на широкий каменный карниз. Телохранители Женщины Гнона закрыли лица руками в знак почтения.

Ронзангтондамени покинула возок. Остальные тоже спешили, собрались вокруг Нила. Эрд торжественно расстегнул пряжки ремней и перепоясал Санти собственным мечом.

– Да хранит тебя Судьба Асенаров! – Он сжал руку юноши.

– Путь подходит к концу, сын! – сказал Биорк.

– Воля Повелителя Судеб! – отозвался Нил с беспечной улыбкой.

Великан вновь сменил королевское облачение на открытый стальной шлем, простую, но надежную стальную кольчугу и серые штаны из мягкой кожи, заправленные в высокие сапоги с бронзовыми пряжками. Поверх кольчуги он натянул толстую меховую куртку. Не потому, что боялся замерзнуть, а потому, что хотел, чтоб такую же куртку надел Санти: юноша был всего лишь чувствительным к холоду южанином.

Санти, в такой же темно-серой куртке с нашитыми сверху стальными полосками, опоясанный мечом, выглядел настоящим воином. Ронзангтондамени, глядя на него, восхищенно улыбалась. Санти поцеловал ее, потом, приподняв вуаль, поцеловал фьэль.

– Будьте вместе! – шепнул он Этاية. – Я люблю вас!

Когда юноша сжал твердую, как сухое дерево, ладонку вагара, тот серьезно посмотрел на Санти и тихо сказал:

– Оберегай его!

Санти подумал, что вагар шутит, но нет, тот не шутил.

Нил вскинул на спину мешок со снаряжением.

– Эй! – крикнул им со спины дракона Гестион. – Я проголодался!

– Я тоже! – закричал в ответ Нил, хлопнул Санти по плечу, и они полезли вверх.

Спустя несколько минут дракон уже парил над кучкой людей, глядевших снизу, запрокинув головы. Потом он поймал восходящее течение и стал подниматься вверх. Когда фигурки внизу превратились в крохотные точки, бронзовый зверь взмахнул треугольными крыльями и полетел в сторону Большого Хребта.

Полет на драконе не сравнить со скачкой на парде. Там – мелькание проносящихся деревьев, тряска длинных прыжков, удары лап, удары седла, скрип кожи и опорных пружин, свист воздуха, выталкиваемого из мощных легких. Скорость! Полет дракона кажется неторопливым. Медленно-медленно плывет внизу земля. Далеко внизу. И даже воздух толкает в лицо слабее, потому что раздвигает его треугольная, отливающая металлом голова. И никакого видимого, ощутимого движения, только тело становится немного тяжелее, когда дракон набирает высоту, и немного легче, когда он ее теряет. И все же дракон обгоняет парда, легко обгоняет. И там, где пард через четверть часа упадет, задыхаясь и закатывая желто-коричневые влажные глаза, дракон будет лететь. Час, два, три. Словно никаких усилий ему не требуется, чтобы парить над измельчавшим миром. Никто не может сравниться с ним в скорости. И уж если понравится человек дракону, а дракон – человеку, любое место, любой самый затерянный уголок становится им доступен. Но ненадолго. Дракону нужно есть, а ест дракон только рыбу.

Санти глядел сверху на остроконечные черные вершины. Он сидел в удобной впадине, держась за плечи Гестиона и упираясь спиной в роговой выступ спинного гребня.

Позади устроился Нил. Юноша слышал, как великан напевает себе под нос: «Солдат, солдат, глотни вина...»

Теперь уж Санти мог сполна насладиться полетом. В тот, первый, раз он был слишком взволнован и летели-то они всего ничего. Сейчас – да. Бесшумно и быстро. Холодный, бьющий в лицо ветер. Горячая упругая спина. Блестящая, как полированный металл, шкура. Говорят, арбалетная стрела не пробьет ее и в упор. Уж Санти никогда не стал бы пробовать! Никакой упряжи, никакого седла. Всадник упадет, только если захочет дракон. Санти с Гестионом сидели во впадине между отростками двух позвонков. Первый, тот, что ближе к голове, был просто бугром локтя в два. А вот второй, за спиной у Санти, вдвое выше и в четыре раза шире. Как спинка кресла. Еще один такой же – за спиной у Нила. Впереди юноша видел длинную толстую шею и загнутый вперед рог, конец которого был почти чисто медного цвета. Треугольная голова с длинными челюстями и широкими ноздрями, круглые глаза под выступами надбровий – их он со спины видеть не мог, зато широченные крылья, несущие длинное тело, расстилались справа и слева, словно огромные паруса из полированной бронзы. Когтистые пальцы, растущие из третьего сустава крыла, сжаты в подобие кулака.

Когда дракон делал круг, Санти, оглянувшись, мог видеть горизонтальную ромбовидную лопасть, которой завершался длинный гибкий драконий хвост.

Полет дракона, пожалуй, даже приятней тех, которые Санти совершал в волшебных снах. В нем – волнующая осязаемость, уверенность от медленных мыслей дракона, которые без всякого усилия улавливал Санти, от тепла и твердой упругости сильного тела под ним.

– Сколько нам еще лететь? – спросил он Гестиона.

– Не знаю. Не знаю, куда мы летим.

– Так спроси его! – предложил юноша.

– Что ты! Драконы не знают времени. У тебя нет какой-нибудь еды? Я не ел со вчерашнего дня!

Санти вынул из сумки кусок пирога и протянул мальчику.

– Спасибо! – поблагодарил он и впился зубами в уже начавшее черстветь сдобное тесто.

– Вы же были на побережье! – удивился Санти. – Там полно плодов, сейчас самый сезон!

– Когда он летал есть, я летел вместе с ним, а когда он спал, я тоже боялся отходить далеко!

– Но почему?

– Почему, почему! А вдруг он улетит без меня?

* * *

– Я послала за тобой, сирхар! – Королева Урнгура окинула Биорка неприязненным взглядом. – Мне не следовало этого делать, а тебе – заставлять меня ждать!

Вагар посмотрел в ее недовольное лицо: «Пусть я никогда не увижу Имирова моря, если я ее понимаю! Хотя на хольдском она говорит неплохо. Кстати, откуда она знает хольдский?»

– Что тебя не устраивает? – спросил он.

Королева посмотрела на него так, будто он выдал нечто постыдное.

«Ну, сынок, удружил! – подумал он. – Впрочем, баба есть баба, даже если она Королева: было бы желание, а повод для недовольства всегда найдется!»

– Если я нарушил ваши законы, – он старался говорить как можно мягче, – то я приношу извинения! Я их не знаю, и никто не потрудился мне их объяснить. Что же до твоей армии, которой я сейчас занимаюсь, – солдаты ее таковы, что благодарят ваших богов за горы, отделившие вас от мира. Эти вояки не выстоят и против Хуриды, а хуже солдат, чем в Хуриде, я не видел ни в одном государстве!

«Я немного сгущаю краски, – сказал он себе, – но это действительно не войско, а сброд. Придется гонять их не меньше двух сезонов, прежде чем из них выйдет что-то путное».

Взгляд Королевы выразил крайнее изумление. Но она молчала.

«Крылья дракона! Чего она хочет? Почему она молчит и смотрит? Так смотрит!»

А Королева просто потеряла дар речи.

«Он что, хочет унижить меня, этот чужак? – думала она. – Вероятно! Все они таковы, чужестранцы! И Ди Гон тоже пытался заставить меня забыть о том, что я – Королева! Но этот попросту прикидывается дураком. И я до сих пор не могу понять, маг он или нет!»

– Может, тебе не нравится то, что я живу не в этой запущенной башне, а в доме Женщины Гнона? Так я готов переселиться в твой Дворец, если ты хочешь. Но можешь мне поверить: свое дело я знаю. И, клянусь собственной рукой, у тебя еще не было лучшего сирхара, чем я, если судить по твоей армии!

«Он сошел с ума!» – мелькнуло в голове Королевы.

– При чем тут армия или место, где ты живешь? – с досадой сказала она. – Ты – сирхар, живи где хочешь и, если тебе нравится, можешь возиться со своими солдатами. Но, во имя Хаора, не забывай о своем долге, сирхар!

– Разве не мой долг сделать твоих солдат хоть немного похожими на солдат? – недовольно произнес Биорк. – Я не виноват, что твои хограны больше думают о собственном фехтовальном мастерстве, чем о подопечных! Я бы немедленно сместил их, но мне неоткуда взять замену. Все остальные еще хуже!

«Что он говорит?» – Королева совсем растерялась. А с ней это случалось не часто.

– Но у тебя только один долг передо мной, сирхар! Только один! При чем здесь мои хограны?

Теперь растерялся Биорк. И с ним это тоже приключалось не часто.

– Долг? – сказал он. – Я исполню свой долг, только...

– Вот теперь я слышу слова сирхара! – перебила его Королева. – Идем! – И встала.

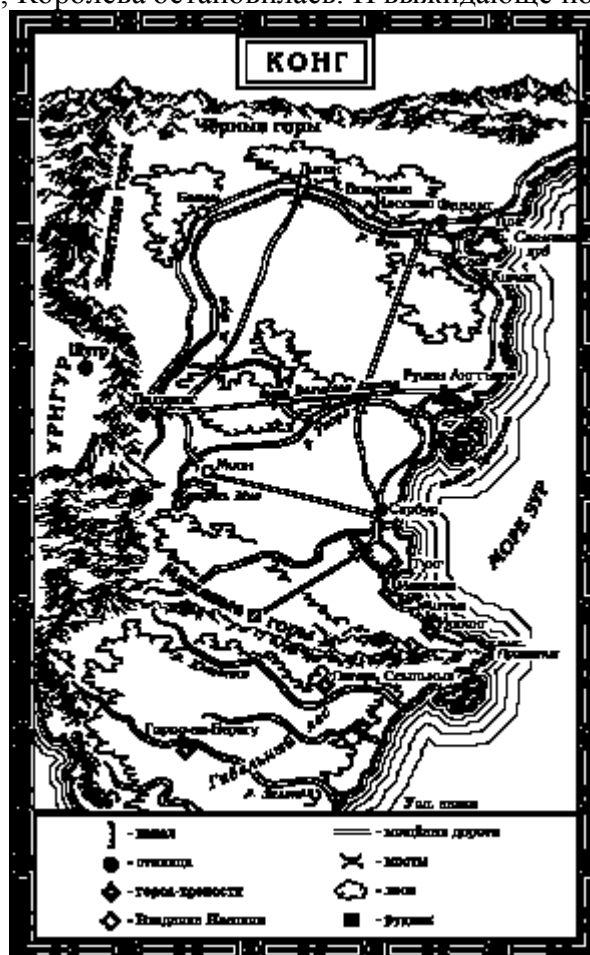
Биорк, совершенно не представляя, что она собирается делать, пошел за ней.

Королева быстро поднималась по широкой мраморной лестнице с черными гладкими перилами, и шлейф длинной мантии подметал бледно-розовый камень ступеней, заметно

«Как давно строили этот Дворец? – подумал Биорк. – И кто его строил?»
Ему приходилось спешить, чтобы не отстать от Правительницы Урнгура.
«Несомненно, эти строители были непохожи на нынешних урнгрия, – размышлял он. – Впрочем, и они неплохие люди. Но пусть дрогнет в бою моя рука, если это не самый странный народ в Мире!»

Королева, покачивая бедрами, уже шла по широкой галерее третьего этажа.

Двое слуг распахнули перед Королевой зеркальные двери. И затворили их за Биорком. Следующие двери Правительница Шугра открыла сама. Они прошли три зала, три светлых прекрасных зала, расписанных изображениями растений и животных, с великолепными плафонами и цветными витражами. Фрески оставались такими яркими, что казались нарисованными совсем недавно. В третьем зале, высоком и немного мрачноватом оттого, что здесь было лишь одно окно, Королева остановилась. И выжидающе посмотрела на вагара.

Биорк прошелся по залу, выстланному толстым ковром, пружинящим под ногами, сполоснул руки в маленьком фонтанчике с бассейном не больше десяти локтей в поперечнике. Вода оказалась теплой.

Королева нетерпеливо похлопывала себя рукой по бедру. Она ждала, но ждать ей уже надоело. Биорк определенно должен был что-то предпринять. Но что?

– Сирхар! – повелительно произнесла первая из Женщин Урнгура.

– Да, Королева? – Биорк тянул время.

– Здесь зови меня Анг-ли! – Она нетерпеливо притопнула ногой. – Долго мне еще ждать, сирхар? – произнесла она со значением.

– Может, ты начнешь сама? – схитрил Биорк.

– Это против традиции. Но – тебе решать! – Королева отошла на шаг и выдернула фибулу, скреплявшую ворот мантии.

Голубая парча упала на ковер. Когда женщина расстегнула пояс и принялась расшнуровывать лиф платья, вагар забеспокоился всерьез. Когда же и платье оказалось на полу, а Королева взялась за застежки нижней юбки, Биорк задал вопрос:

– Ты уверена, что это необходимо?

– А ты – нет? – удивленно спросила Королева, продолжая раздеваться. Она делала это медленно. И не потому, что тоже тянула время, просто ей было непривычно раздеваться самой. Когда же на женщине осталась только диадема на голове и цепь с драгоценным кулоном между грудями, Биорк понял, что от судьбы не уйти. Да он и раньше «сопротивлялся» только из стратегических соображений.

«А она хороша! – подумал он. – Восхитительна с головы до пят! Нилу понравилась бы! Да что лукавить: мне она тоже нравится! Что ж, раз надо, то почему бы и нет?»

Биорк разделся много быстрее, чем Королева. У него была бо́льшая практика и меньше одежды. Да, она возбуждала его! Биорк не собирался этого стыдиться. А сложен он был так, что любой мужчина ему позавидовал бы. Все, кроме роста. И он, Биорк, достаточно

опытен в любовных играх. Не мудрено за такую жизнь! И с женщинами людей у него хватало приключений. Это ничего, что ее грудь выше макушки головы Биорка. Главное, чтоб грудь была хороша!

Взбодренный собственными мыслями и предвкушениями, вагар приблизился к урнигрийке.

– Может, ты ляжешь? – предложил он, глядя на нее снизу вверх.

– Ты уверен, что это необходимо? – с сомнением спросила Королева.

– А как же иначе? – удивился вагар. «У нее своеобразный вкус! Но здесь ведь даже встать не на что!»

Если в голову Биорка и закралась мысль о том, что он делает что-то не так, то уж теперь он отогнал ее без жалости.

Королева покорно опустилась на упругий ковер, и Биорк принялся за дело. А дело он знал!

«Будь я проклят, – подумал он, глядя на ее раскрасневшееся влажное лицо, – если ей это не по вкусу!»

Тайное искусство учит воина контролю и безукоризненному владению телом. И своим, и чужим. Во всех случаях.

Когда Биорк позволил Королеве немного отдохнуть, за окном уже садилось дневное светило.

– Ну как, Анг-ли? Тебе хорошо? – спросил маленький воин.

– Да! – Королева улыбнулась и облизнула пересохшие губы. – Это было неплохое начало.

– Продолжение будет еще лучше! – пообещал Биорк, но женщина отодвинула его руку.

– Довольно! – сказала она мягко. – Давай перейдем к главному, мой сирхар!

– Главному? – Биорк прикусил губу. – Что ты имеешь в виду?

И Королева объяснила. Да так, что Биорку осталось только встать и уйти. Но он был воин. И умел проигрывать. Хотя и не любил.

– Прости, Анг-ли! Я ничего не знал!

– Ты?.. – Королева не могла прийти в себя от изумления. – Он же сам назначил тебя, Хаор, то есть тот, кто убил сирхара, я не знаю его настоящего имени. Сам назначил! Ты должен!

Биорк немного растерялся. Такое с ним случалось не часто.

– Тот, кто убил сирхара, сам становится сирхаром! – продолжала Королева. – Если он поставил тебя на свое место, ты обязан знать все!

– А ты уверена, что приходил действительно бог? – спросил вагар.

– Я уверена!

– Может быть, подождать, пока вернется настоящий победитель? – Маленький воин решил, что время полной откровенности еще не наступило.

– Я не могу ждать! – нетерпеливо сказала Королева.

– Это настолько лучше, чем то, что было только что? – усомнился маленький воин.

– Несравненно лучше! – У нее даже голос изменился.

– Я не маг, – задумчиво проговорил вагар. – Я не могу вызвать у тебя иллюзии или вызвать тебе Хаора (было бы кого вызывать!). Впрочем, кое-какая сила у меня есть, но...

– Что? – быстро спросила женщина.

«Нехорошо лишать ее надежды! Вдруг ее собственного воображения окажется достаточно?»

– Я не знаю заклинаний, например...

– Я помню их все! – Королева живо вскочила на ноги. – Тебе останется только повторять за мной. И все! Раз ты сирхар, у тебя получится!

Биорк тоже поднялся и отошел подальше, чтобы видеть ее лицо.

«Нет, она превосходная женщина! – подумал он. – Я просто обязан сделать то, что она хочет! А вдруг этот Хаор существует и явится сюда?» – пришла откуда-то мысль. Но Биорк

отогнал ее прочь. Нет, не отогнал – сама ушла. В его твердом убеждении не было никаких лазеек.

– Что ж, начинай! – сказал он.

* * *

Дракон плавно кружил над базальтовыми вершинами.

– Он ищет! – сказал Гестион Санти. – Но не может найти!

– Я попробую ему помочь! – отозвался юноша.

Он уже воспринял картину, данную Этайей дракону. Конечно, глаза дракона видят много лучше глаза человека, но глаз человека уловит то, на что дракон не обратит внимания. Санти наклонился вправо, свесился со своего «седла» и принялся искать знакомые очертания каменных изломов.

Дракон описывал огромные круги.

Вдруг внизу мелькнуло зеленое пятно. Санти пригляделся внимательнее, но они были слишком высоко.

– Попроси его спуститься пониже! Вон туда! – сказал он Гестиону.

Но дракон уже сам воспринял его желание и скользнул вниз.

Между серыми горами был совершенно отчетливо виден овальной формы кратер, а внутри – зеленое пятно воды.

– Посмотри вниз, Нил! – крикнул Санти. – Там озеро!

– Не вижу!

Крыло дракона закрывало великану обзор.

– Гестион! Дракон нашел место?

– Нет, Санти, он ищет! Где-то близко! Но он обеспокоен, потому что голоден!

«Опустись здесь!» – напрямую сказал Санти дракону.

Зверь изогнул шею и камнем рухнул вниз. Ветер свистел в ушах Санти. Серые скалы стремительно росли. Но над самой землей дракон вдруг расправил крылья и одним плавным движением выровнялся, почти застыл в нескольких локтях от земли. Плавно, но людей буквально вжало в его спину.

Дракон мягко упал на лапы в центре скальной площадки. В мозгу Санти еще раз возникли образы: высокий, почти отвесный обрыв с острыми скалами внизу, потом серая стена, испещренная выходами подземных тоннелей, и еще одна серая стена и коническая вершина с длинной трещиной вдоль склона.

«Я хорошо увидел. Спасибо!» – передал Санти дракону.

Зверь опустил крыло, и юноша съехал по нему вниз. Нил спрыгнул следом, а дракон заковылял к краю площадки и, бросившись в пропасть, сразу же взмыл вверх.

«Я вернусь за тобой!» – уловил Санти его мысль. Обрадованный, он послал дракону свою благодарность, но тот уже был слишком высоко, чтобы неопытный Санти мог быть уверен, что услышан.

– Что ты говорил об озере, брат? – Нил уже укрепил на спине тук со снаряжением и притоптывал, разминая затекшие во время полета ноги.

– Оно там, за гребнем!

– И имеет отношение к нашему... делу?

– Возможно!

Санти покривил душой: ему хотелось взглянуть на озеро поближе. Еще оттуда, с неба, оно буквально притянуло его взгляд. Откровенно говоря, именно из-за него Санти велел дракону сесть здесь.

– Там, за гребнем!

– Так идем! – И великан уверенно двинулся вверх по склону.

Подъем не составлял труда даже для Санти. Каменная стена была наклонена градусов на сорок пять, впадин и выступов на ней было более чем достаточно. Спустя двадцать минут

они уже взобрались на самый верх.

И оказались на краю огромной серой воронки, гигантского цирка. А внизу, на глубине около трехсот локтей, полуприкрытое дымкой, лежало нежно-зеленое озеро.

– Смотри, там, у берега, что-то желтеет! – возбужденно проговорил Санти. – Может, это золото, Нил?

– Вряд ли, – великан чувствовал себя беспокойно. – Ты не чувствуешь? Здесь как-то странно пахнет?

Санти втянул воздух расширенными ноздрями. Его так и тянуло вниз, к озеру.

– Да, – сказал он. – Запах, как от целебных источников.

– Думаешь? Хочешь спуститься?

– Да, да!

– Хорошо. Видишь террасу? – Нил показал рукой. – Она спускается как раз к тому месту, откуда прямо можно сойти к берегу. – Вперед, брат Санти!

Нил двинулся вниз, но не слишком быстро, чтобы юноша поспевал за ним.

Они преодолели почти половину пути, когда воздух в кратере шевельнулся и в ноздри им ударил резкий удушливый запах. Санти закашлялся.

– Не дышать! – приказал Нил.

Он оторвал лоскут от своей рубахи, плеснул на него вина из фляги и зажал им рот и нос юноши.

– Держи! – И сам закашлялся, потому что запах стал намного сильнее. Оторвав еще один лоскут – для себя, – он опустился на камни и потянул за собой Санти.

– Это не вода! – из-за платка голос Нила звучал глухо. – Надо выбираться отсюда, но мы немного подождем. Я чую опасность!

– Что это? – спросил Санти.

– Пока не знаю. Поглядим.

Санти прислушался к себе, постарался замедлить дыхание и ощутил, что со стороны озера определенно идет «зов». И теперь, когда ядовитые испарения обожгли ему глотку, он уже не обманывался по поводу «озера». Тот, кто звал, был смертельно опасен. Санти постарался «укрыть» свои мысли, и, словно в ответ на это, зеленая поверхность забурлила, ядовитый туман стал гуще. Санти полностью отключил сознание, только смотрел.

На зеленой поверхности вскипел бугор, а потом из него медленно поднялась голова. Чем-то она напоминала голову дракона, но лоб был намного выше, а челюсти – короче. Голова была абсолютно черная, глянцевая, с тусклыми зелеными глазищами, каждый – с голову юноши. С головы чудовища стекала ядовитая зеленая жидкость озера, а сама голова поднималась все выше, выше на длиннющей, такой же глянцево-черной шее. Поднималась и поворачивалась, обшаривая склоны кратера выкаченными мутными глазами. А на затылке монстра было еще одно «око», черное, матовое – на глянцевой коже, тоже ищущее, ощупывающее невидимым лучом серые скалы, отыскивая потерявшуюся жертву. И оно подбиралось ближе, ближе...

«Я – камень!» – сказал себе Санти. И превратился в камень, серый и теплый, гладкий мертвый камень. И Нил стал таким же камнем, немного побольше и потемнее. Оба они были неподвижны. Неподвижны очень давно, с тех пор как застыла выплеснувшаяся из недр вязкая кровь тверди. Невидимое щупальце скользнуло по двум камням, скользнуло, не задержалось, поползло дальше, раскачиваясь вверх-вниз, не пропуская ни одной ложбинки.

Рука Нила коснулась Санти. Они очень осторожно двинулись вверх, припали к скале, когда морда чудовища вновь повернулась к ним, сделав полный оборот. Голова продолжала медленно вращаться, мутные глаза ушли, и они продолжили подъем. Когда черное «око» стало приближаться к ним, Нил и Санти уже бежали по террасе и, прежде чем оно коснулось их, перевалили за гребень.

– Кто это был? – спросил Санти, когда они, спустившись со склона, сели передохнуть.

– Думаю, демон! – сказал Нил. – Никакая живая тварь не сможет жить в этой гадости!

– Да? – Санти никогда не сталкивался с демоном, но все же склонен был думать, что

черное чудище – именно живое существо. С демоном у него скорее ассоциировался тот «слизень» на перевале.

– Но это не демон, к которому мы идем! Потому забудем о нем и отправимся искать нашего!

– Хорошо, – согласился Санти. – Я думаю, нам нужно идти туда! – Он показал на уходящий вниз склон, образованный застывшим лавовым языком.

– Ты ведешь! – сказал Нил.

Но пошел первым.

Поначалу спуск показался Санти делом совсем нетрудным. Тем более что Нил безошибочно находил самый удобный маршрут. Но не прошли они и пары миль, как юноша запросил пощады. Ноги его совершенно отказывались работать. Нил же, казалось, совсем не устал, хотя, в отличие от шедшего налегке Санти, тащил огромный тюк. Великан сжалился над ним:

– Отдых! – сказал он. И юноша без сил повалился на камни.

Нил развязал мешок, вынул из него одеяла, легкий шатер из паутинного шелка, еду. Через двадцать минут Санти, сбросив куртку, уже сидел внутри обогреваемого масляной лампой шатра и уплетал мясо, запивая его сладким подогретым вином.

К его изумлению, Нил съел едва ли не втрое меньше, чем он сам.

– Я как собака: наедаюсь впрок! – засмеялся он в ответ на вопрос юноши.

Когда Санти поел, его неудержимо потянуло в сон. Все плыло перед его глазами. Он хотел сказать Нилу, чтоб тот разбудил его, когда придет время Санти караулить, но не успел. Уснул. Великан завернул его в одно из одеял, и Санти спокойно проспал почти до полудня.

Нил разбудил его, когда лик солнца выглянул из-за восточного хребта. Юноша с трудом разлепил веки. Он увидел свет, пробивающийся сквозь шелк шатра, и со стоном сел. Все мышцы его болели, а о ногах – и говорить нечего.

– Сколько я спал? – спросил он Нила.

– Часов двенадцать, думаю, проспал, – усмехнулся великан.

Санти, охая, как старик, подполз к выходу и откинул клапан шатра.

– Уже день! – воскликнул он. – Почему ты не разбудил меня?

– Разбудил, как видишь. На, пей! – Великан протянул ему чашку с подогретым вином.

– Нам давно пора быть в пути! – возмущенно заявил юноша.

– Угу! Сейчас пойдем! – Нил насмешливо разглядывал его недовольное лицо. А потом отобрал у него чашку: – Ну-ка, раздевайся! Выжмем из тебя лишний сок.

Санти заартачился было, но великан сделал свирепое лицо и, пошевелив толстыми пальцами, заявил:

– Сейчас я тебя взбодрю!

И Санти, кряхтя, снял с себя одежду. Спать на камнях он тоже не привык.

– Взбодрю! Ох, взбодрю! – приговаривал Нил, разминая его икры.

Санти закусил губу: ему было очень больно.

– Ты покричи, покричи! – посоветовал Нил. – Полегче будет. Воин не охает, как ты. – Он очень похоже передразнил юношу. – Воин испускает боевой клич. Вот так! – и взревел взбесившимся кугурром, совершенно оглушив юношу.

– Ну-ка попробуй, брат Санти!

Санти попробовал.

– Для пробы сойдет! – одобрил Нил. – Ну-ка, еще раз! А теперь – зашипи! Сквозь зубы! Очень помогает, когда тебя бьют дубинкой по животу.

Санти рычал, шипел, вопил. Руки великана месили его так, будто действительно выдавливали сок.

– Апп! Ух! У-у! У тебя... о!.. ловко получается! – сообщил ему Санти.

– Что могу – то могу! – согласился великан. – И, заметь, мне наплевать, что ты – весь деревянный! – Его ладони выбили барабанную дробь на спине Санти, а заодно и весь воздух

– из его легких.

– Хей-мей! Брат! Иногда я думаю, что и мертвого смог бы заставить плясать!

Он ухватил Санти за плечи и, придавив коленом, выгнул ему спину так, что юноша едва не потерял сознание.

– А ты – молодец! – сказал он Санти, у которого перед глазамиплыли черные круги.– Терпеливый! Ну, еще немного – и ты запрыгаешь по скалам, как влюбленный паук! Все! Поднимайся! Хватит изображать из себя дохлого вола!

Санти очень осторожно сел. Каждая клеточка его тела горела, но это было уже не больно, а скорее даже приятно. И он мог двигаться, не сжимая зубов.

– Ты – маг! – восхитился юноша.

– Что правда, то не ложь. Садись, поешь и отправимся!

Пока Санти, сидя на свернутом одеяле, поглощал завтрак, Нил упаковывал вещи. Солнце стояло уже высоко, и воздух потеплел.

Когда юноша покончил с едой, Нил запихнул одеяло в тюк, а тюк вскинул на спину.

– Куда, проводник? – весело осведомился он.

* * *

Одно за другим повторял Биорк непонятные слова. Ничего не происходило. Да он и был абсолютно уверен, что не произойдет.

– Может, я слишком тихо говорю? – спросил он Королеву, чтобы показать свою заинтересованность.

– Это не имеет значения, сирхар! – Королева была растеряна.

Она стояла перед вагаром, совершенно не стесняясь своей наготы, и Биорку это было приятно. Он уже знал, что в Урнгуре иначе относятся к обнаженному телу, чем в Конге.

– Все! – сказала упавшим голосом Правительница Урнгура.– Он не пришел!

– Я думаю, все эти маги-сирхары тебя просто дурачили, – попытался утешить ее вагар.

– Уверена, что нет! Если бы ты видел, как Хаор обращался с ними...

– Как?

– Даже глядеть на это было... неприятно!

– Я знаю многих магов, – Биорк старался быть убедительным. – Я видел, как они создают иллюзии и играют ими. Если маг дарит тебе женщину, она желанней всех женщин мира. Если он дарит тебе сотворенный им перстень, перстень может «пережить» даже твоих внуков. Если он ударяет тебя мечом... Я видел, как умер человек, когда его проткнули таким «мечом». А в руке мага ничего не было! Мага я убил, кстати. Тот человек был моим другом. Но я говорю: настоящий маг может почти все. А блаженство? Есть тысячи способов достичь блаженства. Например, я знаю один кактус, он растет и у вас, в Урнгуре...

– Довольно! – перебила его Королева. – Ты забываешь: я – Женщина Урнгура! У нас тоже есть магия! И не слабее, чем у сирхара! Ни одной из нас Ди Гон не мог ничего сделать, потому что мы – дочери Хаора! Он же был лишь его рабом! Как и ты! А вот есть ли у тебя магия, я сейчас узнаю. Боги! – В голосе ее звучало неподдельное горе. – Я проверяю, есть ли магия у моего сирхара!

Вагар выслушал ее совершенно спокойно. Он не верил в богов. В магию он верил, но боялся ее не больше, чем рубящего меча. А уж что касается женской магии...

Взгляд Королевы затуманился. Биорк ждал. Он ничего не чувствовал. И ничего не происходило. По его мнению.

– Довольно? – предложил он через несколько минут.

– А?

Вид у Королевы был совершенно ошеломленный. Каким бы ни был результат ее «проверки», это было явно не то, чего она ожидала.

«Может, все же сказать ей, кто убил Ди Гона? – подумал вагар. – Вдруг это избавит ее от иллюзий?» Но, оценив выражение лица королевы, решил воздержаться от откровенности.

«Я опростоволосился,— подумал он.— Пусть хоть звезда Нила не потускнеет. Нил все-таки маг, вот он и разберется с этим мифическим Хаором! Или создаст ей подходящую замену!»

Он приблизился к женщине и провел ладонями по ее гладким бедрам. Кожа Анг-ли была цвета темного янтаря.

— Может быть, нам продолжить то, что мы начали? — предложил он ласково.

— Нет! Ты не муж мой! И не сирхар! К сожалению. Я — Королева Урнгура и должна чтить обычаи. У тебя нет Силы! — И довольно грубо оттолкнула вагара от себя.

В следующее мгновение она уже лежала на полу.

Королева потеряла дар речи. Откуда ей знать, что Биорк с легкостью уложил бы трех ее самых сильных воинов.

— Анг-ли! — прошептал он ей в самое ухо.— Я — сирхар! Потому что так сказал тот, кого мы оба уважаем! — Королева, прижатая к ковру так, что не смогла бы и шевельнуться, молчала.— Ты хорошо понимаешь мой хольдский?

Женщина машинально кивнула.

— Если я неприятен тебе, скажи! Может, тебя смущает мой рост?

Королева не делала попыток освободиться, но и не проявляла никаких чувств.

— Может, тебе не нравится, что у меня нет магии?

— Она у тебя есть! — живо сказала Королева.— То есть не магия, а наоборот. Ты знаешь это?

Но у Биорка сейчас не было желания обсуждать собственные возможности или слабости.

— Если ты все еще против, только скажи.— И нежно куснул ее за ухо.

— Нет,— нерешительно проговорила женщина.— Нет, я не против, но...

— Вот и хорошо! — Биорк тут же отпустил ее руки.

Королева вздохнула... и покорилась.

* * *

— Очень похоже на то самое место! — Санти внимательно разглядывал скалы внизу.— Если нам удастся спуститься...

Нил посмотрел на крутой склон под ними, не склон — обрыв. И черные каменные зубцы, казавшиеся клыками ожидающей их чудовищной пасти.

— Если это то самое место, брат,— сказал он,— мы спустимся.

Он распаковал вещи и достал снаряжение.

— У нас только тысяча локтей троса! — сказал он.

— Больше и не потребуется,— отозвался Санти.

Он был почти убежден, что место — то самое. Уверенность пришла извне, и юноша перестал сомневаться.

Нил забил в расщелину костыль и закрепил трос.

— Надень рукавицы! — сказал он юноше.

Нил ухватился за тонкий паутинный канат с редкими узлами и, отталкиваясь ногами от стенки, «полетел» вниз.

Санти последовал его примеру. Держаться за тонкий трос было довольно сложно. Ноги не всегда находили опору. Хорошо, что великан отобрал у него весь груз.

«Ты — в горах. И ты — новичок,— заявил Нил.— Если ты сыграешь вниз, кто будет меня спасать, а?»

Нил быстро достиг широкого плоского выступа и остановился, чтобы дожидаться Санти, который, тяжело дыша, присоединился к нему через несколько минут.

— Отдохни! — предложил великан.— Ты совсем запыхался!

— Зря ты согласился меня взять! — проговорил Санти, жадно втягивая воздух. В последнее время он почему-то все время страдал одышкой.

— А ты не забыл, брат, что без тебя я ползал бы вслепую, как новорожденный пард?

Отдыхай! Десяток минут ничего не значит!

Однако этих десяти минут у них не оказалось.

Каменный балкон, карниз шириной не больше четырех локтей, вдруг слегка тряхнуло. Санти не придавал этому значения, но Нил встрепенулся.

– Ты слышал? – спросил он.

Санти помотал головой. Но он знал, что слух у сына вагара намного лучше, чем у него.

– А что слышал ты?

– Похоже на хлопок, – Нил встал, но тут же вынужден был присесть – еще один толчок едва не сбросил его с карниза.

– Похоже, наш демон решил нас поприветствовать! – пошутил Санти.

И словно в ответ его словам оглушительный взрыв потряс горы. Санти инстинктивно пригнул голову, а потом посмотрел вверх и увидел, что из ближайшей к ним конической вершины бьет вверх узкая прозрачная струя раскаленного газа. Поднявшись на высоту в тысячу локтей, струя расширилась, превратилась в колонну, почти сразу же почерневшую от миллионов кусков породы, вырванных струей пара.

Взлетев на огромную высоту, они посыпались вниз.

– Лезь! – закричал Нил, всовывая в руки Санти трос.

Пока юноша соображал, великан толчком сбросил его с карниза. Санти повис на канате, а сверху уже сыпались раскаленные камни. Санти взглянул себе под ноги и вдруг увидел там то, что было им больше всего необходимо сейчас: неровное широкое отверстие в скале. Прямо под балконом.

– Нил! – громко закричал он, чтобы перекрыть грохот извержения. – Пещера! Сразу под карнизом!

Он скользнул вниз на десять локтей и оказался прямо напротив черного широкого входа внутрь горы. Шесть локтей отделяло его от края пещеры. Шесть локтей – и пропасть в полмили глубиной. Камень ударил его в плечо, и левая рука тут же онемела. Хорошо еще обломок был совсем маленький. Иначе Санти полетел бы следом за ним. Он с трудом удерживался на тросе, а тут еще Нил сверху стал раскачивать его.

– Прекрати! – в отчаянии завопил юноша.

Но Нил не обратил внимания на его вопль. Канат раскачивался все сильнее. Санти изо всех сил вцепился в него правой рукой, ногами... И вдруг понял замысел Нила. Понял, когда ударился о склон в двух локтях от края пещеры. Второй раз он уже ухитрился оттолкнуться так, чтобы изменить траекторию. Моля богов о том, чтобы не сорваться, оттолкнулся еще раз, посильнее, и следующим махом угодил прямо в отверстие. У него хватило сообразительности не отпустить трос. Неровный пол пещеры служил удобной опорой. Он натянул канат – и Нил тут же оказался рядом с ним. Шлем воина был немного помят, и на ногах великан стоял не вполне твердо. Но доспехи и теплая куртка сослужили свою службу. Теперь оставалось только ждать, глядя, как проносится мимо каменный дождь. Гора еще несколько раз вздрогнула, и Санти поглядел на своды над ними – выдержали ли они толчки? И тут в голове его что-то произошло, и он узнал.

– Нил, – он коснулся руки великана. – Это – то место!

– Да? – Нил совсем не удивился.

– Я уверен! – Санти с опаской посмотрел в черную глубину пещеры.

– Я тоже так думаю! Поспорим, что через десять шагов пол станет гладким, как кожа девушки?

Санти не стал спорить, он просто шагнул в темноту.

– Нет уж! – Великан схватил его за руку. – Вперед пойду я! И изволь не отставать! На-ка! – Он вложил в ладонь Санти конец кожаного ремня. – Вперед!

Они прошли десять шагов, и сто, но основание пещеры осталось таким же, как и прежде. Никаких следов того, что это место создано не природой, а магией. А ведь, насколько Санти понял, Нил намекал именно на это. Санти не хотелось идти дальше. Он буквально чувствовал, как сам воздух толкает его назад. Если бы не ремень в руке, он,

пожалуй, остановился бы. И скорее всего, двинулся бы обратно. Он и остановился. Ремень в его руке дернулся, а потом он услышал шаги возвращающегося к нему Нила.

– Сейчас, – пробормотал великан. – Сейчас!

Санти услышал, как он положил тюк, развязал его.

Вдруг во мраке пещеры вспыхнул свет: Нил зажег светильник.

– Возьми! – сказал он, вручая его Санти. – С ним тебе будет веселее!

И они двинулись дальше. Глядя на потрескавшиеся неровные стены, Санти еще раз убедился, что пещера – естественного происхождения. И все же в ней было что-то необычное.

Нил словно бы угадал его мысли.

– Какой странный звук! – проговорил он. – Идешь по твердому камню, а звук такой, будто по чему-то мягкому. Вроде травы.

Санти ощущал то же самое.

– Что будем делать? – спросил он.

– Да ничего! Идти вперед!

Санти взглянул на светильник. Масла оставалось еще на полчаса.

– Нил, – спросил он, – у нас есть еще масло?

– Сколько угодно! Не беспокойся! – и вдруг остановился.

– Что случилось? – почему-то шепотом спросил юноша.

Великан ничего не сказал. А потом вдруг хлопнул в ладоши. И еще раз.

– Что ты делаешь? – удивился Санти.

– Здесь нет эха! – сказал Нил.

Точно! Эха не было.

– Сдается, мы на верном пути! – удовлетворенно изрек гигант и двинулся дальше.

Санти старался от него не отставать. Он почувствовал покаяние. Множество маленьких иголок притрагивались к его спине, затылку, ногам. Он не стал говорить об этом своему спутнику, но попытался «увидеть» пещеру внутренним зрением. То же, что и в башне сирхара: его внутреннее «око» ослепло. Санти встревожился всерьез. Особенно когда ощутил еще кое-что: он «потерял» Этайю. Все время пути, до самого входа в пещеру, он чувствовал: фьель рядом. Сейчас ее не было. Она «ушла», и он, возбужденный падением вулканических бомб, не заметил вовремя ее «отсутствия».

Какое-то время он машинально двигался за Нилом, но, наконец осознав важность собственных наблюдений, решил, что должен поделиться ими со своим спутником.

– Нил! – Он догнал великана. – Стой!

Сын вагара остановился как вкопанный.

– Что? – негромко спросил он, и юноша лишь сейчас заметил, насколько Нил напряжен.

Как мог внятно, Санти рассказал ему о собственных ощущениях.

Нил внимательно слушал его, а потом спросил:

– Что ты предлагаешь?

– Не знаю... – растерянно отвечал Санти.

– Тогда идем! – резко произнес Нил, повернулся и зашагал по странному полу тоннеля.

Санти ничего не оставалось, как последовать за ним. Свет масляной лампы по-прежнему озарял стены. Значит, шли они не так уж долго. Отчего же Санти кажется, что прошло так много времени?

Но он продолжал идти, потому что остановиться – значит оставить Нила одного.

– Ти-ихо! – прошипел великан, резко останавливаясь.

Санти на миг застыл с поднятой ногой, потом осторожно поставил ее. Он тоже услышал звук. Пение. Негромкое пение. Слов не разобрать, но голос похож на женский.

– Стой здесь! – приказал Нил.

Он отпустил ремень, сбросил со спины тюк. Вернее, аккуратно положил его. Санти видел, как великан начал было вытаскивать меч, но потом все же оставил его в ножнах. Медленно, очень медленно и осторожно Нил двинулся вперед. Тоннель изгибался вправо и

вниз, и через двадцать шагов Санти перестал видеть спину великана, а Нил уловил брезживший впереди свет. Сын вагара сделал еще несколько шагов, и вдруг «пол» ушел у него из-под ног, и он упал вниз, на спружинившие ноги, так и не поняв, что произошло.

Нил оказался в огромной пещере, громадном каменном зале, украшенном белыми сходящимися колоннами сталактитов и сталагмитов, похожих на пальцы гигантских рук, вмурованных в камень. Зал был потрясающе огромен. Рука человека никогда не касалась его стен, но непонятно откуда идущий тусклый серый свет озарял его бугристые своды.

И Нил увидел того, кто пел. И тот, кто пел, увидел Нила. И они узнали друг друга. И Нил невольно попятился, а тот, кто пел (если это он пел), прыгнул вперед.

– А-а! – обрадованно пискнуло Дитя. – Ты! Ты! Ты! Поиграем? Да? – В пухлой «ручке» моментально возник огненный шар.

– Нет! Не спеши! – закричал великан. Впрочем, рядом с этим «ребенком» он вовсе не казался великаном.

– Почему? – «малыш» надул губки. Каждая – в локоть толщиной.

Нил силился что-то вспомнить, но не мог.

– Это твой дом, сынок? – спросил он первое, что пришло в голову.

– Не-е-е... Не мой! Поиграем, а?

Демон подпрыгнул на одной ноге и приблизился к Нилу сразу на десяток локтей. Сын Биорка заметил, что босая «ножка» твердо стоит на полу, а не висит над ним, как тогда, в подземелье Ди Гона.

– Не твой? – удивился Нил. – А где же твой дом, сынок?

«Личико» демона перекошилось.

– Ты плохой! Плохой! – закричал он. – Уходи вон!

Сноп огня едва не испепелил Нила. Тот едва успел отпрыгнуть в сторону.

– Сынок! Постой! – закричал он. – Игрушки! Игрушки у тебя есть?

– А? – «Малыш» остановился, поглядел на сына вагара, склонив голову к плечу. – Игрушки есть.

– А покажи! – попросил Нил, не зная еще, нашел он верный тон или короткую дорогу в Нижний мир.

– Сынок! Сынок! Дон! Дон! Дон! – «Малыш», напевая, поскакал на одной ноге к центру пещеры. – Дон! Дон! Дон! Я хороший! – сообщил он, поворачиваясь к Нилу.

– Хороший, сынок! Хороший!

– Гляди, какая у меня игрушка! – игриво проговорил «малыш». Из его ладони выплеснулся сноп искр, взорвавшийся в воздухе и очертивший в нем нечто вроде шара.

– Красота! – важно сказал демон и еще раз полыхнул огнем. – А теперь ты! А теперь ты!

Санти, потеряв Нила из виду, не рискнул сразу пойти за ним. Он ждал несколько минут. А потом светильник в его руке стал быстро угасать, и через мгновение юноша оказался в полной темноте. Нет, не в полной! Там, куда ушел великан, брезжил слабенький, почти призрачный свет.

Санти не оставалось ничего другого, как нарушить приказ старшего друга. Ждать в темноте ему было физически невтерпех.

Санти шел вперед, и свет постепенно разгорался. А потом нога юноши зацепилась за что-то твердое, он едва не упал, но уперся коленом в невидимую ступеньку, встал на нее, затем на следующую – и вдруг оказался под высокими сводами каменной полости. И увидел Нила.

– Теперь ты! – требовательно сказал «малыш», маня сына вагара ручкой.

– Я не могу! – сказал Нил.

Лицо «ребенка» вновь искривилось:

– Ты не хочешь! – убежденно сказал он. – Ты плохой! Не хочешь со мной играть! – И двинулся к Нилу.

Меньше всего тому хотелось играть в пятнашки с огненным демоном. Он попытался укрыться за одним из сросшихся с полом сталактитов. Но демон двигался прямо к нему. И прошел при этом через точно такую же белую колонну, словно ее и не было.

– Сынок! Сынок! – закричал Нил. – погоди!

Санти оценил положение.

– Эй! – крикнул он.

Демон мгновенно обернулся.

– Привет! – сказал Санти. – Как дела?

– У! – застенчиво сказала Дитя.

– Поиграем? – сказал Санти.

«Детское личико» расцвело улыбкой:

– Ага!

– А ты можешь бросить мяч, а потом поймать?

В руке демона тотчас появился огненный шар. Он швырнул его вверх, и шар взорвался, ударившись о потолок.

– Не так высоко! – крикнул Санти.

Демон бросил еще один шар и на сей раз поймал его. Шар будто сам притянулся к его «ладошке».

– А теперь ты! – крикнул он Санти, и огненный мяч полетел к нему.

Санти присел, шар пролетел над его головой и взорвался в глубине каменного тоннеля. Рука юноши невольно коснулась эфеса меча. Бессознательный жест. С тем же успехом он мог бы взяться за застежку куртки. Но нет! Эффект этого простого прикосновения был поразительным. Исчезли базальтовые стены пещеры, исчезли сталактиты. Юноша стоял у стенки громадных размеров Сферы. Нил и Дитя были внутри нее.

Сын вагара стоял на прозрачной светящейся пленке, разделяющей сферу надвое. На этой же «пленке» стоял и Санти. А посередине, там, где взорвались выпущенные демоном искры, очень медленно поворачивался огромный голубой шар. Санти узнал его: этот шар плыл ему навстречу, увеличиваясь, там, в подземелье под Владением соххогои. Завороженный его красотой, Санти забыл обо всем.

Крик «малыша» вывел его из оцепенения:

– Перестань! Перестань! Сейчас же перестань!

Санти посмотрел на демона: «малыш» исчез. Остался сгусток красного пламени, выбрасывающий огненные протуберанцы, пронзающие шар насквозь. Это было ужасно!

Нил не видел того, что видел Санти. Зато он увидел, как поплыли, потекли черты «детского» лица, превращаясь в красную маску-череп. Рот стал огненной щелью, разделяющей голову пополам, а тело по-прежнему оставалось телом громадного ребенка. И руки его начали расти, удлиняться, потянулись к стоящему на пороге Санти извивающимися, как щупальца, пальцами.

– Трой, Нил! Трой! – закричал юноша, отшатываясь от тянувшихся к нему языков огня.

Невидимая преграда в мозгу сына Биорка рухнула. Он вспомнил!

– Сынок! – закричал он. – Сынок! Лови! – Выхватил из-за пазухи цилиндр и бросил его демону.

Рука Санти в этот момент соскользнула с рукояти меча. Он увидел на миг нависшую над ним маску Смерти, а потом – вновь профиль счастливого детского лица.

Точным движением демон поймал цилиндр:

– И-и-и! – в восторге заверещал он и прижал крохотный предмет к своей груди. Черты лица его разгладились, успокоились, блаженная улыбка раздвинула пухлые губки.

Он медленно опустил на пол пещеры, поджал ноги и закрыл глаза. Нил сделал шаг, и глаза демона открылись.

– Спасибо! – отчетливо произнес «малыш» и опустил веки.

Санти прикоснулся к мечу и вновь увидел волшебную Сферу. И голубой, медленно

вращающийся шар. Он посмотрел на демона. И вместо красного пламени увидел голубые, сплетенные в кокон светящиеся нити. Санти сделал мысленное движение и «заглянул» внутрь.

...И увидел себя, только себя очень маленького, не больше четырех лет. Он сидел на ступенях дома перед небольшой зеленой лужайкой. Сидел и гладил маленькую лохматую собаку. А за лужайкой была невысокая оградка из витых стальных прутьев. Он сидел и ждал. А потом увидел фигуру женщины, идущей через лужайку.

– Дом, доу, вау! – напевала она и улыбалась Санти.

И была она очень-очень большая и очень-очень любимая. Санти вскочил со ступенек и бросился к ней, протягивая руки:

– Мама! – закричал он изо всех сил. – Мамочка!

* * *

Санти открыл глаза. Сначала он не понимал, что происходит. Кто-то нес его. Вокруг было темно.

– Очнулся? – раздался рядом, прямо над ним, ласковый бас Нила.

– Да-а! – пробормотал Санти. – Можешь поставить меня на ноги.

– Как хочешь! Но смотри: я могу еще долго тебя нести, ты не слишком тяжел! – Санти услышал смешок.

– Поставь, поставь! – сказал юноша. И Нил опустил его на пол.

– Зажечь светильник? – спросил великан.

– Погоди! – Санти прикоснулся к рукояти меча. И тьма исчезла. Он был в залитом зеленым светом коридоре, за стенами которого пульсировало и переливалось нечто, не имеющее имени в человеческой речи. И еще он услышал музыку. Санти не сразу понял, на что она похожа. Но когда понял, то стал еще счастливей: то была музыка фьельнов.

– Нил! – сказал он. – Мне не нужен свет. И мне больше не хочется отсюда уходить!

– Если так, побудем немного здесь, – согласился великан. Но Санти слишком хорошо ощущал его тревогу.

– Ладно, идем! – сказал он. – Идем!

И они двинулись к выходу.

Снаружи была тишина и синее прозрачное небо, полное света. Вулканическая бомбардировка кончилась. Земля больше не содрогалась, даже воздух, казалось, стал чище и свежее.

Нил взглянул на Санти и улыбнулся:

– Мы сделали! – сказал он. – Сделали! Остается только вернуться назад!

Внутри у сына Биорка было легко и пусто. То, ради чего он переплыл два моря и прошел половину Мира, осталось в прошлом. А будущее не предложило ему пока ничего взамен.

– Вернуться назад! – повторил он.

– Пустяки! – Санти тряхнул головой с отросшими волосами. – Как только мы выберемся на подходящее место, я позову дракона.

– Замечательно! – обрадовался Нил. – Слушай, брат Санти, я очень рад, что ты пошел со мной! И не только потому, что в одиночку мне было бы не совладать... Я никогда не встречал более надежного парня, чем ты!

– Шутишь, да? – улыбнулся юноша. – Я всего только певец. И никогда не скрещивал меча с врагом.

– Меч не главное! Я хочу, чтобы ты поехал со мной в Империю, в Хольд! Тебе понравится в Империи, Санти! Ты – наш! Я, Эрд, Биорк – мы все сделаем, чтобы тебе было хорошо на нашей земле!

– Спасибо, Нил! Мне бы очень этого хотелось! Но... Все же Конг – моя страна. И я не

знаю, что с моим отцом...

– Мы поможем тебе его найти! – пообещал Нил. – Биорк отыщет все что угодно. И кого угодно! Мы найдем твоего отца, и вы поедете вместе!

– Еще – Этайа! – сказал юноша. – Что скажет она? Ей известен мой путь лучше, чем мне! Правда, я все время сползаю на обочину! – засмеялся он. – Но думаю, что не зря!

– Свидетельствую! – подтвердил Нил и важно поднял руку.

Оба засмеялись. Им было очень славно сейчас, Нилу и Санти. Они были готовы просто танцевать от радости.

– Давай отложим это дело до возвращения! – предложил Нил. – Если мы все разом навалимся на тебя, тебе придется уступить!

– А Генани? – улыбнувшись, спросил юноша. – Думаешь, она тебя поддержит?

– Мы и ее возьмем с собой! – щедро заявил Нил. – Женщина Урнгура – в Империи! Да ее выйдет встречать весь Глориан!

– Ладно! – согласился Санти. – Поговорим, когда вернемся в Урнгур! В таинственный Урнгур! О! – закончил он, понизив голос и округлив глаза.

– Добро! Полежай наверх! – Нил взялся за конец веревки. – Полежай! Я подержу!

Когда они оба взобрались на карниз, Нил сбросил мешок и достал флягу с вином.

– Сполоснем горло! – сказал он, протягивая флягу Санти. – Немного передохнем и поднимемся на плато.

– Я не устал! – ответил юноша.

И это было правдой. Он чувствовал, что жизнь так и бурлит в нем. Санти было весело. И Нилу было весело, тем более что гнетущее чувство, мучившее сына вагара с тех пор как он утратил Дар, ушло. Да и зачем теперь ему Дар? Теперь он вернется домой, на Север, станет тем, кем был до Руны. И у него отличные друзья! Жаль вот, что Ортран...

– Пусть тому, кто шел вместе с нами и ушел, не простившись, будет хорошо там, в Нижнем мире! – сказал великан, сделал глоток и отдал флягу Санти.

– Будет так! – отозвался юноша.

Нил встал, подергал паутинный трос. Крепко! Ох, как ему хочется домой!

Держась за канат, Нил полез вверх. Ноги, привычные к горным кручам, сами находили опору. И все же подъем не был легким. Мешок за спиной тяжело давил на плечи, руки, перебирающие канат, дрожали. Нелегко далась победа. А когда победа дается легко?

Нил преодолел последние десять локтей и перебросил тело на край обрыва. Еще усилие – и он отполз на пару шагов.

«Надо помочь мальчику!» – подумал он.

И тут камень, на котором он лежал, слегка вздрогнул.

«Тысяча демонов! – удивился сын вагара. – Опять! Мы же его...»

Камень еще раз вздрогнул, и на Нила упала тень.

Он поднял голову и увидел огромную массу камня прямо над собой. Оцепенев, Нил смотрел, как масса опускается вниз, опускается на него... нет, рядом с ним, ударяется о скалу в трех локтях от головы Нила. Огромная каменная глыба, нет, колонна! И земля снова легонько вздрагивает, но грохот от удара камня о камень, нет, не грохот, скорее треск, он очень тих для падения такого огромного...

Нил поднял лицо и увидел, что заслонившая небо скала имеет очертания человеческой фигуры, фигуры в сто локтей высотой!

Сердце его остановилось. Невидимая сила прижала Нила к земле. Он не мог ни пошевелинуться, ни закричать, чтобы предупредить Санти. А громадная фигура наклонялась ниже, ниже. Чудовищная ладонь, бугристая ладонь из бурого вулканического камня опускалась сверху. Четыре пальца, каждый – в пять локтей длиной, сомкнулись вокруг Нила, сдавили его, вознесли на столоневую высоту, к огромному, невообразимо огромному и страшному подобию лица. И щель, нет – пещера рта распахнулась, обдала Нила ядовитым серным дыханием бездны, выдохнула:

– Ты!

И эхо грома сорвало лавину с окрестных склонов.

Нил дернулся, но горячие, раскаленные пальцы сдавили еще сильнее, смяли грудь до реберного хруста, задушили, как соединившиеся кольца огромной змеи, лишили всякой надежды.

Нил видел гороподобное, безносое, невообразимое лицо бога в десяти локтях от себя. Ему захотелось закрыть глаза, закрыть их и никогда больше не открывать, чтобы не видеть этого ужаса. Он уже понял, кто перед ним, и дрожал, как от озноба, хотя жар дыхания бога опалял его лицо.

А каменные пальцы сжимались, сжимались медленно, неотвратно, неспешно, давили его, как давят созревший плод, отжимая сок. Неотвратно. Неизбежно.

Не только плоть, саму душу выжимала из Нила огромная раскаленная ладонь. Именно ее, бессмертную часть его существа, выдавливали чудовищные тиски. Чтобы, выдавив, втянуть, всосать в раскаленную бездну. Навеки.

А рука поднималась выше, выше, над исполинской, ноздреватой, бугристой головой – выдавить, раздавить и шваркнуть алый комок в черную стену горы!

И Нил, потерявший все, что имел, потерявший жизнь, разум, любовь, надежду, абсолютно все, что было у него, выплеснул из горла последние крохи воздуха, последние остатки веры в иступленном шепоте-всхлипе:

– Тур...

И успел увидеть мутнеющими глазами, как зашевелился огромный склон горы там, за полумильным провалом. Черный, уходящий отвесно вверх склон зашевелился – и развалился пополам, треснул, разошелся во всю длину, выбросив красную жидкую лаву. И оттуда, из живой раны горы, выдвинулось нечто невообразимое, нечто, ни на что не похожее, отекающее тяжкими лавовыми реками, столь огромное, что не могло, не имело права двигаться. Но оно двигалось, двигалось, отделялось от жаркого лона горы, истекало алым каменным расплавом, исходило дымом, желтым и черным, в синее нежное небо. И что-то длинное вытянулось на невообразимой высоте, потянулось к Нилу, нет, не к Нилу – к тому, кто губил его. И с этого длинного наконец стек магматический, вязкий раствор, и узнал сын вагара ТРЕЗУБЕЦ.

Уши Нила не услышали грома и грохота, но он еще ощутил, как ослабели сжавшие его тиски, как пошла вниз рука жестокого бога, уже забывшего о крохотном червячке-человеке.

Вниз, вниз – до середины каменного необъятного бедра.

И разжалась.

Нил выпал из нее и, не издав ни звука, упал с высоты двадцати локтей на черные камни плато.

А свирепый бог шагнул через пропасть, шагнул навстречу врагу, навстречу величайшему из богов, шагнул, опаляя скалы огненным кольцом Силы.

И столкнулись.

Сантис услышал грохот над головой. Потом – оглушительный взрыв и волну горячего ядовитого воздуха, прижавшую его к скале, заставившую закашляться, задохнувшись. Красный отблеск подземного огня упал на него. А потом – огромная тень, застывшая свет солнца, накрыла его. И ушла. И новый взрыв швырнул его, ударил плечом о камень, закружил, пытаясь оторвать от тонкого каната.

Сантис кричал, но крик его тонул в громах и столах сотрясающейся тверди, в разрядах скреещающихся молний.

– Нил! Нил! – срывая голос, закричал Сантис и стал карабкаться наверх, иступленно, не щадя ни сил, ни ладоней.

Он выдрался из ущелья, вцепившись в вбитый костыль, вскочил, упал, потому что голова его кружилась, а гора содрогалась под ногами.

– Нил! – закричал он.

И увидел Нила.

Распластанный, как растоптанная ногой ящерица, человек лежал в тридцати шагах от

края обрыва. Лежал, неестественно раскинув руки и ноги, на осыпанных пеплом камнях.

Санти, восклицая что-то невнятное, бросился к нему и увидел кровь, собравшуюся под затылком, вытекшую изо рта, из носа, из ушей. Санти схватил Нила за руку, почувствовал что-то твердое и острое под курткой. Но, только заметив окровавленный рукав, понял, что это разорвавший мышцы обломок кости. Понял и, ужаснувшись, отпустил, и рука упала, стукнувшись о камень.

Веки Нила вздрогнули, глаза приоткрылись.

– А... Ты пришел...– прошептал сын вагара, разлепив губы.– Ты пришел...– Санти слышал его так отчетливо, будто не было грома и грохота, будто вокруг была мертвая безнадежная тишина.

– Вот и уходит Нил Биоркит! – шептал между тем Нил. Почти не двигая губами, не открывая рта, из которого тонкой струйкой стекала алая пузырящаяся кровь.– Вот я и ухожу, Санти. Не будет больше Нила. Плохой маг... Я плохой маг, Санти... Потому что люблю, люблю эту жизнь... Именно эту, эту самую жизнь... Очень люблю... потому что плохой маг. Все... Все кончается счастливо... Но... как жаль, Санти...

Нил больше не говорил, но юноша слышал его слова, слышал еще более отчетливо, чем раньше:

«Кончилась, Санти! Не будет ничего. Ни света, ни вина, ни снега, скрипящего под ногой. Не будет моря. И губ, нежных и теплых, мягких и чудесных губ, не будет их прикосновений, и шепота их тоже не будет. Как жаль, Санти! Как жаль, что не будет Нила. Никогда. Друзья. Вы скажете: трудное дело! Был бы с нами Нил, было бы легче. А Нила нет. Как жаль, Санти! Как жаль!..»

И правая, не сломанная, рука шевельнулась, поползла по камню, ткнулась в колено Санти. И он схватил ее, нет, взял бережно и, наклонясь над лицом, широким и добрым, выдохнул во вздрагивающие, пытающиеся улыбнуться губы:

– Нил! Нил! Пожалуйста! НЕ УМИРАЙ!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ